ФРОНТОВОЙ АЛЬБОМ

Сборник документов и воспоминаний

Комитет по развитию информационных технологий
и связи Мурманской области

Государственное областное казенное учреждение
«Государственный архив Мурманской области»

ФРОНТОВОЙ АЛЬБОМ

Сборник документов и воспоминаний

*К 70-й годовщине Победы
в Великой Отечественной войне
1941–1945 годов и 70-летию разгрома
немецко-фашистских войск в Заполярье*

Мурманск
2015

ББК 63.3 (2)622

Ф 91

Издание подготовлено в соответствии с Планом мероприятий
по подготовке и проведению празднования 70-й годовщины
Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и разгрома
немецко-фашистских войск в Заполярье, утвержденным распоряжением
Губернатора Мурманской области от 22.09.2014 № 166-РГ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. А. Пыхтина, начальник отдела архивов Комитета по развитию информационных технологий и связи Мурманской области (руководитель);
А. А. Киселев, участник Великой Отечественной войны, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник МГГУ (научный редактор);
В. А. Новиков, директор ГОКУ ГАМО;
С. Г. Руденко, главный хранитель ГОКУ ГАМО.

СОСТАВИТЕЛИ:

С. А. Заборщикова, заместитель директора – начальник отдела научного использования и публикации архивных документов (НИиПАД) ГОКУ ГАМО (ответственный составитель);
Е. А. Волосникова, главный архивист отдела НИиПАД ГОКУ ГАМО;
С. А. Гладун, ведущий архивист отдела НИиПАД ГОКУ ГАМО;
Д. А. Ермолаев, главный археограф отдела НИиПАД ГОКУ ГАМО.

Ф 91 Фронтовой альбом : сборник документов и воспоминаний : к 70-й годовщине Победы в ВеликойОтечественной войне 1941–1945 годов и 70-летию разгрома немецко-фашистских войск в Заполярье / Ком. по развитию информ. технологий и связи Мурм. обл., Гос. обл. казен. учреждение «Гос. арх. Мурм. обл.» ; [сост.: С. А. Заборщикова и др. ; редкол.: Н. А. Пыхтина и др.]. - Мурманск : РУСМА (ИП Глухов А. Б.), 2015 . – 312 с. : ил.

ISBN 978-5-905917-07-3

В настоящий сборник вошли документы из фондов государственных архивов Мурманской области и Мурманского областного краеведческого музея. Основу сборника составляют воспоминания участников обороны Заполярья, фронтовые письма, дневниковые записи военных лет и другие архивные документы, позволяющие воссоздать историческую и социально-психологическую атмосферу лет, ставших тяжелым испытанием для нашего народа.
Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 63.3 (2)622

© Отдел архивов Комитета по развитию информационных технологий и связи Мурманской области, Мурманск, 2015

© Государственное областное казенное учреждение «Государственный архив Мурманской области» (ГОКУ ГАМО), Мурманск, 2015

© Государственное областное казенное учреждение «Государственный архив Мурманской области в г. Кировске» (ГОКУ ГАМО в г. Кировске), Кировск, 2015

© Государственное областное автономное учреждение культуры «Мурманский областной краеведческий музей» (ГОАУК «Мурманский областной краеведческий музей»), Мурманск, 2015

ISBN 978-5-905917-07-3

Содержание

Предисловие 9

От составителей 15

Раздел I. Боевые действия на Кольском полуострове в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг.

Из дневника Великой Отечественной войны М. И. Старостина – об оборонительных боях на Мурманском и Кандалакшском направлениях 21

Из статьи А. П. Жильцова «Начало боевых действий на Мурманском направлении (июнь–июль 1941 г.) (приграничное сражение)» – о боях 14-й сд в районе Титовки 25

Из воспоминаний Ф. М. Свиньина об оборонительных боях на Мурманском направлении в июне–сентябре 1941 г. – о боях 95-го сп 14-й сд и о высадке десанта в районе мыса Пикшуев 28

Из воспоминаний С. И. Кулешова о боевых действиях 52-й стрелковой дивизии на Мурманском направлении в июле–сентябре 1941 г. – о боях 58-й сп за высоту 314,9, вручении дивизии гвардейского знамени 32

Из воспоминаний И. В. Белова о дважды Герое Советского Союза гвардии подполковнике Б. Ф. Сафонове – о боевых вылетах и последнем бое Сафонова 30 мая 1942 г. 35

Из воспоминаний Н. И. Волкова о 221-й артиллерийской батарее 113-го отдельного артиллерийского дивизиона Северного флота – об уничтожении первого немецкого тральщика в Печенгском заливе 38

Из повести Я. Д. Скробова «Артиллерия – гордость моя. (Воспоминания артиллериста)» – о боях за полуостров Средний 30 июня 1941 г. 40

Из воспоминаний Н. А. Руденко о боевых действиях на Мурманском направлении – о появлении первого немецкого военнопленного в г. Полярном в июне 1941 г., о гибели сторожевого корабля «Туман» 10 августа 1941 г., о высадке десанта на занятое немцами норвежское побережье осенью 1942 г. 44

Из очерка Я. Д. Скробова «Сын артиллериста (история одного подвига)» – о подвиге И. А. Лоскутова (полуостров Рыбачий, июль 1941 г.), легшем в основу поэмы К. М. Симонова «Сын артиллериста» 47

Из воспоминаний М. П. Логинова о боевых действиях 52-й сд – об участии в боях в районе реки Западная Лица в июле 1941 г. 51

Из очерка М. Л. Вассермана «Коммунист, ветеран – дважды защитник Заполярья» – об однополчанине, лейтенанте Н. И. Шапкине (июль, сентябрь 1941 г.) 56

Из воспоминаний Ф. М. Ивакова о боевых действиях пограничников 82-го пограничного отряда в июне–августе 1941 г. – о боевой операции в районе р. Лотта и разгроме финского батальона 58

Из воспоминаний С. В. Коломийца «Полярная дивизия» – о формировании дивизии (до 14 сентября 1941 г.), о ее значении в провале сентябрьского наступления противника на Мурманском направлении 62

Из воспоминаний Н. И. Шапкина о 1-й Полярной дивизии – о формировании 2-го Полярного полка 67

Из воспоминаний В. П. Барболина об участии в боях за Большую сопку хребта Муста-Тунтури в сентябре 1941 г. – о разработке и выполнении боевой операции 71

Из воспоминаний П. И. Ичетовкина о боевых действиях 100-го погранотряда – об участии в боевой операции по взрыву моста через реку Титовка в октябре 1941 г. 76

Письма А. И. Павлова с фронта другу Н. А. Измайлову 77

Письмо А. А. Сакова с фронта родным 79

Письмо А. И. Павлова с фронта отцу Павлову Ивану Алексеевичу 80

Из воспоминаний З. И. Хабарова о событиях Великой Отечественной войны – о доставке грузов на полуостров Рыбачий буксирным пароходом «Кола» 80

Из воспоминаний Е. П. Аксенова о событиях на Северном флоте – о добыче рыбы и изготовлении рыбьего жира весной 1943 г. для гарнизона полуостровов Средний и Рыбачий 83

Из очерка Н. И. Волкова «Музыкальная история» – о талантливых музыкантах-фронтовиках, сражавшихся на Муста-Тунтури 84

Из воспоминаний Д. Г. Соколова о боевых действиях авиации Северного флота – о воздушных боях 1941 г., пленении немецкого аса Р. Мюллера, авиационной технике союзников 86

Из воспоминаний Д. С. Гончаренка «Мартовское крещение» – об участии в разведывательной операции в районе аэродрома Луостари и воздушном бое 27 марта 1943 г. 90

Из воспоминаний А. И. Малыгина об участии в боевых действиях Северного флота – о высадке десанта морской пехоты в 1942 г. в районе мыса Пикшуев 93

Из воспоминаний А. Т. Караваева «Тверже гранита» – о высадке разведывательно-диверсионных десантов в районе опорных пунктов Могильный, Обергоф и Фишерштейн в сентябре 1942 г. 96

Из воспоминаний В. К. Елфимова об участии в арктических конвоях – о плавании на пароходе «Чернышевский» в период с 8 августа 1942 г. по 9 августа 1943 г. 98

Из воспоминаний Н. М. Наталич (Бородиной) об участии в арктических конвоях – о гибели парохода «Декабрист» 4 ноября 1942 г., о нахождении в плену на территории Норвегии осенью 1943 г. – весной 1945 г. 104

Из воспоминаний Н. К. Величко об участии в боевых действиях Северного флота – об одном из боевых походов подводного линейного заградителя «Л-20» в августе 1943 г. 107

Из воспоминаний С. Д. Куроедова «Записки партизана» – о создании партизанских отрядов, боевом походе в декабре 1942 г. – январе 1943 г., организации охраны и отдыха в походе и на базе, результатах боевой деятельности 110

Из дневника партизанского отряда «Советский Мурман» 122

Из воспоминаний В. Н. Дерябиной о Великой Отечественной войне – об участии в боевых походах партизанского отряда «Большевик Заполярья» 124

Из письма А. П. Усолкиной (Артемьевой) сотруднику Мурманского партийного архива о партизанском отряде «Большевик Заполярья» – о товарищах по отряду 126

Из воспоминаний Д. А. Подоплекина «Незабываемое» – о действиях партизанского отряда «Полярник» на Кандалакшском направлении 127

Из воспоминаний И. И. Шипицына «На охране Заполярного неба» – о действиях 1-го корпуса ПВО по защите Мурманска и других городов Мурманской области от налетов вражеской авиации 130

Раздел II. Прифронтовая Мурманская область. Взаимодействие фронта и тыла

Статья М. И. Старостина «Фронт и тыл Советского Заполярья» для журнала «Партийное строительство» 135

Заявления добровольцев в Кандалакшский районный военный комиссариат об отправке на фронт 138

Из воспоминаний С. В. Орлова о строительстве дороги в Титовку и Сайда-Губу в августе–декабре 1941 г. – о героическом труде жителей Архангельска и Мурманска в суровых условиях Севера 140

Из воспоминаний Г. Г. Тисленко «Траловый флот в годы Великой Отечественной войны» – о рыбном промысле в суровых условиях военного времени, о героическом труде рыбаков 141

Из воспоминаний М. В. Титова о работе во время Великой Отечественной войны – об особенностях вылова и обработки рыбы в военные годы 150

Из воспоминаний А. А. Мокрецова о работе на военизированном траловом флоте – о морских минах, налетах вражеской авиации во время промысла, ремонте судна своими силами без захода в порт 152

Из воспоминаний А. Г. Михайлова «Путь капитана за 40 лет работы от матроса до флаг-капитана в Мурманском траловом флоте» – о рыбном промысле в годы Великой Отечественной войны 154

Из воспоминаний В. А. Прокофьева о сопровождении эшелона с рыбной продукцией из Мурманска в блокадный Ленинград – о трудностях продвижения по железной дороге, по «дороге жизни» через Ладожское озеро 157

Из воспоминаний А. П. Двинина о Мурманске в годы Великой Отечественной войны – о ремонте рыболовных траулеров на Мурманской судоверфи 159

Из воспоминаний С. П. Предко о прифронтовом Мурманске – о работе в штабе МПВО Мурманского рыбного порта, последствиях налетов вражеской авиации 160

Из воспоминаний М. А. Журавлевой «Комсомольская организация Мурманского торгового порта в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» – о примерах героизма комсомольцев на трудовом фронте 162

Из воспоминаний П. И. Мелехова о работе железнодорожников в годы Великой Отечественной войны – о восстановлении железнодорожного пути после налета вражеской авиации 164

Письмо А. И. Павлова другу Н. А. Измайлову 165

Письмо Н. И. Лебедева из г. Мурманска родным, эвакуированным в г. Елец Липецкой области 166

Из воспоминаний М. И. Хазовой о Великой Отечественной войне – о жизни в прифронтовом Мурманске и в эвакуации 166

Из дневника А. С. Крылова «Записи, сделанные в дни Великой Отечественной войны в Заполярье, г. Мурманск. 1941–1942 гг.» – о бомбардировке Мурманска вражеской авиацией, о Мурманской наступательной операции (апрель–май 1942 г.) 168

Из воспоминаний Е. Д. Владыкиной «История дружины Кировского района гор. Мурманска» – о героических буднях дружинниц, о бомбардировке Мурманска 18 июня 1942 г. 171

Боевые счета дружинниц Кировского района города Мурманска в очагах поражения после налетов вражеской авиации 183

Письмо Я. Г. Ненахова с фронта племяннику Жоре 189

Письмо М. В. Трифонова с фронта матери Трифоновой Таисии Григорьевне и отцу Трифонову В. 189

Из воспоминаний В. Ф. Воропанова о Великой Отечественной войне – детские впечатления о жизни в районе Росты и в Мончегорске 190

Из воспоминаний С. И. Кухарской о Великой Отечественной войне – детские впечатления о жизни в прифронтовом Мурманске, праздновании Нового года в 1944 г. 193

Из воспоминаний А. Я. Кровицкого «О состоянии медицинского обслуживания населения г. Мурманска в годы Великой Отечественной войны (историческая справка)» – о Мурманской городской больнице № 2 и Областной станции переливания крови 195

Из статьи Л. А. Клюшевой «Культура и искусство Мурманской области в годы Великой Отечественной войны» – о создании и деятельности концертных бригад, творчестве скульптора Л. Кербеля и других деятелей культуры и искусства 197

Из письма В. А. Подобедова Л. А. Клюшевой с воспоминаниями о детском театре кукол – о работе в годы Великой Отечественной войны 205

Из воспоминаний Г. В. Елисеева «Гор. Кандалакша в годы Великой Отечественной войны» – о роли прифронтового города в разгроме немецко-фашистских войск в Заполярье 208

Из воспоминаний П. И. Моторина о строительстве оборонительных сооружений на Кандалакшском направлении – о создании оборонных укреплений в районе Алакуртти 213

Из воспоминаний С. К. Бондарь «Комбинат «Апатит» в годы Великой Отечественной войны» – о разработке технологии выработки карбида кальция для ремонта самолетов, боевых машин 215

Из воспоминаний В. Н. Аккуратова «По дорогам Великой Отечественной войны» – о первом налете вражеской авиации на г. Кировск 217

Из воспоминаний Т. И. Колововой о Великой Отечественной войне – о жизни в эвакуации в Удмуртской АССР вместе с воспитанниками детского сада (июль 1941 г. – октябрь 1945 г.) 222

Из воспоминаний А. Г. Ульяновой (Виноградовой) о деятельности 362-го отдельного истребительного батальона войск МПВО НКВД – о службе в медико-санитарной роте 224

Раздел III. Разгром немецко-фашистских войск в Заполярье. Октябрь 1944 г. Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Воспоминания Х. А. Худалова «Петсамо-Киркенесская операция» – о подготовке и проведении наступательной операции в октябре 1944 г. 229

Благодарственное письмо отцу лейтенанта А. И. Павлова Павлову Ивану Алексеевичу от руководства подразделения 237

Письмо А. И. Павлова с фронта отцу Павлову Ивану Алексеевичу 238

Письмо Павлову Ивану Алексеевичу о смерти сына А. И. Павлова 238

Из заметок Л. С. Лебедева «Опыт работы агитатора Н-ского гвардейского стрелкового полка гвардейской дивизии гвардии генерал-майора Худалова – капитана Ионова Александра Ивановича в наступательном бою в Заполярье» – о работе агитатора во время Петсамо-Киркенесской операции 239

Из воспоминаний В. П. Кудымовой (Белкиной) о выпускницах женской снайперской школы – об участии в Петсамо-Киркенесской операции 242

Очерк Е. И. Майкова «Инженерное обеспечение боевых действий войск в Заполярье (Петсамо-Киркенесская операция)» – о подготовке исходного района для наступления, инженерном сопровождении войск во время наступательной операции 247

Из воспоминаний Г. Е. Передельского «Артиллеристы в боях за освобождение Советского Заполярья (воспоминания командира артиллерийского полка)» – о марше в район боевых действиях и боях за Никель во время Петсамо-Киркенесской операции 253

Из очерка А. Ф. Лаврентьева «Сполохи над Лапландией» – об участии 44-го гвардейского минометного полка реактивной артиллерии в Петсамо-Киркенесской операции в октябре 1944 г. 258

Докладная записка М. И. Старостина об учреждении медали «За оборону Мурманска» 262

Из воспоминаний В. А. Доричева об участии в проводке конвоя в Баренцевом море в январе 1945 г. – о поединке с подводными лодками противника 264

Из воспоминаний В. С. Пилюгина об участии эскадренного миноносца «Грозный» в сопровождении транспорта союзников в начале 1945 г. – о боевых действиях по уничтожению подводной лодки противника 267

Письмо Э. И. Сидорова с фронта родным 269

Из воспоминаний Ф. К. Шаповалова «Штурм логова Гитлера» – о взятии имперской канцелярии Гитлера 269

Из воспоминаний Н. Ф. Агейкина «Дни всенародного торжества» – об участии в Параде Победы 277

Приложения

Хроника основных событий периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Кольском Севере 281

Список сокращений 283

Сведения об авторах публикуемых документов 285

Перечень использованных источников и литературы 297

Перечень выявленных, но не опубликованных в сборнике архивных документов 299

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории человечества было много битв и сражений, но война антигитлеровской коалиции с нацизмом и японским реваншизмом занимает особое место. Вторая мировая война, начавшаяся нападением фашистской Германии на Польшу в сентябре 1939 г. и продолжавшаяся до сентября 1945 г., охватила все континенты и океаны планеты Земля. В ней участвовали более 60 государств, и лишь 6–7 стран пытались сохранить нейтралитет. Однако и эти попытки остаться в стороне от войны были тщетными: Швейцария продолжала субсидировать империалистических акул, Швеция всю войну снабжала Германию железной рудой, а франкистская Испания даже послала на Восточный фронт свою «Голубую дивизию».

Вторая мировая война была самой кровавой из всех сражений в истории. Она унесла более 50 миллионов человеческих жизней. Были уничтожены сотни городов, тысячи деревень и промышленных предприятий, стерты с лица земли целые государства.

Огромные потери в войне понесла наша Родина, особенно в тяжелые месяцы 1941–1942 гг. Миллионы красноармейцев попали в плен и погибли в концлагерях. Огромная территория СССР была оккупирована фашистами. За годы Великой Отечественной войны СССР потерял 27 млн человек.

Вот почему россияне не забывают военные события 1941–1945 гг., чтут память погибших и дорожат мирной жизнью.

1. Помнить о войнах и погибших – наш общий долг

Среди миллионов погибших в годы Второй мировой войны немало и наших земляков.

Сборник документов и воспоминаний «Фронтовой альбом» – наш долг, оставшихся в живых, почтить память северян, не вернувшихся с той страшной войны.

Когда меня попросили, как участника Великой Отечественной войны и профессионального историка, написать предисловие к сборнику, мне подумалось: «А что еще можно сказать о событиях 1941–1945 гг.». Ведь уже написаны десятки книг, сотни статей на эту тему. Да и воспоминаний опубликовано много: достаточно вспомнить мемуары А. Г. Головко, К. А. Мерецкова, Н. Г. Кузнецова, В. И. Щербакова, М. И. Старостина. К каждой юбилейной дате (20, 30, 40, 50 лет Победы) выходили сборники воспоминаний участников тех событий. И вот опять «Воспоминания...».

Однако знакомство с материалами сборника показало, что историография истории войны в Заполярье – тема неисчерпаемая. В этот раз авторы воспоминаний дают массу нового материала о войне на Крайнем Севере, пишут о событиях, которые до последнего времени были либо туманными, либо спорными (бои на Титовке летом 1941 г. или майские операции 1942 г.). Авторы воспоминаний дают новую интерпретацию ряда фактов того времени.

2. О тематике сборника и поисках истины

В воспоминаниях, собранных в этом «Фронтовом альбоме», затронуто так много тем военной жизни Заполярья, что я поначалу даже растерялся: как все это удастся

систематизировать и уложить в один переплет. Ведь участники войны вспоминают все: мобилизацию и эвакуацию, бои на границе и в Баренцевом море, рассказывают о госпиталях и строительстве дорог, о партизанах и десантниках. В сборнике показаны все районы боев – на суше и на море, в воздухе и в тылу врага, описана деятельность тыла (ближнего и дальнего), работа портовиков и железнодорожников, судоремонтников и рыбаков.

Участники войны вспоминают о пограничниках и летчиках, моряках и артиллеристах, разведчиках и десантниках. Воссоздана картина боев в Заполярье как на отдельных участках Северного (с августа 1941 г. – Карельского) фронта, так и в Баренцевом море. Не забыли составители сборника и вклад в дело Победы рыбаков Мурманска. В большинстве воспоминаний, а они написаны в 60-е – 80-е годы XX века, изложена правдивая история того, что происходило на Кольском полуострове в 1941–1945 гг., названы имена сослуживцев и героев тех боев.

Как началась Великая Отечественная война на Титовском оборонительном рубеже, рассказывает ветеран А. П. Жильцов. Он описал развертывание войск в период с 22 по 27 июня и начало активных действий немцев с 27 июня. Автор воспоминаний показывает, что сложившееся мнение, что немцы на Титовке перешли в наступление в 3 часа ночи 29 июня, не совсем точно. Два больших авианалета (около 30 немецких бомбардировщиков) фашисты совершили уже 27 июня, а 28 июня в авианалете участвовало 40 Ю-87 и Ю-88. Во взводе участника боев из 20 ездовых лошадей было убито 9, появились убитые и раненые и среди артиллеристов.

Вспоминает Жильцов и генерала А. А. Журбу: «Он был в каске, на плечи была накинута плащ-палатка. С генералом был начальник штаба артиллерии дивизии капитан Крылов. Командир дивизии ставил задачу занять оборону по высотам и восточному берегу реки силами отошедших от границы войск 14-й с. д.». Эти воспоминания позволяют сомневаться в версии отхода Журбы по левобережью Титовки на полуостров Средний.

О боях на Титовке рассказывает в воспоминаниях и заместитель командира 95-го с. п. Ф. М. Свиньин. Он прибыл в полк 23 июня и увидел, что граница практически не укреплена: из 12 дотов ни один не был готов («Картина была не только неприглядной, но страшной», «подразделения полка были укомплектованы менее чем на 60%»). Бои рано утром 29 июня начались с внезапного немецкого артиллерийского обстрела и авианалета. Но наши пограничники и пехота сражались мужественно.

Эти и другие воспоминания еще раз показывают, что из всех родов войск лучше всех вели себя в приграничном сражении артиллеристы. А вот наша разведка и связь оказались не на высоте.

Все очевидцы летних сражений сорок первого года говорят о кровопролитных боях на Титовском рубеже, а сколько было в те дни и ночи рукопашных схваток! Почти общим правилом было, что раненые, еще имеющие силы держать оружие и стрелять, отказывались от эвакуации в тыл и продолжали сражаться. Из воспоминаний видно, что исследователи войны еще не оценили по-настоящему подвиг пограничников, артиллеристов и пулеметчиков Заполярья.

Об ожесточенных боях на хребте Муста-Тунтури в сентябре 1941 г. вспоминает разведчик В. П. Барболин. Дело было в сентябре 1941 г., в описываемой операции участвовали две группы из состава 23-го укрепленного района. В основной группе, штурмующей позиции немцев в лоб (она состояла из 70 человек, а горных егерей было раз в пять больше), и находился автор воспоминаний.

О боях на полуострове Средний летом 1941 г. рассказал и артиллерист Я. Д. Скробов. Он был участником тяжелого сражения 30 июня 1941 г., когда Северный флот прислал для огневой поддержки пехоты эсминцы «Куйбышев» и «Урицкий». Североморцы поддержали обороняющихся артиллерийским огнем, сами выдержали три воздушных атаки немецких «Юнкерсов». Второй отрывок воспоминаний Я. Д. Скробова посвящен подвигу И. А. Лоскутова, описанному в поэме Константина Симонова «Сын артиллериста».

Воспоминания сборника показывают войну в Заполярье в разное время: начало военных действий летом 1941 г., боевые действия в 1942 г., во время противостояния советских и немецких войск в период обороны 1943 г. и контрнаступление осенью 1944 г. (Петсамо-Киркенесская операция).

В этом сборнике десятки и даже сотни историй солдат и офицеров, воевавших в Кольском Заполярье в 1941–1945 гг. Их авторы опираются только на реальные факты и события, связанные с их жизнью. Эти люди не только видели войну, но и принимали участие в боевых операциях либо на суше, либо на море. Их воспоминания помогают нам восстановить ход исторических событий, они рассказывают правду, которая на протяжении десятилетий скрывалась под грифом «Совершенно секретно».

Как явствует из воспоминаний, самое тяжелое время в обороне Заполярья пришлось на лето 1941 г. Поражение на Титовском оборонительном рубеже было виной не солдат 95-го стрелкового полка, пограничников и бойцов отдельного механизированного дивизиона. Это был общий просчет командования 14-й армии. Ее силы были разбросаны по побережью и в глубине Кольского полуострова, а немцы создали численный и технический перевес на Титовке. Недостаток сил, плохая связь, отсутствие поддержки авиации тоже сыграли свою роль. Да и действия комдива-14 были либо ошибочны, либо гибельны как для него самого, так и для дивизии.

Конечно, и в этих воспоминаниях есть немало субъективного. Так было в советское время, так существует и сегодня. До полной откровенности и стопроцентной истины и в этих воспоминаниях еще далеко. В описаниях, сделанных в 50-х – 60-х гг., чувствуется и сдержанность оценок, и определенная политизированность изложения. Но составители сборника постарались эти части воспоминаний оставить «за кадром».

3. О других проблемах, поднятых в мемуарах участников войны

В сборнике несколько десятков авторов, и каждый из них, вспоминая прошлое, задевал какую-то проблему. Одни говорили о причинах неудач сорок первого года, другие – об успехах той или иной операции. В воспоминаниях много людей и событий – обыденных и трагических.

Читаешь эти строки и думаешь, что истина о Великой Отечественной войне складывается из различных правд. Она у каждого своя. У одних – трагическая, у других – радостно-оптимистическая, у третьих – полная глубокого философского смысла.

И тем не менее, как недавно сказал директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский, «чтобы нести людям свою личную правду, надо иметь на это право». И авторы воспоминаний и документов, представленных в сборнике, это право заслужили, ведь недаром многие улицы наших городов носят имена людей, о которых идет речь в книге, – М. И. Старостина, И. Д. Папанина, Б. Ф. Сафонова, А. Г. Торцева, А. Ф. Бредова и других.

Чтение этой книги дает читателю ощущение, что война, какой бы ни был ее исход, антигуманна, бесчеловечна и в принципе бессмысленна. Это ощущение превращается в постулат, что войны должны быть исключены из нашей жизни.

Читая и анализируя воспоминания и письма участников войны в Заполярье, невольно задумываешься: а в чем истоки героизма и отваги, мужества и стойкости советских солдат и матросов? Говорить о любви к Сталину не приходится, он был недосягаем. Утверждать о руководящей роли ВКП(б) тоже абстрактно. В войну мы не думали о присяге, не говорили о патриотизме и высоких материях. В окопах или на привалах речь шла о житейском и насущном – о еде, обмундировании, обуви (как бы обменять американские ботинки на кирзовые сапоги). Говорили о девушках, женах,

родственниках, что пишут из дома, о приближающихся праздниках и об обстановке на своем участке фронта и не задумывались о будущем дальше завтрашнего дня.

Как известно, большая часть маршевых рот выбывала (убитыми или ранеными) в первую неделю активных боевых действий. И тут главным законом солдата было не отстать от других, но и не забегать вперед, помнить о приказе, видеть свое место в ходе боя. Инстинкт самосохранения становился нормой поведения, всякий героизм, пожалуй, происходил спонтанно, когда возникали требующие его обстоятельства: выполняй полученный приказ до конца, не подводи товарищей. В войну обстановка часто неожиданно менялась, при резкой ее смене раздумывать, что делать, было практически некогда. Так рождались подвиги Ивана Сивко, Анатолия Бредова, Михаила Бабикова, Саши Ковалева. Они гибли, не думая о славе, о том, как будет оценен их поступок.

Опубликованные в этом сборнике документы помогут читателю воочию окунуться в реальные события Второй мировой войны и почувствовать горячее ее прикосновение, увидеть огонь, дым, кровь... Да, и на Кольском Севере война была жестокой и бесчеловечной. И здесь, как и на всем огромном советско-германском фронте, были и значительные победы, и крупные неудачи.

Одной из главных проблем воспоминаний является вопрос о потерях, о цифрах убитых, раненых, без вести пропавших (а ведь таких в Великую Отечественную войну было около 2 миллионов).

Я пишу это вступление-предисловие к данному сборнику документов и воспоминаний с чувством благодарности всем участникам войны 1941–1945 гг., живым и мертвым, и болью в сердце. И думается, что мы нередко забываем об их вкладе в дело Победы над фашизмом, недостаточно его ценим.

4. О женщинах и детях

Особое место в этом сборнике занимают страницы, посвященные женщинам и детям Заполярья. Место и роль женщин в войне – отдельная тема в истории России. Из десяти-одиннадцати миллионов военнослужащих Красной Армии 800 тысяч составляли женщины. И в Заполярье они воевали санинструкторами и телефонистками, радистками и снайперами. В основном девушки составляли службу МПВО и зенитных частей.

Мурманчанкам старшего поколения хорошо знакомо имя Екатерины Даниловны Владыкиной. Она оставила книгу «Дружинницы, подруги мои!». Но в тех воспоминаниях Е. Д. Владыкиной, что опубликованы в данном сборнике, есть и новый материал. Она вспоминает о своих подругах-мурманчанках – участницах событий грозного 1942 г. Особый интерес в записях Е. Д. Владыкиной представляют воспоминания о бомбежках и потерях летом сорок второго года в Мурманске.

Немало нового найдет читатель и в воспоминаниях бывших партизан. Если ранее ветераны вспоминали лишь позитивные моменты, героизм и отвагу в боях, самоотверженность и твердость духа, то в этой книге много описаний тяжелых условий военных действий, трагедий и поражений. С. Д. Куроедов без прикрас описывает «ледовый поход», рассказывает о быте и тяжелых походах. Есть новые моменты о роли женщин и в воспоминаниях командира партизанского отряда Д. А. Подоплекина.

Читатели, несомненно, обратят внимание на воспоминания мурманчанок-партизанок Валентины Николаевны Дерябиной и Александры Петровны Усолкиной, а также – судового врача Наталии Матвеевны Наталич (Бородиной). Сколько страданий ей пришлось пережить после гибели парохода «Декабрист». Это 14-дневные скитания в шлюпке по северному морю. Это и борьба за жизнь на необитаемом острове, это и мучения в концлагере в Норвегии. Судовой врач пережила и голод, и отсутствие пресной воды, и избиения, но осталась человеком. Как она спасала свою любимую

кошку, как не предала товарищей, как верила в то, что Родина спасет оставшихся в живых, – обо всем этом ее рассказ.

Я знал партизанку Валентину Дерябину, жительницу Кандалакши, по общественной работе в Мурманской области в 60-е – 90-е годы. И как-то на встрече ветеранов в Кандалакше она поведала мне, как ей, тогда молодой девушке (она с 1926 г.), пришлось нелегко в партизанском отряде. Какие лишения довелось ей пережить в годы войны. А в опубликованных воспоминаниях она пишет, что девушки «выполняли любую работу и не связанную с медициной: во время отдыха на партизанской базе они следили за санитарным состоянием землянок и готовили пищу, стирали и гладили белье, штопали носки, топили баню... выполняли многие другие работы, никогда ни от какой из них не отказывались».

Наряду с женщинами в событиях 1941–1945 гг. активное участие принимали и дети Кольского Севера. Укоренившееся мнение, что летом 1941 г. из Мурманской области были эвакуированы все дети, несостоятельно. Не одна сотня ребятишек оказались не включенными в списки эвакуации и дети остались там, где они жили до войны: на окраинах городов, в маленьких поселках и заброшенных домах. Эвакуация практически не затронула и восточную часть Кольского полуострова. Эти мальчишки и девчонки искали место, где можно было прокормиться и выжить. Они группировались около воинских частей (поближе к солдатским кухням), вокруг госпиталей и больниц, на вокзалах и вблизи порта. Те же, у кого были родственники, стали помогать взрослым: рыли щели, заклеивали окна бумажными лентами из газетных листов, дежурили на крышах домов, сбрасывали оттуда зажигательные бомбы во время вражеских авианалетов.

Ребята постарше были включены в дружины МПВО и отряды истребителей. Сколько «шпионов» выловили они в окрестностях Мурманска, Мончегорска, Кировска и Кандалакши (шпиономания была одной из «болезней» начального этапа войны)...

О том, как эвакуировали маленьких детей из Кировска в июле 1941 г., рассказывает в книге воспитательница детсада Татьяна Ивановна Колованова: как 2 июля 1941 г. к Кировскому вокзалу подали поезд и родители стали прощаться с малышами, как ехали 10 суток на восток, как их встретили в Ижевске, как развезли по районам Удмуртской АССР. Пишет Т. И. Колованова и об учебе первоклассников, и о заботе колхозников об их детдоме и, главное, радуется, что все дети в 1945 г. вернулись в Кировск.

Особо хочется обратить внимание читателей и историков-исследователей на воспоминания Владимира Федоровича Воропанова и Светланы Ивановны Кухарской. Сколько искренности и деталей в этих детских впечатлениях о жизни в прифронтовых Мурманске и Мончегорске: первый рассказывает о дне 22 июня 1941 г. – утро «было облачным, прохладным, без дождя», о том, как рыли щели («построенное нами убежище многократно спасало всех нас от пуль из самолетов фашистских стервятников...»), «с питанием было очень плохо. Помню, в магазинах все продукты исчезли на второй день после объявления войны... Мы голодали».

Светлана Ивановна Кухарская встретила войну 12-летней девочкой, их семья жила в доме № 44 на проспекте Сталина (ныне № 76 на пр. Ленина). Она вспоминала, что «каменные дома, которые были в Мурманске еще до войны, были прозрачные, так как внутри было все сожжено, остались лишь целые углы либо части крайних домов, в них еще жили люди».

Вспоминала Светлана Ивановна и встречу Нового 1944 года в городском бомбоубежище, и рассказывает очень тепло о союзниках-американцах.

Я специально затронул в предисловии тему «Война и дети» по двум соображениям. Во-первых, чтобы подчеркнуть, что Великая Отечественная война носила всенародный характер – воевали все россияне: от пионеров до стариков. Во-вторых,

хочется поднять престиж таких общественных организаций, как «Дети Великой Отечественной войны», «Дети военного Мурманска». Люди, входящие в эти организации, передают свою память о войне следующим поколениям. А это важно – хранить память о Великой войне и нашей Победе.

5. Вместо выводов

В чем отличие этого сборника воспоминаний от других аналогичных публикаций?

Во-первых, он отличается новизной исторического материала, обилием прежде неизвестных сведений о тех или иных событиях 1941–1945 гг. Вот только одна проблема – о соотношении сил в Заполярье летом 1941 г.

Бытовавшее ранее мнение, что в первые дни войны у русских не хватало оружия, к Заполярью не относится. В Титовке были огромные склады с вооружением и боеприпасами, имелось оружие и в Мурманске, Полярном, Кандалакше. Другое дело, что наше вооружение уступало иногда немецкому (у них автоматы, а у нас винтовки, в авиации у Германии «Мессершмитты», а у нас «ишаки»). Да и ситуация изменилась к сентябрю, к моменту формирования Полярной дивизии (см. воспоминания С. В. Коломийца).

Главное было в другом. Немцы, особенно горные егеря, имели большой опыт ведения войны, они были лучше экипированы, обеспечены всем необходимым, начиная с прикрытия авиацией и кончая теплой одеждой и горными ботинками. Немцы воевали «комфортнее», чем русские солдаты.

Во-вторых, в сборнике больше правды, чем в ранее изданных книгах и публикациях о войне. И, безусловно, больше объективности и истинности в описании событий в Заполярье в 1941–1945 гг.

В этой книге подняты такие вопросы, которых, то ли по политическим мотивам, то ли по цензурным соображениям, раньше не касались (трудности снабжения, перебои в питании, болезни, дезертирство, суициды и т.д.).

Также надо отметить, что в этом сборнике шире круг авторов, чем в предыдущих изданиях. Среди авторов воспоминаний люди разных возрастов, национальностей, профессий, армейских званий. И очень хорошо, что в книгу включены воспоминания первого секретаря Мурманского обкома ВКП(б) М. И. Старостина из его «Дневника войны».

3 марта 2015 г.

Доктор исторических наук,
профессор А. А. Киселев.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

На одном из памятников мемориального музейного комплекса на Бородинском поле можно прочесть: «Доблесть родителей — наследие детей. Все тленно, все преходяще, только доблесть никогда не исчезнет — она бессмертна».

Публикация документов, особенно документов личного происхождения, повествующих о событиях Великой Отечественной войны, в наши дни актуальна как никогда.

Своеобразие документов личного происхождения (воспоминаний, дневников и писем) как исторических источников заключается в том, что события и факты реальной жизни отражены в них через личностное восприятие конкретных людей, являющихся очевидцами, а нередко и участниками происходивших событий.

Государственный архив Мурманской области подготовил сборник архивных документов и воспоминаний, посвященный 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и разгрома немецко-фашистских войск в Заполярье.

Издание получило название «Фронтовой альбом»: на его страницах составители стремились запечатлеть наиболее яркие и памятные эпизоды военных лет в истории Кольского Севера, сохранить символичные для эпохи приметы времени.

Отбирая документы для настоящего сборника, составители попытались воссоздать социально-психологическую атмосферу лет, ставших тяжелым испытанием для нашего народа, передать эстафету памяти новым поколениям, помочь процессу осмысления прошлого.

Основу сборника составляют воспоминания, письма, фотографии из архивных фондов ГОКУ «Государственный архив Мурманской области» и ГОКУ «Государственный архив Мурманской области в г. Кировске», а также фондов ГОАУК «Мурманский областной краеведческий музей».

Для публикации отобраны наиболее яркие и содержательные воспоминания ветеранов – участников обороны Заполярья, разносторонне характеризующие положение на Мурманском и Кандалакшском направлениях, обстановку прифронтового Мурманска, Кандалакши и Кировска. В издание также вошли воспоминания участника боев за Берлин Ф. К. Шаповалова – о штурме имперской канцелярии и Н. Ф. Агейкина – об участии в Параде Победы.

Кроме воспоминаний в сборнике публикуются заявления добровольцев, фронтовые письма, дневниковые записи, боевые счета сандружинниц и др. документы, позволяющие достоверно отразить обстановку военных лет.

Первые воспоминания поступили в ГОКУ «Государственный архив Мурманской области» в 1981 году из редакции газеты «Полярная правда», которая на протяжении многих лет вела переписку с участниками боев на различных участках Северного (Карельского) фронта. В архиве был создан фонд «Коллекция документов ветеранов войны, участников обороны Заполярья», который в дальнейшем пополнялся за счет документов, переданных в архив жителями Мурманской области.

Комплекс документов и фотографий по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов отложился также в Коллекции документов личного происхождения

«История Мурманской области глазами северян», куда вошли воспоминания руководящих работников и рядовых граждан – жителей Мурманска и Мурманской области о событиях, очевидцами которых им довелось быть, и в составе фонда Партийного архива Мурманского областного комитета КП РСФСР.

Первые воспоминания о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. жителей г. Кировска в числе других документов личного происхождения поступили в ГОКУ «Государственный архив Мурманской области в г. Кировске» в 1994 г. На их основе был создан фонд «Архивная коллекция документов ветеранов войны, труда, старожилов и почетных граждан г. Кировска».

Документы по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. отложились также в составе личных фондов, в том числе личного фонда Аккуратова Василия Никоноровича (1922–1990 гг.) – метеоролога, основателя службы противолавинной защиты в Хибинах, кандидата географических наук, руководителя цеха противолавинной защиты комбината «Апатит».

Фрагменты некоторых публикуемых в настоящем издании документов можно встретить на страницах газеты «Полярная правда», в изданных ранее Мурманским книжным издательством сборниках мемуаров, таких как «1200 дней и ночей Рыбачьего» (1970 г.), «Костры партизанские» (1973 г.), «На Кандалакшском направлении» (1975 г.), «В боях за Советское Заполярье» (1982 г.), в книгах В. П. Барболина «Незабываемый Рыбачий» (1980 г.) и Е. Д. Владыкиной «Дружинницы, подруги мои!» (1963, 1965 гг.), а также в книге Х. А. Худалова «У кромки континента» (М. : Воениздат, 1974; Орджоникидзе : Изд-во «ИР», 1978). В сборнике использованы записи из опубликованного дневника М. И. Старостина, первого секретаря Мурманского ОК ВКП(б), члена Военных советов Северного флота и 14-й армии Карельского фронта (Старостин М. И. Дневник войны. – Мурманск : Опимах, 2014), машинописная копия которого хранится в Государственном архиве Мурманской области (ГАМО. Ф. Р-1537).

Около половины предлагаемых вниманию читателя документов публикуется впервые. Среди них – очерки, статьи и воспоминания А. П. Жильцова, Д. Г. Соколова, Ф. М. Ивакова, И. В. Белова, В. П. Кудымовой (Белкиной), А. Т. Караваева, Н. К. Величко, Г. Е. Передельского, Н. М. Наталич, С. В. Орлова, А. Г. Ульяновой (Виноградовой), М. И. Хазовой и некоторых других авторов, а также дневниковые записи А. С. Крылова и фронтовые письма.

По имеющимся в распоряжении составителей источникам не удалось установить факт публикации некоторых воспоминаний (Я. Д. Скробова, М. П. Логинова, Н. И. Волкова).

Документы в сборнике сгруппированы по тематике и хронологии событий периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в Заполярье.

Сборник состоит из трех разделов. В первом из них представлены документы, повествующие об оборонительных боях в июне – сентябре 1941 г., в ходе которых немецкие войска были остановлены на Мурманском направлении – на рубеже реки Западная Лица, на Кандалакшском направлении – на рубеже озер Верхний и Нижний Верман, а также о позиционной войне на Кольском полуострове, продолжавшейся до осени 1944 г.

Второй раздел посвящен жизни в прифронтовой области, работе на тыловых предприятиях, в т. ч. связанных с производством оборонной продукции, взаимодействию фронта и тыла.

Документы третьего раздела рассказывают о Петсамо-Киркенесской наступательной операции в октябре 1944 г., в ходе которой территория Заполярья была полностью очищена от немецко-фашистских захватчиков.

Выявление документов, передача текстов и археографическая обработка проведены в соответствии с действующими Правилами издания исторических документов в СССР (Москва, 1990).

При отборе документов для публикации составители учитывали степень участия автора документа в событиях. Предпочтение отдавалось воспоминаниям непосредственных участников независимо от наличия стилистических погрешностей.

В сборник включены подлинные документы. Некоторые из них записаны со слов ветеранов (М. И. Хазовой, С. И. Кухарской) студентами, проходящими архивную практику в 1998 г.

Размеры сборника не позволяют воспроизвести все публикуемые документы полностью, поэтому многие из них публикуются в извлечении. Опущены, как правило, части текста, непосредственно не относящиеся к теме сборника, выходящие за его хронологические рамки, некоторые сведения по теме, излишне детализирующие или повторяющие факты, а также содержащие малозначительные данные. Опущенные части текста отмечены отточиями в квадратных скобках, оговорены однократно в примечании и в заголовке документа предлогом «Из...».

Каждый документ имеет заголовок, который включает в себя порядковый номер, вид документа, сведения об авторе и адресате, краткое содержание и дату.

Имеющиеся в текстах воспоминаний авторские заголовки сохранены. Документы датированы по времени составления. Отсутствующие в некоторых документах даты установлены по их содержанию или по другим источникам, что оговаривается в текстуальных примечаниях.

Не всем авторам воспоминаний удалось изложить свои мысли о событиях военных лет логично, последовательно, грамматически и фактически верно. Стремясь облегчить читателю знакомство с представленными документами, авторский коллектив сопроводил их текстуальными примечаниями, корректирующими неточности и ошибки.

Текст документов передан с сохранением стилистических особенностей, исправлены только орфографические ошибки и явные описки. В ряде текстов в соответствии с современной пунктуацией проведено деление больших фрагментов на абзацы, предложения, проставлены необходимые знаки препинания. Стилистические погрешности текста, имеющие смысловое значение, оговорены в текстуальных примечаниях. Также оговорены пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу слова.

Авторские правки текста, а также авторские подчеркивания отдельных мест и многоточия сохранены.

Иноязычные слова в тексте даны в русской транскрипции, как они воспроизведены автором. При необходимости в текстуальном примечании указан перевод.

Непрочтенный вследствие неразборчивости почерка текст отмечен отточием в квадратных скобках и оговорен в текстуальных примечаниях.

Особенностью текстов является частое употребление сокращенно написанных слов. Сокращенные названия войсковых соединений, должностей и общепринятые сокращения, различающиеся сокращения и наименования одних и тех же воинских соединений в тексте сохранены. Все такого рода сокращения включены в отдельный список.

Ряд воспоминаний (Ф. К. Шаповалова, П. И. Моторина, Г. Е. Передельского), поступивших на хранение в Государственный архив Мурманской области от редакции газеты «Полярная правда» со следами редакторской правки, публикуются с учетом этой правки без приведения комментариев в текстуальных примечаниях. Такое отступление от Правил издания исторических документов в СССР составителями допущено для облегчения восприятия текстов указанных документов, подвергшихся значительной литературной обработке.

Каждый документ в сборнике снабжен легендой, содержащей поисковые данные о нем (название архива, номер фонда, описи, дела, листов) и сведения о подлинности и способе воспроизведения.

Научно-справочный аппарат сборника включает предисловие, статью от составителей, хронику основных событий периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

на Кольском Севере, список сокращений, примечания по тексту, перечень использованных источников и литературы; перечень выявленных, но не опубликованных в сборнике «Фронтовой альбом» архивных документов. К сборнику прилагаются также сведения об авторах публикуемых документов. Биографические статьи имеют разную наполненность в связи с тем, что по некоторым персоналиям не удалось выявить достаточно полных сведений.

РАЗДЕЛ 1

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. 1941–1944 гг.

№ 1

Из дневника* Великой Отечественной войны М. И. Старостина – об оборонительных боях на Мурманском и Кандалакшском направлениях**

29 июня – 30 сентября 1941 г.

29 июня Из штаба армии сообщили, что на рассвете немецкие войска начали наступление на Мурманском направлении.

Получили директиву ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 года:

СЕКРЕТАРЮ ОБКОМА ПАРТИИ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЛИСПОЛКОМА:

Старостин Максим Иванович.
1939 г.
ГАМО. Ф. Р-100. Оп. 1.
Д. 223. Л. 122.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов. Враг уже вторгся на советскую землю, захватил большую часть Литвы с городами Каунас и Вильнюс, захватил часть Латвии, Брестскую, Белостокскую, Виленскую области Советской Белоруссии и несколько районов Западной Украины. Опасность нависла над некоторыми другими областями. Германская авиация расширяет территорию бомбежки, подвергая бомбардировкам города – Ригу, Минск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь, Мурманск.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим опасным и коварным врагом – немецким фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками, авиацией. Красная Армия, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьется за каждую пядь земли.

Несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны, некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители еще не понимают смысла этой угрозы, еще не осознали значение этой угрозы, живут благодушно-мирными настроениями и не понимают, что война резко изменила положение, что наша родина оказалась в величайшей опасности и что мы должны быстро и решительно перестроить свою работу на военный лад.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывают все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма.

Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) требуют от вас:

---

* Дневник М. И. Старостина опубликован. См.: Старостин М. И. Дневник войны / М. И. Старостин [публикатор В. П. Семенов]. – Мурманск : Опимах, 2014.

** Опущены записи за 15–28 июня; 5, 6, 9–31 июля, 1 августа – 5 сентября; 7–9, 12–23, 25, 26 сентября 1941 г., а также сведения о проведении Военного совета по намечаемой операции.

1) В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

2) Организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым предоставлением под госпитали больниц, школ, клубов, учреждений.

3) Укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий. Разъяснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, организовать беспощадную борьбу со всеми дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам. Все коммунисты должны знать, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов, учитывать все это в своей работе и не поддаваться на провокации.

4) При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться.

5) В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Для руководства этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах.

6) Немедленно предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, – невзирая на лица.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) заявляют, что в навязанной войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.

Теперь все зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом.

Задача большевиков – сплотить весь народ вокруг партии Ленина – Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы.

(Настоящую директиву разошлите полностью Райкомам партии и Райисполкомам Мурманской области).

Председатель Совнаркома СССР
Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин
Заместитель председателя
Совнаркома СССР В. Молотов

Получив и прочитав настоящую директиву, приняли решение в кратчайший срок довести ее содержание до каждого члена партии, до каждого трудящегося области,

обсудить директиву и вытекающие из ее требований задачи в создавшейся опасной для Родины обстановке.

Положение на Западном фронте плохое: враг вторгся на нашу территорию, захватывает наши села и города и продолжает наступление в глубь страны.

На нашем участке фронта идут упорные оборонительные бои с превосходящими в живой силе, артиллерии и особенно в авиации силами противника. Ему удалось потеснить наши части 14-й стрелковой дивизии от 3 до 12 км.

Сегодня доложили, что пропал без вести командир 14-й дивизии А. А. Журба вместе с адъютантом. Склоняются к тому, что погиб при бомбежке.

Сейчас главное для нас – остановить вторжение немецких войск на нашу территорию; вгрызться в землю, умереть, но дальше не пустить. Особую опасность представляет Кандалакшское направление, где противник на узком, мало протяженном по глубине участке фронта может выйти к берегу Белого моря и отрезать Кольский полуостров от остальных районов страны.

Особое значение приобретает также защита Кировской железной дороги, позволяющей по этой рокаде маневрировать войскам вдоль линий фронта и сосредоточивать ограниченные силы на нужных участках. Кроме того, она нужна для получения помощи от страны и наоборот.

Областная партийная организация должна оказать срочную помощь армии в строительстве оборонительных рубежей и опорных пунктов на угрожаемых направлениях, в снабжении всем необходимым, формированием частей из народного ополчения. Ускорению перестройки всей работы области в кратчайший срок нам поможет опыт работы области в прифронтовых условиях, полученный во время финской войны.

В конце дня получили сообщения:

– решением Правительства образован Государственный Комитет Обороны с И. В. Сталиным;

– части 23-го укрепленного района под командованием Д. Е. Красильникова отбивают атаки противника и удерживают полуострова Средний и Рыбачий. [...]

7 июля. На Кандалакшском направлении идут упорные бои. Части П. С. Шевченко (122 с.д.) отразили все атаки противника.

Звонил тов. Жданову. Доложил положение на участке нашего фронта. Просил дополнительно прислать винтовок и самолетов. Тов. Жданов обещал выслать.

Собирал секретарей горкомов и райкомов партии и провел с ними совещание по директиве ЦК партии «О создании подпольных партийных организаций», которые должны будут возглавлять борьбу против фашистских захватчиков в случае захвата ими Кольского полуострова, в восьми районах.

Сегодня налетов фашистской авиации на город не было.

8 июля. На Мурманском направлении, на правом фланге у Н. Н. Никишина вклинилось до батальона немцев, которых сейчас уничтожают.

С целью отвлечения сил противника с фронта высадили десант пограничников, примерно 500 человек, на северо-западном берегу губы реки Большая Западная Лица.

На Кандалакшском направлении идут упорные бои, части Р. И. Панина и П. С. Шевченко в связи с угрозой окружения с боями отошли на новый оборонительный рубеж к Кайралы. 715-й стрелковый полк майора В. Г. Дубаль при отходе попал в окружение. Дрался с противником в окружении, прорвал его и с небольшими потерями вышел к своим и вывез 6 тяжелых орудий.

Доложили, что от немцев перешел к нам перебежчик-австриец.

Прибыл Г. А. Вещезерский, назначенный командиром 52-й стрелковой дивизии вместо Н. Н. Никишина.

Разговаривал с П. П. Шершовым по вопросу эвакуации оборудования и увода кораблей. Видимо, его неправильно информировали в СНК СССР.

У тов. А. Н. Косыгина такое мнение, что все отсюда надо увозить и всех надо увольнять. Я сказал ему, что это неправильно. Вывозить надо только то оборудование, которое нам понадобится для ремонта кораблей военного флота. Рабочих увольнять нельзя, их надо вывезти организованно.

Звонил тов. А. А. Жданову, объяснил ему нашу обстановку и снова просил прислать оружие и самолеты. [...]

6 сентября. Немцы начали новое наступление на Кандалакшском направлении. Идут ожесточенные оборонительные бои.

Ездил с членом Военного совета Карельского фронта корпусным комиссаром А. С. Желтовым смотреть командный пункт армии и выставку трофеев, заехал в обком и дал указания по работе.

Сообщили, что группа английских летчиков высадилась в Кандалакше. Оттуда они поедут в Ваенгу. Странно, что уже два дня не было налетов фашистской авиации на город. Видимо, оперируют где-то в других районах. [...]

10 сентября. С. И. Морозов сообщает с Кандалакшского направления, что не удержится на занимаемом рубеже. Просит разрешения об отходе на рубеж «Верман».

Я категорически против, и прошу командующего армией Р. И. Панина пресечь панику тов. Морозова. В 15 часов собрали Военный совет 14-й армии, соединились по связи с Морозовым. Категорически потребовали прекращения панического настроения и удержания рубежа гора Лысая – река Тунтса-йоки.

Для оказания помощи Морозову послали к нему оперативную группу в составе полковников М. И. Малицкого, Ф. Н. Григоровича, а также тов. Сурмача и др.

На полуострове Средний отряд пограничников оттеснил немцев, и части Д. Е. Красильникова заняли северный скат хребта Муста-Тунтури.

Пограничники 72-го отряда вышли на тылы у Кокосальма и оседлали дорогу, при этом уничтожили 9 автомашин, танк и склады.

Фашисты жмут на левый фланг нашей 14-й стрелковой дивизии. Пока их атаки отбиваются.

Командующий Карельским фронтом генерал-лейтенант В. А. Фролов отдал приказ, по которому Кестеньга отходит от нашей армии – будет новое направление.

11 сентября. На помощь нашим войскам, сражающимся у р. Западная Лица, для удара слева по прорывающемуся к дороге противнику послали новый полк подполковника Я. А. Зайцева формируемой нами из трудящихся Мурманска дивизии (командир – полковник С. В. Коломиец).

Начальник штаба армии полковник Малицкий сообщил, что на Кандалакшском направлении нет ничего угрожающего. Плохо воюет Буковский, имеется возможность разбить 388-й фашистский полк.

Отряд пограничников Жукова вышел на немецкие тылы. Об этом свидетельствует такой факт: пограничники в боях взяли 12 трофейных пулеметов и вели бой. Но у них вскоре кончились патроны. Прилетел немецкий самолет, принял их, вероятно, за своих, сбросил им мешок с патронами и улетел. Наши подобрали мешок и продолжали вести стрельбу по противнику из трофейного оружия.

На должность командира 14-й МСД прибыл тов. Томмола. Первое впечатление хорошее. [...]

24 сентября. В 14.00 получили сообщение от Томмола и Коломийца, что противник полуокружен и в панике отступает на западный берег реки Западная Лица. Дали указание действовать быстрее, не упустить противника; авиации – бомбить отступающих.

Получил телеграмму от А. И. Микояна о том, что начальнику тыла РККА предложено ускорить продвижение продуктов для нашей армии.

Прибыл Военный совет фронта: В. А. Фролов, А. С. Желтов и Г. Н. Куприянов. [...]

27–30 сентября. На всех направлениях противник не проявляет большой активности. На левом фланге он отброшен нашими войсками на западный берег реки Зап. Лица. При этом понес большие потери.

Сейчас наша разведка ищет прибывающую из Греции 6-ю немецкую горно-егерскую дивизию. [...]

Старостин М. И. Дневник войны. – С. 21–46.

№ 2

Из статьи А. П. Жильцова «Начало боевых действий на Мурманском направлении (июнь-июль 1941 г.) (приграничное сражение)»* – о боях 14-й сд в районе Титовки

18 июля 1974 г.

Рано утром 22 июня 1941 г. для войск 14-й сд, расположенных в гарнизоне пос. Титовка, внезапно была объявлена боевая тревога. Когда войска покинули казармы и построились в колонну на дороге в направлении государственной границы, личному составу было объявлено о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу страну. [...]

Погода в этот день была пасмурной, шел небольшой дождь. Поэтому сбор войск и их выдвижение на рубеж госграницы проходили без воздействия авиации противника. Лишь однажды при переправе через р. Титовка появился вражеский самолет-разведчик, но он был отогнан огнем зенитно-пулеметной установки, охранявшей переправу, и скрылся за высотами.

Во второй половине дня 22 июня войска Титовского гарнизона прибыли на границу и заняли позиции согласно плану прикрытия. Наша учебная батарея 149-го оиптд, состоящая из 6-ти 45-мм пушек, расположилась на линии границы с задачей не пропустить прорыва танков противника по дороге, идущей к Мурманску. Мой 2-й взвод занял противотанковые позиции от дороги, слева – огневой взвод лейтенанта А. А. Андреева, а справа занял огневые позиции взвод лейтенанта М. И. Комина. Впереди нас никакого пехотного прикрытия не было, в тылу на расстоянии 800 м было 2 ДОТа, в которых, кстати, никакого вооружения не было, так как их строительство не было закончено. 95-й сп 14-й сд занял оборону на левом фланге. 241-й гап и один пушечный полк, номер которого я не помню, заняли закрытые огневые позиции. Штаб 14-й сд расположился на восточном берегу р. Титовка. Остальные боевые части 14-й сд были расположены по побережью: 325-й сп и 145-й ап – в районе Териберки, 135-й сп и две батареи 149-го оиптд – на полуострове Рыбачий. Эти войска в приграничном сражении участия не принимали, так как не успели своевременно прибыть к месту боевых действий.

С 22 по 28 июня активных боевых действий на Мурманском направлении не было. В это время наши войска совершенствовали оборону, вели разведку. Действия противника до 26 июня ограничивались отдельными разведывательными полетами авиации. [...]

---

* Сведений о публикации не установлено. Опущено описание эпизодов проведения митинга и воздушного боя с самолетом-разведчиком противника.

27 июня выдался ясный солнечный день. В воздухе послышался густой, все усиливающийся рокот моторов. Когда мы в лучах солнца стали различать светло-белые силуэты вражеских самолетов, то насчитали их не менее трех десятков. Вот с ведущего самолета противника полетела зенитная ракета. По этому сигналу самолеты разделились на две группы: одна группа после кругового облета начала сбрасывать бомбы на наши ДОТы, вторая – на огневые позиции артиллерии. Через два часа налет вражеской авиации был повторен. Было ясно, что враг готовится к переходу в наступление.

После вражеской бомбежки и обстрела из пулеметов больше всего пострадали кони. Дело в том, что местность в приграничной полосе была пересеченной, но совершенно открытой. Поэтому наиболее удобной мишенью для самолетов противника были кони и автомашины: замаскировать и укрыть их было очень трудно. В моем взводе из 20 коней после вражеского налета осталось 11, 9 лошадей были убиты. Кроме того, были ранены ездовые Гриднев, Ильин, наводчик В. М. Алексеев был убит и орудийный номер С. В. Даньшин тяжело ранен.

28 июня противник повторил налет группой пикирующих самолетов Ю-87 и Ю-88 в составе около сорока штук. Мы также видели группы вражеской авиации, следующие в наш тыл. Догадывались, что объектом ударов враг наметил город и порт Мурманск.

Утром 29 июня немецко-фашистские войска перешли в наступление. Цель врага состояла в том, чтобы ударом сухопутных войск при мощной поддержке бомбардировочной авиации разгромить немногочисленные подразделения и части 14-й сд, прикрывающие границу, и до подхода советских войск из глубины овладеть Мурманском.

Главный удар противник нанес по нашему левому флангу. Немецкое командование, видимо, полагало, что в центре расположения наших войск находятся сильно укрепленные позиции. Утром был густой туман. Как ни пытались мы что-то разглядеть впереди нас, но ничего не увидели. Высланный мною дозор из трех человек также ничего не обнаружил. Слева от нас проходила интенсивная стрельба из пулеметов и винтовок. Наша артиллерия с закрытых огневых позиций вела заградительный огонь по заранее пристрелянным рубежам. К 10 часам утра туман стал рассеиваться. Мы увидели наступающие цепи вражеской пехоты. Как только пехота подошла на расстояние 400–500 м к нашим позициям, по команде командира батареи лейтенанта П. А. Яскожун наша батарея открыла огонь по наступающей пехоте врага прямой наводкой. Противник не бросился вперед, а сразу же отступил за высоты, оставив на поле боя около десяти трупов, танков противника при наступлении не было.

Ход боя показывал, что противник начал обходить наши боевые порядки слева. Во второй половине дня главные силы врага, поддержанные мощными силами авиации, обошли наш левый фланг и начали заходить в тыл с целью отрезать подразделения 14-й сд от переправы через р. Титовка. Положение для наших войск сложилось критическое. В этот момент поступил приказ на отход войск на восточный берег р. Титовка. За реку Титовка войска отошли организованно. Правда, в результате больших потерь транспорта и особенно коней часть боевого имущества и боеприпасов согласно приказу пришлось уничтожить.

Когда мы переправились по мосту через р. Титовка, я увидел в последний раз командира 14-й сд генерала Журбу. Он был в каске, на плечи была накинута плащ-палатка. С генералом был начальник штаба артиллерии дивизии капитан Крылов. Командир дивизии ставил задачу занять оборону по высотам на восточном берегу реки силами отошедших от границы войск 14-й сд.

Я со своим взводом занял огневые позиции справа от дороги, командир 1-го огневого взвода лейтенант М. И. Комин занял огневые позиции слева от дороги, идущей в направлении на Мурманск. Здесь уместно напомнить, что на участке между р. Титовка и р. Западная Лица к началу войны, по существу, построенной дороги не было. Она лишь была протрассирована и обозначена вешками и телеграфными столбами. Поэтому все автомашины дивизии скопились на трассе, образовали пробку и двигаться

не могли. Появившаяся авиация противника нанесла мощный бомбоштурмовой удар по застрявшей колонне автомашин, в результате которого весь транспорт дивизии, по существу, был уничтожен. Нам стало также известно, что во время этой бомбежки погиб командир 14-й сд генерал-майор Журба, некоторые офицеры штаба дивизии, в том числе и начальник штаба артиллерии дивизии капитан Крылов.

После нанесения бомбоштурмового удара противник начал форсирование р. Титовка, намереваясь обойти нашу поспешно занятую оборону слева. В этот момент особенно отличился артиллерийский взвод нашей батареи, которым командовал лейтенант М. И. Комин. Огнем прямой наводки его взвод уничтожил несколько десятков вражеских солдат и офицеров, пытавшихся переправиться через реку. На участке в поле видимости моего взвода противник активных действий не предпринимал. Лейтенант Комин Михаил Иванович за эти бои был награжден орденом Красного Знамени.

Наши войска в ходе приграничного сражения сражались храбро. Однако из-за многократного превосходства противника в силах при его полном господстве в воздухе части и подразделения 14-й сд, лишенные авиационной поддержки, несли большие потери.

Против полностью отмобилизованной и имеющей боевой опыт 6-й горно-егерской дивизии немцев в приграничном сражении с нашей стороны участвовали 95-й сп (не закончивший отмобилизований), два дивизиона 241-го гап, одна батарея 149-го оиптд и пушечный полк, номер которого я не помню. Остальные части дивизии, как было сказано выше, в боевых действиях в приграничном сражении не участвовали. Можно с полным основанием утверждать, что при условии своевременного сосредоточения всех частей 14-й сд на государственной границе противник указанными силами не мог бы преодолеть нашей обороны. Несколько позже, в июле 1941 г., 52-я сд, полностью сосредоточившись на рубеже реки Западная Лица, нанесла войскам 6-й горно-егерской дивизии немцев сокрушительное поражение, не отступив ни на шаг. Так поступила бы и 14-я сд, если бы она в приграничном сражении участвовала в полном составе.

По приказу командующего 14-й армией генерал-лейтенанта Фролова части 14-й сд, сражавшиеся на госгранице, в течение 30 июня отошли за р. Западная Лица, на рубеж которой к этому времени выходили части 52-й сд.

На этом приграничное сражение на Мурманском направлении было закончено. Несмотря на его неудачный для нас исход, оно все-таки сыграло определенную положительную роль. Противник в этом сражении понес потери, его наступление было задержано более чем на неделю. За это время 52-я сд и части 14-й сд, расположенные на побережье, успели сосредоточиться для ведения последующих боевых действий на Мурманском направлении.

В начале июля 1941 г. противник, подтянув резервы и основные силы 6-й горно-егерской дивизии к рубежу р. Западная Лица, снова перешел в наступление с целью разгрома наших войск и овладения Мурманском. Однако на этот раз все его атаки были успешно отражены войсками 52-й сд. Долина реки Западная Лица была усеяна сотнями трупов врага. Немецко-фашистские войска не продвинулись ни на один метр к Мурманску и понесли такие потери, что в течение двух месяцев не предпринимали никаких активных действий. Долину реки Западная Лица наши воины окрестили «Долиной смерти» для фашистских вояк. Теперь эта долина в честь славных побед наших воинов, защищавших г. Мурманск в июле 1941 г., носит гордое имя «Долина Славы».

А. П. Жильцов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 244. Л. 2–7.
Подлинник. Машинопись с авторскими правками.

№ 3

Из воспоминаний Ф. М. Свиньина об оборонительных боях на Мурманском направлении в июне–сентябре 1941 г. * – о боях 95-го сп 14-й сд и о высадке десанта в районе мыса Пикшуев

1979 г.

Я был направлен на границу в Титовку, где находился 95-й стрелковый полк. Командовал полком майор Чернов. Его заместителем по политической части был батальонный комиссар Зеленов, но он в это время находился в отпуске, и я должен был исполнять обязанности заместителя командира 95-го сп. Всюду было тихо, не было никаких признаков, что идет война. 23 июня судно благополучно прибыло в Титовку. Штаб 95-го полка находился уже не в Титовке, а у высоты, что западнее Титовки примерно на 2 км. Подразделения полка и других частей дивизии приняли боевой порядок согласно плану на случай войны. Вечером 23 июня майор Чернов ввел меня в существо предстоящих боевых задач.

После беседы с командиром полка я направился по подразделениям, где уже шли напряженные оборонительные работы. Надо было спешить, пока противник не начал наступление. Командование полка решило как можно больше и лучше разместить огневые средства. А их на склады Титовки было завезено столько, что можно было вооружить всеми видами оружия, включая артиллерию, целую дивизию. Боевой порядок 95-го сп был построен в два эшелона: два батальона в первом эшелоне, у самой границы, и один батальон во втором эшелоне, уступом вправо, прикрывая Титовку. Полку были приданы два дивизиона артполка дивизии. Я со связным направился по подразделениям с левого фланга полка, который был открытым, если не считать пограничников (а их было очень немного).

Полк занимал оборону по фронту [...] от высоты 179,0 до губы Малая Волоковая. Боевые охранения были выдвинуты к самой границе. Что же я увидел при обходе занятой 95-м сп обороны на широком фронте:

1. Это была совершенно открытая, неукрепленная новая граница после финской войны. Работы по ее укреплению только начались. Бетонированные огневые точки, которые строятся примерно на ½ м, торчали выше скалы и не были замаскированы, поэтому служили хорошими мишенями для противника. Из 12 таких огневых точек ни одна не была законченной: в одних не было перекрытий, у других не навешены двери, кругом разбросан строительный материал, а часть точек была в стадии нулевого цикла. Картина была не только неприглядная, но страшная. А для тех, кто так укреплял границу, преступно безответственная. Правда, были на скалах из камней построены траншеи далеко не полного профиля, и камни ничем не скреплены. Пулеметные точки были сделаны прилично.

2. Второе, что я увидел: шла напряженная работа по доставке со складов оружия и боеприпасов, создавалась мощная система (перекрестного и кинжального) многослойного огня, особенно из станковых и ручных пулеметов и минометов 82-мм.

3. Беда состояла еще в том, что подразделения полка были укомплектованы менее чем на 60 %. Пополнение должно было прийти лишь к осени. [...]

После обхода подразделений полка у меня сложилось хорошее впечатление о воинах: никакой паники, готовность вступить в бой чувствовалась в беседах с красноармейцами. Все мы знали, что мирных часов осталось мало. Укрепление обороны продолжалось. [...]

Рано утром 28 июня*, примерно в половине пятого утра, немцы открыли массированный огонь по переднему краю и в глубину всей обороны 95-го сп, включая Титовку, т. е. тылы полка. Вскоре появилась авиация противника. Шли волнами пикирующие бомбардировщики, передний край безнаказанно (нашей авиации в воздухе не было) обрабатывала штурмовая авиация немцев. Казалось, не останется живого места, не только человека, такой огромной силы были эти удары.

Мое участие в боях в эти первые часы уже было в качестве представителя политотдела 14-й сд в 95-м полку. На КП полка мне уже было делать нечего, и я сразу же по прибытии из Титовки после встречи пополнения, взяв связного, пошел в левофланговый батальон, которым командовал ст. лейтенант Косатый. Тут было от КП полка совсем близко. Командир батальона находился в недостроенном ДОТе. Не прошло и двух часов после моего прибытия в батальон, как вслед за артиллерийской и авиационной подготовкой немцы буквально взводами, не маскируясь, с криком пошли в наступление.

Вот тут-то и сыграла свою роль разумная расстановка огневых средств, особенно система пулеметного огня. Наши опытные пулеметчики буквально косили врага. Но немцы все шли, падали, но шли. Наша артиллерия наносила им чувствительные удары. Неравный бой с превосходящими силами противника бойцы 95-го сп вели около суток. Потери у немцев были большие.

Воины 95-го сп отразили за сутки несколько атак. Мы тоже понесли немалые потери, особенно из прибывшего только что пополнения. Я был контужен разрывом бомбы, потерял слух, но продолжал находиться с бойцами. У нас было много раненых, надо было организовывать их эвакуацию. Это сделать было очень трудно. Комбат попросил меня этим заняться. Авиация противника продолжала неистовствовать. Самолеты шли волнами. Немцами были разбиты и подожжены огромные склады боеприпасов, оружия и продовольствия. К Титовке нельзя было подойти на 1,5 км. Но бои продолжались. [...]

Начался июль, месяц не менее тревожный для Мурманска. Немцы от р. Титовка продолжали двигаться на Мурманск. К счастью, в это время на рубеж – восточный берег р. Большая Западная Лица – прибыла 52-я стрелк. дивизия. Здесь, на этом рубеже, фашистским войскам был нанесен второй удар [...].

Эта вторая попытка немцев прорваться к Мурманску закончилась также провалом. Весь июль шли ожесточенные бои. Особенно геройски сражались 205-й и 58-й стрелковые полки 52-й стрелковой дивизии. [...]

95-й стр. полк и спецчасти 14-й стр. дивизии были в это время выведены во второй эшелон для переформирования и пополнения, приводились в порядок подразделения. Штаб и политотдел 14-й стр. дивизии был расквартирован на некоторое время недалеко от Мурманска, в пос. Кильдинстрой. Во второй половине июля командовать 14-й стр. дивизией прибыл отличившийся в руководстве июльским боем командир 52-й стр. дивизии генерал Никишин.

В июле в Ура-Губу прибыл 325-й стр. полк в составе двух батальонов и спецподразделений полка. Эти два батальона 325-го полка вместе с моряками готовились к высадке десанта. 14 июля 1941 г. десант в этом составе высадился на северо-западный берег губы Большая Западная Лица. Но о боях десанта будет сказано несколько ниже.

Ко второй половине июля 95-й сп, закончив переформирование и пополнив личный состав, занял оборону на левом фланге направления по соседству с 112-м сп 52-й стр. дивизии.

---

* Опущены сведения о прохождении службы в 1939–1940 гг., о проведении политической работы среди бойцов, об участии 325-го стрелкового полка в позиционной войне, а также машинописная копия статьи И. Дейгена «Политработники на передовых позициях», опубликованной 17 октября 1941 г. в газете «Красная звезда».

* В опубликованном варианте воспоминаний Ф. М. Свиньина указано 29 июня. См.: В боях за Советское Заполярье / Сост.: А. И. Краснобаев, В. П. Загребин. – Мурманск, 1982. – С. 27.

Я снова был командирован политотделом дивизии в этот полк, участвовал в боях во второй половине июля и весь август. Многочисленные атаки противника в июле и августе успеха не имели. Ему удалось лишь немного потеснить левый фланг 52-й стр. дивизии. Было очевидно, что молниеносное наступление и взятие Мурманска за 7 дней, как они полагали, провалилось.

В чем же причина срывов планов немецкого командования молниеносного захвата Мурманска? Кто тому «виновник»? Если ответить одним словом, то оно простое и ясное – воины, защитники Заполярья, проявившие массовый героизм. Кто они, к каким частям и подразделениям принадлежали? Ответ один: ко всем частям, что были на этом направлении, включая моряков и летчиков.

В 1941 г. основу обороны Мурманского направления составляли две дивизии 14-й армии – 52-я и 14-я. Они выдержали яростный натиск фашистских войск, стремившихся захватить Мурманск. Несколько позднее на направление прибыла 186-я стрелковая дивизия и другие части. [...]

Приведу еще один пример храбрости и мужества воинов 14-й стр. дивизии, в частности, 325-го стр. полка. Речь идет о подготовке и высадке десанта в тыл немцев. А было это так. Потерпев поражение в первой половине июля, немцы, перегруппировав части и подтянув резервы, во второй половине июля начали новое мощное наступление. Завязались ожесточенные бои: фашистам удалось форсировать р. Большая Западная Лица, обойти левый фланг 52-й стр. дивизии и захватить плацдарм на восточном берегу Западной Лицы, в том числе господствующие в этом районе высоты, в частности высоту 314,9. Противник подошел на расстояние 45-ти км к Мурманску. У командования 14-й армии резервов не было. Над Мурманском нависла реальная угроза.

В этой сложившейся критической обстановке Военный совет 14-й армии принимает рискованное, но, как оказалось позднее, разумное решение. Он снимает с обороны восточного побережья Баренцева моря, с участка о. Кильдин – Териберка, 325-й стр. полк в составе 2-х батальонов и спецчастей полка и готовит высадить его десантом в тыл немцев, усилив эти два батальона морским отрядом Северного военно-морского флота. Это были добровольцы. Военный совет флота обеспечил десант транспортными средствами. 14 июля десант высадился в тылу немцев на западном берегу губы Большая Западная Лица, в районе мыса Пикшуев. Рискованным это решение можно назвать потому, что этим было оголено восточное побережье Баренцева моря от Мурманска до Иоканьги, на побережье не осталось ни одного подразделения.

Высадкой десанта предусматривалось: а) отвлечь внимание и часть сил с переднего края немецких войск; б) выиграть время, чтобы подтянуть резервы (ожидалось прибытие 72-й морской стрелковой бригады, в Мурманске формировалась Полярная дивизия); в) внезапно нанести удар по немцам, их левому флангу. Как потом выяснилось, немцы даже не предполагали, что советское командование пойдет на такой риск и дерзость. [...]

Десант сражался героически. Это был поистине подвиг. Участникам десанта политруку Василисину Сергею Васильевичу (325-й сп) и Сивко Ивану Михайловичу (отряд моряков-добровольцев) присвоено звание Героя Советского Союза. Звание Героя Советского Союза присвоено также ст. сержанту моряку Кислякову Василию Павловичу. [...] Многие воины 325-го стр. полка погибли. Выполняя сложнейшую боевую операцию, многие офицеры умело руководили десантом – это ст. лейтенант Закутный Андрей Григорьевич (ныне полковник в отставке), ст. лейтенант Рыбников Владимир Николаевич (полковник в отставке [...]), майор Шикита, ст. политрук Лапшин и многие другие. Двадцать дней продолжался неравный бой (артиллерия десанта была потоплена в период высадки). Против героев-десантников была брошена 2-я горно-егерская дивизия немцев. Позднее стало известно, что немцы против десанта сняли с главного Мурманского направления 137-й и 139-й полки горно-егерской дивизии, 67-й и 68-й мотоциклетные батальоны, много артиллерии и авиации. Достаточно сказать, что только в 1-м десантном батальоне 325-го сп из 851 человека, высадившегося в тылу немцев, вернулось из десанта лишь 45 человек.

Эти 20 дней Военный совет 14-й армии использовал для подтягивания резервов. [...]

Хотелось бы сказать еще о героях-артиллеристах 14-й стр. дивизии, о героической 6-й батарее. В сентябре одна из батарей 143-го лап, а именно 6-я батарея (командир батареи – лейтенант Лысенко) находилась на огневых позициях в 51 км от Мурманска. 7 сентября противник под прикрытием тумана силами до батальона форсировал р. Западная Лица и пытался выйти в тыл 95-го стр. полка. Общими усилиями воинов этого полка при активной поддержке 6-й батареи фашисты были разгромлены. На другой день, 8 сентября, немцы перешли на Мурманском направлении в решительное наступление. Начались, по сути, решающие бои по защите Мурманска. На них я ниже остановлюсь несколько подробнее, но, прежде всего, закончу мысль о героическом подвиге личного состава 6-й батареи во главе с ее командиром – лейтенантом Лысенко Григорием Филимоновичем. Начиная с 7 сентября, батарея вела смертельную схватку с врагом в течение нескольких дней, метко поражала артиллерию фашистов. Когда вышли снаряды, батарейцы Лысенко контратаковали немцев. Потом немцы вывели из строя и орудия, но героическая батарея повела бой врукопашную. Но не отступила ни на шаг, пока не прибыло подкрепление. В последней контратаке, когда немцы пошли назад, погиб смертью героя командир этой батареи лейтенант Г. Ф. Лысенко. На 51 км от Мурманска есть братская могила, где похоронены офицеры батареи: лейтенант Г. Ф. Лысенко, мл. лейтенант Осипов, лейтенант Уродков и с ними двадцать сержантов и красноармейцев. Г. Ф. Лысенко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. [...]

Фашистские войска на отдельных участках прорвали наш фронт, но встретили упорное сопротивление. На атаки фашистов наши воины отвечали контрударами. Лишь на короткое ночное время несколько утихали бои, та и другая сторона приводила себя в порядок, принимала пополнение. Хорошо помню, что к нам, в батальон Косатого, с 10 по 27 сентября 1941 г. прибывало пополнение в общей сложности до 450 человек. Мы несколько раз атаковали и контратаковали противника. После одной удачной контратаки, в которой нам помогли артиллеристы батареи, которой командовал капитан Любимов, было более сотни убитых немцев и очень много раненых. [...]

Немцы вынуждены были перейти к обороне, по существу, они совершенно не продвинулись с того рубежа, который занимали до начала сентябрьских боев. Наши войска также перешли к обороне.

Я вспоминаю сейчас, как в один из сентябрьских дней после жарких боев у третьей роты батальона Косатого, где я находился, наступило временное затишье. Я получил маленькую записочку от комбата с просьбой вернуться в 1-ю роту, где сложилось тяжелое положение: командный состав выведен из строя, в том числе погиб командир роты. Рота же обороняла очень важную высоту, которая господствовала над местностью, ее надо было удержать во что бы то ни стало. Я с трудом пробрался в эту роту. Действительно, обстановка тут была сложная: командир убит, много раненых, немцы вот-вот прорвутся на КП батальона, который находился поблизости, на восточном склоне высоты у озера. Немцы пошли в атаку. Мы успешно контратаковали и не дали им пройти к озеру, где находился КП батальона. Вскоре подошло пополнение. Бои продолжались, в результате фашисты были отброшены за р. Западная Лица. Враг не прошел, основные силы его в этом месте были разгромлены. Наши войска закрепились на данном рубеже. Отсюда, с этого рубежа, осенью 1944 г. начался разгром фашистских войск в Заполярье. [...]

В конце сентября 1941 г. я прибыл из 95-го стр. полка на КП дивизии. Начальник политотдела меня с трудом узнал: почти месяц я не брился, весь в грязи, шинель порвана и в нескольких местах прострелена. Меня поздравили с успешным проведением боевых действий и с тем, что я представлен к правительственной награде – ордену Красного Знамени.

Вместе с тем каково же было мое горе, когда мне сообщили, что погиб мой друг ст. политрук Борисенок, который находился в сложной боевой обстановке почти рядом со мной, в другом батальоне 95-го стр. полка. В начале октября, вскоре после окончания сентябрьских боев, труп Борисенка был найден на территории, ранее занятой немцами. Он весь был исколот и изранен. Орден Красной Звезды немцы у него вырвали прямо с куском гимнастерки. Похоронили мы героя с почестями. Борисенок был посмертно награжден орденом Ленина. [...]

Ф. М. Свиньин

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 253. Л. 3-31.
Подлинник. Машинопись с авторскими правками.

№ 4

Из воспоминаний С. И. Кулешова о боевых действиях 52-й стрелковой дивизии на Мурманском направлении в июле–сентябре 1941 г. – о боях 58-го сп за высоту 314,9, о вручении дивизии гвардейского знамени*

Май 1985 г.

Перед началом войны части и подразделения 52-й стрелковой дивизии (стрелковые полки 58-й, 112-й, 205-й, артиллерийский 158-й) дислоцировались на территории области. Когда 29 июня 1941 г. усиленные части корпуса «Норвегия», придвинутые к нашим границам, начали наступление в районах реки Титовка и хребта Муста-Тунтури и когда небольшой, но доблестный гарнизон полуостровов Средний и Рыбачий отразил попытку группы войск врага проникнуть на эти полуострова, 2-я и 3-я горно-стрелковые дивизии фашистского корпуса начали движение на восток, к реке Западная Лица.

52-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Н. Н. Никишина получила приказ форсированным маршем, переправившись через Кольский залив, следовать в район реки Западная Лица. Насколько нелегок был этот марш – пешим порядком, – может представить лишь тот, кто следовал к Западной Лице с вооружением, боеприпасами, артиллерией на конной тяге. С изнурительного марша части дивизии вступили в бой с гитлеровскими дивизиями, форсировавшими на широком фронте Западную Лицу 6 июля 1941 года.

Советские воины сражались, не щадя своей крови и самой жизни. Чертов перевал – теперь район Долины Славы – на правобережье реки стал ареной кровопролитных сражений. С 6 по 9 июля в непрерывных, не прекращавшихся ни на час боях гитлеровские егеря, превосходившие наши части численностью, вооружением и техникой, дважды были бомбардировками с воздуха отброшены на исходные позиции – за реку Западная Лица. Там, в районе долины, тогда безымянной, стал в июльских боях первым в дивизии Героем Советского Союза пулеметчик из 205-го стрелкового полка Дубинин Василий Михайлович.

* Опущены сведения о потерях гитлеровцев в июле 1941 г., о боях в апреле-мае 1942 г., о подготовке Петсамо-Киркенесской операции, а также выдержки из книги Х. А. Худалова «У кромки континента». Сведения о вручении гвардейского знамени помещены после описания боевых действий 52-й сд.

Кулешов Семен Иванович.
Май 1942 г.
МОМ ОФФ 15439/3523-10.

Некоторые наши подразделения вели бои в окружении, были и рукопашные, особенно в подразделениях 205-го полка – его действиями руководил комиссар полка А. К. Иванников. В те дни геройски погиб командир взвода 205-го сп мурманчанин лейтенант Михаил Слепущенко. Его пробитый осколком мины, с запекшейся кровью комсомольский билет хранится теперь в Мурманском краеведческом музее.

Героически сражался, находясь в окружении, батальон капитана Н. К. Солдатова из 58-го сп. Пример в рукопашных схватках показывал сам комбат Н. К. Солдатов. Он с группой своих воинов был тогда награжден орденом Красного Знамени.

Оказавшись в тылу врага, мужественно сражались батарейцы артдивизиона 158-го артполка старшего лейтенанта Шерстнева. Они, как и бойцы капитана Солдатова, сражались в рукопашных боях. Немало батарейцев погибло, но они выстояли, как выстояли и побеждали подразделения других частей 52-й стрелковой дивизии.

Массовый героизм в тяжелых условиях проявили воины 52-й стрелковой в непрерывном трехдневном бою с 6 по 9 июля. В результате противник был оттеснен на исходные позиции. [...]

Штурмовать высоту* было приказано подразделениям 58-го сп, командовать которым с 13 июля был назначен подполковник Х. А. Худалов. Штурм высоты начался 18 июля и начался с почти недоступного обрыва батальонами 58-го полка Шерстнева, Солдатова, Шарова. Штурма высоты с этой стороны противник не ждал, не верил, что наступление здесь вообще возможно. Однако подвигом наших воинов это оказалось возможным. Когда доложили, что воины 58-го полка находятся на этой высоте, в штабе нашей 14-й армии этому не поверили, запросили доказательства. В бою за высоту отличились минометчики Алексея Генералова, которому впоследствии было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. Его именем в Мурманске названа улица (бывшая Рабочая)**.

На этой части высоты благодарные мурманчане-судоремонтники установили памятный монумент. Взятие 18 июля 1941 г. высоты 314,9 ограничило возможности продвижения противника по колонному пути, прилегавшему к Мотовскому заливу, и прорыва к поселку Ура – а в районе этого поселка у нас не было войскового прикрытия...

Предстояли сентябрьские бои 1941 г. О них немало написано и рассказано. Части и подразделения 52-й стрелковой и в сентябрьских боях достойно сражались за Родину. Противнику ценой больших потерь удалось, форсировав Западную Лицу, прорваться в расположение наших войск на 6–7 километров до того места, где теперь на 70-м километре автодороги Мурманск – Печенга установлен памятник нашим воинам.

Чтобы не поставить подразделения 58-го сп, занимавшего высоту 314,9, в положение окруженных противником, с санкции командования дивизии и 14-й армии, подразделения 58-го сп были с высоты 314,9 отведены (и – что существенно – без потерь).

В сентябрьских боях проявили героизм артиллеристы дивизиона 158-го артполка. Командир дивизиона Евгений Пасько, оказавшись со своим наблюдательным пунктом в окружении, приказал своим батареям открыть огонь по своему наблюдательному пункту. Уничтожая солдат противника, огонь батарей не пощадил и своих. Смертельно

* Речь идет о высоте 314,9.
** В скобках даны примечания автора.

раненный, истекая кровью, умер командир дивизиона Евгений Пасько. Батарейцы в этом бою вели и рукопашные схватки.

Так героически сражались будущие гвардейцы в сентябрьских боях 1941 года.

На одной из страниц «Истории второй мировой войны 1939–1945 гг.» говорится: «Войска 14-й армии под командованием генерала Панина при весомой поддержке Северного флота разгромили 3-ю горно-стрелковую дивизию противника, а ее остатки отбросили за реку Западная Лица». Так завершились сентябрьские бои 1941 г.

Высоту 314,9, оставленную в сентябре 1941 г., довелось вновь брать в еще более сложных условиях. Это осуществилось в ночь с 6 на 7 ноября 1941 г., в день 24-й годовщины Великого Октября.

Подниматься на высоту по обледенелым склонам, под обстрелом бойцам 2-го батальона 58-го сп (комбат В. Ладанов) и пулеметчикам (командир опб С. Новожилов) было невероятно сложно. В бою за высоту 7 ноября геройски погиб политрук роты 112-го (впоследствии 35-го гвардейского) батальона Александр Торцев. Он был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Взятие вновь высоты 314,9 было вкладом в завоевание гвардейского знамени. Автору этих строк, мурманчанам М. П. Рыжкову, П. И. Новикову, В. Н. Федотьеву, М. Д. Деревлеву довелось тогда быть в одних боевых порядках с Александром Торцевым. [...]

Морозная первая половина февраля 1942 г.* Ледовая площадка озера Кядел-Явр, что расположена справа от дороги – теперь 64-й километр трассы Мурманск – Печенга, как раз напротив места, где установлен памятник Защитникам Советского Заполярья.

Там, на ледовой площадке озера, состоялся митинг представителей частей и подразделений 52-й стрелковой дивизии. Для участников митинга это событие незабываемое.

Член Военного совета 14-й армии, первый секретарь Мурманского обкома ВКП(б) Старостин Максим Иванович с импровизированной трибуны перед строем объявил приказ наркома обороны СССР № 206 от 26 декабря 1941 г. В приказе говорилось: «За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава преобразовать... 52-ю стрелковую дивизию в 10-ю гвардейскую стрелковую дивизию».

Радости нашей не было предела. Мне, как работнику политотдела дивизии, посчастливилось быть в числе присутствовавших на этом немногочисленном митинге.

М. И. Старостин, произнеся слова приветствия и поздравления, напутствовал гвардейцев в грядущих боях высоко нести гвардейское знамя. [...] Это было первое соединение Карельского фронта, удостоенное гвардейского звания.

Принимая знамя, комиссар дивизии полковой комиссар М. В. Орлов коленопреклонно поцеловал уголок знамени, дал от имени гвардейцев клятву, заверил партию и правительство, командование 14-й армии, что воины дивизии высоко пронесут гвардейское знамя в предстоящих боях до самой победы над гитлеровскими захватчиками.

Митинг был коротким: нас ждала боевая работа. Да и «Мессершмитты» могли налететь, а в 14–15 километрах, на левобережье Западной Лицы, располагалась тяжелая артиллерия фашистов. [...]

С. И. Кулешов

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 531. Л. 11–19.
Подлинник. Машинопись.

* Митинг состоялся 21 февраля 1942 г. См.: Старостин М. И. Дневник войны / М. И. Старостин [публикатор В. П. Семенов]. – Мурманск : Опимах, 2014. С. 93.

№ 5

Из воспоминаний И. В. Белова о дважды Герое Советского Союза гвардии подполковнике Б. Ф. Сафонове* – о боевых вылетах и последнем бое Сафонова 30 мая 1942 г.

18 мая 1975 г.

С тов. Б. Ф. Сафоновым я начал совместную службу в Заполярье в январе месяце 1941 г. в 72-м авиационном полку в поселке Ваенга на берегу Кольского залива, сейчас называется город Североморск.

Борис Феоктистович в то время был командиром эскадрильи, а я у него был начштаба, впоследствии эта должность стала называться адъютант эскадрильи.

Он был среднего роста, стройный, интересный и культурный командир, всегда был чисто выбрит и в наглаженном обмундировании. Эти хорошие стороны всегда бросались в глаза подчиненным, и они брали пример со своего командира.

Наша эскадрилья была сформирована из молодых летчиков, прибывших из летного училища в декабре 1940 г.

Б. Ф. Сафонову много пришлось поработать с молодыми летчиками по изучению местности Заполярья для того, чтобы хорошо ориентироваться в воздухе, вернее, точно определять свое местонахождение на карте.

Упорная и настойчивая работа по обучению молодого летного состава не прошла даром. Летчики с каждым днем отшлифовывали свое мастерство в технике пилотирования на самолете И-16.

Программу обучения летчиков не пришлось выполнить до конца, так как 22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно, без объявления войны, напала на нашу Родину.

Началась Великая Отечественная война. Нашему полку, в том числе и эскадрилье, была поставлена задача прикрывать с воздуха стоянку кораблей Северного морского флота в Кольском заливе и город Мурманск, а также прикрывать приморский фланг 14-й армии от налетов авиации противника.

24 июня погода была очень плохая, моросил мелкий дождь, и низкая облачность прикрывала сопки.

Несмотря на плохую погоду, в 8 часов 15 минут в районе аэродрома появился фашистский самолет-разведчик «Хейнкель-111».

Борис Феоктистович по приказанию командира полка быстро поднялся в воздух на перехват разведчика противника, которого догнал над Кольским заливом. Умело зашел под хвост самолета и с близкой дистанции 100–150 м с первой пулеметно-пушечной очереди убил фашистского стрелка-радиста, а затем зажег самолет, который на глазах героев-североморцев упал в Кольский залив.

Борис Феоктистович быстро вернулся на аэродром и доложил радостную весть о сбитом фашистском самолете. Боевой счет на флоте был открыт Сафоновым, о чем были поставлены в известность все части и соединения флота с призывом «бить фашистских стервятников по-сафоновски». С этого дня боевой счет т. Б. Ф. Сафонова начал расти. Боевая обстановка с каждым днем становилась сложнее, фашисты стремились любой ценой овладеть г. Мурманском.

Они превосходили нас в то время в боевой технике и живой силе, находились недалеко от Мурманска. Нашим летчикам приходилось производить по 8–10 боевых вылетов в сутки.

* Опущены фамилии гвардейцев-сафоновцев, которым было присвоено звание Героя Советского Союза, некоторые подробности воздушных боев с противником.

Сафонов Борис Феоктистович.
Август 1941 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 78. Л.19.

Борис Феоктистович неоднократно со своими питомцами вылетал на передний край войск противника, наносил бомбово-штурмовой удар по войскам и технике противника (так как у нас не хватало самолетов бомбардировщиков).

Уже на 10 июля 1941 г. на боевом счету Бориса Феоктистовича было сбито 6 самолетов противника, и он был награжден боевым орденом Красного Знамени, а в конце июля его наградили вторым орденом Красного Знамени.

После каждого боевого вылета Б. Ф. Сафонов проводил тщательный разбор с летным составом, на котором отмечал хорошие стороны боя, а также указывал и недостатки с расчетом, чтобы они не повторялись в следующих боях.

Строго предупреждал летчиков, что «кто будет уходить из боя в сторону и покидать своих товарищей, то учтите, за такие поступки лично сам буду расстреливать в воздухе».

Летчики любили своего командира и все поставленные задачи с честью выполняли. Наша эскадрилья была одна из лучших в полку, на боевом счету которой 20 августа 1941 г. числилось 25 сбитых самолетов противника. 12 самолетов сбил лично сам тов. Б. Ф. Сафонов.

3 сентября 1941 г. Борис Феоктистович в составе шести самолетов И-16 прикрывал передний край обороны наших войск и по радио получил разведывательное донесение: «К линии фронта летит большая группа самолетов противника в количестве 56 штук».

Обнаружив противника, Сафонов принимает решение и дает команду летчикам: «Приготовиться к атаке, следовать за мной».

Набрали превосходящую высоту 500 м над противником и со стороны солнца из-за облачности внезапно атаковали фашистские самолеты, в воздухе сразу загорелись 6 фашистских бомбардировщиков, а вскоре еще один самолет противника был сбит.

Фашисты от внезапной атаки были в панике, начали сбрасывать бомбы на свои войска и развернулись на обратный курс на свой аэродром. [...]

Наша отважная, героическая шестерка И-16 с множеством пробоин в фюзеляже и плоскостях вернулась на свой аэродром.

В этом бою было сбито 7 фашистских стервятников, из которых Сафонов сбил 2 самолета.

Наши самолеты не успели еще произвести посадку на аэродром, как с линии фронта была получена радиограмма от командования 14-й армии, в которой была объявлена благодарность за героический воздушный бой отважной шестерки.

Этот выдающийся героический бой 6 против 56 самолетов под руководством майора т. Сафонова был передан по центральному радио Юрием Левитаном в вечернем выпуске сводки Верховного Главнокомандования.

Слушали все фронты и весь советский народ, имя Бориса Сафонова было известно всему советскому народу. Он был признан одним из лучших летчиков-истребителей СССР.

Сафоновская тактика ведения воздушного боя стала распространяться во всех авиационных истребительных частях на всех фронтах.

12 сентября 1941 г. наш полк был награжден орденом боевого Красного Знамени, а в первых числах октября нашему полку присвоили гвардейское звание, и стал он именоваться 2-й гвардейский Краснознаменный истребительный авиационный полк.

Командиром полка был назначен Герой Советского Союза майор Б. Ф. Сафонов.

30 мая 1942 г. в Баренцевом море шел большой конвой транспортов с боевой техникой и вооружением в порт Мурманск в сопровождении военных кораблей Северного флота. Фашисты решили на подходах к Кольскому заливу потопить наши транспорты, для этого они послали 14 самолетов Ю-88 с торпедами без прикрытия истребителей. Рассчитывали, что конвой идет далеко от береговой черты, примерно 30–40 км, и наших истребителей там не должно быть, но фашисты просчитались.

В тот день я был оперативным дежурным на командном пункте полка. Для прикрытия конвоя смогла вылететь четверка отважных летчиков во главе с Сафоновым Борисом Феоктистовичем, его прикрывали капитан Орлов, капитан Покровский и майор Кухаренко на самолетах «Киттихаук», остальные самолеты были неисправны после ожесточенных боев.

В 10.00 самолеты взлетели с аэродрома и легли курсом навстречу конвою.

В 10.20 с борта самолета командира полка была получена радиограмма: «Обнаружили самолеты противника на низкой высоте 50 м, идем в атаку». О чем я немедленно доложил начальнику штаба полка. Через четыре минуты радист приносит мне вторую радиограмму с борта командира полка: «Один самолет Ю-88 сбил, бью второй». Минуты через три радист приносит еще радиограмму от командира: «Сбил второй самолет, бью третий».

Через две минуты получена радиограмма с борта самолета командира полка Сафонова Бориса Феоктистовича: «Сбил третьего фашиста, но самолет мой подбит, иду на вынужденную посадку». На этом связь прекратилась.

В это время Баренцево море было неспокойное, были большие волны, и сажать самолет на волну невозможно, и Борис Феоктистович вместе с самолетом утонул.

Через несколько минут на место посадки самолета пришли наши корабли, которые сопровождали транспорты и наблюдали за воздушным боем, но обнаружить самолет в районе посадки не удалось.

В этом воздушном бою было сбито 6 фашистских самолетов, 3 сбил Борис Феоктистович, и по одному – ведомые.

Гибель такого прославленного летчика-истребителя была тяжелой утратой, как для гвардейского полка, так и для всего Северного флота. 2-й гвардейский Краснознаменный полк теперь носит фамилию Б. Ф. Сафонова. [...]

И. В. Белов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 77. Л. 51–54 об.
Подлинник. Рукопись.

№ 6

Из воспоминаний Н. И. Волкова о 221-й артиллерийской батарее 113-го отдельного артиллерийского дивизиона Северного флота – об уничтожении первого немецкого тральщика в Печенгском заливе*

Не позднее 1981 г.**

Подготовку к наступлению немцы начали задолго до начала войны сосредоточением войск в Северной Финляндии. Наши наблюдатели докладывали о заходе в залив Петсамо груженых транспортов с войсками и боевой техникой. Они же засекли появление у входа в залив береговой немецкой батареи и фортификационных укреплений. Участились разведывательные полеты немецкой авиации. 17 июня несколько фашистских разведчиков вторглись в воздушное пространство Рыбачьего. В последующие дни самолеты много раз нарушали советскую границу в районе Среднего. Одновременно на море немецкие военные корабли нарушали морскую границу. Особенно зачастил к нашим берегам один из немецких тральщиков. На малом ходу он часами болтался в море вдоль границы, изучая советское побережье. Тральщик опостылел нашим наблюдателям, и они чертыхались каждый раз, когда он появлялся поутру. Командиры и бойцы гарнизона Рыбачьего и Среднего делали все возможное для защиты наших рубежей. Пограничные наряды застав 100-го погранотряда (начальник майор И. И. Калеников) скрытно от вражеского наблюдения несли усиленную охрану побережья. Возводились укрепления. На батареях и заставах были отрытые щели для укрытия от бомбежек и артогня, оборудованы турельные*** установки для стрельбы по вражеским самолетам. Фиксировалось передвижение людей на финском побережье, а также движение судов в залив Петсамо и из залива в сторону Норвегии, где давно наготове стояли фашистские войска.

Волков Николай Иустинович.
1940 г.
МОМ ОФ 13047.

Наступило 22 июня. По численнику это был воскресный день. Как по заказу море было спокойным. [...] В этот ранний утренний час командиру 221-й батареи старшему лейтенанту П. Ф. Космачеву доставили боевой приказ командующего Северным флотом: все входящие и выходящие суда и корабли из Петсамо – уничтожать. [...]

Получив приказ, старший лейтенант П. Ф. Космачев тотчас позвонил об этом на погранзаставу, дислоцированную в 4 километрах левее батареи. Ему, в свою очередь, подтвердили приказ быть готовым к отражению немецкого нападения.

Вскоре наши наблюдатели доложили: в районе залива Петсамо снуют небольшие катера и моторные лодки. Транспортов и кораблей не видно.

Но не прошло и часа, как командир отделения сигнальщиков батареи Михаил Трегубов сообщил о появлении фашистского корабля. Это был старый знакомый – тральщик. На полном ходу он шел в сторону границы и через несколько минут ее нарушил. [...] А в это время старший лейтенант П. Ф. Космачев уже отдал приказ: «К бою!». Вскоре мы услышали залп его орудий. В бинокль видны всплески за кормой корабля. Тральщик увеличил ход и устремился в спасительный для него залив. А вслед ему летели снаряды, выпущенные артиллеристами 221-й. Теперь всплески видны впереди корабля. И снова гремит залп орудий. Вижу попадание, но тральщик продолжает уходить. Еще минута-другая – и фашистский капитан с хода загнал корабль за небольшой скалистый мыс, что у входа в залив.

Горечь и досада одолевают меня. Теперь тральщик виден только нам, пограничникам. Но как помочь артиллеристам? И они нашли выход. Двумя залпами по закрытой цели батарея накрыла тральщик, и он вскоре пошел на дно.

Так свершилось возмездие врагу за его вероломство. С этого дня стал расти боевой счет артиллеристов 221-й.

Несмотря на ожесточенные обстрелы вражеской артиллерии и бомбежки с воздуха, они не давали врагу проводить груженые суда из Норвегии в Петсамо и многие из них топили.

В содружестве с соседней 140-й батареей Северного флота космачевцы уничтожили 13 транспортов и кораблей немцев.

Об огромном уроне, который наносила батарея немецкому флоту, было известно самому Гитлеру. Он не один раз приказывал стереть ее с лица земли. Немцами даже был разработан с этой целью план операции под кодовым названием «Визегрунд». Однако план этот с треском провалился. Провалился и второй план немцев: уничтожить батарею с помощью артиллерии и авиации. Фашисты выпустили по батарее за первые два года войны свыше 17 тысяч снарядов крупного калибра и сбросили на ее расположение более 7 тысяч авиабомб. От снарядов и бомб был изрыт почти каждый метр земли, а батарея назло врагам не только жила, но и успешно их громила.

Вот несколько обычных для батареи дней тех лет.

28 июня 1941 года. На батарею налетели 36 бомбардировщиков. Бомбежка продолжалась около часа. Было повреждено орудие, разрушены различные постройки. На батарее есть убитые и раненые.

15 августа 1941 года. Немцы беспрерывно бомбят и обстреливают батарею. По батарее выпущено 120 снарядов. Жертв нет.

А вот записи сигнальщика батареи краснофлотца Г. Дюкова: «26 мая 1942 года. Вторник. Вахтенный сигнальщик Михаил Трегубов обнаружил 17 кораблей противника: два транспорта, танкер, 6 тральщиков и 8 сторожевых катеров. Когда корабли подошли на дальность 74 кабельтовых, батарея открыла огонь. В ответ с неба посыпались бомбы. Наши зенитки подбили фашистский самолет, он упал в море. Подключилась соседняя батарея. Увидев, что сторожевики охвачены пламенем, немцы попытались скрыться за дымовой завесой. По нашим позициям повела огонь береговая артиллерия противника. Кругом – сплошной гул. Четвертый залп нашей батареи накрыл транспорт, а седьмой пришелся точно по танкеру. Зенитчики сбили второй самолет. Но и сами понесли потерю: тяжело ранило командира установки лейтенанта Павлова. По дороге в госпиталь он умер. На следующий день волны подогнали горящий танкер к берегу. Батарейцы потопили его».

За проявленное геройство в этом бою батарея была награждена орденом Красного Знамени. Многие командиры и краснофлотцы были отмечены орденами и медалями. В то время командовал батареей уже помощник командира Ф. М. Поночевный, а с его переводом в дальнейшем в 140-ю батарею ее командиром стал старший лейтенант Б. В. Соболевский.

Еще одна запись Г. Дюкова из боевой жизни батареи: «5 октября 1942 года. Понедельник. В полдень над батареей появился самолет «Фокке – Вульф» (или «рама», как

---

* Опущено описание памятника батарее старшего лейтенанта Космачева и информация о патриотическом воспитании молодежи.

** Датируется по году поступления в Государственный архив Мурманской области.

*** Турельная установка, или турель (от фр. *tourelle*) – установка для крепления пулеметов или малокалиберных автоматических пушек, обеспечивающая с помощью специальных систем и силовых приводов их наводку в горизонтальной и вертикальной плоскостях, а также круговой обстрел.

мы его называли). Он корректировал огонь по нашей батарее и сбрасывал листовки. Одна такая листовка попала ко мне. На ней был изображен мужик в лаптях, фуфайке, с лучковой пилой в руках и написано: «Рус, сдавайтесь, вы будете хорошо жить». Краснофлотцы сразу же рвали эти листовки, отпуская в адрес немцев крепкие «комплименты». В этот день по нашим позициям били четыре батареи из Петсамо и пять полевых батарей, расположенных на берегу залива.

Особенно досталось первому батарейному орудию. Завалило дворик, повредило бруствер. От близкого разрыва в орудийный ствол набились камни. Прервана телефонная связь. Двое – установщик прицела Афанасий Стульба и заряжающий Аркадий Струков – получили ранения. Для восстановления связи командование послало к первому орудию краснофлотца коммуниста Василия Смирнова. Осколками снаряда ему срубило голову. Василий лежал, сжимая в мертвых руках концы провода... Батарея продолжала вести огонь по противнику из второго, третьего и четвертого орудий. Оборвалась связь со вторым орудием, а через некоторое время орудие совсем вышло из строя. Были убиты замковый Иваницкий и краснофлотец Здунов, ранило в лицо комиссара Я. Е. Виленкина. По нашей батарее в этот день противник в течение 2-х часов выпустил 872 снаряда разных калибров.

30 ноября 1942 года батареи 221-я и 140-я, стреляя вместе, в одном бою потопили три фашистских транспорта общим водоизмещением около 20 тысяч тонн. Всего на боевом счету 113-го Краснознаменного дивизиона (куда входили две эти батареи), которым в 1942 году стал командовать уже теперь майор П. Ф. Космачев, значилось около 3-х десятков потопленных судов. [...]

Н. И. Волков

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 266. Л. 1–7. Подлинник. Рукопись.

№ 7

Из повести Я. Д. Скробова «Артиллерия – гордость моя. (Воспоминания артиллериста)» – о боях за полуостров Средний 30 июня 1941 г.*

1970 – 1981 гг.

К исходу 29 июня для УП-3 создалась сложная обстановка. Средний со стороны материка, откуда наступал противник, никем не оборонялся. Главные силы УП-3 находились на Рыбачьем.

В этой кризисной обстановке комендант УП-3 полковник Красильников, проявив мужество и волю, бросил в оборону находившиеся на Среднем 15-й опб и 2/135-й сп**. Одновременно 135-му сп приказал спешно выдвигаться на Средний, к перешейку Матти-Вуоно, Кутовая.

* Сведений о публикации повести не установлено. Опущено содержание полученного 23 июня 1941 г. боевого приказа, сведения о бомбардировке 28 июня 1941 г. позиций 95-го стрелкового полка 14-й стрелковой дивизии, 221-й береговой батареи Северного флота, о формировании в июле 1941 г. сводной батареи под командованием Я. Д. Скробова, сведения о «поединке» сводной батареи с немецкой батареей, о назначении Я. Д. Скробова командиром 1-го дивизиона, описание встречи ветеранов обороны Рыбачьего в Мурманске в 1977 г.

** Так в документе. Вероятно, имеется в виду 2-й стрелковый батальон 135-го стрелкового полка.

Скробов Яков Дмитриевич.
Май 1945 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 71. Л. 4.

В это трудное для полуостровов время на помощь УП-3 пришел Северный флот.

В четвертом часу 30 июня в губу Мотка вошли эсминцы «Куйбышев» и «Урицкий» и с ними два катера «малый охотник» (МО).

Около 4-х часов в блиндаж штаба 104-го пап, где находились Е. С. Рыклис и Д. И. Еремин, вошли капитан 2-го ранга и с ним два морских офицера. Капитан 2-го ранга представился как флагманский артиллерист флота и доложил, что по приказанию командующего флотом вице-адмирала А. Г. Головко прибыл отряд боевых кораблей для огневой поддержки сухопутных войск. Для корректирования артогня кораблей нужен наземный артиллерист.

Я находился в этом же блиндаже, в другой его половине, и решил, что корректировщиком назначат меня, потому что других артиллеристов под рукой командира полка не было. Не ожидая распоряжений, подготовил планшет с картой и все необходимое для управления огнем. Рыклис переговорил по телефону со штабом УП-3, после чего объявил мне:

– Товарищ старший лейтенант! Назначаю Вас корректировщиком артогня кораблей. Обстановку выясните в Кутовой, у командира 15-го опб капитана М. С. Хорунжего. Действуйте в соответствии с обстановкой. Что касается стрельбы, то необходимые указания Вам даст капитан 2-го ранга.

Конечно, это распоряжение не вносило ясности в обстановку. Да и кто тогда конкретно знал ее? Но раз задача получена, ее надо выполнять.

Мы тут же вышли с моряками из блиндажа и направились к пристани Озерко, где нас ожидал катер МО.

По пути уточнили, в каких мерах я должен давать морякам исходные установки стрельбы и корректуры, договорились о связи.

Сели на катер, подошли к «Куйбышеву», поднялись на его борт. Капитан 2-го ранга приказал командиру корабля подготовить команду радистов с двумя радиостанциями, которые должны обеспечить мою связь с флагманом. Здесь же условились, что я отправляюсь в Кутовую, выясняю обстановку, определяю место своего НП, место кораблей на рейде Мотовского залива для ведения огня и все это сообщаю флагману донесением с катером МО. [...]

В Кутовой высадились на берег. Перед нами лежали развалины городка 2/135-го сп, разбитого фашистской авиацией. Тяжело было смотреть на этот страшный хаос. Представилось, что в таких же руинах лежат наши города и села, и среди них убитые и искалеченные советские люди. От этой мысли в жилах, кажется, закипела кровь, душу охватила злость. «Никакой пощады фашистам! Бить их, пока ни одного не останется на нашей родимой земле», – так думалось мне на развалинах Кутовой.

Капитана М. С. Хорунжего мы нашли в полуразрушенной землянке. [...] Я доложил ему, что боевые действия его батальона будут поддерживать боевые корабли флота и что я прибыл для корректирования корабельного артогня. Хорунжий приободрился. Не одинок!

Я спросил его:

– Какие имеете сведения о противнике?

– По данным разведки передовые подразделения немцев в 3–5 километрах к юго-западу от хребта Муста-Тунтури, – ответил Хорунжий и начертил на моей карте рубеж, которого достиг противник. Более конкретных данных он не сообщил.

– Где занимает оборону Ваш батальон? – спросил я комбата.

– Батальон! – горько усмехнувшись, бросил Хорунжий. – Всего две роты вместо четырех. Одна рота обороняется вот на этой высоте, – он показал сопку Малое Муста-Тунтури, – другая рота – на высоте 122,0.

– Соседи справа и слева есть?

– Нет! – ответил Хорунжий. Он, видимо, еще не знал, что на перешейке, правее его, занял оборону 2/135-й сп. Соседа слева, действительно, не было.

Высота 122,0 расположена юго-восточнее хребта Муста-Тунтури. С нее хорошо просматривались дорога Титовка – Кутовая вдоль Мотовского залива и подступы к Муста-Тунтури с юго-запада, откуда ожидался противник. Исходя из этого, я и решил занять НП на высоте 122,0. Место кораблей для ведения огня наметил примерно в трех километрах к северо-востоку от губы Кутовой с тем, чтобы обеспечить огневое фланкирование* подступов к Муста-Тунтури.

Отослав донесение флагману, я с радистами поспешил на высоту 122,0.

Я шел в первый бой. Не скажу, чтобы боялся, но волновался сильно. Как-то оно получится? На ум приходили разные мысли: «А если сложится безвыходная обстановка, как быть?» Решил твердо: «Драться до последнего! Последнюю пулю себе. Лучше смерть от собственной пули, чем позорный плен».

На высоту 122,0 прибыли в шестом часу утра. На северо-востоке поднималось румяное солнце, обдавая сопки и скалы гор огненным отсветом. На поле предстоящего боя стояла тишина. Ничто не напоминало о близком бое. Над губой Кутовой резвились сизокрылые чайки. Среди камней насвистывали невидимые пташки. По камням заботливо бегали разноцветные жучки и мошки...

Осмотрел в бинокль сопки, распадки, долину. Никаких признаков противника. «А какой он, противник?» – поймал я себя. Ведь я никогда не видел живых фашистских солдат и офицеров. И они мне представлялись в лакированных касках с шишаками наверху, с закрученными вверх усами, как их изображали на картинках газет и журналов, виденных в детстве.

Командир пулеметной роты лейтенант А. Никишин показал расположение пулеметов. Они стояли в наскоро сложенных из камня ячейках. «Ненадежные укрытия. Развалятся при артобстреле». Но в камень-монолит не закопаешься. Около пулеметов сидели молодые и пожилые бойцы. О чем они думают перед боем? Их лица сосредоточенны и кажутся суровыми. [...]

Поговорил с бойцами. Люди настроены по-боевому.

Около 7-ми часов утра противник открыл артогонь. Горы Мурмана огласились ломким грохотом артиллерийской стрельбы. «Вот и началось!»

Снаряды рвались на Муста-Тунтури. Смотрю в бинокль, пытаясь обнаружить стреляющие орудия, но тщетно. Враг их спрятал за сопками.

– Наши! Наши идут! – загомонили матросы-радисты.

Я посмотрел в сторону губы Мотка. Действительно, из нее выходили в Мотовский залив серые, стальные громады эсминцев и катера МО. Флагман понимал, что стрельба означала бой.

Правее высоты 246,1 послышалась густая автоматная дробь. Направил туда бинокль и почти сразу увидел светло-серых гитлеровских вояк. [...]

Немцы выходили в долину из-за сопки, со стороны озера Усто-Ярви, колонной не менее батальона. Впереди, развернувшись в цепь, шли автоматчики и на ходу вовсю палили по сопкам и распадкам. Сжалось сердце. [...]

Нанес на карту положение колонны. Определил направление и дальность стрельбы. [...]

Грохнул залп кораблей и сердитым рокотом прокатился по горам. Снаряды разорвались справа от колонны, но по дальности хорошо. Скомандовал: «Левее 0-40, огонь!» Второй залп накрыл колонну. Мне ничего не оставалось, как передать флагману: «Верно! Беглый огонь!»

Огневой налет длился пять минут. Дым разрывов рассеялся. В долине, где только что храбро шагали гитлеровцы, лежало много убитых и раненых. Уцелевшие удирали назад. [...]

Мы, конечно, понимали, что гитлеровцы на этом не остановятся и будут рваться на Средний.

Около 8 часов 30 минут немцы предприняли новую атаку. Но теперь они двигались не колонной, а цепью, перебежками. И эта атака была отражена огнем кораблей. При этом включилась в дело и наземная артиллерия. Это была батарея 241-го гап младшего лейтенанта А. И. Селиверстова, которой задачу поставил лично полковник Красильников, находившийся на перешейке.

Около 10 часов огнем кораблей, батареи Селиверстова и полковой артиллерией 135-го сп была отражена третья атака неприятеля.

В горячке боя я не обращал внимания, что делается в тылу. Посмотрев туда, увидел, что на Среднем, перед перешейком, пехота роет окопы, от губы Кутовой, по перешейку, саперы ставят проволочное заграждение. «Значит, 135-й сп пришел, – отметил я. – Самое трудное время для Среднего миновало».

Немцы понимали, что их попытки ворваться на Средний сорваны артогнем наших кораблей, и, как видно, решили разделаться с ним одни ударом. Около 11 часов со стороны Петсамо появились 18 бомбардировщиков Ю-87. Они летели низко, над самыми горами, видимо, рассчитывали на внезапность удара. Мы предупредили флагмана, да, видимо, корабли и сами увидели самолеты, потому что немедленно дали ход и на параллельных курсах пошли на восток, обрушив на вражеские пикировщики всю мощь своего огня.

Самолеты пикировали дерзко. Вокруг эсминцев вздымались огромные всплески от разрывов бомб, закрывая корабли от нашего взора. Временами нам казалось, что произошло непоправимое. Но всплески разрушались, и мы вновь видели наши геройски сражающиеся эсминцы.

Корабли из-под бомбежки вышли без повреждений. Но немцы потеряли три пикировщика, которые нашли свой конец в пучине Мотовского залива. [...]

Должен сказать, что в отражении наступления гитлеровцев на полуостров Средний утром 30 июня 1941 года решающая роль принадлежит отряду кораблей Северного флота. Их огонь преградил путь горным егерям на Средний в то критическое время, когда оборона со стороны материка находилась в стадии организации. [...]

Я. Д. Скробов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 271. Л. 87–103.
Подлинник. Машинопись с авторскими правками.

* Фланкирование (от франц. flanquer) – обстрел противника с флангов.

№ 8

Из воспоминаний Н. А. Руденко о боевых действиях на Мурманском направлении – о появлении первого немецкого военнопленного в г. Полярном в июне 1941 г., о гибели сторожевого корабля «Туман» 10 августа 1941 г., о высадке десанта на занятое немцами норвежское побережье осенью 1942 г. *

16 февраля 1976 г.

В начале лета 1941 г. меня перевели сигнальщиком на «малый охотник» МО-121. [...]

21 июня 1941 г. наш «охотник» пришел с дозора; была дана команда отдыхать: завтра увольнение на берег, воскресный концерт в Доме офицеров, встреча с друзьями и знакомыми. Это был последний мирный вечер.

Ранним утром 22 июня 1941 г. весь флот был поднят по боевой тревоге – война. Хотя и ждали войну, и готовились к ней – все-таки она разразилась неожиданно.

Из штаба флота принят семафор: «Всем командирам кораблей прибыть к командующему флотом». Совещание у адмирала Головко было кратким: отступать некуда, до последнего защищать главную базу флота – Полярный и областной центр – Мурманск.

Рассредоточивая силы флота, командование к вечеру приказало нам дивизион «малых охотников» перебазировать из Полярного в Кувшинскую Салму (между островом Торосом и берегом).

А 23 июня уже несколько десятков «Юнкерсов» бомбили г. Полярный. Один из фашистских стервятников после сброса бомб на город вышел из общего строя и на высоте нескольких метров пролетел над нами, и, вероятно, заметив наши катера, развернулся на второй заход с целью разведки. К этому моменту все стояли по боевой тревоге у пулеметов, когда же самолет с черными крестами на крыльях вывернулся из-за ближайшей сопки, одновременно грянуло около трех десятков стволов с наших катеров, и, пуская черный шлейф дыма, обнаглевший фашист скрылся на запад.

Первый удачный бой, первая победа значительно подняли боевой дух личного состава; на дивизионе только и было разговоров: дотянет ли подбитый самолет до своей базы или найдет могилу в заполярных сопках.

Дней через пять спор решился в пользу последнего предположения: старик рыбак из Кислой губы пригреб на своей шлюпке в наше расположение и доложил комдиву о том, что к его избе несколько часов назад прибрел усталый, обросший бородой какой-то незнакомец и, не умея говорить по-русски, знаками просил есть. Сообразив в чем дело, рыбак вместе со своей женой водворили его в сарай, а так как поблизости никого не было, он, надежно подперев двери сарая солидным колом, выставил для охраны пленного свою престарелую половину, вооружив ее топором, срочно отправился сообщить советским морякам о случившемся.

Минут через 25–30 уже катер вернулся с пленным. Это был командир сбитого самолета. Высокий молодой рыжий офицер, отоспавшись и наевшись флотских щей, опять возомнил себя арийцем; на допросе отвечал нагло, вел себя вызывающе, постоянно упирая на то, что вот-вот «доблестные войска фюрера» захватят и Полярный, и Мурманск, и весь Кольский полуостров. В этот же день первый пленный был доставлен в штаб флота.

* Опущены сведения о прибытии автора в г. Мурманск в 1939 г. по комсомольскому набору, о прохождении учебы в роте флотского учебного отряда.

Особенно нам запомнилось утро 10 августа 1941 г.

Нас подняли по тревоге. С моря дул свежий ветерок и доносились залпы орудий – это вел первый бой с тремя вражескими эсминцами сторожевой корабль «Туман» под командованием Шестакова.

Вооруженный лишь двумя 45-мм пушками и пулеметами, он противостоял 130-миллиметровой артиллерии 3-х эсминцев. Силы были неравные. Но моряки стойко сражались, не страшась смерти. Взрывной волной сбит Военно-морской флаг на гафели. Превозмогая боль, раненый сигнальщик Семенов вновь водрузил знамя корабля.

Всего «Туман» получил 11 пробоин от снарядов, на судне возник пожар, после чего, не спуская флага, корабль погрузился в пучины Баренцева моря. До самого последнего момента вели огонь орудия «Тумана». Уже через 35–40 минут после выхода два наших «охотника» были на месте его гибели. Весь личный состав находился в насквозь пробитых осколками шлюпках. Пробоины были заткнуты брезентами, тельняшками, бушлатами. Здоровые сидели на веслах, а все, кто мог, вычерпывали воду из до краев залитых шлюпок ведрами, бескозырками, а то и просто руками.

Из 52 человек команды погибло 15 человек, а 17 – ранено. Наш катер принял на борт 22 человека. Матросы рвали свое белье для перевязки раненых, отдавали свою одежду спасенным и продрогшим товарищам. На «малом охотнике», где и для своей-то команды тесновато жить, нужно было срочно определить тумановцев в теплое помещение, им оказалось моторное отделение.

Полным 25-узловым ходом мы через час с небольшим были в губе Ваенга, где героев-моряков доставили в военный госпиталь. [...]

«Малые охотники», эти небольшие, быстрые и маневренные катера, в морских операциях выполняли весьма различные функции.

Кроме дозоров в системе противолодочной обороны Кольского залива, с наступлением темного времени года наш дивизион осенью 1941 года и в последующие осенне-зимние периоды закалился постановкой мин на подступах к портам базирования немецкого флота: Варангер-фьорд, Вардё Варзё*, бухта Петсамо. В процессе подготовки к подобным операциям на катерах демонтировались бомбосбрасыватели, и на палубу принималось по две больших корабельных мины весом свыше тонны каждая.

На боевое задание выходили, как правило, 8–10 «охотников» при сопровождении торпедных катеров. При подходе к району постановки мин переключали выхлоп от моторов в воду, что значительно снижало шумы, и по команде с флагмана одновременно сталкивали мины за корму, после чего полным ходом возвращались в свою базу.

Таких рейдов «в гости с подарками» мы провели свыше 2-х десятков. Не один десяток фашистских транспортов и военных кораблей, получив такой «подарок», навсегда остались в пучине Баренцева моря.

Кроме того, мы сопровождали в боевые рейды и встречали на подходе к Кольскому заливу наши подводные лодки, обеспечивая их противовоздушную оборону. И особенно трудно приходилось нашим морякам при высадке морских десантов. [...]

Первая и главная задача – скрытно подойти и скрытно отойти от места высадки десанта, не давая возможности противнику его обнаружить: ведь самым уязвимым десант бывает именно во время высадки, когда люди еще не развернули боевые средства, еще не освоились с новой обстановкой.

Не менее важной задачей, на первый взгляд простой, а на самом деле порой решавшейся при максимальном напряжении сил команды катера, было доставить л/состав десантной группы на берег сухим. Ведь промокший при высадке десантник на зимних промерзших скалах уже через короткое время становится почти небоеспособным. [...]

И еще хочется рассказать об одной скрытой десантной операции той памятной грозовой осенью 1942 года, когда мы получили приказ быть готовым к рейсу в глубокий тыл противника для выброски группы на занятое немцами норвежское побережье.

* Так в документе.

Незадолго до этого в расположение нашей части прибыло шесть человек, шесть молодых людей 25–27 лет в гражданской, непривычной по тем временам одежде.

Стройность, твердая походка, спортивная выправка свидетельствовали о незаурядной физической подготовке незнакомцев.

Держались они несколько обособленно, разговаривали на незнакомом языке, как позже мы догадались – на норвежском. И вот ночью, за несколько минут до выхода на задание, они прибыли на борт нашего МО-121.

Экипировка незнакомцев говорила о предстоящих трудных испытаниях, к которым их готовили: короткие меховые спортивные куртки, костюмы из плотной ткани, альпинистские ботинки, автоматы, пистолеты, финские ножи, плотно подогнанные тяжелые рюкзаки с провиантом и боезапасом. Некоторых вначале смутило отсутствие в снаряжении рации, но много позже мы поняли, что там, где им придется побывать, даже кратковременный выход в эфир представляет собой смертельную угрозу провала операции.

С приглушенными моторами мы обогнули п-ов Рыбачий и взяли курс к норвежскому побережью.

Мы знали, что немцы бдительно охраняют берег и что в месте высадки установлены мощные дуговые прожекторы, пробивающие ночную тьму на десятки километров.

Как мы ни старались приглушать моторы, все же над поверхностью воды, особенно в фьордах, звук распространялся довольно далеко, но, отражаясь от прибрежных скал, создавал впечатление, что летит самолет.

Прибрежная охрана, вероятно, так и подумала: несколько ярких лучей начали прощупывать пасмурное небо, отражаясь в воде.

За несколько десятков метров до берега полностью выключили все механизмы и на инерции в строжайшей тишине подошли к берегу, уткнувшись в галечную отмель.

Бесшумно сползла на берег обмотанная брезентом сходня, и, как дикие кошки, по ней соскользнули и скрылись в темноте шестеро парней навстречу неведомой смертельной опасности.

С этого момента прошло более трех долгих недель, когда мы вновь получили приказ скрытно следовать ночью в прежний район. Задача усложнялась еще и тем, что надо было не только подойти к побережью, но и точно выйти в условленное место.

Ночь выдалась темная, мрачные тучи мокрыми лохмотьями касались вершин сопок, моросящий дождь скрывал береговую черту.

И, только подойдя к берегу на 30–40 м, мы заметили световые сигналы, подаваемые замаскированным карманным фонариком, – это был пароль.

Без единого звука все шесть парней за считанные секунды вскочили на борт катера, который, отвалив от берега, вышел в открытое море, где дали форсированный ход! Вперед домой!

Разведчики опустились в нижние помещения. Сменившись с вахты, я спустился туда же.

Парней невозможно было узнать, когда они сбросили с себя верхнюю одежду, превратившуюся в лохмотья. Заросшие изможденные лица, усталые, покрытые ссадинами, руки плетьми висели вдоль тела. Четверо беспомощно откинулись на спинки сидений, а двое, опустив нечесаные головы почти на колени, обхватили их руками. Все молчали.

Только радостный, почти лихорадочный блеск глаз говорил о том, что глубокий рейд в тыл врага прошел успешно. Как после мы узнали, это была стратегическая разведка с участием норвежских патриотов, которая явилась одной из составных частей подготовки будущего разгрома фашистских войск в Заполярье.

Н. А. Руденко

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 127. Л. 2–22.
Подлинник. Рукопись с авторскими правками.

№ 9

Из очерка Я. Д. Скробова «Сын артиллериста (история одного подвига)» – о подвиге И. А. Лоскутова (полуостров Рыбачий, июль 1941 г.), легшем в основу поэмы К. М. Симонова «Сын артиллериста»*

1972 г.

...Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать...

Константин Симонов.

Главной целью боевых действий гитлеровцев на Крайнем Севере был Мурманск, наш единственный незамерзающий океанский порт, они знали, что ключ к нему – Рыбачий. Кто владеет Рыбачьим, тот держит в своих руках Кольский залив – Мурманск. Поэтому в первый же день боевых действий бросили крупные силы на захват Рыбачьего.

Генеральное наступление гитлеровцев на полуострова Средний и Рыбачий началось 3 июля 1941 г. с ожесточенной артиллерийско-авиационной обработки нашей обороны. Рыбачинцы не дрогнули, когда вслед за артогнем на их позиции двинулись фашистские горные егеря. Они повсеместно были встречены всеми видами организованного огня обороны. Так началось ожесточенное многодневное сражение за Рыбачий.

Весь первый день шел тяжелый бой. Гитлеровцы, несмотря на огромные потери, атаковали с дьявольским упорством. Но защитники Рыбачьего геройски дрались за каждый метр родной советской земли. Нередко дело доходило до рукопашной схватки. Гранитная высота Муста-Тунтури неоднократно переходила из рук в руки. Над полем боя стоял непрерывный гул от воя «Юнкерсов», от разрывов бомб и снарядов, от ружейно-пулеметной и автоматной трескотни. Плотным облаком висел над землей боевой дым, временами скрывая поле сражения. Бойцы задыхались от удушливой гари взрывчатки и пороха. Временами в этом кромешном аду прорывалось «Ура» и доносились крепкие русские слова шедшей в контратаку нашей пехоты. Слышались предсмертные стоны умиравших бойцов.

С первых выстрелов вражеской артиллерии сводная батарея тяжелого пушечного артиллерийского полка** майора Рыклиса вступила в тяжелую борьбу с врагом. Она всей мощью своего огня била по артиллерийским и минометным батареям, чтобы защитить рыбачинцев от губительного огня и вместе с тем лишить горных егерей огневой поддержки. [...]

У противника не было орудий, которые могли бы достать «сводную», и он неоднократно бросал на нее бомбардировщики Ю-87. Тогда «сводная» огонь прекращала, чтобы не выдать стервятникам место своего расположения. Тяжелые бомбы рвались кругом. Падали они и на огневую позицию. Их осколки свирепо выли над головами укрывшихся в ровиках батарейцев, со звоном бились о боевые щиты и стволы орудий, возвышавшихся над брустверами орудийных окопов. Но, к счастью, непоправимой беды не случалось. «Юнкерсы» улетали, и батарея снова открывала огонь. [...]

Целую неделю на подступах Среднего шли кровопролитные бои. Долина перешейка, отделяющая Средний от материка, была завалена трупами горных егерей и наших бойцов, но их никто не убирал... Смерть витала над этой долиной! От этого

* Опущены сведения общего характера о полуострове Рыбачьем, его защитниках, литературное описание работы артиллерийских орудий.

** Речь идет о 104-м пушечном артиллерийском полке.

Симонов Константин Михайлович.
1941 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 34. Л. 131.

она и получила свое страшное название – «Долина смерти».

В этих невероятно тяжелых и ожесточенных боях защитники Рыбачьего ежедневно совершали невиданные по своему героизму подвиги. Об одном из таких подвигов и пойдет дальнейший рассказ.

Фашисты усилили свою артиллерийскую группировку. Но ее батареи ни с основного, ни с передового НП обнаружить не удавалось. Враг хорошо их укрыл от наземного наблюдения. Огонь этих батарей наносил большой вред защитникам обороны. Надо было во что бы то ни стало обнаружить и подавить их. Но полк не имел никаких технических средств обнаружения и засечки батарей, кроме оптических приборов. Тогда-то в «сводной» и родилась идея направить в расположение противника артиллерийских разведчиков. Майор Рыклис одобрил эту идею и принял решение выдвинуть вспомогательный НП во главе с офицером на безымянную сопку горы Муста-Тунтури, которую удерживала горстка храбрецов стрелкового полка. Выбор пал на командира взвода разведки «сводной» лейтенанта Лоскутова Ивана Алексеевича, показавшего себя в боях храбрым и находчивым командиром, не теряющимся в сложной обстановке. В качестве своих помощников Иван Алексеевич отобрал лучших разведчиков-наблюдателей Механошина и Макарова.

Получив боевую задачу непосредственно от командира полка, Лоскутов с разведчиками отправился на передний край нашей обороны, чтобы оттуда перебраться на безымянную сопку. [...] А до сопки еще добрых два километра совершенно открытой местности. Поползли по-пластунски, прикрываясь бугорками и камнями. Но фашисты их заметили, открыли пулеметный огонь, вокруг запели и зашпокали по земле пули. Проводник, ползший впереди, получил ранение. Стремглав прошмыгнув через совершенно голый бугорок, разведчики укрылись за камнями, в небольшом углублении наподобие рва. Перевязали раненого и отправили его назад, благо, что он был ранен легко и мог ползти. Теперь уже свою группу повел на безымянную сопку сам Лоскутов. Не проползли они и ста метров, как противник снова открыл по ним пулеметный огонь. Опять запели, зашпокали пули. Полевую сумку Лоскутова, прицепленную к поясному ремню, будто подбросило вверх. Иван Алексеевич не обратил на это внимания, не до сумки было, надо было укрыться от огня. И уже там, на безымянной сопке, достав из полевой сумки карту, он обнаружил в ней пулевую пробоину. Кроме карты пулей оказался пробитым и артиллерийский целлулоидный круг, а заодно с ним и пачка денег – месячное содержание, врученное начфином полка перед самым походом на безымянную сопку. Не миновать бы беды Ивану Алексеевичу, если бы не лежавший в сумке металлический хордоугломер*. Пуля ударилась в него и срикошетировала, миновав владельца сумки, но оставив в ней на память большую рваную дыру.

Разведчики продолжали пробираться к безымянной сопке. Они уже потеряли счет, сколько раз открывали по ним огонь пулеметы. В завершение всего фашисты их трижды накрывали минометным огнем. В шинелях и снаряжении уже было по несколько пулевых и осколочных дырок, но они ползли и ползли вперед. Находясь

* Хордоугломер – инструмент для измерения и построения углов. Применяется в артиллерии при полной подготовке данных для стрельбы.

Майор Рыклис Ефим Самсонович – прототип майора Деева в поэме К. М. Симонова «Сын артиллериста». 1941 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 71. Л. 2.

Лейтенант Лоскутов Иван Алексеевич – прототип Леньки в поэме К. М. Симонова «Сын артиллериста». 1941 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 71. Л. 2.

под пулеметным и минометным огнем, они много пережили и передумали, но помышляли только об одном: «Боевой приказ – железный закон Родины, и он должен быть выполнен».

Долгим для разведчиков оказался двухкилометровый путь до безымянной сопки. Вконец измученные, голодные, в изорванном о камни обмундировании, с избитыми и изодранными до крови коленями и руками, добрались они до вершины сопки, где сидели пехотинцы, только ночью, когда красно-огненный диск полярного солнца, подернутый мутной дымкой, низко плыл над океаном по темно-сизому небосклону. Отдыхать было некогда. Выбрали место для НП в широкой, как траншея, расщелине в гранитном монолите. Обложились кругом бруствером из битого камня, сориентировались. Передали на КП полка долгожданный сигнал: «Прибыли». В расположении врага боевой активности не было, лишь изредка, короткой строчкой прошивали тишину дежурные пулеметы, вели редкий перестук автоматы и винтовки. Егеря отдыхали. Активничать они начинали с четырех часов утра. Этот егерский распорядок разведчики знали точно и готовились к боевому пробуждению вражеского стана, который им был виден как на ладони.

Артиллерийско-минометным и ружейно-пулеметным грохотом наполнялся новый боевой день. Тусклым бельмом проглядывало сквозь дым поднимавшееся на востоке солнце. Вскоре разведчики обнаружили и засекли две минометные батареи, несколько активных огневых точек, скопление вражеской пехоты. Координаты целей полетели по радио на КП. «Сводная» открыла огонь по одной из батарей, и по корректурам Лоскутова она была быстро накрыта. Последовавший за пристрелкой огневой налет завершил дело. «Сводная» перенесла огонь на другую батарею, и с нею было все покончено. От точного огня «сводной» одна за другой умолкали вражеские огневые точки, успешно поражались и другие цели. Лоскутов корректировал огонь точно. Разведчик-наблюдатель Механошин заметил меж удаленных сопок походную кухню и подошедшую к ней роту егерей. Опять заговорила «сводная». Снова с грубоватым клекотом полетели ее снаряды, но теперь на кухню и толпившихся вокруг нее егерей.

Фашисты всполошились. Точный огонь «сводной» по целям, укрытым в их тылу, указывал на то, что русские наблюдатели находятся у них под боком, хорошо видят цели и корректируют по ним огонь. То ли по выдвижению разведчиков, то ли по пеленгации их радиостанции фашисты заключили, что русские наблюдатели сидят на безымянной сопке, и открыли по ней минометный огонь. С оглушительным треском рвались вражеские мины. С пронзительным воем разлетались и бились о скалы осколки. Разведчики быстро обнаружили стрелявшую батарею. Вызвали по ней огонь «сводной», и эта батарея была разгромлена. Тогда противник бросил на сопку до роты пехоты.

Цепь егерей методично двигалась к подножью сопки, ведя по ней огонь из пулеметов и автоматов. Лоскутов вызвал огонь по пехоте, и она была рассеяна. Вскоре после артиллерийского обстрела вражеская пехота возобновила наступление, окружила сопку и стала подниматься по ее склонам к вершине, где сидели храбрецы. [...] Осажденный гарнизон сопки ответил ружейно-пулеметным огнем и ручными гранатами. Горные егеря, ведя шквальный огонь из автоматов и пулеметов, все ближе и ближе подбирались к вершине. Еще мгновение – и они бросятся в атаку, чтобы покончить с горсткой храбрецов. Тогда-то Иван Алексеевич и решился на последний шаг – вызвать огонь на себя. [...]

Со страшным грохотом разорвались на сопке первые, неслышно прилетевшие снаряды «сводной». Взвыли осколки. В нос ударил удушливый дым. Лоскутов скомандовал своему бесстрашному гарнизону: «Укрыться!» Бойцы скрылись в расщелинах. [...]

Фашисты больше не атаковали сопку и не вели по ней огня. Видимо, считали, что русские погибли от собственного артогня, как и погибла половина атаковавших ее егерей. Они не могли понять такого «безумства» русских, предпочетших плену смерть. Безымянная сопка вселяла в них смертельный страх.

Нелегко было Рыклису Ефиму Самсоновичу дать приказ командиру «сводной» открыть огонь по безымянной сопке, на которой сидели советские бойцы, люди его полка и, наконец, Иван Лоскутов – сын его боевого друга, артиллериста Алексея Лоскутова. В его сознании электрическим током пробежала цепь воспоминаний о маленьком белокуром и необыкновенно смелом Ванюшке, который часто бывал у него, дяди Ефима, бесконечно расспрашивая про войну, про пушки, лошадей... Но иного выхода не было. Он не мог, не имел права запретить этому близкому ему человеку выполнить свой священный долг перед Родиной до конца. В его сознании теплилась надежда: «Возможно, свои снаряды и пощадят храбрецов». [...]

Несколько часов подряд радисты полка вызывали и слушали радиостанцию Лоскутова, но она не отвечала. И тогда в полку поверили в то, во что не хотелось верить: отважные разведчики погибли.

Без связи дальнейшее пребывание разведчиков на безымянной высоте было бесцельным, и Лоскутов решил возвратиться в полк. Но сделать это разведчики смогли только на следующий день, когда местность закрыл плотный туман и снизилась активность боя.

На КП полка в Западное Озерко разведчики прибыли к полудню. Какова же была радость однополчан, когда они увидели оборванных, вконец измученных разведчиков, обросших щетиной, с ввалившимися от усталости и переживаний глазами, которых давно считали погибшими. [...]

Я. Д. Скробов

ГАМО. Ф. 413. Оп. 1. Д. 69. Л. 13–30. Подлинник.
Рукопись с авторскими правками. Простой карандаш.

№ 10

Из воспоминаний М. П. Логинова о боевых действиях 52-й сд – об участии в боях в районе реки Западная Лица в июле 1941 г.*

Январь 1974 г.

Титовский оборонительный рубеж на Мурманском направлении, который должна была занять 52-я стрелковая дивизия, находился на значительном удалении от частей дивизии, не связывался с нею хорошими дорогами. Полки дивизии находились в Мурманске, а некоторые – в Медвежьегорске.

Логинов Михаил Петрович.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 55. Л. 3.

Командование 14-й армии приняло решение переправить части дивизии через Кольский залив до мыса Мишукова, чтобы они по единственной имеющейся недостроенной дороге вышли в назначенные районы.

Переправа через залив личного состава и техники боевых частей проходила до 29 июня, а тыловых – до 5 июля. Авиация противника всячески пыталась помешать переправе и маршу подразделений. [...]

К концу дня 29 июня в район жестоких сражений 14-й стрелковой дивизии прибыл авангардный 112-й стрелковый полк под командованием майора Ф. Ф. Короткова. Из-за отсутствия дороги полк оставил все свои тылы и обозы на реке Западная Лица. Личный состав полка, прокладывая себе путь и для артиллерии, все тяжелое оружие (пулеметы «Максим», минометы и боеприпасы) нес на собственных плечах. Идти было мучительно тяжело. При подходе к южному мосту через реку Титовка полк подвергся воздушной атаке около пятидесяти фашистских бомбардировщиков, затем интенсивному обстрелу минометным и ружейно-пулеметным огнем. Полк понес значительные потери, но, быстро приведя себя в порядок, к исходу дня занял оборону на высоте 228,9 и мужественно вступил в бой с передовыми батальонами 137-го горнострелкового полка 2-й горно-егерской дивизии. Остальные части 52-й сд продолжали марш с целью сосредоточения на рубеже реки Большая Западная Лица. [...]

Южнее 112-го стрелкового полка 1 июля выставили боевое охранение от подошедшего 58-го стрелкового полка, который своими двумя батальонами 1-го эшелона занял участок по восточному берегу реки, от моста к югу. Батальон 2-го эшелона расположился позади центра боевого порядка полка.

2 июля на рубеж реки подошел 205-й Краснознаменный стрелковый полк двумя батальонами. Его батальоны заняли оборону севернее 58-го стрелкового полка вдоль восточного берега на протяжении около шести километров. Воины начали усиленно

* Опущены описания природы, размышления автора о массовом героизме советских солдат, об увековечении памяти героев 52-й стрелковой дивизии (10-й гвардейской Печенгской дважды Краснознаменной орденов Александра Невского и Красной Звезды стрелковой дивизии), сведения о проведении политической работы.

возводить оборонительный рубеж: рыли траншеи, оборудовали огневые точки, копали ячейки.

К тому времени дивизионная артиллерия заняла боевые рубежи и также оборудовала огневые позиции.

1-й дивизион 208-го гаубичного артиллерийского полка и 2-й дивизион 158-го пушечного артиллерийского полка поддерживали 112-й и 205-й стрелковые полки. Южная группа артиллерии поддерживала 58-й стрелковый полк в составе двух дивизионов 208-го гаубичного полка. 314-й зенитный артиллерийский дивизион занял огневые позиции в районе 54-го километра дороги, прикрывая с воздуха южную группу артиллерии и командный пункт штаба дивизии. Рядом с КП располагались дивизионные специальные части, включая разведывательный батальон майора Х. А. Худалова, две батареи противотанкового дивизиона. Командиром 52-й сд был генерал-майор Никишин, а начальником штаба – полковник Соловьев, комиссаром дивизии был полковой комиссар М. В. Орлов. Командирами батальонов 58-го сп были: капитан Н. К. Солдатов – коренастый, крепкий, спокойный, рассудительный, с широким добродушным лицом, зря под пули не лез, но храбрость не знала границ; капитан Гринев – высокий, энергичный, умело схватывавший обстановку боя, удивительно хладнокровный, капитан Шаров – очень подвижный, горячий, легко возбуждаемый, но не терял головы при любой обстановке. Командиром 208-го гаубичного полка был майор Н. И. Ярославцев. К 4 июля дивизия полностью заняла оборону. Против 52-й сд стояли альпийские стрелки, которые на рукаве носили изображение горного цветка эдельвейса, а на груди – медаль за взятие Нарвика. Они считались непобедимыми завоевателями. [...]

Фашистские войска вели наступление по всему фронту дивизии. Часть войск противника наступала на основном направлении против моста. Но основной удар противник наносил по Чертову перевалу, где располагался 2-й стрелковый батальон 205-го стрелкового Краснознаменного полка под командованием капитана С. А. Родионова. Враг стремился выйти к дороге, ведущей на мыс Мишукова.

Ценой огромных потерь, вклинившись в стыки наших подразделений, к вечеру 6 июля фашисты прорвали линию обороны нашей дивизии и лощинами просочились в тыл.

Гитлеровцы вышли на огневые позиции батареи ПА командира капитана И. А. Кожина. С упорством и мужеством сражались расчеты орудий. Артиллеристы повернули свои пушки и встретили гитлеровцев, прорвавшихся в наш тыл, прямой наводкой. Кожин, будучи раненным, не покинул поле боя. Фашисты наседали на артиллеристов. Кожин собрал горстку батарейцев и повел их в контратаку. Гитлеровец выстрелил в командира батареи почти в упор, и пуля попала в плечо. Кожин поднес правую руку к ране, кровь начинала просачиваться через гимнастерку. Он сделал полуоборот, зажав в руке пистолет, и выстрелил в гитлеровца. Фашист пытался что-то крикнуть, но слова застряли у него в горле, и он медленно стал опускаться, продолжая цепляться за бруствер окопа. Наконец он упал и откатился в сторону, руками с засученными рукавами кителя стал загребать на себя мох.

Мастерски владели прикладом и штыком артиллеристы Кожина, почти всех уничтожили фашистов, которые вышли на огневые позиции батарейцев. Очень опасное положение в секторе обороны 205-го Краснознаменного стрелкового полка. Противник силами около двух полков начал форсировать реку Большая Западная Лица. Гитлеровцы бежали во весь рост, на ходу стреляя из автоматов. Их встретили пулеметчики пулеметной роты лейтенанта В. В. Ляпкова. Особенно интенсивно вел огонь станковый пулемет В. М. Дубинина. Чуть вскинув, раскинул руки второй номер, пуля попала ему в висок. Василий Михайлович остался один, стрелял длинными и короткими очередями. Отбита атака, вторая и третья. И вдруг пулемет замолчал. Дубинин в отчаянии жал на гашетку, попробовал исправить повреждение пулемета и

вдруг увидел неподалеку другой «Максим» и неподвижные тела расчета. Вмиг Василий очутился у пулемета, отодвинул убитых и лег за «Максим». Фашисты откатились, устилая трупами подножье высоты. Снова атака. Одна вражеская пуля задела голову Дубинина. Кровь заливала глаза. К Дубинину подполз санитар, перевязал рану и думал оттащить в медпункт. Василий отвел руки санитара и сказал: «Нет, браток, подай-ка лучше коробку с лентой да оботри лицо!» И снова, но с большей яростью, заработал «Максим» в умелых руках пулеметчика-сибиряка.

Мелкими группами подходили гитлеровцы к реке, по ним вели огонь меткие стрелки, расположившиеся перед мостом обороны.

У моста появилось много фашистов, слышались отдельные выстрелы. Враг осмелел. Решив, очевидно, что операция в нашем тылу проведена успешно, гитлеровцы двинули к мосту основные силы. Через мост стали перебегать вражеские автоматчики, строча из автоматов, часть фашистов успела перебежать на нашу сторону. На мост взошло около роты автоматчиков, у переправы все больше и больше скапливалось фашистов.

Личный состав взвода ПТО лейтенанта В. М. Фетисова шрапнелью вел беглый огонь из двух 45-мм пушек, отлично работал расчет наводчика Т. А. Сапожкова. Расторопно работали заряжающие И. Н. Нюшков и П. Н. Скопинцев. Стволы орудий настолько накалились, что краска на них стала пузыриться.

«Почему не взрывают мост?» – подумал автор этих строк. Как вдруг вздрогнула земля. Далеко по скалам прокатился взрыв. Высоко над рекой поднялся столб дыма, воды, досок и бревен: лейтенант Чугреев с красноармейцем И. М. Ковалкиным взорвали мост. Десятки гитлеровцев остались под обломками моста. Враг с упорством безумного штурмовал реку. По обломкам свай, по доскам под ураганным огнем фашисты добирались на наш берег, пытаясь во что бы то ни стало ворваться в долину на стыке двух полков дивизии и окружить два батальона 205-го Краснознаменного стрелкового полка.

В первые дни упорных боев полк был без командира полка. Комиссар полка А. К. Иванников принял командование полком на себя. Молодой, сильный физически и душевно, коммунист по убеждению, он с первого часа начала боя ухватил все нити управления боем. Теперь он явился организатором и вдохновителем личного состава полка. Заработала прерванная связь с подразделениями. В батальонах и батареях воспрянули духом: командный пункт полка подает команды, голос был суров и непреклонен. А бой кипел упорный. Лавина за лавиной. Наседали фашисты. И вот, казалось, немцам удастся смять боевые порядки полка. Иванников сумел из ездовых, поваров, работников хозяйственных взводов организовать два подвижных отряда. Поставил командовать ими храбрых и умелых командиров – лейтенантов Демина и Слепущенко. И эти два отряда тыловиков в самую трагическую минуту боя определили его исход в нашу пользу.

Ездовые Федя Афонин и Толя Пучков возглавили всех ездовых артиллерийских расчетов и с храбростью бросились на фашистов, круша их штыком и прикладом. Исключительно четко работали минометчики минометной роты лейтенанта Долгополова. И опять, в который раз уже, фашисты бросились в атаку. В критический момент на батарее появился Анатолий Капитонович*. Артиллеристы воспрянули духом.

«Шрапнелью! Беглый огонь!» – командовал Кожин. Особенно метко вело огонь орудие, где наводчиком был А. А. Тепляков, заряжающий В. А. Мартынов, уже раненный, категорически отказался покинуть батарею. В ход пошли гранаты и штыки. В контратаку бросились бойцы отряда Демина. Громкое «Ура!» прокатилось по лощине. Стрелковые роты 1-го батальона под командованием капитана Гулицкого, начальник штаба батальона был капитан Божен, вели рукопашные бои. Вышел из строя командир 3-й стрелковой роты, командование ротой взял на себя старшина Воинов. Только в

* Имеется в виду *Иванников*.

одном бою он заколол штыком 9 фашистов, но погиб и сам. Роты сильно поредели, да и люди нуждались в отдыхе; вот уже около трех суток идут непрерывные бои.

Немцы заняли высоту «Верблюд», которая имела господствующее положение. Теперь враг получил возможность просматривать наш передний край и не давал возможности нашим пехотинцам вести контратаки. Гитлеровцы установили на высоте пулеметы и минометы и наблюдательный пункт, откуда производили корректировку огня своих батарей, простреливали все подступы к высоте.

Командир 5-й стрелковой роты получил задачу выбить фашистов с высоты «Верблюд». Посовещался с политруком роты А. К. Сердюковым. Рота пошла в наступление. Сердюков шел впереди бойцов. Гитлеровцы встретили наступающих шквальным огнем. Налетела вражеская авиация, посыпались бомбы, бойцы залегли среди множества камней, используя каждую складку местности, слились с землей.

Сбросив бомбовый груз, самолеты улетели. Рота возобновила наступление. Пуля врага вывела* командира роты. Сердюков принимает командование ротой. Редеют ряды бойцов, но оставшиеся продолжают идти вперед. Ранен и политрук роты. Не обращая внимания на ранение, Сердюков руководит боем. И вот, когда до гребня высоты остается метров 200, по ней открыла беглый огонь батарея тяжелых минометов старшего лейтенанта Марунича. Под прикрытием минометного огня политрук Сердюков продвигается вперед, и, как только минометчики перенесли свой огонь в глубину вражеского расположения, с криком «Ура!» ворвались на высоту «Верблюд». Политрук не мог оставаться в строю из-за тяжелого ранения. Его эвакуировали в госпиталь. Особенно отличился пулеметчик Клименко, перетаскивая станковый пулемет с одной позиции на другую, стреляя то в тыл, то по флангам и фронту.

Гитлеровцы, потеряв господствующую высоту, лишились наблюдательного пункта. Вскоре группировка фашистов в тылу полка и на переднем крае была уничтожена. Но торжествовать победу было рано. Ибо оставалась большая сила врага, которая наступала и теснила наши роты батальона Родионова на Чертовом перевале.

7 июля командование 205-м Краснознаменным стрелковым полком принял майор Шпилев Николай Иванович, вдумчивый и волевой командир. А 8 июля командиром 52-й стрелковой дивизии был назначен полковник Вещезерский Георгий Александрович. Большими силами гитлеровцы обрушились против батальонов А. С. Родионова и Н. К. Солдатова. Капитан Родионов нетороплив. Его спокойные движения, негромкий, но повелительный голос, сдержанная приветливость всегда внушали подчиненным уверенность. Вот и сейчас он хорошо знал, что силы неравные, что против его батальона наступают больше двух отборных батальонов СС. [...]

Атака противника следовала за атакой – одна яростнее другой. И все они разбивались о стойкость родионовцев. Они стояли нерушимой стеной. Мало того что отбивали сами атаки, но еще и ходили в контратаки. В одной из контратак погиб начальник штаба батальона ст. лейтенант Гуреев. [...] Родионов сам повел часть сил своего батальона в контратаку, и ему удалось отрезать группу противника от ее главных сил вместе с артиллерией.

В боевом содружестве с пехотинцами храбро и мужественно дрались артиллеристы. Батарея полевой артиллерии ст. лейтенанта Данилова и минометчики минометной роты старшего лейтенанта Марунича выдвинулись на прямую наводку и чуть ли не в упор расстреливали эсэсовцев картечью и шрапнелью.

Особенно в этом бою метко вел огонь из своего миномета Петр Ельщищев. Каждая выпущенная мина точно накрывала цель. Петр умел играть на гармони, умел спеть песню, недаром он и был в мирные дни ротным запевалой и весельчаком. И вот в ходе боя он проявляет спокойствие и хладнокровность. Без лишней суеты, уверенно и умело шлет мину за миной на головы фашистов.

Гитлеровцы, потеряв много убитых и раненых, вынуждены отойти.

* Пропущены слова *из строя*.

Теперь угрожающее положение существовало в районе обороны 58-го сп батальона Н. К. Солдатова. [...] Враг рассчитывал с ходу смять батальон, выйти во фланг полка и уничтожить полк по частям. Он бросил в атаку сотни автоматчиков. Особенно сильный удар пришелся на боевые порядки взвода лейтенанта Марина. Но красноармейцы не дрогнули. Десять атак отбил взвод. Перед его позициями дымили два танка, впервые примененные врагом в условиях тундры. В отражении множества атак жаркое участие принимали пулеметчики пулеметной роты лейтенанта Н. И. Шапкина. Его пулеметчики своевременно выбирали удобные огневые позиции и своим огнем из «Максимов» расстреливали гитлеровцев.

Гитлеровцы продолжали идти вперед, не обращая внимания на большие потери в наступающих цепях. Командир Марин и его подчиненные переходили в контратаки. В одной из них командир взвода получил тяжелое ранение, но не покинул поле боя [...].

Силы были слишком неравны. Командир батальона видел, как враг проник на позиции четвертой роты, готовится к форсированию реки. Оставив на КП начальника штаба старшего лейтенанта Вербицкого, Солдатов с пулеметчиками бросился на левый фланг. Много фашистов было сражено метким огнем пулеметчиков. А на тех, кто переправился, обрушила свой удар рота лейтенанта Демьянова. Впереди атакующих, припадая на левую ногу, бежал Солдатов.

Когда положение было восстановлено, комбат разрешил перевязать себе рану. Наступила тишина. А тишина на фронте обманчивая и мучительная. Перерыв между боями использовали: укрепляли позиции, пополняли боезапас, вели непрерывную разведку. Через несколько часов затишья гитлеровцы ввели в бой более крупные силы. Сражение разгорелось с новой силой.

На младшего сержанта Уленкова бросилась группа фашистов, пытаясь взять его в плен. На выручку ему поспешил рядовой Соловей. Отважные воины вдвоем уничтожили более десятка гитлеровцев.

Не добившись успеха атакой в лоб, враг решил обойти батальон с фланга. Комбат разгадал и этот маневр, выдвинув сюда счетверенные зенитные пулеметные установки. Особенно проявил себя командир пулеметного расчета младший сержант Федоткин. Он в упор расстреливал цепи горных егерей.

Враг не прошел и здесь. Бой был нами выигран. Все попытки гитлеровцев выйти на дорогу, которая открывала путь на Мурманск, были сорваны.

Вскорости Солдатова назначили командиром 58-го стрелкового полка.

А 8 июля на всем участке по фронту около 20 километров 52-й сд прорвавшегося врага частично уничтожили, частично вынудили отойти за реку Большая Западная Лица. [...]

М. П. Логинов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 55. Л. 44–60. Подлинник. Рукопись.

№ 11

Из очерка М. Л. Вассермана «Коммунист, ветеран – дважды защитник Заполярья» – об однополчанине, лейтенанте Н. И. Шапкине (июль, сентябрь 1941 г.)*

18 августа 1976 г.**

С 1 по 22 июля 1941 г. рота*** старшего лейтенанта Шапкина вступила в первый**** бой с фашистскими захватчиками. Двенадцать станковых пулеметов обороняли мост через реку Западная Лица, удерживали дорогу Петсамо – Мурманск. Отборные полки егерских горных 2-й и 3-й дивизий и финны предпринимали беспрерывные атаки, пытаясь прорваться к Мурманску, овладеть Советским Заполярьем.

Вассерман Михаил Лазаревич. 1943-1944 гг. МОМ НВФФ 2649.

И в короткие передышки между атаками солдаты не выпускали из рук гашеток пулеметов. Каменистый берег реки был густо покрыт трупами егерей. [...]

В этих тяжелых боях пулеметная рота Шапкина потеряла два расчета.

Часть, в которую входила рота, была переброшена на другой участок. Начались разведывательные бои, перестрелки. Фашисты подтягивали резервы.

Новое наступление егеря возобновили на правом фланге обороны на высоте 314,9. С 12 июля 1941 г. шли ожесточенные кровопролитные бои, днем и ночью.

Утром 17 июля прошел дождь, поднялся туман. Пулеметы рассредоточились по фронту батальона. Расчеты, маскируясь среди камней, обложились огромными валунами: копать окопы было нельзя, каменистый грунт не брала даже кирка. Перед наблюдательным пунктом роты в трехстах метрах пролегла лощина, зажатая с боков скалистыми сопками. Из-за сопок методически летели фашистские мины. Вдруг наблюдатель доложил, что в долину из-за увала спускается неизвестная колонна. Командир роты посмотрел в бинокль. Между сопок действительно шла пехота, за ней – вьючные лошади. Из-за тумана можно было лишь определить, что движется не меньше роты. С левого фланга батальона коротко простучал «Максим» и тут же смолк.

«Фашисты», – подумал старший лейтенант и приказал ближайшему пулемету открыть огонь. Прошло несколько томительных минут. Пулемет молчал. Командир волновался. В расчете были сибиряки Столяров и Колтыга – исполнительные, надежные солдаты. Прибежал связной, доложил: Столяров тяжело ранен в бок осколком мины, Колтыга ослеплен. Старший лейтенант выругался, медлить было нельзя. Не пригибаясь, побежал к пулемету, забрал с собой наблюдателя Мишу Горина. Подбежали к пулемету.

---

* Очерк опубликован с изменениями в газете «Полярная правда» 15 октября 1976 г. Опущены сведения, выходящие за хронологические рамки сборника.

** Датируется по сопроводительному письму автора (ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 258. Л. 1.).

*** Пулеметная рота 58-го сп 52-й сд (установлено по воспоминаниям М. П. Логинова. ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 55.).

**** Так в документе.

Колтыга был близорукий. Взрывной волной ему сбило очки, и теперь он беспомощно ползал среди камней, шарил руками, но проклятые очки как ветром сдуло. Шапкин сам лег за пулемет, привычно поставил наводку, пулемет задрожал в длинной очереди. Когда старший лейтенант опустил на миг гашетку и пулемет смолк, откуда-то сзади из-за кустов послышался истошный крик: «Предатель! Своих стреляешь!»

Шапкин снова припал к биноклю. Видно было, что в колонне произошло замешательство. «Неужели ошибка? – обожгла мысль. – Неужели свои?» Туман мешал. В бинокле не было четкости. Тут он поймал в бинокль лошадей. Это были битюги*. У нас в армии не встречались еще такие лошади. У солдат были прямые брюки и ботинки. Из-за сопок чаще посыпались мины. «Нет, это враг! – командир крепко обхватил рукоятки пулемета, бросил Колтыге, который беспомощно щурился, так и не найдя очков, – подавай ленту!»

Теперь пулемет работал не останавливаясь... Колтыга стал заправлять вторую ленту, и тут снова послышался крик: «Предатели! Расстреливаете русских!» У Колтыги дрожали руки, лента никак не вставлялась. «Под ревтрибунал бы не угодить, Николай Иванович», – прошептал он. Шапкин молчал – метко разил врага. «Максим» застучал в яростной спешке. За пять минут старший лейтенант расстрелял две ленты. Остатки колонны отхлынули за увал...

Шапкин доложил в штаб батальона о рассеянной им колонне и криках, доносившихся из тыла. Сам он был уверен, что стрелял по врагу, но эти крики все же зародили беспокойство и тревогу. Он выслал в долину разведчиков, но противник стал обстреливать их из минометов, пришлось вернуться. Утром батальон перешел в наступление. Шапкин двигался во главе своей роты, рядом шел командир батальона алтаец майор Солдатов. «Смотри, Николай Иванович, – сказал он, – твоя работа».

В лощине в беспорядке лежало несколько десятков трупов фашистов.

«А знаешь, кто кричал из тыла?» – спросил майор и рассказал, что в тыл наших подразделений были заброшены фашистские диверсанты, переодетые в форму советских солдат. Они должны были дезорганизовать оборону и провокационными выкриками пытались посеять панику на переднем крае.

За расстрел колонны противника Шапкин был награжден орденом Красного Знамени. А через несколько дней он был ранен. Вернувшись из госпиталя, Николаю Ивановичу приказали формировать стрелковый батальон во вновь создаваемом соединении, которое получило название Первая Полярная дивизия. В соединение прибыло пополнение сибиряков из 11-го и 12-го запасных полков Томска, Новосибирска, много было и омичей.

Большая радость охватила комбата Шапкина, зная сибиряков по финской войне, которые показали героизм, мужество и стойкость в боях.

Время на формирование было коротким, с 7 по 15 сентября 1941 г. Батальон был укомплектован, а 17 сентября батальон вступил в бой.

Начались тяжелые бои. Батальон несколько раз атаковал высоты Скалистая и Ступня на рубеже реки Западная Лица. 24 сентября враг был сброшен с нашего берега, и уже ни один фашистский солдат не перешел реку.

В конце октября Николая Ивановича назначили командиром отборного лыжного отряда. Предстояло выполнить особо важное задание. Глубокой ночью лыжники во всем белом, нагруженные взрывчаткой, бутылками с горючей смесью, неслышно пересекли линию фронта и ушли в тыл врага. На третьи сутки они взорвали дамбу через реку Титовка, сожгли гараж с автомашинами и, отстреливаясь, растаяли в лесных снежных зарослях.

Вскоре отряд сжег склады противника, захватил двух пленных с ценной корреспонденцией. После этого лыжников несколько дней преследовали вражеские самолеты...

---

* Битюг – крепкий ломовой конь.

Отряд за одиннадцать дней прошел по глубоким тылам противника около трехсот километров и выполнил важное задание.

Отдыхать после похода не пришлось. На другой же день лыжников погрузили в эшелон и спешно перебросили на направление Лоухи – Кестеньга. [...]

М. Л. Вассерман

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 258. Л. 2–9.
Подлинник. Машинопись с авторскими правками.

№ 12

Из воспоминаний Ф. М. Ивакова о боевых действиях пограничников 82-го пограничного отряда в июне–августе 1941 г. – о боевой операции в районе р. Лотта и разгроме финского батальона*

5–7 марта 1981 г.

Один из эпизодов боевой жизни

27 июня 1941 г. полевые части немецко-фашистских войск нарушили государственную границу на участке нашего 82-го пограничного отряда.

Иваков Федор Михайлович.
Январь 1942 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.

Первый удар коварного врага приняли на себя пограничники линейных застав. Мужественно защищая нашу родную землю, пограничники не смогли отбить превосходящие силы врага.

Был получен приказ: каждой погранзаставе, что в силах заставы, произвести эвакуацию военного имущества, боеприпасов и продовольствия, остальное уничтожить и отойти со своих родных застав, построенных своими руками. Отход с застав был сделан для концентрации сил отряда на главном направлении. [...]

В 15.00 4 июля 1941 г. по сведениям нашей авиаразведки стало известно о том, что происходит скопление противника в районе устья реки Лотты.

В 04.00 5 июля 1941 г. был создан отряд из пограничников отошедших застав в 158 человек под командованием начальника штаба 82-го погранотряда майора Немкова Яна Андреевича, который в 15.00 этого же дня повел свой отряд в наступление. Участником последнего довелось быть и мне.

Предварительно выслали разведку под командованием мл. лейтенанта Семенова. Разведка завязала бой около отдельной избы на берегу Лотты. Там финны и немцы собирались переправиться через Нотозеро. Майор Немков выслал на помощь разведчикам группу с минометным расчетом под командованием политрука Сапкалова, поставив задачу не допустить (сорвать) переправу противника.

* Опущены сведения об истории 82-го пограничного отряда, о роли политической работы, некоторые подробности планирования второй боевой операции и побега белофиннов во втором боевом эпизоде.

Политрук Сапкалов, обнаружив врага, минометным огнем утопил в озере несколько лодок с финскими солдатами и офицерами, остальные повернули обратно к берегу. Боевая задача выполнена. Но сами политрук Сапкалов и мл. лейтенант Семенов со своими пограничниками были окружены врагом. Героически сражаясь, товарищи Сапкалов и Семенов погибли в неравном бою. Пограничники некоторые были ранены, но прорвались через кольцо врага и доложили тов. Немкову о скоплении и количестве группы противника на высоте у берега Лотты.

На основании данных разведки майор Немков, установив численность врага, решил атаковать противника, прижать его к Нотозеру и разбить.

Распределив свои силы на 3 группы – группу капитана Большакова, группу политрука Ивошина, группу лейтенанта Попова – перешел в наступление.

Сбив боевое охранение противника, стремительно двинулись в поход. Белофинны, стараясь приостановить наше продвижение, зажгли лес, по которому мы наступали. Лес сухой, как порох, мох и большое количество валежника способствовали быстрому распространению пожара, который охватил до 2-х км по фронту. Огромные языки пламени гуляли по лесу, шумя, как водопад.

Зажигая лес, враг рассчитывал, что атакующие изменят направление и пойдут по болоту (как потом стало известно). На болоте нас должны были встретить 5 станковых пулеметов кинжального действия.

Майор Немков разгадал ловушку врага. Пойти в атаку по болоту нельзя, но нельзя также останавливаться, переходить к обороне в горящем лесу. Майор Немков решил проскочить через горящий лес в противогазах, так как дым не давал дышать и жег глаза, стремительным броском преодолеть огневую преграду и внезапно из огня обрушиться на врага.

«Вперед!» – скомандовал майор Немков и повел пограничников сквозь огонь. Люди задвигались в дыму и нестерпимой жаре. Жгло лица от горячей резины противогазов. У некоторых начали тлеть гимнастерки и брюки. Пограничники бежали, прикрывая руки полами гимнастерок. Помню, как сейчас, этот молниеносный прыжок был совершен под сильным ружейно-пулеметным и минометным огнем противника через горящий лес.

Первым вывел свое отделение в атаку мл. сержант К. Ф. Кедров и ударил по врагу. За что впоследствии награжден орденом Ленина.

Внезапное появление бойцов из огня ошеломило белофиннов. Враг, прижатый к озеру и реке, отчаянно защищался. Наконец, не выдержал напора нашей штыковой атаки, рассыпался на группы и стал удирать через реку Лотта на плотах и лодках, которые почти все были потоплены огнем наших воинов. Часть врагов ушла через болото обратно к населенному пункту Лотта. Бой был закончен штыковой атакой.

В этом бою захвачено пограничниками в качестве трофея 5 станковых пулеметов, 18 винтовок, один финский солдат взят в плен в качестве «языка». На поле боя подобраны 22 трупа финских солдат, 3 финских офицера, не считая утопленных в реке и озере, а их пошел ко дну не один десяток.

Наши потери: убито 24 человека, ранено 36 человек.

Во фронтовой газете о наших боевых действиях было напечатано стихотворение А. Коваленкова «Храбрецы».

За этот бой посмертно награждены орденом Ленина политрук Ивошин, политрук Сапкалов, мл. лейтенант Семенов, лейтенант Стручков.

Второй боевой эпизод

Отряду тов. Я. А. Немкова в составе 347 человек поставлена новая задача: проникнуть незамеченными в тыл вражеского логова и нанести внезапный удар по врагу одновременно тремя группами. [...]

По замыслу все три группы должны вступить в бой одновременно. [...] Мне довелось принимать бой со своей погранзаставой в группе капитана Акульшина, т. е. на главном направлении.

Шли мы к указанной цели по тундре, по болотам. В этом марше еще раз проявились великолепные свойства советского пограничника, его умение ходить бесшумно, не выдавая себя ни кашлем, ни шорохом. Неверный шаг, треск небольшого сучка могли навлечь беду на весь отряд. Бойцов всюду поджидали вражеские «кукушки». И еще одно качество, выработанное пограничниками в мирное время, обнаружилось в эти дни – умение видеть то, чего не заметил бы другой, слышать то, чего другой не услышит. Огромное напряжение всех духовных и физических сил, соединенное с хладнокровным благоразумием и бдительностью, обеспечило успех отряду и позволило перенести все лишения похода. [...]

На 3-й день похода, в 4 часа утра 26 июля 1941 г., бойцы под командованием майора Немкова бесшумно вышли на высоту перед местечком Лотта. По разработанному плану атака на местечко Лотта должна производиться одновременно с группой лейтенанта Попова, которая должна была наносить удар из-за реки. Но, ввиду сильно пересеченной местности, лежащих на пути больших рек, болот и дальнего маршрута группа лейтенанта Попова в условленное место к назначенному времени не подошла.

Откладывать атаку нельзя. Помня слова русского полководца Суворова «Внезапность, быстрота и натиск решают судьбу боя», майор Немков решил не ждать группы лейтенанта Попова и действовать немедленно, хотя и наполовину меньшим количеством бойцов, но действовать внезапно для противника (у т. Немкова было всего около 100 чел. бойцов).

Майор Немков приказал коменданту 3-й комендатуры капитану Акульшину и политруку Кожухину атаковать противника в местечке Лотта. [...]

В 05.00 мы своими погранзаставами с двух сторон подошли к поселку Лотта, сняли финских часовых у штаба и складов и как гром с ясного неба, не предвещавшего грозы, набросились на спящего противника. Враг в панике стал выскакивать из домов в окна и двери, кто в нижнем белье, кто голяком, показывая из себя белую «мишень» на зеленом фоне травы и кустарников. В панике и полной растерянности противник ведет беспорядочную, бесприцельную стрельбу из автоматов, удирая из дверей и окон домов, в которых спали, раздевшись как дома, главным образом, бросились вплавь через реку Лотта. [...]

Мы понимали, что противник стремится задержать нас перед атакой штабного помещения и тем самым дать возможность для эвакуации или уничтожения штабных документов. Значит, надо немедленно врываться в помещение штаба.

Я приказал ручному пулеметчику т. Самсонову дать несколько очередей по дверям и окнам штаба. Стрельба внезапно из штаба прекратилась, подбегаю к двери, с группой пограничников врываемся в штаб, слышу топот сапог по лестнице на второй этаж, немедленно бросился с двумя бойцами догонять убегающих. В это время со второго этажа нам навстречу что-то тяжелое упало между перил на первый этаж. Мы думали, противотанковая мина, но, как потом стало известно, это был металлический ящик со штабными документами, брошенный убегающими. Догнать убегающих мне не довелось, они с ходу выпрыгнули в окно второго этажа. Последним, видимо, выпрыгнул немецкий советник капитан Эклюнд и свой мундир с документами оставил на шпингалете окна. Выпрыгнувшего на землю пулеметчик Самсонов пристрелил из своего ручного пулемета. [...]

Командиру финского батальона Пеннонену, раненому, удалось удрать и переплыть через реку Лотта на противоположный берег. Об этом стало известно от пленных финских солдат.

Поставленная задача выполнена. Местечко Лотта освобождено, штаб белофиннов разгромлен, вся операция длилась не более 30–40 минут. Мы потерь не имели, не было и раненых.

Мы с личным составом своей погранзаставы овладели штабом финского усиленного батальона, захватили металлический ящик с важными секретными документами, при вскрытии которого оказалось, что в нем находятся планы и схемы наступления. В одном из планов разработан маршрут движения и нанесен черный крест на поселок Лотта и местечко Рестикент, показано движение стрелкой на единственную тогда гидроэлектростанцию в Заполярье – Мурмаши и районный центр Колу.

Во втором плане указано, что финны создают свои базы и опорные пункты в поселке Лотта, в устье реки Лотта, в местечке Рестикент. Показано, какие должны будут произведены инженерные работы, поля минирования, проволочные заграждения и т. п.

У нас оказались все списки личного состава, строевая записка на 26.07.1941, в которой значится количество личного состава – 1200 человек. Из списков нам стало известно, что против нас действует 6-й отдельный пограничный батальон под командованием начальника Петсамского пограничного округа майора Пеннонена, что в составе батальона имеется рота лодочников, минеры, минометчики, автоматчики, связисты, радисты и др. Нам стало известно о количестве рядовых, сержантского и офицерского состава противника. Мы узнали о количестве их вооружения и чем они вооружены, картина для нас стала ясной целиком и полностью.

При помещении штаба нами захвачена телефонная станция и санитарная часть с медикаментами, прибывшая почта из Финляндии и почта, подготовленная для отправки в Финляндию.

Из прибывшей почты для солдат мы узнали о положении финского тыла. Из почты и писем, написанных солдатами в Финляндию, мы узнали о настроении финских солдат. Они писали, что русских бьют, что триумфальным маршем двигаются к станции Кола, что скоро будут гулять по Мурманску и т. п. Пишут в письмах обратный адрес: станция Кола, батальон Пеннонена.

В газетах нанесена карта СССР, на которой показано, что вся Кировская жел. дорога до станции Шонгуй находится в финских руках, что немецкие войска подошли к Москве, и от Москвы линия фронта по прямой идет на Ростов-на-Дону к Черному морю, в то время, когда еще немецкие войска не подошли к Минску и к Киеву, а финны не подошли к жел. дороге Ленинград – Мурманск. Нам стало ясно, какой ложью гитлеровцы обрабатывают своих солдат.

Погранзастава мл. лейтенанта Кныш и мл. политрука Третьякова захватила склады с боеприпасами и продовольствием полуторамесячного запаса на 1500 чел. В нем наши бойцы нашли масло, украденное у голландских крестьян, сыр, отнятый у французских фермеров, консервы из Норвегии, мясо из Дании.

В складе боеприпасов оказалось полмиллиона винтовочных и пистолетных патрон, более тысячи гранат, не одна тысяча мин, большое количество взрывчатых веществ.

Противник понес большие потери. Убито более 13 человек, не считая раненых и утопленных в реке Лотта во время их бегства вплавь. Два финских солдата взяты в плен.

На реке Лотта захвачены 2 моторные и 17 весельных лодок, полностью нагруженных продовольствием и боеприпасами. Пленные показали, что отряд 1000 чел. сейчас находится в пути к Рестикенту и что лодки были подготовлены для отправки к движущемуся отряду, что в местечке Лотта со штабом батальона была рота финских солдат и офицеров в количестве 200 чел.

Из показаний пленных и захваченных документов видно, что противник по своей численности в несколько раз превосходит нас, надо немедленно занимать выгодный рубеж для обороны.

Пополнив себя боеприпасами и продовольствием из складов противника, что были в силах, вывезли из их складов и 27 июля 1941 г. отошли на безымянную высоту (которая впоследствии названа «Ударной»). Заняли оборону. Все, что оставалось в местечке Лотта, было нами уничтожено, утоплено в реке или сожжено. Противник лишен запасов боеприпасов и продовольствия, но нужно было ожидать ответного удара. Так оно и получилось.

27–28 июля 1941 г. противник вернулся из похода на Рестикент и несколько раз атаковал нашу оборону. Мы знали, что их сила более 1000 чел., а нас только 340 чел. (к этому времени к нам подошло подкрепление – группы Куприянова и Попова). Но мы знали, что у противника нет запасов боеприпасов и продовольствия, поэтому долго атаковать нас они не могут. Все атаки противника отбиты.

Противник потерял убитыми 60 чел. и 60 чел. ранеными и отошел.

У нас убитых нет, ранено 2 человека.

Ф. М. Иваков

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–3, 4–9. Подлинник. Рукопись.

№ 13

Из воспоминаний С. В. Коломийца «Полярная дивизия» – о формировании дивизии (до 14 сентября 1941 г.), о ее значении в провале сентябрьского наступления противника на Мурманском направлении*

12 июня 1967 г.

В гор. Мурманск я прибыл 1 сентября**. День был солнечный и ясный. Только что закончилась боевая воздушная тревога. 8 часов утра. Немецко-фашистские самолеты, пытавшиеся бомбить город, были отражены нашей противовоздушной обороной.

Не скоро мне удалось добраться в штаб армии, расположенный на окраине города.

Вскоре меня вызвали на командный пункт к командующему армией генерал-майору Р. И. Панину. Я с командиром еще до этого был знаком по службе. Он командовал 42-м стрелковым корпусом, куда входила и 104-я дивизия. Неоднократно генерал Р. И. Панин бывал в полку, которым я командовал, проверял учебу и хозяйство, давал полезные советы.

Командующий армией встретил меня приветливо. Он всегда производил на меня хорошее впечатление. С подчиненными он был сдержан и вежлив, спокоен, осмотрителен. Он никогда не пренебрегал мнением младших по должности.

После доклада о прибытии и ответов на некоторые вопросы командующий армией объявил мне, что я назначаюсь командиром Полярной дивизии и что она уже начала формироваться в военном городке города. Он предложил мне форсировать формирование, ибо обстановка на фронте с каждым днем все больше и больше усложняется. Дивизия должна быть сформирована в короткий срок. Пополнение поступает из трудящихся гор. Мурманска. Личный состав будет в некотором некомплекте. С вооружением тоже не все гладко и даже трудновато. Оно поступает от караульных команд местного гарнизона и гарнизонов области. Артиллерии мало, и дивизия ею будет в некомплекте. Дав дополнительно ряд указаний, командарм напомнил мне, что перед армией стоит задача – не допустить врага к городу Мурманску и Полярное***.

---

* Опущены сведения о прохождении службы до перевода в г. Мурманск в распоряжение командующего 14-й армией, о выведении в ноябре 1941 г. Полярной дивизии в резерв и о последующей переброске ее на Кестеньгское направление, о дальнейшем боевом пути дивизии и ее переименованиях.

** 1941 г. – установлено по содержанию документа.

*** Так в документе. Правильно: г. Полярный (с. Полярное существовало до сентября 1939 г.).

Коломиец Стефан Владимирович.
1941-1942 гг.
МОМ НВФФ 1850.

От командующего армией и от ответственных лиц армейского штаба я узнал подробности прошедших двух месячных боев на Мурманском направлении. Они сводились к тому, что немецко-фашистские войска, начав свое первое наступление в конце июня и в начале июля, имели основное направление действий – Полярное, Мурманск, при поддержке 280 самолетов. Одновременно с наступлением на суше немецко-фашистские войска предприняли морские операции в Баренцевом море с целью уничтожения нашего флота и тем содействовать наступлению наступающих своих же сухопутных войск. Ему удалось оттеснить наши части на рубеж реки Западная Лица, где он был остановлен частями 52-й дивизии под командованием генерал-майора Вещезерского. Второе наступление немецко-фашистские войска начали с рубежа реки Западная Лица в ночь на 8-е июля. Бои шли тяжелые и кровопролитные. В тыл противника был высажен наш десант из пограничников и краснофлотцев морской бригады. Для ликвидации десанта противник снял часть сил с фронта. Воспользовавшись этим, наши войска перешли в наступление и отбросили противника за реку Западная Лица. Понеся большие потери в этих боях, противник вынужден был с 17 июля перейти к обороне по западному берегу реки Западная Лица, одновременно подтягивая из глубины свежие резервы для организации нового наступления.

Итак, и второе наступление немецко-фашистских войск на Мурманск провалилось.

После этих боев по всему фронту разнеслась весть о героических подвигах воинов на Мурманском направлении. Воин морской бригады десантник краснофлотец И. М. Сивко 2 августа, прикрывая отход своего десанта, огнем сдерживал гитлеровцев. Фашисты окружили его и с криком: «Рус, сдавайся!» – бросились на него. Когда кончились боеприпасы, Сивко последней гранатой подорвал наседавших на него гитлеровцев и сам героически погиб. За героический подвиг и беззаветное служение Родине краснофлотцу И. М. Сивко присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В ходе боев отличилась 5-я батарея 241-го гаубично-артиллерийского полка под командованием командира батареи старшего лейтенанта Белякова. Она, огнем прямой наводки уничтожая врага, пробила себе дорогу, вышла из окружения и присоединилась к своим войскам.

Сержант разведбатальона тов. Г. С. Ястреб в разгаре боя, три раза меняя со своим пулеметом позиции, уничтожил не один десяток вражеских солдат и содействовал выходу из окружения своего подразделения.

На этих примерах героических подвигов впоследствии воспитывались воины Полярной дивизии, а многие из них повторяли эти подвиги сами в бою.

Получив указания Военного совета армии, я убыл в штаб дивизии, расположенный в районе военного городка.

В штабе дивизии шла кропотливая работа. Прибывали команды личного состава, вооружение, транспортные и технические средства. Тут я познакомился с руководящим составом управления дивизии, с которым в будущем предстояло организовывать части и руководить ими в бою.

1. Комиссар дивизии батальонный комиссар Егоров. Это опытный политработник, еще до войны был комиссаром одного из артиллерийских полков округа. Пытливый и принципиальный, несколько горяч. Заботлив о людях и смел в бою.

2. Начальник штаба подполковник Дмитриев. Грамотный и вдумчивый офицер. Тактически подготовлен, хороший организатор. Знает штабную работу и штаб держит в руках. До войны закончил военную академию имени Фрунзе.

3. Командующий артиллерией дивизии полковник Колосов прибыл в дивизию уже в ходе боевых действий, который показал себя грамотным артиллерийским начальником и умелым организатором артиллерии в бою. С т. Колосовым я был знаком еще до войны, будучи в 104-й стрелковой дивизии, где он командовал 290-м артиллерийским полком, а я – 273-м стрелковым полком. С тов. Колосовым я нашел общий язык, и в особенности в организации боя. И до сего времени я вспоминаю его всегда теплым словом.

Эти люди уже включились несколько дней в работу формирования дивизии, и от них я получил полные сведения о ходе этой ответственной работы.

Пока формировалось два стрелковых полка и специальные части.

На укомплектование Полярной дивизии прибывали рабочие, инженерно-технические работники, партийные, комсомольский и хозяйственный состав города и области из различных национальностей нашей страны.

По мере укомплектования подразделений в частях проводились занятия по тактике и изучению оружия.

К 12 сентября 238-й стрелковый полк был укомплектован на 80%, 290-й стрелковый полк – на 65%, разведрота – 100%, батальон связи – 50%, штаб дивизии – 50%.

Не хватало средств связи, санитарного и хозяйственного транспорта, хотя все это продолжало поступать за счет местных средств.

Формирование дивизии шло медленно. Из-за недостатка личного состава третий стрелковый полк еще формирование не начал. Слабо поступала материальная часть артиллерии, вследствие чего артполк так и оставался недоукомплектован.

А с фронта поступали тревожные вести об ожесточенных боях.

Немецко-фашистские войска предприняли новое наступление с целью захвата г. Мурманска. Это третье наступление было начато с рубежа реки Западная Лица уже двумя группировками при поддержке сильной авиации. Замысел их сводился к тому, чтобы ударом по нашим флангам обороны смять нашу оборону и прорваться к гор. Мурманску.

Северная группировка войск противника состояла из 2-й горно-стрелковой дивизии, усиленная финскими и немецко-фашистскими частями, она начала наступление 8 сентября, но на второй же день была остановлена частями 52-й дивизии.

Южная группировка противника состояла из 3-й горно-егерской дивизии фашистских войск, усиленная многими частями других дивизий при поддержке сильной авиации. Наступление начала 9 сентября и, обойдя левый фланг нашей обороняющейся 14-й дивизии и прорвавшись там, где наши части слабо оборонялись или вовсе не оборонялись, продолжала свое наступление и 14 сентября вышла в район озера Серповидное и озера Куырк-явр. Хотя она была встречена подоспевшим резервом 14-й дивизии, однако этот резерв не в состоянии был сдержать вражеские части и вынужден был с тяжелыми боями отходить на северо-восток. Развивая свое наступление, противник перерезал в районе 42 километра нашу единственную коммуникацию – дорогу Мурманск – Большая Западная Лица, которая питала войска. Была нарушена связь с тылом, прекращен подвоз боеприпасов и продовольствия. Прекратилась и эвакуация раненых. Стала угроза выхода противника в район города Мурманска, ибо 14-я стрелковая дивизия не могла своими силами и средствами не только восстановить положение, но не имела сил, чтобы задержать дальнейшее продвижение противника. Изменить эту обстановку в нашу пользу могли лишь введенные в бой свежие силы из резерва нашей 14-й армии.

Противник мечтал к 20 сентября занять город Мурманск. Данными о наличии резервов в районе Мурманска он не располагал и уже предвкушал победу.

В создавшейся этой тяжелой обстановке Военный совет 14-й армии принял решение перебросить в район боев формировавшуюся в гор. Мурманске Полярную дивизию народного ополчения из трудящихся г. Мурманска и области. Хотя дивизия была недостаточно сколочена и не имела боевого опыта, не закончила еще формирование одного полка, имела большой некомплект в личном составе, но обстановка требовала во что бы то ни стало остановить врага.

Полярная дивизия получила 13 сентября задачу: «К 20.00 14.09 выступить из занимаемого района по маршруту мыс Мишуков, гора Салжвыд и к 10.00 15.09 сосредоточиваться в районе выс. 238,8, имея целью наступать во фланг и тыл противнику в общем направлении на южные пороги, с задачей окружения и разгрома 138-го горно-стрелкового полка».

Перед вступлением в бой личный состав дивизии еще накануне провел партийные и комсомольские собрания с задачей о передовой роли коммунистов и комсомольцев в бою. Проведены были и митинги в подразделениях о самоотверженности выполнения боевой задачи каждым воином и целым подразделением. Приводились примеры героических подвигов, совершенных на Мурманском направлении воином-краснофлотцем И. М. Сивко, сержантом разведчиком Г. С. Ястреб и личным составом 5-й батареи 241-го гаубичного артиллерийского полка под командованием старшего лейтенанта Белякова. После проведенных партийно-комсомольских собраний многие воины подавали заявления о вступлении в партию, чтобы в бой идти коммунистами.

Воины частей, где комиссарами были тов. А. Д. Антоненко и Махотин, особенно тщательно готовились к боям. Ведь их части должны были наступать в первом эшелоне, и они первыми должны были вступить в схватку с врагом. Им прививалась любовь к Родине, верность к воинской присяге и ненависть к врагу. Готовились снайперы для уничтожения «кукушек» врага, засевших на вершинах гор или на склонах их, за валунами. Готовились и смелые воины для уничтожения пулеметчиков врага в гнездах, обложенных камнями, и огнем мешающих продвижению наших боевых порядков. Орудийные расчеты тренировались к передвижению со своей материальной частью по скатам гор и ведению огня снизу вверх и сверху вниз. Эта работа укрепляла веру воинов в победу и мобилизовала их на боевые подвиги.

В ночь на 15.09 Полярная дивизия после трудного марша незаметно для противника сосредоточивалась в районе выс. 238,9.

Для обеспечения захвата и удержания дефиле между озерами Куырк-явр и Куырк-явр-Лубол был выслан передовой отряд, который своевременно вышел в назначенный район и закрепился.

Выполняя полученную задачу, я, как командир дивизии, решил: частью сил 290-го стрелкового полка сковать противника с фронта на участке оз. Куырк-явр, оз. Виль-явр, а основными силами с перешейка между оз. Виль-явр и рекой Западная Лица атаковать противника, занявшего впереди высоты, в общем направлении на южные пороги с целью выхода во фланг и тыл 138-го горно-стрелкового полка противника и во взаимодействии с соседней частью 14-й стрелковой дивизии окружить его, и уничтожить. В последующем наступать в направлении высоты 205,7, форсировать р. Западная Лица, громить части 3-й горно-стрелковой егерской дивизии противника и выйти на рубеж: выс. 205,7 – оз. Песчаное.

На рассвете 17.09 основные силы Полярной дивизии атаковали правый фланг 138-го горно-егерского полка противника в районе южнее оз. Нож-явр. Для противника наша атака оказалась неожиданной. Его правофланговый батальон повернул фронтом на юг, но был смят, и большая его часть была уничтожена. Контратака второго эшелона этого полка во второй половине дня не дала ему успеха. К этому времени наступление противника с фронта было приостановлено. Все его резервы и специальные части бросились для занятия южные пороги*.

* Так в документе.

В ночь на 18.09 наши передовые подразделения вышли в район оз. Нож-явр, а с рассветом в район южные пороги, где был уничтожен маршевый батальон противника, прибывший на пополнение 3-й горно-егерской дивизии.

К 20.09 Полярная дивизия во взаимодействии с соседней частью 14-й стрелковой дивизии полностью уничтожила 138-й горно-егерский полк и нанесла тяжелые потери 139-му горно-егерскому полку. Противник, несмотря на отчаянное сопротивление и попытки удержать за собой переправы на реке, был разгромлен и начал отходить на ее западный берег.

До 28.09 бои проходили в основном западнее р. Западная Лица, в районе выс. 205,7, где противник занял этот рубеж остатками 3-й горно-егерской дивизии, специальными частями и введенной из резерва 6-й горно-егерской дивизией.

В ходе боев с частями Полярной дивизии враг потерял более 1500 солдат и офицеров убитыми и несколько тысяч ранеными. Был разгромлен штаб полка, захвачены большие трофеи и ценные документы германского командования.

Воины Полярной дивизии дрались с врагом с исключительной стойкостью и самоотверженностью. Образец смелых и решительных действий показывали коммунисты и комсомольцы. Они цементировали боевые порядки, вдохновляли воинов на боевые подвиги и всегда были впереди. Каждый день рождал новые и новые героические дела группами, одиночками и целыми подразделениями. Летопись боевой славы свято хранит их бессмертный подвиг.

В бою при атаке высоты «Безымянной» 18 сентября 1941 г. секретарь бюро комсомольской организации 290-го стрелкового полка И. В. Кирюшкин вступил в единоборство с группой фашистов. Он сражался до последнего патрона и гранаты. Будучи раненным, он истекал кровью, но не сдался в плен врагу, а последней гранатой уничтожил наседавших на него фашистов и сам геройски погиб.

Младший лейтенант 290-го стрелкового полка командир взвода тов. Хаибулин Ахмет подготовил не один десяток снайперов. Будучи сам снайпером, он уничтожил несколько десятков вражеских «кукушек» врага, засевших на вершинах гор и мешающих продвижению наших боевых порядков. Сын татарского народа вместе с русскими, украинцами и многими народами многонациональной страны защищал нашу родную землю на суровом Севере и показывал свое боевое мастерство и подвиг своего народа.

Командир батальона 290-го стрелкового полка капитан И. В. Брагин своей смелостью и дерзостью всегда появлялся там, где враг не ожидал нас, он обходным маневром по лощинам, среди гор, вышел в тыл противнику и разгромил маршевый батальон егерей, прибывший на пополнение 3-й горной дивизии немцев.

Командир 238-го стрелкового полка подполковник И. М. Зайцев, искусно маневрируя своим полком, обходя горы по трудному пути, неизведанными тропами, заваленными валунами, вывел полк в тыл противнику и во взаимодействии с 290-м стрелковым полком разгромил 138-й горно-егерский полк 3-й горно-стрелковой егерской фашистской дивизии.

В назначенное время выхода полком для атаки 18.09 на рассвете я связался с командиром полка и запросил доложить обстановку. Подполковник И. М. Зайцев предупредил меня, что впереди перед ним движется колонна немцев на дороге внизу, доклад будет тихим голосом, ибо слышимость может выдать противнику. Доложил, что через десять минут атакует. Пожелав ему успеха в выполнении задачи, я вышел из землянки. Через несколько минут я уже слышал сильный бой в районе этого полка. Этот бой 18.09 и 19.09 завершил разгром 138-го горно-егерского полка.

Командир 290-го стрелкового полка тов. А. С. Шушков под воздействием сильного пулеметного и артиллерийского огня противника сумел организовать в районе озера Серповидное и Куырк-явр с фронта стойкую оборону, задержал передовые боевые порядки противника на 42 километре западнее Мурманска и в тяжелой обстановке боя вынудил противника перейти к обороне. В последующем, перейдя в наступление

своим полком, во взаимодействии с 238-м стрелковым полком разгромил подразделения 138-го горно-егерского полка фашистов, форсировал реку Западная Лица и вышел в район выс. 205,7.

В итоге десятидневных боев 3-я егерская дивизия, обескровленная и неспособная к боям, была выведена в резерв на переформирование. Вместо нее оборону заняла введенная из резерва 6-я горно-егерская дивизия.

Таким образом, и сентябрьское наступление противника на Мурманском направлении успеха не имело. Войска 14-й армии в составе 52-й, 14-й и Полярной дивизии во взаимодействии с Северным военно-морским флотом снова остановили фашистов на подступах к Мурманску, и на этот раз уже окончательно. [...]

С. В. Коломиец

МОМ ОФ 23911. Подлинник. Машинопись.

№ 14

Из воспоминаний Н. И. Шапкина о 1-й Полярной дивизии – о формировании 2-го Полярного полка*

Утро 8 сентября выдалось холодным, с Баренцева моря тянул холодный ветер, гнал тяжелые, свинцовые, нависшие над сопками облака, моросил небольшой дождь. Грузовые автомашины выехали из городка**.

Командир полка капитан С. К. Шушко и его штабные офицеры – в головной машине. Командный состав первого батальона во главе с комбатом Прохоровым шли на второй автомашине, третья машина шла под моим командованием с командирами второго и третьего батальонов. В это время я познакомился с командиром 3-го стрелкового батальона капитаном Брагиным Иваном Антоновичем, бывшим работником райвоенкомата Колы Мурманской области. Он мне очень понравился. Среднего роста, коренастый, блондин, с светлыми глазами, лицо было в «рябинках» (результат болезни – оспы). Разговорчив, душевный человек, обходительный, имел жизненный опыт, ему было около 40 лет.

На марш много времени не потребовалось, всего немного больше было одиннадцати километров от Мурманска. Мы прибыли в район Мурмаши, где недалеко в лесу располагался строительный лагерь НКВД. С прибытием в лагерь нам построили людей. Они представляли, если выразиться, самую разношерстную людскую массу по одежде, по виду, возрасту и т. д.

Комиссар полка Махотин Ефрем Алексеевич выступил перед строем, сказал: «Военный совет 14-й армии, Мурманский обком партии обращается к вам с просьбой пойти добровольно в ряды Красной армии, бить фашистскую нечисть, которая угрожает городу и портам Мурманска. Враг беспощаден, неумолим, его надо не только сдержать и выбросить за реку Западная Лица, но и окончательно разбить. Родной наш город Мурманск не отдадим фашистским извергам!»

---

* Дата создания документа не установлена. Опущены воспоминания об июльских боях 1941 г. в районе реки Западная Лица, о нахождении в госпитале № 1441, сведения о получении назначения на должность командира 2-го стрелкового батальона Второго Полярного полка, некоторые подробности передвижения Второго Полярного полка к линии боев.

** Имеется в виду военный городок недалеко от Мурманска.

Шапкин Николай Иванович.
1965 г.
МОМ ОФФ 15437/3080-2.

Речь была зажигательной, внушительной, глубоко доходчивой. Послышались аплодисменты в строю.

Первыми я решил отобрать пулеметчиков, зная, что огневая поддержка зависит от них. Я обратился к строю и сказал: «Кто в армии служил и знает пулемет «Максим» – выйти из строя на пять шагов вперед». Вышло двадцать два человека. Это меня порадовало. Потом сказал: «Кто знает ручной пулемет Дегтярева – выйти вперед 8 шагов». Вышло восемнадцать человек. Думаю, тоже неплохо.

Командиру пулеметной роты лейтенанту Горнову приказал отвести вперед и составить список по всей форме на пулеметчиков.

Третий мой вопрос: «Кто изучал и знает миномет 82-мм – выйти из строя на пять шагов вперед» – вышло тринадцать человек. Смотрю, маловато. Обращаюсь к строю: «Кто имеет семь–десять классов образования – выйти на шесть шагов вперед» – вышло 9 человек.

Эту группу, 22 человека, приказал командиру минометной роты лейтенанту Маркову отвести в сторону и составить список.

Для пулеметной и минометной рот и взводам снабжения и связи нужны ездовые.

Обращаюсь опять к колонне: «Кто служил в кавалерии и артиллерии и знает уход за конем, выйти из строя шесть шагов вперед». Тут я не ожидал такого количества, вышло более сорока человек.

Приказываю командиру взвода снабжения батальона лейтенанту Коршикову Ивану Степановичу отвести всех в сторону, составить список и распределить по минометной и пулеметной ротам и взводам связи и снабжения.

После отобрали связистов, медиков, поваров и перешли к отбору пехотинцев. Командиров рот расставил пропорционально колонне, которые обратились к людям и начали отбирать по взводам.

К 13.00 отбор закончили. Около 600 человек построили в колонну и двинулись в Мурманск в военный городок.

Шли пешим ходом. Люди были одеты и обуты по-разному. К вечеру колонна вступила на территорию военного городка, где шло необычайное движение. Первый Полярный стрелковый полк получал вооружение, снаряжение. В местах чистки оружия столпились солдаты, некоторые чистили, часть ждали, когда освободится место, многие, подложив доски и бумагу, на земле чистили пулеметы. На столах лежали пакля, марля, бумага. Младшие командиры показывали молодым воинам правила чистки оружия.

Я с командирами рот подвел личный состав к бане, с какой радостью восприняли люди баню! Через два часа уже было не узнать людей, все были острижены, выбриты, одеты, обуты в единственную военную форму. После бани – часовой отдых, и повели на ужин.

Утром 9 сентября личный состав батальона был построен: проводилась проверка, уточнение по спискам, укомплектовались отделения, взводы, роты. Провели строевой смотр, потом занятия по строевой подготовке. В ходе строевого смотра и занятий по строевой подготовке подбирали командиров отделений, помощников командиров взводов.

К вечеру всем выдали вещевые мешки, снаряжение, лопаты. Пулеметная рота получила материальную часть – станковые пулеметы системы «Максим».

Прибывал политический состав – политруки рот, большинство из них были мурманчане – бывшие партийные и комсомольские работники районов, фабрик, заводов, рыболовного флота.

Утро 10 сентября возвестило «Воздушную тревогу». Фашистские стервятники пытались прорваться к Мурманскому порту, но, встретив огневую завесу, повернули на юго-запад, сбросив бомбы на сопки.

После завтрака командиры рот, выстроив свои подразделения, повели их к складам, получили оружие, снаряжение. До самого вечера чистили ручные пулеметы, винтовки, лопаты; связисты проверяли средства связи и телефоны, катушки с проводом. Командир взвода снабжения с поварами чистили три кухни, налаживали повозки.

Минометчики приводили в порядок материальную часть, проверяли приборы, готовили транспорт, лошадей, подгоняли к ним сбрую.

До самого позднего вечера в военном городке кипела работа. [...]

В 10 часов 11 сентября 2-й стрелковый батальон прибыл на стрельбище. Участки для стрельбы пулеметчикам, стрелкам, минометчикам были определены до нас. Блиндажи, мишени, огневые рубежи были изготовлены еще первым полком, это нам облегчило задачу, ускорило стрельбу.

В 11 часов началась стрельба. Ротные, взводные руководили, учили воинов стрельбе: изготовку и вести огонь.

К нашему удивлению, мы ожидали худших результатов, как оказалось практически – стрелки более 80% выполнили упражнение. Ручные пулеметчики отстреляли на 74%, станковые – на 82%. Минометчики – на 76%.

Это нам дало уверенность, что в бой идти можно, как можно быстрее не допустить врага к Мурманску. Итоги стрельбы были подведены ротными командирами.

К вечеру батальоны возвратились в военный городок. Конечно, люди, не привыкшие к походам, причем была большая напряженность при проведении стрельбы, чувствовалась большая усталость.

12 сентября узнали, что Первый Полярный полк выступил на фронт. 12–13 сентября мы занимались с личным составом, ротные взводные проводили тактическую подготовку. Отделение, взвод в наступление, отрабатывалась атака цепью. Наряду с этим учили перебежкам, переползаниям, бросок гранат и атака. В проводимых занятиях учился младший, средний комсостав, многие из них были призваны из запаса, некоторые проходили подготовку при ОСОАВИАХИМе, а другие и вообще не проходили военной подготовки.

Мы, конечно, понимали, что на занятия времени остается мало, вот-вот выйдем в поход вслед за первым полком. [...]

Долго время не тянулось, в 21.00 14 сентября срочно пригласили в штаб полка всех командиров батальонов, заместителей по политработе. В штабе были ком. полка Шушко, комиссар И. О. Махотин, штабные офицеры, парторг полка Малышев.

Командир полка сообщил: 15 сентября в 6 часов полк поднимается в полном составе и выходит в порт для переправки и похода на запад. Сообщил порядок движения и переправы. В 6.00 первым выступил 1-й строительный батальон под командованием ст. л-та Прохорова и нач-ка штаба ст. л-та Пилипенко.

Вслед за 1-м стрелковым батальоном в колонну по три я повел 2-й стрелковый батальон. Я еще подхрамывал, рана давала боль в левую ногу. Адъютант старший лейтенант Липай шел со мной рядом.

Комиссара батальона еще не было. Потом подошел секретарь партийной организации полка Малышев Михаил Павлович, среднего роста, худощавый, с широкими черными бровями, небольшие карие глаза, с французскими усиками. Сказал мне, что послан к нам для помощи. Я его с большим желанием принял. Познакомились, он оказался мурманчанин, хороший душевный человек, призванный из запаса. Шинель, сапоги и пилотка по нему не были подогнаны, создавали ему вид мешковатый,

отсутствие подтянутости. Я, конечно, понимал это, что человек надел первый раз в жизни военную форму.

Шли мы по проспекту Ленина. Многие мурманчане выходили, нас горячо приветствовали и провожали. Наши воины посылали им ответное приветствие.

Колонна уже стала в семьсот с лишним человек, глубоко растянувшись, двигалась по улице с винтовками «на плечо», равнения по рядам и в глубину держать не могли, отработать такие приемы было сразу невозможно за такое короткое время.

Прибыли к переправочному пункту в Мурманский порт. Подошел помощник начальника оперативного отделения штаба дивизии старший лейтенант Емельянов Георгий Степанович и сказал: «Батальон рассредоточить поротно, не исключена возможность налета вражеских самолетов».

Мы это быстро сделали, укрыли людей, приказали никуда не отходить. Люди наше требование выполнили. Через несколько минут меня вызвал комполка С. К. Шушко и приказал: «Готовьте людей к переправе на паром поротно. Как переправите роту, вторую и т. д., сразу выводите по шоссе до километра вперед и рассредоточенно ожидайте следующих своих подразделений. Для общего движения колонны полка будет дополнительный приказ по мере переправы главных сил и тяжелого вооружения».

Через короткое время подошел самоходный паром, потом подали баржи, и началась посадка. Четвертую стрелковую роту и пулеметную посадили на паром первыми. 5-ю и 6-ю стр. роты посадили на баржу, и, не медля, паром и баржа отчалились и пошли к западному берегу залива на мыс Мишуковский причал*.

С возвращением парома и баржи были переправлены минометная рота, взвод связи, взвод снабжения.

Как только переправились на западный берег залива, роты быстро пошли вперед и расположились у шоссе по обеим сторонам.

Время подходило к 9.00. Мы встретили санитарные машины, везущие раненых, узнаем, это воины Первого Полярного полка. Они сообщили: Первый Полярный полк рано утром 14 сентября вступил в бой с ходу, атаковал горных егерей, приостановил их движение и ведет упорный бой. Полк занял ряд важных высот, теснит противника к реке Западная Лица. [...]

Около 9.00 15 сентября по колонне поступил приказ: «Вперед марш!»

В голове первым пошел 1-й стрелковый батальон, вслед двинулся второй батальон. С Баренцева моря тянуло холодом. Над сопками низко плыли тяжелые осенние облака, сопки дико вырисовывались на фоне горизонта, и далеко, в юго-западном направлении, мы услышали раскатистые громовые, орудийные залпы. Конечно, наши ведут огонь или противник, не могли знать. Первая ласточка нам подсказала: идет бой. Басов сказал мне: «Это бьет наша дальнобойная, ибо не слышно взрывов. Если стрелял бы противник, то мы услышали бы взрывы, ведь они ближе к нам рвались». Шли быстро, привал сделан был один, вел в качестве проводника помощник начальника оперативного отдела штаба дивизии лейтенант Г. С. Емельянов, ранее служил в погранотряде, прекрасно знал местность. Мы не сомневались, вели подразделения за ним.

Чем ближе двигались мы к месту боев, тем все больше и больше стали слышны артиллерийские залпы, взрывы, а потом и раскатистые пулеметные очереди. [...]

Н. И. Шапкин

МОМ ОФ 23910. Подлинник.
Машинопись с авторскими правками.

* Так в документе.

№ 15

Из воспоминаний В. П. Барболина об участии в боях за Большую сопку хребта Муста-Тунтури в сентябре 1941 г. – о разработке и выполнении боевой операции*

Ранее 20 апреля 1974 г.**

Как и почему эта боевая задача возникла

В первых числах сентября на Большой сопке хребта Муста-Тунтури разведчики 135-го сп обнаружили замену частей противника, о чем было доложено в штаб 135-го сп и штаб 23-го ур. 5 сентября комендант 23-го укрепленного района полковник Красильников прибыл на наблюдательный пункт. 3/135***-й сп (стрелковый полк), используя стереотрубу, в течение дня вел наблюдение за противником и местностью Большой сопки хребта Муста-Тунтури. Я тогда был командиром отряда разведчиков 135-го сп, он вызвал меня на наблюдательный пункт, расспрашивал о местности и поведении противника (на этой сопке были сменены подразделения 136-го геп). Я, что знал, все ему рассказал. С нашей стороны (северные скаты) на Большую сопку хребта Муста-Тунтури были отвесными, подобны стене, пехоте было не подняться, но в одном месте по ущелью с помощью веревки можно было подняться. Это ущелье показал ему в стереотрубу. [...]

Разработка проекта плана боевой задачи

6 сентября утром на наблюдательный пункт 3/135-го сп прибыли комендант 23-го ур полковник Красильников, командир 135-го сп полковник Пашковский, офицер в пограничной форме в звании капитана. Здесь разрабатывался проект плана по захвату Большой сопки хребта Муста-Тунтури. В проекте плана были рассмотрены следующие вопросы:

1. Боевая задача: под прикрытием темноты внезапно атаковать и уничтожить противника на Большой сопке хребта Муста-Тунтури. Закрепиться и организовать оборону.

2. Для выполнения боевой задачи по плану было намечено две группы:

1-я группа – пограничники 60–70 человек, 2-я группа – рота 135-го сп.

3. Порядок выполнения и боевые задачи: 1-я группа пограничников должна была под покровом ночи в момент отлива моря пройти по берегу губы Малая Волоковая и выйти в тыл Большой сопки хребта Муста-Тунтури и атаковать противника с тыла, овладеть сопкой и совместно с ротой организовать оборону и обороняться. 2-я группа – рота 135-го сп должна была по ущелью подняться на Большую сопку хребта Муста-Тунтури и атаковать противника с фронта.

Группам время атаки не устанавливалось, а была определена задача: не дожидаясь, группа, встретившись с противником, сразу же атакует его, а вторая группа, подоспевшая, должна была содействовать развитию успеха. Цель боя для обеих групп была одна: разгромить врага и овладеть Большой сопкой хребта Муста-Тунтури, организовать оборону и обороняться.

4. Начало выполнения боевой задачи с наступлением темноты 9 сентября.

* Опущены авторские размышления о недостатках планирования операции, сведения о выполнении боевой задачи отрядом пограничников, авторские выводы по результатам операции.

** Датируется по содержанию письма, написанного В. П. Барболиным сотруднику газеты «Полярная правда». 20 апреля 1974 г. (ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 147. Л. 14 об.).

*** Так в документе. Вероятно, имеется в виду 3-й стрелковый батальон 135-го стрелкового полка.

5. Место сосредоточения пограничников: передний край обороны 15-го пб. Место сосредоточения роты 135-го сп: передний край обороны 3/135-го сп. [...]

Как развертывались события в 135-м сп по подготовке выполнения плана

7 сентября меня вызвали в штаб полка, и начальник штаба устно объявил приказ от имени командира полка. Разведотряд передать заместителю, а мне отбыть в распоряжение командира 4-й роты лейтенанта Наумова его заместителем. Когда я прибыл в роту, рота готовилась к выполнению боевой задачи (она занимала оборону на переднем крае). Командир роты меня знал и был рад, что ему прислали заместителя. Командир роты приказал мне тщательно проверить подготовку роты к выполнению боевой задачи, а заодно и познакомиться с личным составом роты. Народ в подразделении был хороший, солдаты и младшие командиры мне понравились, веселые и жизнерадостные, настроение боевое. А вот как они себя будут вести в бою? Рота на вооружении имела 9 РПД, 2 станковых пулемета, СВТ и мосинские винтовки. Меня волновала мысль: надо идти в бой, а я людей не знаю, такая ситуация впервые. [...]

Во второй половине 9 сентября вызвали командира роты в штаб 135-го сп, где он получил боевой приказ. Вернувшись в роту, он собрал всех офицеров и заместителей командиров взводов и ознакомил с приказом. В приказе командир роты указал, что рота с наступлением темноты должна выдвинуться к подножию Большой сопки хребта Муста-Тунтури, подняться на сопку, выбить противника с сопки и организовать оборону. [...] Я предложил дополнительно к боекомплекту взять 10 ящиков гранат, 5 ящиков патронов и 100 метров веревки, зная из опыта предыдущих боев, что бой за сопку будет жаркий, а доступы на сопку будут трудные, и мы можем остаться без боезапасов, а это в бою самое плохое. [...]

С началом темноты 9 сентября рота в колонну по одному двинулась к подножию Большой сопки хребта Муста-Тунтури. Нас встретил небольшой ветерок, это было в нашу пользу, потому что у противника было меньше шансов обнаружить наше движение при подъеме на сопку по звукам. Стрельба утихала.

Рота сосредоточилась у ущелья на подъем. Здесь еще раз напомнили солдатам о соблюдении осторожности при подъеме по ущелью на сопку. Достаточно противнику было обнаружить нас при подъеме по ущелью, двое автоматчиков могли расстрелять всю роту или забросать гранатами. Этот момент был в выполнении задачи очень ответственный, это знал каждый солдат.

Я взял конец веревки в одну руку, а второй держал автомат в готовности открытия огня, начал движение по ущелью на подъем, за мной в дистанции через метр, держась за веревку, двинулась рота. Движение было очень медленное, ночь была темная. За первым взводом двигался командир роты, колонну замыкал политрук роты. Рота с трудом за ночь поднялась к вершине сопки, не доходя 20–25 метров, по кромке обрыва была терраса метра полтора шириной, метров 100 в длину и высота 1–1,5 метра. На этой террасе поднимавшиеся солдаты из ущелья рассредоточивались со всеми мерами предосторожности. Впереди нас в 25–30 метрах был наблюдательный пункт противника, там шел оживленный разговор немцев. Нам особенно нужно было тихо готовить атаку, чтобы соблюсти внезапность.

Почему так беспечно допустил нас противник почти вплотную? Только что в ночь на 9-е там было нападение на противника пограничниками с тыла. Я думаю, что это можно было объяснить двумя причинами: с нашей стороны отвесная скала, и с начала войны по ней не поднимался ни один солдат, поэтому немцы нас здесь не ждали. Вторая причина та, что они выгнали с сопки наших пограничников, которые вели наступление и атаку с тыла, и считали, что в эту ночь нападения на их сопку не будет. Рота, рассредоточившись в цепь по террасе, приготовила пулеметы и гранаты, наметила огневые позиции, готовилась к атаке. В центре роты был 1-й взвод, второй

взвод правее, а 3-й взвод левее. Сигналом атаки был намечен мой бросок гранаты в наблюдательный пункт противника. Брезжил рассвет, видимость увеличивалась, ветер дул нам в лицо. Командир роты подошел ко мне и дал знак бросать гранаты по наблюдательному пункту противника. Я выскочил из террасы на скалу, пробежал вперед метров 6–7, силуэт наблюдательного пункта обозначился, я одну за другой бросил в наблюдательный пункт три гранаты и открыл огонь из автомата, а рота в это время дружно бросилась в атаку на противника, северные скаты уже полностью в наших руках. Когда рота уже стала выходить на южные скаты сопки, то противник встретил нас сильным пулеметным огнем и огнем из автоматов. Все сильнее и сильнее разгорался огневой бой. Пущена была в бой и карманная артиллерия – Ф-1 – гранаты, но и это нам не помогло. Противник на южных скатах оборонялся упорно, у него там было около 300–350 человек. Пока мы выбили противника внезапной атакой с северных скатов, подразделения противника, находившиеся на южных скатах, успели занять позиции и встретили нашу атаку огнем, рота залегла, наши солдаты начали вытаскивать убитых и раненых на северные скаты. В это время пришлось быстро расставлять пулеметы на огневые позиции, чтобы не пропустить продвижения противника на северные скаты, рота от атаки переходила к обороне и готовилась отбивать атаки противника. Оказалось, что мы силами в пять-шесть раз меньше, чем противник, атаковали его (нас в роте было около 70 человек, а противник имел до 350 человек). Теперь нам нужно было во что бы то ни стало удержать северные скаты сопки. Наши солдаты, ведя бой гранатами, прикрываясь огнем, отползали на северные скаты и занимали оборону. Все 11 пулеметов уже заняли огневые позиции и перекрыли своим огнем весь фронт в сторону противника.

В результате внезапной атаки противник был выбит с северных скатов Большой сопки хребта Муста-Тунтури, но силы противника, сосредоточенные на сопку после боя с пограничниками, превосходили нашу роту и еще находились на южных скатах сопки, которые встретили нас организованным огнем и вскоре перешли в контратаку. Мы захватили у противника один тяжелый и 2 легких пулемета, 50-мм миномет, стереотрубу и один наш пулемет «Максим». На северных скатах валялось около двух десятков немецких трупов.

Артиллерия и минометы открыли сильный огонь по переднему краю нашей обороны и подступам к нашей сопке. Но мы оказались в наиболее выгодном положении, т. к. по сопке противник открыть огня не мог, мы были в соприкосновении с противником.

Мы еще по-настоящему не подготовились к обороне, как противник силами 300–350 человек контратаковал. Контратаку противника мы встретили огнем 11 пулеметов и гранатами, оставив убитых, противник, захватив часть убитых и раненых, отошел на южные скаты сопки. Отбивая контратаку, был ранен командир роты, командование ротой принял я. Санитарному инструктору роты приказал: тяжелораненых и убитых эвакуировать к подножию сопки в укрытие, у всех отбирать патроны и гранаты и складировать их к стенке у террасы. Раненым, которые мало-мальски сами могут ходить, передавать оружие убитых, чтобы они его выносили на передний край нашей обороны.

Мы ведем бой за удержание северных скатов высоты

Противник никак не мог примириться с потерей северных скатов Большой сопки хребта Муста-Тунтури и как по расписанию через каждые 2–3 часа проводил атаки, но безуспешно. Каждую атаку противника мы встречали дружным пулеметно-винтовочным огнем и гранатами. Граната «Ф-1», брошенная в противника, при разрыве на скале создавала массу осколков, дополняемую осколками камня, поэтому на своем пути все сметала; крупные осколки ее били противника насмерть и сильно калечили, тот, кто попадал в радиус разрыва гранаты, тот уже больше бои вести был не способен.

В момент атак противник от огня пулеметов и гранат нес огромные потери, каждый его отход мы преследовали противника огнем и гранатами. Наши гранаты, летевшие

на южные скаты, а они были отлогие и чистые, сильно били противника. После каждой отбитой атаки со стороны противника вместе с ветром несло на нашу сторону письма, конверты и денежные знаки – марки. На наших скатах валялись трупы убитых немецких солдат, особенно их много было на перевале сопки. Во второй половине дня был ранен замполит (вот фамилию его вспомнить не могу, кажется, Зайцев). Живой, звонкоголосый и бесстрашный. Его работа сводилась к тому, что он бегал по позиции в момент отражения и кричал: «Хлопцы, бей их гранатами, смелее, смелее, ребята! и сам кидал в немцев гранаты, а когда атака немцев была отбита, он кричал,– ай да хлопцы! Вы видели, как немцы удирали, аж убитых бросили. Не нравится им наша встреча». Много было и у нас убитых и раненых, из офицеров остался я один. Место политрука роты занял сержант Яковлев (житель г. Мурманска). У одного убитого немца взяли документы, труп солдата принадлежал 193-му пехотному полку, а раньше мы имели здесь 136-й геп. Мы ведем бои, а связи ни с кем нет. Люди выбывают, огонь наш ослабевает. Приказ был захватить и оборонять сопку. Это значит биться до последнего. С сопки две дороги: первая на кладбище, вторая, тяжело раненному, в госпиталь. Вся эвакуация с сопки проходила по ущелью, где рота поднималась на сопку. Хозяин этой дороги был санинструктор роты.

В период ночи с 10-го на 11-ое противник предпринял две безуспешные атаки.

В период дня 11 сентября противник продолжал атаки, но солдаты, уже отбившие многие атаки, сейчас вели себя уверенно и дрались упорно, в этот день противник потеснил наш левый фланг.

На левом фланге с пулеметом РПД оборонялся командир отделения. Его пулемет почти не умолкал и вдруг затих. Пошел туда парторг тов. Яковлев, слышу, пулемет заработал. Вернувшись, Яковлев доложил: «Пулеметчик ранен в ногу пулей навылет, ногу забинтовали, кровь идет сильно, а он от эвакуации категорически отказался». Я уже хорошо усвоил, что следующая атака противника будет через 2–3 часа, отбив очередную атаку. Пошел проверять всех солдат: их было не более 25–30 человек, многие пулеметчики выбыли из строя, их заменяли солдаты-стрелки, народ усталый, утомленный, черные как негры, но при подходе меня старались быть бодрыми, не хотели показать свою усталость. Продуктов и воды нет, об этом не было ни одного звука. Напряженность боя и обстановки все вопросы отбросила. Что-то надо предпринять, а что? Пришлось установить дежурство у пулеметов, а остальным установить по часу отдыха после отбития очередной атаки. На вершине водораздельной линии был большой камень в виде куба 2х2х2 метра, к нему с нашей стороны пришлось поставить пост из двух человек. Они перед собой ничего не видели, но хорошо прослушивали и вели наблюдение во фланги. Их фланги прикрыли огнем двух пулеметов.

В ночь с 11-го на 12-е противник предпринял яростную атаку с большим числом автоматчиков, отбивая ее, мы потеряли 10 человек, в том числе и пулеметный расчет на левом фланге. Младший командир погиб, санинструктор насчитал в нем 7 пулевых ранений. Был ранен парторг, но от эвакуации отказался. Обстановка у нас с каждым часом осложнялась. Я ждал подкрепления, но его не было.

12-го утром наша артиллерия из района Матти-вуоно* открыла огонь. Разрывы снарядов ложились по южным скатам и подступам Большой сопки хребта Муста-Тунтури.

Там тогда была батарея Поночевного. Это обрадовало нас, думаю, вспомнили о нас, но я ошибся. Артиллеристы, наблюдая гранатный бой в условиях ночи, решили нам своим огнем оказать помощь, за это им большое спасибо. Я уже после войны, встретившись с Федором Мефодьевичем**, благодарил его за помощь. Штаб 23-го ур и 135-го сп не знали, что делается на сопке, связи не было, а раненые уходили с сопки, им

* Финское название губы Малой Волоковой (Краткий историко-географический очерк «Полуострова Средний и Рыбачий», см.: 1200 дней и ночей Рыбачьего / Сост.: А. И. Краснобаев, В. П. Загребин. – Мурманск, 1970. – С. 17).

** Речь идет о Поночевном.

всем казалось, что он с сопки уходил последним. Штаб 135-го сп считал уже 10 сентября всех погибшими, но мы еще были живы и вели бой. К нам была направлена рота, которая, достигнув подножия сопки, остановилась. Якобы при попытке подняться по ущелью встречали разрывы немецких гранат. А поэтому считали: на сопке никого нет. Возможно, доля правды в этом есть. Дело в том, что в период, когда мы отбивали атаки противника, гранаты, брошенные противником в нас, ударялись о скалу и, имея замедлительный взрыватель, летели в пропасть и там взрывались.

Противник в течение 12 сентября атаки не прекращал. Мы с большим трудом их отбивали, два станковых пулемета и один ручной с сопки были убраны санинструктором, т. к. не было людей. Теперь уже мы не сопровождали отходящих немцев гранатами, их нужно было экономить. Наши солдаты изнемогали от усталости, в одной из атак противника около меня разорвалась немецкая граната, всю одежду на мне разодрало, было много мелких ран, но серьезных ранений не было. Вторично был ранен парторг. В ночь на 13-е, отбив последнюю атаку, это по счету была 21 атака противника, нас на сопке осталось 4 человека: я, парторг, мой связной молодой солдат Хибабулин и хозяин дороги – санинструктор роты. После второго ранения я приказал парторга Яковлева эвакуировать, но он от эвакуации отказался. Вот его слова: «Погибнем вместе, но пока я жив, со своей земли не уйду». Я понял, что он мой приказ не выполнит, и разрешил ему остаться.

К утру нас было четверо, одна граната, один ручной пулемет и два диска, заряженные патронами. Противник каждую минуту мог начать атаку. Я отдал последнее приказание: связному Хибабулину немедленно идти в штаб полка и доложить обстановку, санинструктору спуститься по ущелью к подножию и поискать гранаты, по возможности доставить их на сопку.

Яковлев лежал на террасе, он бой вести уже был не способен, но мне все же было как-то лучше, что кто-то около меня есть. Я вставил диск в пулемет, второй диск и гранату положил рядом, приготовился к последней схватке с врагом. В это время вижу: бежит ко мне связной и говорит: «Мы окружены, там немцы»,– имея в виду ущелье. Я не поверил, положил его за пулемет, а сам взял в одну руку гранату, а во вторую пистолет ТТ, т. к. мой автомат был поврежден осколком гранаты, пошел к ущелью, смотрю под обрыв и вижу наши каски. Я крикнул, а это были 8 человек, группа моих разведчиков. Они быстро поднялись на террасу, у них было по 6 гранат и автоматы. Они мне сказали, что у подножия сопки находится рота солдат и у них телефонная связь с полком. Я послал туда одного разведчика к командиру, чтобы они быстрее поднимались на сопку, пока северные скаты сопки находятся в наших руках. Разведчики дали мне водички из фляги. Есть не хотелось, а вот жажда меня мучила. Утром 13-го, вскоре после прибытия разведчиков, противник предпринял атаку, я, отбивая атаку, вел огонь по противнику из пулемета, а мой связной был вторым номером. Я пришел в сознание на третьи сутки в медсанроте 135-го сп. Это была 22 атака противника и последняя. Противник, не добившись успеха, прекратил свои атаки. Северные скаты Большой сопки хребта Муста-Тунтури были наши. Меня и Яковлева спасли подоспевшие 8 человек разведчиков. [...]

В. П. Барболин

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 147. Л. 15–20.
Подлинник. Рукопись с авторскими правками.

№ 16

Из воспоминаний П. И. Ичетовкина о боевых действиях 100-го погранотряда – об участии в боевой операции по взрыву моста через реку Титовка в октябре 1941 г.*

Октябрь 1974 г.**

С первых дней Великой Отечественной войны наш 100-й погранотряд перешел в подчинение вновь созданного 23-го укрепрайона. В первых числах июля был размещен во второй линии обороны, одновременно выполнял разведывательные рейды по тылам врага, хорошо зная местность, мы ориентировались на местности, так что появлялись перед врагом совершенно неожиданно и имели всегда полный успех. Отрядом командовал всеми нами очень уважаемый майор И. И. Калеников, которого мы называли Батей, комиссаром отряда был батальонный комиссар Филатов. [...]

В октябре 1941 г. мы идем снова в тыл врага, на этот раз на расстояние от нашей передовой в 30 км. Задача стоит в том, чтобы взорвать мост через реку Титовка. Ночью, как и первый раз, перешли передовую и всю ночь шли по извилинам лощины, по еле заметной тропе, среди высокого кустарника в направлении старой Титовки. День с соблюдением маскировки отдыхали в зарослях одной лощины, посреди которой журчал ручеек. С наступлением сумерек отряд численностью в 350 человек двинулся к цели, отрядом командовал сам командир отряда Калеников. При подходе к Титовке сделали привал, а разведка ушла для выяснения объектов врага. По возвращении разведки командир отряда Калеников поставил задачи: саперам в сопровождении отделения сержанта Ващенко взорвать мост, выделил для прикрытия от внезапного удара основных сил отряда группы: на дорогу Петсамо – Титовка, на дорогу Новая Титовка – Титовка, по дороге Западная Лица – Титовка прикрытие должен осуществить сержант Ващенко. Операцию по уничтожению живой силы и объектов врага начать в 24.00.

Часовых снять вызвался снова Толя Лапшин, и сделал он это без шума, но у моста группе сержанта Ващенко это сделать не удалось, здесь прогремела автоматная очередь, ответом на нее Толя Лапшин опустил противотанковую гранату в трубу землянки. Его примеру последовали другие бойцы, заиграл концерт боя, ухали и стонали землянки, а если кто уцелел и пытался выбраться из землянок, тут же натыкался на очереди автоматов. Бой также стих быстро, как и начался. У моста в стычке с охраной был убит один пограничник и несколько ранено, в том числе сержант Ващенко в ноги, и один пограничник получил тяжелое ранение, идти не смог, пришлось его нести. Прежде чем начать отход, нужно уничтожить продовольственные и с боеприпасами склады, а также хранилище горючего. Основная группа начала отход, а для уничтожения остались саперы и два отделения пограничников.

Вскоре запылали склады продовольствия, нефтехранилища; бойцы и саперы, сделав свое дело, стали догонять уходивший отряд и в скором времени присоединились к основной группе отряда. Мы были уже далеко, когда загрохотали склады боеприпасов, саперы безупречно поработали при взрыве моста и складов, последние взрывы были салютом для всех об успешном выполнении задания. С наступлением рассвета мы были далеко от Титовки. На одной высоте, сплошь усеянной валунами, валил снег большими хлопьями. Это помогало нам избежать стычки с немцами, плохо чувствовали себя раненые, но обогреть мы их не могли, кроме спирта из фляжек. Немцы искали нас на земле и с воздуха, мы вели беспрерывное наблюдение и держали круговую оборону.

* Опущены сведения об участии в боях за Большую сопку хребта Муста-Тунтури в сентябре 1941 г.

** Датируется по смежному документу (ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 152. Л. 1.).

День прошел благополучно, но с темнотой снова поход, маршрут похода пришлось менять, т. к. стало очевидно: отход прежним маршрутом надежно перекрыт немцами. Командир отряда майор Калеников принял решение уходить в сторону Петсамо, в район государственной границы. Второй день мы провели на территории бывшей 6-й погранзаставы. Целый день разведчики искали пути отхода, в одной из групп в разведке был и я. Всюду рыскали немцы, прочесывая местность, в этот день спасла нас глубокая лощина, немцы были на противоположной высоте, но в лощину спуститься боялись, лишь прочесали ее из автоматов. К концу дня немцы скрылись. Мы доложили командиру отряда и начали еще засветло спуск в лощину, по которой ночью вышли на берег залива губы Малая Волоковая. На противоположном берегу – причал и строения бывшей 5-й заставы, до передовой оставалось 5–6 км, и пройти их нужно было по скалистому побережью. На полпути умер тяжело раненный пограничник, похоронили на уступе одной скалы. Обложив его камнями, на верх маленького кургана положили каску, молча прошли все с обнаженными головами. Сержант Ващенко вторые сутки без помощи идти не мог, вечером в лощине пытался покончить с собой, я отобрал у него наган, хотя он клял меня как мог. Передовую перешли благополучно, нас уже ждали бойцы передового охранения, помогали тем, кто выбился из сил, Ващенко положили на носилки и унесли, впоследствии он извинялся передо мной и благодарил меня за то, что я не дал ему застрелиться тогда в походе. [...]

П. И. Ичетовкин

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 152. Л. 2–8 об.
Подлинник. Рукопись с авторскими правками.

№ 17–18

Письма А. И. Павлова с фронта другу Н. А. Измайлову

№ 17

7 сентября 1942 г.

Здравствуй, дорогой друг Коля!

Сообщаю тебе, что я наконец-то дождался от тебя письма, за которое тебе большое, большое спасибо! Из твоего письма я сделал вывод, что ты живешь неплохо. Правда, сейчас у тебя много забот о маме. Коля! Вероятно, ты еще хорошо помнишь то время, когда мы часто поругивались с мамашами. Признаться, Коля, мы были тогда не правы. Правда? Только теперь мы, действительно, почувствовали, что такое мать. Ольга Ивановна может гордиться тобой. Ведь в твоем лице она нашла подлинного помощника. Ей, конечно, будет тяжело переживать твой уход в Кр. армию.

Мне не довелось увидеть своих родных, когда я уходил в ряды РККА, и поэтому мне было легко на душе. Коля, ты ведь знаешь, какие наши мамаши, а я терпеть не мог слез, да и ты то же самое. Не так ли?

Коля, мне кажется, что тебе в этом году дадут отсрочку в РККА. Ведь ты все-таки работаешь на военном предприятии, а оттуда-то не очень легко уйти в такое время. А было бы действительно очень хорошо, если бы мы оба служили вместе.

Теперь несколько слов о своей «житухе» и времяпровождении. У нас, конечно, совсем не те условия, в которых живете вы. Вам можно сходить в кино, театр и т. д. А у нас сделать этого невозможно. Правда, дня четыре назад для нас показывали к/ф «Ленинград в борьбе». Фильм очень хороший. Кровь стынет в жилах, когда видишь, что делают проклятые сучьи выродки над нашими городами, над нашим советским

Павлов Александр Иванович.
1940-1941 гг.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 187. Л. 36.

народом. Хочется беспощадно мстить и мстить этим бандитам. И недалек тот час, когда над нашей Родиной снова засияет солнце и лица людей, так много перенесших невзгод и тягот, снова озарятся счастливой улыбкой.

У нас уже осень в полном разгаре. Беспрестанно идут дожди, только изредка сквозь темные и тяжелые тучи нет-нет да и выглянет солнечный луч. Ягод и грибов у нас в этом году мало, да и собирать то их некому. Коля! Ты пишешь о том, как мы тогда мечтали быть артистами, летчиками, врачами, инженерами и т. д., и т. д. Последней моей мечтой была мечта стать врачом, но, как видишь, из этого ничего не получилось, а получилось то, о чем я никогда не мечтал. Вряд ли, Коля, нам придется учиться с тобой в одном институте.

Сейчас мы перешли на новое место. Находимся в непосредственной близости от «гансов и фрицев». Над головами то и дело проносятся трассирующие пули, свистят снаряды и мины.

Коля, ты представляешь себе, как я хожу добывать «языков». Когда я был в роте автоматчиков, то там мы, действительно, охотились за «языками», а с тех пор, как я попал в стрелковую роту, мне ни разу даже не представилась возможность сходить в разведку. Мне нравилась эта живая и веселая работа, и теперь очень скучаю по ней.

Получил недавно письмо от Кл. Мухортовой, Леши Синклинера, Наташи Хреновой. От последней я и узнал о том, что Коля Авербург лежит в госпитале с ампутированной ногой. Об этом она мне сказала, когда я в мае месяце был в Мурманске и заходил к ней на квартиру.

Вот, кажется, и все. Привет от тебя обязательно передам всем, кроме Т. Мелентович. Вряд ли я ее увижу скоро, а переписки с ней я не имею. О С. Когане совершенно ничего не знаю с тех пор, как я проводил его в училище. Это было в конце июля 1941 года. Коля! Благодарю тебя заранее за бумагу. Ее у меня почти нет. Только не обижай себя.

Коля, твое «искреннее выражение чувств» я вполне понимаю, стоит только вспомнить нашу дружбу, и к тебе питаю точно такие же чувства.

Передавай привет Ольге Ивановне, Шуре, Лене, а если будешь писать Зине и Ане, то и им передавай от меня по большему привету, если, конечно, они не забыли меня.

А пока до свидания! Крепко обнимаю тебя!

С приветом твой друг А. Павлов

Сев. фронт*.

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 187. Л. 8–9 об. Подлинник. Рукопись.

№ 18

24 июня 1943 г.

Добрый день, дорогой друг Коля!

Большое спасибо за твое письмо от 25–26–27.04.43 г. Не сердись, что отвечаю с некоторым запозданием. Письмо пришло 21 июня, а я был в это время в разведке.

И вот, когда вернулся, то получил твое письмо, которое мне доставило очень много радости. Жаль, что письма идут уж очень долго.

* 23 августа 1941 г. из части войск Северного фронта директивой Ставки ВГК образован Карельский фронт.

Коля, я очень рад за тебя, за твои успехи в учебе, за успехи в работе. Знаешь, я тебе очень завидую. У тебя все-таки есть кой-какие перспективы на будущее, а у меня их почти нет. О будущем сейчас мечтать мне еще рано, да и после окончания войны, если я останусь жив и невредим, вряд ли мне удастся осуществить свою мечту стать врачом. С каким бы удовольствием я сейчас посидел за партой, слушая уроки, решая задачи по алгебре, тригонометрии.

Раньше как-то не совсем добросовестно относились мы к занятиям в школе, а теперь об этом приходится жалеть. За два года многое из того, что знал, начинает, как говорится, выветриваться из головы. Было бы неплохо все подучить.

5 августа исполнится ровно два года, как я в армии. Эти 2 года не прошли для меня даром, тем более что целиком прошли в условиях Отечественной войны. А это что-то значит. Они выработали во мне требовательность к себе, инициативу в боевых делах, приучили меня переносить все тяжести боевой военной жизни.

Ну а в основном-то я почти остался все тем же, каким ты меня знал.

[...]*

Вот после войны я приложу все усилия к тому, чтобы осуществить нашу встречу. С глубокой тоской я вспоминаю о проведенных вместе годах детства и юности. Вспоминаю, как мы иногда ссорились и снова мирились, как ходили летом за ягодами и грибами, и о наших путешествиях на рыбалку.

Кажется, я разболтался. Пора кончать. Передай привет Ольге Ивановне.

До свидания! Крепко-крепко жму твою славную руку.

Твой друг Шура.

P.S. Мой адрес теперь такой (старый переменился): Полевая почта 38706 «Б» Павлову А. И.

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 187. Л. 15, 16 об. Подлинник. Рукопись.

№ 19

Письмо А. А. Сакова с фронта родным

26 января 1942 г.

Добрый день, Фая и дети Ия, Руфа и Виктор. Шлю сердечный привет и сообщаю, что я пока жив и здоров. Из госпиталя выписался в батальон выздоравливающих, но и здесь пробуду недолго. Письма твоего я еще не получил, и о вашей жизни мне ничего не известно. Как протекает ваша скудная жизнь без меня и**[...] здоровье. Я знаю, Фая, что подчас приходится вам переживать кое-какие трудности, но и нам иногда бывает трудновато, но мы уверены в нашу победу. Если бы не гад Гитлер, то мы бы жили в Мончегорске припеваючи в теплой своей квартире, сыто и весело. Но, Фая, ничего не поделаешь, возможно, еще и поживем, как хотим, хотя до Берлина путь далек, но мы его пройдем, гнев нашей армии неутолим за его преступления, злодеяния на нашей оккупированной территории, наша цель отомстить за все и истребить гадов.

Фая, я еще раз напоминаю, что с одежой не считайся, променивай [...]*** останусь жив, наживу, если будет нужно. Ну, пока и до свидания, ваш муж

А. А. Саков

* Опущены сведения о получении писем от общих знакомых.
** Далее неразборчиво вследствие повреждения документа.
*** Далее неразборчиво четыре слова.

Адрес: действующая армия п/почта № 871, бат./выздоравливающих, 202-го зап. полка, 2-я рота, 4-й взвод. Сакову.

Привет Наташе и Зине. Пиши. Ответ очень и очень жду.

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 191. Л. 1, 1 об. Подлинник. Рукопись.

№ 20

Письмо А. И. Павлова с фронта отцу Павлову Ивану Алексеевичу

23 марта 1943 г.

Здравствуй, дорогой папа!

Получил 21.03.43 твои 2 письма, которые ты писал 6.03.43 и 11.03.43. Большое спасибо за письма.

21.03.43 утром пришел из разведки. На выполнении боевой задачи находился 3 суток и сегодня опять ухожу. Как только вернусь – обязательно напишу. Живу хорошо.

Вместе с твоим письмом получил еще 9 штук писем, в числе которых было письмо от мамы и Павлика, который поздравлял меня с днем рождения. Спасибо тебе за поздравление, а также за письма Клавы.

Получаю письма от друзей частенько. Не забывают, как видишь. Вот только отвечать-то некогда. Хорошо, что еще Наташа с Зин. Ал-ной да и ты присылаете мне бумаги, а то и писать то было бы не на чем. Папа, прости, что так мало написал.

Очень тороплюсь. Через час выступаем, а мне нужно еще кой-что подготовить. Адрес части нашей изменился. Его я написал на обороте.

До свидания! Крепко целую.

А. Павлов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 187. Л. 11. Подлинник. Рукопись.

№ 21

Из воспоминаний З. И. Хабарова о событиях Великой Отечественной войны – о доставке грузов на полуостров Рыбачий буксирным пароходом «Кола»*

1 ноября 1959 г.

Для сокращения потерь техники и личного состава на подходах к линии фронта командованием Северного флота летом 1941 г. было принято решение снабжать полуостров Рыбачий военной техникой и людскими ресурсами на мелких судах, которые являются меньшей мишенью для врага.

Вот здесь и для буксирного парохода «Кола» нашлось применение. На всю жизнь останется в памяти утро 27 июля 1941 г. Сменившись с вахты, отдохнул пару часов

* Опущены сведения о планах работы буксирного парохода «Кола» с июня 1941 г., об изменениях, возникших с началом Великой Отечественной войны, о подготовке к рейсу в район полуострова Рыбачий, а также некоторые детали повседневной работы.

на судне, сделал необходимые дела, дал соответствующие указания вахтенному помощнику и решил сходить домой. Хотя дома уже никого не было, семья 11 июля эвакуировалась из пределов Мурманска, но для меня, как и многих других, еще не было известно, где находятся жена и дети.

Выйдя с судна, я решил зайти в контору доложить руководству портового флота и попросить разрешения сходить на несколько часов домой. Получив разрешение, я вышел из конторы и направился из порта в город. Не дойдя до проходных ворот, меня догнала курьер и сообщила, чтобы я вернулся обратно в контору. По возвращении к начальнику портового флота т. Медведеву, который сообщил, что вверенному мне б/п «Кола» предстоит выполнить ответственное задание – отбуксировать баржу, погруженную фуражом, в район полуострова Рыбачий в губу Эйна. [...] На подготовку к рейсу мне было дано 5 часов, поэтому время ограниченное, и нужно было оперативно решать вопросы. [...]

Наконец, все было готово, и буксир «Кола» отдал швартовы, перешел в рыбный порт, где стояла баржа, нагруженная фуражом для воинов Рыбачьего. Вечером б/п «Кола» отошел от причала рыбного порта и последовал по назначению в район полуострова Рыбачий. Пройдя траверз Тюва-Губы, накрыл густой туман. Под покровом тумана мы следовали своим курсом, наблюдая за горизонтом, хотя он был крайне ограничен из-за густого тумана. Утром рано прибыли к месту назначения – губа Эйна. Поставили баржу к полуразрушенному причальнику. Сразу же к нам на борт явился военный комендант губы Эйна и заявил, что у причала стоять нельзя, так как через каждые 30–40 минут налетает вражеская авиация и бомбит Эйну. [...]

Нам предложено ждать, пока подвезут раненых, и после их погрузки следовать обратно в Мурманск. В ожидании подвоза раненых мы отошли на рейд, в это время прозвучал сигнал «Воздушная тревога», и в небе появились вражеские самолеты, им навстречу шли наши истребители, и враг был вынужден повернуть восвояси, беспорядочно сбросив бомбы. Вскоре подвезли 13 человек раненых бойцов, которых мы взяли к себе на борт и вышли в Мурманск.

Над Мотовским заливом еще стояла туманная дымка, и мы под ее покровом пересекли его и вошли в Кольский залив. Во второй половине дня мы благополучно прибыли в Мурманск, сдали раненых, и я доложил обстановку военному коменданту тов. Лизунову. С этого момента б/п «Кола» получил свое право на морское плавание. [...]

Рано утром 29 апреля 1942 г., выйдя из Мурманска, имея на буксире два парусных судна с воинскими грузами, мы направились вначале в становище Порт-Владимир (наша база стоянки до более благоприятных условий для следования к линии фронта). После полудня ошвартовались в Порт-Владимире и стояли в ожидании ночи, чтобы следовать дальше под защитой ее. Надо сказать, что в апреле на Севере ночи почти нет, но все же в это время было некоторое ослабление в налетах вражеской авиации и обстреле с береговых батарей. Около 19 часов того же числа б/п «Кола» получил «добро» от штаба Северного флота, снялся с одним парусным судном в Озерко. Погода благоприятствовала для мирного времени, но для плавания во время войны (под носом противника) была нежелательной, т. е. тихая и безоблачная. Благополучно прошли траверз мыса Пикшуев, затем миновали Эйну. Никаких подозрений пока не было, рейс продолжался успешно, машина работала безотказно, пар кочегар Брызговский держал как всегда на марке, скорость судна с буксиром достигала 6 узлов. На парусном судне в трюмах было погружено продовольствие, а на палубе – сено, и на нем ютились около 20 человек бойцов Красной армии, возвращающихся после выздоровления в свои части. Пройдя минут 30 после траверза Эйны, по нашему судну начался артиллерийский обстрел с трех батарей: Титовки, острова Медвежий и Кутовой. Снаряды ложились по носу и по бортам наших судов. Приходилось, невзирая на то, что мы имели на буксире парусное судно, маневрировать, выбирая себе, на наш взгляд, безопасный путь. Обстрел становился все более интенсивным. По батареям немцев открыли огонь

наши батареи с полуострова Рыбачий. Это в значительной степени подбодрило нас, мы чувствовали, что мы не одни, а находимся под защитой наших славных воинов, отстаивающих интересы Родины. Расстояние между нами и немцами все время уменьшалось, так как мы следовали почти на них и особенно на батареи, расположенные в Кутовой губе. В бинокль можно было наблюдать немецкий патруль. [...]

Обстрел по-прежнему продолжался. Судно шло с прежней скоростью к намеченной цели. [...] В Озерко на постановку парусника к причалу потребовалось всего лишь 15–20 минут, и мы в балласте снялись в обратный путь. Как ни странно, но на обратном пути не последовало ни одного выстрела. С приходом в Порт-Владимир я, как всегда, докладывал по телефону в Полярное в штаб Северного флота о выполнении задания. Но там уже знали о том, что мы подверглись серьезному артиллерийскому обстрелу. Поздравляли меня и весь экипаж с благополучным возвращением на базу и блестящим выполнением задания командования. [...]

Шли суровые дни 1942 г. Немецкие пираты все чаще и чаще бомбили Мурманск, так как они убедились, что им Мурманска не видать и не гулять по его улицам. Возвратившись из очередного рейса, мы стояли у каботажной пристани в ожидании новых распоряжений. Вдруг загудели сирены, объявляя воздушную тревогу. Через несколько минут были сброшены зажигательные бомбы в район торгового порта, где сразу же вспыхнул пожар, горел склад в тупике 6-го причала. Тут же была объявлена пожарная тревога, и наш буксир поспешил к месту пожара. Ошвартовавшись в районе 5-го причала, команда нашего судна быстро провела шланги и начала тушить пожар. Боцман Русинов, матросы Кабанов и Кочетков умело работали со шлангами по тушению пожара, а отдельные немецкие самолеты, прорвавшиеся к городу через заградительный огонь нашей зенитной артиллерии и истребительной авиации, беспорядочно сбрасывали бомбы. Потушив очаг огня в порту, мы вернулись на каботажную пристань, т. е. на свою базу стоянки. [...]

Итак, начиная с 27 июля 1941 года по 24 октября 1944 года этот небольшой портовый буксир «Кола» сделал 93 рейса по заданию командования Северного флота, снабжая фронт всем необходимым для окончательного разгрома гитлеровской Германии. 24 октября 1944 г. меня с судна сняли и перевели на береговую работу начальником портового флота [...], а б/п «Кола» в море больше не ходил, так как в этом уже отпала необходимость, участь врага была предрешена, и он уже влиятельных действий на Севере не предпринимал, да и не в состоянии был это сделать. [...]

З. И. Хабаров

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 408. Л. 1–20.
Подлинник. Рукопись.

№ 22

Из воспоминаний Е. П. Аксенова о событиях на Северном флоте – о добыче рыбы и изготовлении рыбьего жира весной 1943 г. для гарнизона полуостровов Средний и Рыбачий*

Не позднее 1981 г.**

Весной 1943 г. командир 1-й роты капитан Горюнов вызывает меня на КП и говорит, что меня вызывают в штаб нашего 348-го отдельного пульбата***. В штабе, когда я доложил о прибытии, начальник штаба А. М. Новиков спросил меня, какая у меня до армии была специальность. «У Вас же мое личное дело, там все есть». – «Да, я читал, там написано – капитан рыболовного судна. У нас, конечно, такого корабля нет, а есть шлюпка. А надо ловить рыбу, чтобы заготовить рыбий жир, ты ведь знаешь, сколько людей, особенно в боевом охранении и на переднем крае, болеют куриной слепотой. Пришлось полностью заменить целое подразделение. Нужно выловить 3 тонны трески и натопить рыбьего жира, он нужен для лечения больных и для раненых. Идите на склад тыла и отберите все, что для этого необходимо».

Дали мне трех бойцов, назначив меня командиром отделения.

Что я мог найти на воинских складах? Конечно, все, что нужно для боя, и ничего из того, что требовалось для выполнения полученного задания. В наличии была шлюпка-[...]****, которая могла ходить на веслах и под парусами. Сразу же изготовили две пары весел, принесли 150 метров полевого провода, из которого изготовили 5 удобных комплектов*****, приспособив вместо грузил шкворни от телег. Крючки (поддевы) сковали в кузнице, отлив из свинца подобия рыбок, какие бывают на этих орудиях лова, сковали якорь (дрек).

В начале мая мы выехали на середину Мотовского залива. В первый день выловили 200 кг трески. На другой день улов составил уже 300 кг, бойцы освоили новое для них дело. Но к вечеру в Восточное Озерко шел транспорт с продовольствием и боеприпасами, и немцы из Титовки стали его обстреливать, часть снарядов ложилась вблизи нашей шлюпки, и нам пришлось прекратить лов и скрыться под защиту берега, где можно было укрыться в противотанковом рву. Конечно, с такими темпами и в таких условиях очень непросто было выполнить поставленную задачу. Тем более после того, как наши артиллеристы обстреляли немцев, выехавших, как и мы, на рыбалку. Стали в ответ обстреливать и нашу посудину. Нам чаще пришлось прекращать работу и искать укрытия от огня. Ведь наш «корабль» был беспалубным и мог передвигаться, как говорят, своим паром, тогда как у фашистов моторная лодка была. Один раз нас укрыл от огня начавшийся дождь. Потом сопровождали транспорт, катера сбросили дымовые шашки, и мы смогли укрыться за дымовой завесой. Достаточно было даже непрямого попадания, случись это, от нас осталось бы мокрое место. Стоило снаряду разорваться вблизи, и нас побило бы осколками, а шлюпку уже было бы не отремонтировать.

Надо было применить что-то новое, по времени должен был начаться ход сайды. Из выловленной рыбы надо было еще натопить рыбьего жира, как это делать, кроме меня, никто не знал из моего отделения. В один из таких дней я остался на берегу. Начальник тыла выделил мне бойца, и мы, установив котел, разожгли костер и стали топить рыбий жир. Сдавали на склад, откуда его получали представители госпиталей

---

* Опущены сведения о встрече с командиром Северного оборонительного района генерал-лейтенантом С. В. Кабановым.

** Датируется по году поступления в Государственный архив Мурманской области.

*** Входил в состав Северного оборонительного района.

**** Далее слово неразборчиво.

***** Далее слово пропущено.

и медсанчастей, а рыба шла на питание воинским частям гарнизона полуостровов Средний и Рыбачий.

Выезжая на лов, я заметил косяк сайды. Обмотав тряпками весла, чтоб не спугнуть рыбу, я приказал троим бойцам приготовить по две гранаты РГД, предварительно сняв с них чехлы, и по команде бросить их в расположение косяка. Первый раз мы подобрали почти 800 кг сайды. Но гранаты для этого применять было опасно, могло осколками и нас поразить, и погубить рыбу.

Тогда вместо гранат пришлось применить 400-граммовые толовые шашки. Для этого отверстие у взрывателя следовало несколько расширить, чтобы вставлять обыкновенный запал от гранаты Ф-1. Таким образом, шашка бросалась как обыкновенная граната. Будучи желтой, она привлекала внимание рыбы и, взрываясь, оглушала ее, надо было только вовремя собрать плавающую рыбу. Доставить ее на берег и натопить рыбьего жира. Однако взрывы эти фиксировали немецкие наблюдательные пункты, и по нам открывали огонь вражеские батареи. За 2 с половиной месяца мы выловили и сдали 33 тонны рыбы и приготовили необходимое количество рыбьего жира, но наша экспедиция вскоре прекратилась. В Восточное Озерко в сопровождении наших катеров прошел транспорт, и нам пришлось немало попотеть, чтобы на веслах добраться до берега и укрыться в противотанковом рву. Выбросив якорь на берег, мы вовремя оказались в противотанковом рву. Один из снарядов разорвался рядом со шлюпкой, осколками в нескольких местах пробило борта, перебило весла, сорвало уключины, и наш сейнер больше уже ни на что не годился.

Проезжавший из штаба СОР командир батальона майор Попов видел все это и приказал прекратить лов, поблагодарив за успешное выполнение задания, приказал отправляться по своим подразделениям. [...]

Е. П. Аксенов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 265. Л. 3–7. Подлинник. Рукопись.

№ 23

Из очерка Н. И. Волкова «Музыкальная история»* – о талантливых музыкантах-фронтовиках, сражавшихся на Муста-Тунтури**

1980 г.***

Тот, кто воевал на полуостровах Рыбачий и Средний, слышал историю о том, как один младший командир сотворил скрипку из принесенных морской волной щепок и дощечек. Эти щепки и дощечки были от кораблей фашистов, разбитых и потопленных батареей старшего лейтенанта П. Ф. Космачева****.

Младшего командира часто приглашали бойцы в свои землянки, и он играл им от всей души. Стоило, бывало, музыканту поднести скрипку к подбородку, и в землянке воцарялась такая тишина, какой мы не слышали с мирных дней. Самодельный смычок на самодельном инструменте творил невозможное: звучала мелодия то грустная, то раздольная-веселая, то такая, что видели бойцы красоты родной земли, а то и зовущая на бой с врагом. Игра скрипача доставляла фронтовикам не меньшее наслаждение, чем могли получить в свое время почитатели гения Паганини.

Творцом скрипки и исполнителем был мой однополчанин Телюк Гавриил Семенович. В гарнизоне его считали профессором по части ремонта радиоаппаратуры, а по воинской должности он значился радиомастером. Был у Телюка и дружок – Иван Ильин. Оба сражались на Муста-Тунтури, были коммунистами, сержантами, «снайперами эфира» – так называли тогда отличных мастеров радиосвязи. Оба понимали и любили музыку, прекрасно играли на любом инструменте, который попадал им в руки. Ильина, как лучшего радиста, командование посылало с разведчиками в тыл врага, в морские десанты. Благодаря ему артиллерист-корректировщик в любой момент мог связаться с командиром батареи, вызвать огонь на себя.

Часто так бывало, когда перед своим уходом в разведку Ильин брал гитару, а его друг Телюк мандолину, и они под одобрение бойцов играли. Да так играли, что дух захватывало! Потом Телюк помогал своему другу в недолгих сборах, совал ему в карманы куски сахара, желал «ни пуха, ни пера» и провожал до выхода из землянки. А в ответ Ильин улыбался и говорил всем: «До свидания! Антракт!»

Так было много раз, и к этому давно все привыкли. Но однажды Ильин ушел в разведку и больше не вернулся. Через сутки знакомые матросы из бригады морской пехоты принесли в землянку разбитую рацию и сказали, что Иван Ильин погиб от вражеской пули, и они наскоро соорудили ему могилу, отстреливаясь от наседавших фашистов.

Телюк затосковал, ходил как пришибленный, старался уединиться от лишних глаз. Некоторые бойцы видели слезы на его глазах. И вот однажды этому замечательному человеку пришла в голову мысль: в память об Ильине смастерить скрипку. Вспомнил, как тот однажды ему сказал: «Эх, была б на весь Рыбачий хоть одна скрипка!» Мысль смастерить скрипку не давала покоя Телюку, он днем и ночью обдумывал варианты ее изготовления. Однажды забрел к заливу. Чего только он здесь не увидел: спасательные круги с потопленных кораблей врага, обломки мачт, банки с лаками и красками, щепки и дощечки. И тут его осенило: нельзя ли использовать эти трофеи для задуманного. А потом его видели у туши убитого во время обстрела оленя – что-то вырезал ножом: то ли жилы, то ли кожу. Затем он варил какое-то месиво в котелке на раскаленной буржуйке. Еще спустя месяц бойцы услышали первые скрипичные аккорды. Непосвященные гадали: каким ветром занесло на Рыбачий скрипача.

Приезжали сюда на Рыбачий под обстрелом Исаак Дунаевский, Константин Листов, Лев Миров, Евсей Дарский, Зоя Рождественская, Лебедев-Кумач. Но скрипача еще не было.

Кое-кто из нас, конечно, знал, что Телюк над чем-то колдует, но чтоб он посмел посягать на славу Антонио Страдивари (был в XVIII веке в Италии такой знаменитый мастер скрипок), да еще потягаться с итальянским маэстро Николо Паганини – это было непостижимо!

Но вот первый концерт. На импровизированной сцене Гавриил Телюк со своей скрипкой. Изящная, блестевшая лаком скрипка казалась нам ни в чем не уступавшей своей родственнице. Бойцы восторженно аплодировали. Музыкант стал играть. Слушая музыку, мы видели перед собой волжские просторы, днепровские кручи, родной дом, родных и близких. Это была страстная, вдохновленная игра человека, сделавшего все, чтобы восполнить потерю погибшего друга, и мы – фронтовики – это понимали. Именно после этого Телюка мы стали называть Паганини с Рыбачьего. Он отдавал бойцам весь свой талант, всю силу своей души, и за это его любили нежной, доброй любовью. [...]

Н. И. Волков

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 29. Л. 15–16.
Подлинник. Машинопись.

---

* Очерк с незначительными изменениями впервые опубликован в январе 1981 г. См.: Кировский рабочий. – 1981. – 24 января. – № 11. – С. 3.

** Опущены сведения о послевоенной жизни Г. С. Телюка.

*** Датируется по дате поступления в редакцию газеты «Полярная правда» (ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 29. Л. 14.).

**** Имеется в виду 221-я батарея 113-го отдельного артиллерийского дивизиона Северного флота.

№ 24

Из воспоминаний Д. Г. Соколова о боевых действиях авиации Северного флота – о воздушных боях 1941 г., пленении немецкого аса Р. Мюллера, авиационной технике союзников *

Декабрь 1979 г.

1. Боевые действия в 1941 г.

1941 год характерен был малым количеством самолетов у нас в полку (как и везде). Поэтому личный состав дорожил каждым самолетом. Можно было восхищаться и поражаться энтузиазму, мужеству, смекалке и творческой инициативе, проявляемым инженерно-техническим составом для скорейшего восстановления и ввода в строй поврежденных при выполнении боевых вылетов самолетов. Приведу такой пример, который произошел где-то в конце июля или начале августа 1941 г. Сигнал «Воздух!» нам передали сразу после очередной бомбардировки аэродрома. Взлетая прямо с места стоянки, мой самолет МиГ-3, пробежав метров 50 (начало разбега), попал в воронку от бомбы и встал «на нос». Все три лопасти винта были сильно загнуты. Но наши «кудесники» сумели выправить их, и через три дня самолет был в строю. Правда, ощущалась небольшая вибрация, но в то время на это мало обращали внимание. Ведь не только запасных лопастей для винтов, но и других запчастей не было. И тут выручал талант и техническая смекалка наших техников.

Больше всего нехватка самолетов волновала летчиков. Остаться без самолета в такое горячее напряженное время для летчика было сверхтрудным испытанием. Поэтому летчики полка всегда стремились не покидать подбитый «израненный» самолет, посадить его в лучшем случае на аэродром, порою ценой своей жизни. [...] Вспоминается посадка самолета ДБ-3Ф. Когда самолет остановился на летном поле, то оказалось, что стрелок убит, остальные члены экипажа, в том числе и летчик (к сожалению, не помню его фамилию), были ранены. Самолет же, весь облитый маслом, с забрызганным козырьком кабины имел около 100 пробоин. И, несмотря на такое критическое положение, летчик довел самолет до аэродрома, посадил и спас его. [...]

Из боевых действий 1941 г. еще остановлюсь на двух воздушных боях, характеризующих мужество и героизм наших летчиков, с одной стороны, а с другой – поведение немцев. Немецкие летчики, имея преимущество в количественном, да и в качественном составе самолетов, были наглы и вели себя порою дерзко, пока их как следует не проучат. После чего надолго «поджимают свой хвост». Так и получилось в этом бою в начале августа 1941 г. В этот день мы только произвели посадку после боя с «мессерами» и заправились, как с КП передали сигнал «Воздух!». К аэродрому приближались три девятки Ю-88 под прикрытием истребителей Ме-109Ф. С нашей стороны поднялись И-16, И-153 и 6 МиГ-3. Бой фактически разгорелся над аэродромом и на отходе Ю-88 после их пикирования и сброса бомб. Одна девятка уже пикировала, другие перестраивались для ввода в пикирование. Бой был «жарким». У меня и сейчас в глазах «Юнкерс» с горящими двигателями (он упал в районе Щукозеро). Я его расстреливал прямо «почти в упор», корректируя огонь по трассе пуль. Правда, пулеметы от перегрева пришлось заменить. Мы сбили 8 Ю-88, наши потери: один МиГ-3, летчик – лейтенант Аэропетян. Фактически немцы потеряли 30 % бомбардировщиков и получили хороший урок. И у немцев после таких потерь надолго отбилась охота на налеты по нашему аэродрому. После этого боя немцы не тревожили нас дней пятнадцать.

О втором бое много писалось. Я расскажу об этом бое как его участник. Это воздушный бой в сентябре 1941 г. над линией фронта в районе р. Западная Лица нашей семерки истребителей против 45 Ю-88 и Ю-87 (некоторые пишут – против 52). Мы вылетели в составе 5 И-16 и 2 МиГ-3 с аэродрома Ваенга-II. На самолетах И-16 были Б. Сафонов, А. Коваленко, В. Покровский, Максимович, Вася Адонкин или Хусим Абишев (точно, кто из них, не помню), на МиГах – Сорокин и я (Соколов). Возглавлял группу Борис Сафонов. Над линией фронта была разорванная облачность (4–5 баллов), сквозь разрывы которой мы заметили группы немецких самолетов Ю-88 и Ю-87, истребителей прикрытия не было. Сафонов сделал небольшую горку, что означало – атакуем, и мы ринулись на группы немецких самолетов. Воздушный бой напоминал какой-то клубок, в котором события менялись, как в калейдоскопе. Все кругом вертится, крутится, пространство прорезано трассами пуль и снарядов своих и немецких самолетов. Мы «врезаемся» в боевые порядки немцев, одни из которых пытаются развернуться на обратный курс, сбросив бомбы, причем немцы сбрасывали бомбы на позиции своих войск. Ю-87 производят полуперевороты, сбросив бомбы, пытаются уйти бреющим полетом. Только выходишь из атаки, как в поле зрения появляется другой самолет. Наша атака и воздушный бой были настолько неожиданными, что немцы завопили по радио, что они окружены советскими истребителями, и запросили помощь (это было зафиксировано ведущимся радиоперехватом). Воздушный бой продолжался минут 5 (дольше задерживаться не позволял запас горючего), и мы без потерь вернулись на аэродром. Характерным в этом бою было то, что точное количество немецких самолетов и количество сбитых мы не знали, так как в той «карусели» трудно было что-нибудь зафиксировать. Правда, один только Захар Сорокин сказал, что он сбил, остальные же летчики говорили о своих атаках того или иного самолета. О том, что мы сбили 8 немецких самолетов и что их было 45, сообщили наши наземные войска и посты. [...]

5. О немецком асе Рудольфе Мюллере

Я не помню, по каким причинам не участвовал в этом вылете, но непосредственно участвовал в разэкипировке самолета Мюллера. В воздух заблаговременно было поднято около 12 самолетов «Аэрокобра», в том числе поднялись в воздух Сгибнев и Бокий. Бой начался атакой наших истребителей. Немцы, которых было не меньше, попав в невыгодное положение, постарались выйти и уклониться от боя, что при атаке, положим, на встречных курсах не сложно сделать. При этом один истребитель Ме-109Г, а это они были, стал уходить со снижением в сторону от группы, за ним и погнался Сгибнев. Дав по нему очередь из пулеметов и пушки (позднее Мюллер скажет об этом эпизоде, что наши летчики нечестно поступают: «Я шел на вынужденную посадку, а по мне стреляли») и заметив место посадки (озеро), Сгибнев вернулся на аэродром. Он позвонил мне и сказал, что сейчас полетим с ним на У-2 на место посадки подбитого немецкого самолета. Место посадки мы обнаружили издалека по яркому большому пятну оранжево-красного цвета на снегу около самолета. Оказалось, что немецкие летчики для обозначения своего места посадки и показать, что летчик жив, в месте посадки рассыпали специальный окрашивающий порошок. Когда наш У-2 подрулил к Ме-109, то летчика в нем не было. Он поспешно вынул лыжи и пытался дойти до своих, но был перехвачен около реки Туломы – это километров 15 от места посадки. Этим летчиком был немецкий ас Рудольф Мюллер. Что можно сказать о самолете Мюллера, ведь это был личный подарок ему от самого Геринга. Самолет Ме-109Г отличался от ему подобных исключительной полировкой, окрашен был, как и все Ме-109Г, в пятнистый серый с белым цвет. Правая плоскость была «разворочена» снарядом, поврежден был и капот, а следовательно, и двигатель. Очень интересное имущество мы сняли с

* Опущены рассуждения о слабой организации оповещения войсками воздушного наблюдения, оповещения и связи, описания некоторых воздушных боев, главы «Условия боевых действий», «Группа МиГов», «Наши боевые командиры», «Несколько слов об англичанах», «Некоторые другие стороны нашей фронтовой жизни», «Заключение».

самолета: судок с двумя кастрюльками, наполненными солью (по 1,5-2 кг), 20 алюминиевых крестиков с Иисусом Христом, штук 15 цветных на глянцевой бумаге иконок (12х18) с изображением святых угодников, два больших шелковых платка, черных, с красивыми яркими цветами и кистями. Кроме того, бортпаек летчика, включающий в себя галеты, концентраты, шоколад, спиртовую грелку с сухим спиртом для разогревания пищи и палаш, видимо, для рубки деревьев и заготовки дров для костра. С этим имуществом мы вернулись на аэродром. [...]

Дней через 10 Мюллера привезли к нам в полк. Интересная деталь: у него с собой был учебник «Краткий курс истории ВКП(б)». Мюллер представлял собой мужчину среднего роста, плотного телосложения, русоволосый, физически здоровый. По его рассказу, его уже дважды до этого сбивали, но ему удавалось добираться, его вывозили. К счастью его, что в обоих случаях он оказывался западнее Кольского залива. Когда мы его расспрашивали о странном имуществе, которое он возил на самолете, Мюллер ответил, что надеялся все это обменять на питание у населения, если придется долго идти, рассчитывал на снисхождение у советских людей. Бортпаек же не захватил, так как видел, что место посадки его засекли (он же видел, что самолет «Аэрокобра» прошел над ним, когда уже сел), и сейчас должны появиться солдаты. Поэтому взял только лыжи и постарался подальше уйти с места посадки. В беседе он был довольно-таки лоялен и все советовал постараться сбить капитана Карганика, командира ихней эскадрильи асов. Вскоре после этого, как нам стало известно, Мюллера отправили в Москву. О дальнейшей его судьбе больше мы ничего не знали.

Записали этот сбитый самолет Мюллера Николаю Бокий.

6. Авиационная техника союзников и англичане

За первые два года войны мы имели возможность опробовать в боях несколько типов английских и американских самолетов. Английские летчики прилетели на истребителях «Харрикейн» с авианосца в сентябре 1941 года и через некоторое время передали их нам.

Истребитель «Харрикейн» – явно устаревший тип самолета, явно уступающий немецким истребителям по скорости и по вертикальному маневру.

Мне вспоминаются слова генерала Н. Т. Петрухина, который однажды наблюдал воздушный бой «Харрикейнов» с Ме-109, и, когда увидел наших двух летчиков, спускавшихся на парашютах (бой проходил в районе аэродрома), сказал: «Вот черт! Опять немцы парашютный десант с «Харрикейнов» выбрасывают!» Как говорится, комментарии излишни. Огневая мощь «Харрикейнов», несмотря на наличие 12 пулеметов калибра 7,62 мм, расположенных в крыльях, была слабая и малоэффективная. Поэтому пулеметы впоследствии заменили на две пушки «Эрликон». В пилотировании и освоении «Харрикейн» трудностей не представлял, и наши летчики быстро освоили его. Одна интересная особенность «Харрикейна» – на нем нельзя было быстро рулить, так как он легко становился «на нос», и ломался его деревянный винт. Поэтому при вылете по тревоге, когда требовалось быстро вырулить для взлета, на стабилизатор ложились два человека, соскальзывающие с него с началом разбега на взлет.

Был такой случай. Взлетал Дима Реутов, а механики, лежавшие на стабилизаторе (ноги свешены, а туловище лежало), просмотрели начало разбега. Воздушным потоком они были прижаты к кромке стабилизатора и не смогли соскользнуть. Набрав скорость, Реутов перевел самолет на отрыв. Как только самолет оторвался, то под тяжестью двух человек на стабилизаторе сразу перешел в кабрирование*, потерял скорость и упал. Механики отделались ушибами, Реутов получил тяжелые травмы (позднее опять вошел в строй), а самолет был разбит. Таких случаев было несколько,

* Кабрирование – поворот летящего самолета вокруг поперечной оси, при котором поднимается нос самолета.

когда летчики шли на взлет с людьми на хвосте, но, кроме вышеуказанного, оканчивались благополучно. Люди ухитрялись все же слезть со стабилизатора. Несмотря на низкие качества «Харрикейнов», в то трудное время мы были довольны и ими, так как истребителей у нас оставалось мало. Второй английский «подарочек» – самолеты-торпедоносцы «Хемпден» – «летающие гробы» – так мы их прозвали. По своей конфигурации самолет напоминал нашу русскую балалайку. Широкие у фюзеляжа плоскости, тонкий фюзеляж и небольшое хвостовое оперение. Брал он две английские торпеды небольшого калибра (точнее сказать, торпедки). «Летающими гробами» мы их прозвали за то, что они фактически стали гробами для многих наших экипажей.

Их поступило около или чуть больше 30 самолетов, и прошло всего три-четыре месяца, и их почти не стало. Дело в том, что помимо низких летных данных «Хемпден» обладал очень низкой живучестью, точнее, совсем ее не имел. Его широкие плоскости, заполненные бензином, представляли хорошую мишень, и было достаточно попадания нескольких пуль или осколка снаряда ЗА, чтобы самолет вспыхнул как факел. К тому же самолет «Хемпден» был не устойчив на взлете и посадке, из-за чего несколько самолетов были поломаны. Но главная горечь «подарка» заключалась в гибели наших замечательных летных кадров.

Два английских самолета типа «Спитфайер» можно отнести к типу особенных и оригинальных. Это одномоторный разведчик, построенный на базе истребителя «Спитфайер». Он был предельно облегчен за счет снижения жесткости конструкции. Один из них был выведен из строя в период тренировочных полетов из-за допущенных резких эволюций, вследствие чего были деформированы фюзеляж и обшивка на плоскостях. «Спитфайер» имел на вооружении три длиннофокусных аэрофотоаппарата и ракетницу, стрелкового вооружения не было. Его спасение от преследования заключалось в высоте и скорости. На высоте 9000–11000 км никакой тип истребителя догнать его не мог. Запас горючего обеспечивал ему полет на 5 часов.

Первыми на нем летали на боевые задания Семенов, позднее, по-моему (точно не знаю), Елькин, бывший морской летчик-лодочник. Можно сказать, что английская помощь нам оказывалась по поговорке: «На тебе, боже, что мне негоже», если не хуже.

Несколько иную картину представляли самолеты, поставляемые американцами. Останавливаюсь только на двух типах истребителей – «Киттихаук» и «Аэрокобра». «Киттихаук» значительно превосходил по всем данным английский «Харрикейн», хотя и имел также некоторые недостатки. Но на нем уже надежнее можно было вести воздушные бои и выполнять другие задачи: сопровождение, прикрытие кораблей и т. д. Особенно хотелось бы остановиться на истребителе «Аэрокобра», замечательный самолет того времени. Он имел хорошие летно-тактические данные, был маневренен, имел мощное вооружение, включая 20-мм, а затем 37-мм пушку, прост на взлете и посадке и имел очень хороший обзор. «Аэрокобра» по своим данным не уступала немецким истребителям и даже превосходила их. Немецкие летчики старались избегать воздушных боев с ними при равенстве сил. Не случайно на самолете «Аэрокобра» трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин одержал большинство своих побед. [...]

Д. Г. Соколов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 77. Л. 121–124, 139–142.
Подлинник. Машинопись.

№ 25

Из воспоминаний Д. С. Гончаренка «Мартовское крещение» – об участии в разведывательной операции в районе аэродрома Луостари и воздушном бое 27 марта 1943 г.*

3 февраля 1974 г.**

Стояло морозное утро, погода была ясная, правда, солнце в это время года еще случайный гость в Заполярье. Облака образуются здесь прямо на глазах, особенно в морозные дни. Теплое течение Гольфстрим не дает замерзать Баренцеву морю, но низкие температуры воздуха испарения моря превращают в струйки инверсии, которые очень быстро превращаются в облако. Кухня погоды работает беспрерывно, поэтому погода в день меняется раз пять-шесть. Может проясниться и быстро снова затянуть облачностью, особенно если ветер дует с моря. Это создавало затруднения действию авиации.

Я в паре с ведомым летчиком лейтенантом Сергеем Дроновым получил задание вылетать на разведку аэродрома Луостари. Разведчики должны всегда проникнуть в расположение противника скрытно и так же уйти, с тем чтобы доставить ценные сведения, так необходимые командованию.

Лейтенант Дронов, этот парень-весельчак из Тулы, мой земляк почти, я из Малоярославца, отличался тем, что всегда любил много говорить, пошутить, а иногда просто поболтать. [...] Зная его слабость, я его предупредил по радио – никаких лишних разговоров не вести, в остальном он свои функции ведомого летчика, как щит ведущего, знал назубок.

Бреющим полетом, ломая маршрут, с тем чтобы запутать «стукачей» (так мы называли немецких шпионов, которые, прячась в сопках с рациями, сообщали своему командованию морзянкой о вылете нашей авиации и о направлении ее полета), я взял курс на юго-запад, затем резко изменил строго на север. Выйдя в Баренцево море, далеко от берега взял курс на запад. Пройдя полуостров Рыбачий, мы набрали необходимую высоту в 4 тыс. метров. На этой высоте с норвежской территории взял курс на аэродром, занятый противником, Луостари. На подходе к нему я подготовил фотоаппарат, открыл шторку и, разгоняя самолет до скорости 600 км в час, снизился до высоты 2000 метров. Лейтенант Дронов, словно воды в рот набрал, молчал, но не отставал от меня, периодически делал маневр для осмотра задней полусферы, с тем чтобы противник нас внезапно не атаковал. Мое внимание было приковано к аэродрому. Я заметил на нем необычайное оживление. Фотоаппарат тоже уже работал, фиксировал, уточняя мои визуальные данные, самолеты-бомбардировщики. До этого я его разведывал не раз, на нем базировались только истребители. Сейчас же я насчитал до 50 Ю-88. Шифром я передал по радио командованию. Радисты телеграмму мою приняли и подтвердили.

Зенитки заговорили еще на подходе к аэродрому, но они не ожидали, что я подойду на повышенной скорости. Разрывы снарядов ложились черным шлейфом далеко позади, но зенитчики делали поправки. Шлейф приближался с каждой секундой все ближе к нашим самолетам, и, когда мы уже прошли аэродром, они приблизились к хвостам наших самолетов.

---

* Опущены выписки из фронтовой книжки автора за март 1943 г., характеристика лейтенанта Дронова, диалог летчиков во время боя, подробности при описании преодоления автором «ледяного плена» после погружения самолета в воду.

** Датируется по сопроводительному письму автора (ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 2. Л. 26 об.).

Закончив фотографировать, я резко сбросил обороты мотора и взял ручку «на себя». Дронов несколько запоздал и очутился впереди меня, чуть не попал в центр разрывов, которые стали рваться впереди нас. Я изменил маршрут и повернул самолет на юг. Бросив взгляд на аэродром, я заметил взлетающие истребители. С тем чтобы не ввязываться в бой и скорее доставить фотопленку командованию, я бросил свой самолет в пикирование, Дронов не отставал. На большой скорости, на бреющем полете, ломая маршрут, чтобы не засекли локаторы противника, мы вернулись на свой аэродром.

По визуальным данным при обнаружении скопления бомбардировщиков было ясно, что противник готовит удар по подходящему к Мурманску морскому транспорту.

В целях упреждения удара наши штурмовики были в готовности нанести штурмовой удар по аэродрому противника. Поэтому после моего сообщения с воздуха необходимо было немедленно поднять штурмовиков, как это делалось и раньше, но на этот раз командование замешкалось, ожидая проявления фотопленки. Противник, заметив, что его разведывают, поднял своих истребителей и направил их для блокирования наших аэродромов.

Когда взлетели наши штурмовики с аэродрома Мурмаши и аэродрома Шонгуй и начали сбор, пристраивая к себе нас – истребителей прикрытия, истребители противника с высоты, из-за редкой образовавшейся облачности, начали нас атаковать. [...]

Мое звено должно прикрывать левый фланг группы штурмовиков, лидировать и прикрывать переднюю сферу вылетел наш командир эскадрильи капитан Н. Кулигин с ведомым лейтенантом С. Компанейченко. Правый фланг и заднюю полусферу прикрывал своей эскадрильей соседнего гвардейского полка капитан Громов. Ударной группой прикрытия была эскадрилья капитана Кутахова.

Как только я стал становиться на свое место в общем боевом порядке, я заметил четверку Ме-109, идущих в атаку на штурмовиков. Не раздумывая, я свой самолет, хотя он не имел еще достаточной скорости для маневра, т. к. это произошло почти сразу после взлета, направил на группу Ме-109. Передал лейтенанту Пузанову: «2-27», я «2-25» иду в атаку, прикрой». Но почему-то лейтенант Пузанов, вместо того, чтобы идти за мной после взлета, набрав высоту, ушел за облачность и пристроился к группе Кутахова. Я оказался один против четырех. Вести бой на высоте 50 метров против атакующих с высоты четырех Ме-109Г было нелегко. Я дал моторам максимальные обороты и, вскинув свой тяжелый, почти шеститонный «Киттихаук», открыл огонь по ведущему Ме-109, который атаковал наших штурмовиков. Фашист отвалил в сторону. Дымок легкой струйкой задымил от него, но он бросил свой самолет вверх, и он послушно повиновался. «Наверное, не попал, – подумал я, – видимо, дал он своему мотору форсаж, и поэтому он немного задымил». Я повел свой самолет за ним, но маневренность моего самолета не позволила дотянуться до него по высоте, и на критической скорости я перевернул свой самолет в полупереворот и тут заметил, что у меня в хвосте еще один Ме-109, другой его прикрывает в стороне. [...]

Напрягая свои усилия, я продолжал бросать свой самолет, выжимая из него все возможное. В мирное время я бы не смог повторить все эволюции самолета, какие мне пришлось сделать в бою. [...]

И вот мне удалось снова поймать в прицел самолет Ме-109, который продолжал носиться с дымком. Я нажал на гашетки – и все шесть крупнокалиберных пулеметов моего самолета заговорили языком огня, поражая противника. Я видел, как трассы снарядов пронизывали Ме-109 и как бы прилипали к нему. Он с резким снижением и уже с сильным дымом пошел на запад. Я продолжал атаки, забыв про свою заднюю полусферу. И когда самолет противника стал падать горящим на сопки, я заметил трассу снарядов, прошивающих мой самолет. Я резко развернул самолет на 180 градусов. Один Ме-109 проскочил мимо, но навстречу в лобовую шли еще два рябоватых с желтыми носами Ме-109. Вскинув самолет вверх, я нажал на гашетки. Пулеметы молчали. Мотор

резко стал захлебываться, сбавляя обороты. Решил таранить левым крылом. Но когда я его поднял перед Ме-109, оба свечой ушли вверх. Мотор отказывался работать. Высота и так была малая, а сейчас я почти касался верхушек деревьев, пытаясь сектором газа увеличить обороты. Временами он добавлял обороты, потом снова они резко снижались. Впереди я увидел реку Тулому. Решил сесть на фюзеляж, не выпуская шасси, на лед. В голове пронеслась мысль – после посадки из самолета не выходить, дабы показать, что я не в состоянии этого сделать, чтобы меня не добили на земле [...].

Выпустив тормозные щитки, я плавно подвел самолет к поверхности льда. Но лед оказался тонким, подмытым, т. к. это было перед самой плотиной электростанции. Самолет, а вместе с ним и я, проломив лед, пошел в воду. Он быстро стал погружаться. Недолго раздумывая, я освободился от крепящих меня к сиденью ремней и от парашюта и, будучи погруженным в воду, с трудом открыл фонарь самолета. Ледяная вода «ошпарила» меня с головы до ног. Сдерживая дыхание, я оттолкнулся левой ногой о борт самолета и поплыл вверх. [...] Сделав два качка и как бы опираясь на воду, я сделал рывок изо всех сил, имеющихся у меня, выбросил свое тело на лед и покатился в сторону берега, опасаясь, как бы снова не обломился лед. У берега я встал на ноги, но голая нога на снегу стала мерзнуть, и я инстинктивно поднял ее вверх, пытаясь засунуть в оставшийся унт на левой ноге. В глазах у меня зарябило, и, почти без сознания я упал. Снова стала одолевать дремота. Одна мысль сверлила мозг: «Действовать – жить... действовать – жить...». Я снял унт с левой ноги, снял теплый меховой носок и одел на правую ногу, а унт снова на левую и попытался идти. Но снова зарябило в глазах, я снова упал. Отдышавшись, я вновь и вновь принимался двигаться в сторону рыбацких шалашей, которые увидел. Мороз делал свое дело, он превращал меня в сосульку. Идти не мог. Пробовал ползти. Немного подвигался вперед, но с трудом. Когда оставалось 100 м до хижины, я уже не мог двигаться. Вспомнив про пистолет и заметив, что из трубы одной хижины струится синеватый дымок, я решил выстрелить, чтобы обратить на себя внимание обитателей. Пистолет сделал три осечки, прежде чем подать свой внушительный голос. Два выстрела сделали свое дело. Я увидел, как от домика отделились две мужские фигуры, и, чтобы не ушли они в другом направлении, я дал еще выстрел. Кричать я не мог, кажется, вообще лишился дара речи. Люди добрые услыхали выстрел. Подойдя ко мне, один – бородатый старик, другой – молодой, в технической куртке, ничего не спрашивая, видя человека в беде, взвалили меня, как бревно, на свои плечи и, кряхтя, проваливаясь в снег, понесли в избушку. В этот момент сознание покинуло меня.

Д. С. Гончаренок

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 2. Л. 27–36.
Подлинник. Машинопись с авторскими правками.

№ 26

Из воспоминаний А. И. Малыгина об участии в боевых действиях Северного флота – о высадке десанта морской пехоты в 1942 г. в районе мыса Пикшуев *

8 июля 1987 г.

Первый мой самостоятельный выход по заданию командования – это была доставка продовольствия торпедным катерам, базировавшимся в губе Пумманки**. Продукты доставлялись до губы Эйна, а там – на машинах по земным дорогам. [...]

Малыгин Анатолий Иванович.
1939-1940 гг.
Ф. Р.-1279. Оп. 1. Д. 40. Л. 17.

Задания командования были различными: несли сторожевую службу по охране водного района, стояли в дозоре, охраняя вход в Кольский залив от подводных лодок противника, прослушивая водное пространство входа Кольского залива. Были случаи, когда по тревоге наш отряд катеров выходил на протраливание фарватера Кольского залива от мин, сбрасываемых самолетами противника. Наша задача была держать Кольский залив чистым от мин для безопасного движения наших надводных и подводных кораблей. Также охраняли противолодочные сети в Кольском заливе от своих кораблей, могущих попасть в сети и иметь повреждения. Много раз приходилось доставлять в губу Эйна воинским частям продовольствие, боезапасы, медикаменты. Два раза пришлось побывать в губе Пумманки, куда доставлялись боезапасы для дальнобойных орудий батареи капитана Поночевного, который огнем орудий преграждал путь фашистских кораблей, идущих из Норвегии в порт Лиинахамари. [...]

Высадку морского десанта производили в районе реки Западная Лица, недалеко от острова Могильный, к западу от острова. В районе реки Западная Лица и реки Титовка шли кровопролитные бои, кроме этого, наступили сильные снегопады, сильные ветры и холода до 12–14 градусов мороза. Бойцы и командиры получали обморожения конечностей, были случаи со смертельным исходом.

Десантные катера нашего дивизиона работали дни и ночи по доставке войск, боепитания, обмундирования, вывозили раненых. Некоторые катера получили повреждения от налетов авиации противника, были случаи, когда катера садились на подводные камни и выбывали из строя, их уводили в ремонтно-морские базы для ремонта. Нашему СК-215 посчастливилось оставаться в составе действующих катеров, и, как говорят, работали от звонка до звонка этой операции. При десанте наш СК-215 выполнял различные задания, так как СК-215 был придан командирам-десантникам. Командовал в это время 12-й морской бригадой полковник Рассохин. Отдыха совершенно не было, все время были в движении: подвозили пополнение войск, которое поступало

---

* Опущены сведения о работе в довоенное время, о зачислении в Северный флот в июне 1941 г., об участии в высадке десанта в губе Андреева на Мурманском берегу Баренцева моря, о выполнении боевых заданий в октябре 1942 – октябре 1943 гг., а также авторские отступления, не имеющие отношения к теме сборника.

** Пумманки – бухта на юго-западном берегу губы Большая Волоковая полуострова Средний.

на сторожевых кораблях бригады под командованием капитана 1 ранга Александра Шмелева, подвозили боезапас, продовольствие, обмундирование, вывозили раненых из полевого палаточного госпиталя в тыл – на остров Шалим (Порт-Владимир). Тогда же был такой эпизод. Мы подошли к базе снабжения войск, которая располагалась на левом берегу реки Западная Лица напротив острова Могильный, как заметили: в районе мыса Пикшуев близко у воды моргает морзянка. Мы запросили, в чем дело. Нам ответили, что они прижаты к воде фашистскими автоматчиками и находятся под земляным навесом, что у них кончились патроны, ждут помощи. Немедля времени, мы взяли на базе около 30 ящиков патронов для винтовок и автоматов и пошли на помощь. Стали подходить к берегу, но глубины залива не позволили подойти к берегу, тогда я принял решение – спустить шлюпку на воду. Когда была спущена шлюпка, и начали грузить в нее боезапас, противник начал вести обстрел нашего катера из автоматов, чем обнаружил себя, а мы стали вести огонь из крупнокалиберных пулеметов системы ДШК, прикрывая шлюпку с боезапасом, на которой находился старший матрос Царев Петр Сергеевич. Задача была выполнена, боезапас бойцам был доставлен. Подняв шлюпку на борт, увидели мигающий фонарик, который сообщил нам, что наш катер не нужен, и выразил благодарность в наш адрес. За этот случай старший матрос П. С. Царев был удостоен правительственной награды – медали «За боевые заслуги». [...]

Еще раз мне посчастливилось встретиться с батальоном А. П. Боровикова и его комиссаром А. Д. Гальченко* при высадке десанта 18 сентября 1942 г. на берег, занятый противником, в районе мыса Пикшуев. Высадили десантников под покровом темной ночи, наш катер СК-215 подошел к берегу без единого выстрела со стороны противника. Бойцы [...] высадились благополучно.

63-я бригада морской пехоты высаживалась западнее нас, и у них дела были неважные [...]. Первый уход наших войск после выполнения боевого задания командования начался еще, когда было темно, и мы все обстрелу и бомбардировкам не подвергались. Но когда начался рассвет, фашисты бросили на нас самолеты-штурмовики, била дальнобойная батарея фашистов из Титовки, обстреливая то место Мотовского залива, где наши катера производили отходящую морскую пехоту на катера и перебрасывали их на полуостров Рыбачий. При очередном возвращении с Рыбачьего нашему катеру СК-215 пришлось прорываться сквозь заградительный огонь батареи противника. Маневрируя среди разрывов снарядов дальнобойных батарей фашистов, удалось подойти к берегу, где я увидел вновь Боровикова и Гальченко, которые в сложной обстановке отлично руководили личным составом. Мне очень понравилось их хладнокровие и уверенность в своих действиях. Конечно, я человек сугубо морской, моряк от природы, но я бы их характеризовал действительными блестящими красными командирами. Во время посадки войск на катер СК-215 на нас налетели самолеты фашистов и с бреющего полета начали обстреливать из пушек 20-мм, но мы поставили дымовую завесу и в ней оставались для противника невидимыми.

Когда отошли от берега и вышли из полосы дымовой завесы, были вновь атакованы фашистскими самолетами. Ответный огонь вели наши краснофлотцы: на носовом ДШК – Варламов Иван Иванович, на кормовом ДШК – Царев Петр Сергеевич. В это время вновь открыла по нашему катеру огонь дальнобойная батарея. Один из снарядов упал около нашего катера, окатило всех морской водой с головы до ног, но раненых в этот раз не было. Когда мы вышли из опасной зоны обстрела, я узнал от комиссара А. Д. Гальченко более подробно об этой операции. Оказывается, план операции был аналогичен операции 11 сентября 1942 г., но часть морских десантников из 63-й морской бригады попала в засаду, и батальону А. П. Боровикова и комиссара А. Д. Гальченко пришлось выручать бойцов и командиров из 63-й бригады морской пехоты, попавшей в засаду врага. Поэтому и не уложились за темное время увезти войска с берега, занятого противником, на берег полуострова Рыбачий. Операция была

* Речь идет о 2-м стрелковом батальоне 12-й бригады морской пехоты Северного оборонительного района.

окончена, наше командование – командир дивизиона капитан III ранга Д. М. Бубынин и ст. политрук Филимонов, которые были в этой операции, приказали катерам нашего дивизиона, участвовавшим в этой операции, следовать на свою базу. СК-215 стоял в губе Эйна, ожидая прихода с берега ст. политрука Филимонова. Через 30–40 минут, отойдя от причала в губе Эйна, я заметил на воде Мотовского залива черный предмет, взял бинокль и, посмотрев в бинокль, увидал, что это плывет человек. Изменили курс и подошли к человеку, которым оказался Белозеров Николай Алексеевич из десантников морской 12-й бригады. Ранее он был в нашем дивизионе мотористом на катерах. Как оказалось, он плыл на свой берег, на полуостров Рыбачий, дабы не быть в плену у фашистов. Он еле-еле удерживался на воде Мотовского залива. Когда он пришел в себя, то сразу заявил, что на берегу, занятом противником, остались люди из состава прикрытия автоматчиков из 12-й морской бригады. У меня на катере был наш ст. политрук Филимонов, я доложил обстановку и взял курс к месту, где, по рассказам Белозерова Николая Алексеевича, у самой воды Мотовского залива под обрывом скалы были люди – бойцы, прикрывавшие отход наших войск. Только вышли на середину Мотовского залива, как на нас налетели фашистские самолеты-штурмовики и начала бить дальнобойная батарея противника. Картина была страшная: вокруг нашего катера вздымались огромные столбы воды от упавших в воду крупнокалиберных снарядов, свист мин и вой самолетов, которые с бреющего полета обстреливали наш катер СК-215. Наши краснофлотцы-молодцы вели непрерывный огонь из крупнокалиберных пулеметов системы ДШК по самолетам противника, и в это время я решил поставить дымовую завесу, приказал ст. матросу-минеру П. С. Цареву последовательно зажигать и выбрасывать дымовые шашки в Мотовский залив, и дым закрыл все водное пространство. [...] Под дымовой завесой, поставленной нами, мы подошли к берегу и приняли на борт около 30 человек бойцов и командиров, среди которых было много раненых. Поскольку наш катер находился в дыму от наших дымшашек, корректировщику противника мы не были видны, и поэтому снаряды дальнобойных орудий падали от нашего катера далеко в залив.

Среди 30 человек, вероятно, и был сержант 12-й бригады морской пехоты снайпер Дистрянов Иван Константинович, который с помощью радиопередачи и телевидения через 24 года после войны разыскал СК-215 и его экипаж, спасший жизнь 30 морякам. При отходе от берега с бойцами на борту 30 человек мы вновь были атакованы самолетами-штурмовиками противника, хотя непрерывно вели огонь по самолетам, а как только вышли из зоны дымовой завесы, вновь по нам открыла огонь дальнобойная батарея противника. Падало в залив четыре крупнокалиберных снаряда одновременно. Один снаряд упал близко около нашего борта – катер сильно тряхнуло, накренило, бортами зачерпнуло морской воды, главная машина остановилась. Среди десантников начались различные суждения. Буквально через 2–3 минуты из машинного отделения доложил командир БЧ-5 А. В. Бахтиаров и моторист Костин, что исправили поврежденную трубку насоса питания, заработала главная машина, и вскоре вошли в безопасный район. [...]

А. И. Малыгин

ГАМО. Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 39. Л. 2–5, 10–12, 14.
Подлинник. Машинопись.

№ 27

Из воспоминаний А. Т. Караваева «Тверже гранита» – о высадке разведывательно-диверсионных десантов в районе опорных пунктов Могильный, Обергоф и Фишерштейн в сентябре 1942 г.*

18 февраля 1980 г.

Как-то Арсений Васильевич Кулагин** пригласил меня принять участие в отборе добровольцев в разведывательно-диверсионный десант к мысу Пикшуев.

Немцы, битые здесь еще в 1941 г. и весной 1942 г., оборудовали на выгодно возвышающейся над заливом скале довольно сильный опорный пункт. Он был важным звеном в цепи укреплений, созданных захватчиками по всему южному побережью Мотовского залива. Неприятельские артиллеристы держали под постоянным обстрелом и залив, и губу Эйна. Южные коммуникации Северного оборонительного района подвергались непрерывной опасности.

Гитлеровцы держали на Пикшуеве артиллерийскую и минометную батареи и роту егерей. Заняв очень выгодные позиции, этот гарнизон был трудноуязвим, особенно с моря.

В отряд, который возглавил майор А. П. Боровиков, вошло свыше трехсот бойцов, главным образом, разведчики и автоматчики. На случай необходимости усилить эту группу в заливе Эйна находилась в готовности к рейду резервная рота.

Все бойцы усиленно тренировались: учились ориентироваться ночью, штурмовать скалы, маскироваться в камнях. На Рыбачьем была присмотрена местность, схожая с побережьем у мыса Пикшуев. Здесь и проходили занятия подразделения Боровикова.

С десантниками велась большая политическая работа. Боевой дух у них был высок, свыше ста человек изъявили желание идти в бой коммунистами. Особенно много заявлений поступило после партийного собрания.

В ночь на 11 сентября катера отвалили от причалов губы Эйна и доставили десантников к южному берегу залива. Первая группа под командованием старшего лейтенанта Белозерова высадилась северо-западнее Пикшуева, а вторая (ее возглавлял старший лейтенант Грачев) направилась к опорному пункту с юго-востока. Замысел состоял в том, чтобы нанести по неприятельскому гарнизону охватывающий удар. Батареи 104-го артполка открыли огонь, препятствующий противнику подтягивать резервы.

Группа Белозерова довольно быстро продвигалась на юг, к высоте Картошка. В четвертом часу она вышла к огневой позиции вражеской батареи и завязала бой. Десантники сумели незаметно приблизиться к орудийным дворикам и стремительным броском захватить два орудия. Вскоре моряки уничтожили два миномета, значительно ослабив огневую силу опорного пункта.

Действия группы Грачева поначалу не были столь успешны. Ей пришлось около пяти часов вести тяжелый бой в полосе дзотов. Военком группы старший политрук В. Д. Исаев, взяв два взвода, начал штурмовать огневые точки. Фашисты открыли ожесточенный огонь из пулеметов и автоматов. Десантники залегли. Тогда Исаев, осмотревшись, крикнул:

– За Родину – вперед! – политработник вскочил и побежал по склону сопки. Бойцы рванулись за ним. Когда огневая точка противника и блиндаж были уже в наших руках, Исаев был тяжело ранен. Он умер на руках у матросов.

– Военком убит!

Эта весть мгновенно разнеслась по атакующей цепи, подхлестнула бойцов. Но на их пути встало новое препятствие – дзот. Из него густо били пулеметы. Они не давали матросам шагу ступить. Комсомольцы С. В. Шилов и Н. З. Привалов поползли к огневой точке. Им удалось преодолеть опасную зону. Забравшись на крышу сооружения, Шилов и Привалов бросили на амбразуру и дымоход несколько гранат. Дзот замолчал, и моряки двинулись дальше.

Не меньшую смекалку и ловкость проявил в этом бою младший сержант А. И. Меньшиков: ему удалось семь раз подхватить на лету вражескую гранату и метнуть ее обратно за камни, где засели гитлеровцы.

Вскоре обе десантные группы объединились, обошли опорный пункт с северо-запада и юга и к утру захватили его.

Боевая задача была выполнена. Десантники уничтожили около двухсот солдат и офицеров противника, разрушили свыше пятнадцати дотов и дзотов, вывели из строя всю артиллерию и минометы неприятеля.

По сигналу майора Боровикова отряд сосредоточился у берега, где его уже поджидали катера.

В штаб Северного оборонительного района пришла шифровка, в которой говорилось, что нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов высоко оценил действия десанта у мыса Пикшуев и приказал изучить опыт североморцев на всех флотах. [...]

16 сентября командующий флотом приказал организовать удар по опорным пунктам Могильный, Обергоф и Фишерштейн. Полковник Рассохин получил задание сформировать сводный десантный отряд из саперов, бойцов разведотдела, автоматчиков своей – 12-й – и соседней – 63-й – бригад. Высадить его предполагалось с катеров охраны водного района в двух местах: у входа в губу Титовка и в районе мыса Пикшуев.

На подготовку семисот с лишним бойцов из разных соединений оставалось двое суток. И штаб вместе с политотделом старались втиснуть в жесткие рамки графика весь комплекс мероприятий, необходимых для успеха дела. На тренировки оставалось мало времени. Рассчитывали на внезапность, хотя недавний рейд к Пикшуеву, наверное, серьезно обеспокоил и насторожил гитлеровское командование.

Подразделение, созданное из бойцов 63-й бригады, вышло из губы Озерко и высадилось в районе опорного пункта Могильный. Здесь оно встретило организованное сопротивление противника. Сосредоточив большие силы, гитлеровцы угрожали морякам окружением. Однако десантники действовали решительно. Группа во главе со старшиной 1-й статьи С. М. Агафоновым захватила две важные пулеметные позиции и обеспечила выход из полукольца остальным.

Вторая часть отряда под командованием майора А. П. Боровикова при подходе к цели попала под обстрел. Один из катеров оказался на камнях, другие из-за большой волны не могли вплотную подойти к берегу. Бойцы стали прыгать в ледяную пучину. Матросы Стрелецкий, Попов и Гармаш, находясь по пояс в воде, взяли на плечи трап. По нему сразу же побежала живая цепь. Самоотверженно действовали и катерники: боцман катера МО-124 старшина 1-й статьи Чудинов, матросы Бельков и Мушинский. Несмотря на тяжелые ранения, они не покинули боевых постов.

Семь часов длился ожесточенный бой. При поддержке береговой артиллерии десантники захватили и уничтожили несколько дотов и дзотов, ликвидировали опорный пункт Обергоф.

В этой вылазке отлично проявили себя моряки из особой группы, выделенной разведотделом флота. Возглавлял ее старший лейтенант Фролов. При подходе к укреплениям разведчики попали под сильный пулеметный огонь. Выбрав удобный момент, Фролов поднял бойцов в атаку. Это была короткая, но жаркая схватка.

---

* Опущены сведения о прибытии в г. Мурманск и на полуостров Рыбачий в августе 1942 г., описание беседы с медицинскими сестрами, служащими на полуострове Рыбачий, описание встречи с первым секретарем Мурманского обкома ВКП(б) М. И. Старостиным.

** Речь идет о начальнике политотдела 12-й бригады морской пехоты Северного оборонительного района Северного флота.

Старший лейтенант был дважды тяжело ранен. Старшина 2-й статьи Мотовильный и матрос Хабалов вынесли его с поля боя в бессознательном состоянии. Командование группой принял на себя Виктор Леонов. Разведчики к этому времени оказались в кольце егерей. Но не растерялись. Стремительной атакой они прорвались сквозь неприятельский заслон и соединились с остальными десантниками, участвовали в ликвидации опорного пункта. [...]

А. Т. Караваев

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–17.
Подлинник. Машинопись с авторскими правками.

№ 28

Из воспоминаний В. К. Елфимова об участии в арктических конвоях – о плавании на пароходе «Чернышевский» в период с 8 августа 1942 г. по 9 августа 1943 г.*

20 августа 1974 г.

Я получил направление на пароход «Чернышевский» Мурманского арктического пароходства, находившегося в оперативном подчинении Северного морского пароходства. Командовал пароходом «Чернышевский» опытный, известный капитан Елизбар Шабанович Гогитидзе, старший помощник капитана – Петрушевский Георгий Антонович, старший механик – ленинградец Полещук Николай Антонович. [...]

8 августа пароход «Чернышевский», груженный отборным «игарским» лесом, отошел от причалов Архангельского порта и двинулся вниз по Северной Двине, где в назначенном месте присоединился к конвою, состоящему из судов «Щорс», «Алма-Ата», «Петровский», «Двина», «Диксон», «Азербайджан», «Донбасс», английский танкер и др. В сопровождении ледореза «Федор Литке», ледокола «Ленин» и кораблей сопровождения Северного флота конвой направился в пролив Югорский Шар, где простоял несколько дней в ожидании результатов разведки ледовой обстановки в проливе Карские ворота и Карском море.

Накануне снятия с якоря для следования к острову Диксон, первой нашей остановке, днем в условиях полного штиля и хорошей видимости всех взбудоражил сильный взрыв, когда водяной столб взрыва осел и дым рассеялся, все увидели накренившийся и погружавшийся в воду пароход «Щорс». На судах была объявлена тревога, раздалась беспорядочная стрельба по «перископам» подводных лодок в разные направления, но потом стрельба прекратилась, все осознали, что на том мелководье, где мы стояли, появление подводных лодок исключено. Очевидно, взорвалась импульсивная магнитная или акустическая мина, сброшенная немцами с самолета. Пароход «Щорс» не затонул полностью, часть корпуса с двумя мачтами, надстройками, трубой так и остались до конца войны полузатопленными. [...]

Штаб проводки конвоя на Диксоне дал нам указание возвратиться к островам Комсомольской правды и ждать улучшения ледовой обстановки в проливе Вилькиц-

* Опущено описание событий, предшествующих назначению на судно, сведения о послевоенной судьбе упоминающихся в повествовании лиц, описание личных впечатлений автора о городах-портах, в которых довелось побывать во время рейса.

Пропуск в порт Нью-Йорк Елфимова Владимира Кирилловича.
9 июня 1943 г.
ГАМО. П-2393. Оп. 2. Д. 520. Л. 61.

кого. На обратном курсе вокруг нас несколько раз сделал облет гидроплан без опознавательных знаков. Как оказалось впоследствии, это был гидроплан с фашистского линкора «Адмирал Шеер». В это время «Сибиряков», идя по своему заданию, обнаружил линкор и сообщил по радио открытым текстом: «Всем! Всем! Вижу неизвестный военный корабль! Неизвестный военный корабль запрашивает ледовую обстановку пролива Вилькицкого! Неизвестный корабль приказывает спустить флаг» и последнюю телеграмму: «Вступаю в бой!»

Завязался неравный бой маленького слабо вооруженного парохода и мощного военного корабля-линкора, который после пристрелочных залпов почти в упор расстрелял «Сибирякова». «Сибиряков» погиб, оставшиеся в живых команда, раненые, контуженные вместе с находившимся в бессознательном состоянии капитаном Качарава на шлюпках отошли от тонущего корабля и были взяты на борт линкора, посажены в казематы и доставлены в Германию. [...]

«Сибиряков» своей гибелью и отвагой спас от разгрома наш конвой в составе более десяти судов, так как гидроплан, который мы видели, обнаружив конвой, идущий от пролива Вилькицкого, доложил об этом, и на линкоре «Адмирал Шеер» решили, что это идет загруженный военным снаряжением караван судов из тихоокеанских портов США, и решили нас потопить.

Как только стало известно, что «Сибиряков» вступил в бой с линкором «Адмирал Шеер», мы получили срочный приказ – ложиться на обратный курс и форсировать льды пролива Вилькицкого.

Пролив, забитый тяжелыми ледовыми торосами, при помощи ледоколов мы форсировали, но это дорого нам обошлось: на большинстве судов, в том числе и на «Чернышевском», были крупные повреждения: погнуты и обломаны лопасти гребных винтов, в корпусе судов трещины, пробоины и вмятины; пришлось ставить цементные ящики, непрерывно работали насосы, откачивая воду из трюмов, но суда продолжали идти своим ходом. В носовом трюме парохода «Чернышевский» уровень воды все время держался полтора метра. У танкеров запас плавучести был больше, хотя повреждений у них было не меньше. В таком состоянии дошли мы до порта Тикси, места нашей второй бункеровки*, где услышали подробности трагической гибели «Сибирякова», об участи экипажа никто не знал. [...]

Забункеровавшись в Тикси и кое-как исправив повреждения, мы двинулись дальше, но смогли дойти только до порта Амбарчик в устье реки Колыма, дальше нам ходу не было, все было забито тяжелейшим паковым льдом.** Имелась только узкая полоска воды у берегового припоя глубиной 3–5 метров и шириной 10–15 метров, осадка же наших судов была самая меньшая – 7 метров и ширина – от 16 м и более. По этой узкой

* Бункеровка – заправка судна топливом и моторными маслами.
** Паковый лед – многолетний морской лед толщиной не менее 3 метров.

прогалине навстречу нам прошли только мелкие корабли Тихоокеанского флота под проводкой капитана-полярника В. И. Воронина. А мы получили приказ возвращаться обратно и без особых происшествий с бункеровками в портах Тикси и Диксон к середине октября прибыли в губу Белушья, что на Новой Земле. И тут от начальника военно-морской базы Белушья, капитана 2-го ранга Дианова получили указание следовать в одиночном порядке в Исландию в порт Акурейри с интервалом для каждого судна в два дня. 26 октября вышел пароход «Диксон», 28 октября – танкер «Азербайджан», 30 октября – танкер «Донбасс», 2 ноября – пароход «Чернышевский». [...]

7 ноября прямо по носу мы обнаружили массу бурунов и сразу же отработали «полный назад», оказалось, мы вышли на так называемые «Тысяча Островов»* у острова Эдж – «вперед смотрящие» не подвели, а то быть бы нам на скалах Шпицбергена. Морское счастье сопутствовало нам, что ни говори. После ужина по вахтам провели беседы о 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

От Шпицбергена мы повернули прямо на Исландию. [...] 20 ноября мы вошли в исландский фиорд Акурейри – узкий, длинный, он, казалось, мог бы вместить все флоты мира. Все открыто радовались, что переход прошел благополучно. «Нептунушка помог», – сказал капитан, все рассмеялись и заметили капитану о его неуважительном отношении к морскому богу – сначала величал «Нептун», а как надобность отпала, то сразу превратил в «Нептунушку». Дело в том, что, когда мы выходили из Белушьей, капитан вытащил из кармана и дал мне и старшему помощнику горсть мелочи (там были все монеты мира – «ченж») и сказал: «Кидайте, хлопцы, в море жертву Нептуну, морскому царю. Пусть поможет нам проскочить благополучно!» [...]

В конце 25 ноября все суда под охраной военных кораблей были переведены из фиорда Акурейри в Рейкьявик, столицу Исландии, и тут из английских газет мы узнали о великой битве под Сталинградом. Нужно проникнуться нашим состоянием, чтобы понять, что мы перечувствовали в то время – длительный переход среди мрака полярной ночи, постоянное напряженное состояние в ожидании чего-то неизвестного, отсутствие информации – и сразу ошеломляющее известие о грандиозной победе! Радость и гордость переполняли нас, и еще больше окрепла уверенность в победе над фашизмом! Еще в Ленинграде и затем в Москве, когда нам предложили выбор, мы выбрали плавание на Север, Архангельск, здраво и трезво рассуждая, что с окончанием войны с Севера быстрее добраться до Ленинграда, до родного порта, чем из Владивостока.

Из Рейкьявика часть наших судов направили в порты Канады и США, ушли танкер «Азербайджан», турбоход «Двина» и др., а нас, «голландцев», груженных лесом, повели под прикрытием с воздуха и с моря в порты Англии. Мы на пароходе «Чернышевский» попали в порт Ньюкасл на реке Тайн, где наши трюмы освободили от леса, которому англичане были чрезвычайно рады, а нас поставили в драй док**. Когда док осушили, специалисты завода только головами покачивали, осматривая сломанные, свернутые лопасти гребного винта, устрашающие скуловые вмятины, трещины в корпусе и другие ледовые повреждения. Винт нам отлили и поставили новый два брата из Сандерленда. Заменили одну треть обшивки корпуса и часть шпангоутов в носовой скуловой части. Заменили часть стальной палубы, отремонтировали машину и механизмы. [...]

К концу мая ремонт нашего «Чернышевского» закончился, и нас перевели сначала в порт Мидлсбро, где погрузили в наши трюмы полное оборудование завода оборонного значения, а затем в бухту Лох-Ю, на Атлантическом побережье Англии, где нас включили в «Фаст конвой» – быстроходный, для перехода через Атлантику к берегам Северной Америки. Конвой в океане представлял внушительное грандиозное зрелище – 40 судов по 10 в ряд, строем фронта шли в четверть мили расстояния

* Архипелаг Тысяча Островов – группа небольших островов к югу от острова Эдж. Является частью архипелага Шпицберген.

** Dry-dock (англ.) – сухой док.

друг от друга, по борту, по носу и по корме. Против нашего «Чернышевского» это были большие суда типа «Либерти», «Виктори», танкера и т. д., и все без груза, взяв традиционный английский обязательный балласт – отходы выработок шахт, который тут же по выходе начали сбрасывать в море. Еще со времен парусного флота каждое судно обязано было в Англии брать эти отходы шахт.

Впереди курса нашего конвоя зигзагами ходили эсминцы, и еще впереди эсминцев строем шли «охотники» и через разные промежутки времени сбрасывали глубинные бомбы. По сторонам конвоя и по корме также было охранение из боевых кораблей, а две мили отстав от конвоя, шли два спасательных судна («рескью шип»*), по бортам которых свисали сетки, штормтрапы, чтобы можно было быстро на ходу выхватывать из воды тонущих моряков. Судам конвоя запрещалось стопорить ход для спасения тонущих моряков с торпедированных судов.

Высоко в небе над конвоем и впереди конвоя все время находились самолеты, высматривая немецкие подводные лодки. За семь суток перехода самолеты смогли обеспечить нас только в течение трех суток с той и другой стороны – сутки конвой оставался без прикрытия с воздуха, без воздушной разведки, этим обстоятельством пользовались немецкие подводные лодки. Выход такого огромного – более ста судов – конвоя (включая охранение) не остался незамеченным для врага, и за конвоем все время следили, и за ним охотились немецкие подводные лодки.

В последнее время немцы применили новую тактику нападения на конвой – тактику «волчьей стаи». Несколько подводных лодок, выследив конвой и определив его курс, залегали на грунт по курсу конвоя и, выключив все, что издавало шум, прекратив разговоры, ожидали, пока передовые суда охранения с акустической аппаратурой пройдут над ними. Потом быстро всплывали среди конвоя на видимость перископа, выбирали себе покрупней «жертву», а то просто наугад выпускали торпеды и уходили на дно, опять ложась на грунт и затаясь. А наверху в это время происходило что-то ужасное – всем начинали чудиться перископы, открывалась беспорядочная стрельба по своим же судам, по морякам, оказавшимся в воде с судов, подорванных лодками. Взрывы торпедированных судов, беспорядочная стрельба по кажущимся перископам – это и была та завеса, пользуясь которой немецкие подводные лодки уходили безнаказанно. Днем конвой шел со скоростью 10 миль в час, а ночью ход сбавлялся до половины. Гребной винт – бульбообразный, поставленный братьями из Сандерленда во время ремонта в Джарроу драй док – не оправдал наших надежд на 10-мильный ход, мы еле-еле смогли выгребать 7–8 миль в час. В результате с утра, как только суда конвоя по приказу командира давали полный ход, мы сразу же начинали отставать, находясь по ордеру в третьей колонне в середине – после обеда мы пропускали мимо себя четвертую последнюю колонну, а к вечеру оказывались позади «рескью шип». И только когда конвой сбавлял ход, мы к утру становились в свой порядковый ордер, чтобы сразу же начать все сначала. И получалось, что мы опять шли в одиночном плавании через Атлантику!

Наше исчезновение и появление было своего рода развлечением для судов конвоя, когда мы отставали, с нами, шутя, прощались, завязывались пари, как скоро мы скроемся за горизонтом. Когда же возвращались, все бурно выражали свою радость, размахивая руками, и кидали вверх фуражки.

Но все кончилось для нас удачно и на этот раз. У берегов Северной Америки в районе Большой Ньюфаундлендской банки командор дал сигнал всем судам идти самостоятельно в порты назначения, пожелав нам счастливого плавания. Наш порт назначения был Нью-Йорк.

Не прошло и двух часов, как суда конвоя, дав полный ход, скрылись за горизонтом, а мы опять остались в одиночестве, но ненадолго. «Кост гуардия»** – береговая

* Rescue ship (англ.) – спасательное судно.

** US Coast Guard (англ.).

охрана США – приняла нас под свою надежную защиту – все время мористее нас на горизонте показывались и исчезали силуэты военных кораблей, на бреющем полете над нами с ревом проносились самолеты и ненадолго зависали дирижабли. Один даже просигналил: «Капитан, дым из трубы вашего парохода немецкая подводная лодка видит за 20 миль», – и улетел.

И в этом переходе мы как всегда соблюдали боевое расписание – вахты у орудия и наблюдение за воздухом и поверхностью моря. А 9 июня ошвартовались у одного из пирсов порта Нью-Йорка, где приняли бункер, подремонтировали машину и механизмы перед дальним переходом до Панамского канала и дальше, до Сан-Франциско. [...]

Из порта Нью-Йорк до военно-морской базы США на Кубе – Гуантанамо – мы шли в конвое, в сопровождении эскорта военных кораблей и самолетов. От Кубы до Панамского канала состав военных судов и самолетов был увеличен вдвое, так как нам предстояло пройти «кладбище судов», как в то время называли Карибское море, где в минувшую войну больше всего погибло судов, потопленных фашистскими подводными лодками.

В порту Кристобаль (Полон) у входа в Панамский канал пополнились углем [...]. А в полдень пароход «Чернышевский» уже шел Панамским каналом. Выйдя в Тихий океан, мы считали, что война для нас закончилась, мы шли самостоятельно, с открытыми огнями, а чтобы иметь отличие, что мы нейтральное судно между двумя странами США и Япония, на обоих бортах у нас на белом фоне краской нанесли наш государственный флаг в натуральную величину, верхняя часть рулевой рубки была также закрашена белилами и на белом фоне опять-таки в натуральную величину нарисован был наш государственный флаг для американских и японских подводных лодок и самолетов.

Но, несмотря на такие отличительные знаки, суда наши гибли от торпед, а кто торпедировал – неизвестно. Погиб «Трансбалт» – ровесник «Декабриста», был торпедирован пароход «Ангарстрой», погибли пароходы «Кола» и «Перикоп» – и все в южных морях. [...]

Американцы писали, что советские суда топят японские подводные лодки. Японцы говорили, что это делают американцы. Переход от Панамы до Сан-Франциско был для нас отдыхом, моряки загорали, купались в самодельном бассейне на корме и пили сухое вино «Арома Калифорния», полученное в Нью-Йорке на переход тропиками.

4 июля пришли в Сан-Франциско, город был взбудоражен известиями о происходившей величайшей битве танковых армий на Курской дуге. «Горят немецкие «тигры» – 350 «тигров» сожжено-уничтожено русскими за сутки!» – кричали заголовки всех газет*. В то время в США считалось величайшей гордостью и честью быть русским, советское консульство было завалено заявлениями русских, проживающих в Сан-Франциско, с просьбой послать их на фронт в бой против немцев – исконных врагов русских – защищать Родину! [...]

В середине июля пароход «Чернышевский» вышел из бухты Золотые Ворота, на берегах которой расположен Сан-Франциско, и взял курс на порт Датч-Харбор на Алеутских островах, где находится военно-морская база США. Там мы произвели последнюю бункеровку на переход до Владивостока. Плавание все время происходило спокойно, и в положенное время мы вышли к советским берегам – на мыс Олюторка полуострова Камчатка – и в дальнейшем шли в виду снежных шапок потухших или действующих вулканов Камчатки, и как всегда самым величественным и красивым был действующий вулкан Камчатки – Ключевская Сопка.

В первых числах августа, пройдя мыс Лопатка полуострова Камчатка, вошли в Охотское море, где мы почувствовали себя как дома. До Владивостока оставалось пять-шесть суток, но на вторые сутки плавания в Охотском море наш рейс мог бы

* Вероятно, речь идет о танковом сражении, которое состоялось 12 июля 1943 г. в ходе Курской битвы (5 июля – 23 августа 1943 г.) в районе поселка Прохоровка.

завершиться, закончиться преждевременно. В пять часов утра все были разбужены сильным взрывом возле борта, сигналом боевой тревоги и словами команды «Право на борт!», «Самый полный вперед!». И тут же раздался второй взрыв уже за кормой. И наступила тишина, особенно ощутимая после нескольких минут напряженного ожидания. Оказалось, мы были торпедированы неизвестной подводной лодкой. Первая торпеда, пройдя впереди по курсу судна, взорвалась за бортом. Вторая торпеда прошла вдоль борта, когда судно круто развернулось и шло прямо на перископ подводной лодки, и взорвалась за кормой. У всех наступило какое-то послешоковое состояние. Пройти тысячи миль по вражеским и нейтральным водам и быть потопленными на «пороге дома» – как-то не укладывалось в сознании, было от чего задуматься над превратностями войны!

Впоследствии нам сообщили, что это была американская подводная лодка, которая находилась в крейсерском плавании из военно-морской базы США – Перл-Харбор на Гавайских островах – до базы Дотч-Харбор на Алеутских островах, имея задание по пути топить все встречные японские суда в Южно-Китайском, Восточно-Китайском морях, Японском и Охотском морях.

Как писал в своем донесении командир американской подводной лодки, когда он вошел в Охотское море, у него осталось только две торпеды. Обнаружив идущее встречное судно, принял его за японское, так как на его борту было накрашено белое пятно, а на нем красное (японский национальный флаг имеет в центре красный круг – солнце), так наш опознавательный знак – на белом фоне красный флаг – был принят за японский флаг. [...]

Остаток пути до Владивостока мы шли в таком же напряженном, настороженном состоянии, как на переходе от Белушьей губы до Исландии; были усилены вахты «вперед смотрящих», и все были в состоянии постоянной боевой готовности.

9 августа 1943 года пароход «Чернышевский» вошел в бухту Золотой Рог и ошвартовался к причалу в центральной части порта Владивосток. Годичное плавание по трем океанам закончилось. Мы выполнили свой долг, доставив стране сотни тонн оборудования для завода, имеющего оборонное значение. Впереди нас ждали новые рейсы в порты Канады, США. [...]

В. К. Елфимов

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 520. Л. 6–48.
Подлинник. Машинопись с авторскими правками.

№ 29

Из воспоминаний Н. М. Наталич (Бородиной) об участии в арктических конвоях – о гибели парохода «Декабрист» 4 ноября 1942 г., о нахождении в плену на территории Норвегии осенью 1943 г. – весной 1945 г.*

5 ноября 1978 г.

И снова в рейс ушли. В 1941 г. в декабре месяце. Ушли уже без конвоя. Но сопровождали нас крейсер и миноносец. И вот уже на подходе в Мурманск. Вдаль смотрящий пекарь Новиков кричит: «Вижу самолет, и летит прямо на нас». В этот момент стал увеличиваться шторм. Сыграли боевую тревогу, дали гудки и ракету. Крейсер и миноносец услышали наши гудки. Повернули обратно и идут к нам на помощь. Самолет приближается, поливая п/х пулями. Одна бомба пролетела мимо и взорвалась в воде, другая – тоже мимо, взорвалась в воде. От взрыва в машинном отделении лопнули водопроводы, погас свет. Запустили 2-ю динамо-машину. Упал компас из своего гнезда. Быстро установили. Самолеты снова атакуют и сбрасывают бомбы. Но им мешали зигзаги. Лазарет и каюта моя находились на кормовой части п/х. И вот одна бомба упала возле моего лазарета, взорвалась тоже в воде. Пароход взлетел вверх высоко. 3-я бомба упала на бочку с горючим и сделала большую пробоину. Но не взорвалась. Когда пришли в порт Мурманск, пригласили с берега моряков. Осторожно положили ее на матрас. И когда вскрыли ее, то оказалось, она начинена была клочками материи и бумаг. Надпись: «Помогаем, чем можем». Подпись: «Тельман». Немного подремонтировали п/х и снова в рейс. В 1942 г. из Мурманска через Исландию взяли груз и направились в порт Галифакс формировать караван.

Согласно английским властям это было 31 октября. В 1942 г. Шли без конвоя и без охраны. На 3 сутки подошли к самому опасному месту района острова Шпицбергена и Медвежий. Экипаж ежеминутно ожидал встречи с врагом. Вели наблюдение за морем и воздухом. Прошли благополучно мыс острова Шпицберген. Стали проходить остров Надежды. Погода стояла тихая, спокойная. И вдруг радист получил радиограмму, что английский п/х атакован. «Декабрист» сразу изменяет курс. Идем на север укрыться от самолета в темноте полярной ночи. Но не удалось. Появилось три самолета, летят на п/х. Открыли огонь изо всех орудий и пулеметов. Два пошли в окружение, а 3-й атакует. Сброшена торпеда, но она минула нас. Твердо стоит наш «Декабрист», защищается, кажется, стонет, кричит, а сам поднимается к облакам. Вдали еще появились, атакуют торпедоносцы, одну за другой сбрасывают торпеды, бомбы. Гул артиллерийской канонады и треск самолетов – ничего не слышно. Уклонились от торпед и, чтобы бомбардировщик не мог спикировать, выпустили ракету с парашютом. Фашисты ушли, но сбросили еще 4 бомбы и 5 торпед. Но также не достигли цели. Побросали бомбы и торпеды, ушли в сторону Норвегии. Бой длился очень долго. От взрыва бомб и торпед п/х испытывал сильное сотрясение. Атаки идут одна за другой. Одна торпеда попала в машинное отделение – вода заполнила трюм № 1. Стали откачивать, но вода не поддавалась, стала поступать в кочегарку; команда выбивается из сил, особенно боцман. Старикович вместе с матросами спустились в ледяную воду по грудь закреплять пробоину пластырем. Пробоину закрыли, но вода стала поступать в кочегарку, не успевают откачивать. Увеличился крен – п/х замер. С трудом приготовили к спуску шлюпки. Погода стала ухудшаться. В 1942 г. 4 ноября в 23 часа капитан дал приказ покинуть

* Период нахождения в плену установлен по тексту документа. Опущено описание рейса парохода «Декабрист» из Америки во Владивосток в 1941 г., описание зимовки на необитаемом острове Надежды, эпизод взятия в плен оставшихся в живых четырех членов экипажа (один из которых умер уже на подводной лодке по пути в Норвегию).

п/х, положение которого безнадежное. Экипаж разместился в 4-х шлюпках, когда все было готово и сказано. Капитан ровным спокойным голосом сказал: «Прощайте, дети!!!» Но команда не двигалась с места. И сказали, что «вместе с Вами останемся на борту». И наконец уговорили, и в 23 часа на борту уже не осталось никого.

Я забежала в свою каюту и взяла свою любимую кошку, в каюте уже было по колено воды, ведь жалко оставлять уже на мертвом п/х. За ночь шлюпки унесло течением на север. От п/х на 2 мили. Пароход держался. Над водой видна была труба да мачта. Наутро прилетели 3 самолета добивать уже мертвое судно. Сбросили три бомбы.

Над морем вырос большой водяной столб. Моряки обнажили головы, почувствовали острую утрату. Он был для нас кусочек советской земли и родным домом. А Баренцево море, оно было равнодушно к горю людей. Все сели по расписанию своих шлюпок. Капитан скомандовал шлюпкам держаться вместе и следовать курсом на Мурманск. Но несколько стал усиливаться шторм. Капитан приказал разойтись шлюпкам. В нашей шлюпке было 19 человек: матросы, кочегары, радист, первый и 2-й механик. Перед моряками стояла задача добраться до родных берегов. [...] Выбросили плавучий якорь, а шлюпку несло все дальше и дальше в открытое море. Идем и сами не знаем куда. Волны вздымаются, грохочут, злятся на наше маленькое суденышко. Очередная волна тащит шлюпку на самый хребет, а затем бросает вниз. Разыгравшийся шторм разбросал в разные стороны шлюпки. Наступили полярные ночи, темнота, и к тому же нам каждую минуту грозила смерть. Компас вышел из строя, карта размокла. В шлюпке было много воды, так как она была пробита пулями. По очереди отливали воду. Несколько суток шлюпку носило по волнам, бросало, как щепку, а берега все не было. Ощущался острый недостаток воды. Пили сначала по 100,0*, а потом стали сокращать по 50,0, и в конец по 5,0, лишь бы смочить язык и губы. Мучила жажда, холод. В шлюпке был неприкосновенный запас, консервы и сухари. Язык не ворочался, губы полопались, трудно говорить. Началось обезвоживание организма. Слюнная железа прекратила свою работу. И, к нашему счастью, пошел сильный снег. Натянули паруса, и каждый, как мог, лизал снег. Хотя он был смешан с морской водой, но все же немного утолил жажду. О смерти из нас никто не думал в тот момент, а только думали о воде. (Жажда это сильнее смерти). Уже 10-е сутки, как нас носит по волнам неизвестно куда. Капитан предложил мне резать кошку. Но я отказала и сказала: «Когда меня не будет, тогда, что хотите, делайте с нею». Мое сознание вспомнило слова отца. Что жажду может утолить моча. Капитан предложил мне первой. И моему примеру последовали и другие. Хотя и неприятно ее пить, но все же она утоляет жажду. Встретили 3-го помощника капитана. Но там уже были люди полумертвые. Несколько часов шли вместе. Пока шторм унес их неизвестно куда по морю. Вздымаются волны, грозят утопить нас. Я снова пытаюсь спросить капитана, когда же мы придем к берегу. Но боюсь. Сама вижу, что ждет нас неминуемая смерть. [...]

Холодные волны бьют наше утлое суденышко. Ветер достиг до 11 баллов, шлюпка все больше стала пропускать воду. Ураган носит нас уже 14-е сутки. На юге открылся берег. И все закричали: «Берег! Берег!!!». Увидели снеговую сопку. Хотя и были все очень слабые, но когда увидели снег, то откуда явились силы. Скорей бы добраться до снега утолить жажду. Но там, где глубина позволяла подойти, высокие скалы, а у низменного берега мелко. Снова заштормовало. Накат большой, шлюпку подняли волны и вынесли на берег. Люди переваливались через борт, пошатываются, но идут. Пригоршнями берут снег, падают в забытье, и снова падают, но идут. Все, что было в шлюпке, выбрали, но самое главное, в шлюпке остались консервы и сухари. И ее через несколько часов снова унесло в море. Мы разложили, развели костер. Натянули из парусов палатку. Подальше от прибоя. Суров и мрачен остров. Никакой растительности нет, одни камни да кручи, ущелья и горы. Трудно сказать, сколько прошло времени, как мы выбрались на берег. Капитан говорит, что надо искать другое убежище. [...]

* Так в документе. Не указаны единицы измерения, вероятно, граммы.

Осталось нас уже 4 человека, а как тяжело терять людей. Капитан, Бородин, Лобанов, матрос и я. Сделали санки, хотя они там были, и перевезли муку, масло. Медведи все чаще и чаще стали навещать нас. Хатку нашу совсем снегом занесло, выбирались через дыру. Не раз слышали, как медведи лазят по крыше. Отбили окно, хотя оно было затянуто слюдой. Очень любопытные, заглядывают в окно. На риск капитан прорезал в дверях щель и одним удачным выстрелом убил медведя. О радость!!! У нас теперь есть мясо, огонь, жир и защита от урагана. На кости медвежьи приходят с гор песцы, одного удалось взять, зарезали, капитан сделал себе чулки, сделал с дерева иголку. Она и сейчас находится в музее во Владивостоке. После долгой полярной ночи показалось солнце. Лобанов и Бородин пошли на юг и обнаружили плоскодонку. На другой день пошел с ними и капитан. Очень обрадовались, капитан говорит, что можно в ней разместиться свободно 4-м человекам. И стали ее в порядок приводить. Смотрят, на горизонте летит самолет. Он уже несколько раз пролетал над островом. Когда кончились полярные ночи, прилетал самолет, низко опустился, помахал руками и выбросил вымпел с 3-мя порциями бутербродов, сигареты, бинт, аспирин и йод в ампулах. Лобанов увидел, что на крыльях самолета норвежские знаки. Лобанов помахал лопатой, и летчик с самолета кричал что-то. [...]

Привезли в город Тромсё. Норвегин лагерь. Для военнопленных. В концлагерь. Началось, лучше бы было умереть на острове. Я попала среди 5-ти тысяч мужчин. Поместили нас отдельно, там же был и капитан. Но его удалили, когда нас привезли. Допрашивали целую неделю. Пока комендантом был француз, пока и я была. Стирала военнопленным белье. А когда его перевели в другой город, меня тоже увезли в другой город – Свольвер. И снова допросы, якобы десантка. Ты им одно, а тебе другое. Несколько дней подержат и снова увозят в другой город, и лагерь Гамерфест*, и снова допросы. Ведут два фрица с винтовками, один спереди, другой сзади, на допрос. Куда побежишь, когда на костях натянута кожа, как струны. Приведут и, когда от меня ничего не добьются, бьют, закладывают пальцы в двери, губы, язык кусаю, чтобы не кричать. Кричать хуже. Посадят в баню заместо тюрьмы, где живут крысы голодные да мыши. Спустят корки хлеба да вонючей баланды с брюквой, а что делать, надо есть. [...] Лагерь находился над морем, а с другой стороны горы да сопки, да в 3 ряда проволока. Вербованные жили хорошо, они свободно ходили на работу без конвоира, а таких, как я, гоняли на тяжелые работы. Одевали в халаты без нательной рубашки, да на ноги деревянные колодки оденешь, а они в снегу спадают, остановишься для того, чтобы поправить, а тут тебе в спину приклад. Однажды у меня спала колодка, я только наклонилась, чтобы одеть, и сразу в спину приклад по лопатке. Я не могла встать. Но кое-как подняли и до ревира, т. е. лазарет ихний, дошли, положили. Кое-как срослась. И в настоящее время страдаю, адские боли. Гонят нас на работу, а норвеги указывают знаками, что в мусорных ящиках продукты, и снова бьют, если увидят. Но смотря какие конвоиры. Есть такие, что как будто он не видит, что мы копаемся. А были звери, настоящие фашисты. Не буду описывать всех ужасов, хотя оно на всю жизнь запомнилось. Теперь гонят на работу несколько человек девушек и женщин. Одна девушка была с нами, которая была в близких отношениях с комендантом лагеря. Гоняли нас на разные тяжелые работы. Придешь с работы измученный без сил, а тут ихняя проверка аппель**. Проверяли среди ночи по несколько раз. Однажды отобрали нас пять человек. Убирать пароход, который должен идти в рейс. Видим, стоят бочки с горючим на палубе. И мы под сказ норвегов незаметно подожгли. Произошло, чего надо ожидать. Мы не знали, что между нами есть наш враг, та же девушка, что близко с комендантом. Донесла сразу. Нас четырех законвоировали и отправили в город Бодо. Подальше от этого лагеря. Нас кормили один раз в день, потому что мы были смертники. Нас на очередь в крематорий. На 30 апреля. Но не удалось фашистским зверям. В ночь под

* Вероятно, имеется в виду Хаммерфест.

** Appelplatz (нем.) – большая площадь для построения заключенных.

30-е вступили наши войска совместно с норвегами и английскими, и американскими, освободили.* Сколько слез и радости было. Мая 12-го меня отправили в город Тромсё, где находился Бородин. Капитана там не было. Немного нас подкрепили и отправили в Мурманск. Из Мурманска во Владивосток. И снова пошли плавать. [...]

Н. М. Наталич (Бородина)

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 89. Л. 109–133 об.
Подлинник. Рукопись.

№ 30

Из воспоминаний Н. К. Величко об участии в боевых действиях Северного флота – об одном из боевых походов подводного линейного заградителя «Л-20» в августе 1943 г.**

Август 1973 г.***

Подводный линейный заградитель «Л-20» под командованием капитана 3 ранга В. Ф. Тамман в последней декаде августа 1943 г. вышел в очередной боевой поход, имея две задачи, поставленные командованием Северного флота. Первая задача обязывала нас поставить линейное заграждение на пути наибольшего движения кораблей противника, в основном такие постановки мин производились в базах противника. И вторая задача – в определенном квадрате ожидать транспорты врага, атаковать и топить их. 1 сентября 1943 г. наша подводная лодка ночью находилась далеко от берегов противника, готовила себя к плаванию у побережья в течение длинного светлого дня. Когда было все готово, в 4 часа утра лодка погрузилась под воду и в течение 10 часов шла к берегу, прислушиваясь и форсируя вражеское минное поле на подходе к берегам. Если лодка все время двигалась к берегу на небольшой глубине, время от времени поднимая перископ и осматривая водную поверхность, то подойдя непосредственно к берегу, вынуждена была уйти на 70–80 метров глубины и преодолеть вражеское минное поле, надеясь только на слух гидроакустика. Только к вечеру «Л-20» пришла к месту постановки мин. Обождав полной воды, не всплывая, поступила команда ставить мины. Я, как командир отделения минеров, быстро запустил электромотор, стал следить за показанием счетчика и докладывал в центральный пост о выходе мин. Неожиданно отказало устройство автоматического сбрасывания мин, и мы принялись ставить мины вручную. Постановка мин закончилась благополучно только в 18.30, врагом лодка обнаружена не была. «Л-20» вышла из района постановки мин, начала форсировать минное поле врага, все дальше и дальше уходя в море.

Далеко от берега, где меньше всего можно ожидать встречи с кораблями противника, наша лодка пробыла 23 часа под водой, всплыла для подготовки к позиционному плаванию и выполнению следующей задачи.

Наступило 3-е сентября. Так же, как и прежде, лодка долго шла в подводном положении, форсировав вражеское минное поле, прибыла в назначенное место у мыса Слетнес и, курсируя параллельно берегу, временами осматривая поверхность

* Оккупация Норвегии нацистской Германией закончилась в мае 1945 года. См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. – Т. 5. – М., 1963. – С. 353.

** Опущено обращение к редакции газеты «Полярная правда».

*** Датируется по смежному документу (ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 98. Л. 1).

моря через поднятый перископ, ожидала появления вражеских судов. Примерно в 10.20 акустик доложил, что слышит шум винтов надводных кораблей. Подняв над водой перископ, вахтенный командир доложил командиру лодки капитану 3 ранга В. Ф. Тамман о движении судов противника. По всем отсекам лодки раздался сигнал боевой тревоги. В торпедном отсеке быстро готовили аппараты к выстрелу старшина 2-й статьи А. Доможирский и матрос Д. Крошкин. Здесь же присутствовали ст. л-т М. Шапоренко и мичман А. С. Пухов. По боевой тревоге на всей лодке отсеки были изолированы друг от друга, и связь между ними поддерживалась только по телефону. По сигналу «Пли» лодка выпустила 3 торпеды, и через небольшое время в лодке услышали радостный гул от взорвавшейся торпеды. Вражеский транспорт около 8 тысяч тонн водоизмещением скрылся под водой. После торпедного залпа наша лодка была замечена кораблями противника, и началось ее преследование. Уклоняясь от вражеских глубинных бомб, лодка по ряду причин не могла уходить подальше от берега, вынуждена была уходить от преследования вдоль берега, погружаясь все больше и больше на глубину.

Ввиду некоторой неисправности механизмов, возникшей в результате взрыва глубинных бомб, сброшенных на лодку кораблями противника, лодку нельзя было удержать на определенной глубине, и она, проскочив предельную глубину, продолжала падать вниз. На глубине 110 метров «Л-20» сильно ударилась подводной носовой частью об острый гранитный выступ и застыла в неподвижном состоянии.

Ударом об каменный выступ была нарушена герметичность лодки в районе второго отсека. Вовнутрь лодки стала поступать забортная вода. С огромным давлением, с сильным шумом потоки воды заполняли жилой отсек, в котором было три яруса коек, а под ними хранились запасные торпеды. В отсеке, заполнявшемся водой, были старшины 2 статьи В. Острянко, Н. Чижевский, матросы Бобошин, Фомин, Егоров, Матвейчук, Никаншин, Хоботов и курсант военно-морского училища практикант Портнов. Командир отсека Острянко, поддерживая связь с центральным постом, докладывал о положении в аварийном отсеке и получал указания. Забортная вода все прибывала в отсеке и все больше и больше утяжеляла лодку. Вокруг и сверху пораненной и неподвижной лодки рвались вражеские глубинные бомбы, они уже вывели из строя нормальное освещение, вышли из строя отдельные механизмы в лодке, лопались лампочки и сыпалась пробка изоляции.

Чтобы полностью не заполнился аварийный отсек, пришлось подать в отсек воздух высокого давления, и уровень забортной воды остановился на втором ряду коек, всем людям стало трудно дышать, они были мокрые, в холодной забортной, почти зимней воде студеного моря. Командир лодки принимал меры, чтобы облегчить страдания людей в аварийном отсеке и не дать противнику поразить лодку глубинными бомбами.

Нужно было открыть клапан осушения отсека, который оказался глубоко под водой, тем самым попытаться откачать из отсека воду и заделать пробоину. В легководолазных костюмах моряки погружались в воду, разыскивали заваленный тросами и банками клапан, пытаясь его открыть. Когда очистили клапан, то оказалось, что он под током и дотронуться до него нельзя. Понизить уровень воды и хоть немного облегчить тяжелые условия девяти моряков второго отсека удалось, только открыв дверь в первый отсек. Таким образом, залито забортной водой оказалось два отсека, в которых уже было 13 человек экипажа «Л-20».

Попытки уйти с места падения лодки и не дать вражеским кораблям прицельно сбрасывать глубинные бомбы на лежащую лодку ни к чему не привели. Были полностью израсходована электроэнергия и воздух высокого давления. Наступило самое страшное для подводников, израсходованы были средства, которые могли обеспечить всплытие лодки с глубины, а с ними оставалось все меньше надежды на спасение лодки и экипажа. Очень долго лодка лежала на камнях, глубоко под водой, у вражеского берега.

Единственной надеждой на спасение лодки и всего экипажа была надежда, что среди 13 человек наших товарищей еще найдутся моряки, сохранившие свои силы, способные опуститься в холодную воду и взять воздух из запасных торпед и, присоединив шланг к магистрали, перекачать его в баллоны. Торпедисты Пухов, Доможирский и Крошкин выполнили эту работу. Теперь нужно было выдержать до наступления темного времени, не теряя надежды на удачное всплытие, хорошо подготовиться к нему, так как можно было предположить, что лодка, если и будет всплывать, то это будет необычное всплытие, может быть, даже вертикальное. Выдержат ли наши люди, останутся ли механизмы на своих фундаментах, выдержит ли корпус лодки?

После 18-часового пребывания под водой и 12-часовой борьбы за живучесть корабля, за свою жизнь и жизнь родной лодки в отсеках услышали команду: «По местам стоять к всплытию». Все поняли, что корабли противника успокоились и ушли из нашего района, что наступила долгожданная ночь, в случае удачного всплытия она спасет нас, скрыв от врага.

Воздух, взятый из торпед, забурлил в цистернах главного балласта кормовой группы, и этого было достаточно, чтобы «Л-20» начала всплывать кормой кверху. Все, что было не закреплено, в том числе и люди, скользило по палубе и удерживалось на вертикальных переборках, ставших горизонтальными, из трюмов на людей полилась вода, полился электролит. Все облегченно вздохнули, когда начала всплывать носовая часть лодки.

На этом опасность не миновала, всплывшая лодка оказалась сильно уязвимой для противника, она не могла уйти под воду, а через два часа вышел из строя и остановился один дизель. В тяжелых условиях, при большой опасности работали мотористы во главе с главным старшиной А. П. Мягковым и ст. лейтенантом А. В. Мартыновым и дизель запустили.

Впереди нас ожидала еще одна опасность.

Мы очень боялись резкого снижения давления в аварийных двух отсеках, постепенно снижали это давление компрессорами. И вот неожиданно давление упало до нормального, что вызвало кессонную болезнь у всех 13-ти моряков, находившихся в первом и втором отсеках. «Л-20» находилась далеко от берегов противника, когда была открыта переборка во второй отсек. Все 13 человек лежали в различных позах, многие были без сознания. Мокрые, изнуренные, голодные, могли самостоятельно* только мичман А. С. Пухов и матросы Бобошин и Фомин. Остальные 10 человек были вынесены на руках и положены в кормовых отсеках, где было сухо и теплее. Отсеки лодки превратились в госпитальные палаты. Свободные от вахты ухаживали за больными, растирали спиртом, приводили в сознание, переодевали в сухую одежду, кормили, обогревали. В течение 4-го сентября эта работа продолжалась весь день. По приходу в базу один человек из 13 больных, молодой матрос Егоров, не приходя в сознание, скончался, остальные 12 отправлены в госпиталь на излечение. Через определенное время все выздоровели. За совершенный подвиг все перечисленные моряки, кроме Егорова, были награждены орденами Красного Знамени. Этими орденами были награждены командир «Л-20» В. Ф. Тамман и его старший помощник Е. В. Новожилов. Матрос Егоров посмертно награжден орденом Отечественной войны 1 степени, сам орден Егорова был вручен его матери.

Н. К. Величко

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 98. Л. 2–5.
Подлинник. Рукопись.

* Пропущено слово *передвигаться*.

№ 31

Из воспоминаний С. Д. Куроедова «Записки партизана» – о создании партизанских отрядов, боевом походе в декабре 1942 г. – январе 1943 г., организации охраны и отдыха в походе и на базе, результатах боевой деятельности*

1963 г.

11. Формирование партизанских отрядов

К зиме 1941–42 гг. здесь на Севере обстановка была не столь тревожной, какой была летом 1941 г. и какой она была под Москвой. У всех из партийного и советского актива, у руководящих военных работников была твердая уверенность в том, что народ Советского Заполярья, армия, Северный флот и пограничники Севера выстоят, врага к Мурманску не пропустят, территорию Кольского и Рыбачьего полуостровов врагу не сдадут. И, несмотря на это, обком ВКП(б) принял решение в январе 1942 г. собрать командиров и комиссаров всех двенадцати отрядов на курсы по подготовке их к боевым действиям. Начальником курсов был назначен автор этих строк.

Куроедов Сергей Демьянович.
1943 г.
ГАМО. П-2393. Оп. 2. Д. 124. Л. 8.

Курсы проводились в пос. Роста. Участники сбора размещались просто, по-солдатски, в одном из бараков бывшего первого комсомольского поселка. Всего на курсах было 24 чел. Действовать же пришлось далеко не всем. Из числа бывших курсантов в отряды попали т.т. Селезнев Александр Васильевич, Смирнов Александр Сергеевич, Васильев Виктор Николаевич, Евсеев Петр Александрович, Зайцев Борис Денисович, Мужиков Иван Григорьевич. Все это были руководящие партийные и хозяйственные работники. [...]

В июне 1942 г. в Росту прибывали партизаны Мурманска, Кольского, Полярного, Терского и Териберского районов, гг. Мончегорска, Кировска, Кандалакши и Кандалакшского района.

После предварительных переговоров с зам. зав. отделом кадров ОК ВКП(б) т. Анисимовым Василием Васильевичем, затем с секретарем ОК ВКП(б) по кадрам т. Смирновым Сергеем Александровичем 18 июля 1942 г. я и т. В. Н. Васильев были вызваны на бюро ОК ВКП(б), где меня утвердили в должности командира партизанского отряда «Советский Мурман», а т. Васильева Виктора Николаевича в должности комиссара отряда. Здесь же на бюро было утверждено командование отряда «Большевик Заполярья». Командиром стал т. Смирнов Александр Сергеевич, комиссаром – т. Селезнев Александр Васильевич. Были также определены названия отрядов, район базирования и действия каждого отряда, сроки выхода в тыл врага.

* Опущены главы 1–10, 12, 14, 16–37, 39–47, 49–50, сведения о положении на Мурманском и Кандалакшском направлениях, о месте расположения временных партизанских баз, краткое содержание статьи «Шли в разведку друзья партизаны...» (автор – С. Д. Куроедов, опубликована в газете «Комсомолец Заполярья» 11 октября 1957 г.), пересказ статьи «Юноша» (автор – Т. Крамсков, помещена в газете партизанского отряда «Советский Мурман» в 1943 г.), сведения о потерях партизанского отряда «Советский Мурман».

Мне было предложено выехать в Росту для принятия отряда сразу же после бюро. Первый секретарь ОК ВКП(б) Старостин Максим Иванович дал указание отправить нас в отряд на своей персональной машине ЗИС-101, тогда их в городе было всего лишь две машины.

Так с 18 июля 1942 г. я оказался в партизанском отряде. Костяком отряда были коммунисты и комсомольцы. Были многие и беспартийные патриоты. Рядом с комсомольцами в 17–18 лет Виктором Толстобровым, Александром Ефремовым, Владимиром Волчек, Михаилом Белкиным, Михаилом Грибалевым, Михаилом Керовым в отряд прибыли, а затем мужественно преодолевали все тяготы походной партизанской жизни и отважно дрались с врагом Петр Есаулов, Иван Лукшин, Семен Зайцев, Алексей Трофимов, Семен Лисовский, которым было около сорока лет каждому. С. Лисовскому было 47 лет.

Тот, кто ходил по тундрам, тот может себе представить, какой силы воли надо обладать, чтобы в 40–50 лет с полным сознанием своего долга пойти на бой с врагом, преодолевая огромные расстояния в условиях Заполярья*.

В числе добровольцев нашего отряда были шесть девушек, в том числе ст. военный фельдшер отряда Катя Филонова, ныне работающая в Мончегорске. Лида Бочковая и Аня Холкина, работающие в г. Мурманске**. Паня Шорохова, погибшая в июле 1944 г., и др. Эти скромные труженицы Советского Заполярья наравне с мужчинами преодолевали походы в сотни километров по бездорожью, топким болотам и тундрам.

Рядом с русскими в рядах партизанского отряда вели борьбу с немецко-фашистскими захватчиками украинцы, белорусы, финны.

Жители Мурманской области Антон Биргет, Лео Биргет, Карл Виттало, Марти Рондо и другие были отличными знатоками финского языка и обычаев, хорошими разведчиками и мастерами по производству финских ножей. [...]

Они были неплохими мастерами по шитью специальной обуви для хождения на лыжах. Из голенищ изношенных валенок они искусно шили ботинки с крючкообразными носками, которые назывались «кентками». Такие ботинки легки и удобны при сбрасывании лыж с ног в случае завязывания боя при внезапной встрече с противником. Войлочные ботинки, сшитые Антоном и Лео Биргет, сослужили мне добрую службу тогда, когда в одном встречном бою я оказался на середине болота под огнем противника. Внезапное снятие мешка и лыж позволило мне отползти в сторону, противник продолжал огонь по мешку и лыжам.

С помощью наших финнов-партизан мы вовремя распознавали подлинное лицо задерживаемых в тылу врага. И в тех случаях, когда пленный начинал говорить неправду, мы поступали с ним как с врагом, а враг подлежал уничтожению.

Каждый прибывший в отряд стремился вложить частицу своей силы в общее дело борьбы с врагом. Каждый питал жгучую ненависть к врагу и хотел как можно быстрее бить его в его собственном тылу, т. е. там, где он меньше всего ожидал. [...]

13. Мы на базе

На рассвете следующего дня*** отряд пешим порядком отправился в район своей основной базы, неся на своих плечах необходимое имущество, питание, оружие и боеприпасы.

Я лично впервые прочувствовал, что на ходу действительно можно заснуть. Я помню, как на дороге в районе пос. Кола я вздремнул и меня на ходу бросило в сторону, чуть не угодил в кювет. Это произошло потому, что мне, как командиру отряда, при-

* На полях имеются пометы карандашом: «н/п», «х», «?».

** На полях имеется авторская помета (синие чернила): «фото А. Холкиной К. Филоновой Л. Бочковой».

*** 14 августа 1942 г. (установлено по тексту документа – присягу на верность Родине партизаны приняли 13 августа 1942 г.).

шлось заниматься всю эту короткую ночь, подготавливая все и вся к выходу, еще и еще раз продумывая все мелочи и детали нашего передвижения к району базирования. [...]

На путь от Росты до высоты «Ударная» потребовалось более четырех суток. Первая основная группа прибыла 18.08.42 вечером, а вторая с лошадьми и грузом 19.08.42. Всего прибыло 66 человек.

Район базирования был определен совместно с представителями ОК ВКП(б), погранвойск и штаба партизанского движения. В принципе было решено – основную базу создать рядом с погранбатальоном в районе высоты «Ударная», в 17 км от старой госграницы на северном склоне одной сопки, уточнив расположение базы на месте. Впоследствии эта сопка была названа «Партизанской».

Почему основная база создавалась не в тылу противника? Главная причина, в связи с чем база была создана на нашей территории, заключалась в больших трудно проходимых расстояниях, отсутствии дорог, населенных пунктов с лояльным населением, трудности обеспечения личного состава питанием, наличии подобного опыта в существовавших отрядах Карельского фронта.

Созданная постоянная база в тылу противника при существовавших средствах ее обнаружения (собаки и радиоперехваты) неизбежно обрекалась на гибель или перемещение, что в условиях Заполярья, особенно в зимнее время, по существу, невозможно.

Все принимавшие участие в выборе базы и мы, руководители отрядов, были едины в той части, что ни в коем случае не отказываться от идеи возможности создания временных, промежуточных баз в тылу противника, без осуществления там какого-либо строительства базовых сооружений. Что впоследствии нами и делалось. Такие временные базы мы создавали и летом, и зимой. На этих базах мы сосредоточивали часть продуктов на срок от 3 до 10-дневного пребывания в тылу без какой-либо дополнительной помощи продовольствием. [...]

Окончательное решение об основной базе было принято на месте мною, Смирновым А. С. и командиром погранполка т. Николаевым. Остановились на правом берегу р. Лотта с плесом, образующим небольшое оз. Червоз-явр, что напротив высоты «Ударная».*

Первоначальная база – это часть территории на берегу плеса – озеро с одним шалашом-складом для продовольствия. Строить базу капитально некогда было. Нужно было, не медля, до наступления холодов выходить в тыл врага на боевые дела.

Уточнив задачу, поставленную перед личным составом, маршрут движения, сделав расчет по дням и часам движения и привалов, проведя открытое партсобрание и очередные беседы по взводам, отряд отправился в тыл врага, имея при себе запас продовольствия на две недели, оружие, боеприпасы, патроны и взрывчатку, топор на отделение и пилу на взвод, веревки, плащ-палатки. Обуты были в простые сапоги или ботинки, одеты – в ватные куртки или пиджаки. В пальто никто не был, пальто затрудняет движение по болотистой местности.

Настроение у всех бодрое, боевое и даже весело-шутливое, только мне частенько приходилось задумываться над тем, сумею ли я довести отряд до дороги Печенга – Рованиеми, по которой противник ежедневно доставлял грузы передовым частям своей армии, наступавшей на Мурманск из р-на Печенги, обеспечу ли проведение операции, хватит ли имеющихся продуктов, сумею ли вывести отряд из тыла на основную базу.

15. Зимняя эпопея

Нашим двум отрядам** была поставлена задача: во второй половине декабря 1942 г. силами двух отрядов численностью около 120 чел. на лыжах пройти линию боевого охранения, зайти в глубокий тыл, в районы Сальмиярвинского аэродрома, произвести разведку его и совершить внезапный удар по зенитным батареям, охранявшим

* На полях имеется помета карандашом: «н/п».

** Партизанским отрядам «Советский Мурман» и «Большевик Заполярья».

Командование партизанского отряда «Советский Мурман» за разработкой боевой операции. 1943 г. ГАМО. П-2393. Оп. 2. Д. 124. Л. 11.

воздушные подступы к аэродрому, по его наземной охране, по сооружениям и самолетам врага. В случае обнаружения партизан противником завязать бой и затем выйти из боя, оторваться от противника и его авиации. Это первая задача.

Вторая задача состояла в том, чтобы группа в составе 17 чел., по одному отделению от каждого отряда, после прохождения линии боевого охранения и, находясь на уровне пос. Никель, была направлена в район пос. Никель для разведки о наличии войск противника в нем и работе никелевого комбината. Руководителем этой группы опергруппой штаба партизанского движения был назначен зам. командира отряда «Большевик Заполярья» по разведке Иван Сычков. Командиром первой сводной группы был назначен я, моим заместителем – командир отряда «Большевик Заполярья» А. С. Смирнов.

Путь от базы до дороги в районе Сальмиярви равнялся примерно 250–300 км. Имевшаяся радиостанция «Северок» не всегда обеспечивала надежную радиосвязь на таких расстояниях. Поэтому было принято решение: вторую радиостанцию «Северок» в качестве промежуточной станции оставить на горе Кучин-тундра*, что в 15 км южнее войск противника на Мурманском направлении.

Эту задачу выполнял ст. радист отряда «Советский Мурман» Николай Кислицын, который со своим помощником просидел в снежной яме около десяти дней, без костров, без горячей пищи и без права выхода из этой снежной ямы, куда он был посажен с надежной маскировкой его следа на гору. Отправка его к яме происходила в момент снегопада, когда быстро заметало его след. На второй день он уже радировал нам, что устроился хорошо, только немного поддувает и над головой завывает. [...]

Для партизан Севера этот поход по тылам врага был первым зимним походом и на самое далекое расстояние. С самого начала поход осложнился тем, что еще до перехода линии боевого охранения три дня шел мокрый снег или снег с дождем. Валенки и одежда партизан стали мокрыми, и затем, как только ударил крепкий мороз, валенки «сели», стали тесными, что не могло не сказаться на скованности ног и их обморожении.

Линию боевого охранения пересекали по мокрому снегу, а озера прямо по воде. Сложность перехода линии боевого охранения в зимнее время заключалась в трудности маскировки своего следа.

Ввиду того, что в сводной группе насчитывалось 120 чел., плюс шесть оленей, тащивших кережи – фанерные лодочки для транспортировки раненых, мы оставляли после себя целую дорогу, словно гусеничный трактор пересек север Финляндии, поэтому было неудивительно, что вскоре после перехода линии боевого охранения за нами появились одна за другой несколько ракет. Противник определил, что мы находимся у него в тылу.

Противник, обнаружив наш след, давал сигнал всем о том, что у него в тылу появились советские партизаны или воинские подразделения, он сигнализировал всем своим частям и подразделениям о необходимости повышения бдительности,

* Во время «ледового похода» партизанских отрядов «Большевик Заполярья» и «Советский Мурман» – место промежуточной базы партизан.

выставления дополнительной охраны и целых подразделений на случай упреждения внезапности нашего нападения. Так оно и произошло. И группа т. Сычкова, и моя группа на подступах к намеченной цели были встречены противником. И Сычков Иван, и я вынуждены были завязать встречные бои.

На подступах к поселку Никель группа т. Сычкова была обнаружена противником, завязался короткий бой, в ходе которого было два партизана убито, а один – командир отделения из отряда «Большевик Заполярья» Петр Игумнов, перед походом принятый кандидатом в члены ВКП(б), был тяжело ранен. Партизаны уложили Игумнова на санки, заранее сделанные из лыж, и стали отходить с боем, буксируя на своих плечах Петра Игумнова. Он, видя безнадежность своего здоровья, своей жизни, просил т. Сычкова оставить его в тылу. Он понимал, что, буксируя его, группа не может быстро передвигаться, не может оторваться от противника. Он просил Сычкова оставить его одного без оружия, оставить с оружием, и, как крайняя мера, разрешал Сычкову открыть по нему огонь. Т. Сычков ни одну из его просьб не исполнил, и, как результат, рано утром следующего дня он был настигнут в несколько раз большей группой противника. Завязался жаркий бой [...].

«Смертью храбрых пали два отважных комсомольца – Михаил Белкин и Михаил Керов»*. [...]

Этот бой с врагом наши партизаны вели в ночь на первое января 1943 года. Тогда партизаны недосчитались нескольких своих друзей.

Из отряда «Большевик Заполярья» в этом бою погибли Ситов, Новинский, Утицын, Макаров, Ковалев.

Но и фашисты крепко поплатились. Десятки вражеских трупов устилали место боя с партизанами. [...]

Из группы в 17 чел. осталось в живых только три партизана – командир группы Иван Сычков, командир отделения Петр Воронько и партизан из отряда «Большевик Заполярья» Митяев. Кто знает, что если бы Иван Сычков выполнил хотя бы одну просьбу Петра Игумнова, возможно, группа в 14 чел., оставшаяся невредимой после первого боя, могла бы оторваться от противника и благополучно вернуться на базу или присоединиться к вверенной мне сводной группе, которая к этому времени также провела один бой с врагом, имея сравнительно незначительные потери – двое убитых и двое раненых.

Сам бой нашей основной группы с противником произошел при следующих обстоятельствах.

Морозная ночь под новый 1943 год. Впереди с разведчиками был А. С. Смирнов. Он передал по цепочке, чтобы я подошел к разведчикам, которые услышали шум моторов и лай собак. Пока я лежал на снегу с т. Смирновым, вслушиваясь, что делается впереди нас, в это время пролетели наши бомбардировщики и стали бомбить аэродром противника. Осколки вражеских зенитных снарядов летели над нашими головами. Мы были сильно уставшими, холод пробирался под куртку. Стало грустно на душе. А. С. Смирнов достал фляжку со спиртом и налил по крышечке от фляжки для того, чтобы, может быть, в последний раз отметить Новый год и хотя бы слегка подогреть свои остывшие кости. Выпили по 20 гр. спирту и закусили по 10 гр. снегу. Так мы с ним, не отрываясь от основной боевой деятельности, отметили Новый 1943 год.

После того как бомбежка аэродрома закончилась, я отдал приказ продолжать осторожное движение в пределах 2–3 км в час, зная примерно, что аэродром находится в 6–8 км от нас. После того как стали отчетливо слышны лай собак, изредка доноситься какие-то команды, да к тому же было темно, было принято решение остановиться и с рассветом начать разведку, а затем уже наносить удар на аэродроме по тому, где и что осталось невредимым после налета нашей авиации.

---

* Автор приводит цитату из своей статьи «Шли в разведку друзья-партизаны...». См.: Комсомолец Заполярья. – 1957. – 11 октября. – № 97. – С. 2.

Для более удобного размещения отряда и более надежной его охраны мы свернули налево, т. е. на юг, отойдя 150–200 м в лощину, а по высоткам расставили часовых. Была дана команда перекусить без разведения костров. Это было 1 января 1943 г. рано утром.

По соседству с нашим отрядом в непосредственной близости от него остановилась большая группа немцев, очевидно, высланная на упреждение и поиски партизан. Группа противника в нескольких метрах от часового развела костер. Командир взвода из отряда «Большевик Заполярья» П. Колтаков* подумал, что этот костер развел его часовой, бросился с одним партизаном с криками к нему. В ответ он услышал не голос своего часового, а очередь из вражеского автомата. Всем стало ясно, что по существу сзади нас оказался противник. Отряд сразу же принял боевой порядок, завязался бой, в ходе которого противник понес значительно большие потери, чем мы. Мы потеряли двух убитыми и два чел. оказались ранеными, в том числе секретарь парторганизации отряда «Большевик Заполярья» Владимир Татарских, бывший секретарь партбюро совхоза «Индустрия» из пос. Апатиты. Он был ранен двумя пулями в левое плечо навылет. Следует отметить, что он оказался наподобие политрука взвода Петра Александровича Евсеева, наиболее выносливым и волевым. Если после боя с противником и до прибытия на базу, т. е. в течение 7–8 дней, многие замерзли и обморозились, то Владимир Татарских, будучи раненным, сумел своим ходом дотянуть до базы, не обморозив ни один палец, ни одно ухо.

Внезапность нападения на аэродром исчезла, и вообще была исключена в этих условиях всякая возможность нападения на аэродром, точное местонахождение его и всех его оборонительных сооружений нам так и не было известно. Отряд вынужден был с боем выходить из боя и начинать отход в глубь тундры. Днем началась метель, какую только можно наблюдать в Заполярье в январские и февральские дни. К ночи метель стихла, стал крепчать мороз. Мы уже три-четыре дня без костров и горячей пищи. На другой день мороз стал доходить до 35° при наличии резкого северо-восточного ветра. Среди личного состава появились уставшие, отстающие, замерзающие. Отряд растянулся на несколько километров. [...]

Какая была для нас радость, когда мы встретили обросшего Николая**, его помощника и трех разведчиков во главе с Иваном Сычковым, а вместе с тем и печаль, поведанная нам т. Сычковым, который рассказал нам о гибели наших товарищей на подступах к Никелю и восточнее его.

На южных склонах горы Кучин-тундры мы остановились на большой привал, развели костры. Продукты были далеко не у всех, у кого сухарь-два, у кого крошки, а у кого и тех не было. Появились больные, опухшие, обмороженные, а идти надо было не менее 70 км до базы.

Я дал указание заместителям командиров взводов по политчасти выяснить по каждому отделению и взводу пофамильно характер болезни и степень обморожения на случай возможного прилета самолетов или присылки оленеводческой райды. Мне дали данные на 3–4 чел., находящихся при смерти и на 56 чел., имеющих различные степени обморожения, которые якобы не могут двигаться. С получением этих данных я запросил самолеты, а в случае невозможности их направить просил выслать райду в 14 упряжек. [...]

По прибытии на базу зам. командира отряда по МТО т. А. А. Федунов позаботился о бане и обеде. Надо сказать, что о бане меньше мечтали, чем об обеде. Поэтому в баню почти никто не пошел. Все внимание было обращено на обед.

Я помню, как ко мне в землянку он принес ведро супу из перловой каши и лосятины. [...]

---

* На полях имеется помета карандашом: «не так??».

** Речь идет о старшем радисте отряда «Советский Мурман» Н. Кислицыне, который был оставлен на промежуточной базе партизан.

В баню ходили уже поздно ночью, а кто на другой и даже третий день, потому что многие на второй день не могли подняться.

Этот поход был для нас невероятно тяжелым. Но он показал, что, несмотря на огромные расстояния, которые надо было преодолевать партизанам, несмотря на мороз и вьюгу, партизаны Советского Заполярья готовы были мстить врагу, не щадя своих сил и даже самой жизни.

Конечно, это был поход, проходивший, по существу, в нечеловеческих условиях. Он вымотал силы и нервы до предела, за которым наступала смерть.

Мне лично долгое время снились замерзающие партизаны, снилось, как будто я замерзаю и прячу голову под елку, мне казалось, что я сам не так уж замерзал, а замерзала моя голова.

Потребовалось около десяти дней, чтобы люди пришли в себя и обрели человеческий вид.

После «текущего и капитального ремонта» многие партизаны вернулись в отряд, где продолжали вести борьбу с врагом до полной победы. Патриотизм людей не имел предела. После лечения в госпитале многие имели полное право на отдых и отъезд к семье. Однако многие по выходу из госпиталя отправились в отряд, где их ждали боевые друзья и товарищи, где их ждали новые походы по тылам врага.

Отряд вскоре поправился, получил пополнение, принял участие еще в двух зимних походах, к сожалению, также не совсем удачных, и стал готовиться к летней боевой кампании 1943 года, когда партизаны нанесли несколько ощутимых ударов за гибель наших товарищей в зиму 1942–1943 г. [...]

38. Операция со взятием пленного

Проведя одну боевую операцию на дороге Печенга–Рованиеми, отряд вернулся на базу. К этому времени с южных и центральных фронтов шли радостные вести. Наши войска гнали противника на запад, нанося ему удар за ударом. Войска Карельского фронта стали готовиться к знаменитому удару по врагу, нанесенному по нему в октябре 1944 г. в районе Печенга. Нашим войскам нужны были данные о количестве и местонахождении войск противника в его глубоком тылу. Нужен был «язык». Выполнение этой задачи было возложено на наш отряд.

В июле 1944 года отряд вновь оказался в глубоком тылу противника. Провел, притом успешно, операцию по уничтожению транспорта и живой силы противника, взрыву моста, подрыву линии связи и линии высокого напряжения, по захвату пленного, крайне необходимого нашим войскам, которые готовились на штурм вражеских дотов, дзотов и сопок в районе Титовка и Печенга.

На участке нашей засады в районе одного моста севернее гарнизона Ивало, что и поныне на территории Северной Финляндии, оказались четыре грузовых автомашины с немецкими солдатами. По моему сигналу партизаны в одно мгновение начали свое дело: кто взрывает мост и линии связи, опоры электролинии, кто уничтожает живую силу врага и его транспорт, кто берет пленного.

В отличие от всех предыдущих операций, которые всякий раз проводились только в ночное время, эта операция проводилась в дневное время, около трех часов дня, т. е. тогда, когда противник меньше всего ждал появления партизан. Однако они были настолько отважны и дерзки, что даже осмелились действовать у него в тылу, под боком большого гарнизона и к тому же в дневное время.

«Язык» был взят моим заместителем по разведке Алексеем Галаевым и моим связным Виктором Толстобровым. Они отлично выполнили боевую задачу, но совершенно случайно вскоре сами пали смертью храбрых.

Когда Виктор и Алексей брали немца в плен, он был ранен в ногу, но без повреждения кости, поэтому нам не пришлось тащить его на своих плечах. Паня Шорохова

перевязала ему ногу и скомандовала: «Вперед!» Так он потом в течение нескольких дней шагал вместе с нашим партизаном финном Антоном Биргет.

Пленным оказался старший ефрейтор горно-егерской дивизии немцев Людвиг Тайлер.

На другой день для доставки пленного я запросил самолет с посадкой на озеро. В просьбе было отказано и предложено любой ценой пленного доставить в расположение наших войск или в погранотряд. Так мы взяли курс в направлении своей базы. [...]

48. Олени выручают

Выше описан случай с дикими оленями*. В данном случае они нас выручили. Теперь же следует рассказать о том, как наши приученные олени выручили нас при налете вражеской авиации.

Отряд имел свое небольшое животноводство – четыре лошади и двадцать восемь голов оленей. Конюхом отряда стал бывший заведующий Мурманским ГорОНО (горотдел народного образования)** Иван Григорьевич Лукшин, а старшим оленеводом был оленевод из Саамского района Ефим Петрович Логинов. [...]

Лошади и олени оказывались нашими хорошими помощниками. С их помощью мы перевозили различные грузы, продовольствие, боеприпасы, горючее, дрова, бревна. Но я не могу забыть случай, когда олени сослужили нам добрую службу в боевом походе. Не будь оленей, отряд был бы уничтожен.

Однажды зимой самолеты противника искали наш отряд, и как только они обнаружили нас, подали команду: «Всем развернуться широким фронтом и в случае бомбежки залечь!» До оленей и следующего за ним отделения прикрытия эта команда не дошла, и они как шли гуськом, так и продолжали идти, хотя над отрядом три самолета противника «рама» и два истребителя совершили три круга. Вражеские летчики, видя, что олени и идущее за ними подразделение продолжают идти, принимают нас за своих и сбрасывают нам ракету и улетают в сторону своего аэродрома.

Пройдя пару километров, мы пересекли свежую лыжню, по которой прошла большая группа противника, направлявшаяся на уничтожение партизан. В группе противника, так же, как и у нас, были олени, тащившие за собой кережи (фанерные лодочки)*** для раненых.

Вражеские летчики потом убедились, что они допустили ошибку, и вновь стали нас искать, нашли, обстреляли****, но это было уже поздно. Мы перешли линию боевого охранения, находились в небольшом березовом лесу, у подножья одной горы, поэтому потери были незначительными.

Олени нас выручали и тогда, когда у нас не хватало продуктов. Они были своего рода «ходячим мясом». И как только наступал «продовольственный кризис», а олень переставал идти, падал, мы его забивали на мясо. Это в значительной мере облегчало возникавшее наше полуголодное существование.

К концу партизанской борьбы в отряде оставалось не более половины первоначального стада оленей. Остатки этого стада были переданы в оленесовхоз, а лошади – в Туломский леспромхоз. [...]

51. Организация охраны и отдыха в походе и на базе

В партизанской борьбе успех дела, как правило, решает внезапность. Она требовалась при прохождении линии боевого охранения, при подходе к районам боевых действий, при проведении боевой операции. Нам надо было так проходить линию

---

* Эпизод с приготовлением мяса диких оленей описан в главе 47.

** Примечание автора.

*** Примечание автора.

**** На полях имеется помета карандашом: «не обстреливали».

боевого охранения или вражеские контрольные тропы, чтобы противник не заметил, что здесь прошли партизаны или разведчики.

Летом это достигалось путем широкого развертывания всего отряда по фронту. В этом случае запрещалось идти след в след, сбивать мох, ягель, ломать или срубать сучья, бросать окурки, бумаги и другие посторонние предметы.

В зимнее же время прохождение линии охранения производилось в ночное время, в ненастную, ветреную и снежную погоду. Надо сказать, что и в этих случаях нам не всегда удавалось пройти в тыл противника незамеченными.

Если мы обеспечивали сравнительно скрытый переход линии охранения, то на второй или на третий день противник, как правило, обнаруживал нашу хорошо утоптанную лыжню либо своими дозорными группами, либо самолетами с воздуха. И в таких случаях противник повышал свою боеготовность, высылал свои подразделения на упреждение, в результате у нас завязывались встречные бои, в ходе которых несла потери и та, и другая сторона.

И всякий раз в подобных случаях приходилось с боем выходить из возможного окружения и последующего удара.

При встрече с нами противник по рации немедля вызывал авиацию, которая затем создавала нам массу неприятностей, наподобие тех, которые были в январе 1943 г. Если летом мы могли сравнительно легко укрываться даже в небольшом низкорослом березняке, то зимой здесь в Заполярье это делать нам не удавалось. Пилот видел не только наш след, нашу лыжню, но и самих партизан.

В зимнее время в тылу при нашем обнаружении или непосредственном соприкосновении с противником останавливаться на большие привалы с кострами мы не могли, а без костров, без чая и горячей пищи, при постоянных переходах, без нормального сна, при недоедании человек выматывался сравнительно быстро.

После десяти-двенадцати дней боеспособность партизан резко снижалась, появлялась усталость, апатия, безразличие ко всему, что происходило. Руководить личным составом в этих условиях становилось все трудней и трудней. Но и в этих условиях необходимая воинская сознательная дисциплина все же поддерживалась. Правда, на привалах, даже коротких, часовые нередко засыпали. Это в условиях вражеского тыла недопустимо. Мы вынуждены были принимать необходимые меры.

Посоветовавшись с комиссаром отряда В. Н. Васильевым, начальником штаба отряда В. А. Власовым, секретарем партбюро А. М. Малышевым, я вынужден был отдать приказ по отряду, что в случае обнаружения часового спящим на посту отбирать у него оружие, ставить на его место другого часового, а со спящим поступать, как с предателем. [...]

Переходы, привалы, отдых и охрана отряда в зимнее и летнее время имели свои особенности. Если зимой тяжело идти разведчикам, которым приходилось поочередно через каждые 50–100 м прокладывать лыжню (мять лыжню), то остальным скользить по готовой лыжне куда было легче, чем идти летом с тяжелым мешком («сидором») по топким болотам, заросшим высокой травой и кустарником, обливаясь при этом потом в три ручья. Зато отдыхать на привалах, даже без костров, летом куда лучше, чем зимой. Летом нам легче было маскировать свой след и свое местонахождение. Во всех случаях вести партизанскую борьбу летом всегда лучше было, чем зимой.

В летнее время даже в дождливую погоду мы сравнительно быстро разводили костры, а вот зимой был, правда, единственный случай, когда мы не смогли развести костры. Дело было полярной ночью. Мы, тяжело нагруженные, шли в тыл противника. Люди основательно устали. Командир разведвзвода Б. Зайцев доложил, что впереди сравнительно небольшая тундра, мы ее преодолеем и тогда на ее западном, покрытом лесом склоне, остановимся на большой привал. Тянули, тянули, да так и не могли преодолеть эту тундру. Многие выбились из сил, и мы вынуждены были заночевать прямо на вершине этой тундры, где, кроме мелкого кустарника, ничего не было.

Всякие наши попытки разжечь костер из этого мерзлого кустарника не увенчались успехом. Все вынуждены были копать ямы в снегу на трех-четырех человек и в них укладываться, кто как мог. Вполне понятно, сон был непродолжительным и некрепким.

Спустя два часа, в течение которых кто спал, кто дремал, кто зубами стучал, мы тронулись в путь. Подобных ночевок, правда, не на открытой горе, но без костров, было немало. А тогда, когда нам удавалось отдыхать с кострами, они были у нас бездымными, независимо от того, когда это происходило – летом или зимой. Достигалось за счет сухих, несмолянистых дров. В летнее время место своих костров мы старались маскировать, а в необходимых случаях при преследовании нас противником – минировать и место отдыха, и свою тропу, делая об этом на карте соответствующую пометку в квадрате, в котором нами поставлены мины.

Всякий большой привал начинался с ближней разведки и организации охраны отряда. Как правило, разведка высылалась вперед по пути движения и в стороны на удаление до 500–1000 м от отряда. Против каждого взвода на удалении зрительной связи выставлялся одиночный пост, а в необходимых случаях, обычно после боевой операции, выставлялись парные посты от каждого взвода.

Если во время большого привала кто-либо был на посту, то на следующих двух-трех привалах он на пост не ставился.

На весь большой привал, который длился зимой от двух до шести часов, а летом от четырех до двенадцати часов, назначался ответственный дежурный по отряду из числа командного состава отряда. На малых привалах, длившихся 25–30 минут, как правило, расположение отряда оставалось таким, каким он был в движении, но несколько развертывался: одно отделение взвода развертывалось фронтом налево, другое – направо, третье – прямо. Впереди отряда усаживались разведчики с выдвинутой вперед дозорной группой из трех-четырех человек, за разведчиками размещался штаб отряда, за ним стрелковые взводы. В этом случае каждый взвод выделяет наблюдающих в стороны, как у моряков «вперед смотрящих». Некоторые партизаны настолько уставали, что достаточно было сесть, как уже спали, независимо от того, что выделены наблюдающими.

Может быть, по этой причине однажды у нас в отряде потерялся партизан В. Е. Гиндов. Он мог быть в числе «в сторону смотрящего», задремать, и, когда отряд тронулся, он мог остаться на месте, а затем вскочить и пойти в другую сторону. Мы его долго искали, стучали, свистели, стреляли, но все безрезультатно.

В конце 1945 года мне известно было, что Гиндов тогда оказался в руках противника и по репарации в 1945 году финскими властями передан советским властям. [...]

Уходя в тыл противника, большинство партизан бритвенных приборов с собой не брали, поэтому многие из них основательно обрастали и некоторые, уже будучи на базе, не расставались с бородами, усами. Комиссар отряда, например, носил своего рода «культурную» бородку и усы, командир отряда – усы, партизан А. Большаков – большую лопатообразную бороду и т. д. [...]

Несколько строчек о базе.

Наша база строилась без проектов, без смет, без единой копейки средств. Строительным материалом был сосновый и еловый лес, растет на южном склоне нашей же высоты. Бревна доставлялись на лошадях, на оленях и на собственных плечах. Расстояние от базы до места порубки было около двух километров. Из доставленных бревен рубили сруб своего рода большой избы. Этот сруб не менее чем на две трети ставился в котлован. Оставшийся по поверхности грунт приваливали к стенкам сруба, а излишняя часть грунта шла на засыпку потолка, который из таких же бревен накатывался на сруб. Крыша землянки основательно замаскировывалась мхом и ветками. Две трети взводной землянки занимали двойные нары, на которых одновременно могли разместиться до 30 человек. Практически в землянке жило около 20–25 чел. В углу землянки был отгорожен своего рода чуланчик без дверей для командира и политрука

взвода. Между этим чуланчиком и входной дверью размещался стол, сколоченный самими партизанами, и печурка-«буржуйка», про которую партизаны любили петь песню. Пол устилался не досками, а бревнами, обтесанными наполовину. На одной из сторон, там, где стоял стол, делалось небольшое окошко, походившее скорее на амбразуру огневой точки.

В районе расположения землянок и вблизи базы категорически запрещалось рубить лес, ломать сучья и кустарник.

База располагалась в двух-трехсот метрах от берега озера, выше от бани располагалась наша столовая-землянка. Система довольствия на базе была котловой. На кухне приготовлялась, а затем повзводно разносилась в землянку (зимой) или на полянки (летом), где партизаны из своих котелков принимали пищу. Недалеко, если смотреть с горы на озеро, несколько левее и чуть выше размещался продовольственный склад. Первое время, когда его не было, продукты хранились в шалаше. Выше склада размещалась землянка командира и комиссара отряда. В ней же жил и связной командира отряда, размещавшийся над топчаном командира отряда. Над топчаном комиссара отряда была также кровать, но на ней никто не отдыхал, за исключением Г. М. Бетковского, когда он приезжал к нам в отряд.

Наша землянка, которую в отряде называли командирской, была самой маленькой. Между нашими топчанами размещался небольшой столик, наподобие столика в купейном вагоне. Над столиком было небольшое окошко. От входной двери направо, почти у моих ног, стояла печурка.

Налево от входа была наша вешалка. Вот и вся землянка. По площади она не превышала шести квадратных метров. Строителями ее были Ив. Назаров и Михаил Мурин, помогал Виктор Толстобров.

Перед входом в землянку лежали вросшими в землю два огромных камня.

Недалеко от командирской землянки, чуть выше ее размещалась штабная землянка, в которой отдыхали и работали начальник штаба отряда В. А. Власов, зам. командира отряда по разведке А. М. Галаев, пом. командира отряда по материально-техническому обеспечению А. А. Федунов, зам. комиссара отряда по комсомолу И. Г. Мужиков, ст. военфельдшеры Е. А. Филонова, а затем М. П. Алексанов, медсестра А. И. Холкина, кладовщик А. П. Трофимов.

Штабная землянка нередко превращалась в своего рода контору, где решались различные штабные, хозяйственные, медицинские вопросы, где выпускались стенные газеты, бюллетени, где составлялись справки, сводки, докладные записки, готовились приказы и т. д.

Выше штабной землянки располагалась землянка разведчиков, левее их – землянка наших девушек-санитарок, а за ними – землянки взводов*. [...]

52. Краткие итоги нашей боевой деятельности

Партизанский отряд «Советский Мурман» более двух лет зимой и летом беспокоил противника, все время держал его под напряжением, постоянно наносил ему удар там и тогда, где и когда он не ожидал, считая, что в его глубокий тыл советские партизаны не пройдут. Но он глубоко ошибался. Если надо было, они могли бы пройти еще дальше.

От наших партизанских отрядов противник потерял более 130** чел. убитыми и ранеными, в т. ч. трех офицеров. Партизанами было взято в плен пять человек, в т. ч. три военнопленных. Взорвано 4 моста, 18 телефонно-телеграфных столбов, 6 П-образных опор линии высокого напряжения, уничтожено более 50 км телефонно-телеграфной связи, более 2-х км электролинии, пять автомашин, в т. ч. один бронеавтомобиль, одна

* На полях имеется авторская помета (синие чернила): «Схема расположения базы». Схему см.: ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 124. Л. 1а.

** На полях имеется помета карандашом: «больше».

радиостанция, 13 жилых домов, 10 складов, 4 дзота. Захвачено несколько автоматов, винтовок, боеприпасов, продуктов, одежды.

Отдельные партизаны прошли по тылам врага от 4 до 5 тыс. км. О боевых действиях отряда несколько раз передавалось в сводках Совинформбюро, 55 партизан были награждены орденами и медалями, в том числе 11 чел. дважды, не считая Почетных грамот Президиума Верховного Совета КФ ССР. [...]

53. Окончание боевых действий

К лету 1944 г. был предрешен вопрос о переводе наших отрядов в разведывательные части 14-й армии, в связи с чем было принято решение о переводе отряда в район поселка Падун, где ныне строится гидростанция, провести там необходимую боевую подготовку, а затем передислоцироваться в район передовых частей нашей армии.

За время нахождения отряда в поселке Падун в отряд приезжал первый секретарь обкома ВКП(б), член Военных советов 14-й армии и Северного военно-морского флота генерал-майор М. И. Старостин, который и принял окончательное решение – не передавать нас в разведчасти 14-й армии, а продолжать действовать в составе партизанских отрядов в тылу врага.

Так летом 1944 г. мы вскоре вновь оказались в тылу противника. Это было последнее лето, в течение которого наш отряд вел борьбу с врагом, принял участие в выполнении задания по разведке и доставке «языка» из глубокого тыла. Части Красной армии здесь, на Севере, готовились к знаменитому удару по врагу в районе Печенга, мы же активизировали партизанскую борьбу в его собственном тылу.

5 сентября 1944 г. было объявлено о перемирии с Финляндией, о ее выходе из войны. 6 сентября мы получили приказ о прекращении боевых действий и выходе из вражеского тыла, а спустя некоторое время последовало указание всему личному составу отряда при оружии с одним боекомплектом выехать в г. Сегежу Карельской республики, где, как потом нам стало известно, производился сбор всех партизанских отрядов, диверсионных и различных подпольных групп. Вскоре в Сегежу был подан состав, и партизаны отправились в г. Петрозаводск, где после двухдневной строевой подготовки состоялся парад партизанских отрядов, а затем награждение Почетными грамотами Президиума Верховного Совета КФ ССР.

На другой же день партизаны были переданы в ряды действующих частей Красной армии. Партизаны нашего отряда были направлены на операцию по взятию г. Кенигсберга, где многие из них погибли. Оставшиеся в живых после победы над Германией были отправлены на Дальний Восток для борьбы с японскими захватчиками.

Туда, в частности, были направлены командир взвода И. Колычев, партизан-разведчик Б. Бондарчук и другие.*

Восемь чел. из нашего отряда, в том числе и я, и семь чел. из соседнего отряда по просьбе ОК ВКП(б) и личному распоряжению командующего фронтом Маршала Советского Союза т. Мерецкова были откомандированы в распоряжение Мурманского обкома ВКП(б) для использования на руководящей партийной и советской работе. [...]

С. Д. Куроедов

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 124. Л. 1–139.
Подлинник. Машинопись.

* На полях имеется помета карандашом: «все пограничники + Крамсков, Мужиков».

№ 32

Из дневника партизанского отряда «Советский Мурман» – об одном из боевых походов*

29 сентября – 18 октября 1943 г.

29 сентября, среда. Утро. Расстилался туман, и медленно поднималось прохладное осеннее солнце. В лагере еще тишина, только с кухни доносился стук топора, и густо шел дым из трубы. Повар готовил сытный завтрак идущим в операцию. Надутые до отказа вещ. мешки стояли в ряд около спящих хозяев и ждали своего действия. Враг не спит. «Рама» навещала и нарушила крепкий сон отдыхающих бойцов перед выходом. И было несколько очередей из пулемета, данных противником с самолета. Но бестолковый обстрел не дал ничего врагу. Но мы не унывали. После завтрака громко ревела гармошка. Это Анатолий Казарин организовал пляску и пение песен среди лагеря. Настроение у всех веселое. Время подошло к выходу. В 14 час. 30 м. рюкзаки уже лежали плотно за плечами партизан. Этот раз вышли на другой участок действий. Маршрут новый. Шли по телефонке болотом по колено в воде. Через час уже были на боевом охранении, где нас ожидал отряд т. Смирнова «Большевик Заполярья». Оттуда вышли вместе два отряда свыше 100 чел., оставляя позади оборону, преодолевая болота и горы, покрытые первым снегом, особенно тяжело шел фельдшер т. Алексанов.

В** час. достигли координаты***... Уже было темно, и решили ночевать. Лес хороший, и костры горели на славу, зарево высоко поднималось в глубь темноты. Толпились у костров, готовили каждый себе поужинать из собственного склада, который каждый нес на нежных плечах. Ночью слышали три выстрела. Это мы знали, что сигнал пограничников, с которыми мы должны встретиться. Они ведут «языков». Ночь стояла холодная, переливалось северное сияние. Морозит. Костры горели у обоих отрядов всю ночь. [...]

2 октября, суббота. В 7 час. 00 мы расстались с отрядом Смирнова. Идем разными путями в разных направлениях к своим объектам. Рельеф местности очень пересеченный, старая гарь, много валежника. Приходится прыгать, как белкам, сквозь завалы по камням.

К 19 час. достигли координаты****... Остановились ночевать, идти дальше нельзя, уже темно. Так что вынужденная посадка. Местность открытая. Костры жгли до 22 час., сушились и варили ужин. В этих камнях Лукшин выбил себе последний зуб. [...]

9 октября, суббота. Находимся на месте. В 11 час. получена телеграмма о продолжении выполнения боевого приказа.

12 час. Уже весь личный состав знал, что идем обратно в тыл врага.

Группу больных во главе с т. Сергутковым отправили на основную базу. С ним Андросик, Павличенко, Звездочкин, Кузнецов, Величко.

В 13.30 вышли в район пикета Лоун. Шли почти тем же маршрутом.

В 20.30 достигли координаты у подножья горы им. Власова, остановились ночевать. Все мокрые, холодно. Развели небольшой костерок, варили пищу и сушились.

В 24 час. костры погасили. Тихо. Отдыхали.

10 октября, воскр. В 9 час. всем отрядом вышли к месту переправы, ранее устроенной нами. В 11 ч. 30 минут вышли у переправы р. Лаун-йоки. Выбрали место для расположения отряда.

---

* Опущены записи за 30 сентября – 1 октября, 3–8 октября, 11, 13–17 октября, 19–31 декабря.

** Далее пропущена цифра, указывающая на время.

*** Обозначение координаты не указано.

**** Обозначение координаты не указано.

Мы, в количестве 23 человек, в 12 час. 30 мин. вышли к переправе.

Группу возглавлял т. П. Зайцев. Через переправу переползали на четвереньках, и т. Торопов вместе с дисками от пулеметов упал в воду и был вынужден вернуться к отряду.

Таким образом, нас осталось 22 чел., а именно: ком. группы П. Зайцев, политрук группы Мужиков, помощник ком. группы Голаев, связной Толстобров, ком. отделения Воронько, бойцы Орлов, Изотов, Богданчук, Долотовский, Клюшев, санитарка Шорохова, ком. отд. Паневкин, бойцы Большаков, Юрин, Люлька, Волношин, минер Шестаков, Коняев, политрук 2 вз. Куделин, пулеметчик Кроликов, 2-й номер пулем. Зелянов и боец Васильев.

Вскоре мы достигли телефонки и тропы. Следов на тропе не было. Решение было нами принято: оставить 8 чел. в засаде на тропе (старший к. о. Воронов), остальные пошли прямым сообщением на пикет.

К 17 час. были уже на пикете белофиннов, все тихо, мы аккуратно подошли вплотную и обнаружили сплошное минирование. И по снегу, который покрыл кругом белым одеялом, не было ни одного следа. Тогда т. Шестаков, комсомолец, рискуя своей жизнью, пошел через минное поле и провел остальных товарищей.

Начали хозяйничать, но особенного ничего не было. Мы забрали часть продуктов и боеприпасов, все остальное подожгли: дома, землянки, дзоты. Услышав наши взрывы, наши товарищи в засаде порвали в двух местах телефонку.

К 19 часам уже находились в расположении лагеря и к. п.

В 20 час. взяли азимут на родную землю. Уже темно, шли завалами, видимо, в прошлом проходил бурелом, болота и горы скалистые. Мокрые, уставшие шли партизаны темной ночью по мерзлой земле. В 23 час. перешли государственную границу и в 24 час. достигли координаты. Ночевали. Горели костры, висели над огнем котелки, многие сушили портянки. К утру блестела серебристая луна, сверкали звезды. Дул восточный холодный ветер. Спали. [...]

12 октября, вторник. Как и вчера, вышли в 7 утра. Вскоре достигли тропы, которая ведет прямо к базе. Шли тропой. К обороне подходили уже темно. Дали установленный сигнал – три выстрела и красную ракету.

В 21 час уже находились в боевом охранении у батьки Кныша.

А в 22 час. уже в своих собственных землянках. Интендант готовил баню, всю ночь мылись. [...]

18 октября, понедельник. Особенностей дня нет. Личный состав занимается читкой газет, книг. Ежедневно доводится сводка информ. бюро.

С 15 час. шел сырой снег. Хлопья его покрыли через несколько минут черную землю. Проводили общее собрание. Командир поставил задачу и о работе.

[...]

И. Г. Мужиков

ГАМО. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 24. Л. 2–8.
Подлинник. Рукопись.

№ 33

Из воспоминаний В. Н. Дерябиной о Великой Отечественной войне – об участии в боевых походах партизанского отряда «Большевик Заполярья»*

6 сентября 1972 г.

Многие ушли добровольцами на фронт и в партизанские отряды, действовавшие на Кольском полуострове. В числе первых вступали в отряд «Большевик Заполярья» слесари механического завода В. Г. Астахов и В. М. Орлов, медник П. К. Ляпин, инкассатор госбанка А. С. Ефимовский. Позднее, в 1943 г., в отряд пришли начальник лесопункта Кандалакшского леспромхоза М. Е. Соколов, железнодорожник М. Шляхтов, электрики механического завода А. Мазурин и А. Кротов, токарь Б. Янкевич. Вместе с ними и я, комсомолка, бывший контролер отдела технического контроля этого же завода, шестнадцати с половиной лет, добровольно ушла в партизанский отряд «Большевик Заполярья». До этого была попытка уйти на фронт, вернее, убежать, но нас с подругами с 72 километра Кандалакшского направления вернули снова на завод, так как нужны были рабочие руки. Но все-таки через Кандалакшский горком комсомола и горком ВКП(б) добилась, чтобы меня направили в партизанский отряд.

Дерябина Валентина Николаевна. 1943 г. МОМ НВФФ 3168/3.

До поступления в отряд мы прошли курс военной подготовки в г. Беломорске, где находился штаб партизанского движения Карельского фронта.

Придя в отряд, мы принимали присягу – партизанскую клятву на верность Родине, партии. Все это помню, как сейчас. Во время принятия клятвы мне вручили автомат. И какое же было мое удивление, когда я увидела на автомате мое клеймо, моего родного завода № 310! И только тогда по-настоящему поняла, какое большое дело делают девчата и парни Кандалакшского завода, снабжая фронт оружием.

Нелегко было в партизанском отряде. Но особенно тяжело – девушкам. Они вместе с партизанами-мужчинами совершали многокилометровые и многодневные походы во вражеский тыл; кроме боеприпасов девушки брали с собой медикаменты для оказания помощи раненым и больным. В походах во вражеский тыл они проявляли стойкость и большую выносливость; всегда были подтянуты и никогда не падали духом, даже тогда, когда в тылу врага кончались продукты и многие из «сильного» пола не выдерживали таких испытаний.

В отрядах было немного девушек, но они выполняли любую работу и не связанную с медициной: во время отдыха на партизанской базе они следили за санитарным состоянием землянок и готовили пищу, стирали и гладили белье, штопали носки, топили баню и многие другие работы, никогда ни от какой из них не отказывались.

Я хорошо помню нашего старшего фельдшера отряда Шуру Артемьеву (ныне Усолкина), эту маленькую пичужку, хрупкую, но сильную и требовательную, добрую и знающую дело партизанку. Под стать ей Нина Конецкая (ныне Копылова). И столько тепла, ласки было в душе этой совсем еще юной девушки, столько заботы в ее теплых глазах и руках, что всем в отряде хотелось быть рядом с ней. Она вовремя ободрит каждого, кого посетило сомнение, тоска по родным и близким людям.

Помню самых сильных – Анну Драгунову и Анну Кузнецову (ныне Курило). Они, крепкого телосложения, выносливые, заслужили всеобщее уважение в отряде. А кто не вспомнит добрым словом Женю Краснову – нашего «шефа»-повара. Это ее маленькие пухлые руки всегда умело, просто иногда из ничего готовили вкуснейший обед, часто из трех блюд.

А разве забудешь Паню Шорохову, о которой знали все партизаны, пусть если они прибыли в отряд уже после ее гибели летом 1944 года в одной из жестоких схваток с ненавистным врагом. Все партизаны, идя в тыл врага, клялись отомстить за боевую медсестру-партизанку, любимицу обоих отрядов, нашу Паню.

Со слов товарищей по оружию знаю неутомимую Анну Кожину, Анну Холкину, Лиду Бочковую, Катю Филонову (ныне Сергиевскую) – Героя Социалистического Труда, Наташу Колмакову, Фриду.

Никто не забудет нашего парикмахера Тамару Калинину, которая старательно прихорашивала партизан, возвратившихся из глубокого тыла врага после боевых операций. Все девушки наши были запевалами во время отдыха, все они незаменимые участницы художественной самодеятельности. [...] Посильный вклад в дело разгрома врага внесен и мной, одной из самых молодых в то время партизанок.

Помню, придя к командиру отряда с просьбой взять меня в тыл врага, он, побеседовав со мной, сказал: «И зачем это детский сад в отряд направляют... Да тебя «сидор» (так называли рюкзак весом 35–50 килограммов) придавит на первом же километре». Но в тыл приказал готовиться.

Помню один бой. Мы шли сводными отрядами (наш – «Большевик Заполярья» и «Советский Мурман») на территорию Финляндии и параллельно нам, возвращаясь, видимо, с нашей территории, шли белофинны. Не сразу мы распознали врага. Но как только обнаружили, что это враг, открыли огонь. Финны стреляли с деревьев (их называли «кукушками»); они были в более выгодных условиях – у подножья горы, а мы на открытом месте – на болоте. И несмотря на то, что мы были в белых маскировочных халатах, нас было видно как на ладони.

Я оказалась рядом с пулеметчиком Кириллом Будник (бывший инкассатор Кандалакшского госбанка). Он приказал окопаться в глубоком снегу, что я делала впервые, а потому неумело. Затем по цепи передали, что ранен Саша Кротов (наш парень с механического завода). Поползла перевязывать его. Это был первый бой, первый раненый на моем счету. Бой длился долго, около 4-х часов. Но в памяти остался навсегда как короткая схватка с врагом, ибо во время боя счет времени не замечаешь. [...]

В. Н. Дерябина

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 1. Д. 306. Л. 5–9.
Подлинник. Машинопись.

* Опущены размышления автора о значении Победы в Великой Отечественной войне, сведения о помощи жителей Кандалакши фронту, о работе девушек-партизан после войны.

№ 34

Из письма А. П. Усолкиной (Артемьевой) сотруднику Мурманского партийного архива о партизанском отряде «Большевик Заполярья» – о товарищах по отряду*

Не позднее августа 1987 г.**

Думала каждый день, что написать, но, кроме трудностей и мучительных напряженных походов, ничего в голову не приходит. Ведь нам не разрешалось вести дневники, и фотографий тех лет не было. Это разрешено было только командирам отрядов, комиссарам и нач-ку штаба.

Усолкина (Шура Артемьева) Александра Петровна. 1940 г. ГАМО. П-2393. Оп. 2. Д. 124. Л. 27.

Остался в памяти яркий образ нашего нач-ка штаба коммуниста до глубины души Семенова Павла Константиновича, во всех отношениях это человек с большой буквы. Благодаря ему, мне кажется, мы выходили из любого тяжелого положения. Он разрабатывал маршруты следования в глубокий тыл для выполнения заданий. Был очень спокоен, требователен, выносливый, кличку имел «Лось». По-моему, он очень мало отдыхал. Когда отряд располагался на большой привал, он брал с собой одного, двух партизан и уходил, чтоб для дальнейшего пути отряда наметить маршрут ориентации. Забирались на высоту и деревья и просматривали местность. Затем докладывал командиру. А командир, смелый, иногда с риском и удалью в своем поведении, выбирал момент, находясь на привале, закинуть рыбацкие снасти на счастье и удачу.

Комиссар А. В. Селезнев – душа отряда, общался с ребятами, прощупывал настроения, в нужную минуту вовремя поддержит. Очень сильно мерз в зимнее время во время походов, скулил и дрожал от холода. Его слова: «Если бы я не умел дрожать, то давно бы умер».

Никогда не забыть тяжелого рюкзака-«сидора». Один раз, спускаясь с горы, я упала, а снег был рыхлый, мой рюкзак провалился и меня с собой увлек, и не видно, где я. Ребята проезжают и говорят: «Концы лыж видно, а человека нет». Начали раскапывать, оказалась в яме я. Хотя рюкзаки наши были тяжелы, продуктов все равно не хватало на весь срок. Голодали, питались подножным кормом, не было соли, появлялись отеки от голода. Люди менялись до неузнаваемости. Идти не могли, теряли рассудок. Сядет, бывало, на траву и говорит: «Не могу идти, не могу». А ведь нести некому. Командир вызывает меня и говорит: «Шура-пичужка, вперед». И откуда находились силы: идешь вперед, смотришь – и ребята начинают подтягиваться. Молодежь особенно страдала – не умели распределять продукты. Девушки как-то были выносливее. Ведь иногда приходилось нести их оружие, боеприпасы. А ведь на привале нам приходилось вместо отдыха обойти всех, оказать помощь, были раненые, были больные, были и нытики, не без этого... Некоторых, особенно старшее поколение, мучили фурункулы. Рюкзаками натирали плечи до крови; если раненый на носилках, то это большая беда. Топкие болота, реки вброд и вплавь, а плавать я не умела, так цеплялась кому-нибудь за мешок, глядишь, и переплыли. [...]

Все равно остались от тех лет яркие, хорошие впечатления. [...]

А. П. Усолкина

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 571. Л. 5–6 об.
Подлинник. Рукопись с авторскими правками.

* Опущены обращение к сотруднику архива в начале и в конце письма, благодарственные слова за память о ветеранах Великой Отечественной войны.

** Датируется по смежному документу (ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 571. Л. 7.).

№ 35

Из воспоминаний Д. А. Подоплекина «Незабываемое» – о действиях партизанского отряда «Полярник» на Кандалакшском направлении*

10 ноября 1971 г.

По решению Военного совета фронта «Полярник» был переброшен на Север. В начале июня месяца отряд прибыл на станцию Нямозеро и расположился на берегу этого живописного озера. Командующий 19-й армией генерал-майор С. И. Морозов, первый секретарь Кандалакшского горкома партии Г. В. Елисеев, член Военного совета армии Каплуновский приветствовали наше прибытие, помогли нам с обмундированием, продуктами, вооружением, взрывчаткой, снабдили радиостанцией. Была разработана система связи и взаимодействия.

Обстановка на Кандалакшском направлении к весне 1942 г. была следующая. Намеченная гитлеровским командованием операция под условным наименованием «Полярная лиса» с задачей ударом вдоль дороги Куолаярви, Алакуртти выйти к Белому морю, овладеть районом Кандалакши и тем самым прервать сухопутную связь Кольского полуострова с остальной частью страны нашими войсками была сорвана. Обескровленные дивизии 36-го немецкого фашистского корпуса понесли большие потери в живой силе и технике, оказались не в состоянии сломить сопротивление наших 104-й и 122-й стрелковых дивизий и после бесплодных атак в конце сентября 1941 г. перешли к позиционной обороне.

Линия фронта проходила по цепи озер и рек одноименного названия «Верман». Так и сохранилась к нашему приходу, да и в будущем. Однако это вовсе не означает, что фашисты успокоились. Напротив, они еще несколько раз разрабатывали подобные «лисе» операции и пытались осуществить свои сумасбродные планы – выйти к Кировской железной дороге. Чтобы сорвать замысел врага и помешать ему в осуществлении его планов, перед партизанами была поставлена задача – организовать движение воинских эшелонов на железнодорожном перегоне Алакуртти – Кемиярви и движение автотранспорта по шоссейной дороге Куолаярви, Савукоски. По указанию первого секретаря Мурманского обкома партии М. И. Старостина Кандалакшский горком ВКП(б) направил в наш отряд коммунистов и комсомольцев (из местного на-

* Опущены сведения о формировании партизанского отряда «Полярник» в начале зимы 1941–1942 гг., о первоначальных шагах партизан по овладению военными навыками, о первом боевом походе на Большие Клименецкие острова, информация о получении тетради со сведениями о личном составе и деятельности отряда, рассуждения о значении подвига партизан Крайнего Севера и о фашизме как о социальном явлении.

селения), хорошо знающих местность, финский, а некоторые – немецкий язык. Это преимущественно карелы и финны. Среди них были отец и сын Сивикко, их родственник В. Л. Сивен, А. А. Хейконен, И. Я. Тимоних, Люхтиниеми, Ф. А. Архипова, А. И. Зайкова, Ф. С. Никитин, А. П. Бухтеева, А. С. Краснолобова, С. Н. Кузнецова, Лена Степанова, старейший член партии М. М. Щилкова и многие другие. Горком снабдил нас литературой. Секретарь горкома Елисеев, члены бюро не раз побывали в отряде, а мы – в горкоме. В результате у нас установилась тесная деловая связь и взаимопонимание, сохранившиеся на всю войну.

В половине июня после небольшого отдыха партизаны вышли на выполнение задачи. Нас провожали пограничники 101-го погранполка, с ними уже установилась очень близкая боевая дружба и продолжалась также до конца войны. Им мы искренне благодарны. Перешли мы линию фронта между гор Лысая, Ваянвара, Пайвай. Вскоре партизаны напали в районе Михолахти на немецкий гарнизон, разгромили его, а затем, подойдя к железной дороге, спустили под откос поезд, другая группа напала на немцев, ехавших на автомашинах из деревни Ноусу в деревню Сайя. Третья группа взорвала мост через реку Тени-йоки. И так началась боевая партизанская жизнь на новом направлении, в новых, пока не обжитых местах. [...]

В упомянутой тетради* записано обязательство боевой деятельности партизанского отряда «Полярник» на летний период 1943 г.

«1. С июня по сентябрь спустить под откос 12 поездов противника с живой силой и техникой.

2. Взорвать 12 мостов.

3. Взорвать или сжечь 12 автомашин.

4. Взорвать и вырезать линии связи 10 км.

5. Уничтожить живой силы не менее 500 солдат и офицеров противника.

6. Захватить не менее 5 пленных.

7. Заминировать 15 км дороги.

Каждую операцию подтверждать путем захвата трофеев и документов».

По поручению общего собрания подписали: Подоплекин – командир отряда, Майзер – комиссар, Бирюков – командир отделения, Листов – политрук, Сычев – командир отделения, Толстухин – командир отделения, Пусказеров – командир отделения, Личутин – боец, Краснолобова – боец, Кичев – боец, Сивикко – боец.

Эти обязательства выполнены. «Сверх плана» проведена рельсовая война. Одновременно от Алакуртти до Кайралы была выведена из строя железная дорога, взорваны рельсы. Архангельские комсомольцы, когда ходили в поход по маршруту отряда «Полярник», установили, что одна из рельс воткнулась в землю и сейчас стоит вертикально, как памятник.

Хорошо воевали партизаны отрядов «Сталинец» и «Большевик», действовавшие на Кандалакшском направлении. Соединения в составе отрядов «Полярник», «Большевик» и «Сталинец» в январе 1944 г. разгромили большой немецкий гарнизон в сильно укрепленном районе на реке Тумча. Уничтожен батальон 24-го пехотного немецкого полка. На Мурманском направлении активно действовали партизанские отряды «Советский Мурман» и «Большевик Заполярья». С командованием этих отрядов тт. С. М. Куроедовым, А. С. Смирновым, А. В. Селезневым, В. Н. Васильевым мы часто встречались, обменивались опытом, поддерживали друг друга и всегда помогали друг другу, чем могли. [...]

Активными действиями партизаны Заполярья держали противника в напряженном состоянии и вынуждали его отвлекать войска с фронта для усиления охраны тыловых объектов и коммуникаций. Для борьбы с народными мстителями противник имел на Мурманском и Кандалакшском направлениях 2 батальона СС, финский пограничный батальон САУ и 2 звена самолетов. Кроме того, для борьбы с партизанами привлекались боевые и охранные части 20-й горной армии.

* Тетрадь В. А. Климова со сведениями о деятельности партизанского отряда «Полярник».

При выполнении боевых заданий партизаны проявляли мужество и храбрость, которые не забудутся вечно. Совсем недавно из вагона московского поезда, пришедшего в Архангельск, вышла женщина. Встречающие окружили ее и наперебой стали целовать, а самый старший из них, убеленный сединой, Василий Савватеевич Мелетьев, упал на колени и со слезами на глазах говорил: «Спасибо тебе, Шура, за то, что ты, рискуя своей жизнью, спасла меня там, на Онежском озере. И вот, как видишь, я еще живу, и живу хорошо».

Да, комсомолка Шура Попова, несмотря на свои 17–18 лет, в это время спасла не одну жизнь. Так, например, осенью 1942 г., выполнив задание, группа партизан отряда «Полярник» возвращалась на базу. Они не имели продуктов, были одеты полетнему, а наступили морозы, и были обмороженные, но, преодолевая все трудности, они все-таки шли. Но вдруг выпал снег, и их след стал заметным. А потом появился вражеский самолет, и они были обнаружены. Вскоре десант, окружение и жаркий бой с превосходящими силами – и у партизан появились раненые. С наступлением темноты бой прекратился. Пошла пурга. Воспользовавшись темнотой и снегопадом, партизаны оторвались от врага. Но идти долго не могли – мучил голод, тяжело нести раненых и обмороженных. Так далеко не уйти. Командир группы, командир взвода И. Е. Третьяков решил найти укрытие и удобное место, занять оборону и ждать помощи, а помощь – только отряд, который находился километрах в 20. Но как сообщить. И вот Шура Попова стала просить послать ее, вначале Иван Егорович категорически отказал, а потом прикинул все «за» и «против», а потом решил: «Идите и доложите командиру, где мы и что с нами». 20 километров по лесу, ночью, в глубоком тылу врага, по азимуту. Все это Шура преодолела, а когда услышала голос нашего часового: «Стой. Кто идет?» – упала, успев сказать: «Свои». Вот до чего были напряжены нервы и физические усилия. Группе оказана помощь, 16 человек спасены. А что с Шурой?

Ее отправили в госпиталь в Кандалакшу, там ее вылечили. Но, поскольку ноги были обморожены, ей ампутировали стопы обеих ног. Выдали проездные документы до Архангельска и документы о демобилизации по состоянию здоровья – инвалид первой группы. Однако Александра Ивановна вместо Архангельска прибыла на партизанскую базу и воевала вместе со своими боевыми друзьями до конца войны на Севере – до октября 1944 г.

Во время боя коммунист Петр Фадеевич был четырежды ранен, истекал кровью, но он не оставил поле боя, считал, если он, как командир, будет отходить, могут оставить бой и другие партизаны, поскольку ребята еще молодые, необстрелянные. И вот, рискуя своей жизнью, он обеспечил выполнение задания, гарнизон противника был уничтожен.

Инженер партизан А. Ф. Долгин сконструировал (своей конструкцией) колесный замыкатель и сам его решил испытать. Во время минирования полотна железной дороги его заметил немецкий патруль, проходивший мимо. Один фашист поднял автомат, но Александр Федорович не растерялся, встал, в их сторону помахал кулаком и произнес несколько ругательных фраз по-немецки (одет он был в форму немецкого солдата) и стал продолжать свою работу. Растерявшиеся фашисты отошли. Через несколько минут пошел поезд. Дойдя до мин, паровоз взорвался, первые вагоны полетели под откос. В оставшихся на линии вагонах были солдаты и офицеры противника. Выскочившие партизаны окружили эти вагоны, забросали гранатами с зажигательной смесью, а тех, кто успел выскочить из вагона, догнала партизанская пуля. За эту операцию Александр Федорович награжден орденом Ленина.

Во время одной из операций отряд оседлал железную дорогу Кемь – Салла – Алакуртти и параллельно проложенное шоссе. Фашистское командование бросило против отряда партизан горнострелковую бригаду и части местных гарнизонов. В одном из

боев Лену ранило в обе ноги. Но она осталась прикрывать отход партизан, когда ей угрожал плен. Положение безвыходно, она подорвала себя гранатой. Лена – посланец Кандалакшской комсомольской организации. Да разве только Лена проявила героизм. Все кандалакшские коммунисты сражались храбро.

Несколько лет назад в «Полярной правде» был хороший очерк о партизане, медсестре и разведчице Софье Алексеевне Архиповой (Лопух). Под заголовком «Подвиг солдата» «Полярная правда» писала о молодом коммунисте-партизане А. А. Хейконене.

Геройски воевал Федор Никитин. Когда группа под командованием Пономарева попала в окружение и на протяжении более суток вела неравный бой, пулеметчик Никитин уничтожил не один десяток фашистов. Пользуясь затишьем, Федя побывал в стане врага и добыл ценные сведенья о намерении врага уничтожить партизан при отходе. Тогда Пономарев решил пока не отходить, остаться в обороне до подхода отряда. На завтра отряд подошел, разгромил карателей и выручил партизан взвода Пономарева.

В июне 1944 г. отряд «Сталинец» внезапно напал на гарнизон и уничтожил карательный отряд*, уничтожено 160 солдат и офицеров. Первым ворвался в гарнизон взвод под командованием Н. В. Дмитриенко. Его жена, Александра Ивановна, много раз отличалась в бою. Она отважная партизанская разведчица. А сколько сложных героических разведывательных рейдов проделали по деревням Карелии и Финляндии, где дислоцировались фашистские гарнизоны, и приносили ценные сведения, часто рискуя своей жизнью, отец и сын Сивикко и Войта Сивян. [...]

Д. А. Подоплекин

ГАМО. Ф. Р – 413. Оп. 1. Д. 60. Л. 6–8 об.
Подлинник. Рукопись.

№ 36

Из воспоминаний И. И. Шипицына «На охране Заполярного неба» – о действиях 1-го корпуса ПВО по защите Мурманска и других городов Мурманской области от налетов вражеской авиации**

Ноябрь 1977 г.***

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. охрана заполярного неба и объектов народного хозяйства была возложена на Мурманский дивизионный район ПВО, который впоследствии был преобразован в корпусной****. Мурманский корпусной район входил в состав Центрального фронта ПВО и имел оперативное подчинение также командованию Карельского фронта.

На Мурманский корпусной район возлагалась задача по защите города Мурманска, порта, станции Мурманск и перевозке грузов по Кировской (ныне Октябрьской)

* Название отряда – неразборчиво.

** Опущено вступление (о Дне ракетных войск и артиллерии), а также повторяющиеся в тексте сведения.

*** Установлено по содержанию документа.

**** Постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 27 октября 1943 № 4437 «Об усилении противовоздушной обороны Мурманска, Архангельска и Кировской железной дороги» Мурманский дивизионный район ПВО был реорганизован в Мурманский корпусной район.

железной дороге, объектов народного хозяйства в район Мурманской области и Карельской АССР* от налетов и бомбежек вражеской авиации. [...]

Еще 27 октября 1943 г. Государственный Комитет Обороны под председательством И. В. Сталина принял специальное постановление об усилении противовоздушной обороны городов Мурманска и Архангельска и Кировской ж. д. [...]. В первый год войны в городе Мурманске был один 885-й зенитно-артиллерийский полк и отдельный зенитный артдивизион, 73-й отдельный батальон ВНОС. Штаб 1-го корпуса ПВО разместился на ул. Туристов, а позднее – в деревянном доме по ул. Микояна (ныне Полярные Зори), а после этого свой КП переведен в сопки за Больничным городком. 122-я истребительно-авиационная дивизия ПВО дислоцировалась в пос. Молочный. Все части имели небольшое количество личного состава и материальной части, что в первые годы войны при активных действиях немецких ВВС не обеспечивало полной защиты города Мурманска, порта и ж. д. станции от налетов вражеской авиации.

На основании вышеуказанного постановления ГКО на прикрытие города Мурманска и других объектов народного хозяйства в Заполярье и Карельской АССР прибыло в состав корпуса новое пополнение – шесть отдельных зенитных артполков, десять отдельных артдивизионов, один прожекторный батальон из города Сталинграда – 6-й отдельный дивизион аэростатов воздушного заграждения, девяносто отдельных зенитно-пулеметных взводов по сопровождению железнодорожных составов по Кировской железной дороге и другие подразделения по обслуживанию частей 1-го корпуса ПВО – отдельный батальон связи и другие подразделения.

Получив большое пополнение людьми и вооружением, значительно возросла боевая мощь частей ПВО, уже тогда в состав 1-го корпуса ПВО входило 35 отдельных частей, бригада ПВО преобразована из бывшего 885-го зап, 122-я авиационно-истребительная дивизия ПВО из 32-х штатного состава**. В частях корпуса к тому времени имелось больше двухсот зенитных орудий среднего калибра и больше сотни орудий малого калибра, 240 зенитных пулеметов, один батальон – 120 прожекторов, 7 батарей СОН-2, две станции радиообнаружения и другая техника, которая была размещена на боевых позициях по указанию командования, что уже сразу давало возможность надежной защиты Мурманска и других городов Советского Заполярья, а также объектов народного хозяйства.

С возложенной задачей воины-зенитчики справились, что позволило в годы войны всем предприятиям, работающим на нужды обороны, продолжать работу бесперебойно. Работали электростанции, ходили электропоезда и т. д.

За годы войны сотни самолетов и их экипажей было уничтожено в небе Заполярья, в том числе зенитчиками, самолетами-истребителями ПВО. Уже к концу 1942 г. действия немецких ВВС были ограничены, и инициатива в воздухе полностью перешла к нашей авиации. Только лишь в 1943 г. над городом Мурманском зенитной артиллерией и истребительной авиацией уничтожено 87 самолетов врага, а за это же время средствами ПВО было сбито 140*** самолетов противника, а за все годы войны их было уничтожено средствами ПВО более двухсот.

Для примера можно указать такой факт, что личный состав маленьких гарнизончиков – постов ВНОС, бывшего 73-го ОБ ВНОС только ружейно-пулеметным огнем сбил 19 самолетов противника. Этих маленьких гарнизонов, расположенных в разных местах, было около 100, а личный состав их состоял от 5 до 10 чел. каждый, и несли они свою службу бдительно, и круглосуточно, и при любых условиях суровой погоды в Заполярье, а при возможности и практическими действиями истребляли противника

* В годы Великой Отечественной войны – Карело-Финская ССР.

** Так в тексте.

*** Выделенный текст в документе подчеркнут ручкой с чернилами зеленого цвета, на полях имеется «?».

групповым огнем из стрелкового оружия. В силу чего немецким летчикам приходилось обходить эти маленькие гарнизончики – посты ВНОС стороной.

Первый Ю-88 был сбит под Ура-Губой личным составом поста ВНОС, где командиром был младший сержант Гаврилов, два самолета сбил пост старшего сержанта Павла Хазова. За что как командиры, так и личный состав были награждены вышестоящим командованием ПВО правительственными наградами, а лично Павел Хазов получил орден Красной Звезды и Отечественной войны II степени. За сбитые самолеты, летающие на бреющем полете, получили награды и другие воины всех 4-х рот 73-го ОБ ВНОС, дислоцированных в районах области и ж. д. станциях.

Мне лично пришлось быть в составе этого 73-го ОБ ВНОС почти два года войны, начиная с 23 июня 1941 года. Эта часть формировалась в пос. Кола (ныне город), где мы по прибытии получили обмундирование, снаряжение и оружие, приняли Военную присягу и сразу же направлены на пункты дислокации – посты ВНОС – для несения боевой службы. Последующие годы войны до ее окончания был при штабе 1-го корпуса ПВО, там же по окончании войны был демобилизован в запас Советской армии. [...]

И. И. Шипицын

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 269. Л. 1–2 об.
Подлинник. Рукопись.

РАЗДЕЛ 2

ПРИФРОНТОВАЯ МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРОНТА И ТЫЛА

№ 37

Статья М. И. Старостина «Фронт и тыл Советского Заполярья» для журнала «Партийное строительство»*

Февраль 1942 г.

Кольский полуостров с первых дней войны превратился в зону ожесточенных сражений с немецко-фашистскими захватчиками. Вместе со своими прихвостнями – белофиннами – они рассчитывали коротким ударом сломить сопротивление Красной армии на Севере и захватить город Мурманск. Но их планы оказались битыми. От хвастливо провозглашенного наступления врагу пришлось перейти к обороне. Советское Заполярье стало могилой для многих десятков тысяч немецких и финских солдат и офицеров.

Большую помощь Красной армии и Флоту в героической защите наших северных рубежей оказывают трудящиеся Мурманской области. Неотделимость фронта и тыла создала такое боевое содружество гражданского населения с военными, которое превратило Советский Север в неприступную крепость. Обслуживанию нужд фронта, максимальному удовлетворению потребностей армии и флота подчинена вся работа колхоза и крупного предприятия, кустарной мастерской и рыболовецкой станции. Трудящиеся области активно подпирают свою армию, свой флот, дают им все необходимое для победы над врагом.

Важнейшее оборудование промышленных предприятий было своевременно эвакуировано в глубь страны, а то, что осталось, вместе с мелкими предприятиями переключилось на производство вооружения, боеприпасов и снаряжения.

На учет были взяты все сырьевые запасы, изучены ресурсы и возможности каждого предприятия. Одни из них начали осваивать производство минометов, мин, гранат, взрывателей и другого вооружения, другие – выполнять заказы по ремонту автомашин, танков, орудий и т. д.

Много инициативы, энергии и изобретательности проявили рабочие, инженеры и техники, для того чтобы изготовленное оружие действовало безотказно и было высокоэффективным в истреблении врага. Производство минометов было, например, новым делом для наших предприятий. Инженеры и конструкторы не пошли здесь по проторенной дорожке, а, учтя боевые качества советских и немецких минометов, сконструировали новый, комбинированный, как его теперь называют в шутку бойцы, «советско-немецко-мурманский миномет».

Этот миномет заслужил горячее одобрение бойцов. Недавно коллектив N-ского завода получил интересное письмо от минометчиков части тов. Дмитриенко. Оно заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью.

«Дорогие товарищи, пишут в своем письме бойцы. Ваш замечательный подарок – минометы – мы получили очень кстати, когда немецкие оккупанты предприняли очередную попытку овладеть одной из важных высот. Но озверелый враг жестоко просчитался и был нещадно бит нашими пехотинцами и артиллеристами. Да и мы, минометчики, приложили свою руку. В этом бою нам и довелось испытывать новые минометы, сконструированные и построенные вами.

Можем вас заверить, дорогие товарищи, что к этому делу мы подошли серьезно, всесторонне. Во-первых, испытывали минометы собственными руками, а, во-вторых, фашистские оккупанты испытывали боевые качества наших минометов на собствен-

---

* Факт публикации не установлен. Имеется документ от 8 февраля 1942 г. о согласии М. И. Старостина на публикацию (ГАМО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 22. Л. 7.).

ной шкуре. Во время боя тридцать бандитов пытались обойти наши подразделения с флангов. Замысел врага был быстро разгадан. Восьми мин оказалось достаточно, чтобы раз и навсегда рассчитаться с этой группой фашистских вояк. Они получили свое «жизненное пространство на Востоке» – по три аршина земли. По одному этому факту вы можете судить о качестве своей продукции. Скажем прямо, без обиняков: хорошие, точные минометы вы сработали, товарищи. И за это вам спасибо, большое спасибо от всех нас...»

Судоверфь Наркомрыбпрома в дни войны также перестроила свою работу. Многие рыболовецкие траулеры и другие корабли были быстро переоборудованы. Своей самоотверженной работой коллектив судоверфи помог Северному военно-морскому флоту накрепко закрыть морские подступы к границам нашей Родины на Севере. Огромная заслуга в том, что тысячи немецких солдат, большое количество немецкого вооружения лежат на дне Баренцева моря, принадлежит наряду с героическими советскими подводниками также и рабочим мурманских заводов, любовно ремонтирующим боевые корабли.

С небывалым подъемом трудятся мурманцы над выполнением заказов для фронта. Если нужно, рабочие и инженеры, не считаясь со временем, по нескольку суток не выходят из цехов и дают заказ к установленному сроку, а чаще всего – досрочно. Когда старший мастер N-ского завода тов. Исаев получил задание – в короткий срок освоить сборку одного важного изделия, – то он двое суток не покидал рабочего места и не только освоил новые изделия, но и добился выпуска их по установленному графику. Когда судоремонтный завод получил срочный заказ от командования флота на переоборудование кораблей, то коллектив завода заявил: «Сделаем досрочно». Это обязательство было выполнено: суда значительно раньше срока вступили в строй.

Много трудностей встает на пути. Часто приходится заново разрабатывать технологический процесс, самим определять сорта стали, нередко отсутствует нужный металл, приходится изыскивать способы его замены или производства на месте. На помощь здесь приходит производственная сметка, рабочая смекалка, широкая инициатива. С помощью их преодолеваются трудности, находится выход из положения, производятся детали, о которых до войны не имели никакого понятия.

Когда на одном заводе потребовалось резко увеличить выпуск мин, технолог-комсомолец тов. Кандыч сконструировал приспособление для изготовления мин, которое ускорило их производство и освободило пять рабочих и два станка. Мастер-коммунист тов. Гончаров предложил изготовлять опоки* не литые, а сварные, используя для этого отходы соседнего цеха. Предложение приняли. Это снизило стоимость опоки в три раза и дало возможность не загружать цех лишним литьем.

Благодаря внесенным в технологический процесс изменениям один из заводов увеличил выпуск мин на 400 %. Возросла потребность в стали, и вот на двух заводах своими силами были оборудованы и начали работать конверторы по выплавке стали.

Наряду с крупными предприятиями перестроили свое производство применительно к нуждам фронта также вся местная промышленность и промысловая кооперация. Мастерские и артели перешли к пошивке обмундирования, обуви, изготовлению саней, волокуш, ремонту повозок, заготовке хлебных сухарей и т. д. Только промысловая кооперация отремонтировала десятки тысяч комплектов обмундирования, обуви, снаряжения и т. д.

Самоотверженная работа на нужды фронта дает свои плоды. Трудящиеся области могут гордиться тем, что многое из того, что необходимо фронту, производится теперь в области и производится в широких масштабах. На нашем участке фронта части Красной Армии и Флота получили от предприятий области достаточно минометов, мин, гранат, бутылок с зажигательной жидкостью и т. д. Продукция наших заводов

* Опока – приспособление, служащее для удержания формовочной смеси при ее уплотнении.

обрушивается мощным ударом на головы немецко-фашистских захватчиков, помогает нашим славным воинам беспощадно разить врага.

Но помощь фронту, обслуживание нужд армии и флота не исчерпывается только производством вооружения и снаряжения. Она гораздо шире, всеобъемлюще в подлинном смысле этого слова.

Разве можно говорить без волнения о работе мурманских моряков, которые проявляют высокий героизм, помогая Красной Армии?! Капитаны бота «Вайда» тов. Кранцов, бота «Ленинец» тов. Лезов, дрифтербота тов. Голованов и другие бесстрашно работают в боевой обстановке, подвозят боеприпасы. Капитан траулера «Зубатка» со своим экипажем под бомбежкой вражеской авиации вывез ценный груз.

Пароход «Моссовет», перевозивший войска и вооружение для фронта, дважды подвергался в море нападению со стороны фашистских стервятников, которые, пикируя, обстреливали и бомбили пароход. Мужественный капитан парохода тов. Рындван ни на минуту не оставлял капитанского мостика. Умело маневрируя, он вывел пароход из-под бомбежки.

Железнодорожники, обслуживая нужды фронта, также показывают образцы героизма и самоотверженности. Поезд, который вел машинист электровоза Мурманского депо коммунист тов. Кирюшкин, подвергся обстрелу с вражеского самолета. Тов. Кирюшкин и его помощник были ранены. Не бросая поста, тов. Кирюшкин довел поезд до места назначения.

Член партии тов. Рамза, руководящий отделением, подвергавшимся неоднократным воздушным налетам гитлеровских бандитов, быстро восстанавливал разрушения. Во время одной из воздушных бомбардировок был разрушен дом, в котором жил тов. Рамза, однако мужественный железнодорожник не оставил работы, пока не были полностью исправлены пути.

Прекрасно проявили себя во время войны работники пищевой промышленности. Рыбаки ни на один день не прекращали лова и обработки рыбы. Несмотря на то, что фашистские летчики расстреливали даже рыбацкие шлюпки, во время подхода сельди были перекрыты губы Сайда, Долгая, Зеленцы, Порчниха, и удалось получить большое количество сельди.

Моторно-рыбные станции, находящиеся ближе к фронту в зоне военных действий, дали больший процент вылова рыбы, чем моторно-рыбные станции в тылу. Полярная моторно-рыбная станция, например, выполнила годовой план на 120,7 %.

Колхозники-рыболовы показали себя бесстрашными, самоотверженными людьми. Звеньевой колхоза «Север» Полярного района И. К. Канев выполнил план вылова семги на 205 %. В том же колхозе шестидесятитрехлетний старик рыбак Жидких выполнил план на 150 %. Директор прифронтового рыбного завода Михайлов по-хозяйски эвакуировал в тыл ценное оборудование, но работу завода не прекратил и сумел выпустить продукцию высокого качества. Рыбаки Мурманской области дали советским бойцам многие тысячи центнеров рыбы.

Высокий патриотизм, любовь к Красной Армии и Флоту трудящихся Мурманской области нашли свое яркое выражение в успешном сборе средств в фонд обороны страны, на постройку эскадрильи «Советское Заполярье», на танковую колонну, а также в сборе теплых вещей и подарков бойцам Красной Армии.

В фонд обороны поступило 972300 рублей. На эскадрилью «Советское Заполярье» собрано 2976 тысяч рублей. На танковую колонну только город Мурманск сдал 342 тысячи рублей. Более 35 тысяч подарков отправлено бойцам на фронт.

Партийная организация и трудящиеся Мурманской области дают фронту не только вооружение, боеприпасы и другие материальные ресурсы, но и свои лучшие кадры, своих лучших людей.

Несколько тысяч коммунистов областной организации сражается на передовой линии фронта, с оружием в руках защищает родной Советский Север. Многие из

них проявили себя героями в боях с немецкими и финскими бандами.

Капитан тральщика тов. Киреев, ныне командир боевого корабля, выполняя задание, совершил отважный подвиг. Его корабль наткнулся на всплывающую немецкую лодку. Немедленно был открыт по ней огонь. Расстояние между лодкой и кораблем быстро уменьшалось, и командир принял единственно правильное и смелое решение – таранить лодку. Лодка была потоплена.

Таких примеров мужества и боевой отваги, проявленных людьми нашей области, имеется немало.

Созданные трудящимися области истребительные батальоны, отряды и группы успешно участвовали в боевых действиях. Они уничтожили несколько групп противника, пытавшихся пробраться в тыл наших войск. Вместе с героической Красной Армией и Флотом они отражают врага.

Неотделимы фронт и тыл Советского Заполярья. За время войны каждый трудящийся почувствовал себя бойцом. И в боях, и во время скоростного ремонта боевых кораблей, машин и орудий, и за станком, и в кабинете конструктора, и на рыбачьей шлюпке, смело забирающейся в зону военных действий, – всюду проявляется великая сила советского патриотизма.

Любовь к Родине и призыв вождя вдохновляют наших людей на самоотверженную работу для фронта. Помощь мурманцев фронту будет возрастать и усиливаться до тех пор, пока доблестная Красная Армия и Флот не истребят всех немецких оккупантов.

ГАМО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 22. Л. 8–11. Копия. Типографский текст.

№ 38–41

Заявления добровольцев в Кандалакшский районный военный комиссариат об отправке на фронт

№ 38

Заявление В. А. Фамильнова

6 февраля 1942 г.

Прошу зачислить меня добровольно в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии, так как я желаю защищать свою Родину от фашистских захватчиков. Мой возраст 19 лет. Образование 9 классов. В просьбе прошу не отказать.

Призывник *Фамильный*

ГАМО. Ф. П–326. Оп.1. Д. 135. Л. 108. Подлинник. Рукопись.

№ 39

Заявление В. И. Мизинцева

9 февраля 1942 г.

Прошу зачислить добровольно в ряды Красной армии, т. к. я, сражаясь в рядах РККА, желаю быстрее разгромить фашистских захватчиков, пробравшихся на нашу священную землю.

Мизинцев

Резолюция: Удовлетворить просьбу. *

ГАМО. Ф. П-326. Оп.1. Д. 135. Л. 120. Подлинник. Рукопись.

№ 40

Заявление Б. Рютина

9 февраля 1942 г.

Так как я окончил 10 классов средней школы и имею по всем предметам оценки «хорошо» и «отлично», прошу послать меня в военное училище для того, чтобы овладеть военной специальностью и с оружием в руках защищать свою Родину.

Б. Рютин

Резолюция: 1924 г. Отказать – слишком молод.**

ГАМО. Ф. П-326. Оп. 1. Д. 135. Л. 111. Подлинник. Рукопись.

№ 41

Заявление В. В. Шкаликова

9 февраля 1942 г.

Прошу Вас направить меня, гр. Шкаликова Виктора Вас., добровольцем в действующую Красную армию. Так как я хочу идти на защиту своей любимой Родины. Которая дала мне счастливое детство, науку и две квалификации, которые я хорошо изучил и отлично работал на своем трудовом фронте, и даю вам свое слово, слово честного гр-на Советского Союза, что и на передовой линии буду еще лучше истреблять немецко-фашистских бандитов, которые посмели посягнуть на нашу счастливую Родину, бессовестно издеваться над нашим великим народом. Но мы, молодежь своей Родины, скажем кровавому Гитлеру так, что не топтать им наши поля, не управлять ему нашим русским народом, не получать с нас ему подати, как он берет у захваченных им держав. Так пусть же он помнит, что ни сейчас, ни в будущем мы этого не позволим, потому что, зная, что нас ведет к победе наша партия, наш вождь и учитель – дорогой наш и всеми любимый тов. Сталин.

К сему: Шкаликов

Резолюция: Взять.

ГАМО. Ф. П-326. Оп.1. Д.135. Л. 129, 129 об. Подлинник. Рукопись.

---

* Подпись неразборчива.
** Подпись неразборчива.

№ 42

Из воспоминаний С. В. Орлова о строительстве дороги в Титовку и Сайда-Губу в августе–декабре 1941 г. – о героическом труде жителей Архангельска и Мурманска в суровых условиях Севера*

28 февраля 1976 г.

Начало августа 1941 г. Тысячи женщин и мужчин Архангельска, одетые по-летнему, так как срок поездки определен в две недели, садятся в трюмы грузового судна «Родина» и плывут до Кандалакши.

Далее поездом под обстрелом фашистских стервятников добираются до Мурманска. В Мурманске – до местечка Роста, затем через залив на дорогу, идущую в Титовку. Старожилы, видимо, помнят, что это была за дорога до начала Великой Отечественной войны. На автомашине трудно было по ней проехать. А дорога, по которой сплошным потоком должны были пойти автомашины туда и обратно, была крайне необходима.

В задачи созданного укрепрайона входило и строительство этой дороги в кратчайший срок, в основном силами женщин и мужчин, прибывших из Архангельска на оборонные работы. Орудиями строительства были лом, лопата, топор и пила. Грунт, в основном камень, перемещался носилками, а крупные камни – ломами и веревками. Жилье – за любым облюбованным камнем, прикрывшись срубленными деревьями. Работали под постоянной угрозой обстрела с фашистских самолетов, управляемых обнаглевшими летчиками, гонявшимися за каждым человеком. О питании и говорить нечего, оно было скудным и минимальным.

Вместо двух недель прошли месяцы. Женщин отправили в Архангельск в октябре. Писатель К. Симонов вместе с женщинами прибыл из Мурманска в Архангельск и уже после окончания Великой Отечественной войны поведал в издании «Подвиг» о том, что было совершено мурманчанами и архангельцами в тот трудный для Родины период.

Но самое-то трудное было позднее. Началась зима с морозами и вьюгами.

На примере трудового батальона, во главе которого был я, пишущий эти строки, видно, что же было дальше.

Вместо двухсот женщин, уехавших в Архангельск, прибыли в батальоны из Мурманска двести женщин: работниц торговли, общественного питания, парикмахерских, библиотек и домохозяек.

Вот с ними-то и еще 100 мужчинами из Архангельска, оставшимися в батальоне, продолжалось строительство другого участка дороги: ответвления от дороги на Титовку вправо, в направлении на Сайда-Губу. К тому времени мы уже располагали компрессорами, автосамосвалами и взрывчаткой, но труд, особенно для женщин Мурманска, был очень тяжел. Снегопады и метели заносили дороги. Мы их расчищали лопатами, но их заносило еще больше. Сильнее стали морозы. На всю жизнь запомнился такой случай: отправленные за продовольствием в Мурманск автомашины на обратном пути были застигнуты пургой и остановились в 12 км от места нашего размещения. Пришлось поднять с постели 100 мужчин и вместе с ними всю ночь пробиваться в снегу по пояс, а затем мокрыми, уставшими расчищать лопатами дорогу для автомашин, пока не добрались до места жительства. Морозы стали доходить до -30°, жить в палатках стало невозможно, пришлось построить жилье в камне сопок. От вшивости в основном страдали мужчины из Архангельска, ведь прошли месяцы

* Опущено обращение (автор приурочивает воспоминания к международному женскому дню), а также абзац о необходимости увековечения памяти строителей оборонительных укреплений.

оборонных работ, а в бани Мурманска выезжали только раз. Пришлось в камне сопок построить санпропускник с отдельными входом и выходом из него. Следы всех этих сооружений должны сохраниться до настоящего времени. [...]

Мы, мужчины, вернулись в Архангельск в декабре 1941 г. В Кандалакше, получив паек на три дня, плыли до Архангельска неделю, но так и не дошли до Экономии* 10 км по причине сильных морозов. Спускались на лед по канатам и штормтрапам. Большинство вернулись больными, не обошлось и без мертвых.

С. В. Орлов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 413. Л. 23–28.
Подлинник. Рукопись.

№ 43

Из воспоминаний Г. Г. Тисленко «Траловый флот в годы Великой Отечественной войны» – о рыбном промысле в суровых условиях военного времени, о героическом труде рыбаков**

18 марта 1964 г.

Наступило 22 июня. Радиостанции траулеров, находившихся в море в этот день, как обычно, принимали передачу из Москвы. Вдруг передача была прекращена, в эфире прозвучало предупреждение о том, что в 12 часов будет передано важное правительственное сообщение. Весь личный состав кораблей, настороженный, с бьющимися сердцами, собравшись у репродукторов, с нетерпением ожидал той минуты, когда будет передано важное сообщение. Ровно в 12 часов услышали по радио правительственное сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз и первой бомбардировке наших мирных городов. С этого часа траловый флот, как и вся страна, вступил в непримиримую борьбу с немецко-фашистскими захватчиками за честь, свободу и независимость нашей великой Родины.

Война началась

В тот момент, когда фашистская Германия напала на нашу Родину, рыболовный флот был разбросан на громадных просторах Баренцева моря, а несколько десятков траулеров находились за 500–600 миль от своих баз. Задача состояла в том, чтобы быстро и без потерь стянуть эти невооруженные суда, часть которых уже была загружена рыбой, в свои порты.

В 16 часов 30 минут 22 июня радиостанция тралового флота передала капитанам всех траулеров приказ прекратить промысел и следовать в порт. Это задание было успешно выполнено. [...]

* Название района северной окраины порта Архангельск.

** Опущено цитирование высказывания А. И. Микояна о Мурманском траловом флоте, информация о положении на предприятии в предвоенный период, главы «Снова в Мурманск», «Женщины на боевом посту вместе с мужчинами», «Восстановление промышленности»; сведения о подвиге сторожевого корабля «Пассат», об РТ № 14 (в сборник включены воспоминания А. А. Мокрецова об этом траулере), о событиях на других фронтах, а также сведения, выходящие за хронологические рамки сборника.

Опять на рыбном промысле

Быстрыми темпами закончилась отмобилизация, переоборудование и передача траулеров в состав действующего Северного военно-морского флота. Почти все траулеры, имеющее хорошее техническое состояние, были переданы, остались непереданными всего лишь семь траулеров, которые находились в ремонте на рембазах и к плаванию были непригодны.

Тисленко Георгий Герасимович.
1941 г.
ГАМО. Ф. Р.-947. Оп. 4. Д. 151.

Партия и правительство поставили очередную и важную задачу: оставшиеся траулеры в ремонте как можно быстрей отремонтировать, вооружить и немедленно приступить к рыбному промыслу. Рыба была нужна для обеспечения снабжения армии и флота, так как по сложившимся военным трудностям рыба в Мурманск из внутренних водоемов не поступала.

Трудностей было немало: Мурманск стал фронтовым городом. Вражеская авиация начала бомбить с начала войны. Лучшие кадры ушли на фронт, остались только те, которые по состоянию своего здоровья не могли стать на защиту своей Родины с оружием в руках. Надо было создать новые кадры из стариков, малолетних и женщин. Эта почетная и большая задача по возобновлению рыбодобычи была возложена, по существу, на тех людей, которые до начала войны работали только в условиях берега и сошли с морской арены по нетрудоспособности, и были заменены более молодыми. И в войну все произошло наоборот: старики с береговой работы перешли на корабли и заменили молодежь, ушедшую на фронт.

Патриотизм русских людей превосходил их силы. Преодолевая трудности, уже в конце июля месяца 1941 г. были подготовлены траулеры для выхода на рыбный промысел. Но так как Баренцево море представляло собой арену морских боев, решено было проверить возможность тралового флота в Белом море. Первыми вышли в рейс траулеры «Абрек» и «Ким», которые произвели ряд тралений, но их опыт положительных результатов не дал – тралы поднимали отдельные экземпляры трески и пинагоров. Было ясно, что разведка в Белом море дала отрицательные показатели, да иначе не могло и быть, так как наличия тресковых пород в Белом море никогда не наблюдалось.

Что делать? Рыбу надо было ловить во что бы то ни стало, она была нужна для снабжения армии и флота, а также для обеспечения местного населения. Рыба являлась основным продуктом питания на Крайнем Севере, который является самым отдаленным заполярным пунктом Советского Союза. Завоз продовольствия в Мурманск был трудным в мирное время, а в войну еще более усложнился, к тому же Мурманская железная дорога подвергалась беспрерывной бомбардировке вражеской авиацией, а сухопутные немецко-финские войска, заняв станцию Масельская, перерезали основную железную дорогу, и Мурманск связывался со страной только за счет временно построенной железнодорожной ветки Беломорск – Обозерская. Задача всем была ясна, думать долго не приходилось. Испытанные ветераны тралового флота – командиры кораблей И. Н. Демидов, О. Е. Кононов, Г. С. Форощук, В. Н. Буряк вносят предложение выходить на промысел в Баренцево море на старые промысловые банки, невзирая на опасность, которой будут подвергаться суда и личный состав. Другого придумать

было нечего – рыба стоит в определенных местах Баренцева моря, которое сейчас представляет арену морских боев.

Стояла сентябрьская золотая осень, когда первый отряд промысловых кораблей под руководством капитана-флагмана И. Н. Демидова отправился в промысловый рейс, им предстояла тяжелая задача: надо было пройти воды, которые были заминированы и полностью контролировались авиацией и подводным флотом противника. Отряд кораблей вышел из базы, в это время сильный шторм бушевал над морем, в воздухе носились мелкие капли воды, которые хлестали в лицо и забирались во все складки одежды. Огромные волны бросались на борт корабля, рассыпаясь в мельчайшие брызги. На флагманском судне командир И. Н. Демидов не спал, он видел за время своей морской жизни значительно большие шторма, а этот шторм его не тревожил, но ему было не по себе, он знал, что первым идет в ответственный промысловый рейс в условиях войны. Он сутками не сходил с мостика, чтобы не проглядеть более серьезной опасности: военных кораблей или авиации противника.

Переход совершился благополучно. Отряд траулеров благополучно подходил к намеченному месту промысла. Вместе с флагманским пришли еще три траулера его отряда. Утром установилась хорошая погода. Опытный разведчик косяков И. Н. Демидов быстро нашел богатые рыбой квадраты, траулеры работали на мощном косяке трески, имели хорошие уловы. Команда не спала по суткам, работали авралом, и скоро трюмы кораблей были наполнены рыбой. Можно было пускаться в обратный рейс, но возвращение в базу было сложней, враг зверствовал, он усиленно развертывал боевые действия в горле Белого моря; авиация, надводный и подводный флот противника контролировали каждый метр в воздухе, на воде и под водой. Самый опасный переход для кораблей предстоял от мыса Канин к Мурманским берегам. На этот раз траулерам не удалось избежать встречи с врагом, трое из них вернулись в порт благополучно, а четвертый, траулер «Сельдь», под командованием командира Варзугина в порт не возвратился, он погиб под ударами с воздуха вражеской авиации вместе со всем экипажем и нашел свою могилу в пучине холодного моря. Экипаж траулера «Сельдь» пал смертью героев на посту великого служения Родине. Гибель товарищей не устрашила моряков тралового флота, а, наоборот, придала больше мужества и силы в борьбе против ненавистного врага. Моряки поклялись отомстить за гибель своих товарищей и дать стране и фронту еще больше рыбы.

Боевым курсом за рыбой

Начался 1942 год – год тяжелых испытаний. Враг стоял у стен Сталинграда. Немецкое командование поставило пред собой задачу – взять Мурманск во что бы то ни стало. Воздушный флот и подводные корабли противника блокировали не только воды Баренцева моря, но и выходы на Кольский залив. Обстановка создавалась трудная, дальнейшую промысловую работу надо было перестраивать. Уметь только ловить рыбу было мало, надо было хорошо научиться защищать корабль и свою жизнь от воздушных и подводных пиратов. Правительство приняло решение вооружить траловый флот по образцу боевых кораблей. На помощь морякам тралового флота по освоению боевой техники пришли североморцы. Командующий Северным флотом адмирал т. Головко принял все зависящие от него меры, чтобы как можно быстрей подготовить и дополнительно вооружить траулеры. Корабли получили новейшую морскую артиллерию, через небольшой промежуток времени длинноствольные морские пушки красовались на носу и корме траулеров.

Вооруженным траулерам работать стало гораздо лучше, а, главное, моряки чувствовали себя уверенными и дешево фашистам свою жизнь не отдавали. Но тем не менее опасность была еще огромная.

В апреле 1942 г. уходил в первый промысловый рейс под командованием командира Ю. С. Попова траулер «Победа», он был только что закончен строительством и

передан в состав тралового флота. Экипаж его был укомплектован обстрелянными моряками. 4 апреля командир Попов получил приказание сняться с базы и следовать на промысел. Погода стояла пасмурная, огромные тучи нависли над городом. Такую погоду принято считать нелетной. Самолеты, как правило, в это время почти не летают. Пользуясь условиями погоды, можно было полагать, что траулер «Победа» может благополучно проскочить на место промысла.

В полдень корабль вышел из Кольского залива и круто повернул на запад, лег на курс 270°. До места промысла оставалось хода меньше часа, матросы готовили орудия лова, чтобы начать промысел. Вахтенный сигнальщик передал командиру судна: «По курсу 250 вижу самолет». Командир Попов приказал играть боевую тревогу. Команда быстро собралась на боевые посты. Мирная профессия моряков была заменена боевым оружием, чтобы достойно встретиться с врагом и защитить свою жизнь и корабль. На траулер налетело свыше десятка стервятников, моряки храбро отстаивали свои права, но силы были неравные. Часть команды погибла, а часть была ранена. Силы команды на траулере «Победа» иссякли, боевые посты остались открытыми выбывшими из строя. Расчеты заменить было некем, а враг все больше и больше усиливал атаку. От прямого попадания двух бомб корабль получил большие повреждения и затонул. Оставшиеся в живых спаслись на воде при помощи обломков от корабля, плавающих на поверхности моря. Фашистские стервятники расстреливали плавающих на воде из пулеметов. Прибывшие на помощь военные корабли отогнали стервятников и подобрали плавающих живыми девятнадцать человек. Остальные двадцать один человек погибли в неравном бою. [...]

Траулер «Профинтерн» под командованием т. Чиркова, следуя на промысел, был атакован подводной лодкой противника. На корабле сыграли боевую тревогу. Артиллерия открыла огонь. Подводная лодка вынуждена была изменить решение, не успев сделать торпедного залпа, сделала погружение и ушла. Команда сбросила в месте погружения подводной лодки серию глубинных бомб. Отразив атаку, траулер продолжал путь на промысел.

Траулер «Ким» в течение одного промыслового рейса пять раз подвергался атакам вражеской авиации и каждый раз удачно отбивался. Небольшой траулер «Палтус» под командованием командира т. Форощука ввиду малого радиуса действия в основном промышлял у берегов Мотовского залива и острова Кильдин. Эти районы постоянно находились под контролем вражеской авиации, а поэтому траулер «Палтус» по нескольку раз в сутки подвергался бомбежке, причем самолеты так низко спускались над судном, что буквально цеплялись за мачты корабля. От командира траулера «Палтус» т. Форощука поступали в базу такие телеграммы: «5 февраля 1943 г. в 15 часов 50 минут шли с тралом, налетели два немецких самолета, бомбы упали в шести метрах по носу. Того же числа в 16 часов 40 минут атаковали четыре самолета «Мессершмитт», сбросили семь бомб, которые упали в 3,5 метра от борта корабля, повреждений нет. Команда открыла огонь из артиллерии, после чего самолеты прекратили атаку и ушли».

Траулер «Палтус» так часто подвергался атакам самолетов «Мессершмитт», что моряки этому траулеру дали другое имя – «Мессершмитт», это прозвище осталось до конца его существования, и больше его «Палтусом» никто не называл, а только «Мессершмиттом».

В 1943 г. летом мне пришлось лично быть на траулере «Иртыш», которым командовал командир А. А. Егоров. Во время возвращения с промысла вблизи мурманских берегов в течение одного дня наш корабль дважды был атакован подводными лодками. Оба раза были пущены торпеды, но благодаря умелому маневрированию корабля попадания торпеды не было. Боевые расчеты корабля во время перехода до самого входа в залив сбрасывали глубинные бомбы, отражая преследование нашего корабля подводными лодками.

Случаев боевых столкновений промысловых кораблей в море и порту с противником можно привести сотни. Трудно найти за время войны хотя бы один промысловый рейс, который не подвергался бы нападению со стороны противника.

Условия промысла война изменила

На историческом этапе работы тралового флота вырабатывались определенные традиции и навыки промысловой работы. С начала войны от некоторых из них пришлось отказаться. Атаки противника на рыболовные суда как в море, так и во время стоянки в базах придали промыслу особый характер. На кораблях сложился новый стиль работы. То, что в мирных условиях казалось невозможным, в военные годы стало под силу нашим морякам и вошло в практику их работы как обычное дело. Днем лишь часть команды могла заниматься промысловой работой, треть экипажа находилась на боевых постах, готовая в любую минуту отразить нападение врага. Ночью же промысловой работой был занят весь экипаж. Основной упор в работе был сделан на ночные часы. До войны траулеры ночью были хорошо освещены, сильные прожекторы заливали светом палубу. Свет нужен был при спуске трала, чтобы не спутать марки на ваерах и не запутать трал, чтобы избежать несчастных случаев при работе лебедки, чтобы чинить трал, чтобы не испортить при обработке рыбу.

Когда ночью в море работала большая группа траулеров, издали казалось, что видишь хорошо освещенный город. До войны, если бы сказать морякам, что без света можно травить ваера и не перепутать марки, и не запутать трал, что без света можно чинить трал и шкерить рыбу, то, во-первых, никто не поверил бы, а потом наверняка нашлись бы такие, которые сказали бы, что с товарищем, наверное, что-то неблагополучное случилось.

В военное время свет на корабле демаскировал его и привлекал противника. Поэтому вся работа по спуску и подъему трала, уборке рыбы производились в абсолютной темноте, и все оказалось возможным и даже больше, чем возможным.

Не видя друг друга, матросы спускали и подымали трал. Особенно трудно было работать в темноте, когда свирепствовал шторм, волны окатывали корабль потоком ледяной воды, с силой обрушивались на палубу, грозя смыть людей. Следует помнить, что в этих трудных условиях было очень мало завертов тралов – брака тралмейстерской работы. Матросы разделывали рыбу, не видя ее, на ощупь, и, несмотря на это, давали хорошую сортность. Когда трал поднимал много тонн рыбы, на помощь матросам и засольщикам приходили штурманы, механики, радист, повар, буфетчица и другие члены экипажа.

Количество промышляющих кораблей за счет передачи из состава Северного флота каждый год увеличивалось. Для вновь вступивших в строй кораблей не хватало людей. Моряки вышли из этого трудного положения: стали работать по 18 часов в сутки. Тралмейстеры иногда работали без отдыха целыми сутками. Они неплохо научились в темноте чинить тралы. Одновременно опытные моряки-промысловики обучали новичков, пришедших на корабль, прямо на рабочем месте чинить трал, шкерить и солить рыбу. Шла подготовка кадров тралового флота и на берегу. Готовили штурманов, мотористов, механиков, радистов. Заранее принимались все меры, чтобы каждый вступающий в строй траулер имел к выходу в море необходимых специалистов. Таким путем за годы войны было обучено промысловым специальностям около двух тысяч человек. Работа флота на промысле еще осложнялась и тем, что пришлось отказаться от районов, в которых ловили рыбу более двух десятков лет.

В войну осваивали новые районы, которые ранее считались непромысловыми. Рыбы в этих новых районах было меньше, а дно представляло большие неудобства для работы с тралом. Так как этими районами раньше не интересовались, то течение, глубины, грунты, кормовые ресурсы здесь изучены не были, а без этих знаний ловить рыбу было очень трудно. Капитанам пришлось изучать новые районы промысла

в условиях напряженной военной обстановки, они сутками не сходили с мостика, внимательно следили за ходом промысловой работы, а также зорко наблюдали за окружающей обстановкой, чтобы враг не смог подкрасться и напасть врасплох, надо было еще учитывать и то положение, что траулер, идя с тралом, был лишен маневренности, которая имела решающее значение для уклонения от прицельной стрельбы неприятеля по цели.

До войны флот имел 22 промысловых района с общей площадью 115 тысяч квадр. миль. Если площадь, облавливаемую до войны, принять за 100%, то площадь, облавливаемая во второй половине 1941 г., составляла только один процент, в 1942 г. – 3,3%, в 1943 г. – 5,7% и в 1944 г. – 13%. Такое колоссальное сокращение сырьевой базы создало большие трудности в работе промыслового флота по увеличению добычи рыбы. Осложняло работу флота и отсутствие радиосвязи. Радиостанции на судах молчали из-за опасения, что враг может запеленговать суда и напасть на них. Капитаны работали без руководства со стороны флагмана, не знали, как ловят другие суда, не могли посоветоваться друг с другом. Наконец, совершенно была прекращена поисковая работа, и поэтому каждый капитан промышлял самостоятельно, используя накопленный им свой промысловый опыт. Каждый капитан должен был самостоятельно отыскивать для себя промысловые рыбные косяки. Экипажи промысловых траулеров в каждом рейсе испытывали большие трудности, иногда они казались непреодолимыми, но, спаянные одной целью, одним стремлением выполнить свой долг перед Родиной, дать фронту и тылу больше рыбы, моряки тралового флота преодолевали все трудности и доказали, как и весь наш великий народ, что для советского человека нет непреодолимых препятствий.

Они не оставили моряков

Трудности промысловой работы заключались не только в море, они не в меньшей мере сказывались и на берегу. До войны обслуживанием траулеров в порту занимались различные предприятия. Они выгружали рыбу, мыли трюмы, грузили уголь, производили ремонт. Война полностью изменила существовавший порядок работы береговых предприятий. Отдельные из них перестали совершенно существовать, так как большинство рабочих ушли в Красную армию и Военно-Морской флот. Другая часть рабочих, главным образом женщины, была эвакуирована. Прибывшие с рыбой корабли в порт не могли быстро возвращаться на промысел, так как их некому было в порту обрабатывать. На помощь морякам пришли инженерно-технические работники и служащие береговых предприятий. Когда траулеры возвращались с моря, в конторах прекращалась работа, и инженеры, бухгалтеры, экономисты, снабженцы шли в порт выгружать рыбу, грузить уголь и соль и все необходимое для обеспечения ухода траулера в очередной рейс на промысел.

Когда траулеры были на промысле, эти люди каждый день по окончании рабочего дня выходили на вечерние и ночные работы, подготавливали все необходимое для снабжения траулеров в следующий рейс. Так, самоотверженно работали в годы Великой Отечественной войны работники тралового флота: тт. Пандафа, Черков, Великанов, Худякова, Ремеров, Вдовин, Антропов, Калашникова, Смуров, Кузнецова и многие другие. Только до конца 1942 г. ими погружено на траулеры 36 тысяч тонн угля, 5 тысяч тонн соли, льда и другого снаряжения. Все эти работы выполнялись не в далеком тихом тылу, а, по существу, на передовой линии фронта, под бомбами вражеских самолетов. Часто во время бомбежек в городе возникали пожары. Люди, работающие в базе, бросали свою работу и переключались на тушение пожаров, а после прекращения пожаров снова становились к лебедкам, брались за ломики, вооружались шанцевым инструментом, чтобы продолжать прерванный труд. В свою очередь, экипажи пришедших с моря траулеров не сидели сложа руки, они помогали разгружать вагоны с углем, ремонтировать суда, а по сигналу боевой тревоги огнем

артиллерии своих кораблей защищали базу и порт от налета и бомбежек вражеских самолетов, а затем, не теряя ни одной минуты, уходили на промысел добывать рыбу.

Для ремонта флота нужна была судоремонтная база, но ее не было, в 1941 г. она была эвакуирована в город Архангельск. Много потрудились над созданием ремонтных мастерских и на ремонте судов инженер Дзятко, токари Чечерик, Стулов, слесари Власов, Пальцев и другие. Недолго поработали во вновь созданной ремонтной базе. Спустя несколько месяцев после ее оборудования созданная с таким трудом мастерская была полностью разрушена и сожжена во время бомбежек вражеской авиацией. Эти трудности не испугали наших судоремонтников, они еще с большим упорством начали снова создавать механическую мастерскую, но не одну, а две, и одну из них на базе, а другую – на противоположном (западном) берегу залива, с таким расчетом: если одна будет выведена из строя, останется вторая. Такой план создания одновременно двух мастерских вполне себя оправдывал, так как в ближайшее время мастерская в порту была снова во время бомбежек разрушена, а мастерская на противоположном берегу, на Третьем ручье, просуществовала всю войну и справилась с поставленной перед ней задачей по ремонту флота.

Во время одного из налетов вражеской авиации была сожжена тралово-такелажная мастерская, которая изготовляла тралы. Пришлось создавать мастерскую заново, сколачивать кадры специалистов, доставать необходимые материалы. Первую мастерскую организовали в физкультурном зале Дома междурейсового отдыха, коллектив ее состоял из 15 человек. Позже, когда коллектив вырос до 125 человек и потребность в тралах значительно увеличилась, физкультурный зал оказался мал, под мастерскую было отремонтировано здание общежития мореходного училища, которое тоже было разрушено во время бомбежек. Для изготовления тралов необходимо было тралпрядено, которое до войны доставлялось из Ленинграда. Теперь этот город был зажат в кольцо блокады. Прекратилось поступление прядена и из Архангельска, так как канатная фабрика была сожжена при бомбардировке. Выход, однако, был найден. На складах были обнаружены тралы устаревших систем, их стали пороть, перекраивать и шить той конструкции, которую требовал флот. Несмотря на фронтовую обстановку, трудности военного времени, благодаря энтузиазму советских людей моряки были обеспечены всем необходимым для успешной промысловой работы по добыче рыбы. [...]

Результат упорной борьбы и труда

В предвоенные годы траловый флот вел промысел на отдаленных от берега рыбных банках. Вблизи берегов дно моря было очень каменистое, и работать тралами было почти невозможно. Вблизи берегов промышляли только рыбаки-колхозники на ярусный лов. Военная обстановка в Баренцевом море потребовала промысел вести вблизи самых берегов под прикрытием береговых батарей, отрываться далеко от берега было чрезвычайно опасно. Такие условия промысла потребовали от капитанов прежде всего, детального изучения грунтов вблизи берега, чтобы определить промысловые банки, на которых можно было бы работать с тралом. В конце 1941 г. и проводилась эта кропотливая работа по нащупыванию мест промысла вблизи берегов. Несмотря на тяжелые условия промысла, вблизи берегов траулеры ловили неплохо и меньше 50 тонн рыбы за рейс не привозили. За 4–5 месяцев первого года войны промышлявшие пять траулеров выловили около тридцати тысяч центнеров рыбы. Это была большая помощь в улучшении продовольственного вопроса для фронта и населения, тем более что рыба в Мурманск ниоткуда не поступала.

В 1942 г. рыбный промысел начал развиваться более успешно. Капитаны в 1941 г. уже накопили некоторый опыт промысловой работы у берегов, и потом некоторые капитаны на свой риск начали отрываться от берегов и промышлять на довоенных банках. Реальность промысловой работы в условиях театра военных действий в водах Баренцева моря была очевидной, поэтому для усиления промысловой работы из Се-

верного военного флота по решению правительства было возвращено пять траулеров в состав тралового флота. Результат промысловой работы в 1942 г. был значительно эффективней: за год было выловлено около ста пятидесяти тысяч центнеров рыбы.

В 1943 г. в состав тралового флота было передано еще десять траулеров. Промысел, как в войну было принято говорить, развертывался с боями уже в более широких масштабах и более уверенно, и экипажи судов добивались больших успехов, особенно в 3-м квартале. Я помню, капитаны траулеров передали мне подслушанный разговор командиров немецких подводных лодок. Траулеры в это время работали большой группой у Канина мыса, и у них даже стоял буй. Один командир немецкой подводной лодки говорит другому: «Вот ты идешь к Новой Земле, когда будешь возвращаться обратно, и, если у тебя останутся торпеды, зайди, погоняй рыбачков, уже очень много их собралось у Канина мыса». Второй отвечает: «Это дело опасное, так как трудно представить себе, чтобы так смело могли работать обыкновенные рыболовные траулеры, скорей всего, это большевики устроили здесь приманку для ловушки». Вот этот незаурядный разговор двух немецких командиров подводных лодок говорит о смелости и отваге моряков тралового флота, что даже враг не мог поверить, что это могли так смело и отважно работать безобидные рыбаки в местах военных действий.

К 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции траловый флот в три раза больше дал рыбы, чем за весь 1942 год. К празднику стране было дано 77 тысяч центнеров рыбы сверх плана. 10 ноября 1943 г. в Мурманске состоялся многолюдный митинг моряков и работников береговых учреждений тралового флота, на котором им было вручено Переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны, присужденное за работу в третьем квартале.

Заместитель Председателя Совнаркома СССР товарищ Микоян поставил перед моряками тралового флота задачу выловить до конца года еще 45–50 тыс. центнеров рыбы. На поставленную задачу товарищем А. И. Микояном моряки сказали: «У нас, моряков тралового флота, может быть один ответ. Мы даем слово выполнить задание, поставленное перед нами товарищем Микояном о вылове в ноябре – декабре 45–50 тыс. центнеров рыбы».

Моряки сдержали свое слово. В ноябре и декабре они выловили свыше 50 тыс. центнеров рыбы. Годовой план был выполнен на 162 процента.

Траулер «Палтус» под командованием капитана Г. С. Форощука выполнил больше двух годовых планов. Траулеры №№ 14, 34 и 17 дали от полутора до двух годовых планов.

Правительство и партия высоко оценили героический труд моряков тралового флота. [...] Самоотверженная работа моряков на промысле и рабочих на берегу позволила флоту увеличить уловы в нарастающем темпе. В 1943 г. траулеры выловили рыбы почти в четыре раза больше, чем в 1942 г. В мае 1944 г. команда траулера «Абрек» обратилась к морякам тралового флота с призывом начать соревнование за вылов 30 тыс. центнеров рыбы каждым судном. Призыв команды «Абрек» нашел горячий отклик на всех кораблях. Перед выходом в очередной рейс моряки брали обязательство выловить по 30–32 тыс. центнеров рыбы.

Траулеры уходили в рейс, прорывая немецкую блокаду, ловили рыбу, отражая атаки противника и подводных лодок. Производственный энтузиазм сочетался у моряков с бесстрашием, боевой выучкой. В годы войны они показали себя не только хорошими производственниками, но и отважными воинами.

Команды промысловых траулеров не отставали от своих боевых друзей североморцев. Экипажи судов тралового флота с чувством особого удовлетворения приняли от командования Северного флота высокую оценку их работы. «Моряки Севера гордятся вашими успехами, – говорилось в телеграмме командующего Северным флотом адмирала Головко, – каждая тонна рыбы – удар по врагу. Особо отмечаем, что эти успехи достигнуты в условиях войны и при противодействии противника на море».

Задачу по увеличению добычи рыбы, поставленную перед моряками Микояном Анастасом Ивановичем, большинство экипажей кораблей успешно выполнили, и их уловы в 1944 г. составили: траулер «Ерш» (капитан Буряк) выловил 38600 цент., «Чайка» (капитан Титов) – 36000 цент., «Акула» (капитан Дружинин) – 35600 цент., «Иртыш» (капитан Егоров) – 34200 центнеров, «Профинтерн» – 34000 цент., «Полярный» (капитан Дудник) – 33700 цент., «Абрек» (капитан Падорин) – 31700 центнеров, «Сом» (капитан Хохлин) – 31700 центнеров, «Гольфстрим» (капитан Соснин) – 30800 цент., «Дзержинский» (капитан Легкий) – 30000 центнеров, «Ворошилов» (капитан Копытов) – 29700 цент. Выполнил свое обязательство и малый траулер «Палтус», выловивший под командованием капитана Суханова 25 тыс. цент. рыбы. Общий улов флота в 1944 г. был в два раза больше, чем в 1943 г.

Увеличенный годовой план экипажи кораблей тралового флота выполнили на 119 процентов. Средний вылов одного траулера по флоту достиг уровня предвоенного 1940 г.

Одновременно с достижением высоких уловов моряки добились и улучшения качества продукции. Выход свежей рыбы первого сорта они увеличили на 3,9 процента, выше нормы и соленой – на 2,3 процента.

В этом деле большая заслуга принадлежит рыбным мастерам и засольщикам – товарищам Куколеву, Антуфьеву, Степанову, Самодову и Кузьмину. У этих товарищей были наивысшие показатели по сортности сдаваемой рыбы.

Выпуск консервов из тресковой печени на траулерах увеличился по сравнению с 1943 г. вдвое и превысил показатели любого из довоенных годов. Лучше всех работал консервный мастер траулера «Аскольд» тов. Силкин, за рейс он вырабатывал 4230 банок консервов, что на треть превышает среднефлотский показатель.

Междурейсовые стоянки траулеров в порту сократились до 6,7 суток при норме в 7,1 сут.

Машинные команды, взяв обязательство держать пар на марке, сэкономить два процента топлива, держать машины в полном порядке, 50 процентов ремонта механизмов проводить саморемонтом, свои обязательства они выполнили. Экономия угля достигла 3,2 процента, а по жидкому топливу на 5,2 процента.

В 1944 г. ряд судов тралового флота «Ерш», «Чайка», «Иртыш», «Сом» и другие были признаны победителями во Всесоюзном социалистическом соревновании.

При подведении квартальных итогов ВЦСПС и Наркомрыбпром СССР присудили им 22 премии, наиболее отличившиеся моряки и рабочие были занесены на Доску почета. Имена 16 лучших из лучших были занесены в Книгу почета тралового флота. Вот эти имена: Буряк Василий Николаевич – капитан траулера «Ерш», Дементьев Николай Григорьевич – старший механик траулера «Дзержинский», матросы траулеров «Чайка», «Абрек», «Профинтерн» Савченко Григорий Павлович, Феликсов Петр Андреевич, Рядовкин Николай Андреевич, кочегары траулеров «Акула» и «Абрек» Михайлов Дорофей Захарович, Комягин Максим Павлович, помощники тралмейстера «Ерш» Колпаков Иван Андреевич и Самородов Иван Николаевич, рыбные мастера траулеров «Иртыш», «Ерш» и «Акула» Кирилов Михаил Петрович, Мошков Афанасий Егорович и Коковкин Анатолий Петрович и многие другие. [...]

Г. Г. Тисленко

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 95. Л. 1–28.
Подлинник. Машинопись.

№ 44

Из воспоминаний М. В. Титова о работе во время Великой Отечественной войны – об особенностях вылова и обработки рыбы в военные годы *

1969 г.

20 июня 1941 г. вышел на промысел на РТ-72 «Ленинград», где был закрепленным капитаном. Следовали на Медвежинскую банку. 22 июня услышали по радио выступление т. Молотова о том, что началась война. В тот же час вернулись обратно, отойдя в море на Nd** 40 миль, и потом курсом пошли в Мурманск. По приходу в Мурманск встали на рейд на якорь, в то время уже летали немецкие самолеты и обстреливали, но бомб не бросали.

Мы в это время передавали корабли на военку, комплектовали экипаж, и ставили специалисты на корабли оружие. Меня как специалиста-рыбака оставили по броне в траловом флоте. 13 июля траловый флот из Мурманска эвакуировался в Архангельск. До Кандалакши мы ехали на поезде, а из Кандалакши до Архангельска ехали на транспортном пароходе «Сура».

Титов Михаил Васильевич. 1930-е гг.
МОМ ОФФ 15435/1803-2.

5 августа в первый рейс из Архангельска пошли в море на промысел, я пошел на РТ-1 «Акула». Нас сопровождали четыре самолета (ястребки***) до Канина Носа, а оттуда до Колгуева пошли самостоятельно, на переходе вражеских самолетов или подводных лодок не встречали. Во время отправки в рейс нам, капитанам, для самозащиты выдали по 1 винтовке и по 100 шт. патронов – вот и все наше вооружение. Плавали мы 20 суток, рыбы наловили и привезли в порт 120 тонн. Рейс прошел спокойно. В октябре 1941 г. меня назначили на РТ-23 «Чайка», где и работал до окончания войны. [...]

В море мы ловили рыбу, изготовляли консервы и готовили тресковый жир. В море наловленную рыбу мы обрабатывали так: сшили палатку, пристроили леера, подвешали их на вахты с левого борта на правый, над рыбоделом, потом подвешивали чехол так, что весь рыбодел и вся вахта, обрабатывающая рыбу, была закрыта этим чехлом, и там была пристроена лампочка для света так, что свет никуда не проникал; вот так мы обрабатывали наловленную рыбу. [...]

---

* Опущены сведения о ежедневных практических занятиях по обучению экипажа на случай нападения врага, о технологии спуске трала в ночное время, о налете вражеской авиации во время стоянки на судоремонтном заводе, подробности эпизода о встрече с подводной лодкой противника.

** Вероятно, имеется в виду *Nord* (север).

*** Обиходное название самолета-истребителя.

В 1942 г. в ноябре месяце работали в Мотовском заливе, под базарами*, на глубине 40 метров нам в трал попал военный матрос, молодой, на ногах серые валенки хорошие, хорошая новая форма, мы его положили в бочку-тресковку, закрыли парусиной и поставили на бак; там все время стояли матросы, смотрели за горизонтом. Я считал, что, возможно, будет какой-нибудь случай, пойдем под берег и тело положим в землю, но этого сделать не пришлось. Через несколько дней начался северный шторм большой силы, и нам под берег не пришлось никуда зайти, а тело в бочке волной выбросило за борт.

В 1942 г. шли с моря в октябре месяце: РТ-19 (капитан тов. Дубаков), я шел на РТ-23 «Чайка». Между мысом Черным и островом Харловым налетел немецкий самолет и начал обстреливать и бросать бомбы, но бомба одна упала в воду и не взорвалась, а вторая упала на ростры РТ-19, пробила ростры и упала в кладовую боцмана, пробила металлический порог и тут же осталась и не взорвалась. Жертв от обстрела не было ни у меня, ни у РТ-19. Пришли в Кильдин, пригласили специалистов; тов. хорошо осмотрели и сказали нам, что она не взорвется, везти ее в Мурманск. Но, когда пришли в Мурманск, специалисты еще раз осмотрели, вырезали порог кладовой и бомбу сняли с судна, увезли ее в городское убежище (бомба была у немцев только что снята со станка, светлая и блестящая, весом бомба была 500 кг), и в убежище она лежала до конца войны.

1943 г., стояли на судоремонтном заводе, [...] нам поставили орудия: 45-мм пушку, арликон**, два пулемета, полторы серии глубоководных бомб, 6 шт. автоматов и 12 шт. дымовых шашек, нам дали пистолеты, а всей команде дали винтовки – вот и все оружие, но тогда начали работать смелее. Команду пришлось обучать самим, на это уделяли самое серьезное внимание, распределили всех по своим местам и постам, делали практические тревоги, и тут наш личный состав, каждый начал привыкать и осваивать свои обязанности, и надо сказать, что дело пошло хорошо. В море расстреливали много плавающих мин, чистили оружие, и все это делалось своими силами до окончания войны.

В 1943 г. шли на промысел. 4 августа, не доходя до Канина Носа 45 м***, в 16 часов мы заметили: нам навстречу идет подводная лодка. Погода была очень хорошая, штилевая, день был солнечный. Прошло всего 05 минут, как лодка была на траверзе в расстоянии от нас 25 метров, очень близко. Она была в полуплытом**** состоянии, но у меня уже, как только заметили лодку, была отбита боевая тревога, и личный состав был на своих местах. На лодке были две пушки, но она люков не открывала, и на палубу никто не выходил. [...] Когда кончился рейс, я вернулся в порт, явился с донесением к начальнику флота т. Тисленко, он мне сказал, что был в Полярном у Головко, и он сказал, что эта вражеская лодка лежала на караванных курсах, т. е. ждала караван наших союзников, и поэтому на меня не стала тратить торпеды, и так мы остались целы и невредимы.

Всю войну работали на РТ-23 «Чайка» хорошие люди, хорошо относились к своим обязанностям как в море, так и на берегу:

1. Лебедев – рыбмастер
2. Карельский – консервщик
3. Ларькин – тралмейстер
4. Худяков – матрос
5. Евтюков – матрос
6. Федоров – БЧ-2
7. Карпенко – ст. штурман

---

* Вероятно, имеются в виду птичьи базары.

** Вероятно, имеется в виду 20-мм зенитная пушка «Эрликон».

*** Так в документе. Вероятно, имеются в виду морские мили.

**** Так в документе.

8. Скворцов – ст. механик
9. Иванов – кочегар.

И ряд других тов., которых уже я сейчас не помню. РТ-23 «Чайка» во время войны работал хорошо, носил вымпел Министерства рыбной промышленности*, занимал по вылову рыбы первое место. [...] Капитан Титов награжден орденом Красного Знамени. Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден мед. «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». За выслугу лет и безупречную работу в рыбной промышленности награжден орденом Ленина.

М. В. Титов

Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 146. Л. 1–6.
Подлинник. Рукопись.

№ 45

Из воспоминаний А. А. Мокрецова о работе на военизированном траловом флоте – о морских минах, налетах вражеской авиации во время промысла, ремонте судна своими силами без захода в порт**

22 октября 1959 г.

Прибыв в Полярное, командование ОВРа назначило меня политруком на минзаг «Мурман». Служа на боевом корабле, мы почти ежедневно отбивали неоднократные налеты вражеской авиации, и особенно были отбиты крупные налеты 26 и 28 февраля 1942 г., где я был сильно контужен и длительный период ничего не слышал, но постепенно, суток через 20, слух восстановился. По просьбе руководства военизированного флота Мурбазы в числе ряда политработников приказом командующего Северным флотом № 0194 от 15 июня 1942 г. я прикомандирован в г. Мурманск в распоряжение начальника политотдела Северного бассейнового управления военизированного флота НКРП СССР, где с прибытием назначен военкомом на рыболовный траулер 14 «Сталин». На траулере первоочередное внимание было обращено на организационную работу, на сплочение экипажа, на поднятие морального состояния, на усиление бдительности, на укрепление трудовой дисциплины, в чем имелась большая необходимость, так как в порту в период междурейсовых стоянок имели место самовольные отлучки на берег, прогулы, допускались случаи неподчинения рядового состава комсоставу, и, хуже того, у некоторых было неверие в нашу победу над врагом. [...]

Поиски и добычу рыбы приходилось проводить в районах театра военных действий, что сильно осложняло промысловую работу, и весь экипаж систематически подвергался смертельной опасности. Переходы, поиски, добыча и обработка рыбы проводились без освещения, в полной темноте, что усугубляло работу, особенно в осенне-зимний период.

* В годы Великой Отечественной войны – Наркомат рыбной промышленности СССР.

** Опущены сведения, выходящие за хронологические рамки сборника, а также о пребывании в начале войны на партийных курсах в Архангельске, о проведении с личным составом РТ № 14 «Сталин» политико-просветительной работы, о тревожной обстановке 7 сентября 1942 г., о плавающих минах, о трудностях в обеспечении углем.

Мокрецов Алексей Андреевич.
1941 г.
МОМ КП 17152/1.

Наш траулер был вооружен всего одним станковым пулеметом системы Максима образца 1910 г., и встреча с любым боевым кораблем противника в открытом море могла быть с печальным исходом, а это могло случиться каждый день, что имело место с рядом наших рыболовных траулеров.

Много раз наш траулер попадал на плавучие мины, минные поля, под налеты вражеской авиации и в другие сложные условия. [...]

14 октября 1942 г., придя к Канину Носу, мы стали спускать трал, но не поспели взять на стопор, нам в трал попала якорная мина, и произошел сильный взрыв, все судно задрожало, большинство лампочек полопалось, в машине на несколько частей оказался побитым распределительный щит, трал сильно повредило, но судно живучести не утеряло, и люди остались целы. Когда внимательно кругом присмотрелись, заметили еще не одну мину. О наличии мин мы сообщили командиру Мурбазы тов. Тисленко и командованию Северного флота, на что получили срочное указание, объявили этот район запретным, предложили немедленно его покинуть и направили группу специальных траулеров для разминирования. Позднее стало известно, что мины были поставлены вражескими подводными лодками на пути, по которому проходили караваны с продовольствием и боеприпасами.

Много раз попадали на плавучие мины в районе Мотовского залива, Кильдина, Харлова, у Канина, Колгуева, при переходах на Гусиную банку и других местах. [...]

29 декабря 1942 г. мы вышли из порта в очередной промысловый рейс в район Мотовского залива. На промысле по всему горизонту никаких судов не было видно. Погода стояла ясная. В 11 часов дня, идя с тралом, мы неожиданно подверглись нападению двух немецких самолетов, вылетевших из-за сопок полуострова Рыбачий. Вражеские пираты начали нас обстреливать из пушек и пулеметов. Наш пулемет, приведенный в боевую готовность тов. Акиловым и Панковым, не смог повредить ни одного вражеского воздушного пирата. Самолеты сделали над судном несколько заходов и, видимо, израсходовав запас, скрылись. Судну и личному составу нанесен серьезный ущерб. От пулеметных очередей по кораблю раздавался звон. От разрыва снарядов осколками матросу Панкову повредило левую руку, правую ногу, и один осколок попал в спину; одним из снарядов повредило кочегара Кнестянина, находившегося в своем кубрике. Один из снарядов пролетел с левого борта на правый через жилые помещения и вылетел, не взорвавшись. Прямыми попаданиями снарядов разбита паровая магистраль на брашпиль, паропроводная магистраль на палубе по левому борту, поврежден капитанский мостик. Раненым товарищам была срочно оказана медицинская помощь, подняли трал и пошли к Кильдину. С командованием Кильдинского укрепрайона договорились сдать раненых в госпиталь. За ранеными из госпиталя приехали на двух лошадях врач тов. Кац и медсестра тов*. Встал неотложный вопрос после устройства на излечение раненых: как залечить раны, нанесенные кораблю? Идти в порт, долго простоишь в ремонте: судоремонтные заводы перегружены. После обстоятельной беседы с капитаном тов. Хохлиным и старшим механиком тов. Черемным собрали в салон комсостав для обмена мнениями: можем ли отремонтировать корабль своими силами. В результате коллективных советов и мнений, накопленных опытом, практикой, решили исправить судно своими силами

* Фамилия неразборчиво.

без захода в порт. Собрали общее собрание, объяснили обстановку, и весь личный состав нас единогласно поддержал. Весь экипаж более двух суток напряженно работал. Исправив судно, ушли на промысел.

16 января 1943 г. вернулись в порт и сдали рыбокомбинату 173 тонны высокосортной рыбы, 4000 банок консервов, 2500 кг рыбьего жира и другую рыбопродукцию. После выздоровления кочегар Кнестянин и матрос Панков вернулись к нам на корабль. Много было и других разных неожиданностей.

[...] Коллектив траулера «Сталин» на основе широко развернутого соревнования по добыче рыбы держал первое место. Все свободные от работы члены экипажа, не считаясь со временем и отдыхом, систематически днем и ночью выходили на уборку рыбы. По итогам всесоюзного соревнования несколько раз присуждались денежные премии, а в 1943 г. ряд товарищей от министра рыбной промышленности тов. Ишкова* получили персональные вещевые подарки.

Во всех проводимых общественно-политических кампаниях экипаж принимал активное участие. Много было собрано денежных средств на подарки для воинов Красной армии и ВМФ, для помощи семьям фронтовиков; активно принимали участие в военных займах; на строительство самолетов собрано 65 тысяч рублей. 12 апреля 1943 г. в адрес экипажа была получена телеграмма следующего содержания: «Правительственная высшая. Капитану тов. Хохлину, помполиту тов. Мокрецову, ст. механику тов. Черемному, председателю судкома тов. Куколеву, боцману тов. Сметанину.

Прошу передать морякам траулера «Сталин», собравшим 65 тысяч рублей на строительство самолетов, мой братский привет и благодарность Красной армии. И. Сталин». [...]

За годы Великой Отечественной войны многие члены экипажа были награждены орденами и медалями Советского Союза; меня наградили орденом Красного Знамени и четырьмя медалями. В конце мая 1943 г. меня избрали секретарем парторганизации флота, а вскоре и членом бюро Микояновского райкома ВКП(б). [...]

А. А. Мокрецов

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 444. Л. 1–8. Подлинник. Рукопись.

№ 46

Из воспоминаний А. Г. Михайлова «Путь капитана за 40 лет работы от матроса до флаг-капитана в Мурманском траловом флоте» – о рыбном промысле в годы Великой Отечественной войны**

17 мая 1986 г.

Последний наш рейс в 1941 г. происходил в декабре м-це в северо-центральном районе от 860 квадрата до 935 (автор истории Мурманского тралфлота описывает, что во время войны большинство флота работало у берегов – это не совсем так), вернулись мы в порт Мурманск уже 24 декабря. После разгрузки, обработки санитарной судно поставили в ремонт, да оно этого и требовало. А 8 января 1942 г. скоропостижно скончался капитан Демидов Иван Николаевич. Вспоминая этих заслуженных людей, кажется, что они рождены для флота, все отдали флоту, и мы всегда вспоминаем их дела и будни тяжелой кропотливой, но уверенной работы в море. [...]

В апреле 1942 г. РТ-17 «Комсомолец» вышел из ремонта в очередной рейс под командованием капитана Сметанина Филиппа Васильевича, старшего механика Рогозина Федора Григорьевича, тралмейстера Абакумова Григория Ивановича и автора этих строк – всего 41 человек. В ремонте никакого нам вооружения не поставили, хотя необходимо было. Рейс был один из труднейших. В течение его 5 раз попадали под вражескую бомбежку, начиная от Кольского залива и на северо-восток. Газета тогда «Полярная правда» писала о наших переживаниях, но все обошлось благополучно, прямого попадания бомбы не было, личный состав выстоял, но никому не желаю быть в таких переплетах, ведь наша оборона заключалась в том, что, идя с тралом, крутились до тех пор, пока фашист не выбросит всего груза, но, как говорили, это везение. Характерно отметить и другое. Работая с тралом в районах видимости наших советских постов: у Рыбачьего, Кильдина и на востоке, ни разу нас никто не брал под защиту: берег не открывал огня по вражеским самолетам. Мы временами были удивлены, но факт остается фактом, в этом рейсе работали мы на Кильдинской банке. Кажется, 3 мая 1942 г. вылетело 4 «Мессершмитта», выбросили груз бомб на промысловые корабли, одна из них попала в правый борт машинного отделения РТ-103 «Громов» (судно только после постройки вышло в первый рейс, капитаном на нем был Попов Юрий Сергеевич). Судно через 10–15 мин. затонуло, с ним погибла часть экипажа, но 17 человек, мы подошли, на подходе опустили шлюпки и подобрали себе на борт. На второй день или в ночь, точно не помню, подобранную команду 17 чел. передали на «охотник», пришедший с Полярного. [...]

Работая в рейсе вблизи берегов, ночью на моей вахте с 00.00 до 04-х утра при сдаче вахты пришел на мостик тралмейстер Белов Егор Васильевич и доложил, что поднял в трал мешок с деньгами. Я не поверил. Через 0.30 минут он снова зашел, уже взволнован, что мешок, мол, мы распороли, насчитали 200 тыс. рублей, ждем Вас. Я спустился в столовую рядового состава, вижу: на столе груда денег, из вахты составили комиссию. Деньги все в пачках купюрами*, даже подписи кассира Госбанка можно прочитать, их фактически оказалось 250 (двести пятьдесят тысяч) рублей. Составили акт, скрепили своими росписями, и на продолжении почти 10 суток находились на хранении у политработника в каюте в бочке, залитой соленой водой. Капитан сообщил на берег. С приходом нас на причале встретила машина инкассатора, деньги сдали сполна для передачи в Госбанк на просушку под расписку. Позднее я дважды ходил в Госбанк, мне сказали, что деньги в сумме 250 тыс. рублей сполна просушены и пущены в оборот. На корабле собрался весь л/состав, принял решение: поднятые деньги со дна моря полностью передать в фонд обороны. Выписку из протокола, заверенную капитаном Ф. В. Сметаниным и скрепленную печатью, я сдал в Госбанк. Это наш был подарок – помощь в укреплении наших Вооруженных Сил Союза ССР.

В конце июня – начале июля 1942 г. на РТ-17 поставили на полубак 45-мм пушку, сделали артпогреб для хранения боезапасов. Из своего личного состава приказом по судну создали орудийный расчет. Командиром расчета назначили матроса Молочникова Петра. Находясь в августе на рыбном промысле, в течение суток мы дважды подвергались вражеской бомбардировке, во время налета применили свою пушку 45-мм, убедились в ее защите, произвели 13 выстрелов по фашистскому стервятнику. Настроение личного состава стало намного веселее и бодрее. Нужно сказать, что к концу 1942 г. плавание на промысловых судах стало все труднее, т. к. фашисты с каж-

* Во время Великой Отечественной войны Ишков Александр Акимович – Нарком рыбной промышленности СССР.

** Опущены сведения, выходящие за хронологические рамки сборника, а также сведения о рыбном промысле с июня до декабря 1941 г., о неудачном промысле в Белом море, о трудностях с углем, некоторые технические особенности промысла, технические неполадки СКР-82.

* Далее автором зачеркнуто.

дым* днем увеличивали налеты, к берегам был подтянут надводный и подводный флот, минировали фарватеры вдоль кольского побережья, а, работая с тралом, имели случаи подреза глубинных вражеских мин, которые рвались при подрезке, в результате на борт поднимали одни стальные ваера. На РТ-17 был случай в р-не Канинской банки: подрезанная мина запуталась в сетях**, пришла к борту в трале, где вынуждены были отдать трал от кабелей, поставить буй и сообщить координаты военному командованию. Находясь на РТ-309 «Мудьюжанин», нам пришлось расстрелять плавающую мину на поверхности, за что автор этих строк был премирован отрезом сукна.

В начале 1943 г. меня направили на РТ-309 «Мудьюжанин» старшим штурманом. Корабль находился в ремонте в плавдоке Ваенга. Только что отслужил в Северном флоте почти 1½ года. Капитаном, а позднее командиром его был Малыгин Павел Александрович. После ремонта, проплавав рейс, на разгрузку послали в Арх-порт. После разгрузки на борт прибыла военная комиссия – корабль был взят в Беломорскую флотилию Северного флота со всем личным составом на борту. Командиром корабля остался Малыгин Павел Александрович, помощником командира корабля – Михайлов Аким Григорьевич; командир БЧ-1 – Ермолин Мефодий Кузьмич, командир БЧ-2 – Ревякин Евгений Иванович, командир БЧ-5 – Задорин Сергей Михайлович. Заменили женский персонал на камбузе-буфете, дали новых сигнальщиков, впрочем, после комплектования л/с, снятия с вооружения тралового хозяйства объявили, что с/дня корабль РТ-309 «Мудьюжанин» будет нести сторожевую службу в Белом море на линии дозора Пулонья,*** а именоваться СКР-82. СКР-82 уже был хорошо вооружен, на п/баке стояла 45-мм пушка, на юте – американский «Эрликон»****, миномет 80-мм, глубинные бомбы, дымовые шашки по кормовому обводу, и на верхнем мостике было установлено 2 четырехствольных спаренных пулемета. Меня предупредили, что буду переаттестован с присвоением звания офицера в конце года. А пока нужно было готовиться к этому. Так началась наша служба на охране водных рубежей, но с первым же выходом в рейс корабль оказался технически потрепан во время первых лет войны, особенно паровой котел. [...] После нескольких рейсов, а это было в конце 1943 г., корабль с л/составом был снят с дозора и по распоряжению военного командования передан обратно в Мурманскую военизированную базу тралового флота. [...]

А. Г. Михайлов

ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 1. Д. 42. Л. 8–12 об.
Подлинник. Рукопись.

* Далее несколько слов автором зачеркнуто.
** Следующее слово – неразборчиво.
*** Следующее слово – неразборчиво.
**** Зенитная пушка.

№ 47

Из воспоминаний В. А. Прокофьева* о сопровождении эшелона с рыбной продукцией из Мурманска в блокадный Ленинград – о трудностях продвижения по железной дороге, по «дороге жизни» через Ладожское озеро**

11 июля 1966 г.

В январе 1942 г. Мурманский обком ВКП(б) и облисполком приняли решение направить первый эшелон рыбопродукции (в том числе рыбий жир, соленую сельдь, семгу и соленую рыбу) героическим защитникам города Ленина.

Прокофьев Василий Андреевич.
1950-е гг.
МОМ НВФФ 3963/1.

Почетная задача сопровождения этого эшелона была поручена группе товарищей, в том числе и мне, в то время работавшему секретарем Мурманского ГК ВКП(б) по промышленности.

Помимо доставки эшелона рыбопродукции перед нами была поставлена задача – просить Ленинградский ОК ВКП(б) оказать помощь в отправке из Ленинграда материалов, необходимых для ремонта рыболовецкого флота, а также материалов для производства вооружения и боеприпасов на предприятиях Мурманской области.

В те дни Мурманская железная дорога была перерезана фашистскими захватчиками, поэтому продвижение эшелона имело большие трудности.

Эшелон следовал по маршруту: Мурманск – Оленья – Имандра – Кандалакша – Лоухи – Кемь – Беломорск – Вологда – Волховстрой – Жихарево. От Беломорска по направлению к Вологде (до ст. Обозерская) эшелон двигался по недостроенной ветке, не хватало часто топлива для паровозов, поэтому были длительные остановки.

Если сейчас на продвижение поезда Мурманск – Ленинград требуется 35–40 часов, то в то время эшелону потребовалось 24 дня для доставки рыбопродукции в Ленинград.

Непрерывные бомбежки эшелона, особенно на станциях Оленья, Кандалакша, Кемь, Волховстрой и Жихарево, также затрудняли продвижение эшелона. Ожесточенный налет вражеских бомбардировщиков имел место также на станции Войбокало, где в то время был уничтожен вокзал. Наш эшелон стоял в то время на разъезде Новый Быт, в нескольких километрах от станции Войбокало.

Несмотря на все это, ни один вагон с рыбопродукцией не пострадал.

20 февраля 1942 г. эшелон с рыбопродукцией прибыл на ст. Жихарево, рыбопродукция была перегружена с вагонов на автомашины.

Ночью с погашенными фарами автомашины с рыбопродукцией, а вместе с ними и мы направились через ледяную дорогу Ладожского озера (или, как ее назвали, «дорогу жизни») в Ленинград.

* Воспоминания опубликованы. См.: Мурманская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сборник документов и материалов. – Мурманск: Кн. изд-во, 1978. – С. 124–125.
** Опущены сведения о причине написания воспоминаний.

Однако и ночью вражеские бомбардировщики бомбили эту дорогу. Несколько машин при этом было повреждено. Однако драгоценный груз был 21 февраля 1942 г. доставлен трудящимся города Ленинграда.

Следует сказать, что представляла собою трасса по льду Ладожского озера – «дорога жизни».

В ледяных торосах Ладожского озера была сделана зимняя дорога, где могло разъезжаться не более 2 машин. Метели и сильные ветра часто заметали эту трассу снегом. Поэтому много героического труда было приложено обслуживающим персоналом трассы для содержания ее в рабочем состоянии.

Возвращаясь в марте 1942 г. из Ленинграда, мы вновь следовали через Ладожское озеро, по «дороге жизни», вместе с эвакуированными женщинами и детьми. Автомашины шли днем, и мы видели, как сражались наши доблестные зенитчики и авиация, охраняя эту трассу против фашистских самолетов.

В Ленинграде мы были приняты секретарем ЦК ВКП(б), Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б) тов. А. А. Ждановым. На беседе в Смольном присутствовали также тт. Кузнецов, Попков, Капустин и другие тт.

Нами было вручено тт. А. А. Жданову и Капустину письмо Мурманского ОК ВКП(б), а также мы рассказали, как живут и борются с немецкими захватчиками трудящиеся города Мурманска и области, о том, в каких сложных условиях военного времени ловят рыбу мурманские рыбаки.

Тов. А. А. Жданов поблагодарил мурманских рыбаков и трудящихся области за помощь рыбопродуктами и сказал, что этот подарок очень и очень нужен сейчас ленинградцам.

Медицинский жир, сельдь, семгу и соленую рыбу сразу же распределили по госпиталям, детским учреждениям, предприятиям и воинским частям Ленинградского округа.

Мы побывали на ряде предприятий города (Кировском, Балтийском заводах и ряде других). Везде мы видели самоотверженную работу ленинградцев в условиях блокады и варварских артиллерийских обстрелов.

А. А. Жданов проявил исключительное внимание к просьбам мурманчан. По его указанию было выделено много различных материалов и боеприпасов, которые были доставлены нами в Мурманск. Благодаря этому на предприятиях продолжалось изготовление вооружения, а части 14-й армии получили дополнительное количество боеприпасов.

Трудящиеся предприятий города Ленинграда, получив рыбопродукцию в тяжелые для них дни, писали мурманчанам, что нет слов, чтобы выразить волнующее чувство глубокой благодарности за подарок, за братскую помощь. Рабочие Кировского завода писали, что «в этих трудных условиях вы помните о нас, ленинградцах, и не только добыли рыбу, но и доставили ее сквозь кольцо блокады в неприступный для врага город Ленина».

Скоро исполнится 25-летие основания «дороги жизни» через Ладожское озеро, которая сыграла в то время огромную роль.

По возвращении в Мурманск из Ленинграда и доклада о выполнении порученных заданий, а также о жизни трудящихся города Ленинграда в условиях блокады ОК ВКП(б) и облисполком направили еще ряд эшелонов с рыбопродукцией городу Ленина и его героическим защитникам.

В. А. Прокофьев

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 132. Л. 1–6.

Подлинник. Рукопись.

№ 48

Из воспоминаний А. П. Двинина о Мурманске в годы Великой Отечественной войны – о ремонте рыболовных траулеров на Мурманской судоверфи*

25 ноября 1959 г.

Ремонт кораблей проходил в трудных условиях в Великую Отечественную войну, главным и основным вопросом это были люди, а их не было вследствие Великой Отечественной войны, которая также требовала новых пополнений, поэтому ремонт проходил при очень малочисленном составе людей, которых присылал отдел кадров, и то не постоянно, а временно, но были и другие трудности – это холод, так как на ремонтирующихся судах не было парового отопления, и приходилось людям погреться только у печки-времянки. Не было и такого простого инструмента, как шкрябки и стальные щетки для очистки корпусов, малярных кистей и краски, все приходилось доставать с большими трудностями, а некоторые предметы изготовлялись самими, как, например, шкрябки и стальные щетки. Несмотря на все трудности и недостатки, ремонт судов шел успешно.

Двинин Александр Петрович.
1930 г.
МОМ НВФФ 3374/1.

Так, РТ-32 «Кумжа», который пострадал от вражеской авиации, был полностью подготовлен для отправки в капитальный ремонт в город Архангельск, ремонтом на верхней палубе руководил я (в то время исполнял обязанности старпома по механической части), старший механик т. Коновалов Василий Михайлович. После окончания всех подготовительных работ РТ-32 «Кумжа» был сдан для буксировки в г. Архангельск, что касается РТ-55 «Кета», который затонул при столкновении с другим кораблем, был поднят и поставлен в Трех Ручьях на обсушку для временного ремонта, очистки всего имущества, находящегося на корабле. Трудно было поверить, где что находится, к чему приступить, зима, все замерзло, все слилось в одно целое, трюмы залиты водой, а также машинное отделение, но нужно было работать, страх перед глазами отступал, руки работали, и все-таки победил труд человека: освободили жилые помещения, где находились постельные принадлежности и другое имущество, освободили трюм с промысловым снаряжением и шкиперским имуществом, и так помещение за помещением, трюм за трюмом освобождались. Приводилась в порядок и палуба, стоячий и бегучий такелаж. Очищались трюмы от грязи и песка и другого хлама. Машинная команда под руководством ст. механика-дизелиста т. Карандашвили приводила в порядок машинное отделение и механизмы, после чего специалистами Мурманской судоверфи были сняты листы пробоин и взамен старых поставлены новые. РТ-55 был снят с грунта, отбуксирован и поставлен на слип для дальнейшего ремонта механизмов, очистки подводной и надводной части корпуса, покраски корпуса и всех других частей корабля. После окончательного ремонта РТ-55 был спущен на воду,

* Опущены сведения о старших механиках ремонтируемых судов, под руководством которых проводились подготовительные работы, а также перечисление должностей, которые занимал автор в годы Великой Отечественной войны.

который принял капитан Щипаков Павел Павлович. Трудностей с ремонтом РТ-55 было очень много, каждый день нужно было переправляться через Кольский залив. Зима, холод, туман и лед не всегда давали возможность попасть к месту, приходилось часами простаивать на причале и ждать, когда придет рейсовый буксир. А когда прибудешь на место, тоже обогреться негде, кроме как у печек-времянок, и, несмотря на все лишения и невзгоды, труд человека победил, и корабль снова входил в строй.

РТ-4 «Навага», РТ-7 «Семга», которые также пострадали от вражеской бомбежки и ремонтировались в тех условиях. Мурманская судоверфь исключительно была занята ремонтом военных кораблей и их заказами [...].

А. П. Двинин

ГАМО. Ф. П-2393. Оп 2. Д. 340. Л. 4–5. Подлинник.
Машинопись с авторскими правками.

№ 49

Из воспоминаний С. П. Предко о прифронтовом Мурманске – о работе в штабе МПВО Мурманского рыбного порта, последствиях налетов вражеской авиации*

3 ноября 1959 г.

В годы Великой Отечественной войны, с самого начала и до конца, я был в Мурманске, работал в штабе МПВО объекта рыбного порта (штаб находился в подвале ДМО (Дома междурейсового отдыха), видел и переживал вместе с другими все ее ужасы, видел массовые эшелонированные налеты фашистских стервятников на свой родной город и переносил тяжелую сердечную боль, видя его развалины, видел воздушные бои над городом, когда наши и вражеские самолеты, кружась над городом, устраивали смертную карусель, стараясь зайти друг другу в хвост и обрубить винтом хвостовое оперение врага, что нередко им и удавалось. Подтверждением тому** – долгое время лежавшее на ст. Шонгуй кладбище сбитых самолетов, да и по лесам, когда мурманчане и я с ними ходили за грибами, то часто находили остовы вражеских самолетов. [...] Один стервятник летел так низко, что во многих местах оборвал провода и вывел из строя освещение города. Далее он летел над главными воротами рыбного порта и над зданием рыбокомбината, поливая из пулемета территорию порта (после находили на территории пулеметные гильзы крупного калибра), но, к счастью, никого не поразил. Далее над заливом он летел, чертя колесами по воде, а западнее залива задевал кусты колесами.

И далее я видел и переживал все вражеские дневные и ночные налеты, когда враг совершал от 5–6 до 10–12 налетов почти каждую ночь, чтобы если не поразить объект и живую силу, то нервировать советских людей, изматывать их нервы и сделать наутро неспособными к труду. Днем вражеские стервятники в большинстве практиковали свои коварные налеты из-под солнца. Примерно около 16–18 часов

* Опущены сведения о налетах вражеской авиации 23 и 26 июля 1941 г., о боевых действиях на Мурманском направлении; о награждении медалями, о спасении загоревшегося английского парохода, а также сведения, выходящие за хронологические рамки сборника.

** Возможно, пропущено слово *служит*.

летом, когда солнце уже клонит к западу и слепит людям глаза, они тут как тут. Так что первым подвергался налету объект*, затем рыбный и торговый порт, затем город и жел. дорожные пути, здания станции и депо. На железнодорожных станциях, как в Мурманске, так и на других, враг старался бомбить входные и выходные стрелки, дабы вывести их из строя, загромоздить станцию и задержать движение, хотя он не щадил и путей на перегоне, и идущих поездов, что могут подтвердить оставшиеся воронки от бомб на многих станциях и разъездах, например, Гангос, Узкий и во многих местах на перегонах.

Видел, как один гитлеровский ас, сбившись, по-видимому, с курса и потеряв ориентир в тумане, врезался в юго-восточный угол дома № 25 (по пр. тогда бывшему Сталина, теперь Ленина), разбился вдребезги и еще на земле подорвался на своих собственных бомбах, оставив лишь воронку от своих бомб**да обломки самолета, в обломках были найдены корки и обрывки листов записной книжки да кусок черепа с клоком рыжих волос немца-летчика. [...]

Для укрытия населения были построены в подвалах домов бомбоубежища, а на территории города и объектов с наступлением войны дополнительно еще и зигзагообразные щели, которые себя во многом оправдали и спасли много жизней от осколков разорвавшихся бомб, хотя во многих случаях они являлись общим могильником при прямом попадании. Таких щелей было вырыто много как в городе, так и по объектам. В рыбном порту, например, были такие щели под углем, под солью***, в Комсомольском садике и в других местах.

Особенно жуткий случай произошел в щели-убежище в Комсомольском садике в 1942 или 1943 г., когда было прямое попадание и завалило оба входа сразу, и от взрывной волны обрушился потолок, где было заживо погребено свыше 150 человек, из которых лишь немногие дождались, пока их отрыли, остальные там задохнулись, и я лично видел, как их потом вытаскивали мертвых и прикрывали рогожами, а из-под рогож торчали распухшие посиневшие ноги. [...]

В трудные годы войны для подсобного питания рабочих и населения были организованы подсобные хозяйства, кроме того, каждого рабочего обязывали иметь свой индивидуальный огород. Семена выдавало правительство.

Я лично имел свой индивидуальный огород на склоне оврага у городской бани № 1, который оказал мне в трудное время хорошую поддержку. В моем огороде хорошо росла картошка, репа, капуста, морковь, редиска, укроп, салат и другие овощи. Впоследствии я был избран председателем огородной комиссии рыбного порта, которой руководил до конца войны.

Для спасения жилого фонда и важнейших производственных построек от огня ввиду их скученности было решено командованием все устаревшие и второстепенные постройки между важнейшими цехами сломать и тем самым разрядить и спасти более важные постройки. И мне лично вместе с другими товарищами приходилось скрепя сердце ломать и бросать в залив подчас очень хорошие строения, особенно жалко нам было ломать клипфиксный цех, т. к. уж очень хорошее было это здание, но оно стояло в самой гуще более нужных построек.

Каждый раз утром после ночных налетов обнаруживали какие-либо повреждения и обвалы, которые спешно устраняли или исправляли.

Самым активным в работе и первым являлся по сигналу воздушной тревоги в штаб главный капитан порта тов. Нохрин Арс. Серг.**** Я работал в штабе МПВО и все это видел и знаю более других. Бывало, после сигнала «ВТ» буквально через три минуты Нохрин уже на пороге штаба, всегда являлся первым, а утром, когда бы ни

* Следующее слово неразборчиво.

** Следующее слово неразборчиво.

*** Вероятно, имеются в виду площадки для хранения угля, соли.

**** Нохрин Арсений Сергеевич.

пошел в порт, всегда увидишь: уже белая голова Нохрина торчит, высоко поднятая кверху, Нохрин осматривает порт. Бесстрашным во время вражеских налетов был и сам начальник порта Соболев Константин Андреевич. Наравне с другими, подавая пример остальным, он на моих глазах ломал и оттаскивал горевший забор и другие мелкие постройки, дабы спасти от пожара бондарный завод. [...]

Особенно трудная и опасная работа была по извлечению неразорвавшихся бомб. Мне лично с тремя другими товарищами пришлось извлекать такую неразорвавшуюся бомбу у самых дверей мукомольного завода в рыбном порту. Бомба была не особенно большая, примерно 200–250 килограммов, и вот когда нам поручили это страшное дело, то мы считали себя уже обреченными на смерть и работали попеременно по двое, а двое сидели в укрытии за углом, чтобы не погибнуть всем сразу, а заплатить за это подешевле: только двумя, а не всеми четырьмя человеками сразу. Но, к нашему счастью, взрыватель у бомбы уже сработал и только расщепил бомбу, а воронки поднять над нею не смог, и мы благополучно, с осторожностью, как самую ядовитую змею, доставали куски бомбы и взрывчатку [...]

С. П. Предко

Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 444. Л. 12–17.
Подлинник. Рукопись.

№ 50

Из воспоминаний М. А. Журавлевой «Комсомольская организация Мурманского торгового порта в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» – о примерах героизма комсомольцев на трудовом фронте*

25 мая 1964 г.

Все делалось во имя Победы. Этому закону и была подчинена работа комсомольской организации. Правда, по своей численности она немногим превышала ста человек и в большинстве своем состояла из девушек, но все они были не из тех, которые боятся трудностей, принимаются плакать и кричать, а умеют спорить и защищаться. С предельной напряженностью суровой заполярной зимы, бомбежками и обстрелами с воздуха работали на разгрузке океанских транспортов комсомолки: лебедчица Мария Ваганова, экспедитор Маша Сидорова, весовщица Александра Некрасова, Екатерина Коржова, экспедитор – секретарь комитета комсомола Татьяна Леонтьева и многие другие. Неделями не уходили с грузовых участков порта комсомольцы: начальник второго района порта Михаил Гавриленко, диспетчер Георгий Красногорский, слесарь Саша Лебедев, стивидор Саша Шестаков. Как и на полях сражений, молодые портовики в тылу проявляли чудеса героизма. В одну из бомбежек 1942 г. на железнодорожный состав, находившийся на железнодорожных линиях торгового порта с четырнадцатью вагонами, загруженными взрывчаткой**, попали зажигательные бомбы. Один из вагонов этого состава загорелся, был неминуем взрыв страшной силы от 14-ти вагонов взрывчатки. Но находившиеся в это время поблизости от загоревшегося вагона грузчики порта комсомолец Куликов и беспартийный Тупицын, не задумываясь, бросились на ликвидацию пожара и взрыва, сняли с себя рабочие фуфайки и ликвидировали распространение огня. Только в результате смелости и решительности Куликова и Тупицына была предотвращена катастрофа от взрыва. За проявленное мужество и смелость оба грузчика были награждены правительственными наградами.

Подобный триумф мужества и героизма был совершен матросами пожарного буксира – комсомольцем Шимаревым и беспартийным членом экипажа Мазепой. Когда в период налета вражеской авиации на транспорт в десять тысяч тонн водоизмещением, стоявший под разгрузкой в рыбном порту с боеприпасами, попала кассета зажигательных бомб, корабль загорелся. Испугавшись неминуемого взрыва, вся команда английского транспорта покинула судно. Но два советских смельчака Шимарев и Мазепа, рискуя жизнью, вступили в единоборство с пожаром и ликвидировали его. Взрыва не последовало, транспорт и боеприпасы были сохранены. За проявленные мужество и отвагу Шимарев и Мазепа Военным советом Северного флота были награждены орденами Красной Звезды. После этого случая капитан английского транспорта никак не мог поверить, что этим двум советским людям с помощью буксира удалось так быстро ликвидировать на судне пожар и предотвратить взрыв.

Когда идет речь о ратных делах, совершенных комсомольцами торгового порта в годы Великой Отечественной войны, нельзя умолчать и о подвиге, который был совершен комсомолкой Наташей Телепневой. Эта бесстрашная девушка в момент воздушных налетов на порт не пряталась в бомбоубежище, а доставала из своего рабочего стола заветную сумку с Красным Крестом сандружинницы и шла к причалам.

И вот в один из массированных налетов на порт от прямого попадения загорелся стоявший у причала транспорт наших союзников. Несколько человек команды корабля было убито, много членов этого экипажа было ранено. Невзирая на продолжавшуюся бомбардировку, Наташа прибежала на горящий транспорт, многим пострадавшим морякам сделала перевязки и оттащила их в укрытие от осколков. Всю эту тяжелую работу пришлось ей делать одной, потому что все те иностранные моряки, которые могли идти, убежали в убежище, а когда после отбоя воздушной тревоги возвратились на борт корабля, то увидели своих товарищей перевязанными и укрытыми от осколков.

Немало славных страниц вписали в историю Великой Отечественной войны молодые портовики, комсомольская организация, которая была организатором многих патриотических начинаний и смелых инициатив. Вместе со своими старшими товарищами коммунистами комсомольцы порта словом и делом поднимали боевой дух портовиков. Это по их инициативе в порту создавались «фронтовые бригады» молодежи, работавшие под лозунгом «В труде, как в бою». Это молодые портовики: лебедчица Мария Ваганова и бригада грузчиков Гукова – первыми бросили клич ко всем портовикам не прекращать работу по разгрузке транспортов в период воздушных тревог. И они первыми сдержали это слово.

Там, где работала бригада грузчиков Гукова, несмотря на воздушные тревоги, стрельбу артиллерии, ни на минуту не смолкал шум механизмов и бодрящий голос ее бригадира, отдававшего команды: «Вира», «Майна».

Впоследствии эта умная инициатива была подхвачена многими другими бригадами грузчиков порта и переросла в гуковское движение, позволившее на много времени сократить стоянку кораблей в порту под разгрузкой.

А бойцы фронта стали быстрее получать все необходимое для победы над врагом. [...]

М. А. Журавлева

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 95. Л. 29–39.
Подлинник. Рукопись.

* Опущены сведения о стремлении комсомольцев и молодежи Мурманска уйти на фронт, о значении Мурманского торгового порта в военные годы, о военных буднях комсомольской организации порта.

** Следующее слово в скобках неразборчиво.

№ 51

Из воспоминаний П. И. Мелехова о работе железнодорожников в годы Великой Отечественной войны – о восстановлении железнодорожного пути после налета вражеской авиации*

30 октября 1959 г.

В июне 1941 г. было объявлено по радио о вероломном нападении на Советский Союз немецких захватчиков. Я в это время работал дежурным по станции Мурманск и состоял на восстановительном поезде. 26 июня я был свободен от дежурства. Ночью пришла рассыльная станции Мурманск тов. Климушина и сообщила мне, что меня срочно вызывают ехать с восстановительным поездом на аварию. Я быстро оделся и пошел на станцию. Состав восстановительного поезда стоял на первом пути. Когда собрались все работники восстановительного поезда, тут же поезд был направлен на место аварии. Ехали до станции Шонгуй без остановки. Мы узнали, что на перегоне Шонгуй – Магнетиты был налет вражеской авиации, вследствие чего было повреждение пути и порвана железнодорожная связь.

Наш поезд отправили из Шонгуя на место аварии. Аварийное место за Шонгуем у зеленого городка. Когда мы подъехали к этому месту, то зеленого городка узнать было нельзя. На месте бараков валялись доски и фанера, засыпанные землей. Ни одного барака, где жил летный состав рядом находившегося аэродрома, в целости не оказалось, все было разрушено.

Связистами тут же была временно восстановлена связь со ст. Шонгуй. Путейцы стали восстанавливать в двух местах повреждение пути, а свободные от работы рабочие стали вытаскивать из-под обломков убитых людей. Я видел, как у одного барака разобрали обломки досок, под ними оказались на кровати лежащие убитые трое детей.

В это время подошел к нам красноармеец и сказал, что он в это время здесь стоял на посту, увидел: низко летит самолет. «Я, – говорит, –думал, что этот самолет наш, идет на посадку. Самолет этот оказался вражеский. Когда он подлетел к баракам, стал их бомбить и обстреливать из пулемета. В общем, кто в это время спал в бараках, ни один живой не остался, все погибли». [...]

П. И. Мелехов

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 421. Л. 2–12.
Подлинник. Рукопись.

* Опущены сведения о строительстве новой железнодорожной ветки от Зеленого мыса до пос. Ваенга, а также сведения, выходящие за хронологические рамки сборника.

№ 52

Письмо А. И. Павлова другу Н. А. Измайлову*

17 июля 1941 г.

Здравствуй, дорогой друг Коля!

Коля, что же ты так долго не писал мне?! Правда, Ольга Ивановна несколько раз передавала от тебя привет.

Сегодня я получил от тебя письмо-открытку, за которое очень благодарю. Пошел уже второй месяц, как ты уехал из Мурманска. Теперь город наш объявлен на военном положении. В городе у нас спокойно, хотя уже несколько раз самолеты противника пролетали над нашим городом. Подвергались бомбардировке окрестности Мурманска (Мурмаши), но на Мурманск не было сброшено ни одной вражеской бомбы. Коля, ты пишешь, что тебе Ольга Ивановна «плохо пишет». В настоящее время в Мурманске ее нет, т. к. она уехала еще в первых числах этого месяца и, наверное, уже живет у вас в Рыбинске. Алексей Алексеевич, кажется, почти не бывает дома (по крайней мере, я его уже давно не видел). С 23 июня я работаю в инструкторской группе при штабе МПВО Кировского района – инструктором по рытью укрытий от бомб и осколков. Работа не оплачивается, т. к. работаем по поручению РК ВЛКСМ. Бываю очень редко дома. Вечером же с 19 ч. 30 м. по 23 ч. 30 мин. занимаюсь на военно-учебном пункте ОСОАВИАХИМа. Здесь мы изучаем технику штыкового боя, проводим военные тактические занятия и т. д. Я теперь живу совершенно один. Так как из города начали эвакуировать женщин и детей, то мама с Павликом и Тамарой из города уехали в неизвестном направлении 6 июля. Я даже почти не видел их в этот день. Утром 6 июля я ушел в штаб МПВО, откуда меня послали на участок следить за рытьем укрытий. Перед этим мама приготовила мне завтрак. Я покушал и ушел. Прихожу домой в 6 часов вечера. Дома никого нет. От соседей узнал, что в 2 часа дня мама, Павлик, Тамара и тетя Сима с детьми уехали. Папу же я не видел с 11 июня и не знаю, где он и что с ним... Кто-то стучится в дверь. Пойду, узнаю, кто там. Ура!!! Пришел почтальон и принес телеграмму от папы. Оказывается, он в Архангельске!!! Но телеграмма послана на имя мамы. Придется мне сегодня вместе с твоим письмом отправить ему телеграмму и сообщить, что мама уехала.

В городе с питанием дело обстоит ничего. Погода также хорошая.

Коля, забыл сообщить тебе, что скоро, вероятно, я буду отправлен в армию. Жду повестку. Многие наши ребята уже уехали. Колька Авербург сейчас живет в Москве. Кадник работает. Скучаю без тебя. Провожу время как могу. Два раза видел новый американский музыкальный фильм «Песнь о любви», который мне очень понравился. В главной роли снимался известный американский певец Ян Кипура. Он очень хорошо поет. Если «эта фильма» пойдет в Рыбинске, то обязательно сходи. Тоня Наймушина никуда не уехала. Берет у меня читать книги. Я купил в магазине «Тайну двух океанов» и «Плутонию». Обе в хороших переплетах.

Ну, пока до свидания! Если бы я тебя увидел, то рассказал бы больше, чем здесь написано. Пиши скорей ответ. У тети Шуры Горячковой умер от раны, полученной на фронте, муж. Она хоронила его 14 июля.

Коля, извини за [...]**. Крепко жму твою «лапу». Передай привет Ольге Ивановне и напиши, нашел ли ты дядю Митю!!!

г. Мурманск.

А. Павлов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 187. Л. 1–2 об. Подлинник. Рукопись.

* Фамилия адресата установлена по смежному документу (ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 187. Л. 16 об.).

** Одно слово неразборчиво.

№ 53

Письмо Н. И. Лебедева из г. Мурманска родным, эвакуированным в г. Елец Липецкой области

19 октября 1941 г.

Здравствуйте, мама, Вера и Андрей.

Шлю всем привет. Живу хорошо и того Вам желаю.

Письмо Ваше получил 18 октября и спешу ответить.

В Мурманске сейчас настоящая зима, все занесено снегом уже с 8 октября. Живу дома, в комнате тепло, отопляюсь плитками. Да и дома бываю мало, только прихожу спать. Сейчас учимся военному делу без отрыва от производства. Дома по хозяйству все обстоит хорошо. Белье стираю сам, и довольно неплохо. В свободное время хожу к Фане. Нашли, где работает Т. Р., но еще не ходил, обещается Фаня.

Сегодня исполнилось два месяца, как я живу здесь один. Сперва было как-то скучно одному, а теперь ничего, привык. Как там выглядит моя племянница. Наверно, Вам с ней не скучно.

В Мурманске все спокойно, и ты, мама, не беспокойся за нас и Вере скажи, чтобы не выдумывала никаких бед.

Книги Андрею высылаю завтра же.

Геологию, геометрию, современную литературу (хрестоматию), русскую литературу, в которой сомневаюсь, пригодится ли Андрею.

Насчет посылки шинели и фланельки. Нужно дослать справочку о вашей эвакуации, а тогда можно выслать два раза в месяц.

Ну, пока, до свидания. Пишите, получили ли деньги – 200 р.

Привет вам от Фани, А. Ив. и Карсуковых.

Н. Лебедев

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 181. Л. 2, 2 об.

Подлинник. Рукопись.

№ 54

Из воспоминаний М. И. Хазовой о Великой Отечественной войне – о жизни в прифронтовом Мурманске и в эвакуации*

23 февраля 1998 г.

С началом войны в 1941 г. воспитанников детского дома эвакуировали из Мурманска в Марийскую АССР. В связи с тем, что у Марии Ивановны к этому времени было уже пятеро детей, она не могла эвакуироваться из Мурманска с детским домом**. [...]

Мурманск первоначально, по словам Марии Ивановны, немцы часто не бомбили, так как полагали, что вскоре должны были город взять. Немецкие самолеты нередко летали невысоко над городом. По гулу мотора самолета жители города научились точно определять, летел ли советский или же немецкие самолеты. Немцы в первые

* Опущены сведения, выходящие за хронологические рамки сборника, а также сведения о проживании некоторое время в Кировске в начале войны.

** Место работы М. И. Хазовой.

месяцы войны хотели быстро взять Мурманск и лишить страну стратегически важного пункта. Этим и объяснялась «вялость» немецкой бомбардировочной авиации. Но благодаря усилиям героических солдат армии и флота этот план фашистам не удался, и через некоторое время, как их остановили, немцы обрушились всей своей авиацией на наш город.

Особенно тяжкими были налеты во время прихода в Мурманск знаменитых конвоев – PQ. Когда приходил караван, немецкие самолеты налетали на Мурманск большими авиационными группами, количество бомбежек за день доходило до 12 раз. Несмотря на героические усилия сил противовоздушной обороны, бомбы сотнями падали на улицы мирного города, все население города вынуждено было во время налетов скрываться в бомбоубежищах. Одно из таких до сих пор сохранилось во дворе дома, в котором живет Мария Ивановна. В те дни, когда бомбили по 10–12 раз, люди не выходили из бомбоубежищ сутками. В течение нескольких минут семья должна была собрать все самое необходимое, после чего вернуться в бомбоубежище. Как правило, все самое необходимое (документы, некоторые вещи, запас еды на несколько суток) уже лежало в небольших чемоданчиках в прихожей. Когда происходил очередной налет на город, времени хватало только на то, чтобы одеться и без паники покинуть жилое помещение и спуститься в бомбоубежище. Наиболее страшными были моменты, когда бомбы падали и взрывались недалеко от их убежища. В таком напряженном состоянии люди были вынуждены проводить длительное время, сидя на чемоданчиках с небольшими вещами. Но даже в такие тяжелые минуты люди надеялись на лучшее и всячески подбадривали друг друга. Наиболее тяжело было патрульным милиционерам, вынужденным во время многочасовой бомбежки находиться на улице.

Даже в таких ситуациях люди продолжали работать. Нередко на то, чтобы добраться от работы до дома, необходимо было полночи, хотя расстояние было не столь большим. Очень часто во время такого возвращения домой на город в очередной раз налетали немецкие бомбардировщики, приходилось искать укрытия в ближайшем месте, прятаться, чтобы случайно не зацепило осколком от рвавшихся кругом бомб.

С первых дней войны во всей стране была введена карточная система для получения необходимых продуктов продовольствия. В основном питались неразмолотой пшеницей и акульим мясом, давали это в небольших количествах. После страшных немецких бомбежек город весь горел. Он очень сильно изменился по сравнению с предвоенными годами, город почти полностью выгорел. Но это не означало, что жизнь в городе вымерла. Люди продолжали трудиться, отстраивать бараки. Марии Ивановне вместе с другими горожанами приходилось рыть окопы, тушить зажигалки*, строить бомбоубежища, в который раз самые тяжелые обязанности ложились на плечи женщин.

Через несколько месяцев после начала войны Мария Ивановна вынуждена была со своими детьми выехать из Мурманска в эвакуацию на свою родину, в село Гари к своим родителям. Поездка была крайне тяжелой и выматывающей. Переезд из Мурманска в Кировский район занял две недели. Ехали в эшелоне очень медленно. Длительное время простаивали в тупиках, пропуская вперед поезда с солдатами, оружием для фронта, важными грузами. Во время движения состава едва ли не на каждой станции их бомбили. Очень часто по эшелону проходил приказ, чтобы, бросив все вещи, люди бросались в лес. Запасы пищи были очень скудными, через несколько дней они закончились, питаться приходилось лишь тем, что приносили во время стоянки на станции.

Во время эвакуации Мария Ивановна работала воспитателем в интернате, где находились дети блокадников, которых успели увезти из города еще в начале войны. В интернате жило около 300 детей. Так как было очень много эвакуированных из других районов страны, интернат поместили в церкви. Никаких жилых условий почти не существовало, особенно тяжело было зимой, когда были очень сильные морозы. Приходилось запасаться дровами в больших количествах, чтобы не замерзнуть. Но

* Зажигательные бомбы.

интернат продолжал жить своей жизнью, детей продолжали обучать, в свободное время учащиеся разучивали песни, репетировали постановки. Потом выступали с этими постановками и танцами, песнями в воинских коллективах, многие из которых вскоре отправлялись на фронт. Питались кашами и редко кониной. После снятия блокады Ленинграда большинство детей из интерната уехали в свой город.

После окончания войны и демобилизации мужа, прошедшего всю войну с первых дней и до полной победы над Германией, Мария Ивановна вместе с мужем и детьми вновь возвращаются на Кольскую землю в Мурманск. [...]

М. И. Хазова

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 198. Л. 1–10.
Подлинник. Рукопись.

№ 55

Из дневника А. С. Крылова «Записи, сделанные в дни Великой Отечественной войны в Заполярье, г. Мурманск. 1941–1942 гг.» – о бомбардировке Мурманска вражеской авиацией, о Мурманской наступательной операции (апрель – май 1942 г.)*

22 декабря 1941 г. – 3 июня 1942 г.

28/II-1942 Наступили длинные дни. Стало светлее. Погода стоит хорошая. Сегодня 4 раза была воздушная тревога. Последняя была в 23.00. Самолеты противника охотятся на порт. Сейчас там прибывают большие караваны судов с грузами из Америки и Англии. Зенитки дали много огня, но не сбили ни одного самолета. Теперь налеты возобновятся. День стал больше и светлее, а вот наступит весна и лето – опять начнутся бомбежки, как это было в июле–августе в 1941 г. В особенности теперь, когда Мурманский порт приобрел большое значение.

1/III-1942 Сегодня была только одна воздушная тревога. Работа шла нормально. [...]

24/III-1942 Сегодня день был боевой. В городе объявляли три раза воздушную тревогу. В воздушном бою наши летчики сбили 6 самолетов противника. У нас потери – один самолет. Бой воздушный проходил над Мурманском. Зрелище было потрясающее, особенно когда падали подбитые самолеты противника. Немецкие самолеты успели сбросить часть своего груза (бомб) в расположения порта. Имеются разрушения в порту.

25/III-1942 Сегодня вечером была сильная вьюга, сухой снег заносил дороги. Сильный ветер сшибал с ног.

26/III-1942 Днем была воздушная тревога. Сбит один самолет противника. Получено сообщение ВВС, что 24/III в боях над Мурманском сбито не 6, а 12 самолетов противника и 4 уничтожено на их аэродроме.

27/III-1942 Весь день шел сильный снег. За всю зиму не было такого дня, чтобы выпало столько снега. По календарю скоро весна, а признаков ее еще нет.

* Опущены записи с 22 декабря 1941 г. по 27 февраля 1942 г., со 2 по 23 марта, с 6 по 11 апреля, с 13 по 25 апреля, с 12 мая по 3 июня 1942 г.

Крылов Андрей Степанович.
1974 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 123. Л. 4.

28/III-1942 Сегодня пять раз была воздушная тревога. Опять был сильный воздушный бой вблизи Мурманска. В воздухе было свыше 40 самолетов. Где наши, где противник, было тяжело установить. Сплошной гул, рев моторов, стрельба из пулеметов, пушек с самолетов. Наши зенитки молчали. Стрелять было нельзя. Такие бои стали над Мурманском все чаще и чаще.

29/III-1942 Целый день была сильная пурга. К вечеру погода стихла. Сегодня в Мурманске открылся «Северный праздник» – соревнования лыжников Архангельска, Вологды, Мурманска.

30/III-1942 Погода стояла неустойчивая, временами была сильная пурга. Около 9 час. вечера была воздушная тревога. Один самолет противника прорвался к городу, сбросил две бомбы, но разрушений и жертв не было.

31/III-1942 Целый день чувствовал себя плохо. Где-то простыл. Сильный насморк, головная боль, озноб, температура. Неплохо бы полежать и подлечиться. Но работы очень много.

Сегодня опять была воздушная тревога.

1/IV-1942 и **2/IV-1942** Эти два дня самочувствие было плохое. Работал с большим трудом. К врачу сходить не было времени. Лечился сам, своим методом.

3/IV-1942 Сегодня 6 раз была воздушная тревога. Одна из них вечером продолжалась около 2-х часов. При дневном налете было прямое попадание в 5-этажный дом на ул. Челюскинцев. Разрушено три этажа, поблизости в домах выбиты все стекла. Деревянные домики снесло взрывной волной. Были жертвы. При вечернем налете в порту возник пожар. Слышны были взрывы снарядов, видимо, попал в склад. Наши зенитки вели сильный огонь. По предварительным данным, сбито 7 самолетов противника. Целый день был напряженный. Это была настоящая война над городом.

4/IV-1942 Сегодня опять была воздушная тревога – целый день радио извещало об опасности. За день было пять воздушных тревог. Наши зенитчики непрерывно вели сильный заградительный огонь. Самолеты противника не были допущены к городу.

День сегодня был весенний – ярко светило солнце, тепло.

5/IV-1942 4 часа 25 минут ночи, только что возвратился с убежища. Была воздушная тревога продолжительное время. Я впервые за всю войну слышал такой сильный огонь наших зениток. Самолеты противника летали очень низко, над крышами домов города. Зениткам было трудно стрелять, они на склонах гор вокруг города. Ночь была не очень светлой. Бомбы сбрасывались на город в беспорядке, без цели. Слышны были взрывы по всему городу. Ночь была жуткой. Никто не спал. (Это была как раз Пасхальная ночь). Днем воздушный налет и стрельбу переносить куда лучше. В эту ночь можно было слышать от жителей города такой упрек в адрес фашистов: «Завтра Пасха, вот они, гансы, и активничают. Устроили нам Пасхальную ночь, только вместо крестного хода летят бомбы и пули на головы».

Но мурманчане не падали духом. Настроение было бодрое, деловое. Каждому хотелось быстрее победы. [...]

12/IV-1942 Утром в 5.00 и в 8.00 была воздушная тревога. Зенитка стреляла непрерывно. 8 самолетов противника прорвались к городу, сбросили около 10 бомб. Есть разрушения домов и человеческие жертвы. Одна бомба попала в Дом культуры, но не разорвалась. [...]

26/IV-1942 Выехал на 27-й км на КП для доклада Военному совету материал.

Сегодня за день в Мурманске было 9 воздуш. тревог. Бомбы из самолетов пр-ка падали куда попало. Были разрушения.

27/IV-1942 Целый день оформлял материал, готовил их к докладу ВС.

28/IV-1942 Наши части готовились к наступлению*. В 3 часа утра (ночи) была сильная арт. стрельба.

Командующий армией, штаб и политотдел армии выехали на передовую в части.

29/IV-1942 Мне было приказано возвратиться обратно в Мурманск и готовить резервы к предстоящему бою.

с 30/IV по 3/V-1942 Находился в Мурманске, готовил кадры для частей для замены вместо выбывших из строя.

3/V-1942 Выехал обратно на 27-й км, где находилась оперативная группа штаба и политотдела 14-й армии.

4/V-1942 Готовил материал для доклада Воен. совету по кадрам.

5/V-1942 Началась сильная пурга. Целый день шел снег и мело. Дороги замело. Движение машин прекратилось. Только лыжи выручали.

6/V-1942 Прибыли из резерва 48 чел. политработников. Провел с ними совещание. Распределил по частям. Целый день шел снег и пурга. Все дороги замело. Движение по дорогам прекратилось.

7/V-1942 Погода малость стихла. Военный совет дал указание создать оперативную группу и на лыжах направиться на передовую в в/части, выяснить обстановку после снежной стихии в 152-й сд, которая только что в эти дни направлялась на передний край.

Политотдел армии тоже создал опергруппу из 5 чел. Во главе с нач. ПО Армом полковником Ф. Н. Григоровичем. В эту опергруппу вошли нач. орг. отдела батальонный комиссар А. Т. Зубенко, нач. отд. агитации и пропаганды ст. батальонный комиссар Михайлов, батальонный комиссар Фролов, политрук Веселов и я, начальник отдела кадров.

Вечером все мы, 5 чел., вышли с 27-го км на лыжах по направлению к 69-му км – к переднему краю. На нашем пути мы встречали жуткие картины. Ранее расчищенная дорога по направлению к р. Западная Лица имела вид глубокой траншеи, по обе стороны дороги – большие валы снега. Сейчас эти «траншеи» дорожные засыпаны снегом наравне с верхом. Многие машины как шли по дороге, так и засыпало их снегом полностью. Только лыжной палкой можно было нащупать в снегу, что здесь находится автомашина. Такая картина была на всем пути, пока мы добирались до 152-й стр. дивизии.

8/V-1942 Целый день работали в частях 152-й сд. В дивизии сложилось тяжелое положение. Тылы с продовольствием остались на переправе Кольского залива. Полки, батальоны, роты со своим суточным пайком ушли вперед к 69-му км. Прошло три дня. Благодаря стихии с тылами связь восстановить было невозможно. Снег, холод, пурга стали выводить из строя личный состав. Продуктов не было. Запасы давно кончились. Началось истощение. Обогреться по пути движения частям дивизии негде было. Все это вместе взятое создало чрезвычайное положение, дивизия без боя стала терять своих людей. Нужно было принимать срочные меры. Обогреть и накормить личный состав. Часть продуктов достали из старых частей 10-й гв. сд и 14-й сд, которые уже стояли в обороне долгое время. Из самолета стали сбрасывать сухари. Упряжки на оленях хорошо выручили – стали подвозить продукты. Так понемногу выправили положение.

4 дня, с 07/V по 10/V, мы день и ночь работали в 152-й сд по борьбе с последствиями природной стихии Заполярья.

10/V-1942 Вечером возвратились на 27-й км – доложили Воен. совету обстановку, сложившуюся в частях 152-й сд.

---

* Имеется в виду Мурманская наступательная операция (28 апреля – 13 мая 1942 г.) 14-й армии Карельского фронта и Северного флота.

11/V-1942 Выехал обратно в Мурманск. Со мной ехали вместе шесть пленных, захваченных частями 10-й гв. сд в период пурги. По приезду в Мурманск нас встретила воздушная тревога. [...]

А. С. Крылов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 123. Л. 7–39. Подлинник. Рукопись.

№ 56

Из воспоминаний Е. Д. Владыкиной «История дружины Кировского района гор. Мурманска» – о героических буднях дружинниц, о бомбардировке Мурманска 18 июня 1942 г.*

Не позднее 28 декабря 1959 г.**

1941 год 22 июня

Лиза Герм, горя желанием быть полезной Родине, фронту, организовала медицинско-санитарную дружину. В дружину пришли девушки разных профессий, но у всех было одно желание – отдать все силы, все знания во имя победы, на быстрейший разгром заклятого врага. Девушки с жаром дежурили в госпиталях, выполняя роль сиделок, санитаров, сестер, агитаторов. Делали все это, чтобы облегчить страдания раненым бойцам, командирам, политработникам. Сотнями сносили в госпиталя книги, цветы, мыли полы, давали кровь, неся свои подарки бойцам, ждавшим с нетерпением юных общественниц.

Девушки шли в госпитали, окончив дневной труд. Дежурили у постели раненых всю ночь, а утром снова шли на работу, и так изо дня в день. На работе после ночного дежурства девушки придумывали подарки раненым: платочки, кисеты, бумага, карандаши, книги, конфеты, папиросы. Словом, кто что мог придумать, тот то и нес. Не раз ходили в военкомат, просили, умоляли послать их на фронт и не просто на фронт, а послать их на передовую. Не многих просьба была удовлетворена. Те уходили на фронт гордые, счастливые, веселые. Оставшиеся не теряли веры в то, что и им когда-либо улыбнется счастье и они, одетые в серые шинели, пойдут мстить врагу за то, что те нарушили мирный созидательный труд. Были и такие, которым улыбнулось счастье, их послали в санбат. Шура Мелехова, Шура Гунина, Валя Терешечева пробыли около трех месяцев в 1941 г. зимой в санбате. С каким восторгом они об этом вспоминают. Работали, рассказывают, целыми сутками и не чувствовали усталости, спали в носилках. Весь санбат помещался в палатках. Да, не одна я, а все, кому не пришлось побывать в санбате, завидовали счастливчикам. Им за работу были вынесены благодарности от начальника санбата. Трудно перечислить все, что было сделано девушками для фронта.

В первый год – 1941-й – их работе учета не велось, но она колоссальна. Десятки килограммов сданной крови, тысячи собранных книг, художественной литературы,

---

* Опущены сведения о работе сандружины осенью-зимой 1941–1942 гг., об отборе людей в состав сандружины, о сотрудничестве с газетой «Полярная правда», о разбомбленных помещениях в здании райисполкома на ул. Ленинградской, о попадании бомбы в щель напротив гостиницы «Арктика», об освобождении из-под завалов машинистки внешторга; о спасении военных грузов из горящих вагонов, людей после прямого попадания бомбы в дом № 40 по пр. Сталина и в Дом междурейсового отдыха, об эмоциональном состоянии мурманчан во время пожара, о массовых пожарах в городе 23 июня 1942 г.

** Установлено по смежному документу (ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 410. Л. 119).

Владыкина Екатерина Даниловна.
1944 г.
ГАМО. П-2393. Оп. 2. Д. 456. Л. 4.

тысячи вышитых платочков, кисетов, воротничков, конвертов, духов, одеколона. Горячие письма на фронт, полные любви и преданности Родине, к защитникам Родины. Нет, не перечислить работу, сделанную девушками в начале Отечественной войны. [...]

В порт начали поступать, приходить караваны с грузом от союзников, с разным грузом. Город беспрерывно во время стоянки пароходов подвергался бомбежке. И следовательно, весь Мурманск стал передовой линией – линией огня.

Не помню, в январе или в феврале меня вызвал в райком партии заведующий военным отделом Мальцев Иван Дмитриевич. Изучив меня, зная мое желание уйти на фронт, предложил мне дружину, советовал быть командиром, но я согласилась быть политруком. В этой области я чувствовала себя сильнее. Иван Дмитриевич согласился. Командиром дали комсомолку Люсю Русакову – технического секретаря из обкома партии, и плюс к этому дали список в 50 человек, из которых многие на фронте, некоторые выехали по каким-либо причинам из Мурманска, а те, которые находятся в Мурманске, не забыли свои обязанности. [...]

Командир дружины Люся Русакова, политрук дружины – это я, затем командир первого отделения Шура Гунина и ее единственный постоянный боец Валя Терешечева и пятый – председатель районного Красного Креста Шура Мелехова. Чуть позже вернулась из командировки Лиза Герм. Из всего коллектива от Госбанка проявили себя в дружине Холодилина и Клава Шкрябина. Следовательно, за три месяца моей работы в дружине в качестве политрука мною был выявлен коллектив в 7 человек. [...]

Слово дружинница стало звучать гордо. Не просто дружинница, а тут же стояло рядом – отважная дружинница. Нелегко было выковать такую боевую, отважную, скажу больше – бесстрашную единицу, но тем она мне дороже.

Какие же это методы? Обычные. Принцип добровольности, работать со всеми вместе, изучение, глубокое изучение каждого индивидуума в отдельности. Пока не знала людей, не получалась и работа, как стала привыкать к людям, изучать их слабые и сильные стороны, отмечать лучших, не прощать нарушения, так и дело пошло на лад. [...]

Начались жаркие боевые дни, и девушки постепенно обстреливались, привыкали работать в огне. Сборный пункт дружины был на втором этаже в здании горисполкома (теперь это здание не существует – сгорело). В этой команде по сигналу «Воздушная тревога» охотно, как из-под земли вырастала связист Клава Шкрябина в рабочее время, а в нерабочее время дежурный и комсостав, бойцы уходили в убежище – это в рабочее время, а в нерабочее время еще не собирались. Этот пункт у нас был не решен.

Связист обычно сообщал в штаб МПВО о наличии дружинниц, но не получал, как правило, задание, куда идти. Мы сами устремлялись к месту, куда сброшены бомбы, и там оказывали помощь. Так делалось до самой осени, и лишь в сентябре 1942 г. мы перебрались в штаб МПВО города, где получали задание и шли на место поражения.

13 июня 1942 г. – это день исключительный по своей силе. С этого дня начались крупные события для Мурманска. Началось массовое разрушение Мурманска...

31 мая в порт прибыл караван, началась бомбежка города. Бомбил 31 мая, бомбил 1 и 2 июня, и затем испортилась погода, все покрылось туманом. Пароходы торопятся разгрузиться. Мурманчане торопятся каждый сделать свое дело, ибо знали все, что

затишье перед бурей, но никто не предполагал размеров этой бури, никто не думал, что после этой бури от Мурманска останутся, по существу, одни развалины.

Настало 13 июня, день не лучше предыдущих (туманный), но тревожный, тревога длится несколько часов. У горожан не хватало терпения высидеть в убежище, ушли кто куда. В столовой люди обедают, в гастрономе покупают безделушки, в Доме культуры покупают билеты на концерт. Главный зоотехник облзо Эльза Владимировна не пошла в убежище, она обычно эти «перерывы» по работе использовала для спанья, сидя в кресле. Я вообще не любитель сидеть в убежище, пошла в рыбный порт проверить свои грузы (бобы, какао), на которые наложила запрет*, и отдала разрешение из Москвы на отправку, ужасно волновалась за судьбу груза. В порту встретила уполномоченного Папанина, он пожурил меня за то, что задержала груз, я доказала необходимость этой задержки. Окончив разговор, убедившись, что бобы целы, я направилась к выходу, забыв о том, что отбоя воздушной тревоги не было, вдруг началась канонада зенитной артиллерии, уполномоченный побежал в убежище, я не понимаю почему, но не пошла в убежище, прислонилась к электростанции, хотя это не защищало даже от осколков своих зениток. А ведь рыбный порт и тем более электростанция – это ведь объект для врага. Не одна тонна, вернее, не одна тысяча тонн сброшена на рыбный порт, но я стояла как прикованная, возле стреляла зенитка. Я смотрела в ту сторону, куда летели трассирующие снаряды. В том месте, над самым центром города, появилась целая стая фашистских стервятников. Я увидела, как они спикировали над городом, как из-под их брюха оторвались бомбы и полетели на мирные жилища. Моему взору представился сплошной столб пыли или дыма, не понять чего, но понятно было лишь одно, что враг прошелся над центром города и сбросил большое количество крупных, фугасных авиабомб, а может и зажигательных, понять было трудно, так как поднялось темное облако высоко вверх и до двух километров, показалось, длиной. Зенитки продолжали оглушительно стрелять, а я уже бежала в город, проклиная пригорок, который замедлил бег. Через плечи висела санитарная, полевая сумка, в руке болталась повязка с Красным Крестом.

На проспекте Сталина дежурный милиционер сказал, что бомбы упали на проспект Ленина, что разрушен гастроном, и у меня подкосились ноги, ведь рядом с гастрономом облзо, и я устремилась к гастроному, милиционер хотел было задержать меня, т. к. пока не уберут трупы и раненых, ходить по улице не разрешалось гражданам, не имеющим отношения к делу, но я тут же показала ему повязку и полетела как на крыльях.

Подходя к бывшему красавцу-гастроному, увидела одни развалины. На носилках изнутри выносили раненую девушку, подошла к облзо, увидела всех своих сотрудников, все оказались живы и здоровы, здание сильно разрушено. Раиса, моя дружинница, сидит с побелевшими губами, дрожащими руками. Я пошла к выходу, хотела сходить на сборный пункт, и тут кто-то взял меня за руку и властным голосом дал задание: «В гастрономе под пятью этажами живая женщина, извлечь, живей». Вот это, действительно, задание. Не задумываясь над трудностью задания, пошла искать эту женщину, по шуму, по суете, по растерянности людей я скоро отыскала это место. Действительно, под пятью этажами на первом этаже в коридоре лежала живая женщина. Она возмущалась, что так долго не откапывают, требовала, ругалась. Люди суетились, приходили, вытаскивали кто камни, кто кусок штукатурки, не понимая, что этим самым обрушившийся на нее потолок прилегает плотнее и раздавит ее в лепешку. Сима Кузнецова принесла свечу по моей просьбе, я обследовала положение засыпанной. Она лежала параллельно стене коридора, головой к учреждению облторга, ногами к выходу, примерно на метр в глубь коридора. Потолок держался на том, что было под потолком (камни, доски, штукатурка), женщина была не придушена непосредственно потолком. Рабочие принесли толстое бревно, подложили под могущий обрушиться потолок и стали освобождать

* Имеется в виду деятельность Е. Д. Владыкиной по своей специальности карантинного инспектора Наркомзема СССР по Мурманской области.

На снимке в газете «Полярная правда» за 1941 г. – сандружинницы (слева направо) Л. Русакова, В. Кашилова, Ш. Гунина, К. Самоедова. ГАМО. П-2393. Оп. 2. Д. 410. Л. 50.

женщину от камней и прочего мусора. Там, где была ее голова, из другой бывшей комнаты откопали дверь, и никто из мужчин не соглашается подлезть, где лежит женщина, чтобы освободить ее ноги от лежащего на ней груза, помочь выбраться. И вдруг один молодой, красивый, лет 20, военный шофер в синем комбинезоне попросил чем-нибудь обмотать голову и полез в эту воронку. Люди все замерли, что вот-вот все пять этажей обрушатся на нее и на этого храброго шофера, вдруг он вылез, отряхнулся, облегченно вздохнул, вслед за ним извлекли с другого конца, куда она лежала головой, женщину, ее повели под руки. Я крепко-крепко пожала шоферу руку, поблагодарила его за помощь. Он только всего и нашелся сказать: «Ничего, все ничего, но второй туфель найти ей я не мог». Находясь на волоске от смерти, он, спасши женщину, искал ее второй туфель и огорчился тем, что не нашел. Какая скромность, сочетавшаяся с отвагой, храбростью. У этой женщины оказался рассечен лоб, очевидно, когда потолок рушился и рассек его чем-то. В общем она чувствовала себя хорошо, ее узнали, она была в командировке из Кировска в облторготделе. Женщину увезли в больницу. [...]

Но больше всех мне запечатлелся рассказ Вали Терешечевой, скромной, белокурой, голубоглазой девушки.

Возле Дома культуры, оказав первую помощь летчику с оторванной ногой, она шла, смотрела по сторонам, нет ли еще пострадавших, вдруг увидела идущую ей навстречу тоже белокурую, тоже с голубыми глазами восемнадцатилетнюю девушку, она просила помочь ей. Валя оглядела девушку, у нее была оторвана рука, висела лишь на лоскуте блузы. Девушка начала допрашивать Валю, что если у нее оторвана рука, то она и жить не станет. Валя, накладывая жгут, стерильную повязку, спокойным голосом доказывала ей, что рука как рука. Отправила со скорой помощью в больницу. И только, сидя на сборном пункте, рассказывая про этот случай, она побледнела и заявила: «Я этот голос слышу, эти глаза, голубые глаза меня преследуют, девушки, мне страшно».

Да, зрелище было жуткое, было от чего содрогнуться. Но думать было некогда. Председатель Красного Креста Кировского района т. Алексеева вместо ушедшей на фронт Шуры Мелеховой принесла синие комбинезоны и береты, только что полученные из Москвы. Мы быстро их распределили, тут же их на себя напялили. [...]

14 июня

Без пяти в 11 утра, как было условлено накануне, дружина в полном сборе подошла к разрушенному зданию райисполкома, где в еще уцелевшей комнате помещался РК ВЛКСМ. Командир дружины Люся Русакова пошла с рапортом о том, что в полном составе и в синих комбинезонах на кросс дружина Кировского района явилась. Не дошла она до РК ВЛКСМ, как завыла сирена, известила боевую тревогу. Мы все в полном составе ушли в убежище ТПО. Клава Шкрябина пошла в здание горисполкома для связи, с ней хотела идти Люся Русакова, но я ей посоветовала остаться с девушками, сама пошла со Шкрябиной. Дошли до здания благополучно, но, как вошли в внутрь здания, началась канонада зенитной артиллерии, начали дрожать стены здания, звенеть стекла. Клаву для большей безопасности я послала в убежище, сама ушла в коридор, боясь стекол, так как стекла часто высыпаются из окон и приносят людям большие несчастья.

Как только вышла в коридор, так почувствовала, что сброшены бомбы, побежала к выходу, чтоб по взрывной волне обнаружить, где упали, меня бросило об стенку, мимо меня из противоположной двери пролетел осколок. Постояв немного, я выбежала на улицу, и моему взору представилась непонятная картина. Над ТПО и железной дорогой в воздухе летели, кажется, куски – я решила, да и не я одна, а так думали все, кто наблюдал эту картину, что это сбили вражеский самолет. Затем в воздухе что-то горело, точно тысячи светильников, я решила, что это горит бензин. На самом деле впервые были в этот день сброшены зажигалки. На железной дороге начался пожар, пламя бушевало, горели грузы, оборонные грузы, которые еще не успели вывезти, забрав из порта. Возле облзо горела целая кассета зажигалок, если бы она раскрылась вверху, то уже 14-го облзо бы не стало и многих других домов. Над ТПО взвилось черное пламя, было очевидно, что начался пожар, но что горело, я не знаю. В смертельном страхе за дружинниц, которых я сама отвела в ТПО, бежали с Клавой Шкрябиной, сердце сжималось от боли, ноги подкашивались. Бежала и твердила: «Бедные мои девушки, сама отвела». [...]

На другой день рассказала Шура Гунина об инциденте с политруком медико-санитарной команды. Вся медико-санитарная команда Кировского района какая-то была безжизненная. Она появлялась после того, как из штаба прибежит связист и укажет, куда идти, и, как следствие, они приходили к шапочному разбору, когда уже все сделано или еще недоделано. Начинают расталкивать дружинниц, покрикивать на них, как на незаконнорожденных, забирать пострадавших к себе и перебинтовывать.

Так получилось и на этот раз. При бомбежке 14 июня, в шесть часов вечера, после дневных трудов на пожаре они без вызова вышли в пораженный очаг, Шура Гунина и Валя Терешечева – две подруги. На проспекте Ленина возле парикмахерской они обнаружили девушку, военную, с открытым переломом, не помню, руки или ноги. Дружинницы, уже многим оказавшие первую помощь, умело подошли к оказанию первой помощи и этой тяжелораненой, наложили жгут, стали прилаживать шину, временно жгут сняли, чтобы пострадавшей дать передохнуть, делая перевязку, ждали скорую помощь, тут заявилась медико-санитарная команда с политруком тов. Лукашиным. Он начал кричать на девушек, оттаскивать их, называть их по-всякому. Но эти девушки себя в обиду не дали, они отстранили политрука и тихо на ухо ему сказали: «Вы не умеете себя вести в присутствии пострадавших, к тому же вы несвоевременно являетесь к оказанию первой помощи». Отправили раненую в больницу под канонаду зенитной артиллерии. Этот случай получил огласку. Политруку, кажется, было предложено нас уважать. Ибо в дальнейшем у нас были прекрасные взаимоотношения. Или, быть может, они смирились с тем фактом, что дружина – это что-то вроде легкой кавалерии, раньше их никогда никуда не попадешь в те часы, когда враг прорывается к городу и когда ему удается сбросить свой смертельный груз на мирных жителей.

18 июня 1942 года

18 июня для всех жителей Мурманска останется памятным на всю жизнь. Этот день будут передавать из уст в уста, из поколения в поколение. В этот день не стало в Мурманске за два часа 606-ти домов, в этот день тысячи людей лишились крова, остались разутые, раздетые и некоторые потеряли своих близких.

День 18 июня начинался как и все предыдущие дни, то и дело выла сирена, сообщала населению о боевой тревоге. Народ знал, что это значит, уже многие научены горьким

опытом, а мер соответствующих не приняли, жили беспечно, и каждый занимался своим делом. Я в этот день наметила идти в сельхозотдел обкома к тов. Макушину, накануне я с ним договорилась, он обещал принять все по тому же вопросу – по вопросу бобов, какао, они лежали все еще в порту, телеграммы из Наркомзема не получали, за груз переживала, думала, что сойду с ума, и решила пойти проконсультироваться. И стоило мне в пух и прах разодетой в костюм, модельных туфлях выйти из своего подъезда, где я жила, сирена завыла снова, не помню, какой раз по счету. В ближайшее убежище зашла, вскоре началась канонада зениток, и задрожали стены убежища дома 57. Это значило, что бомбы спущены и недалеко. Я тут же выскочила из убежища. Над облисполкомом увидела столб дыма. Как метеор взлетела к себе в квартиру, сбросила с себя костюм, туфли, быстро надела комбинезон, сапоги, сумка с противогазом через одно плечо, санитарная через другое, побежала к облисполкому.

Горел Дом культуры, горело все вокруг здания № 5 по Пушкинской улице, горела земля. Я вначале стояла и думала, что же делать, как оказаться* в эту тяжелую годину для города, и потом увидела – шофер горисполкома стремительно побежал в один из подъездов. Мне почему-то показалось, что это он полез на чердак гасить зажигалки, ибо на одном конце крыши я видела Лукашина и еще кого-то. Стремглав бросилась в противоположный подъезд, мне показалось что этого же дома, дома № 5 по Пушкинской, а потом узнала, что я была в доме № 8, Перовская улица. На чердак я вскочила очень легко, что-то меня туда гнало, подталкивало, мысль в это время не поспевала за событиями. И когда я вскочила на чердак, то уже перестала быть мыслящим существом. Надо было спасать дом, большой, кирпичный, пятиэтажный дом. Воспламенялась балка, под балкой была зажигалка, она уже сгорела, дыму от воспламеняющейся балки полон чердак. Я предусмотрительно закрыла за собой дверь, зная, что сквозняк недопустим, огляделась вокруг и лишь в стороне нашла пол-ящика песку, лопаты не было. Я с ручными часами на руке начала забивать пламя балки шлаком, а затем начала носить пригоршнями из ящика песок, насыпав кучу песка, погасив этот очаг, пошла проверять весь чердак. От дыма ничего не было видно, я торопилась, спотыкаясь обо что-то, подымалась и снова шла вперед, не давая себе отчета в том, смогу ли выйти обратно. Вдруг мне преградила путь стена, в углу противоположного здания догорала еще одна зажигалка, шлак весь взялся огнем, но ничего поблизости такого не было, чтобы воспламенилось. Гасить было нечем, поблизости песка не было. Все это забросала шлаком, камнями и пошла к ящику с песком к противоположному концу чердака, где загасила балку.

Идя по дороге, думала о том, что пригоршнями мне в такую даль не наносить, да и к тому же при первом препятствии, которых здесь так много, рассыплю, затем пришла в голову мысль, что ведь если я буду носить песок в сумке от противогаза, то ведь никто об этом знать не будет. Выбросив противогаз, все документы из сумки, загасила и второй очаг. Затем в слуховое окно полезла на крышу, хотелось узнать, почему нелепая стена преградила мне путь обследовать весь чердак. Взобравшись на крышу, я узнала, что это совершенно отдельный дом. С крыши я также узнала, что пламенем охватило полгорода.

Пламя сплошное. Ветер превратился в ураган, дома № 8 по Перовской, № 5 и 7 по Пушкинской окружены огнем, все вокруг горит, шапки искр сыплются, горит все, горит земля. 12000 зажигалок было сброшено вражеским самолетом в жаркий ветреный день на деревянную в основном часть города, где он предварительными бомбежками сделал много горючего материала, разбил водопровод. При массовом пожаре, как при всяком пожаре, усилился ветер, он просто превратился в ураган. Горело все одновременно. Воды не было. С трудом удавалось из пламени выбираться людям, не говоря уже о спасении вещей. Выносимые на улицу вещи горели от падающих везде искр, все, что люди уносили в убежище в надежде спасти, находили потом истлевшим.

* Пропущено слово, возможно, *полезной*.

Обходя дома № 5 и 7 по Пушкинской, патрулируя, так как сказали, что уже все потеряно, спасти невозможно, я увидела возле тлеющую ЗИС, велосипед, швейную машину, тлеющее пальто. Когда сунула руку в землю, чтобы загасить велосипед, то обожгла руку, до того земля была раскалена. Лиза Герм, погасив одновременно со мной в доме № 5 на чердаке и крыше зажигалки вместе с Лукашиным, начала расставлять силы по охране спасенных, но еще не совсем спасенных домов.

Перестала угрожать опасность с Профсоюзной, с Пушкинской, с Перовской, начал гореть зрительный зал Дома культуры. Огненные шапки снова посыпались на дома. Накалилась до предела фанера, которой забиты окна, стекло так раскалилось, что стоять невозможно, загораются балконы. Лиза Герм, рискуя жизнью, гасит горящий балкон. Тревогам нет числа, налет за налетом.

Все девушки выбились из сил. Все они работали на пожаре как пожарники, спасали дома, государственное имущество, а затем при новой бомбежке шли оказывать первую помощь. Люся Русакова, Шура Гунина, Вера Полюсова отстояли ветеринарную лечебницу, спасали имущество райкома партии, Дома культуры. Лиза Герм отстаивала вместе со многими, являясь организатором, дома № 5, 7 по Пушкинской, Клава Шкрябина – по улице Полярные Зори, дом № 101 отстояла, она также была организатором. Своим примером увлекла за собой остальных. Она на крыше с топором в руках, с мокрой тряпкой на голове, кем-то ей повязанной, работала наравне с сильным мужчиной, а ей было тогда всего 17 лет.

Мария Макаровская, самая молодая по стажу, по возрасту и самая храбрая, защищала здание горисполкома, где она работала машинисткой, и была заядлым пожарником. Она погасила зажигалки на чердаке дома, на крыше, но дом не уберегли от горящей столовой напротив. Мария вышла из здания последняя. Она по-детски рыдала, жалела здание, да и не вышла, по существу, ее вывели, она заблудилась в горящей комнате председателя горисполкома, хотела спасти документы.

Шура Мелехова на доме № 10 по Профсоюзной улице гасила зажигалки, а затем ее видел редактор «Полярной правды» Портнягин, как она, тут же сойдя с крыши в синем комбинезоне, с красно-крестовской сумкой через плечо оказала первую помощь пострадавшим. Портнягин написал хорошую, зовущую заметку «Девушка в синем комбинезоне» в «Полярной правде» от 26/VI-1942 г. Пожалуй, это самая лучшая заметка из всех, ибо написана она под впечатлением недавнего бедствия.

В этот день и я спасла дом по Перовской № 8, где помещается детская поликлиника и консульство. С какой гордостью я ходила возле этого здания. Сознание того, что я принесла пользу, что в этом доме лечат детей, живут люди, придавало мне силы.

К вечеру все девушки были грязные, оборванные, с прожженными комбинезонами, уставшие, измученные. Когда началась новая бомбежка в семь вечера, а затем новый пожар, как ни в чем не бывало пошли на разведку, но тут обошлось без жертв. Бомба попала в дом № 42 по проспекту Сталина, середина дома разрушилась, и, пока был новый налет, дом воспламенился.

Пожар перебросился в другую часть города, на улицу из сплошь кирпичных домов на проспекте Сталина, горел дом против дома, где шла я, искры сыпались на нашу сторону, у всех окон, веранд достаточно горючего материала от недавней сильной бомбежки. Крыша залита смолой, не рассчитано, достаточно одной искры, и с пятого этажа, где жила я, не унесешь ног, пришлось принять меры предосторожности, на всякий случай вещи связывать в узлы, с веранды убрать все: доски, щепки, словом, все, что может гореть. Лишь в час ночи миновала угроза, пламя с дома, уже сгоревшего, сбили. К дому, рядом прилегающему, огонь сбили. И я, с синяками на ногах, оборванная, скорее похожа на трубочиста, попыталась было уснуть, но, увы, попытки напрасны, глаза закрыть невозможно, все вокруг горит, трещит, рушится, воет сирена, бьют зенитки, рвутся бомбы, организм возбужден, слишком возбужден. [...]

Лето было отменно сухое, жаркое, водопроводы в большинстве случаев при

этом не работали, одновременно на большой площади возникали вначале маленькие очажки, исчисляемые в десятках, сотнях и тысячах, а затем увеличивались и вскоре превращались в море огня, поглощая буквально все. Так жили мурманчане, по существу, с первого пожара, с 14 июня по 8 августа 1942 года (это два месяца). Два месяца дружинницы не снимали своих комбинезонов. Отвыкали, забыли, трудно потом привыкли к своим обычным костюмам.

Подведя итоги проделанных работ девушек с периода, когда я стала политруком, изучив каждую девушку в отдельности, видя их храбрость, выдержку, выносливость, отвагу и вместе с тем скромность, мне пришла в голову идея-мысль, которой я поделилась с комиссаром штаба МПВО города, и я провела ее в жизнь. Собрав о девушках подробный материал с первых дней Отечественной войны, обобщив это все в одно целое, написала при помощи девушек характеристики на Люсю Русакову, Шуру Гунину, Валю Терешечеву, Шуру Мелехову и Лизу Герм, передала материал в штаб МПВО города о представлении девушек к правительственной награде – это было 19 июня, после первого крупного пожара, а 17-го тов. Жильцов увез ранее приготовленные характеристики на девушек в Москву.

Имя девушек – патриоток Родины стало известно Москве. Пять девушек, а позднее шесть (шестая – Мария Макаровская) были представлены к правительственной награде. Как ни скромны были девушки, но их самолюбие было польщено, они, безусловно, стали работать еще лучше.

Представление девушек к правительственной награде помогло мне собрать материал об их работе, и, как следствие, явилась необходимость вести дневные работы дружинниц. Пришлось на уцелевшей общей тетради сделать скромную надпись «Дневник дружины Кировского района» и, как было это ни трудно, пришлось открыть на каждую дружинницу лицевой счет. Трудно передать, какую колоссальную роль в дальнейшей работе сыграл этот дневник. Это получилось само собой.

Лицевой счет превратился в боевой счет, вся работа девушки фотографировалась в ее боевом счету. Там отражались и боевые дела, подвиг, отвага, заслуги, там же фотографировались и ее проступки. Заполняла я этот дневник почти каждый день, не запускала. Указывала точно день, если можно, число людей, с кем она работала, в какой обстановке работала и как при этом себя вела. Не прятала дневник далеко, носила в санитарной сумке и на сборном пункте, то ли на дежурстве, то ли во время боевой тревоги, я давала им этот дневник перечитывать, проверять правильность записанного, давала иногда, если в этом была нужда, почитать политдонесения, которые после каждой проделанной нашей работы давала в штаб с точными адресами места действия проделанной работы, отмечала каждого человека в отдельности и не только с хорошей, но и с плохой стороны, и это на девушек действовало.

Они стали следить за каждым своим шагом. Им хотелось быть героинями. Они стали дорожить честью дружинниц. Научились не просто выполнять работу, а творчески ее выполнять, завели свои дневники, не лишенные поэзии, романтизма, историчности. [...]

Но не было случая, чтобы девушки сбежали с поля боя, они шли в самые опасные места, под свист бомб, канонаду зенитной артиллерии, с гордо поднятой головой, уверенные в том, что с порученным заданием они справятся, и всегда возвращались с задания счастливые, с осознанием выполненного долга рапортовали о том, что все сделано, как было поручено. И не один раз, а по 5-6 раз в сутки юным героиням приходилось подвергать свою жизнь смертельной опасности.

Каждый боевой выход чем он был опаснее, тем с большим желанием выполнялся. Тем взрослее становилась, вчера еще ребенок, девушка. Росли они невероятно быстро, на глазах росли, точно грибы, не по дням, а по часам. В дружину пошел молодняк, не знающий страха, жаждущий подвига. Многие девушки, сами не ведая про то, творили поистине героические дела. 23 июня – экзамен на зрелость.

23-го июня

23 июня 1942 года уже к вечеру, нет, точнее, это было в 11 дня, сирена известила боевую тревогу, я была у своего дома, проспект Сталина, 55, тут же стояла моя дружинница Лида Дьяконова, она только пришла в дружину, ее способностей я не знала, хотя она сказала, что перевязок она делать не умеет, а учить сейчас было недосуг. Мы с ней, разговаривая, вместе вошли в бомбоубежище, с нами у дверей остался работник милиции, началась канонада зенитной артиллерии, и вскоре зашаталось здание – мы тут же все трое, как пробка из бутылки шампанского, выскочили на улицу. [...]

Пришли куда-то, позднее я узнала, к щели на Комсомольском сквере, где лежали люди, не подающие признаков жизни, глаза их были стеклянными, конечности похолодевшие – непонятно было, что это? Причина гибели массы людей и мне была непонятна. Смутно закралась в голову мысль, что, очевидно, их сильно ушибло взрывной волной, подозрения были на «ОВ», но не было времени рассуждать, да и спросить было не у кого. Я, подойдя к одному мужчине, лежащему без чувств, начала машинально делать все то, что делала с другим пострадавшим девушка в светло-голубой косынке: она, нагнувшись над больным, делая ему искусственное дыхание, терла виски нашатырным спиртом, приводила пострадавшего в чувство. Вдруг уснувший крепким, непробудным сном подал признаки жизни, и девушка, счастливая, голубоглазая, подняла на меня глаза – о, что это были за глаза, никогда в жизни таких глаз я не видела. Они излучали одновременно скорбь по случившемуся и радость, непередаваемую радость за спасенного ею человека.

Эта девушка была Валя Терешечева, скромная, бесстрашная девушка. Основная ее черта – скромность. За это я ее полюбила, это качество я широко пропагандировала, но подобных Вале девушек не было, каждая была прекрасна в своем роде.

Валя продолжала откачивать пострадавших, переходя от одного к другому. Ей помогали, послушно выполняя ее команду, жители Мурманска. Я, приведя в чувство своего пострадавшего, передала одной гражданке проследить за ним, решила пойти узнать, откуда приносят все время людей, уснувших, с пеной у рта, со стеклянными зрачками, закоченевшими конечностями. Особенно мне было непонятно то, что люди, которых я только что видела живыми, здоровыми, принеся пострадавших, тоже падали возле пострадавших, задыхались, теряли сознание. Взглянув вперед себя, я увидела дверь, из которой выносили беспрерывно пострадавших и клали их в ряд, теряя им счет, решила тоже пойти в щель убежища, хотелось разгадать. Такого в нашей практике не случалось, а теорию подзабыли, ее вышибли бомбежки.

Едва открыв дверь убежища, я увидела идущую мне навстречу Лизу Герм – нашего организатора дружины, редактора боевого листка «Трибуна», оратора, массовика – абсолютно бесстрашную, храбрую девушку, она шла к выходу со свечой в руке, в синем комбинезоне, она уже не шла ровной, уверенной походкой, а шаталась, ее бросало от одной стены к другой, она помутневшим взором узнала меня и прокричала точно с того света глухим далеким голосом: «Товарищ политрук, я ничего не слышу». Для меня стало очевидно, что в убежище имеются какие-то «ОВ» и что Лизу немедленно надо увезти из него на свежий воздух. Взяла у нее зажженную свечу, велела ей идти на волю, на свежий воздух, сама со свечой пошла по убежищу, свеча горела тускло, с трудом, по существу, не освещала путь. Пройдя вглубь по прямой в щель убежища, я ничего не нашла, вернулась и услышала в одном из отсеков храп людей, на этот храп пошла, наткнулась на кучу-«малокучу» людей, упавших друг на друга, – их было не меньше 15–20 человек, в разных позах, нельзя было разобрать, где чья рука, где чья нога. Они как бы мирно спали, издавая мощный храп.

Надо полагать, они, чувствуя опасность, стали выходить из убежища и, в силу отдаленности от выхода балонной концентрации угарного газа, проникшего при прямом попадании фугасной бомбы, не одной, а нескольких, в это колоссальное

убежище, сделанное в горе, с насыпью в 15 метров толщины слоя земли, рассчитанное на 300 человек – уснули.

Крыло, куда проник угарный газ, не было засыпано землей, но в него прошел, проник угарный газ, и люди, не успевшие выйти, отравились. Их выносили, и не всем удалось вернуть жизнь. Найдя в отсеке группу пострадавших, крепко уснувших, большинство из них навсегда уснувших, я стала звать людей на помощь, шла, открывала дверь, подпирала ее противогазами, туфлями, беретами, которых было у двери так много, звала людей на помощь, кричала: «Идите, там их много». Люди шли за мной, я их приводила, светила им, они с трудом отбирали из общей кучи невероятно отяжелевшего человека без чувств, уносили, на смену им приходили другие люди и тоже брали свою ношу, уходили. Мне стало не по себе, я вышла на свежий воздух, но народ звал, кричали: «Давайте света». Я снова зажгла свечу, пошла к прежнему месту, одну свечу прикрепила на лавочке, вторую держала я. Свечи мигали, я все нагибалась ниже и не знаю, как долго пробыла там я. Мне вдруг захотелось сесть, так как под коленями появилась какая-то слабость, и помню лишь одно – не ощущая никакой боли, не чувствуя себя плохо, мне хотелось сесть. Почувствовав слабость в ногах под коленями, я присела, так мне казалось, а на самом деле упала на руки мужчин, которым светила.

Работник Красного Креста тов. [...]* уже после рассказывала, что в тот день какая-то дружинница в синем комбинезоне со свечой в руках упала на руки мужчин, которым светила в убежище с угарным газом. Падая, говорила: «Там, там, там»,– это была я. Меня вынесли, и девушки-дружинницы перестали быть профессиональными, им всем стало не по себе.

«Политрук мертв,– рассказывает Люся Русакова,–как же так, ведь только была с нами, и вдруг. Глаза со стеклянными зрачками, голова перекошена, руки и ноги закоченевшие. Страшное зрелище». Люся не выдержала, разрыдалась, не смогла откачивать. Начала откачивать Лиза Герм, она решила, что не все пропало, от людей слыхала, что если зубы крепко сжаты, то, значит, человек жив. Она сделала все, что могла, и затем испытала последнее средство, приведшее меня в чувство, разжала чем-то зубы и влила в рот валерьянки с водой. Политрук ожил, не мог умереть. Девушки не хотели, чтобы он умер, они его вырвали из когтей смерти. Но только стала я приходить в себя, началась вторичная тревога, зенитная стрельба. Герм Лиза поручила политрука (свой трофей) Тосе Зубовой, молодому командиру, приведшему в дружину целое храброе, боевое отделение.

Тося 18-го при массовом пожаре осталась в одном комбинезоне, все сгорело. И теперь в этом синем комбинезоне, имея от роду 17 лет, где-то набрала сил, подняла своего политрука и на себе из-под горы потащила в междурейсовый Дом, в убежище, где лежало на специально приготовленных койках не меньше 20 человек, принесенных мужчинами, девушками от убежища, приведенных в чувство. Им давали кислород, делали камфорные уколы, не давали спать, и тех, кто себя чувствовал очень плохо, увозили в стационар. Возле меня лежал рабочий и все пытался спать, ко сну клонило и меня. Лиза Герм, принесшая от убежища кого-то, не давала мне спать, а, когда я стала себя чувствовать сносно, ей стало плохо, она легла. Теперь ухаживала за ней я. Рабочий, лежавший возле, пытался уйти на работу, ведь он только отлучился на время тревоги, и вот он пояснял, что случилось. Вместо работы его увезли в стационар. А я ушла с Лизой Герм в дом, который она спасла 18 июня.

Мы поместились на сборном пункте у тов. Лукашина. Лиза лежала, ее все время позывало на рвоту, и это было так мучительно. Я ухаживала за Лизой. В три часа новая, не помню, по счету какая боевая тревога, стрельба зениток, а затем были сброшены бомбы. Мы вышли с тов. Лукашиным определить место падения бомб и не определили. Тогда я, как бы прося у него разрешения, сказала, что пойду в дом 46 просп. Сталина и там узнаю. Он благосклонно согласился, и я, получив одобрение, пошла.

* Пропуск в документе, сделанный автором. Имеется знак «?», поставленный автором.

В штабе от меня все шарахнулись, им не верилось, что люди могут разгуливать по улице с того света. Мне сначала непонятно было их удивление, но потерянный берет, гребенка и мокрый комбинезон мне напомнили о случившемся на Комсомольском сквере 23 июня в 11 часов утра. Но я требовала указать место падения бомб, сказала, что я делегат Лукашина, и мне сообщили, что бомбы упали возле гостиницы «Арктика», имеются раненые, требуется скорая помощь. Тут же стояла Лида Дьяконова, ее я и взяла себе в помощники. Она должна была идти в дом 5 по Пушкинской за носилками и медико-санитарной командой, которая пошла в скорую помощь. Я пошла к «Арктике».

Только мы вышли с Лидой, канонада возобновилась с прежней силой. Мне как-то было не по себе идти, не сгибаясь, я то и дело прижималась к стенам домов, заборов, а Лида так и пошла напрямую не сгибаясь. Я глядела на нее и удивлялась ее бесстрашию, отваге, удали, а ей всего восемнадцать лет.

Зенитная канонада настолько была сильна, что скорая помощь, только что вышедшая от междурейсового Дома, круто повернула, ушла, мимо почтамта и «Арктики» промчалась вторая машина скорой помощи, и никто не смог ее задержать. Милиционеры волновались, требовали машину, так как против «Арктики» на пятачке под трибуной лежали тяжелораненые.

Я направилась к указанному ими месту, и моим глазам представилась незабываемая картина. Под трибуной на цементе лежал в костюме светло-синего цвета лет двадцати поляк, возле него была темно-красная лужица крови, его правая нога находилась в шине, сделанной из фанеры, наложен жгут на бедро, на месте открытого перелома наложена стерильная повязка. Бинт своей белизной слепил глаза, валялся шерстяной синий чулок, разрезанный с больной ноги, пострадавший лежал молча, терпеливо ждал карету скорой помощи. Прислонившись к столбу, тут же сидел мужчина лет сорока с обвязанной головой, просил, очень просил покурить, рядом с ним лежал вниз лицом в рабочем костюме лет 14 мальчик, убитый осколком в темя.

В скверике, возле самой воронки только что упавшей 500-килограммовой бомбы, осколками которой убило и ранило людей, находящихся под трибуной, убило повара ТПО (у него была снята вся часть черепа с затылка), вид у него был ужасен. Возле него сидела официантка с раненой ногой и уже перевязанной. Кто-то наложил шину, сделанную тут же на ходу из куска фанеры, кто-то сделал перевязку раненному в голову мужчине, кто-то заботливо прикрыл повара, у которого не было головы. Кто-то успокаивал раненых во время продолжительной канонады зениток по вновь прорвавшемуся врагу. Кто эти люди, нетрудно догадаться, что то были юные, как весенний день, красивые девушки-дружинницы Шура Мелехова, с черными озорными глазами, с пышными черными кудрями, и Верочка Полюсова, по существу, еще ребенок, черненькая, маленькая, упругая, востроглазая, только что окончившая десятилетку. Они не обращали внимания на канонаду зениток, на сыплющиеся от зениток осколки, не пытались укрыть себя на тот случай, если враг сбросит бомбы, их занимал один вопрос: оказать первую помощь, не дать истечь кровью пострадавшим, а затем поддержать в них настроение до прихода машины скорой помощи.

Эту роль они выполнили мастерски. Раненые спокойно ждали отправки. Вскоре Лида пришла с носилками. Поляка девушки стали класть на носилки, он жалобным, просящим голосом попросил девушек, чтобы они не беспокоились, не трудили свои еще не окрепшие руки, не надрывали своих сил, он сказал: «Не надо, девушки, я сам покладусь». Но девушки уже с материнской заботой уложили его на носилки. Крошечная вострушка Верочка поправляла его больную ногу, а затем понесли его на первую попавшуюся грузовую машину, поляк снова жалобно и в то же время с большой искренней благодарностью попросил, чтобы Верочка передала носилки мужчине. Тут пришлось пойти ему на уступку, носилки понесли мужчины. Девушки усадили раненного в голову. Сделав все, облегченно вздохнули. Они чувствовали, что сделали что-то хорошее, но не давали себе отчета в том, что они вели себя как героини, ведь их

никто сюда не посылал, они сами сюда пришли и спасли жизнь двум людям, подвергая смертельной опасности себя.

Но мы ни словом не обмолвились о Шуре Гуниной, где она, что делала в эти страшные минуты. Ведь не могла же она отсиживаться, нет, это не в ее характере, ведь она командир боевого подразделения. В ее отделение идут лучшие девушки. Они с восторгом воспринимают ее боевые традиции. Шура безмерно храбра, она требовательна к бойцам, не терпит трусов, расхлябанности. Конечно, в этот день, как и раньше, как и все последующие боевые дни, Шура Гунина была везде первой и на этот раз свое отделение привела первая к убежищу, где были отравлены люди угарным газом. Дав задание бойцам приводить в чувство пострадавших, которые успели сами выйти из убежища и тут же теряли сознание, сама, как и подобает командиру, пошла в убежище выяснить, в чем дело? Она первая обнаружила в отсеке тех же пострадавших, которых нашла позже Лиза Герм, а затем я. Найдя уснувших, Шура торопилась к выходу сообщить о результатах разведки, чтоб спасти людей.

По пути взяла с собой, как она выразилась, захватила одного угоревшего под мышку, точно то была какая-то вещь. Откуда у нее взялись эти силы, она удивляется, но пронеся его метров пять, у выхода упала без чувств со своей драгоценной ношей. Ее вынесли, и ее родная сестра оказалась тут же, откачивала, а затем по требованию секретаря РК ВКП(б) Кировского района тов. Васильева ее отвели в убежище облисполкома, где она и лежала под надзором сестры и врачей, иначе сбежала бы.

Так и до сих пор не может себе простить, как она выражается, «вынужденной посадки», обидно, говорит, что я не спасла людей, а меня спасли. Больно до слез, больно, что ее подружки Валя Терешечева, Люся Русакова работали на поле боя (в убежище, где мы угорели, спасая пострадавших) до пяти вечера с 11-ти утра, не уходя даже в укрытие, когда появлялась боевая тревога, а затем начиналась канонада зенитной артиллерии, когда неподалеку были сброшены бомбы.

Девушки помогали откачивать угоревших, а затем откапывать заживо погребенных в этом же убежище. Пять часов откапывали их. Пять часов напряженной, тяжелой, изнурительной работы. Пять часов до отказа были напряжены, до предела, нервы у всех откапывающих своих товарищей, близких, знакомых, которые каждую минуту могут задохнуться. И вот наконец их откопали – стали выходить на свежий воздух, и люди, посидевшие пять часов без воздуха, теряли сознание. Дружинницы Люся Русакова, Валя Терешечева, Тося Зубова, Мария Макаровская приводили в чувство пострадавших. Вот вывели из завала комиссара военкомата Кировского района тов. Теплякова. Ему плохо, но девушки помогли. Дали нашатырного спирта, холодной воды, и тов. Тепляков полон благодарности спасшим ему жизнь, жизнь 86 человекам, которые были так же, как и он, заживо погребены и теперь спасены. Конечно, девушки работали не одни, патриотов было много, их не счесть, но появление молодых, совсем еще юных патриоток-дружинниц в опасных местах воодушевляло людей, двигало на подвиг. [...]

Е. Д. Владыкина

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д 410. Л. 1–31.
Подлинник. Машинопись с авторскими правками.

№ 57–59

Боевые счета* дружинниц Кировского района города Мурманска в очагах поражения после налетов вражеской авиации**

2, 6 апреля 1964 г.

№ 57

Л. М. Русаковой (Дуровой)

2 апреля 1964 г.

12/VI-1942. Перовской ул. – оказала первую помощь – **1** ч.

25/VI-1942. Пр. Ленина – оказала п. помощь – **2** ч.

18/V-1942. Милицейская улица, здание упр. милиции – оказала п. помощь – **2** ч.

13/VI-1942. Оказала первую помощь двум легко раненным – **2** ч. Затем пошла к г-це «Арктика» – там было прямое попадание в убежище?***

14/VI-1942. 1). Ж. дорога в районе ТПВ – вся дружина работала в очаге поражения. Спасала оборонные грузы из горящих вагонов. В этот день впервые были сброшены зажигалки. Работали с 11 утра до 5 вечера. 2). Пр. Сталина, 40, оказала первую помощь – **3** ч. Вместе с Владыкиной транспортировали в машине скорой помощи в больницу, отвозила Владыкина. Все были тяжело раненные.

18/VI-1942. 1). Спасала имущество Кировского РК ВКП(б). 2) Отстаивала ветлечебницу под руководством В. Н. Васильева. 3). Спасала имущество Дома культуры. 4). Во второй половине дня на пр. Сталина, 44 оказала первую помощь одному человеку – **1** ч. (пожар перекинулся на пр. Сталина). 5). Отстаивала от огня Дом Советов.

23/VI-1942. 1). На улице Траловой спасали дома от огня с Гуниной и Терешечевой, Полюсовой, Мелеховой, Шибаевой. 2). Спасала угоревших в убежище на Комсомольском скверике, давала нашатырный спирт, валерьянку и т. д. – **3** ч. 3). Весь день – остаток дня и при повторной бомбежке работала у завала убежища на Комсомольском скверике – оказала помощь – **68** ч. (См. главу «Там, где росли березки» в книге «Дружинницы, подруги мои!», автор Е. Д. Владыкина).

24/VI-1942. 1). Улица Перовской – оказала первую помощь – **7** ч. вместе с Гуниной, Терешечевой, Мелеховой, Шибаевой, Полюсовой при сильном зенитном огне, когда еще не осел столб пыли от взрывной волны. Отвозила пострадавших в больницу Полюсова Вера. 2). Оказала первую помощь на ул. Челюскинцев – **1** ч.

30/VI-1942. 1). Пр. Сталина, 41 – оказала первую помощь – **1** ч. – тяжело раненному. 2). В Жилстрое, ул. Красная и Рыбачья – спасали дома от огня, заливали водой огонь на чердаках барака.

2/VII-1942. Вся дружина работала в очагах поражения на Пяти Углах, Ленинградской и клубе госторговли – спасали деревянные дома от зажигательных бомб, сброшенных вражескими самолетами в изобилии. Выстояли, конечно, вместе с населением, пожарными.

8/VII-1942. 1). Оказана первая помощь в тот день – **26** ч. Работала дружина – 20 человек. Спасали дома, склад Мургужтранса. Работали: Русакова, Шибаева, Макаровская, Богданова, Добрынина, Белозерова, Похвалина, Егорова, Дьяконова, Гунина, Кашилова, Полюсова, Герм, Владыкина.

31/X-1942. Разведка под сильным зенитным огнем.

8/XII-1942. 1). Оказала первую помощь матери и ребенку – **2** ч. 2). Дважды

---

* Боевые счета – это ежедневный учет действий дружинниц. Составлены автором по документам военного времени (политдонесения, докладные, дневники) (ГАМО. Ф. П–2393. Оп. 2. Д. 453. Л. 56 об.).

** Опущена повторяющаяся информация.

*** Знак автора.

ходила на разведку на улицу Микояна и пр. Сталина, 57. (Спасали ребенка, см. статью «Полярная ночь» от 26.12.42 в г. П. правда К. Тюляпина* и стихи «Сестра»**).

14/XII-1942. Пр. Сталина, д. 40, с Е. Долговой – контузия, п. помощь женщине – **1** ч. 2). Разведка пр. Сталина, 33, 38, 41, 44 с Владыкиной, Терешечевой, Гуниной, Кабановой, Волоховой, Медведевой. Добрыниной, Вейс, Черничкиной.

13/XII*-1942.** 1). Пр. Сталина, 40, 41, 38 – в доме 40 оказана п. п. – **1** ч. – контужен, отправлен со скорой помощью. 2). Ижемская улица, дома 44, 25 – завал щели (раскопки).

15/XII-1942. Разведка – Перовской ул., 34 школа, 10 школа, пр. Ленина 34, 35.

26/XII-1942. Моховая ул., д. 3. Оказана первая помощь – контузия – **1** ч. – отправлен со скорой помощью.

26/XII-1942. Ловозерская ул., д. 1, 2, 3, Олений переулок – оказана первая помощь – **1** ч.

27/XII-1942. Кильдинская ул. и ул. Полярные Зори – разведка с Похвалиной.

28/XII-1942. Перовская ул., общежитие и столовая 4 школы (госпиталь) – оказана первая помощь – **2** ч. с Волоховой и Кабановой. Ранена Русакова, наколола ногу на гвоздь, т. к. была в ночных тапочках – такова война!

28/XII-1942. Баня №1 – разведка.

7/I-1943. Пр. Сталина, 57 – разведка.

7/I-1943. Разведка – ул. Челюскинцев, 7, поликлиника водников, пр. Сталина, 55, 57, 46 с Грицай, Макаровской, Добрыниной и Гуниной.

8/I-1943. Разведка – Милицейская ул., 42, ул. Коминтерна, 7, пр. Сталина, 33.

12/I-1943. Милицейская, 33 – оказана первая помощь – **1** ч.

12/I-1943. Разведка – пр. Ленина, Коминтерна, 7, Ленинградская и Перовской улицы.

19/I-1943. Разведка – Ленинградская, пр. Ленина, ул. Коминтерна, 17 с Т. Шеиной, З. Богдановой в 19 часов – конец рабочего дня, ул. Полярных Зорь.

21/II-1943. Пр. Сталина, 46, пр. Ленина, 13 и междурейсовый Дом отдыха. Сброшены фугасные и зажигательные бомбы. Прямое попадание в дом 46 по пр. Сталина и в Междурейсовый. Разведка с Владыкиной, Гуниной, Добрыниной, Черничкиной, Терешечевой. В доме 46, кв. 14 по пр. Сталина Терешечева оказала первую помощь женщине – **1** ч. Мы все там были, бомба влетела в окно квартиры. (Летела откосом.)

6/III-1943. 1). Вечер, посвященный 8 Марта, предполагали провести в ДКА и «Арктике». Дружинниц пригласили в ДКА (Дом Красной армии). Мы уже были там, нам предложили раздеться, но мы отказались, и перед торжественным заседанием началась бомбежка. Фугасная бомба упала рядом с ДКА. Свет погас, рамы вышибло, взрывная волна ворвалась в дом – в помещение вешалки, и вечер там не состоялся. 2). Не состоялся вечер и в «Арктике», прямое попадание фугасной бомбы в зрительный зал и кассеты с зажигалками в парикмахерскую – пожар в «Арктике». Были ли жертвы, не помню. Но с Гуниной Шурой и Богдановой Зоей я там была. 3). Пожар на Пушкинской в доме 5 или 7.

12/III-1943. Ул. Карла Маркса, столовая – прямое попадание. Оказала первую помощь **3** ч., тяжело раненным, ездила на машине скорой помощи с Зоей Богдановой под сильным зенитным огнем, под взрывами бомб, одна бомба упала перед машиной скорой помощи. «Как на фронте», – сказала тогда Люся.

13/III-1943. КП пр. Сталина, д. 46, в ночь на 13 марта оказала первую помощь моряку – **1** ч. Оторвало два пальца у ноги возле бани, в убежище пришел сам.

13/III-1943. Ул. Самойловой – оказала первую помощь – **1** ч. ****

* Источник подтвержден.

** Установлено, что в «Полярной правде» от 26 12.42г. стихи «Сестра» К. Тюляпина не были опубликованы.

*** Хронология нарушена автором.

**** Далее зачеркнуто.

14/III-1943. Разведка улиц Пушкинской, Карла Маркса, Перовской, Полярные Зори, 17 школы.

23/III-1943. Школа № 17 – разведка с Егоровой, Шеиной, Ивановой. Сброшены фугасные бомбы.

22/IV-1943. Мортехникум – разведка с Богдановой Зоей, Навозовой, Похвалиной, Ивановой, Владыкиной, Е. Долговой. В этом районе были сброшены фугасные бомбы, были убитые. (Записная книжка.)

24/IV-1943. Ул. Карла Маркса – разведка с Волоховой, Сидоровой, Черничкиной.

8/V-1943. Разведка – 17 школа – в разведке была и Черничкина.

По неполным данным, **110** чел. пострадавшим оказана первая помощь. Материал обобщен 2/IV-1964 г.

Е. Д. Владыкина

ГАМО. Ф. П–2393. Оп. 2. Д. 453. Л. 69–74. Подлинник. Рукопись.

№ 58

Е. Д. Владыкиной*

31/12-1941. – Госпиталь 2310 – возвратилась из госпиталя уже после бомбежки. Вражеские самолеты пролетели вдоль проспекта Сталина, сбросили осколочные авиабомбы мелкого калибра, одна из них упала против окон моей квартиры, были выбиты рамы, стекла, нарушена светомаскировка. Вместо встречи Нового года нам пришлось заниматься ликвидацией последствий бомбежки. Все, что было приготовлено к встрече Нового года, погибло – было перебито, перемешано «с взрывной волной» – т. е. с грязью.

Апрель 1942. – Караван стоял в порту, я отбирала образцы пшеницы для анализа на лесных причалах. Видела, как вражеские бомбардировщики бомбили город, но не чаяла беды и чуть было не ушла на дежурство в госпиталь, размещенный в 4-й школе по Перовской улице. Нач. облзо Медведев предупредил, сказал, что бомбили в том месте, где живу я. И – о ужас! – квартира разбита, муж ранен, изрезано стеклами все лицо. Он зашел на минутку из военного городка и как раз угодил под бомбы. Самое тяжелое то, что работники облземотдела никто не пришел и не помог хотя бы советом. Да, такое не забывается! Это по счету вторая и самая сильная бомбежка моей квартиры, и отремонтирована была за донорский паек. – **1** ** **ч.**

12/IV-1942. – Мой первый боевой выход в очаг поражения в качестве политрука медико-санитарной дружины Кировского р-на города Мурманска в дни войны. Перовская, 12, в 8 ч. утра без сигнала «ВТ» были сброшены фугасные бомбы по ул. Карла Маркса. Прямое попадание в кирпичный дом, женщина с кроватью провалилась на нижний этаж кирпичного дома. Тут же рядом, в парикмахерской, много раненных стеклом. На Перовской, 12, деревянный двухэтажный дом завалило целиком – 19 человек убитыми. Лишь одна женщина уцелела, ее из дома с койкой выбросило в воронку из-под другой бомбы – как в сказке, но это так. Гунина Шура, оказавшая первую помощь этой женщине, подтвердила на слете 3/VI-1964 года.

25/IV-1942. а) (В книге «Дружинницы, подруги мои!» указано 23/IV-1942) – также без сигнала «ВТ» были сброшены то ли фугасные бомбы, то ли связки гранат на дома; 1) дом упр. милиции по Профсоюзной ул. и дом Севморпути, угол Профсоюзной и Ленинградской (теперь госпиталь) – прямое попадание. Мне впервые пришлось оказывать первую помощь пострадавшим как политруку сандружины. Это было мое первое боевое крещение. Сама я тоже была контужена, так как дом деревянный,

* Дата создания документа не установлена.

** Здесь и далее цифры, обозначающие количество получивших первую помощь, в документе обведены красным карандашом, в тексте выделены жирным шрифтом.

двухэтажный, вплотную прилегал к дому Севморпути, в который угодила фугасная бомба, причем в крыло дома, прилегающего к нам. Наш дом в этот раз пострадал, но не сильно. Нас тряхануло, но раненых не было – контузии, конечно, были, у всех нервы были уже на пределе. Будучи контуженной, мне пришлось оказывать первую помощь пострадавшим, которые сами каким-то образом ухитрились выбраться из-под бревен, досок, обломков. Зрелище потрясающее и незабываемое. Мои руки тряслись как в лихорадке и оттого, что я сама чудом уцелела (ведь бомба ошиблась всего лишь на 50 метров, не больше), и оттого, что на меня двигалась армада раненых, окружали меня, и их было так много, а я была одна, но вскоре прибыли дружинницы, скорая помощь, медико-санитарная команда – **6** чел. б) Оказана первая помощь с т. Моисеевым у 6-й школы военному – **1** ч.

19/V-1942. Пр. Сталина, д. 25 – оказала первую помощь двум пострадавшим – **2** ч. Об этом эпизоде ничего не помню, лишь сохранилась запись в дневнике дружины: 25-й дом по пр. Сталина (теперь Ленина) часто подвергался бомбежке, но ни разу не было прямого попадания.

13/VI-1942. Разбиты: Дом культуры им. С. М. Кирова, магазин «Гастроном», здание Кировского райисполкома, бомбы были сброшены у магазина ТПО. Пострадавших и убитых было тогда много. Я спасла жизнь кировчанке в здании гастронома, где размещался облторготдел – она была завалена обрушившимися потолками в коридоре при выходе во двор – **1** чел.

14/VI-1942. 1). Вся дружина пришла к разрушенному накануне зданию Кировского райисполкома, там в уцелевшей комнате ютился Кировский РК ВЛКСМ. Но вместо кросса вся дружина угодила под бомбежку. Бомбы фугасные были сброшены на Культурном переулке – прямое попадание в убежище-щель, там все погибли. 2). Также прямое попадание в щели г-цы «Арктики», там я спасла машинистку внешторга – Шумкину – **1** ч. 3). Фугасные и зажигательные бомбы были сброшены на линию железной дороги и у самого магазина ТПО – где укрылась вся наша дружина. Лишь я и Клава Шкрябина ушли на сборный пункт и тоже чудом уцелели. Дружинницы тогда уцелели – и все работали на железной дороге под руководством В. А. Васильева, спасали оборонный груз от огня (в этот день впервые были сброшены авиазажигалки). 4). Во второй половине дня была снова бомбежка на пр. Сталина, там работала снова дружина. Мы с Л. Русаковой спасли жизнь трем пострадавшим – **3** ч.

Мы их извлекли из разрушенного деревянного дома, с невероятными трудностями их выносили на носилках, затем я их отвозила на машине скорой помощи – эта транспортировка раненых навсегда осталась мне в памяти, они теряли сознание, стонали, просили, умоляли помочь им. Да, этот путь мне никогда не забыть! В книжку и рукопись этот эпизод не вошел, т. к. я о нем помнила лишь смутно. В записках нашла и вспомнила.

18/VI-42. 1). Отстояли от огня дом 8 по улице Перовской, там и сейчас детская консультация. В этот день сгорело 606 домов. (Смотри книгу «Дружинницы, подруги мои»). 2). В этот день затем пожар перебросился на пр. Сталина. 3). Ходила на разведку – Комсомольский скверик.

23/VI-42. 1). С Дьяконовой Лидой обследовали крышу и потолок дома 55 на пр. Сталина на наличие зажигалок. 2). Оказывала первую помощь пострадавшим от угарного газа – **19** ч. Сама отравилась – откачала Герм Лизу, на себе отнесла в убежище ДМО Зубова Тося. 3). Во второй половине дня была на пятачке, у гостиницы «Арктика» – вместе с А. Мелеховой, В. Полюсовой, Л. Дьяконовой – оказала первую помощь пострадавшим – **4** ч., отправили на грузовой машине в больницу – кто отвозил их в больницу, мне не вспомнить, придется спросить Верочку Полюсову, теперь Оксову.*

Е. Д. Владыкина

Ф. П-2393. Оп. 2. Д 453. Л. 17–26. Подлинник. Рукопись.

* Приписано красным карандашом 46 Б. В. (очевидно, боевых выходов), 57 человек (оказана первая помощь).

№ 59
М. П. Макаровской

6 апреля 1964 г.

13/VI-1942. М. Макаровская вместе с Е. Долговой оказали первую помощь тяжелораненым **11*** в здании Кировского райисполкома на Ленинградской улице и отправили в больницу. В этот день были разрушены Дом культуры им. С. М. Кирова (Пушкинская ул.), гастроном или «Люкс» на Ленинградской ул. (теперь пр. Ленина), здание Кировского райисполкома. Там же и много бомб упало у здания ТПО. В этот день было много разрушений и много дежурств. М. Макаровская и Е. Долгова 13 июня [19]42 г. получили первое боевое крещение.

14/VI-1942. Вместо кросса попала в очаг поражения в районе ТПО, на железной дороге спасала оборонный груз от огня, возникшего от авиазажигалок, впервые сброшенных вражескими самолетами 14.VI.42 г. на ж. дорогу, примыкающую к торговому порту. В этот день с 11 ч. утра и до 4 вечера вся дружина работала на этом пораженном участке. М. Макаровская в этот день оказала п. помощь – **1**** чел.

17/VI-1942. Ул. Профсоюзная – разведка с Грицай.

18/VI-1942. Профсоюзная ул., горисполком, многоэтажный кирпичный дом – Макаровская с крыши и потолка дома сбросила много зажигалок, загасила песком многочисленные очаги огня, но когда не удалось спасти дом, то выносила документы из здания вместе с Е. Долговой и едва обе не сгорели. Их спасли.

19/VI-1942. Пр. Сталина, 46, КП – у входа в КП ранена осколком в голову.

23/VI-1942. 1). Спасала вещи у здания Муршвейпрома. 2). Оказывала первую помощь пострадавшим у убежища на Комсомольском сквере возле Междурейсового дома отдыха тралового флота угарным газом от фугасных авиабомб – **10** чел. 3). Была в разведке в районе гостиницы «Арктика». 4). Городской КП – оказала первую помощь тяжело раненным – **5** чел.

24/VI-1942. У городского КП оказала первую помощь – **4** ч.

30/VI-1942. Р-н Колонизация – оказала первую помощь – **6** чел.1). В том числе Нерчуку – зав. военным отделом горкома КПСС. 2). На улице Красной спасла дома от огня. 3). Гасила со всей дружиной склад Мурманского гужевого транспорта. 4). 8-го июля Макаровская приняла от Зубовой Тоси отделение – К. Шкрябину, Е. Д. Владыкину, И. В. Вейс.

14/X-1942. Пр. Ленина,13. Разведка с И. В. Вейс, А. И. Медведевой, В. М. Добрыниной, Е. Д. Владыкиной. (См. статья «Во имя Победы» от «П. Правда»***).

30/X-1942. 1). У Полярных Зорь, в районе 4 школы, оказала п. помощь – **5** ч. Вместе с В. М. Добрыниной, А. И. Медведевой, И. В. Вейс. 2). Спасали вещи от огня из горящих домов.

12/XI-1942. Междурейсовый дом тралового флота – разведка.

2/XII-1942. Гостиница – оказана первая помощь – **3** ч., ранены в голову, отправлены в больницу, в их числе артист Сосновский. Четвертый был убит и отправлен в морг. Оказана п. помощь вместе с Л. Дьяконовой, М. Я. Семеновой, В. С. Навозовой, Е. Владыкиной.

8/XII-1942. Ул. Ленинградская – разведка.

15/XII-1942. Разведка – 1). Пр. Ленина, дом 34, 35. 2). Перовская – в районе 34 школы.

26/XII-1942. Ул. Карла Маркса – разведка с И. В. Вейс.

* Цифра написана красным карандашом.
** Здесь и далее цифры обведены красным карандашом.
*** Установлено: газета «Полярная правда» от 7 марта 1943 г.

26/XII-1942. Ул. Карельская, 10 (пересыльный пункт) – разведка с Вейс Ириной Васильевной.

8/XII-1942. Пр. Сталина, дом 40, кв. 91 – пожар от авиазажигалок. Выходили вместе с В. М. Добрыниной, З. А. Волоховой.

28/XII-1942. Пр. Сталина. 38, Рыбацкий переулок – разведка с А. С. Гуниной, В. А. Терешечевой, Е. Д. Владыкиной.

28/XII-1942. Пр. Ленина в районе Почтамта – разведка с Добрыниной Валентиной Михайловной.

29/XII-1942. Улицы Красная и Микояна – разведка с Е. Д. Владыкиной, М. Я. Семеновой. З. И. Богдановой.

29/XII-1942. Ул. Воровского – разведка с В. Добрыниной, Е. Д. Владыкиной.

30/XII-1942. Ул. Микояна, стадион – разведка с дружинницами Е. А. Долговой, Е. Егоровой, В. С. Навозовой.

30/XII-1942. Улица Воровского, Полярные Зори. Военный городок (общежитие) – оказана первая помощь трем девушкам – **3** ч., тяжело раненным: Чечулина Люба, Рябова Лена – с переломом ног. Работали в очаге поражения Макаровская с Вейс Ириной Васильевной. Было много убитых, в их числе девушка с незакрывшимися глазами.

7/I-1942. Улицы Челюскинцев, поликлиника водников, Пять Углов, пр. Сталина, дома 57, 55, 46. – с В. М. Добрыниной, А. Грицай, А. С. Гуниной, Л. М. Русаковой.

8/I-1943. Район магазина ТПО – разведка с К. Шкрябиной .

8/I-1943. Улица Воровского, угол Ленинградской, д.19 – оказана первая помощь – **1** ч. Отправлен на грузовой машине в больницу дружинницами.

19/II-1943. Разведка: 1). Пушкинская, 5. 2). Профсоюзная. 3). Перовской улица. 4). Пр. Сталина, 59 с дружинницами: Е. Д. Владыкиной, Е. Ю. Долговой, Р. А. Поляковой, В. М. Добрыниной. (См. книгу «Дружинницы, подруги мои!», автор Е. Д. Владыкина).

20/II-1943. Пр. Сталина, дом 57 – разведка с Черничкиной.

28/II-1943 г. 1). Пр. Ленина, сильный зенитный огонь, бомбы сброшены у дома 13, пр. Ленина. 2). На крышу Междурейсового дома отдыха сброшены авиазажигалки в кассетах. 3). В районе ул. Шмидта сброшена авиабомба весом 1000 килограмм. В эту ночь зенитный огонь был особенно сильным. Много раз в разных местах были сброшены фугасные и зажигательные бомбы.

6/III-1943 г. Ул. Пушкинская – разведка с Е. А. Долговой.

12/III-1943. Ул. Пушкинская, дом 5, сброшены зажигательные бомбы – разведка.

12/III-1943. Ул. Карла Либкнехта – разведка с Е. Долговой.

15/III-1943. 1). Пр. Ленина. 2). Пушкинская – разведка, там был взрыв фугасной бомбы замедленного действия.

23/III-1943. Пушкинская улица – разведка.

7/V-1943. Ул. Полярные Зори, 49 (пересыльный военный пункт). Оказана первая помощь М. Макаровской, Е. Долговой, А. Грицай. Позже подошли Добрынина и Черничкина –**10** ч.

Всего оказана первая помощь пострадавшим – **59** чел.

Боевых выходов – **35.**

(Данные далеко не полные.)

Боевой счет записан по документам: политдонесения, докладные, дневники).

Е. Д. Владыкина

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 453. Л. 53 – 57.
Подлинник. Рукопись.

№ 60

Письмо Я. Г. Ненахова с фронта племяннику Жоре*

30 декабря 1942 г.

Привет с фронта! Здравствуй, Жора!

С приветом к тебе дядя Яша. Жора! Спешу сообщить, что письмо твое получил, за которое сердечно благодарю.

Жора! Ты пишешь, что в Мурманске разбомбили наш дом. Жора! За все разбомбленные наши города, села и дома собака Гитлер начинает платиться своими солдатами и техникой, но а за истязания наших отцов, матерей и детишек, за это за все он отплатится своей собственной шкурой, так что пусть бомбит, всего не разбомбит, а мы его разбомбим и разобьем до основания, что от него не останется даже и мокрого места.

Вот так, Жора, а сейчас он не знает, что делать, и мечется, как собака в мешке.

Жора! Живу я хорошо, письма получаю, но посылок, которых выслала мама, еще не получил, а так все хорошо. Послал письмо Моне.

Жора! Благодарю за поздравление меня с Новым годом, поздравляю также тебя. На этом до свидания. Жду ответ.

Целую, дядя Яша. Передавай всем привет: Юрику и Люсе и** .

Я. Ненахов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп.1. Д. 190. Л. 4. Подлинник. Рукопись.

№ 61

Письмо М. В. Трифонова с фронта матери Трифоновой Таисии Григорьевне*** и отцу Трифонову В.

Трифонов Михаил Васильевич.
1941 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 197. Л. 1.

20 июня 1943 г.

Здравствуйте, дорогие родители, папа и мама. Сообщаю вам, что я жив и здоров, чувствую себя хорошо. Мама, письма я ваши все получил и с фотокарточками тоже получил, за которые тоже очень благодарю.

Мама, как ты изменилась, если посмотреть на старое фото, то резко отличаешься. Мама, сегодня получил письма от Шуры и от Кати, от папы получил два письма и от бабушки тоже два получил, но отвечаю только на одно. Мама, у меня нет бумаги написать всем письма. Папе ты пишешь, что почему редко пишу, я писал много писем еще до ранения и в госпитале из Тбилиси и с Кавказа, но ответа от вас ни на одно письмо не получал, только сейчас мне пришло сразу девять писем.

Мама, теперь письма будут ходить регулярно, и связь между нами будет. Мама, я часто вспоминаю

* Конверты не сохранились, фамилия Жоры не установлена.
** Далее фамилия неразборчиво.
*** Адресат указан на наружной стороне листа письма-треугольника.

наш город Мурманск, и как мы проживали в нем. Мама, хочется домой, встретиться хоть на часик со всеми с вами, уже 4 года я не видал вас и очень, очень скучаю. Но ничего, мама, ты не волнуйся и не думай, а береги свое здоровье. Мама, вот выгоним фашистов с наших земель, тогда мы и приедем со всех концов страны и спразднуем праздник за нашу Родину и за свободу нашу.

До свидания.

Привет Ряскиным. Пишите бабушке.

Ваш сын Миша.

Мама, будешь писать письмо, пришли бумаги на письмо. Миша*.

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 197. Л. 7, 7 об.
Подлинник. Рукопись.

№ 62

Из воспоминаний В. Ф. Воропанова о Великой Отечественной войне – детские впечатления о жизни в районе Росты и в Мончегорске **

10 февраля 1998 г.

Однажды я проснулся рано утром от непонятного и очень возбужденного разговора между мамой и папой, который очень просил ее, чтобы громко она не говорила, иначе разбудит нас. Но когда родители увидели, что мы не спим, отец взял меня на руки и, глядя на старшего брата Бориса, сказал: «Опять война, сынок». Видимо, потому, что только недавно закончилась война с белофиннами.

Хорошо помню утро 22 июня в Росте. Оно было облачным, прохладным, без дождя – Молотов объявил о начале войны в связи с вероломным нападением фашистских захватчиков на нас.

Дня через четыре после этой трагедии оставшееся в Росте население вместе с моряками приступили к копке убежища (щели, как тогда их называли военные). Это было недалеко от нашего дома (между домом шофера Ткаченко Владимира и нашим). Многих матросов все мы хорошо знали в лицо. В нашем доме я хранил лопаты, кирки, ломы, молотки, гвозди и многое необходимое. Позднее построенное нами убежище многократно спасало всех нас от пуль из самолетов фашистских стервятников, так все называли гитлеровцев.

Северный флот (СФ) знакомые моряки расшифровывали как «смерть фашистам».

Убежище спасало нас от осколков разорвавшихся бомб. Около нашего дома их упало 17 штук. По весу были всякие. Надежно спасало болотистое место, на котором стоял наш дом, из которого несколько раз вырывало двери и оконные рамы, а сколько повыносили болотной земли, торфа. Многие помнят о том, что в войну окна заклеивались крест-накрест газетной бумагой. Это все равно не помогло, так как у нас вырывало все полностью, а если выбиты только стекла в окнах, их вполне у нас заменяла фанера или только стекло. Отец из-за больного позвоночника тяжелую работу делать не мог, поэтому большое спасибо соседям, постоянно помогавшим нам, и морякам, и дополнительно приходившим военным.

* Приписка сделана на письме-треугольнике после адреса.

** Опущены сведения, выходящие за хронологические рамки сборника, а также описание военного Мончегорска, некоторые примеры из интернатского периода жизни.

Все люди добровольно помогали строить щели и для других домов. Мы с братом Борисом, Владимиром Ткаченко, Спиридоновыми, Тереховыми, Деревянных и другими старались не отставать от других. С питанием было очень плохо. Помню, в магазинах все продукты исчезли на второй день после объявления войны. Стояли одни продавцы. Мы голодали. На работе мы быстро уставали, но ее не бросали, работали честно. Военный городок и Мурманск фашисты бомбили по-зверски: горело все, т. к. большинство строений были деревянными. Запах гари, спертый сладковатый воздух стояли сутками.

Первое время мне было и страшно, и жутко от погибших, обгоревших и искалеченных людей. К тому же постоянно преследовал голод, а мне в то время в апреле исполнилось всего восемь лет. В то невыносимо тяжелое время наши соседи Спиридоновы, видя, что около домика упало столько бомб и что нет гарантии в том, что может и в дом угодить, решили построить маленькую земляночку на берегу речки Росты. Там уже были такие, как они. Землянка была ими построена. Они жили там с супругой. Хозяина не было дома, когда началась сильнейшая бомбежка. От сильного испуга хозяйка землянки спряталась под металлическую кровать. От сильного взрыва бомбы обвалилась крыша и придавила ноги Спиридоновой. Основную тяжесть взяла на себя кровать. Супруг и моряки откопали хозяйку, и они опять вернулись домой. Вновь мы стали жить вместе в одном доме.

Во время войны в Росте, как и везде, соблюдался строго комендантский час. В это время гражданскому населению категорически запрещалось появляться на улице. Ходили военные – это патрули. Ходило много подвыпивших англичан-моряков, возвращавшихся из питейных заведений на свои корабли. Наши моряки им помогали благополучно добраться к себе. К нам, детям, они относились очень внимательно: обязательно угощали шоколадом, один раз я получил большой кусок торта. Английский моряк достал фотографию своего сына и на пальцах объяснил мне, что он (его сын) примерно моего возраста и у него сегодня день рождения.

Не знаю, как английский моряк зимой был одет на корабле, а при выходе в город на нем была очень теплая меховая куртка темно-синего цвета длиной примерно до колен с поясом. Куртка одевалась на прекраснейший свитер крупной вязки молочно-шоколадного цвета, а на ногах – резиновые сапоги, одетые на длинные шерстяные носки, верха носков шерстяных заворачивались на верха сапог. Обыкновенные шапки и зимние перчатки. Повстречав взрослого, такой моряк обязательно угощал наших сигаретой, рукопожатием. Были моряки, говорящие неплохо по-русски.

Родители нас очень берегли, постоянно заботясь о нас. Многое из своего скудного пайка оба они отдавали нам. В столовой по талонам я часто ел акулятину. Откуда ее поставляли – не знаю.

Все мы беспокоились и оберегали нашу маленькую сестренку Валю, которая родилась в Мурманске в декабре 1939 г. на Больничном городке, где работала мама. Она у нас почти никогда не плакала, даже в убежище во время бомбежки, когда сверху сыпался песок в глаза, нам за воротник от сильных разрывов бомб. Вале с мамой рядом все было нипочем.

Но вот случилась беда: очень заболела наша мама. Она так опухла, что совсем перестала ходить. До убежища довести мы ее не могли, а дома оставить было смертельно опасно. Голод заметно подорвал ее силы, здоровье. Своевременно на помощь пришли соседи, приходили порой совсем незнакомые люди, приносили еду, сухари. Даже из госпиталя приходили несколько раз. Если бы не эти замечательные люди и их своевременная помощь маме – наша семья лишилась бы основного в жизни.

В моем детском сердце их доброта осталась на всю жизнь. Я это берегу и сейчас. Один, вспоминая прошлое, плачу. В то, казалось бы, тяжелое и безвыходное положение взрослые стали еще больше уделять внимания оставшимся в военном городке и прифронтовом Мурманске детям. [...]

Летом 1941 г. на военный городок фашистские стервятники сбросили* листовки на бледно-желтой бумаге форматом в половину тетрадного листа, в которых агитировали добровольно переходить на их сторону. У всех нас, кроме смеха, ничего не вызывало. Не говоря уже о моряках и других военных. Они были страшны.

В июле 1941 г. ростинских и частично мурманских ребят отправили в лагерь труда и отдыха в район Большая Сопча под Мончегорском. В это ужасное время всем нам организовали нормальное питание. Мы перестали голодать, активно подключились заготавливать для раненых, лежащих в госпиталях воинов торф сфагнум**, для лечения ран собирали ромашку лекарственную, сосновые лапки, из которых готовили отвар против цинги, позднее собирали воронику, чернику. Все время, когда мы были на отдыхе на Большой Сопче, никаких бомбежек не было нигде в районе Мончегорска; если кто-то об этом скажет – это просто несерьезно. Хорошо помню одно: в 1943, 1944 и, конечно, в 1945 г. бомбежек вообще не было, кроме одной, и то только одна бомба упала в Нюдовское озеро***. Это озеро, в котором я купался три года подряд.

В то время было много госпиталей в Мончегорске, а простые гражданские люди без выходных и отпусков много работали, голодали. К работам по сбору лесных богатств нас готовила Эльвира Яковлевна, фамилию ее я забыл, но все еще помню, с кем работал, – это Галя Некрасова, Нина Тимофеева, братья Тереховы, Петр и Кронид, Уткин, Маслов, Мицкевич.

В конце августа 1941 г. поездом мы вернулись домой в Росту. Наш состав сопровождали в охранении самолеты. Хорошо видно было, как низко они летали.

В лагере мы окончательно отвыкли от бомбежек, частых тревог и пожаров. А вернувшись домой, вновь все пришлось пережить. Родной наш разбитый Мурманск горел, Роста тоже. Тяжело вспоминать спустя 57 лет.

В этом пекле приближалось 1 сентября. В то время в первый класс принимали с 8 лет. Сейчас дети в школу идут с семи лет. До этого мама и брат Борис научили меня читать по слогам и считать до ста. Ростинская школа в то время находилась в двухэтажном деревянном доме. Занятия проводились одновременно в первом и третьем классах, во втором и четвертом. Так занятия вынуждены были проводить из-за острого недостатка школьников, так как уже многие эвакуировались в другие, более безопасные области и города бывшего Союза. До занятий допускали детей, которые стриглись только наголо. С другими прическами на занятия школьники не допускались (мальчики). Единой формы (школьной) в то время не было.

Моей первой учительницей была и, к большому счастью для всех нас, кто у нее приступил к учебе в первом классе, есть сейчас – Анна Гансовна Каск (Иванова). Все наши родители и мои одноклассники как-то сразу одновременно полюбили эту неутомимую, энергичную учительницу. Она всегда и везде успевала: и спрятать нас своевременно в бомбоубежище, и быстро на уроке одеть противогаз, и хорошо объяснить урок. С нами очень непохожими, разными детьми у нее на всех хватало терпения, хотя она также сильно голодала.

Летом 1942 г. Мурманск продолжал сильно гореть, особенно пылал Жилстрой. Для мурманчан от этого кошмара город стал еще родней, и дороже, и совсем неприступным для гитлеровских преступников.

Анна Гансовна в то время многое делала для того, чтобы в этих, казалось бы, невыносимых условиях наши детские души не очерствели. Ее ученики это всегда помнят. Во избежание несчастий от бомбежек, причиняемых фашистами, вскоре школы были закрыты. [...]

Осенью 1942 г. из Росты нас отправили на учебу в интернат в г. Мончегорск, на Верхний Нюд. Анна Гансовна была уже там и встречала нас, как родная. Мы плакали

* Слово вставлено автором.

** Торфяной мох.

*** Озеро Нюд (Нюдьявр).

от счастья, вновь увидев ее с нами. Нам даже сил прибавилось, зная, что с ней не пропадешь: проверено и столько пережито вместе. Обычно после занятий в интернате до самых поздних заморозков мы организованно выходили на уборку турнепса и других кормовых культур для животноводства соседнего подсобного хозяйства. Нам постоянно помогали старики и освобожденные от армии по болезни взрослые, инвалиды войны. Все мы очень старались, хотя одеты были плохо, а работали впроголодь. Как тогда часто говорили «по временам военного времени». Взрослые в то время работали без выходных и отпусков.

В 1943 г. я переехал из интерната Верхний Нюд в г. Мончегорск, так как моего отца перевели из Росты на авиабазу по ремонту боевых самолетов, которые поступали в ремонт с соседнего аэродрома. Так я расстался с дорогой для меня учительницей Анной Гансовной Каск (Ивановой), моими мурманскими и ростинскими одноклассниками, очень дорогим моему сердцу интернатом, в котором я познал настоящий труд, бескорыстную дружбу детских военных лет, учителей, которые сами голодали, но нам отдавали все, забыв о себе. [...]

В. Ф. Воропанов

ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 8. Л. 25–32 об. Подлинник. Рукопись.

№ 63

Из воспоминаний С. И. Кухарской о Великой Отечественной войне – детские впечатления о жизни в прифронтовом Мурманске, праздновании Нового года в 1944 г.*

1998 г.

Учебу прервала война, начавшаяся в 1941 г. Объявление о начале войны вынудило семью поехать в Ленинград к родственникам. Как говорила мама Светланы Ивановны: «До Ленинграда уж немец не дойдет!» Светлана Ивановна вспоминает, что день 22 июня 1941 г. был теплый и солнечный в Мурманске. Но даже не доехав еще до Кандалакши, мобилизовали ее отца и дядю, а мама с двумя детьми отправилась в Ленинград. Там они пробыли около двух месяцев, и последним эшелоном их увезли, эвакуировав в Кировскую область. Но, прожив там чуть более года, мама с детьми вновь возвращается в Мурманск. Шел 1943 г. Война на Мурмане в разгаре. «Когда мы приехали в Мурманск, – вспоминает Светлана Ивановна, – я растерялась, не знала, куда и идти, все было сожжено. «Мурманск даже перестали тушить, так как постоянно что-то горело», – говорит Светлана Ивановна.

Перед глазами 12-летней девочки предстала следующая картина: каменные дома, которые еще были в Мурманске до войны, были прозрачные, так как внутри все было сожжено, остались лишь целые углы либо части крайние домов, в них еще жили люди. Мама Светланы Ивановны вселилась в прежнюю довоенную свою квартиру по адресу: проспект Сталина, 44 (ныне – проспект Ленина, 76). Этот дом был также практически весь разрушен, но угол дома, где жила семья Светланы Ивановны, все еще оставался цел. И в постоянном страхе жизнь этих людей: не дай бог бомба попадет и в этот угол дома. Светлана Ивановна вспоминает, что и эти целые еще куски домов оберегали как могли: поверх дома вколачивали штыри и натягивали плотную сетку. Светлана

* Опущены сведения, выходящие за хронологические рамки сборника.

Ивановна с болью в груди вспоминает время бомбежек: «Это ужасный пронзительный звук, очень давящий на психику; некоторые закрывали уши, так как не могли слышать этот звук, но, когда где-то взрывалась бомба, все чувствовали небольшое облегчение, но через минуту все повторялось...». [...]

Сложные военные годы были у нас на Севере. Светлана Ивановна поведала две истории, приключившиеся с ней во время войны.

Очень часто мама отправляла старшую Светлану и меньшего брата за рыбой. После отлива в заливе было огромное количество сельди, которая не успевала уйти в глубь залива, а застревала на острых неровных камнях у побережья. В таких сборах рыбы участвовали практически все жители военного Мурманска. И надо отметить, что все они собирали ведрами. Рыбы было так много! И как-то однажды, в подобном участвуя «мероприятии», дети увлеклись. И вдруг они увидели белое американское судно. Им очень захотелось посмотреть судно поближе, и стали ждать, когда оно подплывет, хотя отец не раз предупреждал, что приход иностранных судов с продовольствием всегда сопровождался немецкой бомбардировкой, чтобы не допустить заход судов в порт.

Судно шло постепенно и не спеша. Вдруг небо стало темнеть от немецких бомбардировщиков. Светлана со своим братом легли за большой камень, чтоб осколки не попали, накрыли голову руками и стали наблюдать за происходящим. Судно остановилось посередине залива и стало выпускать амфибии. При этом бомбежка не прекращалась. Но как только корабль выпустил все амфибии, он двинулся назад. А амфибии уже самостоятельно подплывали к берегу. Самолеты скрылись, а дети, потрясенные таким зрелищем, вернулись домой с ведром, в котором еще прыгала селедка.

Второй случай менее трагичный. Он веселый. В 1944 г. Светлана шла от вокзала домой. И вдруг услышала очень громкий, задорный, чересчур раскованный смех. Она обернулась и увидела нескольких человек в военной форме – это были американцы. Один из них держал на голове у себя оленьи рога, бежал вприпрыжку и хохотал. Света долго еще смотрела на них, а они, никого не замечая, бегали с этими рогами. Светлана Ивановна говорит: «Эта моя первая встреча с американцами разочаровала меня тогда, так как я думала, что это очень серьезные, воспитанные люди, и никогда не будут так себя вести на улице, сейчас же я понимаю, что они просто раскованными были, но наше воспитание не позволяло тогда так думать».

Шла война, но город противостоял, как мог. Дети, оставшиеся в Мурманске в 1941-1944 гг., продолжали учебу, люди выращивали скудный урожай и трудились для победы. Надо сказать, что в Мурманске в 1943 г. школы не работали, поэтому утром детей Мурманска сажали в вагон и везли в Колу. В школе железнодорожников учились несколько десятков мурманчан во время войны, в том числе и наша героиня Светлана.

Светлана Ивановна рассказывала, что многие люди во время войны сажали капусту там, где сейчас находится художественный салон.

Но все-таки руководство города пыталось как-то скрасить «мрачные» дни войны. В Новый год всех детей Мурманска пригласили на елку. Встречали 1944 год. Ёлка проходила в горе за драмтеатром. В этой горе располагалось бомбоубежище, но очень хорошо отделанное внутри, там даже было несколько жилых комнат и зал, где проводилась елка. «Это было самое светлое воспоминание в Мурманске во время войны», – говорит Светлана Ивановна. Но перед мамой Светланы встала проблема, в чем же пойдут на елку ее дети. Ведь не было ничего! Гардина, висевшая вместо двери при входе в комнату, оказалась единственной тканью, из которой можно было что-то сделать. Младшему брату сшила мама шорты, а Светлане – платье. И в таком наряде они смогли пойти на елку.

Самое интересное, что в бомбоубежище этом совсем не слышно бомбежки и ничего не случится, даже если бомба попадет в гору. Именно поэтому спокойно, весело и хорошо прошла елка. А в это время бомбили и именно в том районе. Поэтому мама Светланы очень все равно боялась, сидя дома, т. к. родителей туда не пустили.

Все дети, присутствовавшие на елке, благополучно вернулись домой, а этот Новый год долго еще будет храниться в памяти. Светлана с братом тоже благополучно вернулись домой в 19-метровую комнату. Посредине стоял большой круглый стол. У стены – диван с прикрепленной полочкой у спинки и зеркалом. У одного окна стоял еще один стол, но письменный, рядом – книжный шкаф и детская кровать. И конечно, неизменный инструмент – патефон с несколькими пластинками романсов и вальсов, хотя во время войны некогда было его слушать. Слушали только радио. [...]

С. И. Кухарская

ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 12. Л. 2–7.
Подлинник. Рукопись.

№ 64

Из воспоминаний А. Я. Кровицкого «О состоянии медицинского обслуживания населения г. Мурманска в годы Великой Отечественной войны (историческая справка)» – о Мурманской городской больнице № 2 и Областной станции переливания крови *

1965 г.

С первых дней Великой Отечественной войны, с 22.06.1941 г., в медицинских учреждениях системы городского отдела здравоохранения была проведена реорганизация, перестройка работы и перестановка кадров.

Вместо 2-х больниц (№ 1 и № 2) осталась одна – 2-я городская больница в больничном городке. 1-я больница после воздушной бомбардировки вышла из строя и после 25.08.1941 г. была свернута.

Из 6 ясель остались одни – № 6. Вместо 4 поликлиник работали 2 поликлиники. Из 2-х детских консультаций и 2-х молочных кухонь оставили работать 1 консультацию с молочной кухней.

Все эти изменения были вызваны эвакуацией населения, т. к. Мурманск стал прифронтовым городом, сокращением обслуживаемых контингентов, мобилизацией медработников и прочими причинами военной обстановки.

Жизнь в городе в условиях войны 1941–1945 гг. резко изменилась. Затемнение, воздушные налеты вражеской авиации с длительными бомбардировками, пожары создали очень сложные условия жизни и работы. Нужно было с большим напряжением использовать все имеющиеся резервы медработников и внутренние ресурсы, чтобы обеспечить бесперебойную работу медицинских учреждений нашего прифронтового города и предохранить население от эпидемий, инфекционных болезней, сохранить здоровье и сократить потери рабочих дней и часов по болезни до минимума.

Вот краткая характеристика работы основных медицинских учреждений, на долю которых пришлась наибольшая нагрузка в первые годы Великой Отечественной войны.

1. Мурманская 2-я городская больница (теперь областная больница) (гл. врач П. А. Баяндин, с сентября 1943 г. – М. С. Суслов).

---

* Опущены сведения о состоянии работы в поликлинике № 2, противотуберкулезном диспансере, железнодорожной поликлинике и на станции скорой медицинской помощи.

Кровицкий Александр Яковлевич.
1969 г.
ГАМО. Ф. Р-992. Оп. 1. Д. 80. Л. 1.

Больница до войны имела 765 коек, была многопрофильной, имела 10 отделений со следующим составом: хирургических коек – 180, родильных – 100, гинекологических – 265, терапевтических – 170, детских – 110, лор – 25, глазных – 15, нервных – 30, кожно-венерологических – 30, психиатрических – 15 и ясельных – 25.

Больница имела 2 рентгенодиагностических кабинета, 1 рентгенотерапевтический, кабинет физиотерапии, физкультуры, клинико-диагностическую лабораторию.

На базе больницы работала областная станция переливания крови.

С началом военных действий на нашем фронте с первых дней войны резко изменился характер больницы, состав больных и личный состав работников.

По указанию обкома ВКП(б) больница была превращена в госпитальную базу. Ряд категорий больных – хроники, туберкулезные, дети, онкологические – были переведены в 1-ю городскую больницу. Часть больных эвакуирована в районы области. На освободившиеся места были приняты первые потоки раненых.

За два месяца, июль – август 1941 г. (период подготовки и развертывания эвакогоспиталей), больница приняла 3022 раненых.

Количество хирургических коек с 180 было доведено до 600. В период с июля по декабрь 1941 г. в больнице было постоянно развернуто от 1000 до 1100 коек.

Вся хирургическая работа этого периода характеризовалась особенностями эвакогоспиталя.

Были дни, когда через приемный покой хирургического госпиталя проходило до 200 раненых, и одновременно почти такое же количество эвакуировалось в армейский и глубокий тыл.

Работа проводилась одновременно в пяти операционных, что позволяло осмотреть всех поступивших с перевязками, обработать раны и провести иммобилизацию переломов.

В дни массовых поступлений раненых, а также при больших эвакуациях работники хирургического отделения, приемного покоя, операционные и перевязочные сестры и санитарки работали бессменно по 20 и более часов.

В числе хирургических коек больницы с июля 1941 г. было развернуто анаэробное отделение, которое пропустило свыше 5300 раненых. Пользуясь новейшими методами борьбы с анаэробной инфекцией и широко применяя переливание крови, отделение дало высокий процент выздоровления. В этом отделении было перелито свыше 130 литров консервированной донорской крови.

Большая оперативность, организованность и высокая дисциплина работников хирургического отделения и приемного покоя проявлялись при оказании помощи раненым в городе во время вражеских бомбежек с воздуха.

Осенью 1941 г. и весной и летом 1942 г. были дни, когда в больницу доставлялось одновременно 40–50 раненых и пострадавших во время воздушных налетов на город.

Работа в операционных не прекращалась ни на одну минуту даже в моменты самых ожесточенных бомбардировок с воздуха и пожаров в городе, даже тогда, когда личное имущество и квартиры сотрудников уничтожались огнем.

Областная станция переливания крови, работающая на базе больницы, с первых дней войны развернула большую работу по организации донорских кадров, консервации и транспортировке крови в войсковые районы Северного флота.

За все время войны станция переливания крови удовлетворила полностью нужды 14-й и 19-й армий Карельского фронта.

Всего прошло 8192 донора. На 01.07.1943 имелся постоянный актив 2300 доноров. Добыто и переработано свыше 10 тонн крови. Станция переливания крови работала под непосредственным руководством П. А. Баяндина как заведующего станцией.

Большая работа в первые годы Великой Отечественной войны проводилась хирургом больницы В. А. Цвиневым не только по организации квалифицированной помощи больным и раненым, но и по подготовке врачей-хирургов взамен ушедших из больницы в армию, а также по подготовке операционных и перевязочных сестер. [...]

А. Я. Кровицкий

ГАМО. Ф. Р-992. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–15. Подлинник. Рукопись.

№ 65

Из статьи* Л. А. Клюшевой «Культура и искусство Мурманской области в годы Великой Отечественной войны» – о создании и деятельности концертных бригад, творчестве скульптора Л. Кербеля и других деятелей культуры и искусства**

Август 1999 г.

Мое поколение хорошо помнит тот первый день войны, потрясение, которое мы пережили, необыкновенный патриотический подъем среди людей разных возрастов, профессий и социального положения, их стремление добровольно или по мобилизации идти на фронт защищать Родину.

В это время я работала в Кировске в неполной средней школе № 11 учительницей и пионервожатой. 22 июня мы должны были собраться у кинотеатра «Большевик» в 12 ч. дня для торжественной отправки детей в пионерлагерь (поселок Юкспориок). Вместо этого был митинг – началась Великая Отечественная война. Мои друзья и подруги, комсомольцы из разных семей (раскулаченных или добровольно приехавших на новостройку), уходили на фронт или увозили школьников в эвакуацию, были мобилизованы на строительство оборонительных сооружений на Кандалакшском направлении, работали на руднике им. Кирова. Среди них пионервожатая Татьяна Гушкевич, выпускница горно-химического техникума Ксения Оксина (Захарченко), инженер обогатительной фабрики Валентина Дорохова, выпускница медицинского училища Антонина Шабаева. Наши друзья по учебе в школе № 1 Веня Пятовский и его друг Давыдов, будучи уже студентами высших учебных заведений, добровольно ушли на защиту Ленинграда. Единственный сын нашей зав. методическим кабинетом учителей Давыдовой Юлии Вениаминовны – пог***.

Массовые митинги состоялись во всех городах и районах области, на предприятиях и в учреждениях. Выступающие на них не только клеймили позором гитлеровских

---

* Статья с некоторыми изменениями опубликована под заголовком «И музы возвысили голос». См.: Полярная правда. – 2000. – 20 июня. – № 87. – С. 3.

** Опущено вступление (о посвящении статьи 55-летию разгрома немецко-фашистских войск в Заполярье), сведения о шефстве над сиротами и колхозом «Красное Пулозеро», о творческой дружбе театра Северного флота с писателями и композиторами, о работе коллективов художественной самодеятельности, о творческих связях учреждений культуры со СМИ, а также сведения, выходящие за хронологические рамки сборника.

*** Так в документе. Возможно, это слово *погиб*.

агрессоров, но и заявляли о своей готовности сделать все возможное для разгрома врага.

23 октября 1941 г. в Мурманске состоялся антифашистский митинг молодежи, на котором выступили Герой Советского Союза летчик-североморец Сафонов Борис Феоктистович и поэт москвич Александр Жаров, закончивший свою речь стихотворением «С тобой, Москва»:

Больше яростного дерзанья,
флота Северного сыны,
мы ничем, кроме расстоянья
от Москвы не отделены!

С тех пор прошло много лет, но и сегодня нельзя без волнения читать письмо, направленное в военкомат выпускниками средней школы № 10 г. Мурманска (теперь 2-я гимназия): А. Бояровым, П. Зубаревым, В. Комаровым, Е. Ефремовым, О. Прокопьевым, В. Тойм: «...В бой! Вот наше единое желание... Мы знаем, что война сурова, что предстоящие бои будут самыми жестокими, и ничего не страшит нас. Врагу нет пощады!»

Вместе со всем советским народом на защиту Родины встали работники культуры и искусства. Многие из них ушли на фронт, а оставшиеся в тылу своим оружием сражались с врагом. Музы не молчали. Средствами искусства они воспевали героические подвиги фронтовиков и тружеников тыла, воспитывали любовь и преданность Родине и ненависть к врагу, принимали участие в сборе средств в фонд обороны, на строительство эскадрильи «Комсомолец Заполярья», отправляли теплые вещи фронтовикам, помогали их семьям.

Коллектив Мурманского областного драматического театра, основанного по просьбе обкома партии и облисполкома 1 февраля 1939 г. на базе Ленинградского Большого драматического театра, работавшего в Мурманске с 1936 г., в июне был в отпуске (художественный руководитель С. А. Морщихин, главный режиссер И. В. Шубин). В городе осталась небольшая группа актеров для обслуживания рыбаков и жителей отдаленных районов области. Перед любителями театрального искусства в Мурманске в эти июньские дни с большим успехом выступал Музыкальный театр им. Немировича-Данченко. Уже на второй день войны 23 июня на призывном пункте Дома культуры имени С. М. Кирова состоялось выступление группы артистов областного театра для солдат, направляющихся на фронт. Об этом в своих воспоминаниях написали артисты С. М. Крутиков и Донов.

По условиям военного времени не всем творческим работникам удалось вернуться в театр. Среди тех, кто вернулся, были полюбившиеся нашим зрителям В. Филиппов и Е. Федорова, А. Додонкин и М. Палажченко, В. Илькевич, О. Плотникова, отозван с фронта талантливый гример-художник К. Ульянов...

В августе 1941 г. облисполком утверждает творческий состав театра в количестве 18 человек и 8 человек технических работников. В театр приглашаются две певицы из самодеятельности О. Бирюкова (Шишкина) и А. Мельник, музыканты М. Гринберг и М. Плешаков.

Партийные организации области и города ставят перед коллективом задачу – срочно подготовить концертные программы и начать культурное обслуживание воинов Красной Армии и тружеников тыла.

В театре создаются две концертные бригады, начинается работа над восстановлением спектаклей, которые ранее были в репертуаре, и подготовка новых. В концертные программы включены песни военных лет, композиция по пьесе В. Вишневского «Первая конная», поставленная артистом А. Киссельгофом, «Пулковский меридиан» В. Инбер, поэма Жарова «Богатырь» о подвиге моряка-североморца, бывшего тралфлотовца Ивана Сивко, отрывки из романа М. Шолохова «Поднятая целина» и другие.

Клюшева Лидия Андреевна.
1960-е гг.
МОМ КП 22955/10.

Концертные программы менялись, включались новые актуальные произведения с учетом состава слушателей и места проведения концертов. Нередко приходилось выступать в землянках, недалеко от вражеских позиций. В октябре 1941 г. В. Илькевич в землянке читает поэму К. Симонова «Сын артиллериста», написанную автором по подлинным фактам, сообщенным ему на полуострове Рыбачий, а А. Додонкин – юмористические рассказы А. П. Чехова.

В репертуаре театра спектакли «Шел солдат с фронта» В. Катаева, «Батальон идет на запад» Н. Вирты, «Хозяйка гостиницы» К. Гальдони, «Женитьба Белугина» А. Н. Островского, «Парень из нашего города» и «Русские люди» К. Симонова и другие.

Премьера спектакля «Парень из нашего города» состоялась 19 ноября 1941 г., и в газете «Полярная правда» К. Симонов писал: «В Мурманском театре сыграли пьесу «Парень из нашего города», и я был на ней. Декорации были бедные и трогательные, но женщина-режиссер спектакль поставила умно и тактично, но главное, самого «парня» прекрасно сыграл актер В. Филиппов».

К. Симонов передал коллективу для концертного исполнения несколько своих стихотворений и новую пьесу «Русские люди». Спектакль пользовался большой популярностью у зрителей, хорошо посещался, и «Полярная правда» ввела рубрику «Парень из нашего города», где публиковались очерки о наших земляках на фронте.

Да, К. Симонов был прав, отмечая бедное оформление спектакля. Театр работал в крайне тяжелых условиях. Во время бомбежек города спектакли прерывались по нескольку раз. Ведущие актеры были заняты из спектакля в спектакль, порой им приходилось играть в одном спектакле по 2-3 роли, а когда не хватало артистов на мужские роли, в спектаклях занимали художника, гримера, музыкантов. Не хватало и режиссера, поэтому некоторые актеры пробовали свои силы и в режиссуре. Так актер Ф. Жабров поставил антифашистский спектакль «Профессор Мамлок», а А. Киссельгоф – «Шел солдат с фронта» В. Катаева.

Сколько нужно было проявить изобретательности режиссеру Т. Савиной, художнику В. Бернацкому, зав. постановочным цехом Т. В. Тарандину, костюмерше З. Хватской, чтобы выпустить спектакль на суд зрителя. Особо хочется сказать о зав. постановочным цехом Тарандине Тимофее Васильевиче. В разных театрах он проработал* более 40 лет. В военные годы в цехе остался один: исполнитель работ и зав. цехом, пережил личную трагедию – в блокадном Ленинграде погибла вся его семья.

Солистка Ольга Бирюкова (Шишкина) вспоминает: «Я пришла в коллектив театра 31 июля 1941 года... пришлось немедленно обслуживать госпитали, воинские части, тружеников города и области... в день по 6–8 концертов... Могли вызвать на концерт в 4–6 часов утра для бойцов, уходящих на фронт... Приходилось восхищаться мужеством актеров, в трудное время еще с большей отдачей служивших своему любимому делу во имя Победы».

Особенно тяжелым для коллектива стал 1942 год, когда во время бомбежки города сгорел Дом культуры им. Кирова, где работал театр, и погибло все театральное имущество.

Театр перебазировался в Кировск и отсюда выезжал на обслуживание воинов Карельского фронта и тружеников тыла. Выступали в госпиталях, в прифронтовых

* На полях имеется помета: «прослужил».

клубах и палатках, землянках, на предприятиях. Актеры переносили все тяготы войны. Нередко в непогоду, в зимних условиях совершали поездки по 100 и более километров в день, спали на голых нарах, в старых и холодных помещениях.

Неизменным спутником концертных бригад был лектор обкома партии С. А. Смирнов, который знакомил бойцов с положением на фронте, рассказывал о мужестве и стойкости защитников Заполярья.

О. М. Плотникова, возглавлявшая в театре военно-шефскую комиссию, вела дневник выступлений коллектива театра, составляла наряды для бригад, выезжающих на концерты. В этом дневнике есть много интересных записей о встречах с участниками войны и тыла.

В 1942 г. группа актеров вместе с представителями общественности Мурманска и обкома партии выезжала на празднование годовщины Полярной дивизии. Выехали из Мурманска поездом и попали под бомбежку, а следуя от станции Лоухи до места расположения дивизии – под артобстрел. Несмотря на все путевые трудности, участвовали в торжествах и мероприятии, где командованию дивизии был вручен первый миномет, рожденный в Мурманске. «...А на следующий день, – пишет Ольга Михайловна, – ...вечером в лесу при свете фар мы давали последние концерты для разведчиков, возвратившихся из тыла врага. Мы были растроганы и поражены, что эти товарищи, герои, пожелали сначала послушать наш концерт, а уже потом только мыться, питаться и отдыхать...»

Среди многочисленных благодарностей, полученных коллективом театра в годы войны, особое место занимает приказ политотдела 19-й армии от 28 марта 1943 г., в котором отмечается, что за 2,5 месяца группа артистов театра побывала во всех подразделениях армии, обслужив тысячи бойцов и командиров. Приказом по армии объявлена благодарность директору театра З. П. Николаевой и всем сотрудникам театра.

Прекрасную мысль об отношении к воинам и труженикам тыла высказала О. М. Плотникова: «...Мы, актеры, почувствовали, как дорог и близок нам зритель. И тот, который на фронте с оружием в руках защищает нашу Родину, и тот, который трудится для того, чтобы дать бойцу оружие». Ее мысль дополняет А. В. Додонкин: «Поездки на фронт не забудутся никогда, когда так хорошо чувствовалось, что недаром ты живешь и работаешь, что каждое слово доходит до самого сердца дорогого зрителя».

А. В. Додонкин один из первых артистов театра в 1943 г. был представлен облисполкомом и получил почетное звание «Заслуженный артист РСФСР».

1 февраля 1944 г. театру исполнилось 5 лет, это событие облисполком отметил: актеры и сотрудники театра были награждены Почетными грамотами и ценными подарками. В этом же году коллектив театра получил благодарность от И. В. Сталина за сбор средств в Фонд обороны страны.

За годы Великой Отечественной войны театром для фронтовиков и тружеников тыла дано более 3 тысяч концертов и спектаклей. Проводились платные спектакли, сбор от которых направлялся в фонд восстановления театрально-зрелищных объектов в районах, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков. [...]

В сентябре 1941 г. в газете «Полярная правда» опубликована заметка секретаря комсомольской организации Мухина, в которой он сообщает, что с начала войны из театра* ушли рабочие и монтировщик, а их обязанности взял на себя творческий коллектив. Актрисы К. Разоренова, А. Деркач, Е. Тимошенко монтировали спектакли, лепили куклы, шили на них костюмы. Н. Мамыкин оформлял спектакли. Этот маленький мобильный коллектив беспрерывно находился в частях 14-й, 19-й, 26-й армий, на Северном флоте, выступал в госпиталях, встречался с бойцами партизанских отрядов С. Д. Куроедова и А. С. Смирнова, обслуживал детей и взрослых отдаленных населенных пунктов и железнодорожных станций вплоть до ст. Лоухи.

* Имеется в виду областной театр кукол.

В декабре 1941 г. коллектив был направлен обслуживать воинов 52-й стрелковой дивизии. В каких условиях работали актеры, рассказывает актриса Анна Деркач: «...приходилось давать по 10 концертов в день... Мы на санях поехали ближе к передовой... обслуживать бойцов, находящихся на отдыхе после боя. Кругом ни одной ровной площадки для работы, кроме озера, и на этом озере в большой военной палатке решили дать несколько концертов ...второй концерт ...начала петь «Синий платочек», кто-то крикнул: «Лед трещит...» и я очнулась на берегу озера... рядом баянист... с одной правой частью баяна».

Популярностью у бойцов пользовались программы. Так, в марте 1942 г. в программу включены рассказы о разрушенных гитлеровцами памятниках русской культуры, отрывки из поэмы А. С. Пушкина «Полтава», стихотворения В. Маяковского. Особенно популярной была сатира в куплетах (например, фельетоны Рыклина и других авторов). Солдаты с большим интересом смотрели спектакли для детей: «Сказка о попе и работнике его Балде», «По щучьему веленью» и др.

Не забывал театр и о своих маленьких зрителях. Летом и зимой, в любую погоду, на санях, оленьих упряжках, грузовых автомашинах артисты добирались до самых отдаленных пунктов, где их с радостью встречали не только дети, но и взрослые.

В августе 1942 г. в с. Ловозере театр показал для детей и взрослых весь репертуар на открытой площадке; оказал методическую помощь коллективу художественной самодеятельности.

За годы войны театром дано для воинов и тружеников тыла более 1200 концертов и спектаклей. За свои труды в годы войны театр отмечен многими грамотами и дипломами, а актеры награждены грамотами и медалями «За оборону Советского Заполярья».

[...] Великая Отечественная война застала театр* на гастролях в Азербайджане. Коллектив принимает единодушное решение вернуться на флот. В пути следования домой они готовят концертный репертуар, выступают на станционных перронах и вокзалах. По прибытии на место службы создали три концертные группы. Основная часть концертов проходила в частях, находящихся на передовой.

Первый концерт состоялся в лощине, названной «Долиной смерти», куда добирались ползком, вспоминают заслуженный артист РСФСР В. Деньчин и артист Волохов. «В землянках передовой линии развернуться негде. О концерте не может быть и речи. Мы читали отрывки из книг, пели песни под баян, рассказывали воинам о героическом труде рабочих и колхозников в тылу. Перед зарей ползком мы снова возвращались в расположение своей базы. За 10 дней наша концертная бригада выступала 50 раз, побывав во всех подразделениях пехотинцев».

Кроме концертов идет подготовка спектаклей. Главное внимание режиссура театра обращает на создание спектаклей героико-патриотического плана. За время войны было подготовлено 20 спектаклей. Большим успехом у зрителей пользовался спектакль «В далекой гавани» по пьесе И. Штока, поставленный режиссером В. Плучеком в содружестве с автором. Спектакль был близок зрителям: в действующих лицах на сцене они узнавали судьбы моряков, сидящих в зале. [...]

Среди режиссеров и актеров театра были талантливые творческие индивидуальности, которые стали выдающимися мастерами советского искусства. Среди них В. Н. Плучек, народный артист СССР, главный режиссер Московского театра сатиры; В. З. Радомыслинский, заслуженный деятель искусств РСФСР, руководитель школы-студии МХАТ; Г. П. Добржанская, народная артистка РСФСР, ведущая актриса Театра Советской армии; М. В. Сулимов – профессор Ленинградского института театра музыки и кинематографии им. Н. Черкасова, Е. Б. Кузнецов – заслуженный артист РСФСР и другие.

Концерты и спектакли театра проводились в гарнизонных клубах, на аэродромах и кораблях, полуостровах Средний и Рыбачий, нередко под бомбами и артобстрелом.

* Речь идет о театре Северного флота.

Театр показал для воинов более двух тысяч спектаклей и концертов, 55 артистов и сотрудников театра награждены орденами и медалями Родины. В коллективе бережно хранятся отзывы о концертах и спектаклях Героев Советского Союза Б. Сафонова, М. Гаджиева, А. Хлобыстова, И. Колышкина и многих других.

[...] В годы войны первые концерты ансамбля* состоялись на полуострове Рыбачий. Шли туда по Мотовскому заливу под артобстрелом, а на Рыбачьем попали под бомбежку. Укрывались в траншеях и за валунами. В жизни ансамбля были и трагические случаи. 20 июля 1941 г. на рейде Полярного вражеской авиацией потоплен эсминец «Стремительный», на котором погибло три артиста. Коллектив ансамбля все время был в пути: выступали на подводных лодках Героев Советского Союза Н. Лунина и И. Фисановича, в полку дважды Героя Советского Союза Б. Сафонова, на батарее Поночевного на полуострове Рыбачий и во многих других подразделениях флота и армии. Нередко приходилось давать по 7-8 концертов в день, и везде слушатели встречали ансамбль восторженно. Слушателей покоряло высокое профессиональное мастерство исполнителей, разнообразный, интересный репертуар: старинные матросские и русские народные песни, песни народов СССР и советских композиторов, зажигательные танцы.

В коллективе было много талантливых исполнителей. Таких, например, как Ярослав Родионов, который не только прекрасно пел, но и писал стихи. Не случайно в коллективе появилась прекрасная традиция оперативно откликаться на подвиги моряков песней, прославляющей этот подвиг. Так, в коллективе появились «Бескозырка» и «Бушлат».

Большой вклад в создание репертуара ансамбля внесли поэты и композиторы, служившие на Северном флоте. Любимая песня североморцев и жителей нашей области «Прощайте, скалистые горы» впервые прозвучала в исполнении ансамбля. Автор слов – поэт Николай Букин, музыка Евгения Жарковского.

Композитором Борисом Терентьевым написана музыка на торжественную композицию поэта Н. Флерова «Это в бой идут матросы» и на лирическую песню на слова А. Ойслендера «Вспомним, братцы, Полярное».

В числе первых артистов театра был А. М. Балакин. Он писал: «...в начале войны решил оставить искусство и идти на фронт... и еще 18 артистов подали рапорт с просьбой послать на фронт, за что были вызваны к командующему флотом и получили «хорошую взбучку». Потом, когда мы побывали в боевых частях..., убедились, насколько мы нужны..., чувствовали, что приносим людям радость...., вдохновляем их на подвиг....».

После войны Балакин Алексей Михайлович возглавлял областное концертно-эстрадное бюро, проявив в должности большие организаторские и творческие способности. Его трудом заложены основы для преобразования концертно-эстрадного бюро в филармонию. [...]

Значительный вклад в развитие изобразительного искусства внес Баранов Василий Григорьевич. В 1937 г. после окончания Ленинградского художественного педагогического училища он был направлен на службу на Северный флот. Служил художником в Доме флота в Полярном, оформлял спектакли флотского театра, в годы войны маскировал боевые корабли, участвовал в выпуске «Окон сатиры», создавал произведения о подвигах моряков-североморцев. Среди них – «Торпедирование немецкого линкора «Тирпиц», «Гаджиевский бой» и другие. [...]

В годы войны на Северном флоте и других воинских соединениях, расположенных на территории области, служили или находились в длительных командировках известные в стране писатели, поэты, композиторы, художники.

Среди них – Н. М. Михайловский, который в своей книге «Только звезды нейтральны» показал творческое становление молодого скульптора Л. Е. Кербеля, прибывшего

* Речь идет об ансамбле Северного флота.

Фрагмент концерта Мурманского облдрамтеатра на фронте.
Актриса О. В. Бирюкова. 1943 г.
ГАМО. Ф. Р-1310. Д. 498.

на Северный флот в 1942 г. по путевке ЦК ВЛКСМ.

Командующий Северным флотом А. Г. Головко не только назначает Л. Е. Кербеля флагманским специалистом по монументальной скульптуре, но и создает ему необходимые условия для творческой работы. За короткий срок Кербель создает серию скульптурных портретов героев-североморцев: П. Сгибнева, З. Сорокина, И. Фисановича, И. Колышкина, Б. Сафонова, которого автор лично не знал, к этому времени летчик уже погиб. Автор в своих работах добивается не только портретного сходства своих героев, но и стремится раскрыть индивидуальный характер каждого из них.

Работы Л. Кербеля находятся в разных музеях страны, в том числе в музее Краснознаменного Северного флота и областном краеведческом.

По проекту Л. Е. Кербеля 22 июня 1944 г. в Полярном открыт памятник героям. Прототипом барельефа на памятнике послужил матрос-торпедист одной из подводных лодок.

Сейчас имя скульптора Л. Кербеля известно не только в нашей стране. Он член-корреспондент Академии художеств, заслуженный деятель искусств РСФСР, народный художник СССР, лауреат Государственной и Ленинской премий, награжден многими правительственными наградами. [...]

Еще шла Великая Отечественная война, а командующий Северным флотом А. Г. Головко уже заботится о том, чтобы увековечить подвиги североморцев. Он приглашает старшего лейтенанта Драчкова Федора Петровича, служившего на Рыбачьем, дает ему задание собрать материалы о подвиге североморцев и в целом о Северном флоте. К 1944 г. Ф. П. Драчков сумел собрать 300 единиц реликвий, и 16 октября 1946 г. в Доме флота пос. Роста была открыта выставка «Оборона Советского Заполярья в годы Великой Отечественной войны». Эта выставка и стала первой экспозицией флотского музея. Сейчас музей располагает богатыми фондами, хорошей экспозицией. В музее работают опытные, высококвалифицированные специалисты.

В Мурманске и в других городах области, на Северном флоте, воинских подразделениях выступали не только наши творческие коллективы. В разное время в Мурманске гастролировали коллективы Ленинградского театра юного зрителя, группа артистов МХАТа и Малого театра, из Карелии – ансамбль «Кантеле» и театр музыкальной комедии и другие.

В Мурманске многие выступления артистов проводились в городском бомбоубежище. Известны и неординарные случаи. Музыкальный театр из Карелии давал оперетту «Роз-Мари», и, когда артисты узнали, что на спектакле будет присутствовать английская миссия, артисты Николай Рубан и Сиркка Рикка свои партии исполнили на английском языке. [...]

В трудные годы войны не прекращалось кинообслуживание населения. В кинотеатрах, клубных учреждениях, Домах офицеров демонстрировались фильмы, работали кинопередвижки на предприятиях, в учреждениях и сельских клубах. Показывали

художественные фильмы: «Учитель», «Парень из тайги», «Машенька» и другие, но особой популярностью пользовались кинохроники и документальные фильмы. Переполнены залы были на просмотре фильма «Разгром немецко-фашистских захватчиков под Москвой». В марте 1942 г. в газетах были опубликованы отзывы зрителей на этот фильм. С таким же успехом посещался фильм «Ленинград в борьбе». [...]

В годы войны часть своих наиболее ценных фондов музей* эвакуировал в г. Мончегорск, но работу в Мурманске не прекращал (директор Ю. С. Перцович).

На площади у Дома культуры им. С. М. Кирова была открыта выставка трофейного оружия, техники и обмундирования гитлеровской армии. Для посетителей выставки проводились экскурсии, имевшие практическое значение: обезвреживание зажигательных и фугасных бомб, обращение с трофейным оружием.

В январе 1945 г. к детским каникулам была открыта выставка «Природа и природные богатства Кольского полуострова».

В 1944 г. в честь освобождения Заполярья от немецко-фашистских захватчиков облисполком принимает решение об организации музея Отечественной войны и строительстве памятника «Защитникам Заполярья». Для будущего музея художники получили заказы на создание тематических картин «Советское Заполярье в годы Отечественной войны». Часть этих работ сейчас находится в фондах краеведческого музея. Позже было принято решение объединить музей Отечественной войны и музей краеведения в одном здании. Для размещения музея было выделено здание 6-й общеобразовательной школы, частично разрушенное в годы войны, где и находится музей. [...]

В ноябре 1944 г. и в Мурманске, и в воинских частях активно выступала группа ленинградских поэтов фронтовиков: Борис Лихарев, Илья Авраменко, Александр Прокофьев...

А в декабре – радостное событие. В связи с разгромом немецко-фашистских захватчиков в Заполярье советским правительством была учреждена медаль «За оборону Советского Заполярья». Известный ленинградский поэт, неоднократно посещавший нашу область, Прокофьев Александр Андреевич в честь этого прекрасно написал:

Героям, дошедшим до волн ледовитых,
До скал и до гор, только мхами покрытых,
Простым и суровым, отважным и ловким
Героям Петсамо, героям Титовки
Привет!
Орлам Заполярья привет боевой
От вымпелов, взятых над гордой Невой,
От города нашего вечно родного
Летит к Вам, товарищи, светлое слово.
От ваших ударов враги полегли.
Привет Вам, дошедшим до края земли,
Смотрящим пытливо в тревожную даль!
Привет Вам, вчеканенным в эту медаль!
[...]

Л. А. Клюшева

ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 1. Д. 15. Л. 19-33.
Подлинник. Машинопись с авторскими правками.

* Имеется в виду краеведческий музей.

№ 66

Из письма В. А. Подобедова Л. А. Клюшевой с воспоминаниями о детском театре кукол – о работе в годы Великой Отечественной войны*

6 декабря 1994 г.

Война застала нас в Кировске. Это был один из первых дней начала войны, точнее, светлая заполярная ночь, когда город был разбужен взрывами бомб и гулом летящих самолетов. Бомбы попали на склад апатита при обогатительной фабрике. Апатитовая пыль скрыла не только фабрику, но и весь город. Вероятно, летчики приняли это за удачное попадание и поэтому, удовлетворенные, улетели. Через несколько дней меня вызвали в Мурманск, где было предложено секретарями обкома Анисимовым и Бутцевым, в связи с интенсивными бомбежками и эвакуацией населения, в местах сбора последних организовать обслуживание эвакуированных. Одновременно было предложено перестроить работу театра на более подвижную, эстрадную форму работы, перестроить репертуар в соответствии с временем. Мужской состав получает бронь, желающим эвакуироваться – не препятствовать. Определена была и дислокация театра – в/ч фронта, флот, рыбаки на лове в море, население побережья, ж. д. станции. Задание было понятно.

На художественном совете театра была утверждена основная фронтовая бригада, выдано «добро» на увольнение эвакуированным, утверждены формы репертуара. Это были шарж, гротеск, сатира – все, что присуще кукольному театру. Мы с честью выполнили наказ, более ста различных антифашистских скетчей пополнили кукольный репертуар. На перестройку театра потратили три дня. Художник театра Бурунов сделал десятки пародийно-гротесковых кукол Гитлера, Геббельса, Геринга, фашистских солдат-фрицев. Артистка Деркач Анна Михайловна, обладательница красивого тембра сопрано, подготовила с баянистом Петром Евмененко несколько популярных песен военного репертуара. Артистка Разоренова Ксения Александровна, как чтица, выступала с произведениями Ольги Берггольц. Артист Моисеев Константин Иванович читал Маяковского и Симонова. Артисты Тимошенко Екатерина Матвеевна, Мамыкин Николай Борисович и я работали с куклами. Наш концерт длился 70 минут, но мы могли варьировать в зависимости от обстановки.

Уже в июле мы на втором месяце войны стали работать на фронте, базируясь на 52-ю стрелковую дивизию (впоследствии 10-я гвардейская). Воинская аудитория была самой непосредственной, самой благодарной. В период войны мы карточек не имели, довольствие получали в в/ч, нас обеспечили валенками, шапками, полушубками. На подготовку нового репертуара мы выезжали в Кировск, обстановка в Мурманске была сложной, 32 бомбежки в сутки. За шесть месяцев 1941 г. мы почти ежедневно где-нибудь выступали, чаще по два-три концерта в день. Это были госпитали, у летчиков Колы, Шонгуя и Африканды, для населения станций от Колы до Лоух. Мы работали на Рыбачьем полуострове, у рыбаков на путине. Нас передавали в море с тральщика на тральщик. Было чрезвычайно тяжело, и надо сказать, что артистки-женщины проявляли себя более чем достойно, а в начале 1942 г. мы оказались без артиста Н. Б. Мамыкина и художника А. Г. Бурунова. Они отказались от брони и ушли в ряды Красной армии. Их уход стал нам дополнительной нагрузкой.

Отдел искусств и политотдел армии по предложению облисполкома предложили нам обслуживать все военные и гражданские пункты от острова Кильдин до Кандалакши. Мы назвали это турне «кругосветным» – вокруг Кольского полуострова. От Мурманска до Поноя мы передвигались на предоставленном в наше распоряжение

* Опущены сведения, выходящие за хронологические рамки сборника.

боте, а с Поноя, ввиду ледовой обстановки в море, – на четырех оленьих упряжках. Заканчивая свой маршрут, мы из Умбы выехали на Кандалакшу целиной, ориентируясь на телефонно-телеграфные столбы. Был апрель. Пересекая большое Колвицкое озеро и находясь почти на его середине, мы были обнаружены двухмоторным «Фокке-Вульф». Его, вероятно, заинтересовал наш караван. Он сделал облет на высоте не более двухсот метров. От гула винтов олени испуганно легли на лед. Сделав «горку» в отдалении, самолет пошел в пике на нас. Мы видели, как от его фюзеляжа отрывались маленькие бомбы. Но бомбы легко пробивали пористый лед и взрывались под водой. Летчики, вероятно, были не удовлетворены результатом бомбежки и, перейдя в новое пике, открыли пулеметный огонь. Очереди ложились, взбивая снег, впереди, правее и сзади нас. Самолет вновь стал на новый заход. Он уже не делал «горку», а почти на планерном полете приближался к нам. Мы, каждый, умом и сердцем понимали, это конец. Но самолет вдруг, круто развернувшись, стал уходить от нас. Теперь и мы увидели два наших истребителя, которые, используя преимущество высоты, расстреливали стервятника. Фашист был сбит. За сопками раздался сильный взрыв, а затем поднялся столб дыма. Мы подняли оленей и, молча, продолжали свой путь. Все мы были в шоковом состоянии.

Однажды мы получили новое направление – Лоухи. В районе ст. Лоухи шли ожесточенные бои в направлении Петрозаводска. Железная дорога ежедневно подвергалась интенсивным бомбежкам пути и подвижного состава. Мы пользовались ее услугами ежемесячно, и не было ни одного выезда без происшествий. Так было и в данном случае. До ст. Имандра доехали благополучно, а на подходе к ней была объявлена тревога, на поезд, включая и станцию, совершила нападение десятка фашистских самолетов. Зенитчики открыли заградительный огонь, но были подавлены стервятниками. На неподвижно стоящий состав стервятники обрушили пулеметно-бомбовый удар. В составе были две платформы с зенитными пулеметами, и они активно вели оборону состава. Сотни людей покинули состав, разбегаясь в сторону от него. Но их настигали осколки разорвавшихся бомб. Я запретил своим товарищам выход из вагона, считая, что шанс попадания в наш вагон менее реален, чем получить осколок на земле, вне вагона. Но все же снаряд крупнокалиберного пулемета или пушки, разбив крышу вагона, прошел через лежащего на багажной верхней полке мужчину и ушел, чуть не коснувшись ноги сидящей на нижней полке А. М. Деркач, через пол в землю. Все произошло мгновенно, и мы поняли всю опасность только тогда, когда полилась кровь убитого мужчины. Самолеты, сделав свое грязное дело, улетели. По вагонам прошли патрули и санитары, подбирая убитых и оказывая помощь раненым. Дальнейший путь был без налетов, а в Лоухах мы только один раз были под бомбежкой.

Выполняя предписание облисполкома, мы работали в море, обслуживая рыбаков. Нас передавали с тральщика на тральщик. Путина была в районе Святого Носа, Гремихи, и, когда была закончена эта работа, нам предоставили маленький бот с командой два человека: капитан-рулевой и моторист. Бот шел вдоль берега, капитан боялся уходить далеко от берега в море, там пиратствовали самолеты, которые на бреющем полете уничтожали мелкие суда. Правда, когда берег был изрезан бухтами и мысами, бот отрывался от береговой линии и шел к видимой дальней точке берега. Неожиданно капитан дал команду на самый малый ход и показал мне рукой на море. Впереди, по курсу судна, плавали мины. Я насчитал восемь мин. Они плавали разбросанно и представляли большую опасность. Пока капитан и моторист обсуждали обстановку, мы оказались в опасном окружении. Ветер и течение меняли их направление. На самом малом ходу, искусно лавируя между черной смертью, капитан выводил бот из опасного окружения. Часто мины проходили в 25–30 метрах то по правому, то по левому борту. Через час мы были на чистой воде.

По прибытии в Мурманск нас ждал Северный флот. На военном катере мы обслужили ряд точек: Ваенгу, Кувшинку*. Затем было предложено обслужить гарнизоны Рыбачьего полуострова. Рыбачий полуостров при всем желании фашисты захватить не смогли. Наши гарнизоны храбро отбивали все атаки, и в конце концов враг перешел к позиционной войне, обстреливая суда, идущие в портопункты: Наволок, Губа Эйна, Озерко. Переход в указанные пункты был сложным. Фашисты, занимающие противоположный материковый берег от Сайда-губы до Титовки, обстреливали все суда. Наш катер довольно ловко уходил от обстрела, меняя курс и скорость. При входе из Мотовского залива в бухту Озерко нас очень сильно обстреливала артиллерия Титовки. Все обошлось благополучно и на обратном рейсе. Опасно? Да. Но мы были готовы вновь совершить такой рейс, так как тот горячий прием, который нам оказали бойцы и матросы, их восторженные и радостные лица были нам дороги и сердечны! Политрук части сказал: «Все были искренне счастливы, увидев артистов-женщин, в каждой из них они видели своих жен, сестер, любимых, матерей. Они оценили и то, что, несмотря на холодный ветер, артистки выступали в крепдешиновых платьях!»

Я уже писал, что мы в основном базировались в 10-й гвардейской дивизии, которая занимала передовой край обороны, противник был в двухстах метрах. Каждую созданную новую программу мы, как премьеру, показывали гвардейцам. В расположении части, в некотором роде в «тылу», было озерцо-болотце. Со стороны противника оно было скрыто небольшими сопками. Вот здесь мы и устанавливали свою ширму-сцену. Как помню: погода была безветренная, легкий морозец -2°– -3°. Нас и часть «зала» прикрывал парусиновый тент. Собирались после минутного перерыва дать четвертый концерт. Помню, я объявил: «Артистка Анна Деркач исполнит любимую вами песню «Синий платочек», баянист Петр Евмененко». И не успел я скрыться за ширмой, как раздались один за другим три хлопка-взрыва. Тент упал, бойцы немедленно разбежались по своим местам. Вижу, из-под тента выползает Деркач, за ней – баянист с баяном без меха! Что же случилось? Так бывает на передовой, враг выпустил наугад, просто так, три мины. Они упали в стороне, зарывшись в болотной тине. В дивизии очень сокрушались по случившемуся, а мы, собрав поломанное оборудование, вернулись в Мурманск для ремонта. Евмененко получил взамен разорванного баяна трофейный аккордеон.

Стоит сказать и о наших встречах с прославленными партизанскими отрядами Куроедова и Смирнова, каждый раз по их возвращении мы были их гостями. [...]

В. А. Подобедов

ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–6.
Подлинник. Машинопись.

* Так в документе. Вероятно, имеется в виду нп. Кувшинская Салма.

№ 67

Из воспоминаний Г. В. Елисеева «Гор. Кандалакша в годы Великой Отечественной войны» – о роли прифронтового города в разгроме немецко-фашистских войск в Заполярье*

Апрель 1975 г.**

В Кандалакше, как и в других городах области, все перестраивалось на военный лад, как того требовал Центральный Комитет партии и Советское правительство. Рабочие, служащие и все население города на собраниях и митингах выражали свой гнев и готовность сражаться с врагом и трудиться без устали над выполнением заказов фронта.

Елисеев Георгий Викторович.
1943 г.
МОМ КП 19390/3.

К горвоенкомату шли призывники и добровольцы, коммунисты и комсомольцы, которые с ходу направлялись в сражающиеся части. Многие рабочие, специалисты, служащие строительства Нива ГЭС-3 и алюминиевого завода отказывались выезжать в глубь страны с эвакуированными предприятиями и уходили на фронт. Нельзя забыть, как коллектив строителей Нива ГЭС-3 отправлял своих товарищей в боевые части вместе с заместителем секретаря парткома строительства т. Шаминым и комсоргом ЦК ВЛКСМ т. Муштак, который вскоре в одном из боев пал смертью храбрых.

Для охраны города и на случай высадки десантов были сформированы истребительный батальон и полк народного ополчения. Командиром батальона был назначен кадровый офицер 80-го железнодорожного полка т. Крячко, комиссаром – т. Селезнев А. В., зав. военным отделом горкома партии, а после его ухода в партизанский отряд – А. А. Кузнецов. Полк народного ополчения возглавил зам. директора механического завода, бывший командир Красной армии в гражданскую войну т. Уваров, комиссаром был назначен секретарь горкома ВКП(б) т. П. И. Монов. Оружием эти формирования обеспечивались военным командованием и органами милиции, а впоследствии механическим заводом, который успешно освоил производство автоматов, минометов и мин.

В связи с тем, что немецкие и финские войска были остановлены и отброшены на дальние подступы, противник начал наносить более интенсивные удары с воздуха. Кандалакша и особенно железнодорожный узел подвергались налетам вражеской авиации до 15 раз в сутки. В первые же дни налетов были подожжены цистерны с горючим, составы поездов с грузами, выводились из строя паровозы, электровозы, разрушалась контактная сеть, появились первые жертвы налетов. Были смертельно ранены машинист Ивченко, инструктор райкома партии Гришин и некоторые жители

* Опущены сведения, выходящие за хронологические рамки сборника, а также сведения о приостановке строительства предприятий и начале эвакуации оборудования и населения в глубь страны, о наступлении гитлеровцев на Мурманском направлении, о пребывании в Кандалакше возвращающейся из Лондона через Мурманский порт профсоюзной делегации во главе с Н. М. Шверником.

** Датируется по сопроводительному письму автора (ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 333. Л. 1.).

города, которые не успевали укрыться в убежищах, а также работники милиции, не оставлявшие своих постов даже в самые жестокие бомбардировки.

В город начали прибывать поезда с ранеными и убитыми пассажирами и членами поездных бригад. Противовоздушные средства обороны города и железной дороги были тогда еще слабые. Противник нередко действовал безнаказанно. Перед военным командованием фронта и областными партийными и советскими организациями был поставлен вопрос об усилении противовоздушной обороны. Вскоре в город прибыли член Военного совета фронта первый секретарь ЦК компартии КФ ССР т. Г. Н. Куприянов, генерал Антила, член Военного совета 14-й армии т. А. И. Крюков, секретарь Мурманского обкома ВКП(б) т. Д. Ф. Филимонов и представитель Министерства обороны СССР* т. М. М. Царевский. Были рассмотрены планы и сроки строительства оборонительной линии на основных направлениях фронта. Здесь же было принято обращение к населению Мурманской, Архангельской и Вологодской областей об оказании помощи в осуществлении этого строительства. Вскоре пароходами и поездами начало прибывать из этих областей население. Руководителем строительства был назначен заместитель начальника строительства алюминиевого завода т. Ходырев, который хорошо справился с возложенной на него задачей, несмотря на большие трудности, связанные с условиями и близостью фронта; срочно было начато строительство аэродромов. Работники лесного хозяйства района нашли соответствующие площадки для этой цели. Аэродромы строились в основном населением городов Кандалакша и Кировска под руководством специалистов-строителей Нива ГЭС-3 и алюминиевого завода и инженерно-саперных частей Кандалакшского направления. Большую организационную и техническую роль в строительстве аэродромов сыграли инженер-строитель т. Росляков, который был прислан Мурманским обкомом ВКП(б), инженер-подполковник 19-й армии В. Я. Пляскин и секретарь горкома ВКП(б) т. Д. А. Романов. Два аэродрома были построены быстро, и на них вскоре начали базироваться самолеты противовоздушной обороны.

Здесь уместно напомнить о таком случае, характеризующем молодежь Кандалакши. Во время строительства аэродрома «Белое море» одна из девушек была тяжело ранена осколком бомбы при налете вражеской авиации. В госпитале ей ампутировали ногу. Военный совет 19-й армии по представлению горкома ВКП(б) и горисполкома наградил ее медалью «За боевые заслуги». При вручении медали в госпитале она поблагодарила, заплакала, а затем сказала, что она любит танцевать, а теперь как она будет это делать? Разговор был, конечно, тяжелый. Фамилию этой девушки я забыл, но помню, что она работала в сберкассе в Нижней Кандалакше.

В городе продолжалось формирование отрядов противовоздушной обороны, обучались команды по борьбе с зажигательными бомбами, санитарные отряды, строились убежища на предприятиях и для населения города, развертывались госпитали, которые с первых дней боев на фронте и налетов авиации наполнялись ранеными солдатами и офицерами, организовывались донорские станции. Вокруг города строились оборонительные сооружения.

Вскоре из Мурманска, Кировска, Мончегорска начали подходить в город поезда с населением, коллективами предприятий, эвакуируемых в глубь страны. Пароходы подходили в Кандалакшский залив. Но порт был здесь настолько маленький, что он не мог их обрабатывать своевременно, но небольшой коллектив порта (нач. тов. Кузьмин) нашел выход. С лесозаводов к порту были прибуксированы сигары** сплоченного леса, и за счет их был расширен причальный фронт. В результате чего обработка судов резко увеличилась и задержки из-за порта не наблюдались.

* Во время Великой Отечественной войны – Народный комиссариат обороны СССР.

** Сигара представляет собой многорядную сплоточную единицу, применяемую при сплаве леса. Носовая и кормовая части сужены и придают ей форму сигары, обеспечивая снижение общего сопротивления движению.

По решению Государственного Комитета Обороны СССР в Мурманске и Кандалакше, как и в других прифронтовых городах, были созданы городские комитеты обороны, которые проводили большую работу по координации своей деятельности с Военными советами армий в области строительства оборонительных сооружений, перевода промышленных предприятий на выполнение заказов фронта, подготовки населения к обороне города. Мурманский комитет обороны возглавлял первый секретарь обкома ВКП(б) т. М. И. Старостин, руководство Кандалакшским комитетом обороны было возложено на меня. В состав комитетов входили основные руководители областных и городских партийных, советских и хозяйственных организаций. Нельзя не отметить здесь некоторых членов Кандалакшского комитета обороны, которые, не жалея своих сил, здоровья, выполняли задания военного командования и обкома ВКП(б). Это И. Н. Большаков – председатель горисполкома, Н. И. Грабчук – начальник горотдела НКВД, Д. А. Сазонов – командир 80-го ж. д. полка, К. Н. Павлов – директор механического завода, начальник отделения железной дороги, начальник горотдела милиции.

На комитет обороны было возложено также руководство всеми формированиями противовоздушной и противохимической обороны города, действиями истребительного батальона, полка народного ополчения, а также вся деятельность по оказанию всесторонней помощи фронту.

В августе 1941 г. на Кандалакшском направлении снова разгорелись ожесточенные бои, в результате которых противнику удалось занять станцию Нямозерской ветки, Алакуртти и аэродром и выйти на линию озер Верхний и Нижний Верман, т. е. ко второй линии обороны наших войск.

Здесь следует вспомнить, что в борьбе за станцию Алакуртти проявил большой героизм маленький коллектив этой станции, особенно диспетчер-стрелочница тов. Жаркова, которая своими отважными действиями, будучи уже раненной, обеспечила своевременную отправку находившихся на станции поездов с боеприпасами и военной техникой. По представлению военного командования и Мурманского обкома ВКП(б) т. Жарковой было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В эти же дни стало известно, что в направлении аэродрома вблизи станции Лоухи продвигается группа немецко-финских войск, просочившаяся через озера. Было принято решение: до переброски в этот район войск направить туда истребительный батальон и часть полка народного ополчения. Работники ж. д. отделения быстро сформировали специальный состав, которым поздно вечером под командованием капитана Крячко, секретаря узлового парткома т. Н. Н. Киселева батальон был направлен на станцию Лоухи, где он под прикрытием бронепоезда, которым командовал майор В. Щипанов, был доставлен в район аэродрома. Соединившись с подразделением охраны аэродрома, батальон встретился с противником и завязал с ним бой, который длился до подхода подразделений 273-го полка. В результате совместных действий группа противника была отбита. Батальон вернулся в город и при разборе проведенной операции получил высокую оценку его боевых действий и благодарность военного командования. Не могу не отметить здесь такого факта, который сохранился в моей памяти. Еще при отправке батальона на станцию Лоухи ко мне подошел командир батальона т. Крячко с девушкой и доложил, что она настойчиво просит отправить ее вместе с батальоном, но, поскольку было дано указание девушек в этом случае не брать, он этого вопроса сам решить не мог. Не запомнил фамилию этой девушки, но помню, что, вопреки принятому ранее решению, пришлось уступить ее слезам и настойчивой просьбе.

По призыву партии и советского правительства о создании невыносимых условий для врага на временно оккупированной им советской территории, дезорганизации тылов противника, подрыве поездов и автогужевого транспорта на магистралях, уничтожении его гарнизонов и складов боеприпасов в Мурманске, Архангельске и Карело-Финской ССР были сформированы партизанские отряды, которые действовали в тылах противника на занятой им советской территории. На Мурманском направлении действовало два отряда, фамилии многих из тех, которые ушли в эти отряды из Кандалакши, я не помню, но некоторые из них в моей памяти остались до сих пор. Не могу забыть бывшего председателя горсовета ОСОАВИАХИМа т. Утицина, который пришел в горком партии с просьбой отправить его на фронт или в партизанский отряд, где сражаются его товарищи и коллеги. Его многочисленная семья жила здесь же в городе. Оснований для отказа в его просьбе не было. Помню, как после беседы и напутствия он подошел к присутствовавшим товарищам, обнял всех поочередно, расцеловал и сказал, что с честью оправдает доверие партии и Советского правительства. Тов. Утицин был назначен командиром взвода отряда «Большевик Заполярья». Но вскоре было получено сообщение, что он погиб в одной из схваток с врагом. Комиссаром этого отряда ушел заведующий военным отделом горкома партии т. Селезнев Александр Васильевич. Вспоминаю фамилии товарища Столыпина с механического завода, т. Ефимовского из горбанка.

На Кандалакшском направлении сражались три партизанских отряда: «Полярник» (Д. А. Подоплекин, Мойзер), «Сталинец» (Гонтаренко), «Большевик» (Г. А. Калашников, В. А. Климов). Эти отряды были сформированы в Архангельске и направлены на Кандалакшский участок фронта. Об их боевых действиях и успехах много сообщалось тогда в местных, армейских и центральных газетах.

Сейчас хотелось бы сказать о том, что в этих отрядах было много девушек, бывших комсомольских работников. Надо сказать, что они одинаково с мужчинами преодолевали сотни километров в походах в полном боевом снаряжении и с не меньшей отвагой и храбростью громили врага, коммуникации, гарнизоны, железнодорожные составы и мосты. Не сойдут с памяти такие партизанки, как Зоя Климова, Рачева Феня – кандалакшская партизанка, Валя Зурова – связистка из Вологды, Клава Тюрина – из КФ ССР. Большинство партизан и партизанок было награждено Военным советом фронта орденами и медалями Советского Союза. Вспоминаю те дни, когда эти отряды после продолжительного нахождения в тылу противника и многочисленных боевых операций вернулись на свою базу, в Кандалакшу, для отдыха. На встречу с ними прибыл начальник штаба партизанского движения Карельского фронта генерал-майор т. В. Я. Вершинин, которому было поручено от имени Верховного Совета СССР вручить партизанам и партизанкам правительственные награды. Командиры и комиссары отрядов внесли предложение, чтобы к вечеру, где будут вручаться награды, всех девушек-партизанок одеть в обычные платья. Все возможные ресурсы города, военторга и пошивочных артелей были использованы. Девушки были одеты и обуты к назначенному вечеру, чему радости не было конца, хотя были и слезы, так как не все партизаны и партизанки вернулись на свою базу. После докладов командиров и комиссаров отрядов об итогах походов и боевых действий и вручения им правительственных наград партизаны и партизанки заверили партию и правительство, что по возвращении на поле брани они будут бить врага с еще большей силой. После ужина начались танцы, которые длились до утра. А после 15 дневного отдыха они снова ушли на выполнение боевых заданий. Многие из них, в том числе и командир отряда «Большевик» т. Калашников Георгий Артамонович, ушли, уже будучи принятыми в нашу славную Коммунистическую партию. [...]

На оставшихся предприятиях, и прежде всего на механическом заводе, быстро осваивалось производство автоматов, минометов, мин, ремонт боевой техники и транспорта, поступающих с боевых районов. Большую работу по перестройке завода на выпуск боевой продукции провел тогда директор завода тов. К. Н. Павлов, а также руководители производства тт. В. И. Стальнов, Баженов и конструкторы тт. Максимов, Запрудный. Многие заказы 19-й армии выполнялись и другими предприятиями города, которым не раз присуждались Красные знамена Государственного Комитета

Обороны. Следует отметить, что рабочие, инженерно-технические работники паровозного, электровозного депо да и других предприятий не только обеспечивали производство оружия и ремонт боевой техники, но и быстрое восстановление предприятий, цехов, контактных электросетей железной дороги после налетов вражеских самолетов. Особенно сложная обстановка была на южном плече отделения железной дороги, где вражеская авиация свирепствовала в первый год войны, пользуясь еще слабой противовоздушной обороной этого участка. Работникам узлового парткома, партийных организаций паровозного и электровозного депо (Киселев, Зубко, Кейнянин), руководителям депо (Давыдкин, Кузьмин, Бессмертных) приходилось проводить немалую работу с поездными бригадами, которые, отправляясь в путь, не всегда были уверены в благополучном возвращении. Железнодорожники Кандалакши проявляли героизм и самоотверженность. Никогда не забуду пиротехника Кокарева, который до наступления ночи обезвреживал десятки бомб замедленного действия, сброшенных противником на железнодорожные пути, чтобы помешать движению поездов в ночное время. [...]

Уверенность в победе и в том, что врагу не удастся прорваться к Мурманску, Кандалакше и Кировской железной дороге, была у военных, гражданских властей и у всех трудящихся области. Конкретным примером этому может служить следующий факт. Когда нависла угроза выхода противника к 1941 г. к городу Кандалакша и Белому морю, Наркомат путей сообщения (Филиппов) дал указание местным службам дороги срочно демонтировать контактную сеть от Мурманска до Кандалакши, чтобы она не досталась немцам. Выполнение этого указания грозило ослаблением снабжения армии и флота на Севере, а также доставки военных грузов, идущих через Мурманский порт от союзников. Обсудив этот вопрос, военное командование и Мурманский обком ВКП(б) приняли решение демонтаж контактной сети приостановить. Как известно, электровозы, хотя и под ударами немецкой авиации, водили составы поездов до самого окончания войны, доставляя военные грузы как на север, так и на центральные фронты великой битвы.

Хочу отметить, что все годы войны члены городского комитета обороны, работники горкома партии, комсомола, ответственные руководители городских организаций, предприятий всегда, днем и ночью, находились на предприятиях с коллективами, с населением города в убежищах и щелях. Рассказывали им о положении на фронтах, на Северном фронте, на Кандалакшском, Мурманском направлениях. Это воодушевляло людей, создавало больше уверенности в победе нашего правого дела. О высоком морально-политическом и патриотическом духе населения города говорил хотя бы тот факт, что за все годы войны, даже в самые тяжелые дни боев на подступах к городу и жестокой бомбардировки с воздуха, не было проявлено ни одного случая паники или растерянности. В дни боев и во время отдыха работники горкома партии, комсомола нередко находились в частях и подразделениях, в дотах и блиндажах, в снайперских ячейках и укрытиях, рассказывая бойцам о положении на фронтах, о том, какое значение имеет Кольская земля и Мурманский порт, которые они защищают.

Когда стихали бои на Севере, а на центральных фронтах шли ожесточенные сражения, многие солдаты да и офицеры тоже писали письма командованию, в которых просили отправить их на тот фронт, который является решающим. Поэтому Военный совет и политотдел армии посчитали необходимым усилить в войсках разъяснительную работу в этом направлении и внушить каждому солдату, что решающим для него участком является тот участок, где он сейчас находится с оружием в руках.

Так шла жизнь прифронтового города, на подступах к которому находились вражеские войска все годы, где до последнего удара наших войск в октябре 1944 г. не умолкали бои и не переставала бомбить город и железную дорогу вражеская

авиация. Десятым ударом* советских войск в Великой Отечественной войне вражеские войска по всему Карельскому фронту были отброшены до норвежских берегов и г. Киркенеса. [...]

Г. В. Елисеев

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 333. Л. 2–14. Подлинник.
Машинопись с авторскими правками.

№ 68

Из воспоминаний П. И. Моторина о строительстве оборонительных сооружений на Кандалакшском направлении – о создании оборонных укреплений в районе Алакуртти**

9 декабря 1972 г.

Наряду с Мурманским направлением нашим войскам при защите Советского Заполярья пришлось с самого начала Великой Отечественной войны отбивать яростные атаки немецко-фашистских войск еще на двух направлениях – Кандалакшском и Лоухском.

Моторин Павел Иванович.
1939 г.
ГАМО. Ф. Р-405. Оп. 2а. Д. 16. Л. 266.

Исходя из этого, и строилась оборона северного участка огромного фронта нашей страны. Оборонительные сооружения возводились на всех трех направлениях. Я лично принимал в этом участие, главным образом, на Кандалакшском, куда был послан Военным советом и обкомом ВКП(б). Мне давал конкретные задания первый секретарь обкома, член Военного совета армии Максим Иванович Старостин, и отчитывался я лично перед ним. Кроме строительства оборонительных сооружений на меня была возложена задача организовать эвакуацию нетрудоспособного населения области (особенно женщин с детьми) через Кандалакшский порт водным путем в Архангельск, поскольку Мурманскую железную дорогу от Кандалакши на Петрозаводска подвергали частой и сильной бомбежке самолеты врага. Этим же путем было решено вывозить демонтированное оборудование комбинатов «Апатит», «Североникель», со строящегося Кандалакшского алюминиевого завода, Нива ГЭС-3 и других предприятий. Поскольку строительство Кандалакшского алюминиевого завода и Нива ГЭС-3 с началом войны было приостановлено, большинство рабочих

* Десять сталинских ударов – общее название ряда крупнейших наступательных стратегических операций, проведенных в 1944 г. Вооруженными Силами СССР. Десятый – Петсамо-Киркенесская операция.

** Опущены рассуждения автора о планах немецкого командования в отношении г. Мурманска, сведения о пожарах в г. Мурманске в 1942 г., о строительстве бомбоубежища в г. Мурманске, об организации эвакуации населения водным путем через Кандалакшу.

и служащих призывного возраста были мобилизованы в армию. Многие пошли в народное ополчение и истребительные батальоны, а свыше 5 тысяч чел., в т. ч. много заключенных, было направлено на строительство оборонительных сооружений Кандалакшского направления.

К моменту войны советско-финляндская граница проходила около местечка Коулоярви – западнее Алакуртти. Там сразу начались ожесточенные бои. Поэтому советское командование решило принять меры к сооружению оборонительных рубежей на подступах к Алакуртти. Впоследствии эти рубежи дали возможность задержать и обескровить врага на длительное время. Однако гитлеровцы имели в то время численное превосходство войск и, несмотря на большие потери, вводили в действие все новые и новые резервы. Создавалась угроза прорыва нашей обороны на Алакурттинском рубеже. Учитывая это, наше командование срочно принимало меры к строительству оборонительных сооружений восточнее от Алакуртти. На реке Верман, примерно в 70 км от гор. Кандалакши, был возведен неприступный для врага рубеж. Строили его те же контингенты, что и в Алакуртти, с участием трудящихся гор. Кандалакши.

Когда наши войска оставили Алакуртти, немцы кричали, что через два-три дня они будут в Кандалакше, перережут Мурманскую железнодорожную магистраль и зажмут Кольский полуостров в огненное кольцо. Однако этим черным замыслам не суждено было сбыться. Защитники нашей Родины встали насмерть и не пропустили врага дальше Верманского рубежа. Но пока на реке Верман шли ожесточенные бои, на всем протяжении от фронта до Кандалакши ни на минуту не прекращалось строительство оборонительных сооружений, чтобы обеспечить надежное прикрытие нашим войскам. Были сооружены лесные завалы, доты и дзоты, окопы полного профиля и т. д., а также новые полевые аэродромы. Один из них, как я хорошо помню, – около горы «Гремяка» в 35–40 км от Кандалакши, второй – вблизи станции Белое.

Трудящиеся гор. Кандалакши самоотверженно трудились на всех участках оборонных сооружений. Душой всего дела были Кандалакшский ГК КПСС и его первый секретарь тов. Елисеев Г. С. Я контактировал всю работу и лично несколько раз выезжал на фронт, беседовал с бойцами, держал связь с командованием. [...]

П. И. Моторин

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 288. Л. 18–30. Подлинник.
Машинопись с редакторскими правками.

№ 69

Из воспоминаний С. К. Бондарь «Комбинат «Апатит» в годы Великой Отечественной войны» – о разработке технологии выработки карбида кальция для ремонта самолетов, боевых машин*

23 июля 1969 г.

Но в феврале 1943 г. по личной моей просьбе МХП** все-таки откомандировало меня на постоянное место работы на комбинат «Апатит».

По прибытии на комбинат меня оформили в технический отдел техником-сметчиком, т. к. комбинат в военные годы прекратил основное производство (выпуск апатитового и нефелинового концентратов) и переключился на работу в помощь фронту.

Шла война, г. Кировск подвергался налетам вражеской авиации, но рабочие и инженерно-технические работники, в основном женщины, самоотверженно трудились не покладая рук и не жалея сил, каждый на своем посту решал сложные и в то же время ответственные задачи, хотя некоторые из них были и не под силу. Но все знали и работали с одними мыслями: «Все для фронта, все для Победы». Это вселяло веру в людей о быстрейшем разгроме врага.

Вот мне и хочется рассказать о решении некоторых технических, я бы сказала, даже сложных в то время вопросов.

В апреле – мае 1943 г. перед комбинатом «Апатит» (директором был М. И. Селезнев) была поставлена задача в кратчайший срок разработать технологию и проект строительства цеха для выработки карбида кальция, а затем и построить его. Карбид кальция крайне необходим был для ремонта самолетов, танков, боевых машин и другого военного оборудования.

Специалистов этого дела на комбинате не было, не было и необходимого оборудования для цеха. Над решением этой задачи работали работники управления. Техническим отделом, которым руководил С. К. Кельманзон, совместно с конструкторами была разработана технология и установка для получения карбида кальция. Выбрано место, и смонтирована*** в бывшем помещении электромонтажной мастерской рядом с диагональным бремсбергом**** Кировского рудника. Монтаж этой установки производился под руководством С. К. Кельманзона и при участии инженеров Н. И. Теддер, В. М. Широчина, Б. М. Струнина, С. И. Королькова, П. Жевнатюка. В этом деле есть частица и моего труда.

После упорных трудов карбидный цех был смонтирован и в октябре 1943 г. был пущен в эксплуатацию. Не ладилось с технологией, то не могли получить и выпустить карбид из печи, то выходил низкого качества, то печь прогорала от высокой температуры, не было кадров, специалистов этого дела.

Над всеми трудностями упорно работали наши инженерно-технические работники. Приходилось перелистать много литературы, провести множество экспериментов. Но и эти задачи были успешно решены. Технологию получения карбида кальция наладили, изыскали более огнестойкие материалы для эл. печи, кадры: плавщики-шихтовщики,

---

* Опущены сведения, выходящие за хронологические рамки сборника, в том числе о работах по восстановлению фабрики в послевоенные годы.

** Во время войны – Народный комиссариат химической промышленности СССР.

*** Пропущено слово *установка*.

**** Диагональный бремсберг – устройство для спуска добытой руды до главного откаточного пути. В эксплуатацию введено в 1933 г.

электродчики, дробильщики и другие профессии были обучены. В короткий срок рабочие цеха изучили сложную технологию, овладели не только своими специальностями, но и смежными и стали отличными профессионалами своего дела.

И вот в октябре 1943 г. были получены первые килограммы, а затем и тонны карбида кальция и отправлены на фронт. Сколько было волнения и радости, когда плавщик Прокофьев, как опытный специалист своего дела, пробивает длинной металлической шуровкой летку, и по 3 лоткам бежит вначале тонкая, а затем все увеличивающаяся огненно-красная змейка расплавленной массы температуры 1800-2000 градусов в изложницы. Это карбид кальция. Выпущенный карбид кальция застывал в изложницах, откатывался в др. помещение, остывал, а затем вручную разбивался на куски определенной крупности и затаривался в тару – металлические бочки. Эту операцию умело выполняли И. Хлопов и Малахов.

Наша продукция выпускалась только хорошего качества и отгружалась на фронт. Обеспечивали весь Север. Эту продукцию получали и наши механические мастерские, и ламповая Кировского рудника. Хорошо работали в этом цехе плавщики-шихтовщики т. Шалов и т. Прокофьев, электродчицы Малинина, Островская, подвозчики шихты Клинова и Гусарева, мастер Ерехович и многие другие.

Необходимо сказать, что цех не имел ремперсонала для ремонта оборудования. Но всегда нам помогали механик Кировского рудника т. Максимов и электрик Широгин. [...]

1943 год. Шла война, город Кировск подвергался налетам вражеской авиации. Основные цеха обогатительной фабрики были разрушены, часть оборудования была демонтирована и вывезена в глубокий тыл страны на другие предприятия, а оставшаяся часть оборудования разукомплектована, во всех цехах груды завалов, системы вентиляции и отопления цехов разрушены.

В стране чувствовался недостаток минеральных удобрений еще в довоенный период, и резкое сокращение их выработки в военные годы отрицательно сказалось на урожайности полей. Поэтому еще в самый разгар военных действий, летом 1943 г., Совет Народных Комиссаров СССР принял решение о восстановлении комбината «Апатит».

Перед ИТР и всем коллективом комбината была поставлена ответственная и в то же время почетная задача: в короткий срок восстановить и запустить 1-ю секцию обогатительной фабрики в эксплуатацию.

Восстанавливать фабрику приходилось в крайне тяжелых условиях: не было оборудования и материалов, не хватало рабочих рук.

Сотрудниками управления комбината совместно с институтом «Механобр» была разработана необходимая проектная документация по восстановлению 1-й секции, а затем и последующих секций фабрики. Небольшая группа рабочих и ИТР, комсомольцев приступила к расчистке завалов, к строительству фундаментов под оборудование, к восстановлению зданий и помещений. Строительно-монтажными работами занимался ОКС, руководимый т. В. Кузнецовым, а впоследствии А. Козловым. Активное участие в восстановлении цеха фабрики принимал В. И. Гущин – прораб-строитель. Его можно было видеть в любое время дня и ночи на фабрике.

В это время началась реэвакуация комбинатовского оборудования, но оказалось, что оно не лежало без действия и использовалось другими промышленными предприятиями.

Большую помощь по вопросу обеспечения цехов фабрики оборудованием оказал начальник отдела обор. т. А. В. Москвин

Отсутствие необходимого оборудования и материалов в достаточном количестве заставило коллектив комбината изыскивать возможности на месте, т. е. из имеющегося разрозненного оборудования комплектовать его (мельницы, насосы, флотомашины, вакуум-фильтры, сушильные барабаны и т. д.) и монтировать. Здесь же на месте в

исключительно тяжелых условиях приходилось часть деталей для оборудования изготавливать своими силами.

Необходимо отметить упорный труд рабочих и ИТР: т. Ульянова (слесарь), т. Острикову (токарь), т. Анкушева (эл. монтер), механиков Гагарина и Фирсова, электрика Ландау и других.

Рабочие и ИТР, принимавшие участие в восстановлении фабрики, не считались ни с трудностями, ни с временем, ни с силами, они сутками не выходили из цехов. Они работали с одними мыслями, как можно скорее выполнить задание нашей партии, нашего правительства, пустить 1-ю секцию фабрики в работу.

И вот,в тяжелых условиях, в неотапливаемом, полуразрушенном вражеской авиацией здании, 22 апреля 1944 г. была введена в эксплуатацию 1-я секция апатитовой фабрики, которая выдала в том же году 159,0 тыс. т концентрата, переработав 270,0 тыс. т руды. Выпуск апатитового концентрата возглавляли технологи М. Г. Хальченко, В. П. Переудин, Д. Ушаков, С. Ф. Кондратьев, И. П. Марсулев, М. Н. Савельев и другие. В этом деле есть часть и моего труда (раб. нач. смены). [...]

С. К. Бондарь

ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–15.
Подлинник. Рукопись.

№ 70

Из воспоминаний В. Н. Аккуратова «По дорогам Великой Отечественной войны» – о первом налете вражеской авиации на г. Кировск *

17 сентября 1984 г.

Бомбежка города Кировска и первое боевое крещение

Плато Юкспор Хибинского горного массива близ города Кировска. Горнолавинная станция снежно-метеорологической службы комбината «Апатит». Я тогда был наблюдателем, и мы вели метеорологические наблюдения. 28 июня 1941 г. в 00 часов я сменил Попова Петра Павловича и заступил на очередное дежурство. Он почему-то отдыхать не пошел. Ночь была превосходная: вот-вот должно было показаться солнце, небо кое-где было подернуто перистыми облаками, раздавался крик петухов, горных куропаток, снизу доносился привычный гул дробильных мельниц апатитонефелиновой фабрики (АНОФ).

Я произвел обычное метеорологическое наблюдение в 00 часов по местному времени (0 час. 45 мин. по московскому) и обрабатывал результаты наблюдения для передачи на телеграф Мурманску и Ленинграду, а Петр Павлович сидел за другим столом напротив меня и что-то читал.

Кажется, около двух часов мы услышали нарастающий гул моторов. Переглянулись с Петром Павловичем и выскочили на крыльцо домика станции. Увидели, что чуть выше нашего плато, над долиной реки Ворткеуай (в переводе с саамского – ручей с быстрым течением)**, с севера в направлении Кировска, идут немецкие самолеты. Их

* Опущено предисловие, а также сведения о направлении в погранотряд.
** Примечание автора.

Аккуратов Василий Никонорович.
ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-542.
Оп. 2. Д. 13. Л. 1.

было девять. Я тогда не знал, что это были, кажется, «Юнкерсы». Мы растерялись, а немецкие самолеты через несколько секунд оказались к западу от нас на расстоянии двухсот метров и так, что мы хорошо видели не только силуэты, но и физиономии летчиков в очках, самолеты которых были ближе к станции. Некоторые фашисты посмотрели на нас. Над озером Б. Вудъявр бомбардировщики пошли на снижение, а мы с Петром Павловичем бросились к кромке плато, откуда открывалась панорама города Кировска и поселка Кукисвумчорр, между которыми располагается озеро Б. Вудъявр. Помнится, несколько самолетов при снижении дали пулеметные очереди в район Кировского железнодорожного вокзала и станции, на путях которой кроме товарных составов стояло несколько пассажирских вагонов. Бомбардировщики один за другим сбросили бомбы на обогатительную фабрику и вокзал. Мы хорошо видели бомбы, отрывающиеся от немецких самолетов.

Самолеты фашистов развернулись и пошли на второй заход, сбросив несколько бомб в районе почты и северной оконечности кировского парка. В это время Кировск оказался закрытым пылью. Создавалось впечатление, что город разрушен полностью, и вряд ли там остались живые. Я похолодел от ужаса. Как потом выяснилось, от взрыва бомбы, попавшей в склад апатитового или нефелинового концентрата, в атмосферу была выброшена масса этих веществ, закрывавшая город Кировск минеральными частицами. Это обстоятельство явилось счастливой причиной того, что Кировск от бомбардировки пострадал незначительно.

Самолеты противника еще раз развернулись и пошли на юг, а затем повернули на запад. Один же из них взял курс в нашу строну и почти на бреющем полете в метрах ста пятидесяти от станции прошел в северо-восточном направлении. Пролетая около станции, он сделал крен в нашу сторону. Вероятно, фотографировал.

Взглянув в сторону поселка Кукисвумчорр, я содрогнулся от картины, открывшейся передо мной. Сплошной поток людей по ул. Кирова устремился в сторону рудника к капитальной штольне. Вспоминая этот эпизод, невольно думаешь, что если бы фашисты с воздуха увидели такую массу людей, то не преминули бы разгрузить свой смертоносный груз на мирных жителей. Ведь известно, что в начале войны обнаглевшие гитлеровцы на «Мессершмиттах» с садистским наслаждением гонялись за одиночками, за одной повозкой, за одной автомашиной, а тут... Да, явно, что фашистскую эскадрилью самолетов ввела в заблуждение пыль, поднявшаяся от взрывов авиабомб в складах готовой продукции АНОФ-1 и закрывшая Кировск.

Мы с Поповым побрели к станции. Каждый раздумывал о самом худшем. Я позвонил на хлебозавод, в бытовом помещении которого мы, т. е. наша семья, тогда жили. Мне ответили, что у них все благополучно. Ужасное чувство непоправимого мигом исчезло. Но для нас, находившихся тогда на станции, день на этом не закончился.

Минут через тридцать-сорок после того, как мы с Петром Павловичем вернулись с кромки плато на станцию, по телефону мне сообщили, что со стороны 25-го, т. е. со стороны поселка Кукисвумчорр, к нам поднимается группа неизвестных, и попросили осмотреть западные склоны горы Юкспор и о результатах сообщить туда-то (уже забыл, но это был штаб в управлении комбината «Апатит», и звонил, помнится, Розенштейн). Вооружившись подзорной трубой, которой я всегда пользовался из-за бахвальства перед девчонками, которые часто поднимались к нам на станцию, мы с

Поповым подошли к кромке плато и внимательно осмотрели склоны горы, но ничего не обнаружили. Об этом я немедленно сообщил в управление комбината «Апатит».

Прошло еще минут двадцать, и снова звонок: «Со стороны поселка Юкспорйок, – сказала трубка телефона тем же голосом, – к вам поднимается группа неизвестных, осмотрите южные сколы горы». С Поповым же направились к кромке плато в южном направлении, осмотрели так называемый перешеек, находящийся ниже плато метров на пятьдесят. Здесь никого не обнаружили. Спустились на перешеек, залегли среди крупных каменных глыб, и я через подзорную трубу стал обследовать местность. И вдруг крупным планом во все поле зрения подзорной трубы появилась голова человека, фуражка со звездочкой и дуло винтовки, направленное на меня. Я что было мочи рванул из-за камня и между каменных глыб пробежал метров тридцать по сравнительно ровной местности, а потом выскочил на склон, ведущий к плато Юкспор. В этот момент около меня просвистело несколько пуль, которые со звоном срикошетили от камней, и сзади послышались хлопки выстрелов. Я благополучно выскочил на плато, оказался в «мертвой зоне» и что было силы побежал на станцию. Сразу же, запыхаясь, позвонил по телефону и сообщил, что на перешейке нас обстреляли. «Держитесь, товарищи, – ответила трубка, – поможем!» А чем держаться? Как держаться? Оружия у нас не было. Теперь Петра Павловича в расчет принимать не следовало. Он остался на перешейке. Мы на станции остались вдвоем с поваром. Решил, что нужно ждать. Но в случае большой опасности мы от противника могли улизнуть в любое время, так как на плато и на склонах, примыкающих к нему, мне был знаком каждый камень, каждая каменная глыба и каждое понижение, впадина на местности.

Ждать так ждать. С той же подзорной трубой залез на северный скат крыши станции, затаился за печной трубой и стал наблюдать за южной частью плато, откуда могли появиться противники. Наконец показываются одна, вторая, третья... головы в фуражках с пятиконечными звездочками. Осматриваются, затем медленно и осторожно выходят на плато, а впереди их под дулами винтовок в нательном белье и босиком бредет Петр Павлович Попов.

Я уже успел сопоставить события дня и решил, что произошло какое-то недоразумение и что в меня стреляли свои, что свои же под дулами винтовок ведут к станции Петра Павловича. Но почему раздетого? Я сообразить не мог. Почему свои? Да потому, что мы высадки десанта с самолетов противника не видели. Если бы диверсанты были выброшены на севере вне нашего поля зрения, то они за такое короткое время не могли появиться ни на западном, ни на южном склоне горы Юкспор, да и зачем бы они делали такой маневр, если к нам проще было подойти с севера. В общем, решил, что это свои.

Раз так, то скатился по скату крыши, спрыгнул с трехметровой высоты, возмущенный, размахивая руками и что было силы, ругаясь матом, бодро направился в сторону вооруженного «противника». Не доходя до них метров семьдесят, по команде поднимаю руки вверх, но, злобно ругаясь, продолжаю идти им навстречу. Кричу, что мы работники горнолавинной станции снежно-метеорологической службы комбината «Апатит», что Петр Павлович наш, что они должны знать о существовании станции. Они не верят.

– У вас там установлены пулеметы.

– Какие к черту пулеметы?! Если бы были пулеметы, то не бежал бы я к вам навстречу.

Похоже, что они начинают соображать. Я опускаю руки, они – дула винтовок.

Вошли в дом станции и расселись около столов в наблюдательской. На телефонные звонки они отвечать не разрешают, а старший из них заявил, что они нас арестуют. Один из них смотрит нам меня.

– Знаешь, если бы еще секунда, и я влепил бы тебе пулю в лоб тогда, когда ты рассматривал меня через свою подзорную трубу.

– Я видел, ведь ты же в меня целился.

Я как-то не отреагировал на такое убийственное заявление. Был совершенно

равнодушен. Даже запоздалого страха не появилось. Но появилось чувство вражды к этому человеку. Наверно, минут тридцать мы обменивались «любезностями». Взглянув в окно, я увидел развернутую цепь красноармейцев, идущих с винтовками наперевес к станции.

– К нам рота красноармейцев идет.

– Где?

– Посмотрите в окно.

Наши пленители как-то сразу сникли, стали сероватыми и кислыми. Я вышел встречать красноармейцев, а Петр Павлович направился за своими вещами, т. е. за одеждой на перешеек. Впереди цепи шел старший лейтенант. Его правая рука с пистолетом ТТ была за спиной. Рассказал ему, в чем дело. С красноармейцами и, как потом выяснилось, с работниками военизированной пожарной охраны, охотившимися за нами, расстались мирно. Они спустились с горы, а мы продолжали выполнять свою работу, хотя настроение было далеко не рабочее. Ведь Петра Павловича свои чуть не расстреляли на перешейке. Он еле уговорил подняться на плато и пойти на станцию для того, чтобы они убедились: он не диверсант и не разведчик, а работник комбината «Апатит», сотрудник станции. Мы не переставали думать и гадать о том, что творится в Кировске. Куда попали бомбы, какие жертвы и разрушения. На следующий день поднялась наша смена во главе со старшим наблюдателем Матушевским. Он дал достаточно полную информацию. Однако нам самим собственными глазами хотелось посмотреть и убедиться в результатах фашистской бомбардировки.

После событий этого дня, дня первой бомбежки Кировска, на плато Юкспор дежурили расчеты дежурных пулеметчиков. Следы огневых точек сохранились до настоящего времени.

На площадке наблюдений за солнечной радиацией, на углах которой стояли мачты с флюгерами и ураганомером Гольцмана, были установлены элементарные слухачи и аэрологический теодолит для наблюдения за небосводом и появлявшимися самолетами. Кроме обычных метеорологических наблюдений, результаты которых в закодированном виде по телеграфу передавались в Мурманск, Ленинград и Североморск*, работники станций на этой площадке несли дополнительное дежурство по четыре часа в сутки. Нужно сказать, что наблюдения за небом и за появлявшимися самолетами мы вели охотно. Я не помню случая, чтобы кто-нибудь проявил недовольство этой дополнительной довольно скучной работой. Результаты наблюдений мы немедленно передавали в какой-то штаб и фиксировали в специальном журнале.

Эпизод, рассказанный здесь, говорит прежде всего о патриотических чувствах, о преданности нашего народа своей Родине, о бдительности и энтузиазме наших людей в борьбе за свою страну. Многие по своей инициативе, руководствуясь только интересами Родины, своего народа, нашего социалистического строя, предпринимали доступные меры для обезвреживания притаившихся врагов, а они у нас тогда были. К таким действиям нужно отнести и вылазку военизированной пожарной команды, которая обнаружила нас с Петром Павловичем, когда мы бродили по кромке плато Юкспор. Они приняли нас за немецкий десант или за диверсантов и решили самостоятельно уничтожить их, т. е. нас, не согласовав свои действия с соответствующими органами, что, конечно, нужно отнести к серьезной ошибке. Ведь Попова то, повторяю, они раздели, и только убедительные доводы его спасли от расстрела на месте.

Были и почти комические истории. Начальником нашей горнолавинной станции был Молочников Александр Владимирович. Он имел небольшой рост, длинные волосы и облик цыгана с черной бородой. Умнейший человек. Его работы и теперь не утратили научной и практической ценности. В прошлом он зимовал на острове Гукера на Земле Франца-Иосифа. Ходил он непременно в шляпе, которая оказывалась предметом особого внимания излишне усердных блюстителей охраны Кировска, охотников

* В годы Великой Отечественной войны – пос. Ваенга.

за диверсантами и лазутчиками. Его несколько раз задерживали и отводили в штаб по борьбе с названными категориями врагов. Он, бедняга, каждый раз вынужден был давать письменное объяснение и выжидать до выяснения его личности, которая потом в штабе стала достаточно известной, и Молочникова оставили в покое.

В самом начале войны было принято решение, запрещавшее хождение по лесным тропам. Движение разрешалось только по дороге. А на плато Юкспор никакой дороги не было, туда вела только тропа, вдоль которой был на костылях натянут страховочный трос. Стоило больших усилий получить разрешение пользоваться этой тропой. Однако и это нас не спасало от бдительности жителей поселка Юкспорйок, хотя все они знали о существовании на плато Юкспор горнолавинной станции.

Однажды мы с Ваней Грекиным спустились с плато по названной тропе и в поселке Юкспорйок зашли в столовую. Тогда в ней готовили по-домашнему вкусные обеды. Уселись за стол. Нам быстро подали по порции гуляша и по кружке пива. Мы не обратили внимания на одного гражданина, который при нашем появлении вышел из столовой. Через некоторое время около нашего стола появились три мужика и потребовали документы. Документов у нас не оказалось. Как мы ни доказывали, что мы работники горнолавинной станции, нам все-таки пришлось под конвоем мужчин пройти в отделение штаба по борьбе с диверсантами. Наши личности там были установлены, однако было замечено, что для июля мы были одеты необычно: в ватниках и сапогах с белыми брезентовыми голенищами.

Мои товарищи были призваны в армию и уже сражались с фашистами, а призыв меня все откладывался и откладывался. Хоть мы и несли боевую вахту наблюдений за небом, а было стыдно перед людьми, особенно перед девушками, что мы не на фронте. Я писал в призывную комиссию заявления, надоедал личными посещениями и только в сентябре 1941 г. наконец получил долгожданную повестку. Но первый свист пуль на плато Юкспор я и теперь, кажется, слышу. [...]

В. Н. Аккуратов

ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 10. Л. 2-10.
Подлинник. Машинопись.

№ 71

Из воспоминаний Т. И. Колововой о Великой Отечественной войне – о жизни в эвакуации в Удмуртской АССР вместе с воспитанниками детского сада (июль 1941 г. – октябрь 1945 г.)*

8 мая 1987 г.

Одним словом, все шло хорошо и вдруг война! все сразу изменилось, посуровели лица взрослых, многих мужчин – отцов наших детей с первых же дней взяли на защиту Родины. А в ночь с 27 июня на 28 июня враг подверг г. Кировск 1-й бомбежке, которая потрясла всех нас.

Колованова Татьяна Ивановна.
ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-490.
Оп. 1. Д. 13. Л. 37.

Я тогда работала с детьми старшей группы, на которых также отразилась война, они уже намного меньше смеялись, вели разговоры о войне, задавали мне много тревожных вопросов, сообщали, что их отцов призвали на войну с фашистами.

В эти тревожные первые дни войны не раз по радио объявлялась «воздушная тревога», родители по утрам со слезами на глазах расставались со своими детьми, уходя на работу.

02.07.1941 утром, придя на работу, заведующая нам сказала, что сегодня в 14 часов наш детсад и все другие детские учреждения города будут эвакуированы в глубокий тыл. Об этом было по радио объявление всему городу. Вскоре в детсад пришли все родители к 12 часам и принесли каждому ребенку необходимый запас одежды, белья, обуви, пищи. Нам, воспитателям, разрешили на 2 часа сходить домой, чтоб взять документы и один чемодан с необходимыми вещами, а потом нас на 15 минут вызвали на короткую беседу в РК ВЛКСМ, где было твердо сказано, чтоб мы считали себя тоже мобилизованными, берегли детей в глубоком тылу до конца войны и чтоб потом домой привезли всех здоровыми и живыми.

И вот к 13–14 часам дня к вокзалу г. Кировска автобусами привезли детей всех детсадов и двух детских домов нашего города, тут же собрались и родители детей. К 13 часам подошел поезд с многочисленными вагонами для отправки детей. До сих пор не могу забыть тяжелейшее время этих печальных проводов. Все взрослые, особенно матери, горько плакали, расставаясь с самыми дорогими для них малышами. Их горе можно понять, ведь не все они были уверены, что вновь потом увидят своих детей, ведь шла война, их страшило, а удастся ли благополучно довезти их до места назначения? Много слез и горя было, а отдельных детей приходилось буквально насильно отбирать от матерей, а они не отпускали. Не скрою, видя все это, многие дети тоже плакали.

Но наконец все уселись, и поезд тронулся, а матери нам кричали: «Берегите детей! Пишите нам!». Следует сказать, что мы в поезде вдруг как бы повзрослели и поняли свою большую ответственность за сохранность жизни вверенных нам, молодым, детей. В пути постепенно дети успокаивались, а мы по очереди в ночное время дежурили,

* Опущены сведения о работе Т. И. Колововой в г. Кировске после окончания Белозерского педагогического техникума, а также о приеме в партию.

охраняя их сон. Не буду описывать наш путь, лишь скажу, что ехали мы 10 суток, т. е. долго, т. к. часто на станциях наш эшелон загоняли в тупики, где подолгу стояли, чтоб пропустить поезда с солдатами, военными грузами и другим. Из окон вагонов мы часто видели разрушенные бомбежками дома и постройки, пожары.

И только 12 июля утром мы приехали в столицу Удмуртской АССР – г. Ижевск, где машинами детей детских учреждений развезли по разным районным центрам и селам. Мы поселились в большом селе (в 40 км от Ижевска), которое называлось Большая Норья Нылгинского района. Наш детсад № 8 разместился в новом здании школы 7-летки, и называть стали уже не детсад, а детский дом. С благодарностью вспоминаю, что для нас все необходимое там было подготовлено. Для усталых детей в пути наши повара приготовили обед, а нянечки истопили рядом отведенную большую баню, где всех помыли, вечером после ужина все 4 группы легли спать и сразу крепко уснули, а мы ночью (почти до утра) писали каждой матери письма.

Итак, началась наша жизнь в тылу, где было не очень сытно, но жизнь детей была в полной безопасности. Со стороны руководства сельского Совета, а также и колхозников к нам, и особенно к детям, было очень хорошее отношение. В нашем детдоме не было радио, но у меня был баян, который развлекал детей по вечерам. Мы стали получать письма от родителей, что вносило радость детям. Спали дети на крепких топчанах, по вечерам групповые комнаты освещались примитивными «фитюльками»*, и лишь в праздничные дни – керосиновыми лампами, когда мы с детьми проводили свои утренники.

С 01.09.1941 мои старшие дети пошли в школу в 1-й класс, где нас учителя и местные школьники встретили приветливо, доброжелательно. Многие местные дети дружили с нашими воспитанниками (особенно мальчики), а мы со 2-го класса стали и в школе давать концерты своей самодеятельности (под баян), что сблизило нас с учителями и местными учениками.

Весной 1942 г. нашему детдому выделили большой огород, где своими силами выращивали овощи и картофель. На огороде хорошо трудились и наши старшие воспитанники. И осенью наши дети стали веселей намного от улучшения питания, благодаря своим овощам и свежей картошке. Кроме того, нам выделили лошадь и 3 коровы, корм для которых заготовляли силами персонала. На сенокос ходили и мы, воспитатели, при этом каждая из нас с детьми работала одна с 7 ч. утра до 21 ч. (14 часов), а вторая целый день на сенокосе, а на другой день менялись ролями. То же самое делали нянечки и другой обслуживающий персонал. На всех указанных работах обходились только своим штатом. Конечно, было трудно, непривычно, но кому было легко в те военные годы? Всем было трудно, но зато мы стали жить сытней, даже многие ребята физически поправились, повеселели.

За исключением бывших трехлеток, все дети учились в школе, а мои ребята уже закончили 4-й класс. Как и все советские люди, мы безмерно радовались 09.05.1945 светлому дню Победы, наши подросшие и поумневшие воспитанники не меньше нас радовались этому и стали по-своему мечтать о возвращении домой в свои семьи. [...]

И наконец наступил еще счастливый, радостный день, когда мы в октябре 1945 г. вернулись все в свой родной город! В наш Кировск! Всех детей, к великой радости, вернули родителям. Это была лучшая награда для всех работников нашего детсада № 8.

В заключение хочется сказать, что это был настоящий урок стойкости, взросления для всех нас, молодых, за прожитые нелегкие годы войны. Приятно отметить, что этот экзамен мы выдержали.

Т. И. Колованова

ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–5.
Подлинник. Рукопись.

* Пузырек с машинным маслом (наливался также бензин или керосин) и фитиль.

№ 72

Из воспоминаний А. Г. Ульяновой (Виноградовой) о деятельности 362-го отдельного истребительного батальона войск МПВО НКВД – о службе в медико-санитарной роте *

Май 1975 г.**

В период Великой Отечественной войны, в 1943 г., в городе Мурманске был создан 362-й отдельный истребительный батальон войск МПВО НКВД. [...]

С начала войны и до 20.08.1943 я работала председателем м/Сопчинского*** поселкового Совета депутатов трудящихся. За это время мною было подано 5 заявлений в Мончегорский горвоенкомат с просьбой отправить меня на фронт. Но т. к. у меня не было военной специальности, мои заявления были оставлены без внимания. И в 20-х числах августа 1943 г. меня призвали в действующую армию. Фактически меня призвали в 362-й отд. батальон г. Мурманска. Это был, по существу, рабочий батальон. В это время бомбежки фашистских стервятников, по существу, уже почти прекратились. Но налеты их были еще интенсивными. Наш батальон был сформирован из 5-ти рот. В него вошли рота управления и связи, противопожарная рота, медико-санитарная, химико-дегазационная, аварийно-восстановительная и штабной взвод. Батальоном командовал майор т. И. И. Дроздов. Начальник МПВО – председатель исполкома т. Кольцов. Мы, т. е. пополнение батальона, прибывшее из Мончегорска ночью на 20 августа, прибыли в штаб МПВО города. Кое-как скоротали ночь в деревянном здании на ул. Ленинградской, а утром всех нас – девушек, более 40 человек – поодиночке вызвали к командиру батальона и работникам штаба для выяснения – где мы можем быть наиболее полезными, неся службу в батальоне. Когда дошла очередь до меня, майор Дроздов спросил: «Командирский голос есть?». Поставил передо мной ст. л-та пом. нач. штаба Шаклеина и приказал подать все военные команды («смирно», «налево», «направо» и т. д.). Я своим зычным голосом гаркнула, даже стены задрожали. Командование все в один голос заявили: «Хороший будет старшина роты». Посыльный штаба проводил меня в медико-санитарную роту, дислоцировавшуюся в пер. Рыбацкий, дом 15, где я приняла роту, заменив мужчину (до меня был Юхманов).

Сколько было трудностей, особенно привыкать к военной службе и дисциплине. Все подразделения были длительное время одеты в свою гражданскую одежду. И только к зиме, когда у нас вся своя одежда износилась, нас в конце октября обмундировали в военную форму. Предварительно все шинели были в швейных мастерских нашего батальона подогнаны по фигуре.

Наш батальон проходил военную подготовку. Изучали уставы, занимались строевой подготовкой. Но основная задача всех наших подразделений – это разборка развалин, руин, ликвидация всех разрушений, которые причинили фашистские стервятники городу Мурманску. И там, где побывали бойцы наших подразделений, в любом очаге поражений, там снова возрождалась жизнь на земле, там залечивались раны, нанесенные нашему городу. Большая часть подразделений была брошена на разгрузку англо-американских транспортов. Я была бригадиром группы в 30 чел., и мы систематически разгружали иностранные транспорты на 2-м участке торгового порта, руководил участком покойный Т. А. Александров. В то время никакой механизации почти не было. Сначала норму выполнять было очень трудно. Существовала «черная» и «красная» доски. Первые дни моя бригада была, как правило, на «черной» доске. Отработав 12 часов, мы еле доходили до своего подразделения, и, добравшись, есть никто не хотел, а сразу валились с ног и спали до подъема. А утром снова то же. Вскоре приобрели практические навыки, стали физически крепкими, отлично выполняли производственное задание, и бригада Виноградовой (это была моя фамилия) уже больше не сходила с «красной» доски. Часто после такого трудового дня мы несли дежурство в военных госпиталях. За нашей ротой был закреплен военный госпиталь, расположенный в 21-й школе на ул. Марата. Трудно вспомнить, сколько мы повстречали и стремились выходить, поставить на ноги войной покалеченных людей. Сколько мы своим трудом, своей кровью спасли жизней неповинных людей. В Мурманск приходили зимой эшелоны с фронта с обмороженными бойцами. И наши подразделения разгружали этот «груз», отправляли по госпиталям, а потом помогали, чем только могли. А сколько было контуженых, о чем до сих пор нельзя вспомнить без жгучей боли в сердце. В нашей роте было более 20-ти чел. доноров, которые ежемесячно, регулярно, под моим командованием ходили в больничный городок на донорский пункт и сдавали кровь для наших бойцов, многие из нас сдавали кровь безвозмездно. [...]

Учитывая плохое обеспечение продуктами питания наших подразделений, мы все военные дни разделывали землю под огороды и сажали картофель. Сейчас даже без улыбки невозможно вспомнить то, что там, где сейчас стоят 2 больших литерных дома на Пяти Углах, а также по ул. Ленинградской и Самойловой были наши огороды, засаженные картофелем. Причем всю землю копали мы лопатами и под лопату садили картофель, а осенью рыли его и мелкий, жидкий, водянистый ели с наслаждением. Почти все наши подразделения усердно работали на строительстве городского убежища. В строительстве городского убежища львиная доля труда бойцов наших подразделений. Но не одним трудом и военной подготовкой были заняты наши солдаты. Нам нужна была и духовная пища. У нас в батальоне была создана неплохая художественная самодеятельность. Был неплохой хор из девушек и стариков, непригодных к военной службе. Руководил самодеятельностью Евгений Максимов. Роль конферансье и чтеца поэм и стихотворений выполняла я. Наш хор успешно выдержал конкурс на городском смотре. Принимали участие мы и в областном смотре, но выступали мы в горубежище, где почти не было резонанса, и здесь мы успеха не добились. Из наших бойцов, в основном девушек, была создана лыжная команда, принимавшая активное участие, выступавшая на X и XI Празднике Севера. Правда, призовых мест мы не заняли, но в историю праздников, наверное, мы вошли. И до сих пор я с гордостью вспоминаю, что была участницей 2-х Праздников Севера, а с этим вспоминается и моя молодость.

Об окончании войны мы узнали от английских моряков, когда разгружали транспорты, прибывшие в наш торговый порт. Они нам сказали, что в 3 часа ночи на 9 мая будет об этом объявлено по радио. И мы, несмотря на жуткую усталость после тяжелого трудового дня, никто не могли всю ночь спать. Трудно было выразить словами, какое было всеобщее ликование наших бойцов, когда мы услышали по радио об окончании войны. От радости все прыгали, целовались и плакали, прыгали на столы и декламировали: «Война окончена, фашизма больше нет!» Даже не верилось, что для нас, особенно для девушек, вскоре закончатся все мучительные испытания в жизни. Да, военная служба – это не женский труд!

Но наши подразделения были расформированы только осенью, т. к. слишком много ран было нанесено нашему городу. Эти раны залечивали мы своими руками, своим самоотверженным нечеловеческим трудом.

В июне 1945 г. наше подразделение было брошено на выкатку дров и леса в Мурмашах, где мы и работали до августа месяца. В конце августа (оставлены были из нас немногие) приступили к копке картошки. И после, когда картофель был сдан

---

* Опущено обращение к редакции газеты «Полярная правда», а также подробности одного из походов на донорский пункт.

** Датируется по дате поступления в редакцию газеты «Полярная правда» (ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 130. Л.1.).

*** Мало-Сопчинский поссовет (Мончегорский район Мурманской области).

в госпитали, нас, оставшихся в армии, на ком лежало все военное хозяйство, 20 сентября 1945 г. демобилизовали. И только получив гражданский паспорт, я вздохнула полной грудью и поверила, что войны больше нет, но надо засучив рукава, как члену ВКП(б), теперь уже по силе возможности помогать городу Мурманску окончательно подняться из пепла и руин и превратиться в такой прекрасный город, каким видим мы Мурманск сейчас. [...]

А. Г. Ульянова

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 130. Л. 2–4.
Подлинник. Рукопись.

РАЗДЕЛ 3

РАЗГРОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК В ЗАПОЛЯРЬЕ. ОКТЯБРЬ 1944 г. ПОБЕДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.

№ 73

Воспоминания Х. А. Худалова «Петсамо-Киркенесская операция» – о подготовке и проведении наступательной операции в октябре 1944 г.

28 июля 1969 г.*

К концу сентября 1944 г. в Карелии после выхода Финляндии из гитлеровского блока была восстановлена государственная граница и прекращены боевые действия. Последним немецким очагом перед Карельским фронтом оставался Печенгский район в Заполярье. В связи с высвобождением войск в Карелии настало удобное время для того, чтобы и с этим очагом немцев покончить и до наступления холодов окончательно изгнать их со всего Севера. Эта задача и была поставлена Ставкой Верховного Главнокомандования Военному совету Карельского фронта директивой от 26 сентября 1944 г.

Худалов Харитон Алексеевич.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.

К началу операции оборона немцев на Мурманском направлении представляла систему сильно укрепленных позиций, прикрывающих основные сухопутные направления и наиболее уязвимые участки побережья в обширном прибрежном районе Кольского полуострова – от губы Большая Западная Лица и перешейка полуострова Средний до Киркенеса. Строилась она в течение трех лет с осени 1941 г., т. е. с того периода, когда войска 14-й армии Карельского фронта во взаимодействии с Северным флотом разрушили все немецкие планы захвата Мурманска.

На сухопутном участке, в районе юго-восточнее Печенги, основу немецкой группировки составляли войска 19-го горнострелкового корпуса, усиленные артиллерией, инженерными и другими частями и подразделениями. Общая численность этой группировки насчитывала до 53 тысяч человек.

В Баренцевом море немцы имели до 160 боевых единиц военно-морского флота, среди которых был один линкор, 30 подводных лодок, 14 эсминцев, 50 сторожевых кораблей и тральщиков**. На аэродромах Мятало, Сальмиярви, Хебугтен, Луостари базировалось до 200 самолетов. Кроме того, на побережье Северной Норвегии базировалось до 300 самолетов, предназначенных для действий на морских коммуникациях***.

Таким образом, силы противника и его обороны перед началом операции были достаточно подготовлены к ведению длительных оборонительных боев. Чтобы разгромить такого сильного противника на суше, на море и в воздухе, предстояла жестокая и напряженная схватка.

В соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 26 сентября 1944 г. Военный совет фронта поставил 14-й армии (командующий армией генерал В. И. Щербаков, начальник штаба генерал И. П. Герасев) задачу о нанесении удара из

---

* Датируется по дате поступления в редакцию газеты «Полярная правда» (ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 84. Л. 45.).

** А. Г. Головко «Вместе с флотом». – С. 227. (Примечание автора).

*** Архив МО. Ф. 342. Оп. 5440. Д.190. Л. 8–9. (Примечание автора).

района озера Чапр в направлении Луостари–Печенга с целью уничтожения немецкой группировки юго-восточнее Печенги, а затем и полного очищения северного побережья. Северный флот (командующий адмирал А. Г. Головко) должен был содействовать 14-й армии в выполнении поставленной задачи действиями с полуострова Средний и в овладении Лиинахамари и Печенгой силами тактических морских десантов.

Командующий 14-й армией в своем решении предусматривал главный удар нанести с рубежа оз. Чапр, высота 237,1 (фронт прорыва 9 километров), с целью разгромить 2-ю горнострелковую дивизию противника и овладеть Луостари и Печенгой. В дальнейшем, не допуская подхода резервов с запада, армия должна была во взаимодействии с частями Северного флота окружить и уничтожить всю вражескую группировку юго-восточнее Печенги*.

В ударную группировку включались в первом эшелоне 131-й стрелковый корпус (командир корпуса генерал-майор З. Н. Алексеев) в составе 10-й гвардейской и 14-й стрелковых дивизий, 99-й стрелковый корпус (командир корпуса генерал-майор С. П. Микульский) в составе 65-й, 114-й и 368-й стрелковых дивизий, во втором эшелоне – 31-й стрелковый корпус (командир корпуса генерал-майор М. Абсалямов) в составе 83-й и 367-й стрелковых дивизий. Из пяти стрелковых дивизий первого эшелона четыре дивизии находились в первой линии, имея участки прорыва шириной от 2 до 3 километров.

Обеспечение левого фланга ударной группировки было возложено на 126-й легкий стрелковый корпус (командир корпуса генерал-майор В. Н. Соловьев) и 127-й легкий стрелковый корпус (командир корпуса генерал-майор Г. А. Жуков). Эти корпуса, совершая марш в обход обороны противника, должны были выйти в район западнее р. Печенга, перехватить дороги, идущие на запад, и не допустить подхода противника в район Петсамо, Луостари.

Авиационное обеспечение предстоящих действий войск 14-й армии было поручено 7-й воздушной армии в составе шести авиационных дивизий (командующий армией генерал-полковник И. М. Соколов).

Все эти силы и средства позволили сосредоточить на участке прорыва на 1 километр фронта по 112 орудий и минометов, а на отдельных направлениях – до 160-170 орудий и минометов. Здесь было достигнуто превосходство над противником: по личному составу – в 1,8 раза, по артиллерии и минометам – в 2,7 раза, по самолетам в 6,1 раза и абсолютное превосходство – по танкам и реактивной артиллерии**.

Рубеж обороны от губы Бол. Западная Лица до оз. Чапр прикрывали войска оперативной группы, возглавляемой генерал-лейтенантом Б. А. Пигаревичем (45-я сд, 2-й ур, 3-я мсбр). Группа должна была отвлекать от себя противостоящего противника, а в случае его отхода перейти в наступление в северном направлении.

Подобная группировка сил и средств на Крайнем Севере была создана впервые. Такого количества войск и боевой техники мы, признаться, даже не ожидали. Примечательно было и то, что здесь впервые за Полярным кругом планировалось применение танков и самоходных артиллерийских установок. До этого в войсках 14-й армии использовались лишь малые танки Т-37 (танкетки), и то в самом начале войны, и поэтому можно сказать, что никакого опыта их применения у нас не было накоплено.

Большое внимание было уделено росту партийных и комсомольских организаций в боевых подразделениях, разъяснению предстоящих задач и особенностей действий на труднопроходимой местности, необходимости физического напряжения, возможных трудностей и лишений. Особенно это касалось тех частей и соединений, которые только что прибыли на Крайний Север. Командующий фронтом К. А. Мерецков, члены Военного совета фронта Т. Ф. Штыков, К. С. Грушевой, члены Военного совета

* Архив МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д.306. Л. 104. (Боевой приказ 14-й армии № 002/оп от 01.10.1944 г.). (Примечание автора).

** Архив МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 306. Л. 41. (Примечание автора).

армии А. Я. Сергеев, А. И. Крюков и первый секретарь Мурманского обкома партии М. И. Старостин бывали в частях как на переднем крае, так и в тылах, встречались с людьми, беседовали с ними.

Наступление началось утром 7 октября. Предшествовавшая атаке артиллерийская подготовка продолжались 2 часа 35 минут. Небывалая мощь артиллерийского огня, обрушившаяся на опорные пункты, огневые позиции артиллерии, узлы связи, ошеломила врага. Несколько позднее в дневнике у убитого офицера 111-го артиллерийского полка было записано: «...мы были разбужены воем артиллерийских снарядов, грохотом залпов. После фантастической огневой подготовки, в особенности по опорным пунктам «Венедигер», «Ортлер», «Кольберг», начался невиданной силы минометный обстрел. Казалось, что в этих опорных пунктах не осталось в живых ни одного человека...».

131-й стрелковый корпус успешно атаковал и, отбивая у противника один за другим опорные пункты, к концу дня прорвал главную полосу обороны, частью сил форсировал реку Титовку, и с утра 8 октября его передовые части завязали бой на второй полосе обороны.

В те дни я командовал 10-й гвардейской стрелковой дивизией и был свидетелем штурма узла обороны на горе Малый Кариквайвишь. Как только прогремел последний залп гвардейских минометов и взвились ракеты, возвещавшие начало атаки, пехота, обученная ускоренному броску, безбоязненно следуя за разрывами своих снарядов, уже на пятой минуте ворвалась в первую траншею.

Когда командно-наблюдательный пункт дивизии вслед за атакующей пехотой батальона гвардии майора А. Г. Балуткина переместился на высоту Малый Кариквайвишь, мы увидели захватывающую панораму боя. Выпавший с утра небольшой снег отчетливо выделял на голых скатах двигавшиеся широким фронтом передовые подразделения 28-го и 24-го гвардейских стрелковых полков.

Непосредственно перед нами вела бой штурмовая группа гвардии лейтенанта П. А. Жаровина. Расчет 45-миллиметровой пушки в упор бил по амбразуре дзота, пока стрелявший из него пулемет не был подавлен. Саперы тем временем делали проходы в минных полях и, подобравшись с фланга вплотную к дзоту, забрасывали вход противотанковыми гранатами. Автоматчики сначала плотным огнем били по амбразуре, прикрывая саперов, а затем врывались в дзот и примыкавшие к нему траншеи, очищая их от противника.

Землянки, в которых укрылись немцы, уничтожались более простым способом. Часть автоматчиков держала под прицельным огнем вход в них, а другая часть совместно с саперами выходила на крыши и гранатами через трубу, а затем через входной тамбур уничтожала там все живое. За короткое время на наших глазах эта штурмовая группа захватила дзот и землянку, уничтожив 27 солдат противника.

В разгар боя за опорный пункт над высотой появились 12 самолетов Ю-87. Вытянувшись по кругу и делая один за другим заходы, они выбирали цели для поражения визуально. Но наши солдаты настолько увлеклись своим делом, что, казалось, не обращали на самолеты никакого внимания.

При подходе к одной из небольших высот стрелковая рота А. Г. Чиркова попала под пулеметный огонь из дзота. Командир роты сосредоточил по амбразуре огонь своих пулеметов. Пулемет противника временно замолкал, и, как только рота поднималась, его трассирующие очереди снова прижимали бойцов к земле.

Но вот в траншею, примыкавшую к доту, ворвался старший сержант Донской, прочесав ее автоматным огнем. Из дзота выскочили один за другим восемь солдат противника. Донской один вступил с ними в неравный бой. В не успевших еще опомниться егерей полетели гранаты, меткие очереди из автомата не давали поднять им головы.

И все же пулемет в дзоте продолжал жить. Пока думали, что предпринять дальше, снайпер гвардии ефрейтор М. Л. Ивченко, находившийся на фланге роты, пополз к

дзоту. Когда до него осталось 12–15 метров, Ивченко метнул в амбразуру гранату. Пулемет на минуту замолчал, но потом опять ожил. Тогда отважный гвардеец поднялся во весь рост и броском кинулся к не дающей покоя амбразуре, закрыв ее по примеру Александра Матросова своим телом. Ему кричали: «Ивченко, стой!» – но решение его было непоколебимо.

Так дрались гвардейцы батальона А. Г. Балуткина. К сожалению, на этой высоте мы последний раз встретились с боевым комбатом, воспитавшим таких героев. Несколько часов спустя гвардии майор А. Г. Балуткин был смертельно ранен разорвавшейся рядом с ним миной.

Наступление 99-го стрелкового корпуса началось менее удачно: оказалось, что часть огневых средств в опорных пунктах противника не была подавлена во время артподготовки. На действиях корпуса отрицательно сказалось и то, что запланированные удары авиации вследствие нелетной погоды нанести не удалось. Но все же 65-я стрелковая дивизия (командир дивизии полковник Г. Е. Калиновский), использовав успех правого соседа 10-й гвардейской стрелковой дивизии, двумя полками сумела выйти во фланг главному узлу сопротивления противника на горе Большой Кариквайвишь, но овладеть им смогла только после продолжительного ночного боя.

К реке Титовке 99-й стрелковый корпус вышел только к исходу второго дня наступления. Опоздание с выходом на этот рубеж явилось одной из причин задержки в строительстве основной дороги и наведения переправ.

В течение 9 октября оба корпуса продолжали вести бой в очень трудных условиях. Отсутствие дороги и переправ через р. Титовку не давало возможности вывести на новые огневые позиции артиллерию и тяжелые минометы. По ту сторону реки оставались и танковые части, и тылы. Боеприпасы приходилось подносить силами вторых эшелонов. В этот день войскам активно помогала авиация, особенно штурмовая, и, несмотря на недостаточную поддержку артиллерии, войска передвинулись в общей сложности на 10–12 километров от переднего края.

За три дня боев 2-я горнострелковая дивизия немцев потеряла до 60 процентов личного состава и техники. Было уничтожено свыше 2000 солдат и офицеров и 210 человек взято в плен, полностью разгромлены 137-й горнострелковый полк, 111-й горный артиллерийский полк, 111-й резервно-полевой батальон, 82-й саперный батальон, сильно потрепан 136-й горнострелковый полк*.

Опасаясь успешного продвижения наших войск на Луостарском направлении и глубокого флангового охвата, командование 19-го горно-стрелкового корпуса приняло решение отвести всю группировку войск из района Западной Лицы в направлении Печенги. Отход противника был установлен нашей разведкой и подтверждался попавшими к нам документами. Кроме того, было установлено спешное выдвижение к линии фронта корпусных резервов и войск из Финляндии в направлении Луостари. Назревали переломные события. Чтобы обеспечить отход своих войск, противник должен был организовать контратаки в нескольких направлениях.

Обстановка требовала от нас решительных действий, поэтому на 10 октября войскам были поставлены активные задачи на всем фронте от полуострова Средний до Луостарской дороги.

14-я стрелковая дивизия должна была перехватить дорогу Западная Лица – Печенга с целью недопущения отхода сил противника из района Западной Лицы. Для усиления этого направления действий 131-му стрелковому корпусу переподчинялась из второго эшелона 99-го стрелкового корпуса 368-я стрелковая дивизия (командир дивизии генерал-майор В. К. Сопенко). 99-й стрелковый корпус полностью нацеливался на Луостари. Переходили в наступление войска группы генерала Б. А. Пигаревича и морские части на перешейке полуострова Средний. Моряки высаживали десант в

* Архив МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 268. Л. 44. (Примечание автора).

губе Малая Волоковая. Встретить резервы противника, подходящие из Финляндии, должен был 126-й легкий стрелковый корпус в районе западнее Луостари.

Как и ожидалось, контратаки противника начались с раннего утра 10 октября сначала на Луостарском направлении, а затем на участке 14-й стрелковой дивизии, вышедшей частью сил на дорогу Западная Лица – Печенга, и перед 126-м легким стрелковым корпусом, овладевшим развилкой дорог в 10 километрах западнее Луостари.

Бои по отражению контратак на всех участках велись в основном силами пехоты при поддержке минометов. Артиллерия, оставшаяся на прежних огневых позициях за рекой Титовкой, фактически бездействовала. В трудных условиях погоды с ограниченным количеством боеприпасов пехота сражалась стойко. И хотя на некоторых участках противнику удалось потеснить наши части, ему были нанесены большие потери.

На Луостарском направлении первым принял на себя удары контратакующей пехоты силой до двух полков 35-й гвардейский стрелковый полк 10-й гвардейской стрелковой дивизии. В этом бою, длившемся несколько часов, стойко дравшийся полк, вынужденный поднять над полем боя полковое знамя, изорванное пулями, уничтожил до 500 солдат и офицеров противника и 190 человек взял в плен*. Полк был несколько потеснен – и противник без передышки после этого обрушился на соседний 28-й гвардейский стрелковый полк. Контратаки следовали одна за другой.

Подразделения полка делали все, что могли, стараясь задержать даже незначительное продвижение противника. Во время третьей контратаки батальон гвардии майора С. А. Кузоваткина вступил в рукопашную схватку. Бесстрашный комбат, сам находясь в боевых порядках рот, своим примером воодушевлял бойцов, был тяжело ранен, и его с трудом удалось вынести с поля боя.

Командир минометной роты этого батальона гвардии капитан А. П. Генералов, когда противник подошел вплотную к огневым позициям, поднял расчеты в атаку, смял противника и обратил его в бегство. В рукопашном бою А. П. Генералов погиб. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

На одной из сопок, занимаемых батальоном С. А. Кузоваткина, был развернут наблюдательный пункт командира 3-го дивизиона 29-го гвардейского артиллерийского полка. Командир дивизиона гвардии майор И. П. Зимаков, поддерживающий пехоту на пределе дальности своих орудий, долго отбивался от наседавшего противника. В шестую контратаку на высоту, где был наблюдательный пункт, устремилось до батальона вражеской пехоты. Бой длился три часа. Когда немцы подошли к наблюдательному пункту, И. П. Зимаков вызвал огонь на себя и повел в атаку небольшую группу бойцов из управления дивизиона. Его пламенный призыв: «Гвардейцы, не посрамим чести советской артиллерии!» – был понят и подхвачен. Удар горстки храбрецов ошеломил немцев, часть их отошла, а два десятка сложили оружие и сдались в плен. Гвардии майор И. П. Зимаков в рукопашном бою погиб смертью героя. За тот подвиг он был удостоен звания Героя Советского Союза.

14-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Ф. Ф. Короткова, частью сил оседлавшая дорогу Западная Лица – Печенга, в первый день, 10 октября, отразила 9 контратак противника. Несмотря на большие потери, противник продолжал контратаковать части дивизии, а затем и подошедшие полки 368-й стрелковой дивизии в течение трех суток. Ему удалось потеснить 155-й стрелковый полк и отвести часть сил 6-й горнострелковой дивизии, но вскоре дорога снова была перехвачена**.

126-й легкий стрелковый корпус, находившийся в тылу врага в 10 километрах западнее Луостари, занял круговую оборону и отбивал в течение двух суток контратаки с двух сторон: со стороны Никеля и со стороны Луостари. Бои доходили до рукопашных схваток даже на огневых позициях артиллерийского полка, но против-

* Архив МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 268. Л. 122. (Примечание автора).
** Архив МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 306. Л. 60. (Примечание автора).

ник не прошел. Выдвигавшиеся из Финляндии части 163-й пехотной дивизии были вынуждены перейти к обороне*.

На Луостарском направлении к исходу 10 октября была закончена прокладка дороги и наведение переправы через р. Титовку, что дало возможность переправить артиллерию, танки, подтянуть к частям тыловые подразделения. 99-й стрелковый корпус, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, возобновил наступление и 12 октября овладел Луостари и Луостарским аэродромом. Луостари – узел дорог. Овладев им, армия получила возможность для развития наступления в направлении Печенги и на запад – в направлении Никеля.

С выходом 99-го стрелкового корпуса в район Луостари основные усилия армии были направлены на завершение окружения войск 19-го горно-стрелкового корпуса.

Части немецкой 163-й пехотной дивизии сделали еще одну попытку задержать наше наступление в направлении Печенги, предприняв 13 октября сильную контратаку во фланг 10-й гвардейской стрелковой дивизии в районе Северного Луостари. Но было уже поздно. Положение войск 14-й армии и соотношение сил было явно не в пользу немцев.

В ночном бою с 14 на 15 октября на перекрестке двух дорог в 4-5 километрах от Печенги 10-я гвардейская и 65-я стрелковые дивизии с 7-й танковой бригадой уничтожающим огнем в упор по пытавшимся уйти на Тарнет колоннам противника разгромили остатки 6-й горнострелковой дивизии, 388-й пехотной бригады, 193-го пехотного полка со средствами усиления. Немцы потеряли здесь всю технику, до 500 человек убитыми и столько же пленными, остальные, пользуясь темнотой, разбрелись по тундре в поисках спасения.

14-я стрелковая дивизия, отразив за три дня четырнадцать контратак, во второй половине 14 октября перешла в атаку, ворвалась в населенный пункт Какури, уничтожив до 500 гитлеровцев, а несколько часов спустя части дивизии вплотную подошли к Печенге.

А в 2.00 15 октября передовые части 14-й стрелковой дивизии с юго-востока, пехота и танки 10-й гвардейской стрелковой дивизии с юга, морские десантные части с севера вошли в Печенгу почти без боя. Бой за город был фактически выигран еще на подступах к нему этой ночью.

Печенга была превращена немцами в сплошные руины. Кругом виднелись испепеленные или догорающие здания. На глади бухты отражались нагромождения железа и бетона, портовые сооружения, переломленные мосты, уткнувшиеся своими формами в воду. И только нетронутым осталось немецкое кладбище, насчитывающее тысячи могил участников бесславного похода на восток.

За восемь дней ожесточенных боев войска 14-й армии во взаимодействии с Северным флотом и авиацией выполнили поставленные задачи по разгрому печенгской группировки противника. В ходе боев противник потерял 18 тысяч человек убитыми и 713 пленными. Было уничтожено и взято в качестве трофеев большое количество боевой техники и складов с военным имуществом и материалами**.

К началу второго этапа операции перед фронтом армии определились две взаимодействующие между собой группировки противника. Одна из них численностью 15–18 тыс. чел. прикрывала направление Печенга – Тарнет – Киркенес.

Вторая группировка прикрывала направления Луостари – Никель и Луостари – Ахмалахти. Общая численность этой группировки составляла около 20 тысяч человек.

К выполнению задачи по разгрому немцев на направлении главного удара привлекались 99-й и 31-й стрелковые корпуса. 126-й и 127-й легкие корпуса планировалось использовать для обхода группировки противника с севера и с юга.

* Архив МО. Ф. 126 ск. Оп. 282216-с. Д. 1. Л. 5-8. (Примечание автора).

** Архив МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 306. Л. 69. (Примечание автора).

Наступление намечалось начать с утра 19 октября, но фактически оно началось 18 октября после успешно проведенной разведки боем.

В связи с получением разрешения на переход государственной границы с Норвегией* в наступление перешел и 131-й стрелковый корпус (командир – генерал-майор Ф. Ф. Коротков) в направлении Тарнет – Киркенес. Таким образом, бои развернулись одновременно на трех направлениях.

На всех направлениях противник оказывал сильное сопротивление, при этом по мере продвижения оно все более и более нарастало. Особенно сильные бои развернулись на подступах к Никелю и за овладение этим поселком.

Последовательно овладевая опорными пунктами и подготовленными рубежами обороны путем фронтальных ударов в сочетании с обходами с флангов и выходом в тыл, 22 октября войска 14-й армии овладели населенными пунктами Стурбукт, Тарнет, Ахмалахти, Никель, Сальмиярви и вышли на рубеж: Стурбукт, Тофте, восточный берег оз. Хакаттуламполо и далее по государственной границе с Норвегией до Сальмиярви, пройдя с тяжелыми боями 40-50 километров. В ночь на 23 октября передовые части 99-го стрелкового корпуса на автомобилях-амфибиях форсировали пограничный пролив в районе Фоссгорд и Слеттен и захватили плацдарм на норвежской территории.

От немецко-фашистских захватчиков была почти полностью освобождена Печенгская область с важным районом никелевого производства, и созданы условия для развития наступления в Северную Норвегию. Войсками армии за пять дней боев были нанесены большие потери 19-му горнострелковому корпусу, частям 36-го армейского корпуса и другим частям. Всего за этот период противник потерял только убитыми до 5 тысяч человек**.

23 октября наступление возобновилось. На Киркенесском направлении наносились два удара: один вдоль дороги Тарнет – Киркенес и второй – с юга, из района Фоссгорд, вдоль дороги Сванвик – Киркенес***.

В течение двух суток на подступах к Киркенесу шли непрекращающиеся днем и ночью ожесточенные бои. Враг отчаянно сопротивлялся, используя выгодные условия местности. Преодолевая широкие до 1,5–2 км фиорды, труднодоступные участки горно-лесистой местности, восстанавливая разрушенные и заваленные дороги, советские войска последовательно выбивали противника из опорных пунктов. Под прикрытием огня авиации, артиллерии и танков пехота, наступая широким фронтом, бросками переходила от рубежа к рубежу. Используя складки местности, густые заросли и лес, пехотинцы смело проникали на фланги и в тыл противника, устраивали засады, наводя переполох и панику, нанося внезапные удары.

В эти дни наступающим войскам хорошо помогала авиация. Штурмовики, действуя на малых высотах, наносили по опорным пунктам противника сильные удары, выкуривали из недоступных пехоте мест даже отдельно засевших пулеметчиков.

В ночь на 25 октября начался штурм Киркенеса. Ликвидировав очаги сопротивления на окраинах, войска с двух сторон ворвались в город, и после уличных схваток над ним был поднят норвежский национальный флаг.

Киркенес был разрушен гитлеровцами дотла. Еще до подхода наших войск к городу немцы начали взрывать портовые сооружения, жилые дома, общественные постройки, уничтожать склады. То же самое происходило и в окрестностях Киркенеса. По свидетельству местных жителей, 21 октября в Киркенес приезжал Квислинг**** и

* Разрешение было получено 18 октября 1944 г., до получения разрешения 131-й ск должен был прикрывать участок госграницы Зап. Печенга (Вуореми, г. Матантури). (Примечание автора).

** Архив МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 306. Л. 88. (Примечание автора).

*** Архив МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 306. Л. 81. (решение Командарма 14). (Примечание автора).

**** Архив МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 306. Л. 31. (Примечание автора). От составителей: Видкун Квислинг — норвежский политический и государственный деятель, активно сотрудничал с Германией в период Второй мировой войны.

договорился с немцами о проведении этих разрушительных мероприятий.

Советские войска, освободившие Киркенес, учитывая бедственное положение населения, не заняли ни одного уцелевшего здания, принадлежавшего норвежскому населению, и даже отказались от бараков, построенных немцами. Из складов 14-й армии для населения было выделено десятки тонн разных продуктов.

Помимо этого, норвежцам были переданы все продовольственные немецкие склады, выделены медикаменты, оказывалась медицинская помощь, предоставлено в распоряжение муниципалитета некоторое количество автомашин, оказана помощь в восстановлении причалов и других портовых сооружений, разрушенных противником. И люди воспрянули духом. Почувствовав помощь друзей, они прониклись симпатией к нашим воинам, относились к ним с необыкновенным радушием.

Преследование противника, отходящего на Нарвик, велось ограниченными силами до населенного пункта Танен, где наши передовые части и перешли к обороне.

В то время, когда войска северного крыла армии во взаимодействии с частями и кораблями Северного флота вели упорные бои в районе Киркенеса, на южном крыле 83-я стрелковая дивизия (командир дивизии полковник Н. Н. Никандров) и 367-я стрелковая дивизия (командир дивизии полковник А. А. Старцев) 31-го стрелкового корпуса вели бои с сильными арьергардами противника в трудных условиях местности, на ходу восстанавливая совершенно разрушенную единственную дорогу. Пройдя около 150 километров и овладев важными районами Маятало, Наутси, Виртаньеми, 2 ноября дивизии также перешли к обороне.

Двадцатипятидневная Петсамо-Киркенесская операция закончилась полной победой над врагом. Советские Вооруженные Силы вписали еще одну страницу в летопись боевой славы.

Остатки разгромленных войск 20-й горной армии немцев были вынуждены отступать из насиженных мест с поражением, не имевшим примера за все годы войны на Севере. Только по сводкам 14-й армии за время операции войска 20-й горной армии потеряли около 29000 убитыми и 1575 пленными*.

Победа на Крайнем Севере в октябре 1944 г. в то же время являлась и финишем трехлетней героической борьбы за Мурманск, за морские коммуникации в Баренцевом море. В 1941 г. Гитлер доверил взять Мурманск и оккупировать Кольский полуостров одному из своих любимцев – «герою Нарвика», генералу горных войск Эдуарду Дитлю, командовавшему в то время специально подготовленным для действий в горах горнострелковым корпусом «Норвегия»**. Дитль обещал своему фюреру захватить Мурманск за две недели.

За скорую победу горным егерям обещали по тысяче марок, месячный отпуск и трехдневный грабеж в городе. Но все эти радужные планы, надежды и обещания рухнули еще осенью 1941 г. Мужество и стойкость тех, кто с первых дней войны отстаивал Крайний Север на суше, на море, в воздухе и в тылу, сорвали коварные замыслы врага, остановив его в сорока километрах от государственной границы и заставив отказаться от дальнейших захватнических намерений.

Защитникам Севера выпала трудная участь. Тяжелые природные условия, суровый северный климат с длительной, холодной и снежной зимой, полярной ночью, сильными ветрами с Баренцева моря требовали от них высокого боевого мастерства и выучки, физического и морального напряжения, умения преодолевать необычные тяготы и лишения.

Не считаясь с трудностями, бойцы Карельского фронта и Северного флота сумели организовать прочную оборону и в течение трех лет держать противника в напряжении, нанося ему своими активными действиями чувствительные удары в частых боях.

Большой вклад в победу над врагом внесли трудящиеся Мурманска и Мурманской области во главе с председателем Мурманского городского комитета обороны, членом Военных советов 14-й армии и Северного флота, первым секретарем Мурманского обкома ВКП(б) тов. М. И. Старостиным, оказавшие неоценимую помощь армии и флоту в материально-техническом отношении и активными действиями партизан в тылу врага.

Отчаявшись захватить Мурманск, немцы задались целью уничтожить его с воздуха. Они совершили семьсот девяносто два налета на Мурманск, во время которых произвели сто девяносто четыре бомбежки города, сбросили в среднем по 31 килограмму фугасных бомб и по 7 зажигалок на каждого мурманчанина, но город продолжал работать, жить, обороняться и помогать войскам громить врага*.

Урок, полученный немцами на Крайнем Севере, должен быть грозным предупреждением для тех, кто и сейчас поглядывает на карту Советского Севера, понимая его огромное стратегическое значение. Но на защите наших рубежей стоят Вооруженные Силы, весь народ.

Х. А. Худалов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 84. Л. 26–44. Подлинник.
Машинопись с авторскими правками.

* Архив МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 268. Л. 110-111. (Примечание автора).

** В декабре 1942 г. горно-стрелковый корпус «Норвегия» был преобразован в 19-й горно-стрелковый корпус. (Примечание автора).

№ 74

Благодарственное письмо отцу лейтенанта А. И. Павлова Павлову Ивану Алексеевичу от руководства подразделения

12 марта 1944 г.

Уважаемый Иван Алексеевич!

Коллектив боевой семьи, в которой героически сражается Ваш сын Александр Иванович с немецкими захватчиками за честь и независимость нашей Родины, посылает Вам боевой гвардейский привет и желает Вам отличных успехов в Вашей кропотливой работе и жизни. Ваш сын честно выполняет долг перед Родиной, беспощадно истребляет немецких захватчиков. Ваш сын – командир. Своими героическими подвигами воодушевляет своих подчиненных. И не случайно семья орденоносцев его подразделения с каждым днем увеличивается. И недалек тот день, когда Ваш сын вернется с победой домой и будет своим упорным трудом лечить раны, нанесенные немецкими захватчиками нашей Родине. Благодарим за то, что Вы воспитали такого бесстрашного сына, который является грозой немецким захватчикам.

Командир подразделения Строков
Парторг подразделения Грибанов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 187. Л. 19.
Подлинник. Рукопись.

* Архив МО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 48. (Примечание автора).

№ 75

Письмо А. И. Павлова с фронта отцу Павлову Ивану Алексеевичу*

5 октября 1944 г.

Здравствуй, дорогой папа!

Поздравляю тебя с 50-летием и желаю тебе всего хорошего, что может только пожелать сын отцу, вырастившему и воспитавшему его! Как быстро и незаметно летят годы. Сколько изменений произошло в нашей жизни да и в нас самих за эти годы войны. 1941 год. Вам с мамой было еще по 47 лет, мне 18 л., Павлику 16 л., а Тамаре 15 лет. А теперь вы уже стали совсем старичками, а мы выросли и возмужали, и как мы благодарны сейчас вам с мамой за то, что вы поставили нас на ноги!

Живу я все так же, как уже писал вам. От вас писем что-то давно нет. Пишите. Передай привет маме, Тамаре и всем знакомым!

Крепко целую.

Твой сын А. Павлов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 187. Л. 26–26 об.
Подлинник. Рукопись.

№ 76

Письмо Павлову Ивану Алексеевичу о смерти сына А. И. Павлова

10 октября 1944 г.

Тов. Павлов Иван Ал.

Сообщаю Вам большую для Вас утрату, что Ваш сын Павлов Александр Иванович погиб смертью героя в боях за Родину против немецко-фашистских захватчиков 7.10.44 года.

Еще просил Чебуньков сообщить Вам, которого Вы должны знать, что он ранен.

С приветом Баев

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д.187. Л. 27.
Подлинник. Рукопись.

* Имя адресата указано на наружной стороне письма-карточки.

№ 77

Из заметок Л. С. Лебедева «Опыт работы агитатора Н-ского гвардейского стрелкового полка гвардейской дивизии* гвардии генерал-майора Худалова – капитана Ионова Александра Ивановича в наступательном бою в Заполярье» – о работе агитатора во время Петсамо-Киркенесской операции**

Не позднее 22 апреля 1966 г.***

Н-ский гвардейский полк, действуя в составе дивизии, прорывал оборону противника на главном направлении, между горами Б. Кариквайвишь и М. Кариквайвишь****, уничтожал немцев у моста через р. Титовку, вел бои за населенный пункт Луостари, перерезал немцам пути отхода, дрался за город Печенга (Петсамо), форсировав при этом р. Петсамо-йоки, участвовал в боях за освобождение района никелевого производства, форсировал Киркенесский залив на лодках-амфибиях, воевал за г. Киркенес.

Полк был на хорошем счету, и ему выпала большая честь прорывать оборону на главном направлении.

В боях за освобождение Советского Заполярья и г. Киркенес полк нанес большие потери противнику. Немцы только убитыми потеряли более 7000 солдат и офицеров; взято в плен более 300 немцев. Полк дрался против отборных кадровых горно-егерских и эсэсовских частей противника.

В боях за освобождение г. Петсамо, р-на никелевого производства, г. Киркенеса, Печенгской обл. личный состав гв. полка трижды получил благодарность в приказах Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина, причем в одном из приказов упоминается фамилия командира полка – гв. подполковника Лазарева.

Наступательный дух гвардейцев был очень высок. Бойцы шли в атаку, поднимаемые единым порывом. [...]

Агитационная работа перед наступлением

Перед началом наступления в полку была проведена большая агитационная работа. Всю эту работу возглавил агитатор полка. Опорой в его работе служили ротные агитаторы. Агитатор и партийно-политический аппарат полка начали с того, что пересмотрели весь состав ротных агитаторов. Было подобрано значительно большее количество агитаторов, чем это было в условиях, когда полк нес оборону. Всего было назначено 240 агитаторов, большинство из них коммунисты. Это были люди, способные прочитать и разъяснить газетные сообщения, способные провести небольшую беседу, авторитетные в бою.

* Вероятно, речь идет о 24-м гвардейском стрелковом полке (командир полка подполковник В. Ф. Лазарев) 10-й гвардейской стрелковой дивизии 14-й армии Карельского фронта.

** Опущены размышления автора о роли полка в наступательной операции, характеристика противника, некоторые подробности подготовки ротных агитаторов, сведения о работе полкового агитатора в период боев за г. Киркенес, авторские выводы о работе полкового агитатора капитана Ионова.

*** Установлено по заверительной надписи единицы хранения. В сопроводительном письме автора указано, что направляемый текст является точной копией написанного во время войны текста.

**** Большой и Малый Кариквайвишь.

Со всеми агитаторами побатальонно и поротно были проведены однодневные семинары ротных агитаторов. Поставлено было три вопроса: 1. «Текущий момент Отечественной войны». 2. «Новые успехи советского тыла». 3. «Задачи агитаторов в наступлении».

Подобрав агитаторов, проинструктировав их соответствующим образом, агитатор полка тов. Ионов позаботился о том, чтобы каждый ротный агитатор получал газету, чтобы газеты доставлялись своевременно. Для этого он собрал экспедиторов, провел с ними беседу о своевременной доставке газет и вручении их ротным агитаторам. Побеседовал он и с чтецами-комсомольцами.

ПОармом были изданы листовки: «Особенности наступления в горно-болотистой местности», «Умелому воину мина не страшна». Тов. Ионов позаботился, чтобы листовки дошли до каждого бойца, проинструктировал ротных агитаторов, как провести беседу по листовкам, сам провел несколько бесед по листовкам. [...]

При занятии исходного положения агитатор обошел все роты второго б-на, где он находился, лично делал указания вместе с заместителем командира батальона по полчасти майором Обручновым о правильности отрытия щелей, маскировки их, соблюдения тишины. В результате 2-й сб, где работал агитатор полка, несмотря на то, что по расположению батальона было выпущено более 3000 снарядов, потерял во время контрартподготовки только трех чел. ранеными.

При подготовке к наступлению агитатор в своем плане отвел день для работы и провел соответствующую работу среди бойцов транспортной роты, среди мед. персонала сан. роты полка.

Агитатор в период атаки

После мощной артподготовки, которая длилась 2 часа 35 минут, после неоднократных залпов гвардейских минометов, когда была поднята в воздух мощная оборона противника, единым стремительным порывом поднялись гвардейцы в атаку.

Гвардейцы шли вперед под лозунгом «Вперед! Не выпустить врага живым с Севера!» Геройскими подвигами засиял их путь.

Агитатор полка шел непосредственно в боевых порядках, воодушевляя бойцов: «Там, где наступает гвардия, враг не устоит!»

Гвардейцы первыми прорвали оборону, овладели господствующей над окружающей местностью высотой, которая возвышалась над уровнем моря свыше 300 метров, стерли лучшие горно-егерские и эсэсовские части с десятков других высот, пошли вперед, сокрушая врага.

У моста через р. Титовку разгорелся жаркий бой. Немцы бросали крупные силы в контратаки, хотели удержать мост через реку во что бы то ни стало. Гвардейцы били немцев беспощадно. Коммунист Билев подпустил врага на 70 метров и в упор из автомата уничтожил пять немцев, нескольких ранил, и те поползли назад, скуля, как шакалы.

Агитатор коммунист Васильев словом и личным примером вел бойцов вперед. В руках с автоматом, изрыгающим пламя, с криком: «Фрицы не возьмут нас – русских гвардейцев!» – он увлек подразделение, и бойцы отбили контратаку противника. Стрелки поднялись как один, фрицы были отброшены. 20 немцев остались лежать на месте, остальные бежали. «Вот вам, гады!» – кричал Васильев.

Гвардии старший сержант Сергей Торопов, который в обороне на выс. «Сарай» взял пленного и за умелые действия получил медаль «За отвагу», в бою у моста взял в плен эсесовского офицера и солдата. В жарком бою он получил 6-е ранение.

«За мою кровь отомстят немцам товарищи гвардейцы», – сказал он. Командир батальона гвардии майор Шарков, будучи ранен, не ушел с поля боя, умело руководил подразделениями, не терял управления в бою.

Об этих подвигах агитаторов тов. Ионов немедленно доводил до всего личного состава, написал листовки, и они пошли по цепи бойцов батальонов Шаркова, Копырина. [...]

Бой был жаркий. Немцы падали десятками. Несколько агитаторов у нас тоже выбыло из строя. Едва выдалась передышка, капитан Ионов немедленно восстановил агитаторов в ротах. Вместо выбывшего из строя героя-пулеметчика Конюшкина капитан Ионов назначил гвардейца Ферапонтова, который смело действовал в бою, умело уничтожал немцев. Ионов выбрал время беседовать с ним, проинструктировал, как надо вести агитационную работу в бою.

Агитатор Балдин, геройски сражавшийся в боях, пал смертью храбрых. На его место капитан Ионов назначил мл. сержанта Денисова, который лично уничтожил несколько немцев в бою, стойко отражал контратаки противника, служил примером для остальных бойцов.

Во время короткой передышки после взятия населенного пункта Луостари, овладения крупным аэродромом немцев поротно с агитаторами были проведены короткие инструктажи. Ионов рассказал о положении на нашем участке фронта, о последних сообщениях Совинформбюро, принятых по радио.

Здесь же были проинформированы офицеры. Причем агитатор рассказал о героеегвардейце Михаиле Ивченко из соседнего гвардейского стр. полка, который грудью своей закрыл амбразуру дзота.

Бойцы видели агитатора полка всегда среди своих рядов. Всюду он доставал карту, рассказывал об успехах Красной армии, о положении на фронтах, об успехах наших войск в Заполярье.

Полк получил новую задачу и продолжал наступать. Бои были тяжелыми. Противник яростно дрался, предчувствуя свой конец. Полку была поставлена задача: форсировав реку Петсамо-Йоки, перерезать немцам дорогу. Агитатор находился в первом стр. батальоне. Батальон первым форсировал реку. [...]

Норвежская земля. Капитан Ионов разъясняет бойцам и, в первую очередь, агитаторам, как надо относиться к норвежскому населению, к особенности норвежских граждан: «Норвежцы были 4 года под пятой у немцев. Мы – их освободители. Пусть они видят в нас благородный облик советских воинов».

По бездорожью полк совершал марш, выходя в обход немцам. В это время был получен приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина с объявлением благодарности войскам Карельского фронта, освободившим район никелевого производства, населенные пункты Никель, Сальмиярви, Ахмалахти и др. Поскольку полк совершал марш, то капитан Ионов шел вместе с ротами. Приходилось на ходу инструктировать ротных агитаторов, проводить беседы среди бойцов.

Но вот первые норвежские пограничные населенные пункты. Жителей нет. Бойцы думали, что их немцы угнали. Но на деле было не так. Немцы, отступая, пугали норвежцев: «Придут русские большевики, а среди них много монголов, которые всем отрезают головы, и норвежцам отрежут. А все ценное разграбят».

Норвежцы попрятались в горах и подземельях. Когда части пришли и не трогали имущество норвежцев, норвежцы робко, то по одному, то мелкими группами стали выходить из убежищ навстречу Красной армии.

Нашелся один норвежец, хотя плохо, но все-таки знающий русский язык. Капитан Ионов разъяснил, что Красная армия – армия-освободительница и не имеет захватнических целей. Красная армия – самая культурная и передовая армия. Все больше и больше стало появляться норвежцев. Они смотрели удивленно, не веря своим глазам, что перед ними не бандиты, которые все убивают и все уничтожают, а культурные, вежливые воины Красной армии.

Ионов рассказал бойцам о гитлеровской пропаганде. Те рассмеялись: «Так вот почему они прятались».

Вскоре норвежское население толпами с радостными лицами стало встречать советских воинов.

На норвежской земле воины полка освободили 500 советских граждан, угнанных немцами из Ленинградской области еще в 1941 г. на каторжные работы. Все они с радостными, сияющими лицами выбегали навстречу воинам-освободителям. Помещались невольники в тесных бараках, обнесенных колючей проволокой в несколько рядов. Все это бойцы видели своими глазами.

Стихийно возникали митинги. Освобожденные невольники рассказывали о страшных днях, немецких издевательствах и пытках в лагере. [...]

Л. С. Лебедев

ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 96. Л. 19–38.
Подлинник. Машинопись.

№ 78

Из воспоминаний В. П. Кудымовой (Белкиной) о выпускницах женской снайперской школы – об участии в Петсамо-Киркенесской операции*

26 сентября 1974 г.**

Стоял март 1944 г., утрами по-зимнему холодный, но солнце улыбалось по-весеннему, и приближение ее чувствовалось с каждым днем. И каково же было наше удивление, когда в преддверии весны нас одели в новенькие, беленькие полушубки, выдали все зимнее обмундирование, мы недоумевали: на пороге весна, а мы в зимнем, тогда как остальные девчата были одеты по-весеннему, в новые зеленые шинели, новые сапоги, а у нас – валенки. И только в поезде нам стала известна причина, когда начальник школы подполковник Кольчак сказал, что мы едем на Северный фронт, что нас серьезно озадачило, ведь условия там нам совершенно незнакомы. «Придется, девчата, нам на месте перестраиваться, приспосабливаться, доучиваться», – так сказал он нам. [...]

В Кеми мы стояли долго, здесь началось распределение нас по местам назначения, даже успели сходить, правда, строем, на танцы, с каким восхищением смотрели на нас местные мальчишки, когда мы, чеканя шаг, с песнями шли по улицам Кеми, а пели и ходили мы, действительно, хорошо. После Кеми ряды наши начали редеть, девочки группами оставались на местах назначения, а прибыло нас в Кемь 150 человек. И вот наконец после 20-дневного путешествия прибыли мы на место. Так вот какое оно, Заполярье! Самая отдаленная точка Великой Отечественной войны; кругом сопки, покрытые снегом гранитные скалы, мелкий кустарник, огонь, огонь врага!

10 апреля мы прибыли в 155-й стрелковый полк 14-й дивизии генерала Короткова, высота 314,9! От штаба дивизии до полка добирались на собаках.

По приезду на место началась будничная военная жизнь с пристрелки оружия, со знакомства с местностью. Помню, вышли мы в лощину для пристрелки винтовок, снег белый-белый, нетронутый, как туго натянутая простыня, он ярко отсвечивал от

* Опущены сведения об учебе в Центральной женской школе снайперской подготовки, созданной 21 мая 1943 г. приказом НКО СССР на базе женских курсов при ЦШИСП, о пути следования на север, а также сведения, выходящие за хронологические рамки сборника.

** Датируется по сопроводительному письму автора (ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 249. Л. 15.).

Кудымова (Белкина)
Валентина Петровна.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.

солнечных лучей, и мы долго не могли привыкнуть к этому яркому свету. С нами пошли ребята из разведвзвода, им очень не терпелось посмотреть, на что мы способны, а нам доказать, что мы, действительно, хорошо стреляем, а то слышали, как они, подсмеиваясь, говорили: «Ну, прислали детский сад», что нас, конечно, обижало. Вот тут-то мы и доказали, что не детский сад, а самые настоящие снайпера; они, убедившись в этом, изменили к нам отношение, впоследствии они были самые лучшие наши друзья.

И вот, пристреливая винтовки, мы бегаем от мишени и обратно, разговариваем, обсуждаем события дня, вдруг начался обстрел нашего края шрапнелью; снаряды, разрываясь в воздухе, опускались на землю букетами осколков, а мы, подняв головы, с интересом наблюдаем невиданное зрелище, пока нам не крикнул кто-то: «В укрытие!». Мы и не помышляли об опасности, нам было все интересно.

Приближался праздник – 1 Мая, и нам захотелось внести разнообразие в жизнь полка, мы решили своими силами дать концерт в полковом клубе, и концерт удался: мы пели, читали стихи, ставили интермедии, какое оживление внес он в жизнь полка разведчиков.

Моя снайперская пара была Наташа Гукова, помню ее такой: была она среднего роста, крепко сложена, белокурая, с крупными чертами лица, миловидная, любила шутить, ее шутки всегда были острыми, вызывали большой смех, но сама она к ним относилась серьезно и не смеялась, в речи ее перемешивался белорусский говорок. Родом она была из Белоруссии. По прибытии в полк к каждой снайперской паре был прикреплен снайпер-мужчина, который должен был ознакомить нас с местностью, с расположением противника. К нам с Наташей был прикреплен Кузьмин, мужчина молодой, но он носил усы, и поэтому нам казался солидным, и, как всем 19-20-летним, люди старше 25 лет казались чуть ли не стариками. И вот мы трое одним майским солнечным утром вышли на передний край, идем, спокойно разговаривая. Кузьмин все рассказывает нам истории из их фронтовой жизни, и вдруг начался обстрел, раньше мы не попадали в такую обстановку, на этот раз обстреливались те места, где мы находились; минометный огонь, причем очень сильный, открыл немец. Слышно, как со свистом пролетают над нами мины, нам опять же интересно с Наташей, смотрим по сторонам, как они то справа, то слева, то впереди и сзади разрываются. Сквозь гул слышим голос Кузьмина: «В укрытие!», а сам бежит, мы за ним, укрытием оказалась расщелина между двух больших камней. Кузьмин с Наташей поместились вовнутрь, а мне пришлось примоститься около них с краю; сидим, пережидаем обстрел, и вдруг сильный взрыв, слышно, как по нашему убежищу бьют осколки, один осколок упал прямо передо мной, и метра не будет, протянула руку, а он теплый, с удивлением я рассматривала его – тяжелый, рваный кусок металла. Наташа говорит: «Возьми, Белка, на память», я взяла, чтоб показать девчатам. Обстрел закончился для нас благополучно, и мы продолжали знакомство с передним краем, правда, весь день были под впечатлением этого обстрела – это наше первое боевое крещение, о котором мы увлеченно рассказывали вечером девчатам, и было это 13 мая 44 г.

Наш передний край, естественно, и немецкий был хорошо укреплен: сделаны добротные каменные траншеи, так что непросто было выследить немца, но мы так хотели открыть свой счет, не считаясь со временем; и день и ночь наблюдали за противником, выбираясь, где можно, за передний край, часами лежали и ждали, где бы хоть промелькнул, показался нужный нам фриц.

Сейчас трудно сказать, кто из нас первый открыл счет, но только я хорошо помню 16 мая – чудесное, солнечное утро, солнце светило в сторону противника; в это утро мы, как всегда, рано вышли «на охоту» для наблюдения за противником. Надо сказать, немец ежедневно методически обстреливал наш передний край, так и в этот день начался обстрел, но мы решили наблюдать, не уходить в укрытие. Вот, наблюдая, я заметила какое-то быстрое движение над бруствером, потом еще и еще, я взяла на мушку цель и стала ждать, давая какое-то время освоиться «безопасности», и, когда над траншеей на какое-то время оказался противник, я выстрелила, но не сразу поняла, что это прогремел мой выстрел, продолжая смотреть в оптику, я видела, как что-то неподвижно осталось лежать на бруствере, и, когда мы пришли вечером в расположение, меня встретили поздравлениями, оказывается, это был корректировщик, и на НП видели мой выстрел и его результат; об этом потом писала дивизионная газета.

По-своему прекрасно лето в Заполярье, которое незаметно сменило долгую полярную ночь, солнце круглыми сутками гуляет по небу, отдавая дань за долгое отсутствие, и не сразу привыкнешь к длинному полярному дню, приходилось окна на «ночь» завешивать одеялами. Под теплыми лучами солнца густо зеленеют сопки, цветет мох, кажется, даже камни зацветают всеми цветами радуги, искрясь на солнце; множество мелких озер, искристо отражая его лучи, в светлых водах их видно голубое-голубое небо да множество шустрых рыбешек. Одним таким летним днем состоялся слет снайперов дивизии, от нас на нем были Соня Середенко, Лена Ляндсберг и я. Многие выступали и говорили о роли снайпера в обороне, о достижениях, о задачах и многом другом, и на этом слете пришлось выступать и мне, я говорила, что обстановка для нас была непривычна, но мы быстро освоились, и пощады от нас фрицам не будет. Мое выступление было встречено такими веселыми, дружными аплодисментами, но, конечно, не «речь» моя произвела впечатление, а мой маленький рост и довольно задорное заявление командиру дивизии о том, что фрицам от нас не поздоровится.

А как мы готовились к своему первому поиску с разведчиками, к назначенному дню мы облюбовали место, устроили себе ячейки в центре прорыва, но командование полка направило нас в другое направление, поставив перед нами задачи: подавлять огневые точки противника и живую силу. Бой был сильным, мы много стреляли по огневым точкам и по живой силе, сколько он длился, мы не знаем, тут был и пулеметный огонь, и артиллерия била, и мины свистели, оставили позиции по получению приказа.

Поиск был не совсем удачен, захваченный немец был убит в перестрелке, а мы потеряли много хороших ребят: Женю Баранова, Мишу Шлемензона, Ивана Шалбина, многие были ранены, мы тяжело переживали потерю товарищей.

В сентябре 1944 г. началось наступление и на нашем северном фронте, здесь мы впервые увидели и услышали выстрелы «Катюши». Бои в условиях Заполярья особенно трудны, сопки, камни, бездорожье, особенно трудно было артиллеристам, поднимая и подтягивая тяжелые пушки-гаубицы, лошади в кровь избивали ноги, падая, спотыкаясь, избивали морды, калеча их.

Сколько раз нам приходилось вместе с артиллеристами вытягивать пушки! Помнится хорошо тот день, когда наш полк с ходу вступил в бой. Было раннее хмурое осеннее утро, мы только что с марша остановились на отдых, получили сухой паек – хлеб и сахар. Разломав хлеб на куски, густо посыпав сахаром, мы принялись за завтрак. Нина, Саша, Маша Корзинкина сели около большого камня, а мы с Леной и Наташей облюбовали старую воронку и, спустив в нее ноги, сели, побалтывая ими.

Наша артподготовка началась для нас неожиданно, били откуда-то сзади нас гвардейские минометы, слышно, как со свистом пролетали над нами тяжелые снаряды, а потом заговорили пушки всех калибров. Начался такой грохот, что мы кричали друг другу, мы были рады, ведь били по немцам, мы только смотрели за временем, после артподготовки должны наши пойти в атаку, немцы не замедлили дать ответный огонь по нашим батареям и переднему краю, снаряды, не долетая до цели, стали рваться в

нашем расположении. Что тут стало! Кругом взрывы, крики, стоны раненых, ржание лошадей. Несколько снарядов упали в наше расположение, один крупный снаряд попал в большой камень, разорвавшись, поразил всех окружающих осколками. Нина Елизарова, Маша Семенова и Рая Кондрашева оказывали помощь раненым, собрав их в укрытие, перевязывали, разрывом снаряда они все трое были ранены. Нина скончалась по дороге в медсанбат, Саша – на операционном столе. Рая, а позднее Маша Корзинкина-Васильева были отправлены в медсанбат, а затем дальше в тыл.

Рая Кондрашева в настоящее время живет в Москве, инвалид войны 1-й группы. Оказав помощь раненым и эвакуировав их, мы подошли ближе к переднему краю, развернули палатки первой медицинской помощи, нас приказом командира полка временно передали в распоряжение начальника медицинской части майору Голову. Вскоре стали поступать раненые, работы было много: днем, вечером не раз налетали самолеты немецкие, самое неприятное впечатление оставляет эта бомбежка, слышать неприятный визг бомб, разрывы, к счастью, бомбежкой нам не было принесено большого вреда.

Однажды майор Голов взял меня и Лену, и мы пошли на место только что прошедших боев, где-то далеко в сопках, там нужна была срочная медицинская помощь. Но добраться туда можно было только пешком, и вот мы с ней с полными медицинскими сумками отправились и далеко в сопках нашли 5 круглых финских домиков, которые были полны раненых, на землю выпал снег, появились первые морозы, и поэтому были среди раненых и обмороженные. Вот где нам с Леной пришлось поработать. Мы всех раненых разместили поудобней в 4-х домиках, 5-й освободили для майора и оставили резерв, домики разделили по два каждой и несколько дней и ночей беспрерывно ухаживали, оказывали помощь: кому-то подать пить, кому-то переложить ногу или руку или просто посидеть и успокоить, помочь подняться и т. п. Воды не было, и мы бесперебойно таяли снег в алюминиевых кружках, с каким наслаждением пили наши раненые кипяток, обжигая губы, руки, но они не замечали, казалось, этот кипяток возвращает им жизнь, и так несколько дней. У нас не было продуктов, голодные и не спавшие, мы с Леной совершенно не замечали времени, не падали духом, а, наоборот, было весело, встретимся утром и зальемся друг над другом звонким смехом; дело в том, что за ночь мы сделаемся как «золушки» от печной копоти и дыма, протремся снегом – и за работу. Однажды к нам прибыл командир дивизии генерал Коротков, но мы не знали о его приезде, были заняты, заскакиваем в нашу землянку в таком вот виде, береты на боку, чумазые, возбужденные, рассмотрели, что начальство, спохватились докладывать, а он: «Не надо, девочки, спасибо вам большое!» Мы так и замерли: «За что?» После его отъезда на столе осталось полбулки хлеба, раскрытая банка тушенки, я быстро подобрала, а потом, разделив на маленькие-маленькие кусочки, намазав тушенкой, раздали всем раненым, кто мог есть. Майор Голов похвалил за находчивость.

Бывало до того устанешь, днем заскочишь в свою землянку, чуть прикорнешь и сразу же засыпаешь глубоким сном: так и проваливаешься куда-то, но стоит майору Голову зайти и тихо сказать: «Белочка, надо», как тут же соскакиваешь, и сон мгновенно проходит. Через несколько дней после посещения нас командиром дивизии прибыли из медсанбата волокуши*, увезли тяжело раненных, работники медсанбата приняли от нас раненых, и наша помощь больше не потребовалась. В этих финских домиках были раненые со всей дивизии, наше местоположение было обнаружено бродячими немцами, недобитыми, которые бродили по сопкам, позднее двух привели, были с рацией они. Мы, как могли, пытались с ними разговаривать, им сказали, что это снайпера, они так заискивающе стали лепетать: «Русишь Маша гут, гут...»

И вот наконец Петсамо, о котором столько было разговоров, за которое в кровопролитных боях погибло много наших товарищей. Помнятся мне там реки молочные – это когда горели склады, то сгущенное молоко текло рекой. И во взятом Петсамо не давали

* Приспособление для транспортировки раненых волоком.

покоя нам немцы, часто бомбили, но сполна рассчитались с ними наши. Хорошо осталось в памяти их кладбище, где правильными рядами стояли сотни черных крестов с касками, мы радовались, смотря на эти кресты, что пришло им возмездие. Боями за Киркенес закончились боевые действия полка на Севере, за эти бои полку была присвоена Гвардия, награжден орденом Кутузова и звание Киркенесский. Под Киркенесом мы отпраздновали октябрьские праздники, здесь были вручены награды отличившимся в боях, и мы, группа девчат, тоже были награждены медалью «За отвагу».

После короткого отдыха и переформирования в Рыбинске наш полк был направлен на запад, войну мы закончили в Германии. [...]

Вот этот стих сохранился у меня, автор неизвестен, написан по окончании боев, и его все с удовольствием читали:

Воину Заполярья!

Кругом лишь голых сопок склоны,
Болота, ветер, скудный мох,
Три года страшной обороны
Другой бы вынести не мог!

А ты стоял! Порой до злобы,
До исступления, до слез!
Тебя истачивал озноб,
Жестокой Арктики мороз.

И ни костра (согреть бы руки),
Ни шалаша (укрыться прочь
От нестерпимой этой муки
И пережить еще бы ночь).

Однообразный мир, граница,
Счет по минутам, не по дням.
Вся в пене Западная Лица
Гремит и скачет по камням.

И враг, засевший в камне тонко,
Враг, не жалеющий свинца,
И бездорожье, бездорожье,
И голым сопкам нет конца.

Ты выстоял и все невзгоды пережил,
Все испытал, и на безумство непогоды
И на удел свой не роптал.

Ты был упрямый и суровый,
Ты верил – близок твой черед,
Когда в атаку, сдвинув брови,
На немца двинешься вперед!

И вот он грянул, день счастливый!
Всесильна, яростна и зла
Волной от Кольского залива
Пехота хлынула, пошла.

Хвала идущим в бой солдатам!
Презревшим смерть, поправшим страх.
На Кариквайвише горбатом
Впервые дрогнул подлый враг.

Там был форпост – стальная крепость.
Он путь к Титовке преграждал,
Но не развеял твою смелость
Его смертельный, шквальный вал.

За раны Мурманска сторицей,
За годы горя своего
Ты отплатил достойно фрицам
И не простил им ничего!

На Луостари, на Петсамо
В родные, русские места
Тебя вела вперед упрямо
Отчизна милая твоя!
И ты дошел до этой цели,
Разбил немецкое зверье.
Горит победно на медали
Изображение твое.

В. П. Кудымова (Белкина)

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 249. Л. 16–20.
Подлинник. Машинопись.

№ 79

Очерк Е. И. Майкова «Инженерное обеспечение боевых действий войск в Заполярье (Петсамо-Киркенесская операция)» – о подготовке исходного района для наступления, инженерном сопровождении войск во время наступательной операции*

Февраль 1974 г.**

Осенью 1944 г. войска Карельского фронта при активном участии Северного военно-морского флота провели Петсамо-Киркенесскую операцию, в результате которой были разгромлены немецко-фашистские войска в Заполярье и полностью очищена от врага Печенгская (Петсамская) область.

Советские войска, преследуя остатки разгромленных немецко-фашистских частей, вступили на территорию Норвегии, положив этим начало освобождению Норвегии от гитлеровских оккупантов.

В достижении этой победы важное место занимали мероприятия по инженерному обеспечению, в проведении которых активно участвовали все рода войск. Успешно справились со своими задачами и инженерные соединения, части и подразделения.

---

* Сведений о публикации в полном объеме не имеется.

** Датируется по дате поступления в редакцию газеты «Полярная правда» (ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 125. Л. 1.).

Сложность и трудность инженерного обеспечения обуславливались своеобразием проводимой операции.

Печенгская область, богатая никелем и медью, гитлеровцами была захвачена в самом начале войны*. Немецко-фашистское командование, считая район Печенги плацдармом для наступления на важнейший советский порт на Крайнем Севере, каким является Мурманск, держало здесь крупные военные силы. Неоднократные попытки немецко-фашистских войск при поддержке авиации и флота захватить Мурманск закончились провалом. Советские войска при содействии Северного военно-морского флота остановили наступление противника. Понеся огромные потери в живой силе и технике, враг вынужден был перейти к обороне.

В течение трех лет (до октября 1944 г.) войска обеих сторон на Мурманском направлении находились в обороне, вели бои местного значения и улучшали оборонительные позиции. За эти три года враг строил и совершенствовал мощные оборонительные рубежи, которые должны были прикрывать подступы с востока не только к Печенгской области, но и к базам в Северной Норвегии.

Общая протяженность обороны противника составляла около 60 км по фронту и 100–120 км в глубину. При этом левый фланг упирался в море, а правый фланг, хотя и был открытым, но промежуток, не занятый войсками, от высоты 237 до Куолаярви протяжением свыше 200 км, представлял собой труднопроходимую местность, затруднявшую обходной маневр и ведение боевых действий даже ограниченными силами.

Оборона противника включала в себя главную полосу от побережья Мотовского залива до высоты 237, полосу обороны на перешейке полуострова Средний, вторую полосу обороны на рубеже р. Титовка, тыловой оборонительный рубеж по западному берегу р. Печенга (Петсамо-йоки) и оборонительные позиции на рубеже Киркенес, Ахмалахти, Никель с мощными опорными пунктами на подступах к указанным населенным пунктам.

Передний край главной полосы обороны от побережья Мотовского залива до высоты 237 проходил по господствующим высотам. Общая глубина главной полосы обороны не превышала 4–5 км.

Основу главной полосы обороны составляли ротные опорные пункты, объединенные в батальонные узлы сопротивления. В опорных пунктах на первой позиции имелось много бетонированных огневых сооружений, наблюдательных пунктов и укрытий, построенных из дерева, камня и гофрированной стали. Некоторые пулеметные гнезда и укрытия были врублены в гранитные скалы, что делало их малоуязвимыми даже для тяжелых снарядов и крупных авиационных бомб. На 1 км фронта обороны приходилось по 15–20 долговременных сооружений. Все опорные пункты были приспособлены к круговой обороне и прикрыты минными полями и проволочными заграждениями.

Как уже упоминалось, вражеские гарнизоны располагались в опорных пунктах, оборудованных, как правило, только на господствующих высотах и выгодных для обороны рубежах с промежутком от 2 до 4 км.

Промежутки между опорными пунктами прикрывались пулеметным и артиллерийско-минометным огнем, инженерными заграждениями в виде гранитных надолб, каменных стен и минных полей. Что же касается противотанковых заграждений, то их было немного, так как противник считал совершенно невозможным применение танков на этой местности.

И действительно, рельеф в районе боевых действий представлял собой гранитное плато, полого понижающееся с запада на восток к Мурманску. На плато много сопок высотой 500–600 м, часто чередующихся с низменными болотистыми участками и глубокими озерами. Сопки, как правило, оголены, состоят из гранита, их подножья усеяны крупными камнями.

---

* На начало Великой Отечественной войны территория района Печенга входила в состав Финляндии.

Дорожная сеть в районе боевых действий была развита слабо: от Мурманска до рубежа р. Печенга имелась всего лишь одна очень извилистая и проходящая по сильнопересеченной местности дорога.

В то же время скальный грунт сильно затруднял производство инженерных работ. Многочисленные реки, озера и фиорды (на побережье Баренцева моря) сильно сковывали маневр войск, для их форсирования требовалось много переправочных средств.

Все это создавало противнику исключительно выгодные условия для организации обороны, чрезвычайно затрудняя действия наших войск.

Крупная группировка войск противника, представленная 19-м горнострелковым корпусом общей численностью свыше 50 тыс. человек, поддерживаемая авиацией, значительным числом подводных лодок и надводных кораблей, была рассчитана на прочное удержание важнейших районов и на проведение сильных контратак вторыми эшелонами и резервами. Кроме того, противник, в случае необходимости, мог использовать войска 20-й горной армии, которая в то время отводилась с юга в северные районы Норвегии и Финляндии. К тому же 19-й горнострелковый корпус состоял из отборных войск германской армии – горно-егерских и гренадерских дивизий, бригад и полков, сформированных из тирольских стрелков и членов альпийских клубов, получивших большой боевой опыт при завоевании Греции, Франции и Норвегии.

Командование немецко-фашистских войск твердо было уверено в том, что их «гранитный вал» (так они называли свои укрепления в Заполярье) является неприступным.

Итак, войскам Карельского фронта предстояло прорвать глубоко эшелонированные и сильно укрепленные позиции, построенные с использованием выгодных условий местности и обороняемые крупной группировкой хорошо подготовленных войск противника.

Все это вместе с особенностями физико-географических условий, присущих Заполярью, оказывало сильное влияние на боевые действия войск и на их инженерное обеспечение. Огромная ответственность при этом ложилась на инженерные войска фронта, возглавляемые генерал-полковником инженерных войск Героем Советского Союза А. Ф. Хреновым.

Инженерные мероприятия имели своей целью обеспечить скрытное сосредоточение войск на направлении главного удара, внезапный прорыв обороны противника и высокие темпы наступления по труднодоступной местности.

По плану операции войска правого крыла Карельского фронта при содействии Северного военно-морского флота должны были прорвать оборону противника в районе озера Чапр и выс. 237 м, нанося главный удар в общем направлении на Печенгу, Луостари, разгромив обороняющиеся здесь основные силы 19-го горнострелкового корпуса, выйти на государственную границу с Норвегией, полностью освободить Печенгскую область.

С левого открытого фланга предусматривались действия легких подвижных частей, которые глубоким обходом правого фланга обороны противника по труднодоступной местности должны были овладеть развилкой дорог западнее Луостари, лишив тем самым противника возможности совершать маневр резервами и отрезав пути его отхода из района Луостари на запад.

Войска Карельского фронта тщательно и упорно готовились к наступлению. При этом было выполнено много инженерных работ по подготовке исходного района для наступления: в каменистом грунте были оборудованы траншеи, укрытия для танков, огневые позиции для артиллерии и минометов, блиндажи и землянки для пунктов управления. Инженерными войсками были отремонтированы и построены вновь более 120 км автомобильных дорог и 80 различных мостов. Для маскировки инженерных работ и передвижения войск было установлено около 12 км вертикальных масок.

Сосредоточение войск и постройка дорог проводились, как правило, при ограниченной видимости, а для того, чтобы рассредоточить внимание противника, инженерные работы велись перед всем фронтом его обороны.

Впервые в условиях Заполярья для непосредственной поддержки пехоты предполагалось использовать танки. Успех их действия на такой труднодоступной местности во многом зависел от умелого инженерного обеспечения. С этой целью каждому взводу танков выделялось специально подготовленное отделение саперов с зарядами взрывчатых веществ для подрыва камней-валунов на пути движения танков и с запасом лесоматериалов для преодоления болотистых участков.

В ходе боевой подготовки особое внимание уделялось обучению войск действиям на труднодоступной местности, прокладке колонных путей, преодолению инженерных заграждений, болотистых участков, форсированию рек и озер на табельных и подручных средствах.

Каждой дивизии заранее были определены участки форсирования р. Титовка. В войсках было сосредоточено более 300 десантных лодок, более 1200 индивидуальных плавсредств, до 100 плавающих автомобилей. Для наводки мостов было подготовлено 6 понтонных парков.

В группы, созданные для штурма долговременных огневых сооружений, включались саперные подразделения, имевшие щупы, панцири и заряды взрывчатых веществ.

Много ценных данных для уточнения начертания переднего края обороны, расположения огневых точек, оборонительных сооружений и заграждений было добыто инженерно-разведывательными группами.

Инженерной разведкой, организованной дивизиями и армией, были разведаны подступы к переднему краю обороны противника и его опорные пункты, определены районы для скрытного сосредоточения войск, тщательно разведана р. Титовка, разведано несколько маршрутов для движения войск, совершающих обходы без дорог, произведена рекогносцировка более 15 маршрутов для постройки дорог и прокладки колонных путей.

Особо ценным было наземное и воздушное фотографирование оборонительной системы противника. Для выполнения работ по проделыванию проходов в заграждениях, прокладке колонных путей, ремонту и строительству дорог в боевые порядки войск были включены инженерно-саперные подразделения.

В ночь на 7 октября перед началом наступления погода резко изменилась – шел снег, поднялся холодный сильный ветер. Но такая погода не страшила советских воинов, саперам же она была даже на руку. Пользуясь непогодой, они проделали проходы в заграждениях противника.

После мощной артиллеристской подготовки стрелковые части при поддержке артиллерии и танков пошли в атаку. Противник, упорно сопротивляясь, неоднократно переходил в контратаки. Чтобы выбить гитлеровцев из гранитных сооружений, часто приходилось их подрывать зарядами взрывчатых веществ.

Особо упорно противник сопротивлялся на горе Б. Кариквайвишь*. В первый день наступления взять опорный пункт, находившийся на горе, не удалось. Тогда эта задача была возложена на штурмовой отряд, возглавляемый офицером инженерных войск лейтенантом Журавлевым. В течение ночи на 8 октября лейтенант Журавлев лично разведал огневые сооружения и заграждения противника. Затем распределил объект атаки, расставил огневые средства. На рассвете был возобновлен штурм горы Б. Кариквайвишь. Первыми в траншеи ворвались саперы, возглавляемые Журавлевым, они подавили ДОТ противника, уничтожив его гарнизон ручными гранатами. Вслед за штурмовыми группами в траншеи ворвалась пехота. В 8 часов утра 8 октября опорный пункт, закрывавший выход на дорогу и переправу на р. Титовка, был взят нашими войсками.

Ни резко пересеченная местность, ни реки и озера, ни крутые подъемы и спуски, ни каменные россыпи, из-за которых велся интенсивный огонь, не смогли сдержать наступательный порыв советских войск. С огромным напряжением прокладывали

* Большой Кариквайвишь.

саперы колонные пути по труднопроходимой местности. В первые сутки движение боевой техники и автотранспорта было организовано только в одну сторону. В последующем, по мере усовершенствования колонных путей и устройства разъездов, движение велось попеременно (по 6–10 часов) в обе стороны.

В итоге двухдневных боев войска ударной группировки Карельского фронта прорвали главную полосу обороны противника, с ходу форсировали р. Титовка, овладели второй полосой обороны и разгромили основные силы обороняющейся на этом участке 2-ой горнострелковой дивизии.

Особо сложным делом было обеспечение форсирования р. Титовка с ходу при сильном огневом воздействии противника. Форсирование началось в одной дивизии в ночь на 8 октября, а в другой – в 5.00 8 октября. Переправа первых эшелонов продолжалась 4–5 часов на легких переправочных средствах, поскольку из-за отсутствия дорог только их и можно было поднести к реке на руках и подвезти на вьюках. Для переправы боевой техники и автотранспорта к исходу 9 октября была наведена армейская мостовая переправа.

Наш легкий стрелковый корпус, совершая глубокий обход открытого фланга оборонительной полосы противника, к исходу 8 октября вышел в район озера Туль-яур (южнее Луостари), пройдя при этом в условиях полного бездорожья и труднопроходимой местности свыше 30 км.

Опасаясь окружения, противник начал отводить свои войска, широко применяя ограждения всех видов. Саперы противника взрывали мосты, дорожные трубы, обрушивали скалы на полотно дороги и разрушали его подрывами авиабомб.

Отражая ожесточенные контратаки противника, преодолевая заграждения и разрушения, наши дивизии к утру 12 октября вышли на подступы к Луостари и, несмотря на холодный проливной дождь, затем сменившийся снежной метелью, используя рыбачьи лодки, подручные и легкие табельные переправочные средства, своими передовыми частями успешно форсировали р. Печенга и овладели опорным пунктом Луостари. На общем фронте форсирования, достигавшем 30-ти км, имелось 10 пунктов переправ. Прибывшие к исходу 13 октября понтонный батальон и армейский инженерный батальон, работая ночью, к утру 14 октября навели два моста, один из них для танков. Используя переправы, подвижные части под командованием полковника Амфросова стремительным броском на север перерезали дорогу Печенга–Тарнет. Танковые части, наступавшие вдоль шоссе, достигли перекрестка дорог в 5 км южнее Печенги и разгромили здесь крупную автоколонну противника, следовавшую в Киркенес.

Наши войска, наступавшие вдоль берега моря, взаимодействуя с кораблями Северного военно-морского флота, прорвали оборону противника восточнее Печенги, а морские десанты, высаженные западнее фиорда Печенга, начали наступление на город с севера. Одновременным ударом войск Карельского фронта с севера, востока, юга и запада, при содействии кораблей и десантных частей Северного флота, а также авиации город и порт Печенга 15 октября был полностью очищен от немецко-фашистских войск.

Для выполнения задач инженерного обеспечения наступления по труднодоступной местности инженерные войска были умело расставлены по глубине в соответствии с боевыми порядками войск.

В первом эшелоне наступающих войск действовали полковые саперы и приданные полкам подразделения дивизионных саперов, а также обученная саперному делу пехота. Они действовали в штурмовых группах, в группах разграждения* и в группах сопровождения артиллерии и танков.

Дивизионные и корпусные саперы, а также приданные им на усиление инженерные части составляли дивизионные отряды разграждения и дорожно-мостовые от-

* Группа разграждения – временное формирование, предназначенное для проделывания проходов в заграждениях, разрушениях и завалах. Создается из подразделений инженерных войск.

ряды. Действуя в боевых порядках дивизий, эти подразделения расширяли проходы в минных полях и пропускали по ним наступающих, прокладывали колонные пути и обеспечивали форсирование рек.

Приданные армии фронтовые инженерные части и армейские дорожно-мостовые части с выделенными для работ стрелковыми подразделениями (из резерва), двигаясь вслед за боевыми порядками, совершенствовали колонные пути для обеспечения движения автотранспорта вначале в одну, затем в две стороны, а также наводили наплавные мосты и восстанавливали разрушенные.

При обеспечении преследования с 11 по 15 октября инженерными частями было снято более 2000 противотанковых мин противника, улучшено 16 км грунтовых дорог, проложены два колонных пути протяжением 10 км, наведен понтонный мост через р. Титовка, устроены объезды многочисленных разрушенных участков дорог.

Продолжая наступление, части Карельского фронта 22 октября заняли поселок Никель и вышли на государственную границу СССР с Норвегией, а на следующий день перерезали шоссе Киркенес–Рованиеми. Одновременно войска, наступавшие от Печенги на Киркенес, взаимодействуя с десантными войсками, совершили трудный переход через горы, обошли Киркенес с юга и 25 октября штурмом овладели городом и незамерзающим портом Киркенес, лишив противника важной военно-морской базы.

Наиболее сложной и ответственной задачей инженерных войск в этих боях явилось обеспечение форсирования озер и фиордов.

Все паромные переправы и мосты противник при отходе разрушил, а подступы к ним держал под обстрелом.

В то же время значительная ширина фиордов, доходящая до 800 м при глубине от 4 до 100 м, быстрое течение и постоянное наличие волны крайне затрудняли организацию переправы через них.

В этих условиях особо ценными оказались подразделения плавающих автомобилей, но и они не всегда могли противостоять сильной волне. Только исключительная смелость, мужество, отвага и умение саперов и понтонеров инженерно-саперных и понтонно-мостовых частей дали возможность с успехом форсировать многочисленные водные преграды.

В итоге операции к 1 ноября войска Карельского фронта при содействии Северного военно-морского флота освободили от врага всю Печенгскую область и, преследуя отходящие немецко-фашистские части, вступили на территорию Норвегии, положив начало освобождению от гитлеровских оккупантов.

Воины всех родов войск, наступая на сильно укрепленные позиции противника в труднейших условиях Заполярья, проявили массовый героизм и высокое боевое мастерство. Успеху боевых действий во многом содействовали умелые действия инженерных частей подразделений. Только в ходе наступления ими было проложено около 200 км колонных путей, оборудовано 30 бродов, построено более 30 мостов, обезврежено несколько тысяч мин и т. п. Инженерные войска переправляли по льду, по болотам танки и орудия, обеспечивали действия наступающих войск по тундре в обход опорных пунктов обороны противника. Саперы принимали непосредственное участие в штурме вражеских укреплений, прокладывали через заграждения путь пехоте и танкам, подрывая огневые сооружения противника.

Многие солдаты, сержанты, офицеры и генералы инженерных войск за мужество, героизм и высокое боевое мастерство были удостоены высоких правительственных наград. Начальник инженерных войск армии полковник Д. О. Лейчик был награжден орденом Ленина.

Е. И. Майков

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 125. Л. 2–13. Подлинник. Рукопись.

№ 80

Из воспоминаний Г. Е. Передельского «Артиллеристы в боях за освобождение Советского Заполярья (воспоминания командира артиллерийского полка)» – о марше в район боевых действий и боях за Никель во время Петсамо-Киркенесской операции*

3 сентября 1974 г.**

С осени 1944 г. военно-политическая обстановка определялась выдающимися победами Советского народа и его Вооруженных Сил над фашистской Германией. Красная армия разгромила важнейшие стратегические группировки противника и освободила от врага временно оккупированные территории Ленинградской и Новгородской областей, Украины, Белоруссии, Южной Карелии, Молдавии и большей части Прибалтики. В результате наших побед выведены из фашистского блока сателлиты гитлеровской Германии: Румыния, Финляндия и Болгария, которые объявили войну.

Наши войска громили гитлеровскую армию на территориях Польши, Чехословакии, Югославии и Венгрии.

1944 год ознаменовался мощным подъемом всех отраслей народного хозяйства, новыми замечательными успехами в развитии промышленности, сельского хозяйства, транспорта, небывалым ростом военной экономики нашей страны.

Вместе с тем военно-экономическая база фашистской Германии с потерей сателлитов и оккупированных территорий значительно сократилась. С августа 1944 г. началось резкое падение промышленного производства Германии, которое продолжалось до конца войны. Фашистская Германия оказалась в состоянии полной политической изоляции. Несмотря на это, фашистская клика не собиралась складывать оружие. Фашисты стремились выиграть время, затянуть войну и не допустить дальнейшего продвижения Советской Армии на запад.

Наша дивизия, завершив в сентябре 1944 г. изгнание немецких фашистов с Карельской земли западнее Ухты, получила задачу совершить 300-километровый марш своим ходом до ближайшей станции, а оттуда следовать по железной дороге на север для участия в боях по освобождению Советского Заполярья.

Решением командующего Карельским фронтом наша 367-я стрелковая дивизия для участия в готовящейся Петсамо-Киркенесской операции 5 октября 1944 г. была подчинена командиру 31-го стрелкового корпуса. Дивизией тогда командовал боевой, талантливый и бесстрашный полковник А. А. Старцев. Корпус находился во втором эшелоне оперативного построения армии.

После разгрузки на станции Кола, нашему полку было приказано совершить форсированный марш в район боевых действий. На марше 6 октября представитель штаба артиллерии армии капитан М. Я. Сипаев уточнил мне задачу и вручил свежий номер армейской газеты с обращением Военного совета армии, где было сказано: «Родина требует очистить от фашистской коричневой чумы всю русскую землю в Заполярье с древним русским городом Печенгой... Родина требует, чтобы ни один фашистский изверг, покушавшийся на эти земли, не ушел из Заполярья живым... Иди же смело вперед, воин Севера! С тобой вся сила нашей Родины... Иди вперед! Родина ждет от тебя победы и благословляет тебя на подвиг».

---

* Опущены выдержки из приказа по 928-му артиллерийскому полку за октябрь 1944 г. о награждении личного состава от имени Президиума Верховного Совета СССР медалью «За отвагу», а также сведения о патриотическо-воспитательной работе, проводимой в городе Заполярном Мурманской области.

** Датируется по сопроводительному письму (ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 126. Л. 2.).

Передельский Георгий Ефимович.
Из газеты «Ленинская правда»
от 5 сентября 1974 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 126. Л. 22.

Заместитель командира полка по политической части подполковник М. Р. Янков, секретарь партийной организации капитан В. Н. Никитин и секретарь комсомольской организации старший лейтенант Е. М. Жадько организовали быстрое доведение обращения Военного совета армии до всего личного состава полка.

Марш в район боевых действий совершался в трудных условиях гористой местности и весьма сложных метеорологических условиях Заполярья. Был сильный встречный ветер, шел мокрый снег, а порой сплошные снежные заряды, свойственные только Заполярью.

Выполнение задачи осложнялось и тем, что в предыдущих боях был сильно истощен конский состав, который являлся основным средством тяги полка. Поэтому преодоление перевалов производилось в каждой батарее поорудийно, т. е. для буксировки орудия на подъем вместо 4–6 лошадей привлекались 8–12. При сильном встречном снежном буране лошади вообще прекращали движение, а некоторые из них падали на колени или ложились.

Личный состав орудийных расчетов, применяя специальные лямки, также оказывал помощь в буксировке орудий на большие подъемы и проводил страховку на крутых спусках.

Особенно трудно пришлось преодолевать гору Большой Кариквайвишь, только что очищенную войсками первого эшелона от фашистов. Шли по полному бездорожью – тундре.

К утру 17 октября полк после тяжелого и продолжительного марша сосредоточился в 20 километрах восточнее поселка Никель, имея в подразделениях боевой комплект боеприпасов. Но совершенно не осталось ни одного килограмма фуража для конского состава.

В результате мощного удара войск первого эшелона армии была прорвана глубоко эшелонированная оборонительная полоса противника, которая подготавливалась в течение трех лет. Немцы уже не могли рассчитывать на длительное удержание районов никелевых разработок и своих баз в Северной Норвегии. Поэтому гитлеровское командование поставило перед 20-й горной армией задачу организовать прочную оборону района Никель и морской крепости Киркенес, временно приостановить наступление советских войск и тем самым обеспечить планомерный отвод своих частей по суше и эвакуацию их морем в район Нарвика.

31-й стрелковый корпус, находившийся во втором эшелоне армии, получил задачу вступить в сражение с рубежа развилки дорог западнее Луостари – озеро Пильгуярви – и наступать вдоль дороги на Никель, выйти на рубеж реки Соукер-йоки с целью как можно быстрее овладеть районом никелевого производства.

Во второй половине дня 17 октября командующий артиллерией дивизии полковник К. Ф. Евдокимов поставил мне боевую задачу – поддержать наступление стрелкового полка.

Необходимо заметить, что заполярная местность, на которой предстояло вести наступление, представляла собой сильно всхолмленное, устланное щебнем горное плато с многочисленными отдельными вершинами, достигающими 150-250 метров. Эти высоты имели крутые подъемы до 45 градусов, а в ряде мест обрывы. На склонах вершин и в низинах имелось много болот. Труднопроходимыми естественными препятствиями

являлись и многочисленные быстротекущие ручьи и мелкие реки с заболоченными берегами. Все это затрудняло передвижение войск.

Подступы к высотам не имели лесистой растительности. В непосредственной близости от Никеля имелись лишь редкие участки с карликовой березой. Рельеф местности значительно затруднял возможности маневра артиллерии и танков. Используя это, немецкие захватчики успели создать на каждой высоте мощные узлы сопротивления, хорошо оборудованные в инженерном отношении.

17 октября подразделения полка начали занимать боевые порядки. В это время появились на малых высотах 18 «Юнкерсов», на подразделения полка полетели бомбы. Появились убитые и раненые.

От вражеской бомбы погиб заместитель командира полка по политической части подполковник М. Р. Янков. Личный состав полка потерял замечательного политработника, который в любом бою (а они шли непрерывно) находился там, где было наиболее тяжело. Личный состав полка поклялся над гробом своего воспитателя еще с большей энергией без устали бить ненавистного врага, во всем быть достойными Макара Родионовича.

Раненых отправляли в медсанбат, в том числе командира первого дивизиона капитана Б. Ф. Шварцмана, командиров взводов лейтенантов Стечного, Верховинского, Шаляпина. Около 30 минут искали начальника штаба полка майора В. А. Сагай и его заместителя капитана С. Е. Рытвинского. Они находились в воронке, а рядом разорвавшаяся бомба засыпала обоих землей. Откопали их, привели в сознание, и они начали выполнять свои обязанности. Сам я во время бомбежки был сильно контужен.

В Заполярье в октябре рано наступает ночь. Боевой порядок пришлось занимать в сплошной темноте, что в значительной степени затрудняло выбор позиции для батарей, особенно пушечных.

Выбор и занятие огневых позиций я поручил своему заместителю майору Д. М. Бразговскому, а сам с командирами дивизионов и батарей, с органами разведки и управления начал занимать наблюдательные пункты и организовывать разведку.

Уже поздней ночью я прибыл к командиру стрелкового полка майору Михайлину, где находился и командир дивизии полковник Старцев.

Чувствовал я себя после контузии плохо, кружилась голова, тошнило. На голове и левой руке повязки, которые сделал полковой врач, предварительно удалив несколько мелких осколков. Командир дивизии предложил мне направиться в медсанбат, но я упросил его оставить меня на месте. Организовав взаимодействие, командир дивизии вскоре убыл в следующий полк, а мы с майором Михайлиным продолжали отрабатывать детали взаимодействия стрелковых подразделений и артиллерии.

Личный состав орудийных расчетов в темную полярную ночь кроме основной работы затратил много энергии на разминирование района огневых позиций. Только одним командиром орудия 1-й батареи сержантом Д. О. Лаврентьевым было обнаружено и обезврежено 6 вражеских мин. Связисты наводили связь, следуя только по азимуту. Особенно трудно было топографам по привязке боевого порядка на незнакомой местности и ночью.

В эту ночь произошел интересный эпизод. Начальнику штаба дивизиона капитану В. И. Олещуку было приказано занять наблюдательный пункт на фланге. В то же время немецкие артиллеристы тоже планировали устроить свой НП на этой же высоте. Разведчики капитана Олещука обнаружили фашистов в нескольких метрах от себя и открыли по ним огонь из автоматов. Противник бросил приборы наблюдения и две радиостанции и в панике покинул высоту, не успев унести с собой убитых.

Вся подготовка к бою была проведена в основном в течение ночи, но на рассвете 18 октября предстояло сделать еще многое. Уточнили все огневые задачи на местности и исходные данные по ним. Каждая батарея произвела по одному контрольному выстрелу по запланированным целям, и по сигналу командира дивизии началась

артиллерийская подготовка. Пехота и танки после артподготовки пошли в атаку. Противник оказывал упорное сопротивление. Шла упорная борьба за каждую огневую точку. За день боя наши части продвинулись вперед на 6–7 километров и к исходу дня вышли к следующему опорному пункту на высоте 466,3.

Первая же попытка подразделений стрелкового полка атаковать противника на высоте с ходу после 15-минутного огневого налета артиллерии была отражена сильным огнем противника. Стрелковый полк был вынужден залечь перед укреплениями противника.

Когда же провели детальную разведку, то поняли, что эта высота представляла узел сопротивления, заранее подготовленный в инженерном отношении и обороняемый пехотным батальоном при поддержке артиллерийского полка.

Рано утром следующего дня мы провели огневой налет по разведанным целям. При этом артогнем уничтожено 10 пулеметов, противотанковое орудие, подавлен огонь двух артиллерийских батарей фашистов. Огнем орудий, выделенных для стрельбы прямой наводкой, сделан проход в проволочном заграждении. Новая атака пехоты была успешной, но противник оказывал упорное сопротивление. Бой был исключительно упорным. Особенно активно действовала артиллерия противника.

Совершенно неожиданно мы попали под губительный огонь зенитных батарей, которые открыли огонь прямой наводкой по нам. Мне пришлось более половины батареи полка задействовать для подавления артиллерии противника. Командиру первого дивизиона капитану Н. Н. Деревянко, который находился впереди меня на 150 метров, было приказано лично уничтожить зенитные батареи, с чем Николай Никитич справился успешно. Огонь был исключительно точным. Когда мы овладели позициями стационарных зенитных батарей, то обнаружили уничтоженными и орудия, и боевые расчеты.

В тот день проявил героизм разведчик дивизиона ефрейтор А. Н. Максимов. Под сильным ружейно-пулеметным огнем он выдвинулся на высоту и корректировал огонь батарей. Кроме того, Максимов лично обнаружил и огнем орудия с закрытой огневой позиции уничтожил 20 автоматчиков противника, два ручных и один станковый пулемет.

Скупые строки журнала боевых действий полка того времени гласят: «При взятии опорного пункта на высоте 466,3 отличились капитан Деревянко, капитан Олещук, командиры первой, третьей и четвертой батарей». К 12 часам 19 октября высота была взята, противник разгромлен. Полк к 18.00 подошел к следующему главному опорному пункту противника на высоте 441,4, где наступающие части были остановлены организованным огнем противника. Эта высота, как утес, перекрывала подступы к поселку Никелю.

На высоте 441,4 противником был подготовлен узел сопротивления, в составе которого имелось 8 бутобетонных сооружений для противотанковых орудий, 15 бутобетонных пулеметных площадок, 120 метров траншей, 2200 метров проволочных заграждений (забор) и 7 отдельных минометных окопов. Узел сопротивления со всех сторон прикрывался минными полями, а его фланги упирались в непроходимую озерно-болотистую местность. Артиллерия противника располагалась на закрытых позициях за обратными скатами высоты.

Атака такого узла сопротивления требовала тщательной подготовки, привлечения артиллерии для разрушения оборонительных сооружений противника и подавления живой силы и огневых средств. К сожалению, до занятия высоты 441,4 мы не располагали данными о характере укрепления противника. Погода была нелетная, и мы не смогли получить данных и от воздушной разведки. Разведка, проведенная вечером, не смогла вскрыть местоположение огневых точек и систему огня противника.

Разведку и планирование огня продолжали вести всю ночь. Ночью проводилась и разведка боем, ее поддерживал 3-й дивизион полка, которым командовал капитан

Н. П. Петрищенков. В результате этого было установлено, что на северных скатах опорного пункта имеются огневые точки, которые прикрывают его левый фланг и до трех батарей противника. Но точных координат огневых средств определить не удалось.

Атака была назначена на 10 часов утра 20 октября после 15-минутного огневого налета артиллерии. Дивизия, кроме своего полка, поддерживалась гаубичным и двумя минометными полками усиления.

Ровно в 10 часов был произведен залп реактивной артиллерии «Катюша», что явилось сигналом начала огневого налета артиллерии и минометов.

После огневого налета пехота и танки атаковали противника, но атака окончилась неудачей. Понеся потери на минных полях перед проволочными заграждениями противника, которые тщательно были замаскированы, части нашей дивизии отошли в исходное положение и до конца дня вели огневой бой и разведку огневых средств противника.

Командир дивизии приказал всем командирам полков организовать детальную разведку противотанковых средств противника в узле сопротивления.

С разрешения командующего артиллерией дивизии я переместил свой наблюдательный пункт ближе к переднему краю на высоту, где размещался наблюдательный пункт 7-й батареи. Командовал 7-й батареей отважный капитан, комсомолец В. С. Королев. Здесь же находился командир роты, которого поддерживала 7-я батарея. Командир батареи доложил мне со знанием дела о разведанных им целях противника.

Мною было принято решение выдвинуть на передний край третий дивизион для стрельбы прямой наводкой. Руководство выдвижением и управлением орудиями при стрельбе прямой наводкой было возложено на командира 3-го дивизиона капитана Н. П. Петрищенкова. Предусматривалось после окончания уничтожения целей прямой наводкой на переднем крае с этих же огневых позиций вести огонь по поддержке атаки пехоты и танков. Поэтому был выбран для выполнения этих задач именно третий дивизион.

Начальник штаба полка майор Сагай с офицерами штаба занялись планированием огня всех батарей, а я с Королевым уточняли задачи, которые должна выполнять его батарея огнем орудий, выделенных для стрельбы прямой наводкой. Неожиданно противник произвел огневой налет артиллерийским дивизионом по наблюдательному пункту, где мы работали. Один из снарядов разорвался рядом, нас ударило взрывной волной, сбило с ног и засыпало массой мелких каменистых осколков. После огневого налета Василий Сергеевич Королев с земли уже не поднялся. Так погиб молодой командир батареи, грамотный и талантливый артиллерист, любимец полка. Он никогда не унывал, был всегда жизнерадостным, требовательным и чутким к подчиненным. Его батарея всегда была слаженной и способной в любой обстановке выполнять огневые задачи. Сам командир батареи являлся мастером артиллерийского огня, и я собирался назначить его командиром дивизиона.

Сложной задачей было выдвижение третьего дивизиона на передний край. Как только огневые взводы начали марш, по ним нанесли удар самолеты противника, потом открыла огонь артиллерия противника. На подавление артиллерии фашистов командир дивизии направил авиацию, которая подавила шесть батарей фашистов. При подходе к переднему краю пришлось перемещать орудия вручную силами расчетов. С высот, где был расположен противник, местность хорошо просматривалась. С дивизионом действовал и секретарь партийной организации полка Никитин и секретарь комсомольской организации полка Жадько. Командиры батарей организовали разведку местонахождения орудий противника, тщательно замаскированных в складках местности. Когда цели были обнаружены и огонь по ним открыт, то по нашим орудиям с фланга внезапно ударили две противотанковые пушки. Артиллеристы 8-й батареи не дрогнули, быстро развернули два орудия в сторону фланга. В огневом единоборстве

победителями вышли орудийные расчеты дивизиона, что в значительной степени способствовало успешному овладению высотой 441,4.

Командир 4-й батареи старший лейтенант Арсенюк прикрывал стрельбой с закрытых позиций действия орудий третьего дивизиона при стрельбе прямой наводкой. Батарея уничтожила станковый и два ручных пулемета, до взвода автоматчиков, которые пытались вести огонь по орудиям, расположенным на открытых позициях.

21 октября целый день и в ночь на 22 октября наш артиллерийский полк своим огнем поддерживал наступающие части дивизии. Борьба шла за каждый опорный пункт на подступах непосредственно к Никелю. В 5 часов утра 22 октября 1944 г. поселок Никель был взят.

Когда мы вошли в освобожденный Никель, то увидели, что рудники подорваны, рудничные постройки и цехи сожжены, никелевый завод подорван. В целом – страшная картина разрушения, картина чудовищного варварства фашистов при их отходе.

В боях за Никель многие офицеры, сержанты и солдаты артиллерийского полка совершили героические подвиги. [...]

Г. Е. Передельский

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 126. Л. 3–20. Подлинник.
Машинопись с редакторскими правками.

№ 81

Из очерка А. Ф. Лаврентьева «Сполохи над Лапландией»* – об участии 44-го гвардейского минометного полка реактивной артиллерии в Петсамо-Киркенесской операции в октябре 1944 г.**

10 июля 1974 г.

Начало сентября. Чем дальше на север, тем отчетливее чувствовалось первое, еще робкое дыхание осени. Янтарным, теплым светом озарились березовые рощицы. Легкие заутренники и обильные росы посеребрили причудливые узоры развешенной по кустам и траве паутины. Все вокруг: лес, сопки, многочисленные озера с плавающими в их прозрачных водах ватными облаками – застыло в напряженном молчании. Сказочное видение создавало благодушное настроение, и не хотелось верить, что идет война с неотвратимыми жертвами и вскоре нам предстоят новые, бог весть какие уже по счету бои.

Труженики-паровозы, отдуваясь клубами пара, почти не останавливаясь на полустанках, мчали эшелоны с зачехленными машинами на открытых платформах в неведомое для нас Заполярье. У распахнутых дверей видевших виды вагонов сидели и стояли гвардейцы. Оттуда, из вагонов, слышались отрывки песен и заливистые, щемящие душу переборы гармоники.

– Спешим, – глубокомысленно, ни к кому не обращаясь, проговорил командир огневого взвода младший лейтенант Николай Бгатов. – Значит, там в нас нуждаются, торопят.

– Без наших красавиц нигде бала не открывают, – с заметной хвальбой поддержал разговор наводчик орудия сержант И. Христенко.

* Очерк в сокращенном варианте опубликован в газете «Полярная правда» от 25 августа 1974 г. под названием «Сполохи над тундрой».

** Опущены некоторые диалоги, а также заключительные абзацы об увековечении памяти героев войны.

В дальнем углу вагона, на нарах, около старшего по возрасту И. Кожевникова, заряжающего, по-медвежьи скроенного солдата, который не нуждался в чьей-либо помощи при навеске тяжеленных мин, собрались солдаты помоложе. Оттуда то и дело слышался захлебистый хохот. [...]

...44-й гвардейский минометный полк («Катюши») катил на самый крайний фланг войны, к Мурманску. Предшествующие короткие, но ожесточенные бои в лесах и болотах южной Карелии закончились перемирием с Финляндией и выходом ее из войны. Роль сокрушительных залпов эресовских* полков, надо полагать, была не последней в выборе столь важного решения воюющей стороны. Теперь это заслуженное подразделение с двумя боевыми орденами на гвардейском знамени и титулованное Таманским за бои на Кубани спешно перебрасывалось в Заполярье.

Выгрузившееся, не доезжая Мурманска, на станции Кола хозяйство полка переправилось на другой берег одноименного залива, и колоннами подивизионно боевые установки на больших скоростях умчались к месту сосредоточения.

Все за Полярным кругом было для нас непривычным: и безлесые скальные выступы, и кристально прозрачная гладь бесчисленных озерцов, и причудливо изогнутые стволы березок, сгрудившихся по берегам говорливых речек. Сентябрьские заморозки разукрасили обедненную разноцветьем тундру в золотистые тона. Небо чистой голубизны днем ночью завораживало нас волшебством игры красок северного сияния. Солдаты моей батареи – в большинстве своем жители областей России, не видевшие до сей поры подобных фантазий природы, возбужденно восхищались. [...]

Обескураживало же нас отсутствие дорог и вообще каких-либо ориентиров на отдельных листах выданных нам карт в направлении предстоящего наступления. Просто белый лист с нанесенной сеткой. Вот и привязывай свои огневые позиции и цели врага. И еще безумство магнитной стрелки. В момент каких-то неведомых нам природных явлений ее, стрелку, не так-то просто было установить на нужном делении угломера.

... Перед нашими позициями возвышалась господствующая высота.

– Эту гору, именуемую Большой Кариквайвишь, придется брать штурмом. Противник укреплял ее с самого начала войны и насытил мощными огневыми средствами. Подавить их и разгромить доступно только артиллерии, – пояснил встретивший наш дивизион подполковник, представитель штаба 14-й армии.

Участвовать в прорывах батареям и дивизионам полка было не впервой. Не без нашей помощи враг был остановлен и разгромлен у Главного Кавказского хребта, не удержался на «Голубой линии»**, перегородившей с севера на юг землю кубанскую, вдребезги разбит в Крыму. Не из легких был прорыв на Свири. К решению новых задач мы имели достаточный опыт. [...]

Вся подготовка проходила скрытно, соблюдалась строжайшая маскировка, и противник не особо активно напоминал о себе в первое время, но вскоре благодушное настроение нарушилось неоднократными артналетами по нашим огневым позициям. Тогда-то мы и убедились в надежности сооруженных укрытий.

...Утром 7 октября 1944 г. в точно назначенный час (8.00) началась артиллерийская подготовка. Запевалами в этом дружном, но грозном хоре разных калибров были, как всегда и на других фронтах, легендарные «Катюши». Сигарообразные ракеты с огненными хвостами, характерно подвывая, соскальзывали с направляющих и устремлялись на цели. Залп дивизиона, длящийся не более десяти секунд, уносил на головы врага 128 снарядов смертельного груза. Вершина Б. Кариквайвиша кипела от разрывов.

Боевые машины, не покидая огневой позиции, тотчас перезаряжались. В том, как это делалось, чувствовался опыт многих боев, выучка, слаженность личного состава. Еще не рассеялся пороховой дым после залпа, а из ближайшего тыла, переваливаясь

* Так в документе. «Эресовский» – стреляющий реактивными снарядами.

** «Голубая линия» – система немецких укреплений на Таманском полуострове во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

через валуны, подкатывали транспортные машины с упакованными в ящики минами. Старшина В. Оленченко, спрыгнув на ходу с подножки, рапортовал и принимался хозяиновать при подвешивании на направляющие очередного боекомплекта.

Мне, находившемуся у телефона рядом с боевыми машинами, было хорошо видно все, что делалось возле установок. Вот, пригнувшись, тащит свою ношу-снаряд И. Кожевников. Наверно, последний, так как грузовики спешно покинули огневую, и слышны рапорты командиров орудий о готовности. У буссоли* встал Н. Бгатов. Черный чуб его выбился из-под пилотки. Цыгановатое лицо лоснилось от пота. Получив расчеты для стрельбы – угломер прицел – по новой цели, он производил наводку орудий. Каждый номер расчета четко выполняет команды, и в считанные минуты батарея подготовилась к следующему залпу. Не помешал этому жесткий налет, который противник успел сделать из уцелевшей батареи по нашей позиции.

После двух с половиной часов непрерывного грохота наступила тишина, показавшаяся неестественной. Или, действительно, все затихло, либо мы оглохли, только ничего вокруг не слышали и от пережитого напряжения не смогли скрутить цигарки.

Накрапывавший было дождь сменился мокрыми снежными зарядами.

Последовала команда передвинуться на выбранные впереди огневые позиции и подготовиться к новым залпам. Значит, прорыв осуществляется, успешно угадывали мы опытным путем. Из кустов и расщелин на единственную дорогу выползли пушки, гаубицы, другая техника – и все это двинулось на запад. Сильно укрепленный узел сопротивления разгромлен, оборона противника прорвана. Победа! Пресловутый «Лапландский вал»** не устоял и одного дня перед натиском наступающих войск.

Впереди нас ожидали новые трудности. Вся техника должна была преодолеть нейтральную полосу, где совершенно отсутствовали дороги и подкарауливали мины. Наконец выбрались на тропу, сделанную врагом к своим передовым позициям. Здесь нашему взводу представились плоды рук артиллеристов. Всюду торчали остовы разрушенных блиндажей, исковерканные орудия, тягачи и неубранные жертвы войны, припорошенные снежком.

В боевых порядках наступающей пехоты шли наши глаза и уши – разведчики во главе с гвардии старшим лейтенантом Павлом Запорожцем. По требованию пехоты он то и дело передавал командиру дивизиона майору Александру Боброву координаты целей. Просьба удовлетворялась незамедлительно, так как дивизион следовал вместе с передовыми частями.

Из круговерти быстротечных, но ожесточенных боев вспоминается случай, говоря о котором, до сих пор ощущаешь мурашки между лопатками. Было дело так. Где-то в районе Луостари враг зацепился на выгодном рубеже и начал готовить контратаку. Нашему 263-му дивизиону приказали рано утром произвести налет по скопившимся войскам. По темноте выбрали место для стрельбы, сделали привязку, изготовили орудия. Когда же был произведен огневой налет по неприятелю, тогда только заметили, что сзади боевых машин из-под сорванного мощной волной верхнего слоя земли торчали вывернутые мины. Только чудом можно объяснить тот факт, что никто – ни люди, ни техника не подорвались.

– Похоже на перекур на пороховой бочке, – невесело скаламбурил старшина Оленченко, – требуется покумекать, как будем выбираться.

Ожидать подхода минеров времени не было. Могли вот-вот нагрянуть вражеские самолеты, и тогда произойдет трагедия. Выручили смельчаки.

– Товарищ гвардии старший лейтенант, – обратился ко мне Оленченко, – разрешите своими силами выйти из беды.

---

* Артиллерийская буссоль – основной прибор управления огнем артиллерии.

** Лапландский (оборонительный, «гранитный») вал – система обороны немецких войск на севере Кольского п-ова в годы Великой Отечественной войны. Подробно см.: Кольская энциклопедия. – Т. 3. – Мурманск, 2013. – С. – 21.

Иного выхода не нашли и, получив разрешение, старшина с добровольцем-помощником принялся за опасную операцию.

Уже не помню, сколько длилась схватка со смертью, только вскоре после того, как машины с предосторожностями покинули проклятое место и укрылись в ближайшем лесочке, показалась вездесущая «рама» и не спеша пролетела над позициями наших войск.

Вместе с радостью первых успехов пришло волнение. Я знал, что где-то южнее Кариквайвиша ушли в тыл 126-й и 127-й легкие корпуса. В составе одного из них находился мой старший брат. Наши с ним дороги, начавшиеся на противоположных флангах огромнейшего фронта войны, по воле последней сошлись в Заполярье, где мы разыскали друг друга. Разыскали, чтобы вновь расстаться и идти своим путем. Кстати, после разгрома лапландской группировки мы встретились вновь невредимыми и получили за ратные дела одинаковые ордена. Но это было потом, пока же приходилось огнем выкуривать врага с захваченной им территории.

12 октября освобожден Луостари, 15 октября наши войска ворвались в портовый поселок Петсамо и освободили его. Исконно русская земля, где еще в 1553 г. неуемные новгородцы возводили хижины, вновь возвратилась под советский флаг.

Москва трижды салютовала во славу побед в Заполярье.

Наступающие войска, а вместе с ними и «Катюши», перешли государственную границу и вступили на землю друзей-норвежцев. Последние залпы под Киркенесом, и 25 октября пехота очистила его от ненавистных оккупантов. Благодарные жители с радостью встретили своих освободителей. Были объятия и слезы.

Закончились многотрудные бои на участке советской территории. Небезызвестный 19-й корпус фашистских егерей «Норвегия» был разгромлен.

Война ворвалась в логово врага. С завершением боевых действий в тундре Кольского полуострова закрылась последняя страница боевой летописи 44-го отдельного гвардейского минометного Таманского орденов Красного Знамени и Красной Звезды полка. Он оставался здесь до конца войны.

...Прошло много лет, но и сейчас в памяти высвечиваются напряженные боем лица моих батарейцев, с кем разделены все тяготы долгой войны. Вот перед глазами предстает старший сержант Васо Орагвелидзе, подающий характерным гортанным голосом команды своему расчету, озабоченное выражение помкомвзвода Федора Егубанова, заменившего раненого младшего лейтенанта Николая Бгатова, хлопотливый старшина Василий Оленченко, который, не успев разгрузить подвезенный очередной боекомплект, тут же бросается помогать заряжающим. Или он же, напружиненный, неторопливый на минном поле. Вот командиры орудий – Милованов, Закотин – деловито, без суеты, как в пору штурма Сапун-горы под Севастополем, распоряжаются действиями орудийной команды.

Даже теперь во время очередных встреч с Я. Полищуком, Г. Левда, М. Шимуком, В. Оленченко и др. мысленно разглаживаешь морщины на их лицах, восстанавливаешь цвет волос и силишься представить их такими, какими запомнились на всю жизнь, молодыми. [...]

А. Ф. Лаврентьев

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 124. Л. 12–18.
Подлинник. Машинопись.

№ 82

Докладная записка М. И. Старостина об учреждении медали «За оборону Мурманска»

8 мая 1944 г.

Сов. секретно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
тов. КАЛИНИНУ М. И.
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ СССР
тов. СТАЛИНУ И. В.
СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)
тов. МАЛЕНКОВУ Г. М.

Отборные немецкие горно-егерские части Лапландской армии генерала Дитля, усиленные частями войск СС, имея многократный перевес в живой силе, автоматическом оружии, минометах и при господстве авиации, нарушив государственную границу СССР, перешли в наступление 28 июня 1941 года* на Кандалакшском, а 29 июня 1941 г. – на Мурманском направлениях.

Малочисленные и слабо вооруженные части 14-й армии, оборонявшие Мурманское, Кандалакшское и Лоухское направления, героически сдержали удары врага, заставив его отказаться от молниеносного захвата города Мурманска.

Основные бои развернулись в июле–ноябре 1941 года, когда немецко-фашистские захватчики неоднократно переходили в решительное наступление. Фашисты, не считаясь ни с какими потерями в живой силе и технике, применяя психические атаки, провокационные листовки и другие средства морального и физического воздействия на наши войска, стремились во что бы то ни стало захватить город Мурманск.

В этот период Родина напрягала все силы для защиты Ленинграда и Москвы, и войска 14-й армии на Крайнем Севере не могли ждать помощи, а должны были решать задачу защиты Мурманска своими силами и средствами.

Все людские и материальные ресурсы Мурманской области были мобилизованы на отпор врагу. Защите Мурманска были подчинены интересы 14-й армии, Северного военно-морского флота, партийных, советских и хозяйственных организаций.

Десятки тысяч трудящихся были мобилизованы на строительство запасных оборонительных рубежей армии, рыли окопы, траншеи, строили дзоты и землянки. Цементом с предприятий бетонировались доты. Двутавровые балки, рельсы шли на строительство огневых точек, мостов и надолб. Тысячи трудящихся работали на строительстве аэродромов и армейских дорог. Все промышленные предприятия области работали для армии и флота. Из вагонных осей точили минометы, лили гранаты, мины, снаряжали их, ремонтировали оружие, боевые суда, делали буквально все, работая, не считаясь со временем. С сентября 1941 г. по апрель 1942 г. заводы области сдали армии и флоту:

Минометов	82 м/м	106 шт.
-//-	50 м/м	1012 -//-
-//- лопат		1457 -//-
Мин для минометов		91347 -//-
Гранат Ф-1		280180 -//-
-//- РГД		11420 -//-
Противопехотных мин		419288 -//-
Взрывателей к минам		250000 -//-,

не считая большого количества лыж, саней, сбруи и т. п.

В тяжелые дни фашистского наступления из числа трудящихся были сформированы и ушли сразу на фронт – «Полк мурманских рабочих» прикрыл прорыв врага на Лоухском направлении, Полярная дивизия (ныне 205-я с. д.) помогла ликвидировать прорыв фашистов на Мурманском направлении.

Батальоны краснофлотцев дрались вместе с армией на сухопутном фронте, а корабли военного флота с моря помогали армии громить врага и обеспечивали перевозку боеприпасов, продовольствия и снаряжения. Ценой героической стойкости бойцов 14-й армии и краснофлотцев Северного военного флота враг был остановлен осенью 1941 года, и за все время боев 14-я армия на Мурманском направлении отступила от линии гос. границы СССР только на 30 километров.

Потеряв надежду на захват г. Мурманска и видя, что в его незамерзающий порт прибывают корабли союзников с военными грузами, фашистские варвары начали массированные налеты авиации, стремясь бомбардировками уничтожить город и порт, а также подорвать моральную стойкость трудящихся.

С 22/6-1941 г. по 1/7-1943 г. фашисты бомбили город Мурманск 194 раза, сбросив 181193 зажигательных и 4100 фугасных бомб. На каждого жителя г. Мурманска приходится по 33 килограмма фугасных бомб и по 7 зажигательных. Разрушив на две трети г. Мурманск, вражеские бомбардировщики не сломили стойкости трудящихся.

Город Мурманск с незамерзающим портом, находясь в 90 километрах от гос. границы, в результате героической обороны остался советским, а это сохранило для Родины:

1. Весь Советский Север с его морскими, наземными и ископаемыми богатствами.
2. Морские коммуникации для связи с союзниками и связи по Северному морскому пути.
3. Северный военно-морской флот, который не уничтожен и не блокирован, а, наоборот, громит вражеские транспорты, прерывая его коммуникации.

В результате, несмотря на фронтовое положение, Мурманский порт за время Отечественной войны разгрузил 250 кораблей союзников, отправив стране 1245883 тонны боевой техники, военных материалов, продовольствия и промышленного оборудования.

Разгруженная и отправленная боевая техника, продовольствие и оборудование помогли обороне Сталинграда, разгрому немцев у Орла и Курска, прорыву блокады Ленинграда и успешным боевым действиям на других фронтах.

Рыбаки Мурманской области в открытом море, подвергаясь бомбардировкам и обстрелам фашистских самолетов и подводных лодок, выловили 849800 центнеров рыбы, вытопили 7458 центнеров рыбьего жира, произвели 3640200 банок консервов.

Реэвакуированный и восстановленный комбинат «Североникель» дал сотни тонн никеля и меди.

Комбинат «Апатит» дал стране сотни тонн фосфора и самовоспламеняющейся противотанковой жидкости «КС».

Всего сейчас не сочтешь, но одно ясно, что успешная защита г. Мурманска и ее результаты сыграли немалую роль в обороноспособности нашей Родины.

Кроме всего, ведение боевых действий и пребывание в течение трех лет войны далеко за Полярным кругом, в суровых арктических условиях, в бездорожной боло-

* В исторической литературе имеется иная дата начала боев на Кандалакшском направлении – 1 июля 1941 г. См. напр.: Румянцев Н. М. Разгром врага в Заполярье (1941–1944 гг.). – М., 1963. – С. 48; Киселев А. А. Война в Заполярье. – Мурманск, 1995. – С. 37.

тисто-гористой тундре – является беспримерным героическим делом, показывающим физическую, моральную и политическую стойкость бойцов и офицерского состава и беспредельную их преданность Родине, нашей большевистской партии и тов. Сталину.

Учитывая все вышеизложенное, мне кажется, вполне целесообразно и заслуженно учредить медаль «За оборону Мурманска».

О чем и прошу партию и правительство.

Секретарь Мурманского обкома ВКП(б)
(М. Старостин)

ГАМО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 317. Л. 85–89.
Подлинник. Машинопись.

№ 83

Из воспоминаний В. А. Доричева об участии в проводке конвоя в Баренцевом море в январе 1945 г. – о поединке с подводными лодками противника*

17 апреля 1986 г.

После освобождения Советского Заполярья от немецко-фашистских захватчиков в октябре 1944 года прекратились боевые действия на сухопутном фронте. Стало заметно тише и спокойнее в заполярном небе. А вот в «огненном» Баренцевом море еще продолжалась ожесточенная война с фашистскими подводными лодками. Немецко-фашистское военно-морское командование по-прежнему продолжало предпринимать попытки нарушить наше морское судоходство на Севере, увеличивая свой подводный флот. Очень серьезную опасность для мореплавания они создали в Баренцевом море вдоль побережья Кольского полуострова, у побережья Рыбачьего, на подходах к портам и базам флота. [...]

Боевые силы Северного флота вели настойчивый поиск подводных лодок врага. На борьбу с ними были брошены все основные силы флота, включая и авиацию. Дальние и ближние дозоры из числа сторожевых кораблей, «морских охотников»** и тральщиков охраняли вход в Кольский залив и подходы к другим портам и базам флота.

Корабли флота продолжали охранять внутренние и внешние морские коммуникации, сопровождая транспорты и суда в составе конвоев. Если в первые годы войны на конвоирование одного транспорта назначались один-два корабля, то в последние месяцы до десяти и более боевых кораблей. Противолодочные корабли при охране транспортов не давали возможности фашистским пиратам прорвать линию охранения судов и войти в атаку. При обнаружении врага они смело и дерзко атаковали его, топили фашистские субмарины, отправляя их на дно холодного моря. Но избежать потерь не всегда удавалось...

20 января 1945 года в южной части Баренцева моря и на подходах к Кольскому заливу как никогда стояла хорошая погода. От зюйд-веста дул ветер силою 3-4 балла, наблюдалось слабое волнение моря до 2–3 баллов, температура воздуха – -10, -12, видимость хорошая, парения с поверхности воды почти не было. В сутках мало было

* Опущены пояснения действий немецких субмарин, общие сведения о конвое, направленном из Лиинахамари в Кольский залив через несколько дней после описываемых в тексте документа событий, сведения об эсминце «Разъяренный».

** Боевой надводный катер с усиленным противолодочным вооружением.

светлого времени: только что закончилась полярная ночь. Солнце не показывалось из-за сопок.

Рано утром в тот день «сто двадцать второй» тральщик стоял на рейдовой бочке в одной из губ Кольского залива. Корабль был подготовлен к бою и выходу в море. В боевой рубке находились командир тральщика капитан-лейтенант Кисляков Федор Иванович, его помощник старший лейтенант Павлов Константин Афанасьевич и командир штурманской боевой части лейтенант Алексей Осадчий.

Командир и его помощник смотрели на Кольский залив, с юга которого должны показаться два транспорта. Время их прибытия на траверз губы приближалось. Командир посмотрел на своего помощника и приказал ему: «Снимайтесь с бочки!»

Не прошло и десяти минут после этого, как «ТАМ-122»* уже выходил из губы в Кольский залив. На корабле прозвучали колокола громкого боя, и личный состав занял свои места на боевых постах. В то время траверз губы проходил советский транспорт «Вятка». В кильватер** ему следовал норвежский «Идефьорд». Впереди них и сзади шли корабли охранения. Часть их находилась в море и занималась поиском подводных лодок противника.

При выходе из Кольского залива корабли эскорта построились в походный противолодочный ордер из двух линий охранения, и конвой последовал вперед по своему назначению. Впереди него находились корабли ударной и поисковой группы. В состав их входили корабли с гидроакустической аппаратурой и мощным противолодочным вооружением. Корабли поисковой группы еще до выхода конвоя из Кольского залива «прочесали» своей гидроакустикой весь район предстоящего перехода.

От мыса Сеть-Наволок конвой повернул немного влево и взял курс к мысу Цып-Наволок. При подходе к нему к конвою присоединились эсминцы «Разумный» и «Разъяренный». Они после поиска врага последовали впереди конвоя.

Всего в состав эскорта было включено двадцать кораблей Северного флота и четыре из военно-морских сил Норвегии (три тральщика и один корвет). Командиром конвоя был контр-адмирал П. П. Михайлов – командир охраны водного района главной базы флота.

Тральщик «сто двадцать второй» следовал во второй линии охранения в конце походного ордера, правее охраняемых транспортов. Все корабли эскорта следовали по боевой готовности «один»: оружие и технические средства были приведены к немедленному нанесению удара по врагу.

В районе следования конвоя почти все время стоял гул и грохот от разрывов глубинных бомб. Это корабли эскорта производили глубинное бомбометание с той целью, чтобы не дать возможности фашистским субмаринам прорвать линию охранения и атаковать транспорты. На поверхности моря плавало очень много трески, оглушенной взрывами бомб. Только воспользоваться ею никто не мог. Не до нее было морякам кораблей. На пути между мысами Сеть-Наволок и Цып-Наволок «ТАМ-122» вдруг увеличил ход до форсированного и начал сбрасывать одна за другой в морскую пучину глубинные бомбы. Двенадцать разрывов мы насчитали за кормой своего корабля.

Пройдя мыс Цып-Наволок, конвой изменил курс влево и последовал на северо-запад вдоль побережья полуострова Рыбачий. Транспорты следовали в кильватер друг другу, прижимаясь ближе к берегу в район малых глубин. Здесь, со стороны берега, исключалось нападение подводных лодок врага. Действию их мешали малые глубины. А со стороны моря фашистские субмарины не могли прорвать огневую завесу кораблей эскорта. Очень плотной была она.

Подводные лодки противника преследовали конвой с момента выхода его из Кольского залива, они создавали очень напряженную обстановку в районе следования

* Тральщик типа ТАМ, вооруженный электромагнитными и акустическими противоминными тралами.

** Идти в кильватер судну – идти вслед за другим судном по одной линии.

конвоя. Весь переход моряки кораблей не уходили со своих боевых постов. Они очень тщательно вели наблюдение за поверхностью моря. Все они находились в полной боевой готовности и в огромном физическом напряжении. Плавание в море под постоянной угрозой атаки врага было по-прежнему связано и сопряжено с определенным риском для жизни.

Конвой уже подходил к мысу Вайдагубский* и начал поворачивать влево в Варангер-фьорд. Казалось, все было хорошо. Сильный эскорт. Прекрасная погода. Ничто не могло предвещать беды. А она подошла внезапно. Никто из нас не мог ожидать этого.

И вдруг сильный взрыв послышался после полудня к норд-весту от Вайдагубского. Полыхнуло пламя. Один из кораблей эскорта был атакован подводной лодкой. Чуть позднее стало известно, что корабли с гидроакустической аппаратурой в районе Вайдагубского обнаружили фашистскую субмарину. Они начали преследовать ее и бомбить. Через полчаса после этого другая подводная лодка врага торпедировала акустической торпедой эсминец «Разъяренный». Корабль получил сильные повреждения, у него была деформирована кормовая часть. Он остался без хода и управления. Среди личного состава оказались жертвы: погибло 36 человек, умерло от ран двое и 17 – получили ранения.

Часть кораблей эскорта начали искать вторую фашистскую субмарину, другие – оказывали помощь поврежденному эсминцу, а основная часть кораблей продолжала охрану конвоируемых транспортов, и конвой следовал к Айновым островам, оставляя их справа. Слева по-прежнему находились берега Рыбачьего. Наш «сто двадцать второй» проходил невдалеке от эсминца «Разъяренный», и многие моряки, несшие вахту на верхних боевых постах, видели его.

Транспорт «Вятка» благополучно зашел в Печенгский залив и прибыл в порт Лиинахамари. Норвежский транспорт «Идефьорд» под охраной советских и норвежских кораблей ушел в норвежский порт Киркенес, куда тоже прибыл благополучно.

«Сто двадцать второй» тральщик, охраняя транспорт «Вятка», зашел в порт Лиинахамари. Вскоре на буксире привели в порт и торпедированный эсминец «Разъяренный». [...]

В. А. Доричев

ГАМО. Ф. П-2723. Оп. 5. Д. 4. Л. 2-6. Подлинник.
Рукопись с авторскими правками.

* Вероятно, имеется в виду мыс Немецкий на полуострове Рыбачий, на котором находится маяк Вайдагубский. Близ мыса расположен поселок Вайда-Губа.

№ 84

Из воспоминаний В. С. Пилюгина об участии эскадренного миноносца «Грозный» в сопровождении транспорта союзников в начале 1945 г. – о боевых действиях по уничтожению подводной лодки противника*

Не позднее 30 мая 1980 г.**

На военную службу я был призван в 1943 г. после освобождения нашей Курской обл. от фашистов. В то время мне было 16 лет. [...]

Мне довелось изучить специальность минер-торпедист и попасть на боевой корабль, который в то время входил в состав боевых действующих кораблей эскадры Северного флота – эскадренный миноносец «Грозный». Вместе со мной попало немного на э/м «Грозный»: в боевую часть 3 (минно-торпедную) – три человека и в боевую часть четыре (сигнальщики) – человека четыре. Экипаж «Грозного» встретил нас, новичков, теплом и заботой. На второй день нахождения на корабле нам выдали новое обмундирование, такое, какое было уже у бывалых моряков. На наших бескозырках загорелись золотые буквы на лентах с наименованием нашего корабля. Нас распределили по боевому расписанию и по расписанию внутреннего распорядка дня и жизни корабля, так с этой минуты мы влились в боевой коллектив и уже считали себя военными моряками, готовыми в любую минуту выполнить любое задание командования, поставленное перед нашим экипажем. И ждать такое задание пришлось недолго. Всем известно, что к концу 1944 г. немецкое командование сосредоточило на северном морском театре большое количество подводных лодок, которые препятствовали нашим надводным кораблям в просторах Баренцева моря встречать и сопровождать транспорты наших союзников, которые доставляли в порт Мурманск продовольствие и вооружение. Но, несмотря ни на какие преграды врага, корабли Северного флота наносили сокрушительные удары по фашистам и с честью выходили из самых трудных, порой, казалось бы, невероятно трудных ситуаций.

Помню такой случай. Командование Северного флота отдало приказ по эскадре: кораблям э/м «Грозный», э/м «Громкий», э/м «Деятельный», э/м «Куйбышев» выйти в море для сопровождения транспорта союзников до горла Белого моря. Это было в начале 1945 г. Когда караван судов союзников и состав кораблей боевого охранения вышли в море, был сильный шторм. Корабли шли с погасшими огнями, чтобы не обнаружить себя противником. На кораблях боевого охранения была объявлена готовность номер один. Это значит, что корабль в любую минуту готов вступить в бой с противником независимо от того, откуда он нападет, с воздуха или с моря. Матросы, зорко вглядываясь в темноту, старались не пропустить мимо глаз и ушей ни малейшего предмета, ни малейшего шороха. Порой штормовой ветер и жгучие соленые брызги убивают ритм наблюдения за горизонтом, но потом снова вглядываешься в темноту и думаешь, чего бы не упустить из виду. И вот раздался оглушительный взрыв, который потряс как будто все море. Это вражеская подводная лодка торпедировала один из наших кораблей боевого охранения – э/миноносец «Деятельный». 16 января 1945 г. Мигом выскочив на верхнюю палубу корабля, мы увидели след трассирующих снарядов, палящих с орудий э/м «Деятельный». Это командир миноносца просил о помощи

* Опущены сведения о нахождении в учебно-подготовительном отряде в городе Чебоксары, в учебном отряде Северного флота на Соловецких островах, воспоминания о Б. Е. Волохове.

** Дата установлена по смежному документу (ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 261. Л. 16 об.).

его экипажу, который успел покинуть тонущий корабль. Но не всем было суждено остаться в живых в ту холодную январскую ночь 1945 г.

Вражеская торпеда, попавшая в борт корабля, разломила его на две части, и корабль затонул буквально в считанные минуты, а л/состав, кто успел покинуть гибнущий корабль, не в силах был долго продержаться в такой холодной, до боли обжигающей воде. Всего было спасено несколько человек, которым была оказана медицинская помощь. В спасении матросов с «Деятельного» наш экипаж э/м «Грозный» не принимал. В это время, когда мы услышали взрыв торпеды, наш командир корабля объявил боевую тревогу. С командного мостика поступила команда приготовиться к бомбометанию. Мой командир отделения минеров Петр Деров, и старшина группы торпедистов мичман Холин, и я быстро вставили боевые запалы в глубинные бомбы, и, доложив на мостик «К бомбометанию по вражеской подводной лодке готовы», получив снова команду от командира «Начать бомбометание», мы начали через определенное время сбрасывать смертоносный груз на головы врага. Содрогаясь от разрывов, э/м «Грозный», описав круг, в котором предполагалось нахождение немецкой подводной лодки, сбросил 10 глубинных бомб весом по 165 кг каждая. Окончив бомбовый удар, «Грозный» пошел догонять караван, который благополучно дошел до горла Белого моря. Но вся эскадра горько переживала за гибель корабля нашей эскадры, за гибель наших боевых товарищей.

По возвращении из этого похода боевые корабли участвовали в поисках вражеских подводных лодок. Однажды при входе в Баренцево море из Кольского залива в феврале 1945 г. на э/м «Грозный» вахтенным сигнальщиком был замечен пенистый след; убедившись, что это вражеская подводная лодка выпустила торпеду по нашему кораблю, он тут же доложил на мостик командиру: «Справа по борту – дистанция 3 кабельтов, вижу след торпеды, идущей на нас». Командир корабля, приняв такую команду, дал экстренное приказание в машинное отделение «Стоп машины». Корабль резко сбавил ход, и смертоносная торпеда буквально в нескольких метрах прошла впереди носовой части нашего корабля и, врезавшись в противоположный берег, взорвалась. За бдительное несение службы на своем боевом посту сигнальщик ст. матрос Кондратьев был удостоен правительственной награды, ордена Отечественной войны 1-ой степени. До окончания войны нашему экипажу еще не раз приходилось участвовать в боевых походах по охране караванов союзников, совершать рейды по обстрелу береговых батарей противника, участвовать в поисках вражеских подводных лодок и их уничтожении. За время войны экипаж э/м «Грозный» потопил одну вражескую подводную лодку, сбил шесть самолетов противника.

Командование Северного флота за отвагу, мужество и стойкость, проявленные л/составом корабля против немецко-фашистских захватчиков, присвоило нашему кораблю название Краснознаменный с вручением ордена Красного Знамени, а многие матросы и офицеры были награждены орденами и медалями. [...]

В. С. Пилюгин

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 261. Л. 2–10.
Подлинник. Рукопись.

№ 85

Письмо Э. И. Сидорова с фронта родным

23 февраля 1945 г.

Добрый день!

Здравствуйте, дорогие мама, Валя, Аля и Эля. С приветом к вам Эмилий. Сообщаю, что жив и здоров. Живу хорошо. Сегодня празднуем 27 годовщину Красной армии. День пройдет весело. Тут снег уже давно сошел, и мадьяре* уже копают огород. А у нас еще зима-зимой. Мы ходим уже днем без шинелей. Тепло.

Мама, пишите чаще письма. Как думаете, в Кандалакше жить или в Варзуге. Все описывайте. Как Аля учится и как Эля растет, и все-все.

Мама, извини, что мало написано, писать совершенно нечего. Вот приеду домой, тогда расскажу, как жил и путешествовал. А сейчас живу хорошо.

До свидания.

Остаюсь жив и здоров и чего вам желаю. Бумаги я просил, не надо, тут есть все: бумага, чернила и карандаши.

Э. Сидоров

Привет всем.

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 193. Л. 4. Подлинник. Рукопись.

№ 86

Из воспоминаний Ф. К. Шаповалова «Штурм логова Гитлера» – о взятии имперской канцелярии Гитлера**

17 апреля 1975 г.***

Штурм логова Гитлера

Мне довелось освобождать Берлин в составе войск прославленной 5-й ударной армии, которой командовал Герой Советского Союза генерал-полковник Берзарин Николай Эрастович, который стал первым комендантом Берлина.

Рассказать о битве за Берлин в небольшой статье практически невозможно. Поведаю читателю только о штурме имперской канцелярии Гитлера и Ставки Верховного Главнокомандования войск фашистской Германии.

В предлагаемом читателю повествовании речь будет идти о событиях последних дней Великой Отечественной войны: 30 апреля, 1 и 2 мая 1945 года.

Во время штурма правительственных кварталов и зданий гестапо, министерства авиации, имперской канцелярии боевое построение нашего 1050-го стрелкового полка было в линию батальонов. Правофланговым наступал мой 2-й батальон, в центре – 3-й, на левом фланге был 1-й батальон. Левый фланг 1-го батальона упирался в

* Так в документе. Письмо написано из Венгрии (установлено по смежным документам).

** Опущены сведения о сосредоточении артиллерийского огня советских войск на Берлин, о встрече с немецкими парламентерами, об автомобилях гитлеровского гаража, а также рассуждения о Берлинских событиях конца апреля – начала мая 1945 г. и о гибели Гитлера.

*** Дата установлена по сопроводительному письму (ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.).

Шаповалов Федор Кузьмич.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

Ландвер-канал*, за которым был правый фланг 8-й гвардейской армии (35-я гвардейская стрелковая дивизия). Правый фланг моего батальона упирался в Вильгельмштрассе**, которая и выводила нас к главному фасаду здания имперской канцелярии Гитлера. Фронтом стояли к Фоссштрассе***.

Первую группу гитлеровских парламентеров мы встречали вдвоем с комбатом нашего 3-го стрелкового батальона майором Михайловым Ильей Захаровичем. Это было 30 апреля 1945 года около 16.00 часов вскоре после овладения рейхстагом частями 150-й Идрицкой стрелковой дивизии. Парламентеров было шесть. Пять офицеров и один солдат с белым флагом в руках.

Что же заставило противника просить прекращения огня?

Что же было перед появлением парламентеров?

Взаимодействуя огнем и маневром с моим батальоном, правее нас наступали батальоны майоров В. А. Ишина, А. Д. Перепелицына, Г. М. Айрапетяна 1054-го стрелкового полка, которым командовал Герой Советского Союза подполковник Радаев Николай Николаевич.

Огневая мощь с нашей стороны с каждой минутой нарастала. К силе полковой, дивизионной, корпусной артиллерии, танков, самоходок, «Катюш» прибавилась неимоверная огневая сила крепостной артиллерии особой мощности. Батальон поддерживала батарея 331-го артдивизиона РГК и дивизион гаубичных 122-мм пушек 823-го артполка, которыми командовали майоры Бадаев Константин Иванович и Полежаев Иван Григорьевич.

Белый флаг гитлеровцев выплеснулся из входа в подземелье со стороны Фоссштрассе. В то время противные стороны разделяла только ширина этой улицы.

Мой батальон занимал основные позиции на этажах одного дома, дом левее занимал 3-й стрелковый батальон. В доме, занимаемом 3-м батальоном, находились командный и наблюдательный пункты командира нашего полка гвардии полковника Гумерова Исхака Идрисовича. Дома моего батальона и батальона майора Михайлова соединял 50-метровый забор с калиткой в центре.

Когда вынырнул покачивающийся из стороны в сторону белый флаг, мы с майором Михайловым доложили об этом Гумерову. Командир полка приказал прекратить огонь.

Минуты через две-три после прекращения нами огня из входа в подземелье вышла группа немецких офицеров: два полковника, два подполковника, обер-лейтенант; впереди них шел солдат с белым флагом. Мгновенно по всему фронту наступила гнетущая, звенящая колокольным звоном тишина. В эту минуту я с майором Михайловым и моим ординарцем сержантом Иваном Квашей пошли навстречу вражеским парламентерам. Остановились у калитки, с волнением и настороженностью ожидая приближения побежденных.

Однако, что же получится? Стоять и прятаться за укрытие? Гитлеровцы не должны, не будут стрелять, ведь мы же не стреляем в них. Я подался вперед за калитку и поплатился за свой оптимизм. О фонарный металлический столб, к которому прислонился, на палец выше головы цокнула вражеская пуля... Михайлов рывком затащил меня за калитку.

– Может быть, до окончания войны остался один час, может, несколько минут, а ты подставляешь свою голову фрицам вместо мишени. Знаешь, сколько еще есть фашистских головорезов, жаждущих крови? – отчитывал меня Илья Захарович.

Подошли парламентеры. Смуглый, не похожий на немца подполковник протянул рукоятью свой «Вальтер». Затем он по-русски сказал, что они уполномочены верховным командованием гитлеровской армии передать пакет маршалу Жукову. Тут же у калитки все остальные парламентеры сдали свое личное оружие и предъявили мандат, удостоверяющий, что полковники фон Дюффинг, Герман, подполковники Зейферт и Эдер уполномочены вести переговоры с высшим командованием Советской Армии о перемирии. Мандат был составлен на русском языке и подписан Геббельсом и Борманом.

Громадный пакет за пятью сургучными печатями на имя маршала Г. К. Жукова держал, как что-то драгоценное и хрупкое, один из подполковников.

Мы сопроводили парламентеров на командный пункт И. И. Гумерова.

По случаю прибытия парламентеров на командный пункт командира полка прибыли командир 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант И. П. Рослый, командир 301-й Сталинской стрелковой дивизии Герой Советского Союза генерал-майор В. С. Антонов, начальник штаба дивизии полковник М. И. Сафонов и еще несколько офицеров вышестоящих штабов.

В кабинет командира полка вошли полковники фон Дюффинг, Герман и подполковник Зейферт. Подполковник Эдер, обер-лейтенант Зегер и солдат с парламентерским флагом остались в приемной. Высокопоставленных посланцев Геббельса с нескрываемым интересом рассматривали капитаны Карибский, Япринцев, майор Михайлов, разведчик командарма Берзарина – гвардии капитан Насырян, Гайнуллин, сержант Кваша и автор этих строк.

Подполковник Эдер – солидный, на немца внешне не похож, прекрасно говорил по-русски. Волосы у него черные, гладко зачесанные назад, лицо круглое, полное. Держался он нагло, самоуверенно.

Надеясь получить хоть скупые данные о судьбе главаря фашистского логова и инициатора развязанной войны, я задал подполковнику вопрос:

– Подтверждаете ли вы тот слух, который дошел до нас от сотрудников школы гестапо (мой батальон брал школу гестапо), что Гитлер якобы застрелился?

Фашист ответил:

– Ерунда, я вчера был у Гитлера на докладе, он прекрасно выглядел и не случайно на днях оформил брак с Евой Браун. Этим актом он показал немцам, что не все потеряно. Слухи о кончине фюрера распространяют наши противники, чтобы внести в наши ряды смятение, бесполезность дальнейшего сопротивления.

Майор Михайлов, в свою очередь, задал Эдеру вопрос:

– Как бы реагировал лично подполковник, войска, обороняющие Берлин, на весть о том, что война уже закончена?

Фашист, не стесняясь в выражениях, ляпнул:

– Мы поцеловали бы друг у друга то место, на котором сидим...

В этот момент открылась дверь кабинета командира полка, и в приемную вышли Дюффинг, Герман, Зейферт, а за ними – И. П. Рослый, В. С. Антонов, М. И. Сафонов, И. И. Гумеров и все остальные.

Перед уходом парламентеров произошел забавный случай, который поставил в неловкое положение геббельсовских посланников и разоблачил их как мародеров. Нервничая, не зная, куда деть руки, Зейферт решил закурить. Он вытащил из кармана массивный серебряный портсигар, предложил по сигарете всем присутствующим.

Антонов, кинув взгляд на портсигар, заметил:

---

* Ландвер-канал – водная артерия Берлина, на которую опиралась большая часть обороны дивизий СС «Норланд».

** Улица в Берлине, на которой располагались правительственные учреждения Пруссии и Германской империи.

*** Улица в Берлине, на которой располагалось здание рейхсканцелярии.

– А сигареты-то храните в русском портсигаре, очевидно, в нем надежнее, господин подполковник...

– Да, это русский портсигар, – смущаясь и глотая окончания слов, выдавил подполковник. – Он попал к нам в качестве трофея еще в 1918 году, когда войска кайзера Вильгельма вступили в пределы Украины... В знак сегодняшней победы России над Германией возвращаю портсигар вам, генерал, – сказал Зейферт и вручил Антонову наш русский серебряный с золотыми вензелями и Георгиевским крестом IV степени массивный портсигар.

В настоящее время портсигар находится в хранилище Центрального музея Советской Армии в Москве*. Как установили историки и эксперты, царь наградил этим портсигаром нашего русского офицера за особые боевые заслуги, которые он совершил в 1890 году.

Было приказано проводить парламентеров до калитки. Личного оружия фашисты не потребовали, а мы и не предложили им его.

Как только парламентеры скрылись в подземелье, вновь стальной ураган огненным смерчем обрушился на противника. Канонада заглушала человеческие голоса, небо закрывали красно-оранжевый дым, облака пыли; ломило в ушах, во рту скапливалась липкая, горькая слюна.

За время приема парламентеров мощь нашей артиллерии значительно увеличилась, так как за 20–30-минутную паузу к нам дополнительно подошли дивизионы пушкарей 823-го артиллерийского полка, танки, самоходки, артиллерия разных калибров и назначений, «Катюши». Представитель 16-й воздушной армии просил указать цели для бомбежки. Капитан-летчик, тыча пальцем в карту – план Берлина, настойчиво требовал от меня:

– Говори, куда бомбить? Мой «батя» ждет у радиотелефона. Покажи, где наши, чтобы не «капнуть» на своих.

Я с удивлением посмотрел на авиатора, на его лицо с выражением величайшей серьезности и озабоченности и рассмеялся...

– Дорогой мой, посмотри на расположение войск, можно ли в такой обстановке бомбить? Мы сидим с тобой в этом доме, а фрицы – вон в том, напротив, на другой стороне улицы. Где гарантия того, чтобы с воздуха «не капнуть», как ты сказал, на головы наших?

Капитан яростно грохнул кулаком по карте. Ему не терпелось внести свою крупицу в дело скорейшего разгрома врага, приблизить конец кровопролитной войны. [...]

Капитан-летчик тоже нашел применение своим силам. Обливаясь потом, он подавал гвардейским минометчикам ракеты и после каждого выстрела приговаривал: «...получайте, гады, горяченький от авиаторов, получайте!..»

Летчик умолял гвардейцев дать ему возможность собственной рукой послать ракету. Шатаясь от усталости, задыхаясь от пыли и дыма, хрипя, просил: «Братцы! Дайте своей рукой нанести ответный удар по извергам».

Гвардейцы удовлетворили просьбу летчика. Он подошел к запальной машинке, уставился красными, воспаленными глазами на здание гитлеровской резиденции и с возгласом: «Получите и мою долю, гады!» – нажал кнопку контакта. Мелькнув желтым хвостом, ракета понеслась к цели... [...]

Гитлеровцы не выдержали такой бомбардировки и 1 мая около 12.00 выбросили белый флаг. [...]

Из подземелья выползли три гитлеровца. Эти «послы» походили больше на мокрых полуобщипанных кур, чем на некогда высокомерных «зондерфюреров». Впереди шел худой, давно не бритый солдат с белым флагом в руках; за ним понуро волоклись два подполковника. С майором Михайловым повторили процедуру встречи парламентеров. Отобрали личное оружие, приняли такой же внушительный пакет на имя маршала Г. К. Жукова, проводили гитлеровцев в штаб полка и вернулись во двор курить. [...]

Парламентеры долго не задержались. Ответ был кратким и категоричным:

– Полная и безоговорочная капитуляция.

Как только парламентеры скрылись в подземелье, эстафетой понеслись слова команды: «О-г-о-нь!»

Опять загремела война.

Но, как ни зла война, как ни жестоки ее законы, как ни печальны ее последствия, – жизнь не капитулировала перед ее «порядками». Шла своим особым путем.

Чтобы накормить жидкой горячей пищей боевых товарищей, лейтенант Гарагуля и шеф-повар Ладутько чудом пробились к нам с кухнями через завалы, заграждения, сквозь колонны танков, автомашин, артиллерии. Они поведали нам о том, что в районах города, занятых нашими войсками, видели вышедших из убежища берлинцев – стариков, женщин, детей. Голод победил страх. Горожане разделывали туши убитых лошадей. Буквально через считанные минуты от вздувшихся конских трупов оставались хвосты да копыта. В городе недоставало продовольствия, воды, электричества, топлива.

– Отходчиво сердце русского солдата, – рассуждал Гарагуля. – Будь гитлеровцы на нашем месте, представляю, что они сейчас бы натворили... У меня от рук фашистов погибли брат, отец-старик. Гады измывались над старухой матерью, сестрами. Когда мы изгнали супостатов с нашей страны и взяли курс на Берлин, я думал: доберусь до логова, ох и отыграюсь на бирюках вот этими рученьками. – Гарагуля с хрустом сжал пудовые кулачищи. – А вот пришел в Берлин, увидел стариков, женщин, детей... Думаю, есть среди них заклятые наши враги, а рука не поднялась, сердце шептало: это нечестный бой, все равно что из-за угла... Почему так? [...]

Гарагуля махнул рукой, стал помогать поварам закатывать походные кухни в укрытия, так как со стороны имперской канцелярии фашисты начали «угощать» нас огнем зенитных полуавтоматических пушек. Наши отвечали все нарастающим огнем. Мощь нашего огня была значительно сильнее, чем это было 30 апреля. [...]

И первую, и вторую группу парламентеров маршал Г. К. Жуков принимать не стал. Гумеров нам, комбатам, говорил, что Георгий Константинович на домогательства парламентеров принять их отвечал: «Делать им у меня нечего, общего языка мы не найдем. Если не соглашаются на полную и безоговорочную капитуляцию, гоните их в три шеи».

Третья группа парламентеров подняла белый флаг 1 мая около 16.00. А мы к тому времени имели уже некоторый опыт: как и чем заставить гитлеровцев просить прекращения огня. Парламентеры на этот раз решили попытать счастья в полосе нашего первого батальона, полагая, что там люди более сговорчивы. Первым батальоном командовал бывший комиссар этого подразделения капитан Давыдов Митрофан Васильевич. Рассказывали нам боевые товарищи, что процедура приема парламентеров была аналогичной нашей. Новым было только то, что группу посланцев Геббельса возглавлял генерал Кребс. Да то, что маршалу Г. К. Жукову надоели домогательства парламентеров. [...]

Во время приема парламентеров и в промежутках между приемами правофланговые штурмовые группы моего батальона просочились к имперской канцелярии и попытались овладеть ею со стороны главного фасада (Вильгельмштрассе), но от мощного огня фашистов они стали нести значительные потери. Решил оставить небольшую отвлекающую группу против главного фасада, а основные силы батальона бросил в обход со стороны сада. Командир 4-й роты старший лейтенант И. И. Яковлев (ныне подполковник Советской Армии) приказал пробить в бетонном заборе бреши, и воины его роты первыми проскочили во двор имперской канцелярии. Завязался бой с тыла, откуда гитлеровцы нас не ожидали. Туда же пробивались воины 5-й и 6-й рот, которыми командовали старшие лейтенанты Храмов и Рабенко.

* С 1951 года – Центральный музей Советской Армии, с 1965 года – Центральный музей Вооруженных Сил.

Взаимодействуя огнем и маневром, штурмовые группы, преодолевая сопротивление гитлеровцев, метр за метром продвигались к зданию имперской канцелярии. Стремительно перебегая от одного укрытия к другому, бросая гранаты и стреляя на ходу, ведут своих бойцов на решающий штурм командиры взводов: младший лейтенант Александр Антонов, лейтенанты Федоров, Трубачев, Буковский; старшие лейтенанты Песков и Косенко...

В боевом строю сражающихся – пулеметчики грозных «Максимов» лейтенантов Важдаева, Еганова, Беляева, связисты лейтенанта Знаменского, минометчики старшего лейтенанта Ивана Седова, артиллеристы старшего лейтенанта Багирова, пэтээровцы старшего лейтенанта Ермолина...

Особенно жаркий бой разгорелся у круглого бетонного бассейна, где некогда струились брызги фонтана, расположенного против одной из дверей в здании имперской канцелярии со стороны сада. Эсэсовцы, прикрываясь бетонными стенами бассейна, упорно обороняли вход во дворец Гитлера. Они забрасывали наших воинов гранатами, поливали автоматным и пулеметным огнем. Ураган свинца жестоко хлестал из каждого этажа и окна здания рейхсканцелярии. Зло огрызался огнем пушки и пулеметов броневик, прикрывавший вход в подземный фюрербункер.

Артиллерист Евгений Рыжков и пулеметчик Матейко, сержант-связист Федорченко Николай Федорович, сержант Серегин и рядовые Иван Боковой, Михаил Островский, сержант-пэтээровец Иван Залыгаев, старшина Николай Рыжонков сосредоточили огонь противотанковых ружей, гранат и фаустпатронов на броневике, который мешает продвижению наших стрелков, автоматчиков. Метким огнем они заставили его замолчать навечно. Теперь из бойниц и дверей фюрербункера бьют лишь пулеметы и автоматы.

А в этот момент сержант Решетников огнем «Максима» отразил несколько яростных контратак врага, который пытался ударить во фланг, ворвавшись в сад имперской канцелярии. Осколками рядом разорвавшейся мины Решетникову оторвало обе ноги. Но он продолжал косить наседающего врага. Контратаки были отбиты, но Решетников погиб. Его мужественные руки прикипели к рукояткам пулемета. Уносить героя с места сражения пришлось вместе с боевым орудием. Капитан Карибский с помощью лейтенантов Важдаева, Еганова, Беляева и рядового Петра Колотовкина вынесли Решетникова вместе с пулеметом в один из подъездов соседнего здания. И только там с большим усилием удалось оторвать руки сержанта от его верного боевого оружия.

Натиск советских воинов усиливался. В бреши, пробитые в заборе сада, все больше проскакивало бойцов других батальонов нашего полка, других полков нашей дивизии. [...]

Воспользовавшись временным замешательством гитлеровцев, бойцы Алимова, Никулиной, Антонова, Федорова, Коломийцева стали щедро бросать гранаты в окна апартаментов фюрера. Следом за разрывами карманной артиллерии наши воины, подсаживая друг друга, бросились в окна здания и завязали бой в самом здании. Началось трудное сражение за каждую комнату рейхсканцелярии. Во главе одной из штурмовых групп 4-й стрелковой роты одной из первых ворвалась в здание дворца Гитлера майор Никулина Анна Владимировна.

В момент, когда бойцы выбивали гитлеровцев из многочисленных комнат и кабинетов, Анна Владимировна, поднявшись с боевыми соратниками по разбитым маршам лестничной клетки на третий этаж, а затем и на чердак, прикрепила обрывком телефонного провода алое Знамя Победы к металлическому штырю антенны на крыше здания гитлеровской резиденции.

Наземная часть рейхсканцелярии была в наших руках. Теперь стояла более сложная задача – ворваться в подземные апартаменты фюрера. Бойцы, руководимые Рабенко, Егоренковым, Песковым и моим заместителем по политчасти И. Ф. Осиповым, продолжали штурм фюрербункера. Подбитый броневик, бетономешалки, транспортеры, груды строительного материала являлись укрытием для обороняющих ключевую позицию подземного здания Гитлера. Неоднократные попытки приблизиться к двери и бойницам бетонного бункера, чтобы бросить внутрь несколько гранат, отражались губительным огнем эсэсовцев.

На помощь атакующим пришли истребители танков взвода 45-мм пушек старшего лейтенанта Багирова.

Начальник штаба капитан Карибский до конца войны остался в душе и на практических делах пулеметчиком-истребителем живой силы врага. Он находился еще под сильным впечатлением гибели командира пулеметного расчета сержанта Решетникова.

И теперь с несошедшей с его лица суровостью он свершал смертный суд над фашистами за жизнь и кровь отважного пулеметчика. В его профессиональных руках «Максим» работал безотказно. Примеру Карибского последовали командиры пулеметных взводов лейтенанты Важдаев, Еганов, Беляев. Командир взвода связи лейтенант Знаменский в паре с рядовым своего взвода Тамразом, в тесном взаимодействии со связистами Василием Машкиным и Иваном Сидоровым вели беглый огонь из противотанкового ружья и ручного пулемета.

Сопротивление гитлеровцев у входа в бункер было подавлено, большая часть их была уничтожена. Это дало теперь возможность перенести огонь по амбразурам и двери самого убежища. Используя сложившуюся обстановку, несколько бойцов старшего лейтенанта Пескова забросали бойницы и двери бункера гранатами. Начались бои в подземных лабиринтах.

К 12.00 2 мая подземная и наземная резиденции Гитлера были, в основном, очищены от фашистов, хотя в отдельных зданиях гитлеровцы продолжали сопротивляться до 15 часов. Под решительным натиском наших войск окруженный и расчлененный гарнизон «цитадели» начал сдаваться в плен.

Специально выделенные подразделения взяли под охрану захваченные правительственные учреждения. Другие подразделения принимали пленных, оружие. Мой батальон получил задачу охранять наземную и подземную резиденции фюрера. Заместитель командира 301-й Сталинской стрелковой дивизии полковник Шевцов Василий Емельянович был назначен комендантом здания имперской канцелярии. Перед уходом дивизии в другой район Берлина Военный совет 5-й ударной армии назначил комендантом имперской канцелярии подполковника Платонова Федора Гавриловича – офицера штаба армии. Это было 6 мая 1945 года.

В лабиринтах подземелья да и в наземном дворце разобраться было нелегко. Плененный нами в имперской канцелярии гитлеровец-майор охотно согласился быть нашим гидом. Он с заметным акцентом говорил по-русски. Его услугами все показать и рассказать мы решили воспользоваться. Водил он нас по кабинетам и подземным комнатам, рассказывал, кому они принадлежали и для чего были предназначены.

Все выглядело словно после жестокого шторма: перевернутые столы, кресла, разбитые зеркала, раскрытые чемоданы с перерытым содержанием, сундуки, коробки с орденами, медалями, погонами, петлицами валялись разбросанные по полу. Стекла разбитых бутылок и зеркал неприятно скрежетали под ногами.

Во всех помещениях стоял своеобразный сладковато-приторный запах сгоревшей взрывчатки и острый запах карболовой кислоты. Этот запах преследовал нас и в подземелье, и в кабинетах наземного дворца.

В одной из комнат подземелья майор показал нам умерщвленных детей Геббельса. Недалеко от входа в бункер лежали полуобгоревшие трупы самого Геббельса и его жены Магды. Не опознать Геббельса было невозможно: колченогая нога – ясное тому доказательство. Да и голова с оскалом зубов очень походила на ту, какой ее изображали наши известные художники Кукрыниксы на карикатурах в газетах и журналах. Продолжая осмотр многочисленных подземных комнат, мы заметили, что двери четырех из них, между комнатами Геббельса и кабинетом Гитлера, были закрыты. Немец-майор

открыл одну из них. Здесь мы увидели труп мужчины, одетого в черный гражданский костюм, с пулевой раной на лбу. Образ мужчины чем-то походил на Гитлера. А походил он такими же усами, какие я видел на портретах. У этого, на мой взгляд, лицо выглядело моложавым и несколько узким. «Но, может быть, это признак насильственной смерти», – подумал я.

Спросил у майора: «Гитлер?» «Найн»*, – ответил он и дал знак следовать к соседней двери. Открыв ее, он кивком головы предложил посмотреть, что делается в смежной комнате. Тут лежал примерно такой же комплекции и возраста мужчина, одетый в военный костюм, и тоже с пулевой раной на лбу. Второй смертник был с такими же усами и тоже напоминал обличьем Гитлера. У этого лицо было заметно скуластым. У меня, очевидно, глаза сделались квадратными. Я перевел вопросительный взгляд на нашего «гида».

– Два Гитлера? – спросил я у майора.

– Цвай** Гитлер не бывает. Это эрзац-гитлеры, – объяснил майор. Двойники, – повторил он и рассказал, что в кулуарах резиденции фюрера он слышал неофициальную версию, что у Гитлера было девять двойников.

Две другие комнаты оказались пустыми, если не считать, что в них царил полнейший хаос в виде разбросанной одежды, чемоданов и бумаг.

– А где же настоящий Гитлер? – спросили мы у майора.

Жестом руки он попросил следовать за ним и зашагал по ступеням вверх. Он вывел нас в сад рейхсканцелярии. Здесь мы полной грудью дышали более свежим воздухом, но запахи карболовой кислоты преследовали нас и тут. Майор шел к знакомому нам по недавнему сражению броневику. Метрах в десяти-пятнадцати от кормовой части бронеавтомобиля заметили следы большой воронки то ли от крупнокалиберного снаряда, то ли от бомбы.

– Здесь, – сказал майор, – зарыты трупы Гитлера и Евы Браун. Я сам не видел захоронения, но мне говорили из числа офицеров охраны фюрера, – продолжил в заключение он.

В воронке лежали две канистры, третья стояла ближе к броневику. То ли броневик заправлялся бензином из этих канистр, то ли бензин из них истрачен на сожжение Гитлера и его новоиспеченной супруги?

Майор, уловив наши предположения, подтвердил, что бензин пошел на сжигание трупов фюрера и Евы Браун.

Полковник В. Е. Шевцов, инструктируя нас по деталям и особенностям охраны объектов, строго-настрого предупредил, чтобы мы до получения особых указаний ничего не трогали и не позволяли этого делать многочисленным посетителям. «Пусть все находится в таком положении, в каком оно находилось, когда вы ворвались сюда», – приказал заместитель командира дивизии.

Чтобы любопытствующие не топтались и не рылись в воронке, я приказал командиру 4-й роты И. И. Яковлеву имитировать этот район «заминированным». Под его руководством старший сержант Прохач и сержант Кваша присыпали рыхлым грунтом гранату фаустпатрона без взрывателя и поставили колышек с дощечкой, на которой написали: «Опасно для жизни. Заминировано!»

Нам с большим трудом удавалось выполнить приказ полковника В. Е. Шевцова. Воины других частей, других армий и фронтов, фронтовые журналисты и фотокорреспонденты проявляли большой интерес к фашистскому логову. Многим хотелось иметь сувенир в память о пребывании во дворце Гитлера, на память об историческом разгроме фашизма в его собственном логове.

На всю жизнь врезалась в память встреча и непринужденная беседа с известными писателями и журналистами, а в то боевое время – военными корреспондентами: Мартыном Мержановым, Борисом Горбатовым, Всеволодом Вишневским, Александром Кривицким, Вл. Рудимом, Модестом Шерстобитовым, Павлом Караваном и многими другими. Они придирчиво расспрашивали о всех, даже мелких, деталях штурма Берлина и имперской канцелярии, об обстановке, которая в тот момент тут царила. Больше всего их интересовало настроение наших воинов и их героические подвиги. Журналисты просили некоторые детали конкретизировать, уточнить, а сами бойко строчили перьями в своих вечных спутниках-блокнотах...

В подземном кабинете Гитлера я подобрал на полу среди бумаг жезл фельдмаршала Роммеля. Его передал вместе со штандартом фюрера генералу Ф. Е. Бокову в момент посещения Военным советом 5-й ударной армии имперской канцелярии. Ему же я вручил оперативную карту Гитлера, которую взял со стола фюрера.

Тот, кто посещал Центральный музей Советской Армии в Москве, тот видел в зале Победы экспонирующийся там парадный штандарт Гитлера. Штандарт лежит в центре на гитлеровских знаменах перед картиной «Парад Победы 24 июня 1945 года и сбрасывание знамен фашистской армии к подножию Мавзолея В. И. Ленина»*.

Жезл Роммеля находится в хранилище ценностей музея. [...]

6-го мая 1945 года охрану имперской канцелярии приняли на себя воины 3-го стрелкового батальона 1371-го стрелкового полка 416-й стрелковой дивизии. Батальоном командовал майор Яковлев.

Нас отвели в Трептов-парк на отдых.

Ф. К. Шаповалов

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 20. Л. 13–38. Подлинник.
Машинопись с редакторскими правками.

* Нет (nein – немецк).

** Два (zwei – немецк.).

№ 87

Из воспоминаний Н. Ф. Агейкина «Дни всенародного торжества» – об участии в Параде Победы

3 мая 1975 г.

В ту ночь – с 8 на 9 мая 1945 года – советский народ не сомкнул глаз... Все ожидали, волнуемые радостными слухами, что летели из села в село, из города в город, из дома в дом, крылатое слово «победа». В три часа ночи зазвенела знакомая мелодия позывных: радио возвестило о подписании акта безоговорочной капитуляции фашистской Германии и огласило Указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что наступающий день 9 мая объявляется днем всенародного торжества, праздником Победы.

Все улицы были залиты ликующими толпами. Этот День всенародного торжества, который вошел в календари веков и поколений, Москва ознаменовала завершающим салютом Победы. 369 по счету салют 30 залпов из 1000 пушек в честь Красной армии и ее окончательного торжества над врагом. Он был ярче и громче, чем все предыдущие.

Салют Москвы дублировался за рубежом – в Берлине и Вене, в Будапеште и Бухаресте, на берегах Одера и Дуная.

Через полтора месяца, 24 июня 1945 года, в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы. Такого триумфа не знала до сих пор история. Боевая слава победителей

* Вероятно, имеется в виду фотография Центрального музея Советской Армии (с февраля 1951 г.) «Парад Победы на Красной площади. Воины Красной Армии бросают трофейные знамена фашистской Германии к подножию Мавзолея В. И. Ленина. 24 июня 1945 года».

Агейкин Николай Федорович.
1968 г.
МОМ ОФФ 15435/1807-1.

войны переместилась сюда, подступив вплотную к древнему Кремлю, заполнив прилегающие улицы и площади.

Напротив трибуны мавзолея застыли, как один человек, сводные полки всех десяти фронтов и Военно-Морского флота. Само построение их как бы отражало стратегическую карту победоносного наступления от Ледовитого океана до Черного моря: первыми стояли герои самого северного Карельского участка, за ним воины Ленинградского и Прибалтийского фронтов, дальше бойцы Белорусских фронтов и т. д. В рядах участников парада были представители всех родов войск: пехотинцы и летчики, артиллеристы и саперы, танкисты и минометчики.

К девяти ноль-ноль наш сводный полк 2-го Белорусского фронта строем прибыл на Красную площадь. Построились по общему ранжиру, форма одежды у нас была: темно-синие суконные брюки, парадный мундир защитного цвета и стальная каска.

В первых рядах нашей колонны с 37 боевыми знаменами, чеканя шаг, по брусчатке Красной площади шли знаменосцы, сжимая в руках древко боевого знамени 162-й стрелковой дивизии, шел в этом строю и я.

В этот торжественный момент я с волнением вспоминал первый мирный день вдали от Родины, своих товарищей однополчан: Тетерюкова, Рыченкова, Остапова, Макушина и других.

Это было севернее Ростока на берегу Мекленбургской бухты.

Утро 9 мая 1945 года было солнечным и теплым, мы находились у своих орудий, стоявших на берегу, и любовались морем. Примерно часов в 8 утра к нам прибежал начальник штаба дивизиона капитан В. И. Бревнов, он еще издали радостно кричал нам:

– Победа! Товарищи! Победа! Германия капитулировала!

Несколько дней спустя капитан Бревнов вновь приходит к нам и говорит:

– Товарищ Агейкин, срочно идите в штаб полка. Поедете на Парад Победы в Москву.

– Вы шутите, товарищ капитан?! – не поверил я сначала.

Но капитан улыбнулся и повторил то же самое. Чувство радости, восторга и гордости заполнило мое сердце, когда в Щецине нас, знаменосцев, лично проверял Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский. Как только прославленный в боях и походах маршал подошел ко мне, я доложил ему, какой дивизии знамя... Он улыбнулся и, измерив мою высокую фигуру взглядом, сказал:

– Богатырь! Настоящий русский богатырь!

Эти слова до сих пор звучат в моих ушах. После короткой паузы маршал добавил, что Москва будет потрясена. Каждый из нас понимал это слово по-разному, но, когда мы прибыли в Москву, только тогда мы могли понять, к чему это было сказано. Проходя по улицам Москвы, мы видели, с какой любовью встречают нас жители, с цветами, радостными улыбками и слезами на лицах. К чувству радости победы примешивалось чувство горечи за утрату родных и близких во имя этой Победы.

Н. Ф. Агейкин

ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 145. Л. 2–3.
Подлинник. Машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Карта боевых действий на Кольском полуострове. 1941–1944 гг.
ГАМО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 14. Л. 60.

На КП 14-й армии Карельского фронта. Второй справа – М. И. Старостин, первый секретарь Мурманского ОК ВКП(б), член Военных советов Северного флота и 14-й армии. 1942 г.
ГАМО. Ф. Р-1537.

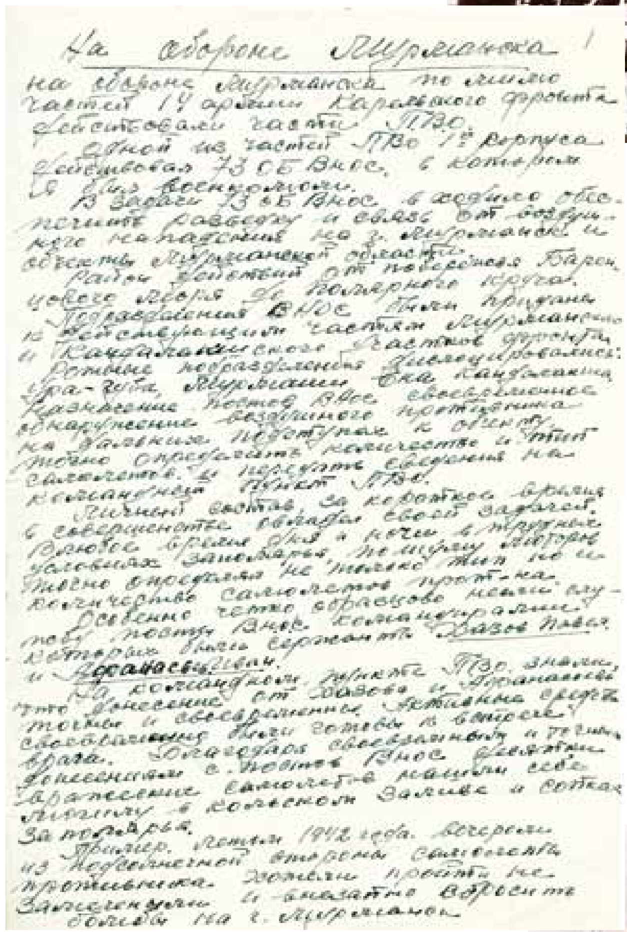
Партийное собрание в 10-й гвардейской стрелковой дивизии. 1941 г.
ГАМО. Ф. Р-947. Оп. 5. Д. 912.

Командующий Северным флотом вице-адмирал А. Г. Головко и командующий 14-й армией генерал-лейтенант В. И. Щербаков в Полярном. 1943 г.
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 300. Л. 21.

Г. В. Елисеев (второй справа), первый секретарь Кандалакшского ГК ВКП(б), председатель городского комитета обороны, в 38-й гвардейской танковой бригаде 19-й армии. 1944 г.
МОМ КП 18828/3.

Первая встреча ветеранов Полярной дивизии в г. Мурманске.
Слева направо: Т. М. Черемных, А. С. Ессеев, Н. С. Сакин, А. С. Батрак, А. И. Киселев, В. В. Тарачков. 4 сентября 1972 г.
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 605. Л. 34.

Красноармейцы 27-го отдельного полка связи обеспечивают переговоры Военного совета 14-й армии с Москвой (2-й справа во втором ряду – М. И. Старостин). Ноябрь 1941 г.
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 594. Л. 67.



На обороне Мурманска

На обороне Мурманска по мимо частей 14 армии Карельского фронта действовали части ПВО.
Одной из частей ПВО 1-го корпуса действовал 73 ОБ ВНОС, в котором я был военкомом.
В задачи 73 ОБ ВНОС входило обеспечить разведку и связь от воздушного нападения на г. Мурманск и объекты Мурманской области.
Район действий от побережья Баренцева моря до Полярного круга.
Подразделения ВНОС были приданы к действующим частям Мурманского и Кандалакшского участков фронта.
Ротные подразделения дислоцировались: Ура-Губа, Мурманск, ст. Кандалакша.
Назначение постов ВНОС своевременное обнаружение воздушного противника на дальних подступах к объекту и точно определить количество и тип самолетов и передать сведения на командный пункт ПВО.
Личный состав за короткое время в совершенстве овладел своей задачей.

Фрагмент воспоминаний В. И. Кумбышева, подполковника в отставке, бывшего военкома 73 ОБ ВНОС I-го корпуса ПВО. 1966 г.
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 306. Л. 1.

Секретари Мурманского обкома ВЛКСМ (слева направо): В. С. Стеклов, Л. И. Меньшиков (в годы Великой Отечественной войны – первый секретарь Мурманского обкома ВЛКСМ). 22 декабря 1940 г.
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 603. Л. 32.

Смирнов Александр Сергеевич, командир партизанского отряда «Большевик Заполярья» во время похода по партизанскому маршруту. Район Кучин-тундры. Апрель 1978 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.

Возвращение из похода. Впереди – командир взвода партизанского отряда «Большевик Заполярья» Г. М. Колтаков. 1943 г.
ГАМО. Ф. Р-1383. Оп. 2. Д. 45.

Строевая записка

Сведения о личном составе партизанского отряда «Большевик Заполярья» на 25 мая 1944 г.
ГАМО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

Смерть немецким оккупантам!

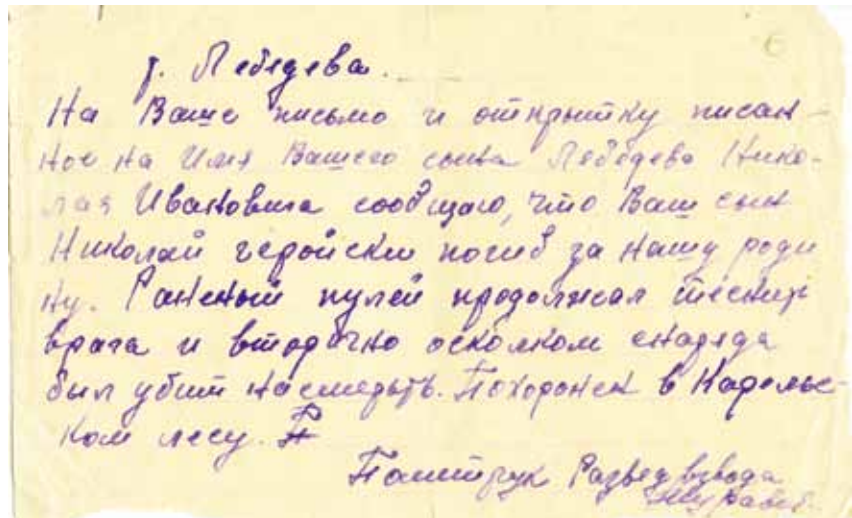
Куда: Гор. Мурманск, Ленинский пр. д. 22 кв. 14

Кому: Павловой Наталии Федоровне

Обратный адрес: Полевая почта № 38706 Г

Письмо мурманчанина А. И. Павлова с фронта матери Павловой Наталии Федоровне.
Погиб 7 октября 1944 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 187. Л. 23 об.

Письмо А. И. Колесникова с фронта сестре Колесниковой Наталье Ивановне.
Погиб 9 сентября 1944 г. в возрасте 18-ти лет.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 176. Л. 2 об.



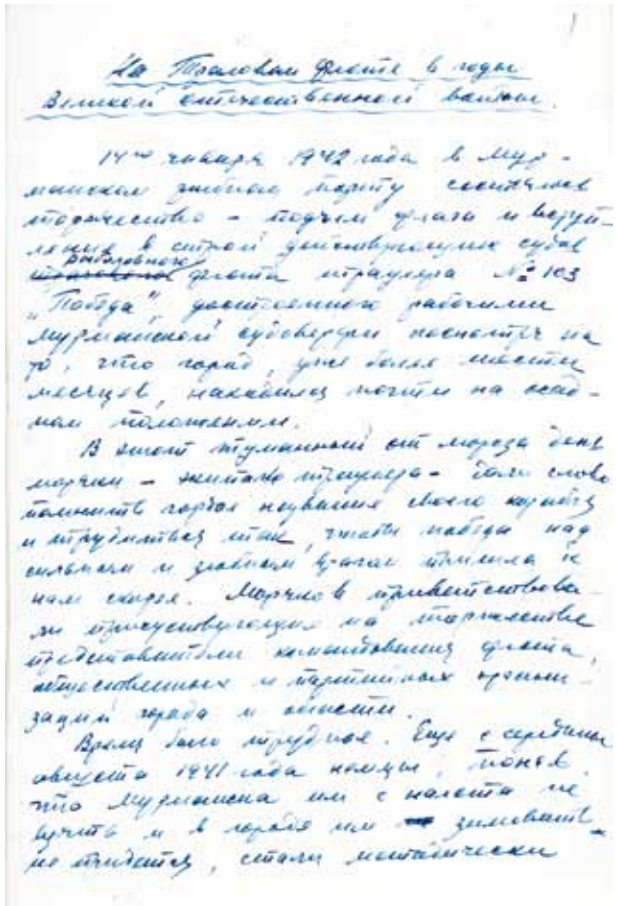
г. Лебедева.

На Ваше письмо и открытку писанное на имя Вашего сына Лебедева Николая Ивановича сообщаю, что Ваш сын Николай геройски погиб за нашу родину. Раненый пулей продолжал бить врага и вторично осколком снаряда был убит насмерть. Похоронен в Нарольском лесу.

Политрук Разведвзвода

Письмо матери о гибели ее сына, красноармейца Н. И. Лебедева, 1921 года рождения, мурманчанина. Закончил школу № 12, ФЗО при Мурманской судоверфи. Призван в Красную армию в октябре 1941 г. Убит 25 ноября 1941 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 181. Л. 6.

Делегация трудящихся Мурманской области возвращается из Ленинграда после доставки рыбопродукции. Слева направо в первом ряду: И. К. Высоков, М. Н. Елсукова, Г. Г. Тисленко, П. М. Елисеев, В. А. Прокофьев, П. И. Буянова, Прилуцкий; во втором ряду: И А. Сулякаев, Е. Н. Пречистенский. 1944 г.
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 133. Л. 7.



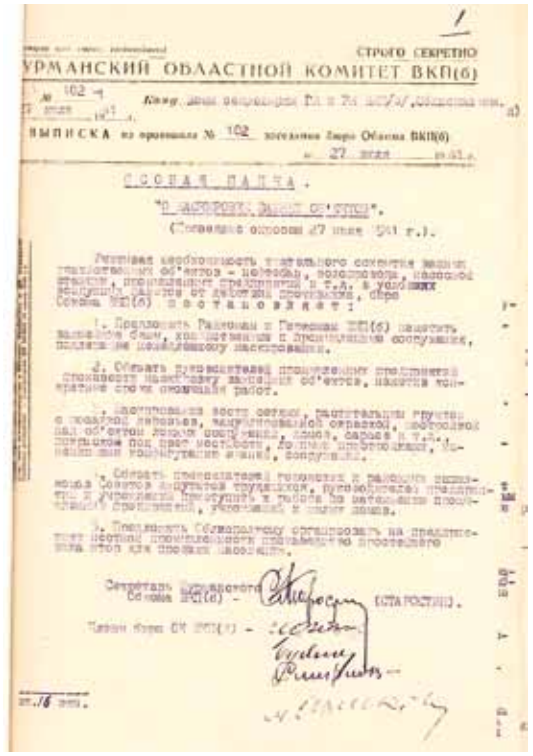
На Траловом флоте в годы Великой отечественной войны.

14-го января 1942 года в Мурманском рыбном порту состоялось торжество – подъем флага и вступление в строй действующих судов рыболовного флота траулера № 103 „Победа", достроенного рабочими Мурманской судоверфи, несмотря на то, что город, уже более шести месяцев, находился почти на осадном положении.

В этот туманный от мороза день моряки – экипажи траулера – дали слово помнить гордое название своего корабля и трудиться так, чтобы победа над сильным и злобным врагом пришла к нам скорее. Моряков приветствовали присутствующие на торжестве представители командования флота, общественных и партийных организаций города и области.

Время было трудное. Еще с середины августа 1941 года немцы, понял, что Мурманска им с налета не взять и в городе им зимовать не придется, стали методически

Фрагмент воспоминаний и рисунок капитана рыболовного траулера № 103 «Победа» Г. С. Попова.
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 145. Л. 1, 9 об.



СТРОГО СЕКРЕТНО

УРМАНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

№ 102

ВЫПИСКА из протокола № 102 заседания бюро Обкома ВКП(б)

27 июля 1941 г.

ОСОБАЯ ПАПКА.

"О маскировке важных объектов".

(Проведено опросом 27 июля 1941 г.).

Постановляет:

1. Предложить Райкомам и Горкомам ВКП(б) наметить важнейшие ближ. хозяйственные и промышленные сооружения, подлежащие немедленному маскированию.

2. Обязать руководителей промышленных предприятий произвести маскировку важнейших объектов, наметив конкретные сроки окончания работ.

3. Маскировка всех сетей, растительных грунтов с посадкой деревьев, вакуумировавшей окраской, [illegible] над объектом [illegible] сооружения, домов, сараев и т.д., покрытием под цвет местности, [illegible] сооружений.

4. Обязать председателей городских и районных исполкомов Советов депутатов трудящихся, руководителей предприятий и учреждений приступить к работе по затемнению промышленных предприятий, учреждений и целых домов.

5. Предложить Облисполкому организовать на предприятиях местной промышленности производство простейшего вида штор для продажи населению.

Секретарь Мурманского Обкома ВКП(б) – (СТАРОСТИН).

Начальник бюро ОК ВКП(б) –

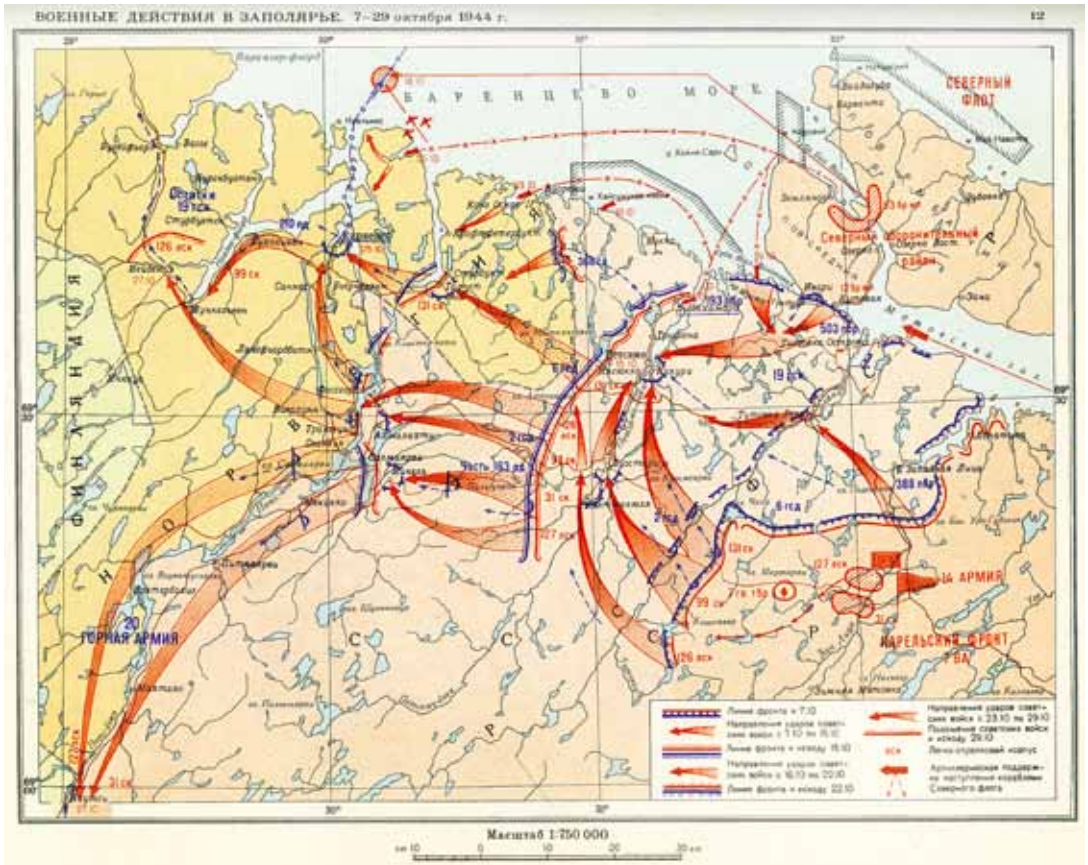
Постановление бюро Мурманского обкома ВКП(б) «О маскировке важных объектов». 27 июля 1941 г.
ГАМО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 384. Л. 1.

После воздушного налета вражеской авиации. 1942 г.
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 99. Л. 3.

Телеграмма о собранных населением Мурманской области вещах для Красной армии. 1941 г.
ГАМО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 393. Л. 96.

На пересечении улиц Пушкинской и Профсоюзов. Мурманск. 1942 г.
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 99. Л. 9.

На наблюдательном пункте командующего 14-й армией. Слева направо: член Военсовета СФ вице-адмирал А. А. Николаев, командующий Карельским фронтом маршал К. А. Мерецков, командующий 14-й армией генерал-лейтенант В. И. Щербаков и член ВС Карельского фронта генерал-полковник Т. Ф. Штыков. Октябрь 1944 г.
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 300. Л. 27.



Карта боевых действий во время Петсамо-Киркенесской операции. 7–29 октября 1944 г. / История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6-ти т. – Т. 4. – Москва, 1961.

Хроника основных событий периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Кольском Севере

29 июня 1941 г.	Началось наступление немецко-фашистских войск на Мурманском направлении.
1 июля 1941 г.	Началось наступление немецко-фашистских войск на Кандалакшском направлении.
Сентябрь 1941 г.	В Мурманске сформирована Полярная дивизия, с 28 сентября 1941 г. – 186-я стрелковая дивизия, с 26 июня 1943 г. – 205-я стрелковая дивизия.
Сентябрь 1941 г.	В результате кровопролитных боев противник окончательно остановлен на рубеже реки Западная Лица (Мурманское направление), на рубеже озер Верхний и Нижний Верман (Кандалакшское направление).
Ноябрь 1941 г.	По решению Военного совета 14-й армии сформировано три армейских оленетранспортных подразделения.
21 декабря 1941 г.	В Мурманск прибыл первый союзный караван с военными грузами из Англии (в Архангельск первый союзный конвой под кодовым названием «Дервиш-1» прибыл 31 августа 1941 г.).
18 июня 1942 г.	Самая разрушительная бомбардировка г. Мурманска. В городе сгорело свыше 600 деревянных зданий, разрушено 7 каменных домов.
Июль 1942 г.	Сформированы и начали действовать партизанские отряды «Большевик Заполярья» и «Советский Мурман».
Сентябрь 1944 г.	В начале сентября на Кандалакшском направлении войска 19-й армии Карельского фронта (командующий – генерал-майор Г. К. Козлов) перешли в наступление и к концу месяца вышли на советско-финляндскую границу.

7 октября 1944 г.	Началась наступательная Петсамо-Киркенесская операция. По приказу ставки Верховного Главнокомандования войска 14-й армии Карельского фронта (командующий – генерал-лейтенант В. И. Щербаков) во взаимодействии с частями Северного военно-морского флота (командующий – адмирал А. Г. Головко) разгромили группировку гитлеровских войск и освободителями вошли в Северную Норвегию.
12 октября 1944 г.	Взят важный узел обороны противника Луостари.
15 октября 1944 г.	Освобожден Петсамо – древняя русская Печенга.
25 октября 1944 г.	Освобожден норвежский город Киркенес, крупная военно-морская база гитлеровцев.
1 ноября 1944 г.	Москва салютовала войскам, завершившим разгром врага на Кольском полуострове, 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.
5 декабря 1944 г.	Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждена медаль «За оборону Советского Заполярья».
2 декабря 1982 г.	Указом Президиума Верховного Совета СССР Мурманск награжден орденом Отечественной войны I степени.
18 октября 1984 г.	Указом Президиума Верховного Совета СССР Кандалакша награждена орденом Отечественной войны I степени.
6 мая 1985 г.	Указом Президиума Верховного Совета СССР городу Мурманску присвоено почетное звание города-героя за мужество и стойкость, проявленные при защите Мурманска воинами Армии и Флота, жителями города в годы Великой Отечественной войны.

Список сокращений

ап – авиационный полк
артогонь– артиллерийский огонь
артподготовка – артиллерийская подготовка
архив МО – Центральный архив Министерства обороны
Арх-порт – порт Архангельск
Б. Вудъявр – Большой Вудъявр
б/п – буксирный пароход
ВВС СФ – военно-воздушные силы Северного флота
вз. – взвод
ВГК – Верховное Главнокомандование
ВМФ – Военно-Морской Флот
ВПА – военно-политическая академия
ВС – Военный совет
в/часть – войсковая часть
в/комендатура – военная комендатура
гап – гаубичный артиллерийский полк
геп – горно-егерский полк
ГКО – Государственный Комитет Обороны
ГлавПУР РККА – Главное политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной армии
гос. – государственная
ГЭС – гидроэлектростанция
дзот – деревоземляная огневая точка
ДКА – Дом Красной армии
ДМО – Дом междурейсового отдыха моряков
дот – долговременная огневая точка
ДШК (Дегтярев–Шпагин–крупнокалиберный) – станковый крупнокалиберный пулемет
жел. – железная
зап – зенитно-артиллерийский полк
ЗИС – завод имени Сталина
иап – истребительный авиационный полк
ИТР – инженерно-технические работники
к-н – капитан
ком. – командир
к. о. – командир отделения
КП – командный пункт
КП – книга поступлений
к/ф – кинофильм
КФ ССР – Карело-Финская ССР
лап – легкий артиллерийский
л/с, л/состав – личный состав
М. Вудъявр – Малый Вудъявр
минзаг – минный заградитель
мл. – младший
МО – катер «малый охотник»
МОМ – обозначение принадлежности музейного предмета Мурманскому областному краеведческому музею
МПВО – местная противовоздушная оборона

мсб – медико-санитарный батальон
мсбр – морская стрелковая бригада
МТО – материально-техническое обеспечение
МХП – Министерство химической промышленности
нач. орг. отдела – начальник организационного отдела
начфин – начальник финансовой службы
НВФФ – научно-вспомогательный фотофонд
нп – населенный пункт
ОБ ВНОС – отдельный батальон воздушного наблюдения оповещения и связи
облзо – областной земельный отдел
ОВ – отравляющие вещества
ОВР – Охрана водного района Северного флота
оиптд – отдельный истребительный противотанковый дивизион
ОКС – отдел капитального строительства
опб – отдельный пулеметный батальон
ОРАЭ – объединенная разведывательная авиаэскадрилья
ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
ОФ – основной фонд
ОФФ – основной фотофонд
ПА – полевая артиллерия
пап – пушечный артиллерийский полк
п/бак – полубак
пб – пулеметный батальон
ПВ – пограничные войска
ПО Арм – политотдел армии
ПТО – противотанковое орудие
ПТР – противотанковое ружье
пульбат – пулеметный батальон
РГК – Резерв Главного Командования
РПД – ручной пулемет Дегтярева
САУ – самоходная артиллерийская установка
СВТ – самозарядная винтовка Токарева
СКА – сторожевой катер
СОР – Северный оборонительный район
сб – стрелковый батальон
сд – стрелковая дивизия
ск – стрелковый корпус
сп – стрелковый полк
ст. – старший
стр., стрелк. – стрелковая (ый)
ТПВ – топливная подготовка вагонов
ТПО – транспортно-потребительское общество
УП – участок прикрытия
ур – укрепленный район
ЦШИСП при ГУВВО НКО СССР – Центральная школа инструкторов снайперской подготовки при Главном Управлении Всевобуча Народного комиссариата обороны СССР
э/м – эскадренный миноносец

Сведения об авторах публикуемых документов

Агейкин Николай Федорович (23.12.1923–14.07.1991) – старшина, командир орудийного расчета 384-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка 54-й армии 3-го Прибалтийского фронта. Родился в д. Ивановка Липецкого р-на Липецкой обл. Работал слесарем ремонтно-дорожного участка на железнодорожной станции Хитола в Карелии. С сентября 1941 г. – наводчик, затем командир расчета противотанкового орудия. Воевал на Ленинградском, 3-м Прибалтийском, 2-м Белорусском фронтах. Участник Парада Победы. В колонне знаменосцев 2-го Белорусского фронта нес знамя 192-й сд. В дальнейшем – мастер хозяйственного участка на Кандалакшском алюминиевом заводе. Полный кавалер ордена Славы. Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями.

Аккуратов Василий Никонорович (14.01.1922–02.12.1990) – наблюдатель горно-лавинной станции снежно-метеорологической службы комбината «Апатит». В г. Кировске с 1936 г. С 1940 г. – в снежно-метеорологической службе комбината «Апатит». С сентября 1941 по декабрь 1945 гг. – в РККА. Воевал в различных подразделениях Карельского, Центрального и 1-го Украинского фронтов. В дальнейшем – многолетний руководитель цеха противолавинной защиты комбината «Апатит», создатель первой в мире генетической классификации лавин, кандидат географических наук. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями.

Аксенов Е. П. (12.04.1919–?) – сержант, командир пулеметного отделения 348-го отдельного пулеметного батальона Северного оборонительного р-на Северного флота. Родился в п. Териберка. Капитан рыболовного сейнера. С августа 1941 г. – наводчик станкового пулемета 1-й роты 15-го отдельного пулеметного батальона 23-го укрепленного р-на (с июля 1942 г. – 348-й отдельный пулеметный батальон Северного оборонительного р-на Северного флота). Воевал на п-ове Рыбачий. В 1945 г. – участник войны с Японией. В дальнейшем – жил в г. Кировске.

Барболин Василий Петрович (1914–?) – младший лейтенант, командир отряда разведчиков 135-го сп 14-й сд. В РККА с 1936 г. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 гг. С августа 1942 по май 1944 г.– начальник разведки 254-й бригады морской пехоты (до февраля 1943 г. – морская стрелковая бригада). В дальнейшем – подполковник в отставке. Автор книги «Незабываемый Рыбачий» (Мурманское книжное издательство, 1980).

Белов Иван Васильевич – адъютант эскадрильи 72-го смешанного ап военно-воздушных сил Северного флота (с января 1942 г. – 2-й гвардейский смешанный ап военно-воздушных сил Северного флота). В дальнейшем – подполковник в отставке.

Бондарь Серафима Климентьевна – техник-сметчик технического отдела комбината «Апатит» в годы Великой Отечественной войны.

Вассерман Михаил Лазаревич (31.03.1908–02.06.1997) – заместитель по политической части командира 2-го батальона 2-го сп Полярной сд (с октября 1941 г. – 186-й сд). Родился в г. Барабинске Новосибирской обл. Работал начальником бюро товарных экспертиз Томского горисполкома. С июля 1941 г. – заместитель политрука, политрук роты 11-го и 12-го сп 186-й сд 14-й армии. С января 1942 г. – политрук, командир стрелковой роты 666-го сп 3-й гвардейской сд 42-й армии. С ноября 1942 г. – политрук роты 7-го сп особой гвардейской сд. С мая 1943 г. – командир, политрук минометной роты отдельного минометного полка 62-й армии. С мая 1944 г. – командир стрелковой роты 257-го сп 185-й сд. В дальнейшем – гвардии лейтенант в отставке. Жил в г. Омске.

Величко Наум Киприянович (01.12.1915–?) – командир отделения минеров п/л «Л-20» Северного флота. Родился в с. Деренковец Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл. Работал в колхозе, затем слесарем на заводе им. 1 мая в г. Белая Церковь Киевской обл. С 1937 г. – в Военно-Морском Флоте: в учебном отряде подводного плавания в Ленинграде, на п/л «Л-1» Балтийского флота. Минер, командир отделения минеров. Участник советско-финляндской войны. С 1942 г. – на Северном флоте, на п/л «Л-20». Участвовал в 9 боевых походах, 7 постановках мин на фарватерах у баз противника, потоплении одного корабля и двух транспортов. С мая 1944 г. находился в Англии (приемка корабля от союзников). В августе 1944 г. в составе экипажа п/л «В-2» прибыл на Северный флот. Старшина отделения торпедистов. Участник Парада Победы. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды, медалями. В дальнейшем жил в г. Мурманске.

Владыкина Екатерина Даниловна (1903–?) – мурманчанка, участница обороны Заполярья. В годы Великой Отечественной войны – карантинный инспектор Наркомзема СССР по Мурманской обл. Осенью 1941 г. участвовала в строительстве оборонительных сооружений на Мурманском направлении. В начале 1942 г. стала политруком медико-санитарной дружины Кировского р-на г. Мурманска. В сентябре 1943 г. по направлению Министерства сельского хозяйства СССР переехала во Владивосток.

Волков Николай Иустинович – пограничник, политработник. С марта 1940 г. – политрук 5-й пограничной заставы 100-го Озерковского пограничного отряда Управления Мурманского округа Пограничных войск НКВД СССР (с ноября 1941 г. – 100-й отдельный пограничный батальон войск НКВД СССР в составе отдела охраны войскового тыла войск НКВД 14-й армии, с октября 1944 г. – Никельский пограничный отряд). С октября 1941 г. – инструктор-пропагандист 104-го пушечного артиллерийского полка 23-го укрепрайона 14-й армии. С мая 1942 г. – начальник агитмашины ДКА, с июня 1942 г. – лектор армейского ДКА политотдела 14-й армии. В дальнейшем – подполковник в отставке.

Воропанов Владимир Федорович (ок. 1933–?) – мурманчанин, во время Великой Отечественной войны – школьник. В дальнейшем – старший агроном Мурманского управления сельского хозяйства.

Гончаренок Дмитрий Семенович – летчик 19-го гвардейского иап (до апреля 1942 г. – 145-й иап). До войны жил в г. Малоярославце Калужской обл. В дальнейшем – и. о. командира 19-го гвардейского иап в 1947 г., командир других ап, гвардии подполковник в отставке.

Двинин Александр Петрович (1895–1976) – и. о. старпома РТ-32 «Кумжа». Участник Гражданской войны. С 1921 г. – в политуправлении Мурманского укрепленного р-на, в отделе ВЧК – ОГПУ. Боцман посыльного судна «Соколица», политрук сторожевого судна «Пурга», главный боцман Мурманской морской базы ОГПУ. Член Мурманского горсовета II созыва. С 1935 г. ходил в море на судах Мурманского тралового флота. В 1941 г. – управдом в домоуправлении № 1 ЖКО Мурманского тралового флота. С 1942 г. – в санитарной группе при штабе МПВО. С 1943 г. – в Мурманской военизированной базе тралового флота. Участвовал в восстановлении и ремонте кораблей, пострадавших от налетов вражеской авиации. В дальнейшем работал в Мурманском траловом флоте. Награжден орденом Красной Звезды, медалями.

Дерябина Валентина Николаевна (05.12.1925–21.11.2000) – боец партизанского отряда «Большевик Заполярья». Жила в г. Кандалакше, работала контролером ОТК на заводе № 310. В партизанском отряде – с августа 1943 по октябрь 1944 г. В дальнейшем преподавала в кандалакшской школе № 25, затем на партийной работе. Награждена орденом Красной Звезды, медалями.

Доричев Василий Афанасьевич (1920–?) – старшина 2-й статьи, командир отделения рулевых магнитно-акустического тральщика Т-122. Родился в Вологодской обл. С мая 1940 г. – в РККА. В годы Великой Отечественной войны – на Северном флоте. С декабря 1943 г. – на Т-122. Участник арктических конвоев. В дальнейшем прошел путь от матроса до капитана дальнего плавания на судах Мурманского тралового флота. Жил в г. Мурманске. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями.

Елисеев Георгий Викторович (01.05.1909–23.02.1997) – первый секретарь Кандалакшского ГК ВКП(б). Окончил школу ФЗО, рабфак при Ленинградском институте прядильных культур, Институт партийных кадров Ленинградского ГК ВКП(б). С 1929 г. – слесарь на заводе, инструктор-массовик; с 1935 г. – секретарь партийного комитета трамвайного парка в г. Ленинграде. С 1937 г. – 1-й секретарь Ловозерского РК ВКП(б), секретарь Мурманского ОК ВКП(б). С января 1941 г. – 1-й секретарь Кандалакшского ГК ВКП(б). С 1942 г. – председатель ГК обороны Кандалакши. В дальнейшем – сотрудник аппарата ЦК КПСС, Министерства рыбного хозяйства, представитель СССР в ряде государств Африки по осуществлению межправительственных соглашений в обл. международного рыболовства. Почетный гражданин г. Кандалакша. Автор книги «Прифронтовая Кандалакша. Воспоминания секретаря горкома партии» (Мурманское книжное издательство, 1985). Награжден орденами Красной Звезды, «Знак Почета», медалями.

Елфимов Владимир Кириллович (28.07.1906–1990) – участник арктических конвоев. Родился и жил во Владивостоке. Участник Гражданской войны. В 1925–1926 гг. учился в Владивостокском морском техникуме, в 1927–1928 гг. – в Ленинградском морском техникуме. С 1928 по 1934 г. – кочегар и машинист на судах Совторгфлота. С 1934 г. – в Балтийском государственном морском пароходстве. С 1939 г. – на Балтийском флоте. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 гг. В 1941 г. – помощник капитана на транспорте «Майя». С 1942 г. – помощник капитана на п/х «Чернышевский» Мурманского морского пароходства. В дальнейшем – в Главдальфлоте ММФ, в Игарском управлении Балттехфлота, в Мурманском траловом флоте. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

Жильцов Алексей Петрович – командир 2-го взвода учебной батареи 149-го оиптд 14-й сд. С весны 1942 г. – командир линейной батареи 149-го оиптд 14-й сд. В дальнейшем – полковник запаса.

Журавлева М. А. – помощник начальника политотдела Мурманского государственного морского пароходства по комсомолу.

Иваков Федор Михайлович – младший политрук, заместитель начальника пограничной заставы 82-го пограничного отряда Управления Пограничных войск НКВД Мурманского пограничного округа. Участник боев на Рестикентском направлении. В дальнейшем – подполковник в отставке.

Ичетовкин Петр Иванович – боец 100-го Озерковского пограничного отряда Управления Мурманского округа Пограничных войск НКВД СССР (с ноября 1941 г. – 100-й отдельный пограничный батальон войск НКВД СССР в составе отдела охраны войскового тыла войск НКВД 14-й армии, с октября 1944 г. – Никельский пограничный отряд). Участник боев на Титовском оборонительном рубеже. В дальнейшем жил в г. Апатиты.

Караваев Александр Тимофеевич (18.08.1906–30.05.1980) – старший инструктор, затем инспектор Главного политического управления Военно-Морского Флота. Родился в г. Ашхабаде. Жил в Туркмении. С 1933 г. служил на Балтийском флоте. С

сентября 1941 по февраль 1942 г. – уполномоченный Военного совета Ленинградского фронта в п. Новая Ладога. С февраля 1942 по апрель 1943 г. – старший инструктор и инспектор Главного политического управления Военно-Морского Флота. Участвовал в высадках десантов морской пехоты Северного флота во вражеский тыл. С апреля 1943 г. – на партийной работе. В дальнейшем – контр-адмирал в отставке. Награжден орденом Ленина, 2 орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями, именным оружием. Автор книги «По срочному предписанию» (М.: Воениздат, 1967).

Клюшева Лидия Андреевна (20.09.1919–09.06.2002). Родилась в с. Карбовка Гайсинского р-на Винницкой обл. В 1932 г. приехала в г. Кировск. Окончила Мурманское педагогическое училище, Мурманский учительский институт, ВПШ при ЦК КПСС. Учительница, пионервожатая в школах г. Кировска. С 1941 г. – уполномоченный обл. управления по делам литературы, издательств и книжной торговли по Кировскому р-ну, пропагандист Кировского РК КПСС. С 1943 г. – заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации и заведующий парткабинетом Мончегорского РК КПСС. С 1944 г. – секретарь Мурманского ОК ВЛКСМ. Организатор работы молодежи по оказанию помощи раненым в госпиталях. В дальнейшем – на комсомольской и партийной работе. С 1954 г. – секретарь по идеологии Мурманского ГК КПСС. С 1961 по 1979 г. – начальник управления культуры Мурманского облисполкома. Заслуженный работник культуры РСФСР. Награждена орденом Октябрьской Революции, медалями.

Колованова Татьяна Ивановна (25.01.1915–23.06.2003) – воспитатель детского сада № 8 г. Кировска. Родилась в с. Кустово Белозерского р-на Вологодской обл. Окончила Белозерский педагогический техникум. В Кировске – с 1937 г. В июле 1941 г. принимала участие в эвакуации детских учреждений города в Удмуртскую АССР. В октябре 1945 г. с эвакуированными детьми вернулась в Кировск. В дальнейшем – инспектор детских садов отдела образования и комбината «Апатит», инспектор кадров АНОФ-1. Почетный гражданин г. Кировска.

Коломиец Стефан Владимирович (15.12.1896–16.07.1970) – полковник, командир Полярной сд. Родился в с. Шабастовка Монастырищинского р-на Черкасской обл. Участник Гражданской и советско-финляндской войн. С сентября 1941 г. – командир Полярной сд (с октября 1941 г. – 186-я сд, с июня 1943 г. – 205-я сд). С июля 1942 г. – на учебе в Военной академии Генерального штаба Красной Армии. С ноября 1942 г. командовал 374-й сд 54-й армии на Волховском и 8-й армии на Ленинградском фронтах. С декабря 1943 по сентябрь 1945 г. командовал 34-й сд 15-й армии на Дальневосточном и 2-м Дальневосточном фронтах. В дальнейшем – на преподавательской работе в Военной академии им. М. В. Фрунзе. Генерал-майор в отставке. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, медалями.

Кровицкий Александр Яковлевич (14.05.1897–14.11.1974) – врач-педиатр, один из организаторов педиатрической службы на Кольском п-ове. Родился в г. Санкт-Петербурге. Окончил 1-й Ленинградский медицинский институт. С 1925 по 1930 г. работал врачом в ленинградской детской больнице им. Раухфуса. С 1934 г. – в Мурманске. Заведовал детскими отделениями Мурманской городской и областной больниц. Кандидат медицинских наук. В годы Великой Отечественной войны организовал в Мурманске школу медсестер, руководил горздравотделом, возглавлял медико-санитарную службу МПВО г. Мурманска. В дальнейшем – заведующий детским отделением Мурманской областной больницы, главный педиатр Мурманской обл. Заслуженный врач РСФСР. Автор научных работ по проблемам сердечно-сосудистых и инфекционных заболеваний у детей. Награжден орденом Красной Звезды.

Крылов Андрей Степанович – батальонный комиссар, начальник отдела кадров политотдела 14-й армии. Участник советско-финляндской войны. С ноября 1943 г. – в политуправлении Карельского фронта, затем на 1-м Украинском фронте. Участник освобождения Чехословакии. В дальнейшем – полковник в отставке. Жил в г. Ленинграде.

Кудымова (Белкина) Валентина Петровна – снайпер. В марте 1944 г. окончила Центральную женскую школу снайперской подготовки при Главном Управлении Всевобуча Народного комиссариата обороны СССР. С апреля 1944 г. – в 155-м сп, затем в 325-м сп 14-й сд 14-й армии. Участница Петсамо-Киркенесской операции. С января 1945 г. – в 326-м гвардейском сп 101-й гвардейской сд. В дальнейшем жила в г. Кемерово.

Кулешов Семен Иванович (24.08.1906–28.08.1991) – мурманчанин, секретарь партбюро 7-го отдельного пулеметного батальона 14-й армии. Родился в с. Новорепное Новоузенского р-на Саратовской обл. На Кольском п-ове с 1921 г. Разнорабочий на Мурманской морской биологической станции. С 1926 по 1931 г. слесарь в Мурманском морском порту, судоремонтных мастерских. В 1932–1941 гг. – председатель Мурманского окружного совета профсоюза рыбников, затем директор Териберской моторно-рыболовной станции. В действующей армии с июня 1941 г. С 1942 г. – старший инструктор политотдела 10-й гвардейской сд. С мая 1943 г. – секретарь дивизионной парткомиссии политотдела 10-й гвардейской сд. С мая 1944 г. – заместитель командира по политической части 481-го медико-санитарного батальона 10-й гвардейской сд. С декабря 1944 г. – на Белорусском фронте в должности заместителя командира по политической части 481-го медико-санитарного батальона 10-й гвардейской сд. С января 1946 г. – в Тбилисском военном округе в должности заместителя начальника по политчасти базы горюче-смазочных материалов 11-й воздушной армии. Демобилизован в марте 1946 г. В дальнейшем – заместитель начальника управления Мурманского тралового флота, председатель профсоюзного комитета Мурманской судоверфи, заместитель директора Мурманского рыбокомбината. Почетный гражданин г. Мурманска. Награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны II степени, медалями.

Куроедов Сергей Демьянович (1909–06.06.1997) – командир партизанского отряда «Советский Мурман». Родился в г. Полтава. Окончил Саратовское пограничное училище НКВД. Работал в органах НКВД Мурманской обл. С июля 1942 по октябрь 1944 г. – в партизанском отряде «Советский Мурман». В дальнейшем – начальник УВД Мурманской обл., начальник УВД Калужской обл., председатель Калужского областного совета профсоюзов. Полковник в отставке. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалями.

Кухарская Светлана Ивановна (10.03.1929–?) – мурманчанка, школьница. Училась в мурманской школе № 34. В дальнейшем – преподаватель Мурманского морского колледжа им. И. И. Месяцева.

Лаврентьев Анатолий Федорович – старший лейтенант, командир батареи. С 1942 г. – в 44-м гвардейском минометном полку реактивной артиллерии. Воевал на Кубани, в Крыму, в Карелии. С сентября 1944 г. – на Кольском п-ове. Участник Петсамо-Киркенесской операции. С ноября 1944 по лето 1945 г. – начальник штаба дивизиона 44-го гвардейского минометного полка реактивной артиллерии. В дальнейшем жил в г. Уральске в Казахстане.

Лебедев Леонид Степанович – майор, агитатор политотдела 14-й армии Карельского фронта. Участник Петсамо-Киркенесской операции. В дальнейшем – полковник в отставке. Жил в г. Ростове-на-Дону.

Лебедев Николай Иванович (1921–25.11.1941) – мурманчанин, красноармеец. Окончил школу № 12 , ФЗО. Работал электриком на Мурманской судоверфи. С октября 1941 г. – рядовой 298-го сп 186-й сд. Погиб в бою в Карелии в районе п. Лоухи.

Логинов Михаил Петрович (1920–1984) – наводчик орудия в составе взвода ПТО 1-го стрелкового батальона 205-го сп 52-й сд. Жил в Сибири. В РККА с сентября 1940 г. С октября 1940 г. – в Мурманской обл. Участник боев на Титовском оборонительном рубеже, в р-не р. Большая Западная Лица, Петсамо-Киркенесской операции. С августа 1941 г. – помощник командира взвода, с декабря 1941 г. – политработник 205-го сп 52-й сд (с декабря 1941 г. – 24-го гвардейского сп 10-й гвардейской сд, с 14 ноября 1944 г. – 24-го гвардейского стрелкового Киркенесского полка 10-й гвардейской сд). С января 1945 г. – в Польше в составе 2-го Белорусского фронта. В дальнейшем жил в г. Новокузнецке.

Майков Евгений Иванович (19.02.1913–09.07.1999) – военный инженер. Родился в с. Новые Алгаши Цильнинского р-на Ульяновской обл. С 1930 г. – бригадир бетонщиков на Магнитострое. С 1932 г. – помощник начальника строительства Уральского завода химического машиностроения. С апреля 1942 г. – полковой, бригадный, дивизионный, корпусной инженер Карельского, 2-го, 3-го, 4-го Украинских фронтов. В дальнейшем – генерал-лейтенант-инженер, кандидат военных наук, доцент. С 1961 г. – заместитель командующего Забайкальским военным округом, затем в Управлении капитального строительства Министерства обороны СССР. Сотрудник редакции «Военно-исторического журнала», начальник кафедры военно-инженерного дела Артиллерийской академии, старший преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе. Заслуженный строитель РСФСР. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, болгарским орденом «За храбрость» 4-й степени, медалями.

Макаровская Мария Петровна (1924–?) – боец МПВО, сандружинница. С 1942 г. – в санитарной дружине Кировского р-на г. Мурманска. Окончила курсы медсестер запаса.

Малыгин Анатолий Иванович (1910–20.06.1996) – командир СК-215 Северного флота. Родился в с. Койда Мезенского р-на Архангельской обл. Окончил Мурманский морской техникум. С середины 1920-х гг. – повар, матрос на паруснике. С 1926 г. – матрос, гарпунер на зверобойных судах Мурманского территориального управления «Главсевморпуть». С 1939 г. – штурман на ледокольном пароходе «Георгий Седов», 3-й, 2-й, старший помощник капитана ледокола «А. Сибиряков», капитан зверобойной шхуны «Омуль». Участник советско-финляндской войны. В годы Великой Отечественной войны – доброволец, рулевой, командир сторожевого катера СК-215 «Килька». Участник боевых операций, высадок морской пехоты в тыл врага. В дальнейшем – главный капитан военной базы приемотранспортного флота Мурманрыбы, организатор перегона судов в порты Балтийского моря, капитан на рыболовных и поисковых судах управления «Мурмансельдь» и Мурманского тралового флота. Руководитель первых экспериментов по подъему трала на ходу судна. Награжден орденом Красной Звезды, медалями.

Мелехов Петр Иосифович – мурманчанин, железнодорожник. В июне 1941 г. – дежурный по станции Мурманск. Работал на восстановительном поезде, ликвидировавшем последствия налетов вражеской авиации на Кировской железной дороге. С августа 1941 г. – на строительстве ж/д ветки от Зеленого мыса до Ваенги.

Мизинцев (Мизенцев) Виктор Иванович (1921–30.11.1942) – житель г. Кандалакши. Родился в г. Петрограде. Работал электромонтером в Кандалакшском паровозном депо. 9 февраля 1942 г. написал заявление в Кандалакшский райвоенкомат с просьбой

зачислить его в РККА. Служил в 66-м гвардейском сп 23-й гвардейской сд (до марта 1942 г. – 88-я сд). Ефрейтор, снайпер. Погиб в бою в Новгородской обл. Похоронен у д. Стариково Старорусского р-на.

Михайлов Аким Григорьевич (1910–07.09.1990) – мурманчанин, рыбопромысловик. Родился в Архангельской обл. С 1935 г. – матрос на судах Мурманского тралового флота. Участник советско-финляндской войны. С августа 1941 г. – 2-й помощник капитана, командир БЧ-2 на РТ-17 «Комсомолец» Мурманской военизированной базы тралового флота. С 1943 г. – старший помощник капитана на РТ-309 «Мудьюжанин» (позже – СКР-82 Северного флота). В дальнейшем – капитан, капитан-наставник Мурманского тралового флота, активный организатор передачи профессионального опыта молодым капитанам и судоводителям. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалями.

Мокрецов Алексей Андреевич – партийный работник, политрук на минном заградителе «Мурман». Родился в Великоустюжском р-не Вологодской обл. С 1913 г. работал на Красавинской фабрике в г. Великий Устюг. Участник Гражданской войны. С октября 1941 г. – политрук на минном заградителе «Мурман». С июня 1942 г. – военком на РТ-14 «Сталин» Мурманской военизированной базы тралового флота. С мая 1943 г. – секретарь парторганизации Мурманской военизированной базы тралового флота, затем член бюро Микояновского райкома ВКП(б). В дальнейшем – первый помощник капитана траулера «Ярославль». Награжден орденом Красного Знамени, медалями.

Моторин Павел Иванович (30.08.1901–?) – заместитель председателя Мурманского облисполкома. Родился в д. Алексеевка Курмышского р-на Нижегородской обл. Окончил Комвуз в г. Горький, ВПШ при ЦК ВКП(б). Участник Гражданской войны. С 1928 г. – на советской работе: председатель сельсовета, заместитель председателя волисполкома, заведующий райфо, председатель райисполкома, инструктор Горьковского облисполкома, председатель райисполкома. С 1939 г. – в Мурманске, первый заместитель председателя Мурманского облисполкома. В годы Великой Отечественной войны – один из руководителей строительства оборонительных сооружений на Мурманском и Кандалакшском направлениях. В дальнейшем – председатель Мурманского областного совета профсоюзов. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени.

Мужиков Иван Георгиевич – помощник комиссара по комсомолу партизанского отряда «Советский Мурман».

Наталич (Бородина) Надежда Матвеевна (1910–?) – судовой медик п/х «Декабрист». Родилась в г. Россошь Воронежской обл. По окончании медицинского техникума работала в г. Орле. С 1934 г. – на судах Дальневосточного пароходства. С начала Великой Отечественной войны – на п/х «Декабрист». Участница арктических конвоев. С осени 1943 по весну 1945 г. находилась в немецком плену в Норвегии. В дальнейшем плавала на судах Дальневосточного пароходства, работала в поликлинике г. Россошь, жила в г. Грозный.

Ненахов Яков Георгиевич (1916–1943) – военнослужащий. Жил в г. Мурманске. Рыбмастер на судах Мурманского тралового флота. В годы Великой Отечественной войны – рядовой, пехотинец. Погиб под г. Харьковом.

Орлов Сергей Венедиктович (? – 1981) – военный инженер, участник строительства оборонительных сооружений на Мурманском направлении. Окончил Борисовское военно-инженерное училище. С августа по декабрь 1941 г. – в Мурманской обл. на строительстве дороги к Сайда-Губе и Титовке. С 1942 г. – в 32-м отдельном

моторизованном понтонно-мостовом батальоне Волховского фронта. С октября 1943 г. – на 2-м Украинском фронте. Участник наведения танковых переправ через р. Днепр. С 1944 г. – на 2-м Прибалтийском фронте. В дальнейшем – капитан в отставке. Работал в сельскохозяйственном отделе Архангельского облисполкома, был директором кирпичного завода в п. Уемский Приморского р-на Архангельской обл. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями.

Павлов Александр Иванович (28.03.1923–07.10.1944) – мурманчанин, участник боевых действий на Мурманском направлении, лейтенант, разведчик 52-й сд (10-й гв. сд) 14-й армии, погиб в первый день Петсамо-Киркенесской операции при штурме горы Малый Кариквайвишь. Похоронен в братской могиле в п. Луостари.

Передельский Георгий Ефимович (07.04.1913–21.11.1987) – командир 928-го артиллерийского полка 367-й сд 14-й армии. Родился в д. Орловка Чулымского р-на Новосибирской обл. С 1931 г. учился на рабфаке Томского государственного университета. С декабря 1934 г. – в РККА. С ноября 1937 г. в г. Кандалакше – командир взвода полковой школы, командир батареи, начальник штаба артиллерийского дивизиона 54-го артиллерийского полка 54-й сд. Участник советско-финляндской войны. С июня 1941 г. – помощник начальника штаба 86-го артиллерийского полка 54-й сд. С декабря 1941 г. – начальник штаба 327-го артиллерийского полка 186-й сд. С апреля 1942 г. – начальник разведывательного отделения штаба артиллерии 32-й армии. С февраля 1943 г. до конца войны – командир 928-го артиллерийского полка 367-й сд. Участник Петсамо-Киркенесской операции. В дальнейшем – начальник штаба артиллерии, командир артиллерии Северного военного округа, начальник ракетных войск и артиллерии Закавказского военного округа, заместитель, затем командующий ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск. Маршал артиллерии. Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 3-й степени, Красной Звезды, Октябрьской Революции, медалями, двумя иностранными орденами.

Пилюгин Василий Семенович (23.02.1926–?) – минер-торпедист БЧ-3 эскадренного миноносца «Грозный». Родился в с. Пилюгино Фатежского р-на Курской обл. В 1941 г. окончил школу, учился на курсах трактористов. С 1943 г. – на Северном флоте. С октября 1944 по октябрь 1945 г. – на эскадренном миноносце «Грозный». Участник арктических конвоев. В дальнейшем работал на плавучем доке в п. Росляково, на 35-м судоремонтном заводе. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями.

Подобедов Виктор Александрович – актер, художественный руководитель Мурманского областного театра кукол. В 1920-е гг. – в студии Ленинградского ТЮЗа, актер одного из ленинградских театров. С 1930 г. – на Кольском п-ове. С августа 1933 г. – художественный руководитель Театра маленького зрителя при ГорОНО г. Хибиногорска. С 1938 г. – художественный руководитель Мурманского областного театра кукол. В годы Великой Отечественной войны – организатор и участник поездок на линию фронта, выступлений в воинских частях и госпиталях, на кораблях и промысловых судах, в партизанских отрядах.

Подоплекин Даниил Андреевич (11.12.1910–14.04.1992) – командир партизанского отряда «Полярник». Родился в с. Волчий Враг Тамалинского р-на Пензенской обл. С 1933 г. – председатель колхоза «Красный Октябрь» в Подосиновском р-не Северного края. С 1934 г. – секретарь Черевковского РК ВЛКСМ. С 1938 г. – заведующий коммунальным отделом Черевковского райисполкома Архангельской обл. Участник советско-финляндской войны. С февраля 1942 по октябрь 1944 г. – командир партизанского отряда «Полярник», командир соединения отрядов «Полярник», «Сталинец», «Большевик». В дальнейшем – первый секретарь Онежского и Беломорского РК КПСС, начальник политотдела парткома Архангельского тралового флота, руководитель обкома профсоюзов работников пищевой промышленности. Награжден двумя

орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, медалями.

Предко С. П. – мурманчанин, сотрудник штаба МПВО Мурманского морского рыбного порта. С 1915 г. – на разных должностях в Мурманском порту, затем в Мурманском морском рыбном порту. В дальнейшем жил в г. Кировске.

Прокофьев Василий Андреевич (15.08.1906–1996) – секретарь Мурманского обкома партии. Род. в с. Кобона Кировского р-на Ленинградской обл. В 1920-х гг. – делопроизводитель в Кобонском и Шумском волисполкомах, грузчик в порту, кочегар, машинист на судах Балтийского пароходства. С 1929 г. – котельщик на Канонерском заводе в Ленинграде. Окончил Ленинградский институт инженеров водного транспорта, ВПШ при ЦК ВКП(б). С 1936 г. – в Мурманске. Мастер, прораб, начальник цеха, главный инженер, директор Мурманского судоремонтного завода управления «Главсевморпуть». С 1941 г. – секретарь Мурманского горкома партии. С 1943 г. – заместитель секретаря обкома ВКП(б) по транспорту. В дальнейшем – третий, второй и с мая 1950 г. первый секретарь Мурманского обкома партии. На XIX и XX съездах партии избирался членом ЦК КПСС. Избирался также депутатом Верховного Совета СССР 4-го и 5-го созывов. С июля 1958 г. – первый секретарь Новгородского обкома партии. С 1961 г. – заместитель председателя Комиссии советского (государственного) контроля Совета Министров СССР, заместитель председателя Комитета партийно-государственного контроля Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР, заместитель председателя Комитета народного контроля РСФСР. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны II степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями.

Руденко Николай Александрович (10.11.1919–?) – старшина 1-й статьи, сигнальщик на кораблях Северного флота. Родился в с. Нельговке Приморского р-на Запорожской обл. С 1935 г. – ученик слесаря, слесарь на заводе им. 1 мая в г. Бердянске. С мая 1939 г. – на Северном флоте. Участвовал в боевых походах. В дальнейшем – политработник, 3-й, 2-й, 1-й помощник капитана на судах Мурманского тралового флота. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалями.

Русакова (Дурова) Людмила Михайловна (1918–?) – командир санитарной дружины Кировского р-на г. Мурманска. Награждена орденом «Знак Почета», медалями.

Рютин Б. (1924–?) – житель г. Кандалакши, токарь. Окончил 10 классов средней школы. Работал токарем 7-го основного паровозного депо г. Кандалакши. 9 февраля 1942 г. написал заявление в райвоенкомат с просьбой отправить его в военное училище. Получил отказ с формулировкой «Слишком молод».

Саков Алексей Афанасьевич (1908–11.04.1942) – военнослужащий. Жил в Мончегорске. С октября 1941 г. – на фронте. Трижды был ранен. 26 января 1942 г. выписался из госпиталя во 2-ю роту батальона выздоравливающих 202-го запасного полка. Погиб в Гжатском (ныне Гагаринском) р-не Смоленской обл. Похоронен в братской могиле.

Свиньин Федор Михайлович – и. о. заместителя командира 95-го сп 14-й сд 14-й армии по политической части. Участник советско-финляндской войны. С сентября 1940 г. – старший инструктор отдела политической пропаганды 14-й сд. С июня 1941 г. – и. о. заместителя командира 95-го сп 14-й сд по политической части, инструктор политотдела 14-й сд, военный комиссар 325-го сп 14-й сд. С марта 1943 г. – начальник политотдела 77-й отдельной морской стрелковой бригады. С июня 1944 г. – заместитель командира 341-й сд 19-й армии по политической части. Воевал на Кольском п-ове и в Карелии. В дальнейшем – полковник в отставке. Награжден орденом Красного Знамени.

Сидоров Эмилий Ионович (14.08.1925–23.03.1945) – десантник. Родился и жил в Кандалакше, учился в школе № 4. В годы Великой Отечественной войны уехал в п. Сегежу, работал в леспромхозе «Экспортлес № 91». С 1943 г. – в РККА. Окончил десантную школу в г. Звенигороде. Погиб в Венгрии у д. Шур.

Скробов Яков Дмитриевич – (1912–?) – командир 1-го дивизиона 104-го пушечного артиллерийского полка. Родился в Ленинградской обл. С 1934 г. – в РККА. С 1941 г. – командир 1-го дивизиона, помощник начальника штаба 104-го пушечно-артиллерийского полка, с марта 1942 г. – начальник оперативного отдела артиллерии 14-й армии Карельского фронта. Воевал на п-ове Рыбачий. В дальнейшем – генерал-лейтенант в отставке. Жил в г. Ленинграде. Автор книги «За 69-й параллелью: Воспоминания артиллериста» (Мурманское книжное издательство, 1986).

Соколов Дмитрий Гаврилович – летчик-истребитель. В 1939 г. окончил Ейское авиационное училище. С июля 1941 г. – в 72-м смешанном ап военно-воздушных сил Военно-Морского Флота (с января 1942 г. – 2-й гвардейский смешанный ап Северного флота, с октября 1942 г. – 2-й гвардейский иап Северного флота). В дальнейшем – полковник в отставке.

Старостин Максим Иванович (15.08.1902–19.11.1948) – первый секретарь Мурманского ОК ВКП(б). Родился в с. Столыпино Вольского р-на Саратовской обл. Работал в слесарной железнодорожной мастерской в Иркутске, секретарь уездного и губернского комитетов ВЛКСМ; с 1921 г. – в транспортной ЧК, в милиции. С 1925 г. – политбоец, политрук в дальневосточных частях РККА. Участник боевых действий во время конфликта на КВЖД. В 1931 г. окончил Институт советского строительства, в 1938 г. – Военно-инженерную академию им. В. В. Куйбышева. Служил в военно-строительном управлении Наркомата обороны СССР. Инструктор ЦК ВКП(б). С января 1939 г. – в Мурманске: первый секретарь ОК и ГК ВКП(б). Одновременно с июля 1939 г. – член Военного совета Северного флота. Помимо этого, в годы Великой Отечественной войны – член Военного совета 14-й армии Карельского фронта, председатель Мурманского городского комитета обороны. Инициатор создания Мурманского пограничного округа. Руководитель мобилизации сил для отпора противнику, перестройки на военный лад экономики и военно-политической жизни Мурманской области, строительства оборонительных сооружений, формирования истребительных отрядов, Полярной сд, партизанских отрядов «Большевик Заполярья» и «Советский Мурман». Организатор военного всеобуча, службы МПВО, сбора средств на оборону. Один из организаторов приема арктических конвоев и отправки в центр грузов по ленд-лизу. Организатор встреч в г. Мурманске министра иностранных дел Великобритании А. Идена, посла США в СССР А. Гарримана. Инициатор учреждения медали «За оборону Советского Заполярья». С апреля 1945 г. – в аппарате ЦК ВКП(б). В дальнейшем – зам. министра госконтроля СССР по кадрам. Автор дневниковых записей 1941-1945 гг., опубликованных отдельной книгой (Дневник войны. Мурманск, 2014). Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета», медалями.

Тисленко Георгий Герасимович (01.12.1902–19.06.1972) – начальник Мурманской базы военизированного тралового флота. Родился в г. Голая Пристань Голопристанского р-на Херсонской обл. Окончил Херсонское мореходное училище. С 1917 по 1929 г. – матрос, капитан парусных судов на Черном море. С 1930 – в Мурманске. С 1931 г. – капитан на судах Мурманского тралового флота, в т. ч. 6 лет – на РТ-29 «Киров». Организатор освоения отечественных тралов, беспрерывной работы вахт при обработке улова. С 1937 г. – начальник управления Мурманского тралового флота. В годы Великой Отечественной войны руководил Мурманской военизированной базой тралового флота. В дальнейшем – управляющий трестом «Мурманрыба», начальник

Мурманского морского рыбного порта. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, «Знак Почета», медалями.

Титов Михаил Васильевич (?–15.09.1964) – капитан Мурманского тралового флота. Родился в с. Нюхча Беломорского р-на Карелии. С 1922 г. – матрос, помощник тралмейстера, тралмейстер. С 1933 г. – штурман, с 1939 г. – капитан на судах Мурманского тралового флота. В годы Великой Отечественной войны – капитан РТ-1 «Акула» и РТ-23 «Чайка» Мурманской военизированной базы тралового флота. По итогам 1944 г. экипаж РТ «Чайка» стал победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании рыбаков. В дальнейшем продолжал работать в Мурманском траловом флоте. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, медалями.

Трифонов Михаил Васильевич (1919–05.09.1943) – мурманчанин, старший сержант. С 1938 г. – в РККА, призван Кировским военкоматом г. Мурманска. Кавалерист, разведчик. Погиб под г. Харьковом, похоронен в Змиевском р-не Харьковской обл. в братской могиле с. Мошка.

Ульянова (Виноградова) Александра Георгиевна (20.02.1917–?) – старшина медико-санитарной роты, затем роты управления и связи 362-го отдельного истребительного батальона МПВО НКВД. В годы Великой Отечественной войны – председатель Мало-Сопчинского поселкового Совета депутатов трудящихся в Мончегорском р-не Мурманской обл. С августа 1943 г. – в 362-м отдельном истребительном батальоне МПВО НКВД в г. Мурманске. Участница Праздника Севера в 1944 и 1945 гг. В дальнейшем жила в г. Мурманске. Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями.

Усолкина (Артемьева) Александра Петровна (12.11.1923–27.01.2004) – старший фельдшер партизанского отряда «Большевик Заполярья». Жила в Кировске, в 1941 г. окончила медучилище, с июня 1942 по октябрь 1944 г. – в партизанском отряде «Большевик Заполярья». Участница 8 походов в тыл врага. В дальнейшем жила в Кировске и Апатитах. Работала в санэпидемстанции и скорой медицинской помощи. Награждена орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями.

Фамильнов Вениамин Александрович (1923–?) – житель г. Кандалакши. Окончил 9 классов средней школы. Работал слесарем в вагоноремонтном пункте на ст. Кандалакша. 6 февраля 1942 г. написал заявление в Кандалакшский райвоенкомат с просьбой отправить его на фронт добровольцем.

Хабаров Зосим Иванович (03.06.1912–25.01.1973) – капитан буксирного п/х «Кола» Мурманского морского торгового порта. Родился в д. Хабарово Сольвычегодского р-на Архангельской обл. С 1929 г. – сплавщик, переборщик досок, матрос плавкрана. С 1931 г. – в Мурманском морском торговом порту, матрос, судоводитель. Затем матрос 1-го класса, 2-й и старший штурман, капитан на буксирных п/х Мурманского морского торгового порта. С 1941 г. – курсант учебно-курсового комбината «Мурманрыба». Во время Великой Отечественной войны – участник 93-х рейсов по доставке спецгрузов для фронта. С октября 1944 г. – начальник портового флота. В дальнейшем – капитан плавкрана, заместитель начальника портового флота. Награжден орденами Отечественной войны II степени, «Знак Почета», медалями.

Хазова Мария Ивановна (07.04.1916–?). С 1929 г. – на Кольском п-ове. Пионервожатая мурманской школы № 2, затем воспитатель и пионервожатая в детдоме. С конца 1941 г. – в эвакуации. В дальнейшем жила в г. Мурманске.

Худалов Харитон Алексеевич (1905–2000) – генерал-майор, командующий 10-й гвардейской сд. Родился в с. Махческ Дигорского р-на Северной Осетии. Окончил кавалерийские курсы, кавалерийскую школу. С 1930 г. – командир 66-го кавалерий-

ского полка 25-й кавалерийской дивизии. С 1940 г. – командир 62-го отдельного разведывательного батальона. В годы Великой Отечественной войны командовал 58-м сп, 10-й гвардейской сд, 14-й сд 14-й армии Карельского фронта. В дальнейшем – генерал-лейтенант. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Командир 4-го особого стрелкового корпуса, заместитель командующего войсками по боевой подготовке, затем начальник управления боевой подготовки Приволжского военного округа. Автор книг «У кромки континента» (М.: Воениздат, 1974), «Долг памяти» (Орджоникидзе, 1987).

Шапкин Николай Иванович – командир второго стрелкового батальона 2-го сп Полярной сд. Участник советско-финляндской войны. С начала Великой Отечественной войны – старший лейтенант, командир пулеметной роты 58-го сп 52-й сд. С сентября 1941 г. – командир батальона 2-го сп Полярной сд. В октябре 1941 г. по заданию штаба 14-й армии – командир разведывательно-диверсионного отряда, совершавшего рейды в тыл врага. С февраля 1942 г. – командир 1048-го сп 289-й сд. С осени 1942 г. – начальник штаба 289-й сд. В 1943 г. – начальник оперативного отдела штаба армии. В дальнейшем – полковник в отставке. Автор книг: «Полярная дивизия» (в соавторстве с Шуваловым А. Я. Мурманское книжное издательство, 1986), «Они воевали в разведке» (Петрозаводск: Карелия, 1991). Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды.

Шаповалов Федор Кузьмич (26.09.1923–29.07.1977) – командир батальона. Родился в с. Великое Белореченского р-на Краснодарского края. В 1940 г. окончил Тихорецкий железнодорожный техникум. В 1941 г. – военное училище в г. Орджоникидзе. С января 1942 г. служил в 103-й отдельной курсантской стрелковой бригаде. С сентября 1942 г. – командир взвода разведки, затем стрелковой роты 1133-го сп 339-й сд. С сентября 1943 г. – в 1050-м сп 301-й сд 9-го корпуса 5-й ударной армии. Командир батальона. Боевой путь: Северный Кавказ – Тамань – Украина – Польша – Германия. Участник штурма Берлина. Первым ворвался в имперскую канцелярию и поставил свою подпись (вместе с генерал-лейтенантом Ф. Е. Боковым) на последней личной оперативной карте Гитлера, что символически означало конец военным действиям СССР и Германии (хранится в Центральном музее Российской Армии, г. Москва). Получил личный трофей – жезл фельдмаршала Роммеля. В дальнейшем – майор запаса, начальник АХО Мурманского рыбного порта, заведующий промышленным отделом Микояновского р-на ВКП(б) г. Мурманска, начальник отдела кадров Мурманского рыбного порта, первый помощник капитана на судах «Севрыбхолодфлота». Депутат Мурманского областного Совета многих созывов. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, Октябрьской Революции, орденом Суворова III степени, медалями.

Шипицын Иван Иванович (1912–?) – старший сержант в войсках воздушного наблюдения, оповещения и связи. Родился в Архангельской обл. С июня 1941 г. – начальник поста ВНОС 73-го отдельного батальона ВНОС 14-й армии Карельского фронта, политрук роты ВНОС на Кандалакшском направлении. Затем – при штабе 1-го корпуса ПВО. В дальнейшем – капитан в отставке, старший инженер в главном территориальном управлении «Госснаб СССР». Жил в г. Мурманске. Награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Шкаликов Виктор Васильевич (11.03.1924–04.09.1943) – житель г. Кандалакши. Родился в Череповецком р-не Вологодской обл. 9 февраля 1942 г. написал в Кандалакшский райвоенкомат заявление с просьбой направить его в РККА. С 1943 г. – матрос, разведчик 12-й отдельной бригады морской пехоты Северного флота. Погиб в бою на хребте Муста-Тунтури. Похоронен на п-ове Средний.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные фонды
ГОКУ «Государственный архив Мурманской области»

Ф. Р-405 Мурманский областной Совет народных депутатов.

Ф. Р-413 Коллекция документов ветеранов войны, участников обороны Заполярья.

Ф. Р-992 Кровицкий Александр Яковлевич (1897–1974 гг.) – врач-педиатр, кандидат медицинских наук, заслуженный врач РСФСР.

Ф. Р-1259 Комитет по здравоохранению Мурманской области.

Ф. Р-1279 Коллекция документов личного происхождения «История Мурманской области глазами северян».

Ф. Р-1383 Семейный фонд Смирновых: Смирнов Александр Сергеевич (1916–2002 гг.) – командир партизанского отряда «Большевик Заполярья», Смирнов Владимир Александрович (1937–1995 гг.) – поэт, писатель, публицист, сын А. С. Смирнова.

Ф. П-2723 Редакция еженедельника «Рыбный Мурман» Мурманского обкома КПСС.

Ф. П-1 Мурманский областной комитет КП РСФСР.

Ф. П-19 Партизанский отряд «Большевик Заполярья», Мурманская область.

Ф. П-20 Партизанский отряд «Советский Мурман», Мурманская область.

Ф. П-326 Кандалакшский комитет КП РСФСР.

Ф. П-2393 Партийный архив Мурманского областного комитета КП РСФСР.

ГОКУ «Государственный архив Мурманской области в г. Кировске»

Ф. Р-490 Архивная коллекция документов ветеранов войны, труда, старожилов и почетных граждан г. Кировска.

Ф. Р-542 Аккуратов Василий Никонорович (1922–1990), метеоролог, основатель службы противолавинной защиты в Хибинах, кандидат географических наук, руководитель цеха противолавинной защиты комбината «Апатит», г. Кировск.

Фонды ГОАУК «Мурманский областной краеведческий музей»

МОМ ОФ 23910 Воспоминания Н. И. Шапкина.

МОМ ОФ 23911 Воспоминания С. В. Коломийца.

Литература

Барболин В. Незабываемый Рыбачий / В. П. Барболин. – Мурманск : Кн. изд-во, 1980.

В боях за Советское Заполярье / Сост. А. И. Краснобаев, В. П. Загребин – Мурманск : Кн. изд-во, 1982.

Владыкина Е. Д. Дружинницы, подруги мои! / Е. Д. Владыкина. – Мурманск : Кн. изд-во, 1963, 1965.

Головко А. Г. Вместе с флотом / А. Г. Головко. – М. : Финансы и статистика, 1984. – (Военные мемуары).

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. [В 6 т.] – М., 1960–1965.

Киселев А. А. Война в Заполярье: учебное пособие для старших классов общеобразовательных школ, лицеев, гимназий / А. А. Киселев. – Мурманск : ОНМЦСО, 1995.

Книга Памяти: 1941–1945. [В 6 т.] / Администрация Мурм. обл., Мурм. обл. воен. комиссариат, Мурм. обл. отд-ние Рос. Фонда мира; [сост. и общ. ред. С. Н. Дащинского]. – Мурманск, 1994 – 2000.

Костры партизанские / Сост. А. И. Краснобаев, В. П. Загребин – Мурманск : Кн. изд-во, 1973.

Мурманская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сборник документов и материалов. – Мурманск : Кн. изд-во, 1978.

На Кандалакшском направлении / Сост. А. И. Краснобаев, В. П. Загребин – Мурманск : Кн. изд-во, 1975.

Румянцев Н. М. Разгром врага в Заполярье. 1941–1944 / Н. М. Румянцев. – М. : Воениздат, 1963.

Смирнов А. С. Партизаны Заполярья / А. С. Смирнов. – Мурманск : Кн. изд-во, 1989.

Сорокажердьев В. В. Они сражались в Заполярье: Герои Советского Союза, 1939–1945: боевые биографии / В. В. Сорокажердьев. – Мурманск : Кн. изд-во, 2007.

Старостин М. И. Дневник войны / М. И. Старостин [публикатор В. П. Семенов]. – Мурманск : Опимах, 2014.

Худалов Х. А. У кромки континента / Х. А. Худалов. – Орджоникидзе : Изд-во «ИР», 1978.

Шапкин Н. И., Шувалов А. Я. Полярная дивизия / Н. И. Шапкин, А. Я. Шувалов. – Мурманск : Кн. изд-во, 1986.

Щербаков В. И. Заполярье – судьба моя / В. И. Щербаков. – Мурманск : Кн. изд-во, 1994.

30 лет народному подвигу / Сост. А. И. Краснобаев– Мурманск : Кн. изд-во, 1975.

55 лет победы в Заполярье (1944–1999): Материалы областной научно-практической краеведческой конференции. – Мурманск : Кн. изд-во, 2000.

1200 дней и ночей Рыбачьего / Сост. А. И. Краснобаев, В. П. Загребин – Мурманск: Кн. изд-во, 1970.

Наука и бизнес на Мурмане № 5: Партизаны Заполярья: документы рассказывают: научно-практ. журн. – Мурманск : Кн. изд-во, 2003. – (Серия «История и право»; Т. 15).

Перечень выявленных, но не опубликованных в сборнике архивных документов

Абаркин В. М. Очерк «Бой над Ковдозером». 5 октября 1976 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 206. Л. 1–4 об.

Автомонов В. Я. Воспоминания о боевых действиях на полуострове Средний в районе Муста-Тунтури, о встрече с участниками обороны Заполярья в Долине Славы. Октябрь 1989 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 169. Л. 2–7 об.

Богданова М. И. Воспоминания об учебе в школе в годы Великой Отечественной войны. [1998 г.].
ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 6. Л. 2–3 об.

Брошенков П. А. Воспоминания о работе на станции Лижма Кировской железной дороги в начале Великой Отечественной войны. 1959 г.
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 421. Л. 13–15 об.

Бурмистров М. Х. Воспоминания защитника Рыбачьего. 17 апреля 1978 г.
ГАМО, ф. Р-413. Оп. 1. Д. 121. Л. 22–25 об.

Былинин И. И. Воспоминания о боях на полуострове Рыбачий. 6 августа 1978 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 120. Л. 34–44.

Васильев Г. М. Воспоминания бывшего подводника, участника боев в Заполярье, ветерана Великой Отечественной войны. [1979–1982 гг.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 10. Л. 23–28, 48–53, 74–96.

Водолазский Е. В. Очерк «На Малой земле». 1941 г. [1975 г.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 239. Л. 1-5.

Возная А. И. Возный Б. Н. Воспоминания о воинской службе в поселке Ваенга, на полуострове Средний в поселке Пумманки. 1998 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 171. Л. 2–10 об., 17–19 об.

Волков Н. А. Статья с воспоминаниями о североморцах-артиллеристах. [1980 г.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 266. Л. 1–7.

Волков Н. А. Рукопись воспоминаний «Как это было». 1941 г. Не ранее 1975 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 30. Л. 3–19.

Воропанов В. Ф. Воспоминания о жизни в Мончегорске (1943-1945 гг.), поселке Мурмаши (1945-1953 гг.). [1998 г.].
ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 9. Л. 8–8 об.

Гончаренок Д. С. Статья «В хмуром небе Заполярья». 1 февраля 1978 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 2. Л. 64–69.

Горбань Г. Д. Воспоминания об участии в боевых действиях на Кольском полуострове в 1941–1944 гг. (Западная Лица). 1964 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 241. Л. 4–27.

Горбенко Н. И. Воспоминания о довоенном г. Мурманске, быте, работе на судоверфи в годы Великой Отечественной войны. 1998 г.
ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 11. Л. 3 об.-5, 10 об.-11.

Гостев Ф. И. Воспоминания о боях на Муста-Тунтури. 25 ноября 1976 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 150. Л. 2–5.

Гусаров П. Г. Воспоминания о Б. Ф. Сафонове, о первом его воздушном бое 22 июня 1941 г. 18 апреля 1975 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 108. Л. 40–46.

Дракке К. А. Воспоминания о работе в рыбной промышленности Мурмана в 1931-1943 гг. 20 января 1967 г.
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 113. Л. 3–5.

Еремин Д. И. Воспоминания об участии 104-го армейского (пушечного) артиллерийского полка в боевых действиях на полуострове Рыбачий в июле 1941 г. [1980 г.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 34. Л. 82–88.

Ермилов Н. И. Воспоминания о боях на Печенгском направлении в 1944 г. [1983 г.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 35. Л. 77–95.

Жарков М. Т. Письмо сотруднику газеты «Полярная правда» В. Я. Сексте с воспоминаниями о службе в отдельном лыжном разведывательном батальоне 14-й стрелковой дивизии и оперативном отделении штаба 14-й стрелковой дивизии. 31 октября 1981 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–6.

Жильцов А. П. Статьи «Апрельско-майские бои 1942 г.», «Активная оборона (1942–1943 гг.)» [1974–1975 гг.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 244. Л. 2–7.

Завьялов Н. А. Воспоминания о развитии автотранспорта общего пользования Мурманской области в 1939–1980 гг. 1986 г.
ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 4. Л. 4–4 об.

Зайцев М. М. Воспоминания о службе на аэродроме Ваенга в качестве шофера. 5 марта 1975 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 108. Л. 35–39 об.

Иваков Ф. М. Воспоминания «Эпизоды боевой жизни». 1981 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 36. Л. 10-19.

Иванов В. Воспоминания бывшего комиссара спасательного судна «Буревестник». 1978 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 3. Л. 64-75.

Казаринов А. Л. Записки командира 1-го взвода партизанского отряда «Советский Мурман». 1944–1945 гг.
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 125. Л. 2-8.

Ковбаса И. К. Воспоминания об участии в боях по защите Заполярья от немецко-фашистских захватчиков. Т. 1–2. [1985 г.].
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 555, 556.

Коробицына Ф. Ф. Воспоминания об участии в Великой Отечественной войне в составе партизанского отряда «Большевик Заполярья». [1966 г.].
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 101. Л. 1–5.

Коровенкова (Костромина) В. В. Воспоминания об участии 108-й разведывательной авиаэскадрильи в боевых действиях на Кольском полуострове. 1975 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 218. Л. 1–8.

Кочергин П. З. Статья «Когда улетают самолеты». [1969 г.].
ГАМО. Ф. Р- 413. Оп. 1. Д. 101. Л. 8–13.

Кочергин П. З. Воспоминания о боевой операции по бомбардировке вражеского аэродрома в Луостари в феврале 1943 г. [1977 г.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 46. Л. 60–63.

Крушельницкий Е. П. Воспоминания об участии в обороне Заполярья пятой гаубичной батареи. [1970 г.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 248. Л. 3–6 об.

Кумбышев В. И. Воспоминания о противовоздушной обороне Мурманска в годы Великой Отечественной войны. [1966 г.].
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 306. Л. 1–3.

Куроедов С. Д. Воспоминания «Записки партизана Заполярья». Апрель 1970 г.
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 601. Л. 3–26.

Лисюра В. Ф. Воспоминания о боевом пути 52-й стрелковой дивизии, вкладе фронтовых музыкантов в общее дело разгрома врага. [1981 г.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 53. Л. 62–70.

Логинов М. П. Письмо сотруднику газеты «Полярная правда» В. Я. Сексте с уточняющими сведениями о посадке кедровых орехов в районе реки Западная Лица в период боев в июле 1941 г., о гильзе с личными сведениями красноармейцев, убитых на высоте «Стальной шлем». Январь 1974 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 55. Л. 27–30.

Лукашова Ф. М. Воспоминания о работе в отделе распространения печатной продукции управления связи в годы Великой Отечественной войны. [1998 г.].
ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 13. Л. 2 об. –10.

Лучников А. И. Очерк «На таран ради товарища». [1974 г.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 267. Л. 1–3.

Малыгин А. И. Статьи «Ходили мы во льды...», «Ратные будни капитана. [1987 г.].
ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–9.

Маршалкина А. А. Воспоминания о нахождении в эвакуации в Удмуртской АССР в 1941-1945 гг. вместе с воспитанниками детского сада № 5 г. Кировска.
ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 13–20.

Меньшиков Л. И. Письма-воспоминания первого секретаря Мурманского обкома ВЛКСМ в годы Великой Отечественной войны. [1987 г.].
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 603. Л. 2–9.

Морозкин А. Л. Воспоминания о войне, участии в Параде Победы. [1998 г.].
ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 16. Л. 1–5.

Мохова А. С. Воспоминания об эвакуации со школьниками в Мордовскую ССР. [1998 г.].
ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–9 об.

Наполов А. М. Воспоминания о боевых действиях 181-го отдельного пограничного батальона на Мурманском направлении. [1985 г.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 259. Л. 1–31.

Новожилов А. В. Воспоминания о высадке одного из морских десантов, о службе на сторожевом корабле в первые годы Великой Отечественной войны. 1977 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 260. Л. 3–4.

Пискарев Н. Ф. Воспоминания о применении с 1944 г. самолетов «Каталина» для спасения экипажей самолетов, вынужденно севших на воду. [1973 г.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 16. Л. 22–25.

Поваров И. А. Воспоминания о боях на Мурманском направлении (Петсамо), за освобождение Варшавы (1941–1945 гг.). 1981 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 251. Л. 3–9 об.

Поляков Г. Г. Очерк «Как его назвали?». [1979 г.]
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 262. Л. 3–7.

Попов Г. С. Воспоминания «На Траловом флоте в годы Великой Отечественной войны». 1942 г. [1969 г.]
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 145. Л. 1–6.

Пьянков Г. М. Воспоминания о штурме аэродрома Луостари весной 1944 г. 12 апреля 1978 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 166. Л. 3–8.

Романова З. С. Воспоминания об эвакуации в Среднюю Азию, в г. Коканд, о возвращении в сентябре 1944 г. в Мурманск. 1998 г.
ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 18. Л. 8–8 об.

Садов Ф. Ф. Воспоминания об одном из боевых эпизодов, характеризующих солдатскую смекалку (полуостров Рыбачий, 1944 г.). 21 августа 1974 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 136. Л. 2–3 об., 5–6 об.

Сакин Н. С. Воспоминания об участии в Великой Отечественной войне в составе 186-й (205-й) стрелковой дивизии. 14 июня 1974 г.
ГАМО. Ф. Р-1140. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–6.

Сексте В. Я. Очерк «Флаг над Муста-Тунтури». 15 сентября 1976 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 263. Л. 1–10.

Сказочкин Г. Д. Воспоминания об участии в Великой Отечественной войне, о создании комсомольской роты. 12 марта 1967 г.
ГАМО. Ф. Р-2393. Оп. 2. Д. 122. Л. 15–23.

Скробов Я. Д. Воспоминания о прибытии первых «Катюш» в Заполярье весной 1942 г. и их размещении в районе 56-го километра дороги Мурманск – Западная Лица. Ноябрь 1975 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 64. Л. 118–122.

Скробов Я. Д. Письмо сотруднику газеты «Полярная правда» В. Я. Сексте с уточняющими сведениями к статье Б. Н. Солдатова «Стойкость». 25 апреля 1977 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 66. Л. 112-115 об.

Сметанин Г. Л. Воспоминания об обороне полуострова Рыбачий в 1941 г. 25 апреля 1975 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д.136. Л. 9-11.

Смирнов Б. К. Письмо сотруднику газеты «Полярная правда» В. Я. Сексте с воспоминаниями о Б. Ф. Сафонове, о его последнем боевом вылете. [1970 г.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 108. Л. 13–18 об.

Старцев В. И. Воспоминания об отдельных боевых эпизодах 82-го пограничного отряда. 12 апреля 1980 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 59. Л.121–126.

Третьякова В. Н. Воспоминания о прифронтовом Мурманске, об эвакуации в Кировскую область. [1998 г.].
ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 16. Л. 10–11 об.

Трубачев В. Е. Воспоминания о гвардии майоре летчике В. И. Дончуке. [1971 г.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 231. Л. 1–3.

Тюрин Т. Ф. Воспоминания о боевом пути 143-го артиллерийского полка 14-й стрелковой дивизии. [1974-1975 гг.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 129. Л. 2–15.

Уткин К. К. Воспоминания о работе в Мурманском обкоме ВЛКСМ в годы Великой Отечественной войны. [1987 г.].
ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 557. Л. 3–5.

Ушаков И. Ф. Дневниковые записи. [1946–2002 гг.]
ГАМО. Ф. Р-1355. Оп. 1. Д. 376. Л. 25–32, 39–39 об., 45.

Ушинский И. В. Воспоминания о работе рыболовного траулера РТ-52 «Сом» Мурманского тралового флота в годы Великой Отечественной войны. 2 октября 1975 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 88. Л. 159–162.

Фролов А. И. Воспоминания о работе на судах транспортного дивизиона военизированной базы тралового флота, перевозке воинских грузов из Мурманска на полуострова Рыбачий и Средний. 22 января 1979 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 264. Л. 1–4.

Храповицкий А. С. Фрагменты воспоминаний о буднях военно-морского госпиталя № 74. 1985 г.
ГАМО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–6.

Цветкова М. Г. Воспоминания о работе в годы Великой Отечественной войны в селе Ловозере. [1998 г.].
ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 23. Л. 3–7.

Чернявский Я. А. Воспоминания «О защите Советского Заполярья осенью и зимой 1941 г.». 24 апреля 1985 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 202. Л. 1–9.

Шапкин Н. И. Воспоминания о боях за «Чертов перевал» и высоту 314,9 в районе реки Западная Лица в июле 1941 г. [Апрель 1977 г.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 86. Л. 79–123.

Шерстобитов С. П. Воспоминания о работе оленьего транспорта в годы Великой Отечественной войны. [1974 г.].
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 134. Л. 2–20, 38–42.

Янкелевич М. Я. Статьи «Разгром гитлеровцев на Крайнем Севере», «В конце войны на Норвежской земле». 1979 г.
ГАМО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 87. Л. 50-57, 58-66.

ФРОНТОВОЙ АЛЬБОМ
Сборник документов
и воспоминаний

Составители:

С. А. Заборщикова, заместитель директора – начальник отдела научного использования и публикации архивных документов (НИиПАД) ГОКУ ГАМО (ответственный составитель);
Е. А. Волосникова, главный архивист отдела НИиПАД ГОКУ ГАМО;
С. А. Гладун, ведущий архивист отдела НИиПАД ГОКУ ГАМО;
Д. А. Ермолаев, главный археограф отдела НИиПАД ГОКУ ГАМО.

В книге использованы фотографии из фондов Государственного архива Мурманской области и Мурманского областного краеведческого музея

Подписано в печать 30.03.2015. Формат 70 х 100/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Издательство «РУСМА»
(ИП Глухов А. Б.)